ВЕЛИКОРУССКИЕ СКАЗКИ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Сборник Д. К. Зеленина

ВЕЛИКОРУССКИЕ СКАЗКИ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ

ВЕЛИКОРУССКИЕ СКАЗКИ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ

СОКРОВИЩНИЦА ОТЕЧЕСТВЕННОГО СОБИРАТЕЛЬСТВА

СОКРОВИЩНИЦА
ОТЕЧЕСТВЕННОГО
СОБИРАТЕЛЬСТВА

ВЕЛИКОРУССКИЕ СКАЗКИ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Сборник Д. К. Зеленина

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1991

84 Р 1
З 48

Составление, подготовка текста,
послесловие и комментарии
Т. Г. БЕРЕГУЛЁВОЙ-ДМИТРИЕВОЙ

Иллюстрации и оформление
О. Г. ДМИТРИЕВОЙ

З $\frac{4702010201-2333}{080(02)-91}$ 2333—91

ISBN 5—253—00239—1

© Берегулёва-Дмитриева Т. Г.
Составление. Подготовка текста.
Послесловие. Комментарии. 1991.
© Дмитриева О. Г. Иллюстрации. 1991.

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.
ТОМЪ XLI.

ВЕЛИКОРУССКІЯ СКАЗКИ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Съ приложеніемъ двѣнадцати башкирскихъ сказокъ и одной мещерякской.

Сборникъ Д. К. ЗЕЛЕНИНА.

ПЕТРОГРАДЪ.
Тип. А. В. Орлова, Вас. Остр., Сред. пр., № 6.
1914.

Отъ Сказочной Коммиссіи.

Сказочная Коммиссія, состоящая при Отдѣленіи Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, поставила себѣ цѣлью систематическое изданіе всего сказочнаго матеріала, поступившаго и продолжающаго поступать въ распоряженіе Географическаго Общества.

Въ настоящій сборникъ вошли сказки Уральско-Пермскаго края, записанныя въ 1908 году Членомъ Общества Д. К. Зелениным̀ъ. Сказочная Коммиссія выражаетъ надежду, что появленіе этого сборника побудитъ мѣстныхъ любителей „живой старины“ къ усиленному собиранію памятниковъ устнаго народнаго творчества вообще и старинныхъ народныхъ сказокъ въ особенности.

Присылка записей сказокъ въ Отдѣленіе Этнографіи теперь, когда начато указанное выше изданіе, можетъ содѣйствовать Сказочной Коммиссіи въ достиженіи поставленной ей Отдѣленіемъ задачи— привести въ извѣстность всѣ вообще русскія сказки, хранящіяся въ сокровищницѣ народной памяти.

КОЕ-ЧТО О СКАЗОЧНИКАХ И СКАЗКАХ ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО УЕЗДА ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ

I. Обилие сказочников и сказок, несмотря на культурность населения. Причины того. Природа края. Роль «Урала» в местных сказках. Башкиры и другие инородцы. Прошлое края. Пестрота в составе населения. Заносные сказки и условия их распространения. Солдатское влияние в местных сказках. Тюрьма. Бурлаки.

Пермская губерния и, в частности, более изученный мною Екатеринбургский уезд этой губернии сравнительно очень богаты сказками и сказочниками. В Екатеринбургском уезде записано теперь около ста (99) русских сказок, во всей же Пермской губернии — около двухсот русских сказок (196), не считая сказок башкирских, пермяцких и иных. Таким количеством записанных сказок могут похвалиться только весьма немногие великорусские губернии[1].

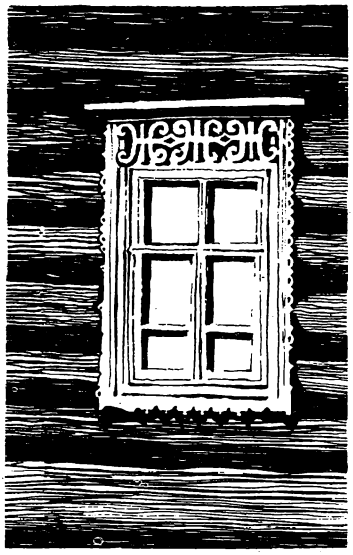
Сельское население Пермской губернии, особенно же население той местности, где я записывал сказки, не сохранило старинного уклада своей жизни в той степени, как это мы находим в Архангельской или Олонецкой губерниях. Напротив, по степени образования население Екатеринбургского уезда нисколько не уступает великорусским губерниям центрального промышленного округа — Владимирской, Ярославской и Московской, где народные сказки если и сохраняются еще теперь, так разве в самом ничтожном количестве. Очевидно, в Пермской губернии имеются какие-то особенные причины, которые способствовали лучшему бытованию здесь сказочной традиции.

Такими причинами нужно признать — во-первых, характер местной природы и, во-вторых, состав местного населения.

Екатеринбургский уезд прорезан Уральским горным хребтом с его отрогами. Селения, где я записывал сказки, расположены неподалеку от этих гор. Покосы местных жителей лежат главным образом в горных долинах; заготовка дров и строевого

[1] По подсчету С. В. Савченка (Русская народная сказка. С. 174—175), до 200 сказок записано в Архангельской губ., до 150 в Новгородской и Олонецкой, до 70 в Вологодской, от 50 до 100 в Рязанской. — Перечень русских сказок Пермской губернии, не вошедших в мой настоящий сборник, дан мною ниже. — Здесь и далее примеч. Д. К. Зеленина.

Сторожевая башня

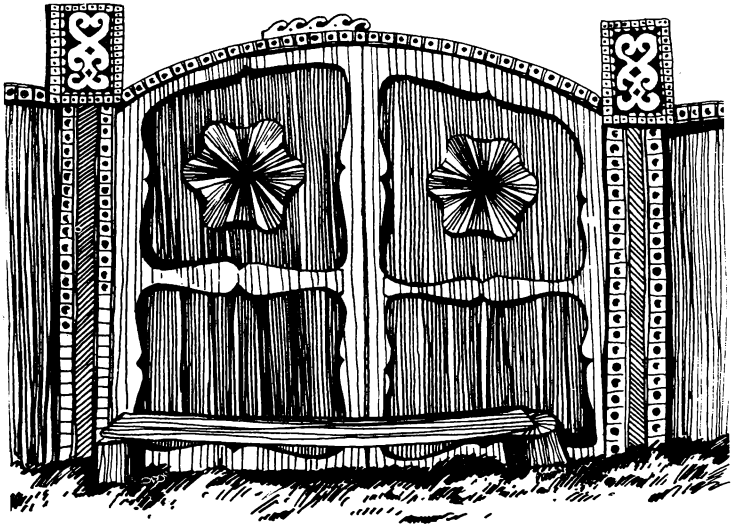


Наличники с «жучковым» орнаментом накладной резьбы

леса производится местными жителями главным образом в лесах, покрывающих горные отроги Урала; там же происходят большею частью и рудничные работы — копка и вывозка руды.

Занятая Уральским хребтом, его разветвлениями и отрогами, гористая и лесная местность в громадной своей части необитаема, как непригодная для земледельческой культуры. Она известна у местных жителей под именем «Урала», и слово это понимается здесь не в смысле определенного горного хребта, а в смысле дикого, необитаемого и малодоступного места.

Дремучие, необозримые леса в этом «Урале», часто еще и поднесь не тронутые топором дровосека, глубокие долины, каменные вершины и скалы, богатство животного царства, особенно же змей, ящериц и насекомых, жизнь коих народу совершенно неведома; наконец, обилие больших и малых озер с их камышистыми берегами и каменными необитаемыми островками — все это не могло не производить на обитающего тут человека впечатление чего-то таинственного, волшебного; все это должно было направлять воображение местного жителя в таинственный мир неведомого и чудесного, усиленно питать веру в близость этого чудесного и таинственного.



Украшения усадебных ворот

У жителей, обитающих в густонаселенной местности, среди сплошных возделанных нив, не может быть ни этой веры в близость таинственного, ни этого направления фантазии в сторону волшебного и сказочного. Так, когда на реке появляется пароходство, у прибрежного населения само собою исчезает вера в водяных и русалок: их, мол, распугали пароходные свистки; в местах, где каждый аршин жидкого леса вымерян и исхожен ногами человека, не может быть живой веры в леших.

Наоборот, близость необитаемого и дикого пространства, тянущегося вдоль и поперек на сотни верст, питает и крепит в соседнем населении веру во все таинственное и волшебное. А такая вера — прямой залог глубокого интереса к сказке, так как сказка для местного жителя служит, в сущности, ответом воображения на пытливый вопрос о том, чем же и как живет этот дикий и угрюмо-безлюдный Урал?

Недаром же местом действия большой части печатаемых ниже волшебных сказок является именно «Урал». «В У р а л е, в темных лесах» родился Иван — крестьянский сын, герой сказки о «Незнайке»; в «У р а л е» же он встретил огромный дом Чудовища-людоеда, которым был принят в дети и у которого

нашел вещего богатырского коня, виновника всех дальнейших его подвигов; «в У р а л е» происходит все действие сказки «Звериное молоко»; здесь Дар-гора с чудесною лисою и крепость трехсот разбойников с яблонями и с воротами в подземелье; «по У р а л у, диким местом, не путём, не дорогой» отправляется Иван-царевич в поиски за Еленой Прекрасной и на пути встречает дома своих зятевей — Медведя Медведевича, Ворона Вороневича и Воробья; «по дикому же месту поехал» Иван-царевич и после, когда пришло время разыскивать ему похитившего Елену Прекрасную и Кащея Бессмертного; «в У р а л е» же служит он и у Яги-Ягишны, обитающей в избушке на козьих ножках, на бараньих рожках; «в У р а л е» в дубе скрывается невеста-волшебница Ивана-царевича и выходит оттуда змеей; «по У р а л у» пошел Федор Бурмакин и встретил здесь побоище льва с шестиглавым окаянным Идолищем; «по У р а л у» в легенде ведет бедного богомольного рыбака чудесный кум-ангел, и тут они накопали целый мешок лечебных трав; и после тот же ангел ведет вновь своего кума «не путей, не дорогой — диким местом, У р а л о м», так что путник «на себе всё привал (очевидно, древесными колючками) и с тела кровь на нем льёт ручьями», а приходят они этой дорогой в пещеры, где горят жизненные свечи людей; «по У р а л у» едет и Бова-королевич, причем в первый раз встречает монаха-отшельника, который крадет у него коня, а другой раз лев напал тут на жену Бовы и умертвил Полкана; «в тридевятом государстве, в диком лесу, в У р а л е» ищет Иван-царевич свою жену, царевну-лягушку, причем обитающая тут в избушке старушка дала ему меч-самосек; «не путей, не дорогой, чащами, трущобами, У р а л о м» едет Василий-царевич и встречает тут громадные табуны Ворона Вороневича, а потом и самого Ворона В., женившегося на сестре Василия и потом убившего своих свояков. «У р а л ь н ы м и местами» идет и герой башкирской сказки, разыскивая свою жену, улетевшую от него «водяную девицу».

Было бы ошибкою видеть во всех этих случаях одну пустую сказочную формулу, утратившую уже свое определенное содержание; в других сказках того же сказочника действие происходит в подобной же обстановке, но не в «У р а л е», а у моря, и тут нет никогда никакого смешения — никогда не случается, например, так, чтобы море оказалось около Урала. Да и самая формула с упоминанием «У р а л а» могла возникнуть только в данной области, а не где-либо в ином месте[1].

«В старинные времена было это. Народ был тёмный, непросвещенный. Наши прадеды еще жили. Народонаселения з д е с ь не было, были одни леса. Потом стал селиться народ помалень-

[1] В сказке об Илье Муромце такой У р а л оказывается и близ Невы-реки, но тут можно видеть лишнее доказательство тому, что сказочник разумел под своей Невой не петроградскую Неву, а уральскую реку Нейву или другую подобную.

ку». Такими словами начал свою сказку «Звериное молоко» один из наиболее интеллигентных моих сказочников, Глухов. Тут не может быть никакого сомнения в том, что местом действия сказки представляется именно Уральский хребет и его отроги. О том же свидетельствует и столь частое упоминание в наших сказках озер, которых среди горных отрогов Екатеринбургского уезда весьма много. Напротив, рек в данной местности Екатеринбургского уезда почти совсем нет (исключение — небольшая река Теча), и в сказках реки упоминаются весьма редко, да и то все безыменные реки, исключая упомянутую выше реку Неву (Нейву?), встретившуюся в сказке об Илье Муромце.

Упоминание в сказках б а ш к и р, или «татар», как чаще называют своих соседей — башкир русские жители Екатеринбургского уезда, — новое отражение данной местности в сказках. Но башкиры и татары встречаются только в сказках бытовых, что так естественно и понятно. Не исключена, правда, возможность, что в волшебных сказках башкиры (и особенно киргизы?) разумеются под образами «Сам с ноготь-борода с локоть» или «Ворон Вороневич» и «Харк Харкович-Солон Солоныч»: обилие у этих чудовищ скота несколько сближает тех и других; но это только мое предположение, точно так же, как и мысль о представлении в образах Бабы-Яги и царевны-лягушки соседних финно-угров — остяков и вогулов. Один и тот же сказочный образ в разные эпохи народной жизни понимался, конечно, различно; мы не касаемся здесь вопроса о п е р в о н а ч а л ь н о м возникновении и понимании образов (быть может, и мифологических) Бабы-Яги и других подобных; но что с о в р е м е н н ы е пермские сказочники из народа склонны отожествлять Бабу-Ягу и царевну-лягушку с соседними остяками или вогулами, а Самого с ноготь-борода с локоть или Харка Харковича с соседними же киргизами и башкирами, — то некоторые намеки на такое понимание я получил от самих же сказочников.

Если настоящее Урала таинственно и волшебно, то п р о ш л о е его еще таинственнее и чудеснее. Русское население появилось здесь не так давно, сначала в небольшом числе, и пустынный, дикий характер безлюдного Урала был выражен тогда много сильнее. Среди первых русских обитателей Урала здесь жили богатейшие заводовладельцы, жили в своих роскошных замках, окруженные всеми удобствами, изобретениями и редкостями тогдашней культуры.

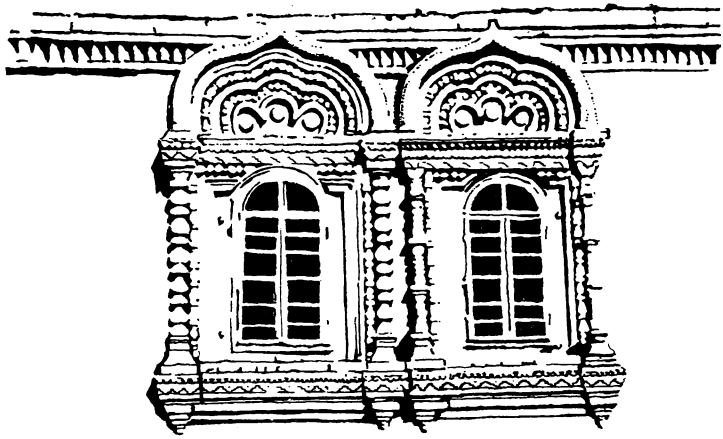
Вдали от столицы, среди бесправного крестьянства (крепостного и горнозаводского посессионного), среди подкупных мелких властей, жизнь этих прежних «королей Урала» была очень своеобразною и диковинною. В «уральских» и других рассказах местного уроженца, известного писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка, мы находим предания о действительных событиях, которые

Дом соликамского воеводы

нам кажутся теперь сказочными. Народная же молва, конечно, преувеличивала и приукрашивала роскошь местных богачей, так что действительность тут сливалась со сказкой. Отражение преданий об этой роскоши можно видеть и в наших сказках; например, в шестой комнате у старика «наловлено всякого сословия разных птиц, поют разными голосами»[1], т.е. нечто вроде зверинца; «в первой комнате море враз (сразу) образовалось и корабли. Во второй комнате сад: утки, лебеди, фонтаны, яблони. В третьей комнате сражаются, война идет, стрельба из пушек. В четвертой — хрустальный дворец, музыка. В пятой — горы, и не видать, где у них вершина» и т. д.

Сельское население Екатеринбургского уезда отличается весьма пестрым разнообразием своего состава. Пермский Урал заселен русскими в позднее, сравнительно, время, и в заселении его участвовали выходцы из самых различных краев. Тульские и иные кузнецы были вызваны сюда на железные заводы; крепостные разных губерний переведены сюда помещиками на новые земли и также для работы на заводах; они

[1] Кстати заметить, что через служащих, свиту и дворню заводовладельцев Урала к местному крестьянскому населению могли легко проникнуть некоторые книжные сказочные сюжеты. Между прочим в Шадринском уезде Пермской губернии в 1860 году была записана А. Н. Зыряновым местная сказка с сюжетом, заимствованным из «Сатирикона» Петрония (Пермский сборник II, 1860. Отд. 2, № 3. С. 165: «Жена забыла мужа», ср. о том статью Н. М. Благовещенского в «Русском Слове» 1861 г., № 9. С. 132—150: Пермские сказочники и Петроний).



Наличники дома воеводы

же и бежали сюда от тягот крепостного права; староверы притекали сюда, избегая религиозных преследований; преступники — от суда и наказаний; многие застряли здесь на пути в богатую Сибирь[1]; отхожие промышленники шли сюда на работу и иногда оседали здесь[2]. Южновеликоруссы здесь перемешались с северновеликоруссами, отчего и произошла сильная пестрота местных говоров: акальщики настойчиво перемешаны с окальщиками[3]. В Верхнем Кыштымском заводе, где я записывал сказки, одна улица слывет «Симбирка», вторая — «Межигородка»: обитатели первой населились из Симбирской губернии, второй — из Нижегородской; жители третьей улицы того же завода, «Медведёвки», принадлежали некогда помещику Медведеву. Крестьяне села Метлина (местожительство моего сказочника Савруллина) переселены сюда помещиком из Саратовской губернии. Предки моего сказочника Шешнева, как и всех коренных жителей Нижне-Сергинского завода, жили некогда, вероят-

---

[1] Кыштымско-Каслинский округ, где я записывал сказки, равно как и Шадринский уезд, где так много собрал сказок А. Н. Зырянов, расположены к востоку от Уральского хребта, т. е. собственно уже в Сибири.

[2] Так случилось, между прочим, и с сказочником Медведевым, портным из Костромской губернии, поселившимся потом в с. Куяшах.

[3] См. Зеленин Д. К., Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных. С. 519—522; тут есть данные и о заселении края. Ср. также мой отчет о поездке за сказками в «Отчете Отделения русского языка и словесности И. Академии Наук» за 1908 год.

но, в Тульской губернии, откуда и принесли свой акающий говор.

Все эти переселенцы весьма легко могли занести сюда и сказки из самых разных местностей России. А непрекращающийся доселе прилив на Урал рабочего и ремесленного люда способствует пополнению и обновлению местного сказочного запаса.

Население Кыштымско-Каслинского округа живет, кроме того, в довольно тесном общении с соседними б а ш к и р а м и, среди которых знание русского языка распространено теперь очень широко: башкиры работают вместе с русскими в рудниках, на заводах, в артелях рыбаков, служат работниками, кучерами, пастухами и т. п.; русские сеют хлеб на башкирских землях и охотно принимают к себе на постой башкир, приезжающих в заводы на базары и ярмарки. В старину же были, конечно, как с той, так и с другой стороны пленники[1]. А среди созерцательных и ленивых башкир сказки и теперь пользуются большею любовью и распространением, нежели даже у русского населения Пермского края[2].

Если отмеченные мною выше следы м е с т н о г о влияния в записанных мною сказках резко бросаются в глаза, то и следы чуждых, з а н о с н ы х влияний в них не менее сильны. Мой главный сказочник, Ломтев, сообщил мне, что многие из его сказок выслушаны им «от дальних рассейских», хотя сам Ломтев из пределов Пермской губернии никуда не выходил ни на шаг. В первой же, излюбленной сказке Ломтева мы встречаем дважды совершенно чуждое Пермскому краю выражение п о д т а ш к и, которое и сам сказочник тут же считает нужным пояснить: «под пазухи, по-нашему». Выражение это заимствовано от уроженца или Воронежской, или какой-либо другой губернии юга России. Герой той же самой сказки Ломтева топит печь соломою, чего на Урале никогда не бывает; и отсюда явствует, что данная сказка заимствована от жителя какой-то дальней губернии. В бытовых сказках других сказочников встречаем черемис, которые в данной местности не живут, корчму, продажу дубника, который в Екатеринбургском уезде не растет, и т. п. Все это случаи, так сказать, механического заимствованья, совсем не то,

[1] Точнее: просто захваченные, похищенные не на войне, а во время разбойных нападений. Похищенная Иваном-царевичем молодица-лебедка в сказке носит все признаки кочевнического происхождения. Пленные же, бесспорно, были в старину одним из важнейших факторов переноса сказок от одного народа к другому — фактор, пока исследователями сказок не оцененный.

[2] В башкирских деревнях я в каждой находил лиц, знающих сказки; напротив, в русских селениях сказочники находились далеко не в каждом.

что упоминание в местных сказках львов, морей и других чуждых данной местности предметов, прочно сросшихся со сказочною традицией.

Об о б с т а н о в к е, при которой местными сказочниками выслушиваются и усваиваются заносные сказки, согласно свидетельствуют сами сказочники. В рудниках, на рыбных ловлях неводом[1] и в лесосеках работают многолюдные артели рабочих как местных, так и пришлых; зимою им приходится спать в общих зимницах-избушках. Работа зимою кончается рано, с наступлением темноты; долгие зимние вечера и коротаются рабочими за сказками: в большой артели почти всегда найдутся люди, знающие несколько сказок, а прочие слушают и запоминают.

Р е м е с л е н н и к и, в частности, «пимокаты» (катанщики валяной обуви[2]) и портные[3], ходят зимою же по домам своих заказчиков, где и ночуют. Сказки рассказывают они или за работой, или же, чаще, опять-таки в долгие зимние вечера, на сон грядущий. Слушатели — ученики ремесленника, хозяева с домочадцами, а часто и соседи. Ремесленника, который хорошо рассказывает сказки, многие заказчики предпочитают: веселее; вот почему многие пимокаты и портные намеренно стараются запомнить возможно больше сказок, хотя чаще это достигается ими в детстве, когда мальчик ходит с ремесленником в качестве ученика. К этой же категории сказочников нужно причислить и пастухов, которые иногда также ночуют поочередно у всех домохозяев селения; но лето, с его короткими ночами, гораздо меньше благоприятствует сказкам, чем зима.

Портные и пимокаты на Урале большею частью пришлые (главным образом из Вятской и Костромской губерний): они, таким образом, не только переносят местные сказки из одного округа в другой, но также и заносят на Урал чужие сказки.

В старину сказки рассказывались также и в собраниях гостей, на пирушках, в частности — на с в а д ь б а х. Теперь этот обычай на Урале уже вывелся, но старые авторы его еще знают. Священник Тихон Успенский из Шадринского уезда в 1859 году писал про свою местность: «Немало удовольствия доставляет собравшейся семье крестьян старик сказочник»[4]. О том, что сказки рассказывались также и на свадебных пирушках, явствует из напечатанной ниже сказки, записанной в Екатеринбургском уезде в 1863 году: странников не пустили было ночевать во дворце

[1] Башкирам одной только Карабольской волости принадлежит сорок местных озер, среди коих много весьма рыбных. Озера эти сдаются в аренду местным русским купцам. Зимою производится в них ловля рыбы неводами, для чего нанимаются многолюдные артели рабочих.

[2] Этим промыслом занимался и мой главный сказочник, Ломтев.

[3] Среди известных мне сказочников, Медведев — портной.

[4] Пермский сборник I. Отд. 4, смесь. С. 36.

Крестьянка в праздничном наряде

Крестьянка в свадебном уборе

у царя, где праздновалась свадьба и было очень много народу; тогда странник заявляет: «Скажите хозяину, что я умею сказки сказывать: может, честная компания и послушает моих сказок»; тогда странников пустили, и один из них, действительно, стал рассказывать сказки[1].

Наконец, распространению и переносу (а также отчасти и переделке) сказок много способствует солдатчина и... тюрьмы, что имеет уже не только местное, уральское, но и общерусское значение. В солдатских казармах и в тюрьмах собираются уроженцы и жители разных краев России и, как видно, часто рассказывают друг другу сказки: многие из наших сказок не только выслушаны от солдат, но даже и созданы (или, по крайней мере, переделаны) солдатами. Хотя я и старался избегать сказочников-солдат, так как в их устах сказка легко может быть совсем не местною, но солдат обыкновенно почти всюду называют, на расспросы заезжего человека о сказочниках, в первую голову,— и я их, разумеется, не мог обойти. Савруллин, Черных, Лёзин и Цыплятников — эти четверо из моих сказочников — солдаты. Черных, впрочем, все свои сказки выслушал на своей родине, а не в военной службе, так что для его сказок солдатство значения не имеет. Савруллин также вы-

[1] Один из моих вятских сказочников, г. Краев — профессионал по сказыванью сказок на свадьбах (см. Зеленин Д. К. Вятские сказки. Спб., 1915. С. 82.).

слушал часть своих сказок от старухи Панихи в с. Метлине, но большая часть его сказок вынесена им с военной службы, из Туркестана. Из напечатанных мною сказок Савруллина в трех сказках героями являются солдаты: «Солдат учит чертей», «Колдун и солдат», «Новая изба и черемисин», а из ненапечатанных рассказов Савруллина содержание трех свидетельствует об их солдатском происхождении: «Про солдата», «Фома Данилов» и «Марья пленная в Хиве». У Лёзина обе сказки, «Морока» и «Бесстрашный солдат», имеют своими героями солдат. Записанная мною сказка Цыплятникова «Смех и горе» не оставляет никакого сомнения в том, что она даже и создана в солдатских казармах.

Кроме названных мною выше четырех моих сказочников-солдат, мне известны и еще два сказочника-солдата; это — Стерхов, от коего я записал чисто солдатскую сказку «Петр Великий и три солдата», и башкир Каримов, выслушавший свои русские сказки в военной службе. Из четырех известных мне сказок этого последнего две — чисто солдатские: «Бесстрашный солдат» и «Солдат спасает царскую дочь от змея» и две ничего специфически солдатского в себе не заключают.

Еще характернее, что ряд сказок, рассказанных мне сказочниками не-солдатами, носит все-таки специфически солдатский характер: очевидно, эти сказки выслушаны были от солдат. У Ломтева три таких сказки: «Иван — солдатский сын», «Васенька Варегин» и «Солдат и Смерть». Не касаясь этой последней легенды, с которой солдатство героя срослось, так сказать, органически, замечу лишь, что первые две сказки носят весьма яркие признаки своего происхождения из солдатской казармы: там и здесь герой-солдат сильно идеализирован, а во второй сказке («Васенька Варегин») столь много чисто военных подробностей, что мой прекрасный сказочник Ломтев даже в них запутался.

У сказочника Киселева, также не служившего в солдатах, одна сказка, «Морока» — известная солдатская: герой ее — матрос. Сказочники-башкиры, сказки коих помещены в настоящем сборнике, — все не солдаты; но одна из их сказок, «Рога», имеет все признаки солдатской переделки и, видимо, выслушана башкиром от русского солдата.

«Матросова сына», Илюшку-пьянюшку, мы видим героем записанной Зыряновым в 1850-х годах сказки о князе Киевском Владимире, сказки, сильно проникнутой былинным духом. Довольно важную роль солдат играет и в сказке «Муж да жена».

В качестве же второстепенных действующих лиц солдаты в моих сказках сравнительно очень редки, и роль их весьма скромная.

Таким образом, солдатское влияние в печатаемых мною ниже сказках нужно назвать сравнительно скромным, что

лишний раз подтверждает богатство сказочной традиции в Пермском крае: в Вятской губернии, бедной сказками, солдатское влияние много сильнее. Из 112 главных действующих лиц в напечатанных ниже полностью Пермских сказках (исключены герои животные и чудовища) солдат (матросов) и солдатских детей только 14, тогда как крестьян (если присоединить к ним лиц неопределенного сословия, названных в сказке: охотник, работник, слуга, лакей, кузнец, старик) 64, купцов и купеческих сыновей — 14, царевичей и государей — 14, духовных — 3, бар — 2, и чиновник (стрехулет) — один.

Что же касается т ю р ь м ы, то одна из печатаемых ниже сказок, по-видимому, ведет свое начало именно оттуда. Разумею сказку новейшего пошиба, героем коей является беглый образованный каторжник «купеческий сын Володька», достигший потом королевского престола. Эта именно идеализация героя-каторжника и заставляет меня предполагать тюремное происхождение данной сказки.— Ломтев как-то мне проговорился, что ему довелось сидеть в тюрьме и там слушать сказки; я счел неудобным расспрашивать его подробнее об этом щекотливом предмете, но догадываюсь, что эта была именно данная сказка.— Кроме того, и в сказке о невесте-волшебнице каторжник играет хотя и второстепенную, но весьма почетную роль — роль изобретательного советника, получающего за свои советы весьма крупные суммы денег; и роль эта настолько крепко срослась с каторжником, что его мы видим одинаково в обоих, записанных мною от разных лиц, вариантах данной сказки. Это — Васька Большеголовый в подтюремке или же Васька Широкий Лоб в остроге[1].

Совсем отсутствует в моих Пермских сказках герой б у р л а к, с которым мы не раз встречаемся, например, в сказках Вятской губернии. Да и в Пермских сказках бурлаки,— в свое время сделавшие, по моему мнению, весьма многое для распространения, а частью и для переработки многих сказок,— встречаются, только не в Екатеринбургском уезде, в котором бурлачества совсем нет и не было. В сказке «Загадки», записанной Д. М. П е т у х о в ы м в Пермском уезде, главным действующим лицом является именно бурлак (А ф а н а с ь е в, Сказки, примеч. к № 185). В стихотворной сказке В о л е г о в а, из Соликамского уезда, на тему «муж да жена» роль «служивого» ниже печатаемой у меня сказки из того же уезда играет бурлак (Архив Географ. Общ. XXIX, 68).

Все эти мои суждения, делающие на основании с о с л о в н о г о п о л о ж е н и я г е р о я сказки некоторые выводы о происхождении сказки (точнее говоря: о переделке сказки в тот

[1] Аналогичную роль почетного советчика в другой сказке играет «шелудивая пьяница», именем коего сказочник даже и озаглавил свою сказку.

именно вид ее, в коем сказка записана мною), основаны на том общем правиле, что сословное положение героя легко меняется по произволу сказочников.

II. Сказочницы. Ломтев, как тип сказочника, и его отношение к сказке. Сказки Ломтева старые и новые; герои их; вопрос об авторстве одной сказки. Тип сказочника Савруллина. Тип Глухова; попурри из сказок. Тип Шешнева: окаменение сказки.

Русские сказки в Екатеринбургском уезде я записывал от пятнадцати лиц. Это были все мужчины. Случилось так не потому, чтобы в Пермской губернии не было ж е н щ и н - с к а з о ч н и ц. Напротив, мне известны имена двух выдающихся местных сказочниц: «Панихи» из Метлина и NN (имя я теперь забыл) из Серебрянского завода. Но обе эти сказочницы скончались задолго до моей поездки в Пермскую губернию за сказками; а с другими местными сказочницами, при всем моем к тому старании, мне не удалось познакомиться. Приезжему человеку нелегко записывать сказки и от мужчин: немало нужно времени и требуются особые благоприятные условия, чтобы рассеять всякие сомнения и вызвать полное доверие рассказчика. Женщины же относятся, конечно, еще с большим недоверием[1] к заезжему человеку; да и женщины-сказочницы реже получают известность в околотке, без чего постороннему человеку трудно узнать об их познаниях в данном деле. — Сказать и то, что сказочниц в Екатеринбургском уезде несравненно менее, нежели сказочников; маленьким детям теперь здесь сказки о животных не рассказываются, а читаются по книжке — читают отцы, матери, а еще чаще братья и сестры.

Из пятнадцати человек, от коих я записывал сказки, мне сравнительно лучше знакомы трое — Ломтев, Савруллин и Глухов. Ближе познакомиться с прочими мне не довелось, так как всякого рода лишние расспросы могли только вызвать с их стороны недоверие[2]. При всем том для меня с достаточною определенностью выяснились ч е т ы р е г л а в н ы х типа среди современных пермских сказочников. На этих типах, особенно же на отношении их к сказкам, я и позволю себе остановиться здесь поподробнее.

---

[1] Точнее, может быть, было бы сказать: стыдливостью, застенчивостью, которая не позволяет сказать лишнего слова с незнакомым мужчиной.

[2] В 1908 году, когда я записывал сказки, в Пермской губернии была еще очень свежа память о событиях 1905 года, когда под влиянием прибывших откуда-то агитаторов заводские рабочие позволили себе некоторые вольности, за что вскоре жестоко поплатились. На этой почве произошел у меня комический случай с моим ямщиком, сказочником Цыплятниковым.

Плотник

Охотник

Тип, представителем коего является мой главный сказочник, А. Д. Ломтев, теперь, по-видимому, уже очень редок. Ломтев относится к сказкам весьма серьезно. Мелкие рассказы и бытовые анекдоты (в жанре Савруллина) он никогда не назовет сказками, а пренебрежительно — «побасёнками». Не любит он также сказок, в коих «много брязгу» (неприличного), и «Микулу-шута» рассказывал мне лишь под веселую руку, да и то с извинениями: эта-де сказка — «только мужикам ржать» (хохотать). Легенду о чудесном куме-ангеле и о враче он также не причисляет к собственно сказкам и назвал ее мне «побывальщинкой», т. е. былью. Настоящими сказками Ломтев считает только те, в которых подробно рассказывается о чудесных подвигах богатырей. Знанием таких именно сказок Ломтев гордится. Если в сказке нет настоящих богатырей, то должны быть, по крайней мере, цари, короли, генералы и вообще высокие лица: иначе сказка будет «мужицкою».

Обладая даром изобразительности, Ломтев рисует содержание сказки с большими подробностями бытового характера, привнося в эти подробности, по-видимому, немало отсебятины. Именам действующих лиц большого значения не придает; «Иван» и «Марфа» являются в его сказках как бы нарицательными именами; любит также знакомые ему купеческие фамилии: Рязанцев, Милютин, Варегин. Ломтев не постеснялся перенести имя героя известной лубочной сказки «Францель» на героя своей сказки «Рога». Но изменить основу, остов сказки Ломтев считает

Крестьянская изба. Кухня

своего рода преступлением[1] и всегда весьма точно придерживается того самого хода событий, с каким он когда-то усвоил данную сказку. В каждой своей сказке Ломтев видит стройное целое и дорожит этой цельностью сказки, т. е. свято хранит традицию, меняя и дополняя лишь мелкие бытовые детали.

Не путая и не комкая в одну кучу разных сказочных сюжетов, не впадая ни в скоморошество (балагурство), ни в противоположную крайность скучного прозаика,— Ломтев является, по моему мнению, представителем того, к сожалению отживающего теперь свой век, типа сказочников, благодаря коим до сих пор сохраняются в народе традиционные сказки в более или менее чистом виде.

Из 27 напечатанных мною ниже сказок Ломтева две — легенды (№№ 15 и 25), в шести сказках преобладают бытовые черты над волшебными (№№ 8, 11, 14, 17, 21, 26)[2], а в 19 прочих сказках преобладают волшебные черты над бытовыми. Эти последние могут быть подразделены на два разряда: в одних сказках герой от природы наделен богатырскою силою, при помощи коей он и совершает свои подвиги (№№ 2, 7, 9, 16, 18, 22 и 27), в других сказках герой — обыкновенный слабый смертный, и свои подвиги он совершает с помощью разных вол-

[1] Единственное исключение — замена в сказке о царевне-лягушке героини лягушки старушкой. Сделанная, очевидно, в целях реализма, замена эта, однако же, нисколько не изменила общего хода и содержания сказки: все осталось на своем месте.

[2] См. соотносительный указатель номеров сказок.— Примеч. ред.

шебных предметов, с помощью сверхъестественных лиц или даже — хитростью (№№ 1, 3, 4, 5, 6, 10, 12, 13, 19, 20, 23, 24; хитрость в № 13 и 20).

Сказка «Ювашка-белая рубашка» (№ 9) носит чисто м и ф о л о г и ч е с к у ю окраску: у царя нет небесных светил — солнца, луны и звезд; их достает ему богатырь слуга Ювашка, причем светила оказываются в карманах у двенадцатиголового змея, убитого героем. Весьма близкая к этой сказка записана в 1890 году в Тамбовской губернии, где только герой носит другое имя: Иван Запрутский. Мотив о похищении небесных светил нечистою силою известен в фольклоре весьма многих народов земного шара, в том числе и русского народа. При всем том мы склонны думать, что данная сказка в сущности своей совсем не мифологическая; думаю, что светила небесные могли явиться тут на месте прежних личных имен вроде «Луна», «Звезда», «Полуночка». Одно из главных оснований к тому — отсутствие данного мотива в старых записях русских сказок. Предоставляя другим разрешение сложного вопроса о первоначальном смысле этой сказки, замечу однако, что и в другой сказке Ломтева не только дочь Бабы-Яги, но и пьяница превращается в звезду и летит на небо за звездой — дочерью Яги (ср. с этим звездочета в № 77-м сказок Афанасьева: Иван Быкович).

Из в о л ш е б н ы х п р е д м е т о в в сказках Ломтева чаще всего встречается кольцо: при перебрасываньи его с руки на руку являются слуги (№№ 12, 22 и 24), старушка делается молодою (№ 19), а от наложения перстня вместе с перчаткой разорвало чудовища (№ 2); затем следуют ягоды, от съедения коих делаешься то рогатым, то стариком, то красавцем (№№ 3, 18, 23); живая вода (№№ 4, 7, 27), ковер-самолет (№№ 3, 4). Роль скатерти-самобранки играют бутылки — одногорлая, двугорлая и трегорлая (№ 6). От наложения перчатки разорвало чудовища (№ 2), золотою кистью герой оборачивает людей в жеребцов и кобыл (№ 3), из кремня и плашки выходят слуги (№ 4), сабля и ремень, данные небесным старцем, сообщают герою богатырскую силу (№ 5), из дудочки и трости выходят солдаты (№№ 5 и 23), три цветочка оживляют умершего неестественною смертью (№ 14), клубочек показывает дорогу (№ 19), меч-самосек (№ 19), кошелек-самотряс и кафтанчик-невидимка (№ 23).

Бои богатырей между собою, а также с Идолищами и другими Чудовищами, равно как превращения героев в разных животных и птиц — весьма часты в сказках Ломтева. Мотив «б л а г о д а р н о г о ж и в о т н о г о» не принадлежит к числу любимых; Могут-птица, лев и вещий конь помогают герою за оказанную им услугу, зять Воробей — по родству (№ 6), конь Пётра-королевича (№ 10), равно как и козел, лошадь и корова Ивана купеческого сына (№ 4) — вследствие простого дарения.

Г е р о и с к а з о к Ломтева принадлежат главнейше к трем сословиям: царскому, купеческому и крестьянскому; царевичей (и королевичей) семеро, купеческих сыновей шесть. Напротив,

Домашняя утварь

Дуга

героев-солдат только трое, и те лишь в бытовых сказках и в легенде. Героев из среды духовенства совсем нет, и только весьма второстепенную роль играет священник в легенде «Солдат и Смерть» (причем получает нотацию за любостяжание), да еще в бытовой сказке «Микула-шут» поп оказывается одураченным вследствие своей любви к шуткам. Сказок о ворах нет совсем.

Четыре б ы т о в ы х сказки Ломтева носят все признаки н о в е й ш е г о п р о и с х о ж д е н и я, причем варианты их мне нигде не встретились. Из этих сказок создание или, по крайней мере, переделку двух (№№ 11 и 14) нужно приписать солдатской фантазии и одну (№ 17) — фантазии какого-нибудь интеллигентного каторжника. Основной сюжет этих новых сказок сходен с обычным содержанием старинных сказок Ломтева: скромный герой, при его видимом ничтожестве, достигает, в результате различных приключений, королевского престола или чего-нибудь в этом роде. В сказке о Варегине (№ 14) этот мотив осложнен еще новым — местью героя своей первой жене-изменнице.

Сказка нового пошиба «Рязанцев с Милютиным» (№ 8) имеет сходный мотив: подвиги (в новом стиле) жениха, кончающиеся женитьбой его на первоначально намеченной невесте. Главные действующие лица здесь из купеческого сословия, и герой женится, в сущности, на ровне, на близкой подруге своего детства, но женитьбой он опускался «на дно», и это обстоятельство делает их брак неравным. Оригинальна в этой сказке пестрота ее элементов: тут и сказочная тема «Сосватанные дети», и нечто вроде былинного Садко, и чудесные слуги из карты пикового валета, и даже чин чуть ли не гоголевского «городничина». Все это в сильной степени сдобрено бытовыми подробностями из новейшего культурного быта. При всем том я никак не

могу признать эту сказку созданием (или хотя бы переделкою) интеллигентного, книжного человека: в основе сказки лежит чисто народное (совершенно чуждое интеллигентам) воззрение на нечистую силу, которая, раз оказав человеку услугу, требует от этого человека работы, поручений, а не получая новой работы — мучит и морит своего повелителя. На этой основе довольно удачно сведено в одно стройное целое все пестрое разнообразие своеобразных элементов и подробностей рассматриваемой сказки: отец героя погибает от своих подчиненных, нечистых духов, услугами коих он не захотел пользоваться; а сын, опустившись было «на дно», с помощью тех же самых духов быстро достигает высокого чина и своеобразно женится на сосватанной ему отцом еще до рождения невесте, предварительно грубо и некрасиво отомстив этой последней.

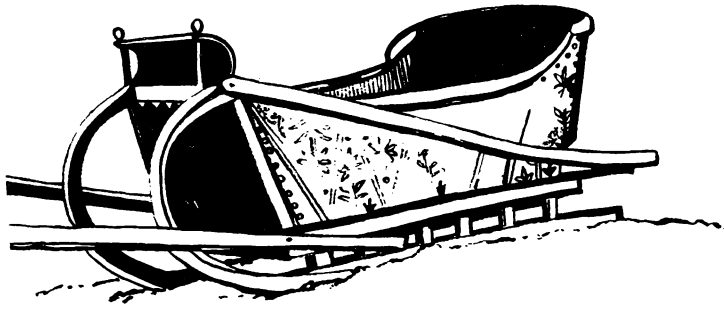
В авторстве этой своеобразной сказки я склонен заподозрить самого Ломтева, который легко мог соединить в одно целое разнородные элементы, позаимствованные им с разных сторон. И это тем более, что купеческий быт, из коего взята данная сказка,— любимый Ломтевым и более ему знакомый[1]. Однако сам Ломтев не дает мне решительно никаких оснований к тому. Ломтев вообще отрицает свое участие не только в создании новых сказок или отдельных сказочных эпизодов, но даже и в простой переделке их. По словам Ломтева, все решительно сказки выслушаны им от других лиц. Часто он мне говорил также, что та или иная его сказка «из книжки», и в этом уверении я не мог не видеть желания Ломтева похвалить данную сказку[2]. Ломтев уверял меня, что теперь нет ни одной хорошей сказки, которой бы не было в книжках.

В этих отзывах Ломтева сказалось прежде всего преклонение безграмотного человека перед книгой и перед грамотностью. Ломтев рассказывал мне про себя, что иной раз он возьмет в руки книгу своей дочери или внука и начнет сказывать свою сказку, как бы читая ее по книге: другие думают, что слушают чтение грамотея, а у Ломтева и книга взята вверх ногами. Такие случаи весьма тешили нашего старца, которому, видимо, очень хотелось быть грамотным. Кроме того, полуграмотный сват Ломтева, также сказочник, Медведев, держится того же мнения: все теперешние сказки «из книжки». А это мнение бывалого и грамотного человека не могло не импонировать безграмотному домоседу Ломтеву.

Другой тип сказочников, представителем коего может быть Савруллин, являет собою полную противоположность

[1] Недаром же даже Илья Муромец в сказке Ломтева служит одно время приказчиком у купца!

[2] Ср. с этим отмеченное Н. Е. Ончуковым желание сказочников, чтобы их сказка походила на книжную (Северные сказки. Спб., 1908. С. XV).



Сани «кошевка»

Ломтеву. Это собственно не сказочник, а балагур, шутник, весельчак. Взгляд его на сказки очень несерьезный, если не сказать более — легкомысленный. Любимый жанр Савруллина — короткие бытовые рассказы-анекдоты, особенно о ворах, плутах и обманщиках. Изложение он считает важнее содержания. Но в изложении он обнаруживает крайнее пристрастие к рифме, к дешевому остроумию, чем окончательно портит свои сказки. Тон и стиль раешника, рифма, частые отклонения в сторону, нередко заключающие в себе сатирическое сравнение действующих лиц сказки со слушателями и их соседями, и т. п. — вот частые черты балагурства Савруллина. Вполне серьезной, торжественной (как у Ломтева) сказки Савруллин совсем не понимает: он ищет в сказке только веселья, шутки, юмора.

Отношение Савруллина к сказочному преданию весьма резко проявилось в переделке им сказки о царевне-лягушке (№ 28). Вместо обычного царевича героем сказки оказался полудурачок Ипат, который поехал свататъ невесту в лодке по болоту, так как отец не дал ему лошади. Конкурс хозяйственных работ трех снох заменен местным свадебным обычаем печенья новобрачною пирогов на второй день свадьбы. Конец смехотворный: лягушка-невеста вывалилась из худого кузова саней. В погоне за рифмой, в начале сказки приплетены ни к селу ни к городу «триста лопат», «пристав» и многое другое в этом роде.

Чисто волшебную сказку Савруллин попытался превратить в чисто бытовую: вклеил в сказку описание местных свадебных обрядов и много других бытовых подробностей; героя превратил в идиота — конечно, в погоне за видимою правдоподобностью. В результате — сказка совершенно искажена и сделалась почти неузнаваемою.

Сказки Савруллина вообще плохи. Но сказочники вроде Савруллина для нашего времени типичнее, нежели Ломтевы.

И между прочим для того, чтобы читатель не получил ложное(слишком выгодное) впечатление о современном состоянии сказки в народе, я ниже печатаю целую половину всего того, что записал от Савруллина.

В бытовых сказках Савруллин оказывается несколько более на своем месте. Некоторые из его бытовых рассказов — недурные этнографические картинки (№№ 39, 37). Рассказ «Иван Купцов» (№ 39) верно отражает чисто местную, уральскую, жизнь, и едва ли не создан самим Савруллиным (быть может, списан с действительных событий?). Будучи сочинителем, Савруллин однако же предпочитает готовые сказки своим измышлениям. Бытовой рассказ «Новая изба и черемисин» (№ 35) не мог быть им выдуман, так как сам Савруллин среди черемис никогда не жил; рассказ этот создан, вероятно, солдатом-уроженцем Казанской, Уфимской или Вятской губернии, где живут черемисы. Быт черемис отразился в этой сказке, по-видимому, верно.

Герои напечатанных мною сказок Савруллина довольно однообразны: шесть сказок (№№ 30—32, 37—39) посвящены похождениям воров и три (№№ 33, 34, 35) — солдат. Герой сказки № 36 — обманщик. Одна сказка (№ 29) — легенда и одна (№ 28) — переделка волшебной сказки. — Можно думать, что две последние сказки выслушаны Савруллиным от старухи «Панихи» из Метлина, а прочие — принесены им с военной службы.

Представителем третьего типа известных мне сказочников является М. О. Глухов. Цель его сказок — тоже занимательность, как и у балагуров вроде Савруллина. Но эта занимательность достигается им не балагурством, не рифмами и раешничеством, а иначе: рассказчик подбирает разные, более занимательные сюжеты и анекдоты из многих бытовых сказок и нанизывает их в одну длинную цепь, так что получается как бы бесконечная хроника о похождениях героя, коего рассказчик иногда отожествляет с самим собою (ср. № 49).

Образец такого попурри из разных сказок можно видеть в сказке Глухова «Вор Ванька» (№ 50), которая представляет собою механическое, в порядке последовательности во времени, сцепление четырех разных сюжетов: 1) ловкий вор, 2) знахарь, 3) мудрые ответы или беспечальный монастырь и 4) небылица. В другой сказке о воре, рассказанной мне Шешневым-сыном (№ 47), соединены в одно место, также в хронологическом порядке, два разных сюжета: 1) вор и 2) поп и работник.

Башкирский сказочник солдат Каримов, рассказывавший мне русские сказки на ломаном русском языке, принадлежит к этому же самому типу сказочников: также склонен выдергивать из разных сказок сюжетцы поинтереснее и нанизывать их в одну длинную цепь. Его сказка о солдате петровском представ-

ляет собою сцепление трех разных сказочных сюжетов: 1) бесстрашный солдат, пугающий разбойников мнимым своим людоедством, 2) солдат пускает упыря в могилу под условием открытия средства для излечения заколдованной тем новобрачной четы и пользуется этим средством для своего обогащения и 3) солдат выживает из дома чертей (+ еще спасает царевну).

Для Каримова,— который, впрочем, находился в особых условиях, рассказывая мне сказки на чужом языке,— характерна еще страсть к трудным и, так сказать, ученым словечкам, вроде: библиотека, иеромонах, депеша, полигончик, нерпы, рапорт и т. п. Ближайшею целью Каримова при этом было — блеснуть редким знанием русского языка (блеснуть передо мною и перед другими слушателями). Но, по-видимому, эта погоня за дешевым эффектом характерна для данного сказочника и вообще. Не знаю только, как он рассказывает свои сказки по-башкирски.

Еще о Каримове замечу здесь, что он, по его словам, знает и рассказывает также сказку «Монтекрист», т. е. тут мы сталкиваемся с тем же самым явлением, с которым я встретился в 1902-м году в Яранском уезде Вятской губернии (Живая Старина. 1903, № 3. С. 404).

Есть и еще один тип сказочников, представителем коего является Шешнев-отец. Это — сказочники без воображения и без дара слова, с одною памятью; «своих слов» у них нет. Они хранят выслушанную сказку, как нечто окаменелое, мертвое, ничего к ней не прибавляя. Было бы хорошо, если бы они также ничего и не убавляли. Но память часто изменяет сказочнику. Сказка — это не то, что песня, где забытый стих вам сейчас же напомнят другие песенники или слушатели. Знатоки сказок редки, да и каждый из них знает лишь свои сказки. Сказочник вроде Шешнева, забыв одно место в сказке, теряет всю сказку, так как он не может заменить забытое чем-либо своим, что легко сделал бы на его месте Ломтев или даже Савруллин.

Шешнев, в полную противоположность описанным нами выше сказочникам, не вносит в сказку решительно ничего своего: он старается с буквальной точностью передать выслушанное им, и только; когда память изменяет ему, тогда он или делает пропуски или же комкает целые эпизоды, заменяя поэтическую традицию голым прозаическим остовом сказки. Т. е. отношение к сказке тут почти такое же, каково отношение народа к заговорам: текст заговора, как известно, считается неприкосновенным, в нем нельзя ничего ни убавить, ни прибавить. Но заговоры не понятны народу, и если живы в народе (хотя и в сильно искаженном виде), так только благодаря тому, что они являются гораздо чаще письменными произведениями, а не устными.

Сказочных списков (подобных спискам заговоров) в народе, можно сказать, совсем не существует. Вот почему в устах сказоч-

ников вроде Шешнева сказка представляется мне на краю могилы, умирающею.

III. Вера в сказки. — Сказки о животных. Легенды. Былина. Записи Вологдиных, Потапова, Башкирские сказки.

На вопрос о том, верят ли мои сказочники в действительность описываемых ими в сказках событий, я должен отвечать скорее утвердительно, чем отрицательно. По крайней мере, Ломтев изредка прерывал свое рассказыванье вполне искренним восклицанием: «Не знаю только, правда это или нет!» И слушая это восклицание, я мог с большою достоверностью догадываться, что во всех прочих случаях сомнению в душе Ломтева места не было.

Доказательством веры моих сказочников в описываемые ими сказочные приключения может служить и то, что в их сказках рядом с собственно сказочными лицами действуют также и почитаемые православною церковью святые, в существовании коих, конечно, ни у одного из моих сказочников никакого сомнения нет. В сказках Ломтева мы видим Миколу Милостивого, который дает герою ковер-самолет, скрипку-самогуд и волшебную ягоду, а безыменный небесный старец на своем коне дает другому герою волшебные предметы — саблю, ремень и дудочку. Оба эти случая мы находим в настоящих волшебных сказках, которые легендами ни в каком случае названы быть не могут; в легендах же подобные случаи, конечно, много чаще (см. №№ 29, 25, 15). Но раз волшебные предметы даны святыми угодниками, то можно ли сомневаться в существовании и действительности этих предметов?

Еще в сказках мы встречаемся с случаями чудесного прозрения слепых после умыванья глаз росою, причем этот способ лечения был открыт герою во сновидении. Известен также случай чудесного исцеления благочестивой безрукой матери с ребенком в сказке о «девице с отрубленными руками» (в перепечатанной нами из Пермских Губернских Ведомостей соответствующей сказке данный эпизод пропущен, хотя и необходимо предполагается из всего контекста сказки). Таким образом, и в этих случаях волшебная сказка опять-таки приближается к легенде, сливается с легендою до невозможности отличить, где кончается сказка и начинается легенда; указанные чудеса, описанные в сказке, ничем, в сущности, не отличаются от тех христианских чудес, которые описаны в прологах и житиях святых. При вере в последние естественна и вера в первые, так как разобраться критически в том, где имеется освященное Церковью предание и где сказочная традиция, народ не в состоянии.

Влияние житийной литературы на печатаемые ниже сказки вне всякого сомнения, а это влияние — залог того, что сказка считается не пустым вымыслом, не бесцельной «складкой», а повествованием о действительных событиях, заслуживающим полного доверия.[1]. Серьезная (не шуточная) сказка (не говоря уже о легендах) представляется другой раз душеспасительным, «божественным» рассказом, чем-то вроде «жития святых». Недаром же один сказочник рассказал мне среди других своих сказок подлинное житие св. великомученика Евстафия.

Даже в сказке Ломтева о Францеле, не особенно торжественной, волшебные предметы (кошелек-самотряс, кафтанчик-невидимка и трость с солдатами) даны герою какими-то таинственными богомолками, высокая нравственность коих оскорблена уже простым разговором их «названных» мужей, причем и разговор этот, будучи заочным, стал однако же сейчас же известен этим таинственным девам, ежедневно куда-то «улетавшим» на богомолье.

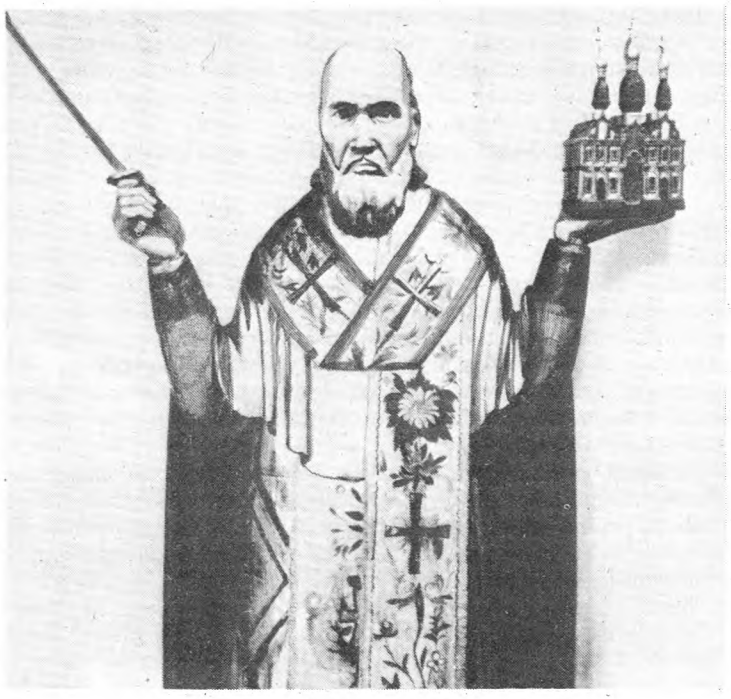
Наконец, о вере сказочников в действительность сказочных событий свидетельствует и самое стремление сказочников переделывать сказки в таком направлении, чтобы они получили более правдоподобный вид (ср. переделку сказки о царевне-лягушке Ломтевым и Савруллиным: №№ 19 и 28). Если видеть в сказках один вымысел, то надобности в *таких* переделках нет.

Замечу еще, что если человек верит в существование сатаны и чертей, то для него нет больших препятствий верить и в существование различных «Идолищ», не говоря уже о бесах, служивших Рязанцеву (№ 8), а тем более — верить в действительность волшебного кольца, данного герою сатаной за денежные жертвы (№ 87), или же в находку провалившимся сквозь землю проклятым сыном волшебной конопатки (№ 68).

Сказок о животных я не записал в Пермской губернии ни одной. На вопросы о них мне всюду отвечали, что такие сказки читают по книжке, а не рассказывают. Но в перепечатанном мною сборничке сказок, записанных братьями Вологдиными в Соликамском уезде в 1863-м году, таких сказок не менее десяти; в пяти из них (№№ 83, 84, 88—90) действующими лицами являются одни животные и в пяти (№№ 74, 75, 78—80) — животные рядом с людьми. К последним можно отнести также и мою сказку «Весёлый» (№ 62), равно как сказку «Медведь, заяц, паук и мужик» (№ 70) с вариантом ее в примечаниях. Не упоминаю здесь о сказках, в коих встречаются благодарные животные.

---

[1] Ср. народный спор о сказке в Этнографическом обозрении 1891, № 3. С. 234—235.



Никола Можай из дер. Зеленят

Легенд во всем моем сборнике напечатано шесть (№№ 15, 25, 29, 45, 58 и 64); в том числе два варианта известной легенды-сказки о Марке Богатом (№ 45 и 64).

Сказка-былина у меня, в сущности, только одна: Илья Муромец (№ 16), где встречаем также и «Егора Златогора» (Святогора). Кроме того, записанная Зыряновым сказка «Князь Киевский Владимир и Илюшка — сын Матросов» (у меня № 96) и своими действующими лицами, и особенно изложением напоминает былину. — Историческое событие затронуто в сказке «О Наполеоне» (№ 95).

Перепечатанные мною записи Вологдиных 1863 г. представляют тот интерес, что в них находим много детских сказок (отрывки животного эпоса и другие), которые в наше время так, в сущности, редки, при всей их общеизвестности: их теперь все знают из книг, а не по устной традиции. Во времена же Вологдиных грамотность была распространена еще много менее, и записанные тогда варианты не восходят к книге. Из этих записей две сказки (№ 74 и 81) производят впечатление че-

Фрагмент царских врат кафедрального собора г. Перми

го-то незаконченного, неполного, как бы отрывков; можно думать, что это начала сказок, обработанные сказочником в самостоятельные рассказики для маленьких детей.

Записи Потапова того же 1863 г. (№№ 72 и 73) обе не совсем удачны: первая не закончена (хотя записавший этого, видимо и не подозревал), во второй — важный пропуск об исцелении безрукой матери.

Ученические записи (№№ 68—71) все несколько схематичны.

Среди напечатанных ниже башкирских сказок встречаются простые варианты сказок русских. Это обстоятельство и послужило для меня ближайшим поводом к тому, чтобы напечатать эти сказки в приложении к настоящему сборнику. Я однако же отнюдь не подбирал башкирских сказок, а только поставил на первом месте сказочника, сказки коего несколько ближе к русским. Вообще же я напечатал полностью весь записанный мной запас сказок трех башкирских сказочников из одной и той же деревни. Все эти три моих сказочника — не вы-

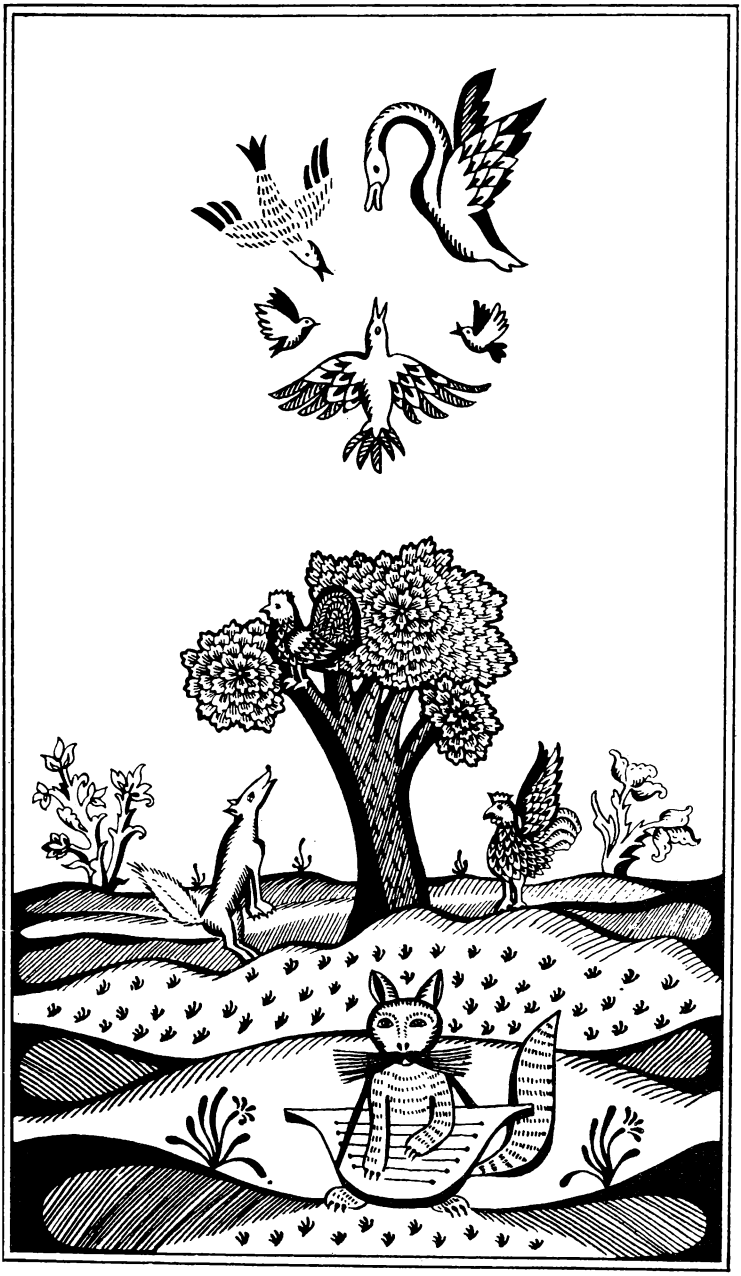
дающиеся, а заурядные, каких легко встретить в каждой башкирской деревне, так как у башкир (по крайней мере у зауральских башкир, среди коих я жил не одно лето) знание сказок и интерес к ним распространены более, нежели у их русских соседей. Лучшие сказочники — обычно пожилые люди, и относятся к приезжим русским настолько недоверчиво, что сказок рассказывать не соглашаются ни за какие деньги.

По вопросу об отношении башкирских сказок к русским для меня не все ясно. Разумеется, башкиры позаимствовали много русских сказок, но у них есть и сказки, не имеющие ничего общего с русскими, а общие с киргизами и другими народами Средней Азии (ср. №№ 100, 107, 108). Сходство башкирской сказки о чудесной скрипке (№ 103) с соответствующею русскою сказкою о чудесной дудке, равно как и башкирской сказки «Старик и Деу» (№ 104) с соответствующей русской «Змей и цыган» настолько отдаленное, что, будучи вариантами, это, в сущности, совершенно различные и самостоятельные сказки.

Записанная мною от башкира сказка «Золотая гора» (№ 98) имеется, в близком варианте, в сборнике русских сказок А ф а н а с ь е в а (№ 136). При всем том я сомневаюсь, русская ли это сказка. В собрании В. И. Даля, которым воспользовался Афанасьев, были, вероятно, также и сказки башкирско-киргизские, записанные Далем в Оренбургском крае от русских или даже от инородцев.

Д. К. Зеленин

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ



1(88). ЗАЯЦ И ЛИСИЦА

[Лиса-повитуха]

Напечатано в Пермских губернских ведомостях

Жил-был зайчик да лисичка. У зайчика-то избушка лубенна, а у лисички-то ледянна. Вот пришла весна — у лисички-то избушка и растаяла.

Вот она и пришла к зайчику проситься да и говорит: «Куманек, куманек, пусти-ка меня на порожек».— Зайчик и говорит: «Лезь, кумушка».

Вот она посидела, посидела на порожке-то да и говорит: «Куманек, куманек, пусти-ка меня на приступочек».— «Лезь, кумушка».

Лисичка посидела, посидела да опять говорит: «Куманек, куманек, пусти-ка меня на *голбчик*».—«Лезь, кумушка».

Вот она посидела, посидела да и говорит: «Куманек, куманек, пусти-ка меня на полатцы-те».—«Лезь,— говорит,— кумушка, лезь».

Вот лисичка полезла на полатцы, легла спать да и говорит: «Куманек, ты меня утром разбуди — меня *бабиться* станут звать».—«Ладно, кумушка».

Вот ночью лисичка и стучит хвостом. Зайчик и говорит: «Чу! кумушка, вставай: тебя бабиться зовут».— Лисичка соскочила да и побежала на *вышку*, масличко есть; у зайчика на вышке-то масличко было. Вот она *почала* масличко-то и пришла в избушку; зайчик и спрашивает у нее: «Кого Бог дал?»— «Початышка».

На другу ночь лисичка наказывает опять зайчику: «Куманек, ты меня разбуди — меня бабиться станут звать».—«Ладно».

Вот пришла ночь. Лисичка и стучит хвостом о полатцы... — «Чу! — говорит зайчик. — Вставай, кумушка: тебя бабиться зовут». — Лисичка соскочила и побежала опять на вышку, масличко есть. Вот поела и пошла в избушку. — «Кого Бог дал?» — спрашивает зайчик. — «Середышка».

На третью ночь лисичка опять наказывает зайчику: «Куманек, ты меня утром разбуди: меня бабиться станут звать». — «Ладно, кумушка».

Вот и опять ночью стучит лисичка хвостиком в полатцы. — «Чу! кумушка, вставай — тебя бабиться зовут».

Соскочила лисичка и убежала на вышку масличко есть. Вот поела и пришла в избушку. — «Кого Бог дал?» — спрашивает зайчик. — «Заскребышка».

Вот по одно утро и сдумал зайчик *оладышки* изжарить да и говорит лисичке: «Кумушка, поди-ка сходи — где-то было масличко на вышке, дак принеси».

Лисичка сбегала на вышку и говорит: «Нет, куманек, ничего нету на вышке-то». — «Как, кумушка, нету? Было! Дай-ка я сам схожу!» — Сходил зайчик да и говорит: «Ты, видно, кумушка, съела?» — «Нет, куманек, ты сам съел да и забыл».

Зайчик и говорит: «Дай-ка, ляжем на *шосто́к*: из кого вытопится масличко-то, тот и съел». — «Ладно, куманек».

Вот и легли на *шосток*. Зайчика пригрело, он и уснул. Из лисички-то и вытопилось масличко; она им вымазала зайчика да и будит: «Куманек, куманек! Смотри-ка: ты ведь масличко-то съел!»

«Что же, кумушка, станем есть-то теперь?» — «Ну, куманек, промыслим что-ненабудь!» — Вот и побежала лисичка на дорогу. Видит: *оввоз* (обоз) идет с рыбкой; вот и легла она, будто мертвая. Увидел один мужик и закричал: «Робята, лисица лежит!» — Взяли мужики эту лисицу и положили в воз с рыбой.

Едут — ничего не знают; а она тихонько проела сани-те и выпущает на дорогу рыбку за рыбкой. Вот как высыпала весь воз-то, соскочила да и убежала в избушку к зайчику. — «Куманек, куманек, пойдем рыбу собирать».

И пошла лисичка да зайчик, собрали рыбку. И стали жить да поживать, да рыбку поедать.

2(84). КОТ, ПЕТУХ И ЛИСИЦА

[Кот отнимает петуха у лисы]

Напечатано в Пермских губернских ведомостях

Жили-были кот да петух. Кот пошел в лес дрова рубить, а петуха оставил дома: «Ты,— говорит,— петух, оставайся домовничать, да не подавай голос-то, когда придет лисица!»— Кот-от когда ушел, лисица-то и пришла и стала говорить:

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Маслена головка,
Сметанные ножки,
Выгляни в окошко —
На золоте губненном
Яички катают.

Петушок и выставил головку-ту. Лиса его схватила да и понесла в лес.

Вот петушок и зарычал:

Коты, коты, коты!
Понесла меня лиса
За темные леса,
За быстрые реки!

А кот ничего не слышит.

Вот кот пришел домой; хватился петушка — нету. Кот настроил гусельцы, пошел к лисице под окошко и стал натреньгивать:

Трень, трень, гусельцы,
Золотые струночки!
Ещё дома ли лисафья-кума,
В своем ли теплом гнездышке?
У неё-то есть четыре дочери:
Ещё одна-та дочь — Чучелка,
А друга-та — Парачелка,
Третья-та — Подай-челнок,
А четвертая — Разбей-горшок.

Лисица и говорит: «Поди-ка, Чучелка, послушай, кто это так хорошо напевает?»— Она вышла за воро-

та-то — кот ее ну бить. Бил, бил, под гору спихал да и заиграл опять:

Трень, трень, гусельцы,
Золотые струночки!
Ещё дома ли лисафья-кума,
В своем ли теплом гнездышке?
У неё-то есть четыре дочери:
Ещё одна-та дочь — Чучелка,
А друга-та — Парачелка,
Третья-та — Подай-челнок,
А четвертая — Разбей-горшок.

«Поди-ка ты, Парачелка, послушай, кто это так хорошо напевает?» — Вот Парачелка вышла — кот её бил, бил, под гору спихал, а сам опять заиграл:

Трень, трень, гусельцы,
Золотые струночки!
Ещё дома ли лисафья-кума,
В своем ли теплом гнездышке?
У неё-то есть четыре дочери:
Ещё одна-та дочь — Чучелка,
А друга-та — Парачелка,
Третья-та — Подай-челнок,
А четвертая — Разбей-горшок.

«Поди-ка ты, Подай-челнок, послушай, кто это так хорошо напевает: те ушли да и заслушались». — Подай-челнок вышла за ворота-то — кот её ну бить; бил, бил, под гору спихал, а сам опять заиграл:

Трень, трень, гусельцы,
Золотые струночки!
Ещё дома ли лисафья-кума,
В своем ли теплом гнездышке?
У неё-то есть четыре дочери:
Ещё одна-та дочь — Чучелка,
А друга-та — Парачелка,
Третья-та — Подай-челнок,
А четвертая — Разбей-горшок.

«Поди-ка ты, Разбей-горшок, послушай, кто это так хорошо напевает: те ушли да и заслушались!» — Раз-

бей-горшок вышла за ворота-то, а кот её давай бить; бил, бил, под гору спихал, а сам опять заиграл:

Трень, трень, гусельцы,
Золотые струночки!
Ещё дома ли лисафья-кума,
В своем ли теплом гнездышке?
У неё-то есть четыре дочери:
Одна-то дочь — Чучелка,
А друга-та — Парачелка,
Третья-та — Подай-челнок,
А четвертая — Разбей-горшок.

Вот лисица и говорит: «Дай-ка я сама послушаю: кто это так хорошо напевает?» — Вышла за ворота-то, а кот и давай её бить; бил, бил, спихал под гору; сам зашел в избу. Петушок, как увидел кота, так и закричал: «Ку-ка-ре-ку!»

3(83). КОТ, ВОРОБЕЙ И ПЕТУХ

[Лиса уносит петуха]

Напечатано в Пермских губернских ведомостях

Жили-были кот, воробей да петух. Избушка у них была в лесу. Кот да воробей ходят в лес дрова рубить, а петуха одного в избушке оставляют.

Вот э д а к ушли кот да воробей дрова рубить, а петух сидит на грядке да и кукарекает. Пришла под окошко лисичка в красных башмачках и скачет на липовой дощечке, а сама петушка *гаркает*: «Петушок, петушок, выглянь в окошко — на́ тебе красную ложку!» — Петушок и выглянул в окошко; лисичка схватила его и потащила в лес.

Вот и кричит петушок:

Куты, куты, куты!
Несет меня лиса
За темные леса. —
Кот бежит,
Воробей летит;

Кот царапает,
Воробей клюет,—
Отняли петуха!

Посадили опять в избушку и наказали: «Не выглядывай в окошко — мы т о г д а далеко уйдем, не учуем твоего голоса!

И пошли кот да воробей дрова рубить, а петух остался в избушке домовничать — сидит на грядке да кукарекает.

Пришла лисичка в красных башмачках, скачет под окошком на липовой дощечке, а сама *гаркает*: «Петушок, петушок, выглянь в окошко, на́ тебе красную ложку!»— Петушок и выглянул: лисичка схватила его и понесла в лес.

Вот и кричит опять петушок:

Куты, куты, куты!
Несет меня лиса
За темные леса.—
Кот бежит,
Воробей летит;
Кот царапает,
Воробей клюет,—
Отняли петуха!

Посадили петуха в избушку и опять наказали: «Ну, теперь смотри, петух, не выглядывай в окошко! Мы ещё дальше пойдем — не учуем твоего голоса!»— И пошли кот да воробей дрова рубить, а петух сел на грядку да и кукарекает.

Пришла лисичка в красных башмачках, скачет под окошком на липовой дощечке, а сама опять *гаркает*: «Петушок, петушок, выглянь в окошко — на́ тебе красную ложку!»— Петушок опять выглянул, а лисичка схватила его и понесла в лес.

Вот и кричит опять петушок:

Куты, куты, куты!
Несет меня лиса
За темные леса.—
Кот да воробей,
Бежите отнимать!

Кричал, кричал и не докричался — съела лисичка петушка.

4(75). КОЛОБОК

Напечатано в Пермских губернских ведомостях

Жил-был старик со старухой. У них ничего не было, есть-то стало нечего. Вот и говорит старик старухе: «Поди-ка, старуха, замети по сусекам: не наскребешь ли на колобок!»— Вот старуха и наскребла, намела; замесила тесто, состряпала колобок и изжарила на масле. Он и убежал.

Вот и бежит вдоль по дорожке. Попал ему встречу заяц: «Я тебя, колобок, съем!»—«Нет, не ешь я тебе сказочку скажу:

Я колобок,
Я молодой,
Я по коробам скребён,
По сусекам метён,
В сыром масле прежён,
На окошке стужён.
Я от деда ушёл,
Я от бабы ушёл,
От тебя, заяц, уйду!»

Опять убежал вдоль по дорожке.

Попал навстречу ему волк: «Куды, колобок, побежал?»—«Вдоль по дорожке».—«Я тебя съем!»—«Нет, не ешь — я тебе сказочку скажу:

Я колобок,
Я молодой,
Я по коробам скребён,
По сусекам метён,
В сыром масле прежён,
На окошке стужён.
Я от деда ушёл,
Я от бабы ушёл,
Я от зайца ушёл,
От тебя, волка, уйду!»

И убежал.

Опять бежит вдоль по дорожке. Попал ему встречу медведь: «Куды, колобок, побежал?»—«Вдоль по дорож-

ке».—«Я тебя съем».—«Нет, не ешь—я тебе сказочку скажу:

Я колобок,
Я молодой,
Я по коробам скребён,
По сусекам метён,
В сыром масле прежён,
На окошке стужён.
Я от деда ушёл,
Я от бабы ушёл,
Я от зайца ушёл,
Я от волка ушёл,
От тебя, медведь, уйду!»

И ушел.

Бежит вдоль по дорожке. Попала ему встречу лисица: «Куды, колобок, побежал?»—«Вдоль по дорожке».—«Я тебя съем!»—«Нет, не ешь—я тебе сказочку скажу:

Я колобок,
Я молодой,
Я по коробам скребён,
По сусекам метён,
В сыром масле прежён,
На окошке стужён.
Я от деда ушёл,
Я от бабы ушёл,
Я от зайца ушёл,
Я от волка ушёл,
От медведя ушел,
От тебя, лиса, уйду!»

«Ой, кака́ сказочка-та хороша! Сядь-ка ко мне на хвостик-от, я послушаю!»—Он сел да опять:

Я колобок,
Я молодой,
Я по коробам скребён,
По сусекам метён,
В сыром масле прежён,
На окошке стужён.
Я от деда ушёл,
Я от бабы ушёл,

Я от зайца ушёл,
Я от волка ушёл,
От медведя ушёл,
От тебя, лиса, уйду!»

«Ой, кака́ сказочка-та хорошенька! Сядь ко мне на язычок — я послушаю!» — Он сел на язычок-от, она: «Хам!» — да и проглотила.

5(78). ВОЛК И КРЕСТЬЯНИН

Напечатано в Пермских губернских ведомостях

Жил-был старик да старуха. У них было семь овечушек да восьмой жеребеночек, да бык-пестряк, да кошка-судомойка, да собачка-пустолайка, парнечек да девушка.

Жили они под горой. Вот и повадился волк на гору ходить — сядет на угоре-то да воет — песенки-те поет ли, что ли. Вот волк-от и воет:

Хорош, хорош дворец,
Соломенный крылец!
У крестьянина было семь овец,
Восьмой жеребеночек,
Да бык-пестряк,
Да кошка-судомойка,
Да собачка-пустолайка,
Старичок да бабушка,
Парнечек да девушка.

Старик-от слушал, слушал да и говорит: «Поди-ка, старуха, отдай овечку: хорошо шибко волк-от воет!» — Отдали одну овечку. Волк съел. На другой день опять сел на угор-от и воет:

Хорош, хорош дворец,
Соломенный крылец!
У крестьянина было семь овец,
Восьмой жеребеночек,
Да бык-пестряк,
Да кошка-судомойка,

Да собачка-пустолайка,
Старичок да бабушка,
Парнечек да девушка.

(Точно так же волк приходит и воет каждый день; каждый раз ему дают по овце. Затем старик отдает: жеребенка, быка, кошку, собачку, парнечка, девушку, старуху. Скушав последнюю, волк опять приходит и воет:

Хорош, хорош дворец,
Соломенный крылец!
У крестьянина было семь овец,
Восьмой жеребеночек,
Да бык-пестряк,
Да кошка-судомойка,
Да собачка-пустолайка,
Старичок да бабушка,
Парнечек да девушка.)

Слушал, слушал старик и говорит: «Шибко хорошо волк-от воет — пойду сам!» — Вышел на угор-от — волк и съел старика-то.

6(79). КОЗОНЬКА

Напечатано в Пермских губернских ведомостях

Жил-был старик со старухой. У них были сын да дочь, да козлушка. Старик стал сына посылать в лес козлушку караулить. Сын-от покараулил да и пришел домой. Старик вышел на крылечко и стал спрашивать: «Козонька, сыта ли? Пояна ли?» — Коза-та и говорит:

Я не сыта, я не пояна —
Я по горочкам скакала,
Я осиночку глодала!

Вот старик-от сына-та бил, бил, да и убил. Стал опять дочь посылать.

Вот и дочь пошла караулить. Покараулила да и пришла домой. Старик вышел на крылечко, стал спрашивать: «Козонька, сыта ли? Пояна ли?» — Коза говорит:

Я не сыта, я не пояна —
Я по горочкам скакала,
Я осиночку глодала.

Старик дочь-ту ну бить. Бил, бил, да и убил.

Послал опять старуху — караулить козоньку. Вот и старуха покараулила и пришла домой. Старик вышел на крылечко, стал спрашивать: «Козонька, сыта ли, пояна ли?» — Коза опять говорит:

Я не сыта, я не пояна —
Я по горочкам скакала,
Я осиночку глодала.

Вот он, это, бил, бил старуху-ту, да и убил. И говорит: «Дай-ка я сам пойду покараулю».

Вот сам сходил покараулил, пришел домой да и стал спрашивать: «Козонька, сыта ли, пояна ли?» — Коза и говорит:

Я не сыта, я не пояна —
Я по горочкам скакала,
Я осиночку глодала.

Вот он козу-ту бил, бил да и убил. И сам-от пошел да с горя-то на осине и задавился.

7(82). РЕПКА

[Звери-плакальщики]

Напечатано в Пермских губернских ведомостях

Жил-был старик со старухой. Есть у них было нечего. Вот старик и сдумал: «Посеем-ка, старуха, на баню репки!» — Вот они и посеяли репки.

Вот выросла репка. — Скоро сказывается сказка, да не скоро дело делается. — Старик сходил по репку и сеяли эту репку. — «Ну, теперь, старуха, ты поди — я ходил!»

А старуха-та была худа-худа, *хвора*: «Не полезти, — говорит, — мне, старик!» — «Ну, садись в мешок — я тебя подыму!» — Вот старуха и села. Поднял ее старик так-да-сяк

на баню-ту. Нарезала она репки да и говорит: «Ну, старик, т о г д а меня спущай!»

Старик посадил ее в мешок, да и начал спущать. Спущал ее да и уронил. Вот он уронил ее, спустился с бани-то, поглядел в мешок-от: а старуха-та и душеньку отдала, до смерти убилась.

Вот старик и давай выть: жаль-то же старуху-ту. Бежит зайчик да и говорит: «Ой ты, старик, не *баско* воешь! Найми меня!»—«Наймись, заюшка! Наймись, батюшка!» — Заяц и ну боботать над старухой-то.

Бежит лисичка: «Ой ты, заяц, не *баско* воешь! Найми меня, старичок: я мастерица выть-то».—«Наймись, кумушка! Наймись, голубушка!»— Вот она и завыла: «увы, увы, увы!..»— только и есть, боле ничего у ней не родится.

Бежит волк: «Старичок, найми меня выть-то! Что они навоют?»—«Наймись, наймись, волкушка: я репкой отдам!»— Вот волк и *почал* выть: и-и-и! — заревел. Собаки-те в деревне *учули* да и залаяли. Люди-те набежали с бодагами — бить волка.

Вот волк схватил старуху на спину да и ну по дорожке — утащил в лес. Вот тебе и все кончилось, решилось.

8(89). ВОРОНА-КАРАБУТА

[О неправом суде птиц]

Напечатано в Пермских губернских ведомостях

В невкотором царстве,
В невкотором государстве
Собирались, солетались
На зеленый на лужок,
Во единый во кружок.
Выбирали себе начальников —
Царя — бела лебедя,
Филина — губернатора,
Журавля — приказчика;
Синка — мелка рассылка,
Воробей — *коморка*,

Галка — с палкой,
Сорока — сотник.
Вороне-карабуте недостало чина.
Она полетела с этого совета,
Залетела в кабак,
Выпила вина на пятак —
Стала пьяна и хмельна.
Летела мимо кукушкина дому:
У кукушки дом новый,
Верх *шатровый.*
Ворона верх сломала,
Двери выставила —
Избу выстудила;
Детей перевязала
Да в *голбец* побросала.
Опять полетела на *сушину,*
На самую вершину.
Кукушка домой прилетает,
Свой дом не узнавает:
— «У меня весь дом был новый,
Верх шатровый,
А теперь верху нету,
Двери выставлены —
Изба выстужена!»
Дети отвечали:
«Ворона-карабута летела с совета,
Верх сломала,
Двери выставила —
Избу выстудила;
Нас перевязала
Да в *голбец* побросала».
Вот сделали розыск:
Послали сороку-сотника,
Галку с палкой.
Воробья коморку.
Вот летят они искать.
Сидит ворона на *сушине,*
На самой вершине.
Галка палкой: тар-тарки,
А ворона-карабута: кар-карки!
Полетела ворона-карабута
Ко царю — белу лебедю,

К филину-губернатору,
К журавлю-приказчику.
Они судили да рядили,
Да на волю ворону и пустили.
Вот ворона полетела
К молодой вдовой солдатке.
Солдатка-та ткала пестрядь;
На эту пестрядь налетел ястреб.

Ворона-карабута накупила пестряди на штаны да на рубахи начальникам и раздарила.

Тут ворону обвинили,
Наказанье присудили:
Сделать топорик
Из игольного ушка
Да нарубить топориком
Три воза *сырняка.*
Судьи говорят: тар-тарки,
А ворона-карабута: кар-карки!

9(90). КОЗЕЛ И КОЗЛУШКА

[Нет козы с орехами]

Напечатано в Пермских губернских ведомостях

Жил козел с козлушкой.
Козел пошел по лыка,
Коза — по орешки;
Козел пришел с лыком —
Нет козы с орешками.
— «Ладно же ты, коза!
Сошлю на тебя волков!»
Волки нейдут козу есть.
Нет козы с орешками,
С ручками, с ножками,
С буйною головкою.
— «Ладно же вы, волки!
Сошлю на вас людей!»

Люди нейдут волков бить,
Волки нейдут козу есть.
Нет козы с орешками,
С ручками, с ножками,
С буйною головкою.
— «Ладно же вы, люди!
Сошлю на вас медведей!»
Медведь нейдет людей давить,
Люди нейдут волков бить,
Волки нейдут козу есть.
Нет козы с орешками,
С ручками, с ножками,
С буйною головкою.
— «Ладно же вы, медведи!
Сошлю на вас огонь!»
Огонь нейдет медведя палить,
Медведь нейдет людей давить,
Люди нейдут волков бить,
Волки нейдут козу есть.
Нет козы с орешками,
С ручками, с ножками,
С буйною головкою.
— «Ладно же ты, огонь!
Сошлю на тебя воду!»
Вода нейдет огонь лить,
Огонь нейдет медведя палить,
Медведь нейдет людей давить,
Люди нейдут волков бить,
Волки нейдут козу есть.
Нет козы с орешками,
С ручками, с ножками,
С буйною головкою.
— «Ладно же ты, вода!
Сошлю на тебя быков!»
Быки нейдут воду пить,
Вода нейдет огонь лить,
Огонь нейдет медведя палить,
Медведь нейдет людей давить,
Люди нейдут волков бить,
Волки нейдут козу есть.

Нет козы с орешками,
С ручками, с ножками,
С буйною головкою.
— «Ладно же вы, быки!
Сошлю на вас дубы!»
Дубы нейдут быков бить,
Быки нейдут воду пить,
Вода нейдет огонь лить,
Огонь нейдет медведя палить,
Медведь нейдет людей давить,
Люди нейдут волков бить,
Волки нейдут козу есть.
Нет козы с орешками,
С ручками, с ножками,
С буйною головкою.
— «Ладно же вы, дубы,
Сошлю на вас топор!»
Топор нейдет дубы рубить,
Дубы нейдут быков бить,
Быки нейдут воду пить,
Вода нейдет огонь лить,
Огонь нейдет медведя палить,
Медведь нейдет людей давить,
Люди нейдут волков бить,
Волки нейдут козу есть.
Нет козы с орешками,
С ручками, с ножками,
С буйною головкою.
— «Ладно же ты, топор!
Сошлю на тебя гору!»
Гора нейдет топор тупить,
Топор нейдет дубы рубить,
Дубы нейдут быков бить,
Быки нейдут воду пить,
Вода нейдет огонь лить,
Огонь нейдет медведя палить,
Медведь нейдет людей давить,
Люди нейдут волков бить,
Волки нейдут козу есть.
Нет козы с орешками,

С ручками, с ножками,
С буйною головкою.
— «Ладно же ты, гора!
Сошлю на тебя червя!»
Черви нейдут гору точить,
Гора нейдет топор тупить,
Топор нейдет дубы рубить,
Дубы нейдут быков бить,
Быки нейдут воду пить,
Вода нейдет огонь лить,
Огонь нейдет медведя палить,
Медведь нейдет людей давить,
Люди нейдут волков бить,
Волки нейдут козу есть.
Нет козы с орешками,
С ручками, с ножками,
С буйною головкою.
— «Ладно же вы, черви!
Сошлю на вас гусей!»
Гуси нейдут червей щипать,
Черви нейдут гору точить,
Гора нейдет топор тупить,
Топор нейдет дубы рубить,
Дубы нейдут быков бить,
Быки нейдут воду пить,
Вода нейдет огонь лить,
Огонь нейдет медведя палить,
Медведь нейдет людей давить,
Люди нейдут волков бить,
Волки нейдут козу есть.
Нет козы с орешками,
С ручками, с ножками,
С буйною головкою.
— «Ладно же вы, гуси!
Сошлю на вас ножи!»
Ножи нейдут гусей резать,
Гуси нейдут червей щипать,
Черви нейдут гору точить,
Гора нейдет топор тупить,
Топор нейдет дубы рубить,

Дубы нейдут быков бить,
Быки нейдут воду пить,
Вода нейдет огонь лить,
Огонь нейдет медведя палить,
Медведь нейдет людей давить,
Люди нейдут волков бить,
Волки нейдут козу есть.
Нет козы с орешками,
С ручками, с ножками,
С буйною головкою.
— «Ладно же вы, ножи!
Сошлю на вас брусья!»
Брусья пошли ножи точить,
Ножи пошли гусей резать,
Гуси пошли червей щипать,
Черви пошли гору точить,
Гора пошла топор тупить,
Топор пошел дубы рубить,
Дубы пошли быков бить,
Быки пошли воду пить,
Вода пошла огонь лить,
Огонь пошел медведя палить,
Медведь пошел людей давить,
Люди пошли волков бить,
Волки пошли козу есть,
Пришла коза с орешками,
С ручками, с ножками,
С буйною головкою,
С белою бородкою.
Взял козел козу за гриву,
Повалил на спину;
Черева — на дерева,
Кишки — на *бадажки,*
Рожки да ножки
Бросил за окошко;
Головушку — под кустик,
Бородушку — на кустик,
Кожуриночку повесил на осиночку,
Тут козе и поминочки!..

10(80). ЛИПОВАЯ НОГА

[Медведь приходит за своей лапой]

Напечатано в Пермских губернских ведомостях

Жил-был старик со старухой. Они репку посеяли на поле. Вот и повадился медведь репу-ту воровать.

Старик-от пошел смотреть репу-ту: много нарвано ее да набросано. Старуха-та и говорит: «Кто же это нарвал? — Люди? — Дак унесли бы! — Поди-ка ты, старик, карауль репу-ту!»

Старик и пошел караулить на ночь; лег под *зарод*. Вот и пришел медведь и рвет репу-ту. Нарвал *береме* да и потащил за огород. (Репа-та *хрушкая* была.) За огород-от как перескочил, — старик-от набежал, бросил топором да и отсек лапу медведю-то. Топор бросил тут, а сам-от убежал, спрятался.

Медведь-от ушел, а старик вылез, взял медвежью-то лапу да и унес домой. Унес домой-то, ободрал ее да и варить поставил — есть хотел. А шерстку-ту отдал старухе: «На, — говорит: — старуха, опреди медвежью-то шерстку — пригодится!»

Вот старуха́ села прясть. Медведь-от сделал липову ногу да идет; а нога-та поскрипывает: студено было. Вот медведь-от идет да и говорит:

Скрипи, скрипи, нога,
Скрипи, липовая!
Все по селам спят,
По деревням спят;
Одна баба не спит —
На моей коже сидит,
Мою лапу варит,
Мою шерстку прядет».

Старуха-то *учула* это да и говорит: «Поди-ка ты, старик, запирай двери-те: медведь-от идет». — Старик-от вышел на улицу да и говорит медведю-ту: «Медведюшка-братанушка! Ты возьми верх-от репки-то, а мне отдай *исподь-от*!» — «Ладно!» — медведь-от говорит: он не знает толку-то в репе, не понимает ничего. Старик стаскал домой репу-ту, а медведю оставил одну *нетину*.

Вот старик хлеб жать пошел. Медведь-от и пришел к нему на поле-то: «Нет,— говорит,— старик, отдай мне теперь исподь-от, а верх-от себе возьми! Не сладко!»— Вот старик и говорит: «Возьми, медведушка! Возьми, *братанушка!* Да тогда неси *исподь-от,* как обмолотим».

Как обмолотили, медведь и сносил к себе в берлогу солому-ту, а хлеб-от старик домой привез.

11(74). КОШЕЧКА — ЗОЛОТЫЕ СЕРЕЖЕЧКИ

Напечатано в Пермских губернских ведомостях

Жил-был старик со старухой. У них были сын да дочь. Старуха и затворила квашонку. Поутру-ту послала девушку по капустные листочки в огород. А ей встречу-ту

Бежит кошечка —
Золотые сережечки.
Кошечка-та в воду —
Девушка-та в воду;
Кошечка-та в морду —
Девушка-та в морду;
Кошечка-та в лес —
Девушка-та в лес;
Кошечка в избушку —
Девушка в избушку.

В избушке-то лежит на полатях старик, старый-престарый, да и говорит:

Спасибо тебе, кошечка —
Золотые сережечки:
Принесла ты мне девушку!

Старик-от со старухой ждали, ждали, да и не могли дождаться. Послали опять парнечка-та. Вот он пошел по капустные листочки, а ему встречу

Бежит кошечка —
Золотые сережечки.
Кошечка-та в воду —
Парнечок-от в воду;

Кошечка-та в морду —
Парнечок-от в морду;
Кошечка-та в лес —
Парнечок-от в лес;
Кошечка-та в избушку —
Парнечок в избушку.

Опять лежит в избушке старик на полатях да и говорит:

Спасибо тебе, кошечка —
Золотые сережечки:
Принесла ты мне девушку
Да парнечка.

Схватил да и съел парнечка-та.

Старуха-та и говорит: «Поди-ка ты, старик, сходи сам в огород-от! Где они долго?» — Вот старик и пошел. И ему опять навстречу

Бежит кошечка —
Золотые сережечки.
Кошечка-та в воду —
Старичок-от в воду;
Кошечка-та в морду —
Старичок-от в морду;
Кошечка-та в лес —
Старичок-от в лес;
Кошечка-та в избушку —
Старичок в избушку.

В избушке лежит старик на полатях да и говорит:

Спасибо тебе, кошечка —
Золотые сережечки:
Принесла ты мне девушку,
Да парнечка,
Да старичка!

Хам! И съел старичка-то.

Старуха-та ждала, ждала, не могла дождаться да и пошла сама. Опять

Бежит кошечка —
Золотые сережечки.

Кошечка-та в воду —
Старуха-та в воду;
Кошечка-та в морду —
Старуха-та в морду;
Кошечка в избушку —
Старуха в избушку.

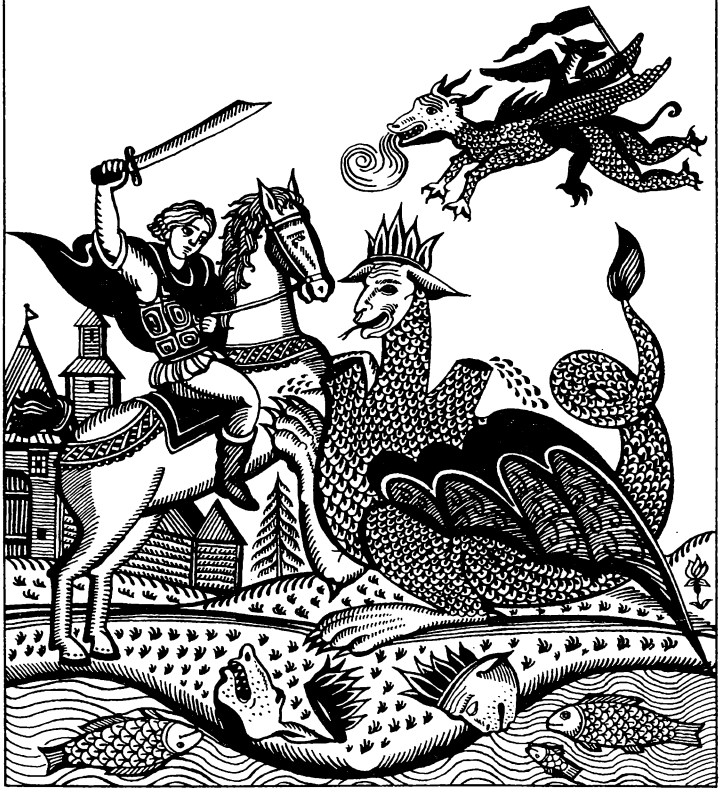
Лежит опять старик на полатях да и говорит:

Спасибо тебе, кошечка —
Золотые сережечки:
Принесла ты мне девушку
Да парнечка,
Принесла ты мне бабушку
Да старичка!

Хам! И старуху-ту съел.

У них никого не осталось дома-то, квашонка-та вся уплыла, избушка-та сгорела. Вот и сказке конец.

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ



Чудесный противник

12(86). ИВАН-ДУРАК И ЯГА-БАБА

Напечатано в Пермских губернских ведомостях

Жил-был старик да старуха. У них был сын Иван-дурак. Вот Иван-дурак стал отпрашиваться от отца да от матери рыбу удить: «Где,— говорит,— рыбка клюнет, тут и стану удить!»— Старик да старуха подумали, подумали, да отпустили Ивана-дурака.

Вот он шел да шел, дошел до избушки: стоит избушка, на куричьей голяшке повертывается.— «Избушка, избушка, стань к лесу задом, ко мне передом!»— Избушка стала.

Вот Иван-дурак зашел в избушку, а в ней середе полу лежит Яга-баба: «Фу-фу-фу! Русска коска сама на двор зашла!»— Взяла да и заперла его в *го́лбец*. «Я тебя завтра велю изжарить меньшой дочери».

Вот на другой день поутру растопилась печка. Меньшая-та дочь вышла и говорит: «Выходи, Иван-дурак, из *голбца-то*!»— Вот Иван-дурак вышел, она и говорит: «Садись, Иван-дурак, на лопату-ту!»— Иван-дурак сел, а сам руки и ноги расшарашил. Она и говорит: «Встань, Иван-дурак, с лопаты-то, я тебя поучу! — Вот как,— говорит,— сядь!»— Сама и села на лопату-ту. Иван-дурак бросил ее в печку да заслонкой и припер. Маленько погодя вынул ее и положил на *голбчик*. А сам опять в *голбец* ушел.

Яга-баба вышла и стала есть. Съела да и говорит: «Покататься бы мне, поваляться бы мне на Ивановых-то косточках».— А Иван-дурак сидит в *голбце* да и говорит: «Покатайся-ка ты, поваляйся-ка ты на дочериных-ка косточ-

ках!» — «Ах ты, *варнак* эдакой! Завтра велю середней дочери изжарить тебя!»

Опять на другой день печка истопилась. Середня-та дочь и говорит: «Выходи, Иван-дурак, из *голбца-та*!» — Иван-дурак вышел. — «Садись, — говорит, — Иван-дурак на лопатку-ту!» — Иван-дурак сел, руки и ноги расшарашил. — «Не так! — говорит, — дай-ка я тебя поучу!» — Села на лопату-ту; он ее взял да и бросил. Вот изжарил ее, вынул из печи, положил на *голбчик*, а сам опять в *голбец* ушел.

Яга-баба наелась да и говорит: «Покататься бы мне, поваляться бы мне на Ивановых-то косточках!» — А Иван-дурак сидит в *голбце*-то и говорит: «Покатайся-ка ты, поваляйся-ка ты на дочериных-то косточках!» — «Ах, ты, *варнак* эдакой! Завтра велю большой дочери изжарить тебя!»

Ну и вот, на третий день истопилась печка. Больша-та дочь вышла и говорит: «Вылезай, Иван-дурак, из *голбца*-та!» — Иван-дурак вылез. Она и говорит: «Садись на лопату-ту!» — Иван-дурак сел, руки и ноги расшарашил. — «Не умеешь ты садиться-то! Дай-ка я тебя поучу!» — И села сама на лопату-ту. Иван-дурак ее взял да и бросил в печку; изжарил и положил на *голбчик*, а сам опять спрятался в *голбец*.

Вот пришла Яга Ягинишна, съела дочь-ту да и сама говорит: «Покататься бы мне, поваляться бы мне на Ивановых-то косточках!» — А Иван-дурак и говорит: «Покатайся-ка ты, поваляйся-ка ты на дочериных-то косточках!» — «Ах ты, *варнак* эдакой! Завтра я тебя сама испеку!»

Вот на другой день печку истопила да и говорит: «Ну-ка, Иван-дурак, садись на лопату-ту!» — Он сел и опять так же — руки и ноги расшарашил. — «Ой ты, Иван-дурак, не умеешь садиться-то! Дай-ка я тебя поучу!» — Села сама Яга Ягинишна, а Иван-дурак бросил ее в печку; припер заслонку *бадагом*, а сам склал их-то именье на *йху* же лошадь да и уехал домой.

13(9). ЮВАШКА БЕЛАЯ РУБАШКА

Рассказал А. Д. Ломтев

Жил-был царь. У царя не было белого дня (солнца), и белой *лу́ни*, и часты́х звезд, и глухой по́лночи. Посылал он *думших* сенато́ров за народом. Народу много сошлось. Подавал царь по чаре и по́ две и спрашивал: «Господа *думшие*, и сенаторы, и простонародие! Не знаете ли, где белый день и красное солнце, и белые *луни* и часты́е звезды, и глухая полночь?» — Все отказались.

Был у царя Ювашка-слуга, выше себя *голи́чок* по́днял, *то́рнул* о́б пол и пол проломил. — «Я знаю, где взять, и разыщу все это! Пошли меня, Ваше Царское Величество!» — «Что тебе, Ювашка, надо с собой?» — Ювашка сказал: «Дай мне коня, и товарища, и денег на дорогу!» (Одному тоскливо ехать.) — Поехали они в путь.

Ехали близко ли, дале́ко ли, низко ли, высо́ко ли, доезжают: стоит избушка на козьих рожках, на бараньих ножках, повертывается. — «Стань, избушка, по-старому, как мать поставила, к лесу задо́м, ко мне перед о́м!» — Избушка стала. Яга Ягишна лежит, в стену уперла́ ногами, а в другу́ головой. — «Фу-фу! — русского духу отро́ду не слыхала, русский дух ко мне на двор пришел?..» — Сказал он: «Напой, накорми, тогда у меня вестей расспроси!» — Она сейчас п...ула, стол поддернула, б...ула, щей плеснула, ногу подняла и пирог подала, титечками потрясла и молочка поднесла, ножки *возняла* и ложки подала.

«Куды же ты, Ювашка, поехал?» — «Я поехал за белым днем, за красным солнцем, за белою *лунью*, за часты́ми звезда́ми, за глухою полночью». — «Ювашка, не езди! Это у наших братьёв: один брат шестиглавый, другой девятиглавый, а третий 12-тиглавый». — Ювашка поехал. Сказала Яга Ягишна: «Взад поедешь, так заедь ко мне в гости! — «Ладно», — сказал.

Потом они доезжают до другой избушки, также повертывается на козьих рожках, на бараньих ножках. — «Стань, избушка, по-старому, как мать поставила, к лесу задо́м, ко мне перед о́м!» — Избушка стала. Они зашли. Яга Ягишна лежит, в стену уперла ногами, а в другу головой. — «Фу-фу, русского духу отро́ду не слыхала, русский дух ко мне на двор пришел!» — «Напой, накорми, тогда вестей расспроси!» — Она сейчас п...ула, стол поддер-

нула, др...ула, щей плеснула, ногу подняла и пирог подала, титечками потрясла и молочка поднесла, ножки *возняла* и ложечек подала.

— «Куды же вы поехали?» — «Поехали мы за белым днем, за красным солнцем, за белою лунью, за частыми звездами, за глухою полночью». — «Не езди! Это у наших братьёв: один брат шестиглавый, другой девятиглавый, а третий 12-тиглавый!» — «Все-таки поеду!» — «А поедешь взад, так ко мне заедь!».

Ехали близко ли, далёко ли, низко ли, высоко ли, доезжают опять до избушки. Стоит избушка на козьих рожках, на бараньих ножках, повертывается. — «Стань, избушка, по-старому, как мать поставила, к лесу задом, ко мне передом!» — Избушка стала. Зашли. Яга Ягишна лежит, в стену уперла ногами, а в другу головой. — «Фу-фу, русского духу отроду не слыхала, русский дух ко мне на двор пришел!» — Яга Ягишна, нас накорми, тогда вестей расспроси!» — Она п...ула, стол поддернула, б...ула, щей плеснула, ногу подняла и пирог подала, титечками потрясла и молочка поднесла, ноги возняла и ложечек подала. — «Куды же ты, Ювашка, поехал?» — «Я поехал за белым днем, за белою лунью, за частыми звездами, за глухою полночью». — «Не езди! Это у наших у братьёв: один брат шестиглавый, другой девятиглавый, а третий 12-тиглавый». — «Все-таки поеду!» — «Взад обворотишься, так заедь ко мне в гости!» — «Заеду».

Ехали они близко ли, далёко ли, низко ли, высоко ли; подъезжают к морю. У моря стоит терем; у этого терема столб стоит, на столбе подпись: «Если двоё, так две ночи ночевать, а если троё, так три ночи ночевать!»... Шесть волнов ударило на море — из воды выходит шестиглавый Идолище. Увидал: «Такого мальчишку Бог сегодня мне прислал на съеданье, маленького?» — Сказал Ювашка: «Мал, да не съесть скоро!» — А Идолище сказал: «Я никого не боюсь! Боюсь Ивашки[1] Белой Рубашки — он еще молод!» — Ивашка сказал: «Давай *побра́туемся*!» — Как *полы́снул* его, сразу у него отшиб шесть голов. Поглядел после этого в левом кармане у него и в правом — нет ничего. Бросил тулово в море, а голову под камень; сам на отдых лёг.

Другие сутки подходят. Ударило девять волнов — девятиглавый Идолище идет из воды. — «Ох, какого на съеданье мне маленького прислали!» — «Мал, да скоро не

[1] Рассказчик произносил то «Ювашка», то (реже) «Ивашка».

съесть!» — «Никого я не боюсь, боюсь Ивашки Белой Рубашки — он еще молод!» — «Давай *побра́туемся*! До двух раз отдыхать». — Первый раз *пласнул* — шесть голов отшиб. — «Стой, чёрт! Ногу трёт». — Снял с себя сапог, бросил в терем — у терема половина крыши слетела. Засмотрелся Идолище — он и остатки отшиб у него. Поглядел в левом кармане и в правом — нет ничего. Тулово бросил в море, а голову под камень (покрепче). Лег на отдых.

На третьи сутки глядел больше на море. 12 волнов ударило — идёт 12-тиглавый Идолище к нему. — «Ох, какого маленького на съеданье мне прислали!» — «Мал, да не скоро съешь! Видишь зелен виноград, не знаешь, как ещё убрать его!» — «Я никого не боюсь! Боюсь Ювашки Белой Рубашки, он еще молод!» — «Давай *побратуемся!* До двух раз отдыхать!» — Первый раз сразились — шесть голов отшиб у него. — «Стой, чёрт, ногу трёт!» Снял сапог, бросил в терем — у терема последняя крыша слетела. Засмотрелся Идолище, он и остатки отшиб у него. Поглядел — в правом кармане красно солнце и белые луни, а в левом оказалось — частые звезды, глухая полночь. Все это он забрал, бросил его тулово в море, а голову под камень.

Сели на *ве́ршну* и поехали. Доезжают до первой Яги Ягишны; слез он с вершной и говорит товарищу: «Ты *айда́*, а я послушаю, что она будет говорить!» — Товарищ едет; она увидала. — «Вон *варна́ки-то*, моих братьёв *кончили*, думают также нас *кончать*! Не скоро! Я забегу вперед, сделаюсь жарой; и будет сад, в саду будет колодец: как в колодце воды напьются, их на три части разорвет!» — Выслушал он речи, сел на своего коня, подъехал и сказал ей: «Спасибо, стара сука, на старой хлебе-соли!» (Что накормила его.) — На это она сказала: «Я тебе, подлец!» — А он: «Я те, стара сука!»

Они поехали в путь. Немного отъехали, вдруг и сделались духота и жара, и сделался сад, в саду колодец. Подъехали к саду; товарищ говорит: «Надо напиться!» — «Погоди, товарищ, подержи мою лошадь, я сбегаю!» Взял плеть, пошел в сад; перекрестил этот колодец, плетью по колодцу ударил, Ягу Ягишну убил, и саду не стало.

Подъезжали к другой Яге Ягишне. Дал коня товарищу, сам выслушивал. Она увидала, что товарищ едет. — «Ах, подлецы-те! Братьёв *уходили*, да и сестру-ту, и меня хочут! Я не так сделаю!» — Дочь отвечает: «Что ты, мамонька, сделаешь с ними?» — «Я забегу вперед жарой,

и будет сад, в саду будет колодец: как в колодце воды напьются, их на три части разорвет!» Выслушал он речи, сел на своего коня, подъехал и сказал ей: «Спасибо, стара сука, на старой хлебе-соли!» — Сделалось не черезо много время жара, и сделался сад, в саду колодец. Подъехали к саду. Товарищ говорит: «Надо напиться!» — «Погоди, товарищ, подержи мою лошадь, я сбегаю!» — Перекрестил этот колодец, резнул Ягу Ягишну, убил, и саду не стало.

Тогда они поехали к третьей тетке! Дал товарищу лошадь, сам выслушивал. Увидала: — «Я ведь не так сделаю, как сестры! Я забегу вперед и сделаюсь бурей, как заглону их сразу, и только!» — Он сел на *вершну*, подогнал, сказал: «Спасибо, стара сука, на старой хлебе-соли!» — «Я те, подлецу!» — Сел он на *вершну,* сказал товарищу: «Если ты за мной успеешь, так ладно, а не успеешь, мне *гнать* нещадно в селенье надо!» — Приезжает в селенье прямо к кузнецу в кузницу. — «Кузнец, сохраняй меня! Я царский посланник, тебе за это я заплачу!» — Кузнец навалил угля, раздул 12 мехов и сделал в комнате жар (жарко). Она бежит — со многих крыш сосрывала тёс, бежит бурей. Прибежала к кузнице. — «Кузнец, отдай мне Ювашку!» — «Если лизнешь три раза горячую наковальню, тогда я тебе отдам!» — Кузнец накалил, из наковальни искры сыплют, красную накалил. Вытаскивал кузнец наковальню, приказал ей лизать. Она два раза лизнула; он говорит: «Наковальня остыла, погоди!» — Покалил еще попуще. Потом кузнец вытащил во второй раз. Она язык выпялила, кузнец мог за язык поймать ее клещами, а Ювашке приказал молотом (балдой) ее бить.

Как ее усмирили, Ивашке передал клещи держать Ягу Ягишну, а кузнец склепал ей узду железную. Потом кузнец ее сделал кобылой, обуздал (надел на нее узду). Приказал кузнец: «Смотри, у ней сын Олёшка и дочь. Дочь сделается старухой. Станут они тебе говорить: «Хорош молодец, на кобыле едешь!» — ты ничего на ответ не говори!»

Ивашка на нее сел и поехал. Поехали в путь к царю. Сначала идет старуха и говорит: «Хорош ты молодец, да на кобыле едешь!» — Он ничего с ней не говорит, одно свое *понюжает* только ее. Не черезо много время бежит ее сын Олёшка Коро́тенька Ножка. — Олёшка скричал: «Хорош молодец, да на кобыле едешь!» — Ювашка ответил: «Ладно, я на кобыле еду, а ты пешком идешь!» — Он

ссадил его с матери, отобрал у него красно солнце, и белы *луни*, и глухую полночь, все отобрал.

Загоревался Ювашка. Олёшка ему сказал: «Ювашка, сослужи мне службу — я тебе все отдам назад!» — «Каку́ ты службу на меня наложишь?» — «Я нало́жу на тебя службу: у Яги Ягишны высватай мне дочь! (Я сам не мог высватать.) Тогда я тебе все обрачу назад!» — Ювашка посулился высватать. Товарища оставил с Олешкой, а сам Ювашка отправился к Яге Ягишне. («Дожидайся, я прибуду сюды́».)

Доходит Ювашка до селенья, с горя берет сороковушку водки: «Надо выпить!» — говорит. Пьяница сидит и говорит: «Ювашка, не пей, подай мне!» — Ювашка сказал: «Ты что горазд делать?» — «Я горазд хлеб есть!» — Потом они пошли с ним двоё, дошли до другого селенья. Заходит он в питейное заведение, берет сороковушку, хочет вино пить. Другой пьяница говорит: «Не пей, подай мне!» — «А что ты горазд делать?» — «Я горазд в бане париться». — Пьяница выпил сороковушку; пошли они троё.

Заходят они в третье селенье. Берет он сороковушку. — «Вы, ребята, выпили, я не выпил!» Хочет сороковушку пить. Третий пьяница говорит: «Подай мне!» — «А что горазд делать?» — «Я горазд воду пить». — Не стал Ювашка пить, подал и этому. — Заходят еще в селение. Берет Ювашка сороковушку, хочет пить: — «Вы, ребята, выпили, я не выпил!» — Пьяница говорит: «Не пей, дай мне!» — «А что горазд делать?» — «Я горазд на́ небо летать и звезды ловить». — Не стал Ювашка пить, подал и этому. Составилось их теперь четверо.

Приходят они к Яге Ягишне. Яга Ягишна лежит, в одну стену уперла головой, в другу ногами. — «Фу-фу, русского духу отро́ду не слыхала, а русский дух ко мне много нашел!» — Ювашка сказал: «Напой, накорми, у меня вестей расспроси». — Она п...ула, стол поддёрнула, д...ула, щей плеснула, ногу подняла и пирог подала, титечками потрясла и молочка поднесла, ножки возняла и ложки подала. Ювашка сказал, что «мы пришли к тебе за добрым словом, за сватаньем; а сватаем не за себя, а за Олёшку Коротеньку Ножку!» — «Сослужите мне службы, которые я на вас наложу, так тогда я вам и дочь отдам!.. Сначала напеку я вам 10 пудов хлеба: если вы съедите в день, так вот вам и служба первая!» — Напекла 10 пудов хлеба. Ювашка сказал: «Кто горазд, ребята, хлеб есть!» — «Я, барин!» — «Ну давай, ешь!» — И он начал упле-

тать, только *мяхки* летят. Съел этот хлеб в один час, сказал, что «барин, я не наелся еще!» — «Вот ты, — говорит, — одного не могла накормить!»

«Вот я другую службу налóжу на вас: затоплю я баню; можете ли вы этот жар выдержать в вечер?» — До того она накалила — каждый камень покраснел; потом послала их париться. — «Что, ребята, кто горазд в бане париться?» — «Я, барин!» — Пошел он париться; в один угол б...ул, в другой п...ул, и сделался в бане мороз, и сугробы оказались снéгу. Приходит из бани и говорит: «Барин, я озяб! Ничего не мог выпариться!» — Она не поверила, сбегала: верно, холодно в бане.

«Еще налóжу вам последнюю службу: сколько у меня посуды есть, натаскаю воды — выпьете ли вы в день?» — Она натаскала воды, *запростáла* всю свою посуду. — «Кто, ребята, горазд воду пить?» — «Я, барин!» — К которой посуде подойдет, все выпьет. — «Барин, я не напился!» (Сколь посуды ни было, все выпил).

Дочь выходит. — «Вот, я звездой излажýю (сделаюсь), полечу: поймаете, так ваша!» — Ювашка сказал: «Полетай! Кто горазд на небо летать и звезды ловить?» — Один и говорит: «Я, барин!» — «*Айдá*, полетай, лови!» — Этот самый пьяница сделался звездой, полетел и поймал Яги Ягишны дочь. Спустил ее нá землю.

Она ему и говорит: «Послушай, Ювашка, я за него замуж не пойду, а пойду за тебя! Что я тебе прикажу, только ты то и делай! На место мы приедем — он теперь стоит у провалища — ты *перво* выпроси у него красно солнце, и белые луни, и частые звезды, и глухую полночь, отбери это все к себе; потом ему мать не давай и меня не давай! Потом скажи; если ты, Олёшка Коротенька Ножка, пройдешь по этому месту, так я тебе мать отдам и невесту отдам!..» — Олёшка был не согластен; а Ювашка не дает: «Если ты не пройдешь, я тебе ничё не дам!» — Олёшка хотел схитриться, а Ювашка его *фы́рнул*, столкнул его в провалище.

Посадил жену на коня, а сам сел на Ягу Ягишну (на мать на кобылу), и поехали троё к царю. Приезжают к царю. Пущают белый день и красно солнце сначала. До вечеру доживают, пустили белые луни, частые звезды и глухую полночь изладили, вовремя. Тогда Ювашка женился на Яге Ягишне дочери, повенчалися, а царь его за это похвалил, что он предоставил.

14(43). КОЖА МЕДВЕЖЬЯ-ЛИЦО ЧЕЛОВЕЧЬЕ И САМ С НОГОТОК-БОРОДА С ЛОКОТОК

Рассказал Ф. Д. Шешнев

Пошел мужик в лес. Поймала его медвежи́ха, приговорила его к себе. Про́жил он с ней год и на́жил ребенка. Ребенок родился: кожа медвежья — лицо человечье.

«Тятенька! Что нам с ней жить? Она ведь нас съест!» — «*Айда́*, где ты жил, домой!» — «*Айда*! Я убью ее», — говорит. Убил сын ее. Побежали они домой.

У сына две силы — человечья и медвежья. Пришел он домой; начал с ребятёшками поигрывать — кому руку оторвет, кому ногу. И на́чала на него жалоба.

Отцу это неприятно, — «Ах, оказия!.. У меня, — говорит, — сынок, жил в работниках чёрт; лошадка была у меня буренькая». (Медведь.) Велел сыну привести. Тот привел чёрта и медведя.

«Ну, теперь, тятенька, у тебя долг есть на ком?» — «Есть, — говорит, — у меня на царю 12 мешков золотых». — «Поедем по долг!»

Кожа медвежья-лицо человечье сел в *задок*, а чёрт сел на козлы. Приезжают к царскому двору, доказывают, что по долг приехали. Царь приказал на всех церквах звонить в колокола: «Что такая невежа приехала, — говорит. — Я никому не должен!»

Кожа медвежья-лицо человечье заставила орать песни чёрта. Чёрт песни заорал — ни пушек, ни звону — ничего не слыхать стало.

Подъезжают. Царь испугался; выкинули ему все 12 мешков золота. Поехали домой с деньгами; подъезжают к отцу — отец не рад и деньгам.

Видит сынок, что отцу его держать неохота. — «Тятенька! Благослови меня, да дай-ка мне три каравая хлеба!» — Взял три каравая хлеба, пошел по большой дороге.

Идет богатырь трехглавый: — «Ах, какая невежа идет!» — Кожа медвежья-лицо человечье взял его да об дорогу его и ударил. — «Батюшка, не бей! — говорит. — Я буду твой меньшой брат!» — Отправился с ним. Идет.

Идет опять шестиглавый змей. — «О! — говорит, — за каким ты невежой идешь!» — Кожа медвежья-лицо чело-

вечье взял да и ударил его об дорогу. — «Батюшка, не бей! Я буду ваш середний брат».

Зашли в сторону. Стоит избушка. Зашли в эту избушку. — «Ну-ка, братья, давайте-ка стрелять!» — Пошли охотничать. Одного брата, меньшóго, оставили в избушке.

Он глядел-глядел, да увидал дудочку под *маткой*. Начал в дудочку играть. Прибегает Сам с ноготок-борода с локоток, а усы семь четвертей и давай его рвать за дудочку.

Бил, бил, бил и опять дудочку заткнул, убежал.

Приходят братовья с охоты. — «Что ты лежишь?» — «Я шибко угорел!» — Не сказывает, что он его бил.

Уходят на другой день; остается середний брат в избушке. И этот — глядел-глядел, дудочку увидал, начал в дудочку играть. Прибегает Сам с ноготок-борода с локоток, а усы семь четвертей, сгреб его, давай бить...

Приходят с охоты. — «Я что-то не могу!» — (Малый брат про себя и думает: «Видно, ему угар-от мой был!»)

Остается Кожа медвежья-лицо человечье. Увидал дудочку, давай играть. Прибегает Сам с ноготок-борода с локоток, а усы семь четвертей, сгреб его, хотел бить. А он взял его, за ус поймал, угол поднял и *замшил* его. Рвался, рвался, оторвался; без уса убежал, без одного (об одним у́се).

Приходят те братовья. Он обсказывает. — «Пойдемте разыскивать его!»

Пошли искать. Нашли дом: девица живет в нем. — «Где Сам с ноготок-борода с локоток поживает?» — «Он у середней сестре; его кто-то избил», — говорит.

Отправились к середней сестре. Приходят: — «Где такой Сам с ноготок-борода с локоток?» — «Он лежит на песке, на плите отдыхает; его кто-то избил. «Вам, — говорит, — его так не убить; а ежли плиту перевернете, и его задавите».

Кожа медвежья-лицо человечье подхватил плиту, перевернул, задавил его. Отправились домой и осталися в этом дому жизнь свою коротать.

15(22). ИВАН-ЦАРЕВИЧ И САМ С НОГОТЬ-БОРОДА С ЛОКОТЬ

Рассказал А. Д. Ломтев

Жил-был царь. У царя был сын Иван-царевич. Захотелось ему в поле погулять; и вот он ходил по́ лесу близ недели. *Натака́лся* на Горыню-богатыря; потом они сдружились, пошли с ним вместе. После этого еще натакались на Усыню-богатыря. Их составилось трое теперь.

Доходят они до такого дома, в диком лесу. Дом этот кругом заперт. Подходят к воротам; ворота на тяжелом замке заперты. Заставлял он Усыню-богатыря замок ломать; Усыня-богатырь никак не мог этот замок изломать. Горыню заставлял (Иван-царевич все глядит на них); Горыня тоже не мог поломать замок этот. А Иван-царевич после них — как взял за замок — куды замок полетел: живо все разломал и ворота отворил. Заходят они во двор, увидели там разной скотины — коров, овец — много.

Нужно им ворваться в комнаты, а дверь тоже на тяжелом замке за́перта. Иван-царевич тогда их не заставлял, взял за замок, изломал, заходит в комнаты. В комнате никого нет. Прошли они в амбары, нашли мяса и белого хлеба; притащили, начали мясо жарить и самовар ставить. Приготовили они кушанья, наелись.

А дров у них во дворе нету, не предвидится. Нашли они топоры; Иван-царевич говорит, что «мы пойдем с Горыней дрова рубить, а ты, Усыня, к вечеру нам нажарь и навари больше говядины». — Усыня-богатырь варит говядину; кинулся в комод, в комоде деньги нашел, выворотил их из бумажнику, деньги посчитывает, а сам песенки попевает, веселится. Потом является к нему Сам с ноготь, а борода у него с локоть; сказал: «Кто в дому?» — А Усыня отвечает: «Я, Усыня-богатырь!» — «Тебя и надо!» — Взял Усыню-богатыря, принялся его трепать; до того его *ухáйкал* и под лавку запихнул, а пищу у них нагадил, только вроде ополоски оставил. Ушел он тогда из комнат.

Усыня-богатырь кое-как развернулся, отошел; принес свежей говядины, начал сызнова варить. *Варю* приставил, сам *размухлынился* (голову растрепал), сидит невеселый. (*Ухайкал* тот его.) Приходит Иван-царевич с Горыней-богатырем — товарищ у него невеселый. — «Что же ты, товарищ, очень невеселый! Как нас встречаешь! Или что не-

здоров?» — Усыня отвечает, что «я угорел». — Сели, поужинали, ночь переночевали.

Поутру позавтракали, оставляют Горыню-богатыря варить, а сами пошли дрова рубить, Иван-царевич с Усыней-богатырем. Горыня-богатырь приготовил пищу, посиживает за столом, деньги посчитывает. Приходит к нему Сам с ноготь-борода с локоть. — «Кто у меня в дому?» — «Я, Горыня-богатырь!» — «Тебя и надо!» — Взял Сам с ноготь-борода с локоть и принялся его трепать — только у него ножки мелькают — как он его *полыщет*! До того его добил, что и под лавку забил; запихнул, сам отправился в путь.

Сидит (Горыня), *размухлынился* так же. Приходят его товарищи. — «Что ты, Горыня-богатырь, не весел?» — «Да не привыкшен я; жарко, видно, закрыл в избе, угорел, головушка болит». — Поужинали, легли спать.

А поутру́ назавтракались. Иван-царевич их проводил дрова рубить, а сам остался варить. Приходит к нему Сам с ноготь-борода с локоть. — «Кто здесь?» — «Иван-царевич». — Подскочил к нему, хотел его взять: Иван-царевич его толкнул, он к порогу улетел. Тогда он подбегает, лезет к Ивану-царевичу опять к рылу; тогда Иван-царевич схватил его за́ бороду и начал об пол бить; много время хлестал, наконец выбросил его на двор. Его товарищи приходят. Иван-царевич спрашивает: «Как ваши головушки угорели? Сильно ли?» (Смеялся над ними!) Сели за стол, наелись как *требно* быть.

Иван-царевич сказал: «Пойдемте искать здешнего хозяина, который вас бил!» — *То* они искали по всем конюшням и везде — нигде не могут найти. Однако пришли к одному месту, тут есть вроде колодца такое провалище. *То* они нашли снасти, связали долгий канат и изладили зыбку; сделали также валок, к зыбке приладили. Иван-царевич сел. — «Если я найду его, убью там, приду обратно, тряхну за веревку — вы меня тащите!» — Тогда спустили его. Вот он ходит-ходит, *натакался* на дом: стоит дом не хуже того; заходит в этот дом.

В первой комнате сидит деви́ца. Он с ней поздоровался. Девица отвечает: «Куда, молоде́ц, пошел?» — Иван-царевич отвечал: «Я пошел искать самого хозяина Сам с ноготь-борода с локоть». — Девица отвечает: «Это наш хозяин». — «Где же он?» — «Поди во вторую комнату: там сидит девица, она тебе скажет!» — Во вторую комнату пришел, увидала его девица; с ней он поздоровался. — «Куда же ты, молодец, пошел?» — «Я пошел вас просить здешне-

го хозяина, где он есть?»— Девица эта отвечает: «Поди же ты в третью комнату, там сидит девица: она тебе скажет, а я не скажу!»

Заходит он в третью комнату; такая девица сидит — одним словом, фрейлина: очень хороша всем. С девицей он поздоровался.— «Куда, молодец, пошел? Скажи: откуль, какого роду-племени?»— Иван-царевич ответил: «Я роду не простого, Иван-царевич; нужно бы мне вашего хозяина *кончить*; скажи мне, где он есть?»— Девица отвечала: «Если ты меня возьмешь замуж (когда если *кончишь* его), тогда я тебе скажу!»— Иван-царевич отвечал: «С великой охотой, умница, я тебя возьму, только скажи! Нужно мне его замирить (*кончить*)».— Девица отвечала:«Поди же ты к этому вот амбару; в этом амбаре есть два бочонка: один бочонок живой воды, а другой — мертвой; ты эти бочонки с места на место переставь: мертвую воду на живую, а живую на мертвую! Тогда иди вот в этот подвал: в этом подвале он спит; когда если сила есть, так можешь ты его бить. И все-таки он очувствуется, сколько ты его ни бьешь; тогда он живой воды напьется, очувствуется, опять будет живой жить!»

Приходит он в этот подвал, увидал его сонного, взял его за бороду, давай его бить о́б землю, где о́ пол, до той степени его растрепал, наконец бросил его. Полежал Сам с ноготь немного, соскочил, кинулся к бочонку; накатался тогда он мертвой воды, тогда его на три части ро́зорвало.

Приходит Иван-царевич к девице (к первой); брал их всех трех, приходит к этому провалищу, где у него зыбка спущена. Тогда посадил первую девицу, тряхнул за канат; молодцы́, Горыня-богатырь с Усыней, принялись, вытащили девицу. Тогда Горыня-богатырь: «Вот мне невеста!»— А девица отвечает: «Спущайте: там еще две девицы!»— *То* они спустили зыбку; посадил Иван-царевич вторую девицу. Вытащили вторую девицу; говорили тогда Усыня с Горыней-богатырем, что «Нам будет по девице; не будем больше!»— Эти упрашивают: «Спустите, может вам и та приглянется лучше еще!»— Тогда они спустили в третий раз; вытащили и третью девицу (посадил он).

Последняя девица очень красавица: Горыня-богатырь говорит, что «я возьму эту замуж». А девица упрашивать: «Вытащите Ивана-царевича!»— *То* они спустили зыбку и оговариваются: «Если нам его вытащить, он нам не даст невесты».— *То* они удумали: дотащили много, отрезали канат, он и *бухнулся* назад. («Вот-де убьем его!»)— Тогда

последняя девица — купеческая дочь, проживалась тут — повела в свой город их.

Иван-царевич ходил много время там; разыскал такой дуб; на дубу есть могут-птицыны дети. Накатилась туча и град сильный, начало побивать, а дети начали пищать. Очень скоро на дуб Иван-царевич залезал, пальто с себя снимал, закрывал от граду детей. Проходит только туча, *и́ха* мать летит, увидала Ивана-царевича, хотела его исхитить; а дети отвечают. «Пожалей, мать, не шевель его!» — Мать спустилась на землю, отвечала: «Иван-царевич, что тебе нужно? Я тебя пожалею!» — «Мне бы нужно на тот свет, вот в такое-то провалище вылететь».

То Могут-птица сказала: «Вот тебе лучок и стрелы, давай стреляй дичятины мне на *жертву!*» — *То* он настрелял много всякой птицы; потом они наготовили, *начередили* и отправились в провалище лететь. *То* она могла его вывести из этого провалища. Тогда распростились с ней; она спустилась назад, а он отправился в ход по земле.

Нечаянно Иван-царевич в этот самый город приходит, где хорошая девица, купеческая, живет. А у этого купца собирается пир на весь мир; свою дочь хочет венчать на Горыне-богатыре. Народ идет, и Иван-царевич также приходит у него во *дворец*. Съехалось много князей, и бояров, и купечества — полны комнаты, и много во дворе народу; во дворе было тесно — много народу теснотились. Иван-царевич одного толкнет, а десять валятся. Тогда народом сдумали его запереть в такой курятник, чтобы не было его тута, мошенника.

Купеческая дочь обносила всем по бокалу, искала своего жениха, Иван-царевича; нигде не может найти. (Она ищет его все-таки.) Одному подносит бокал, а у него рука не подымается, бокал принять не может. Девица: «Почему рука у тебя болит, отчего?» — «Есть такой *хитник*, пришел во *дворец* к вам: одного, — говорит, — толкнул, 10 повалились, чуть и всех нас не убил!» — «Где же он?» — «Мы его затолкали в курятник, заперли народом». — *То* девица купеческая не стала водку подавать, пошла молодца́ в курятнике глядеть, что за молодец. Приходит, обознала Ивана-царевича, подала ему бокал водки, поцеловала его, взяла за ручку, повела в комнаты.

Приводит его в комнаты; тогда Горыня-богатырь с Усыней ахнули, испужалися. Тогда сказал Иван-царевич: «Что вы, подлецы, наделали? Как я вам показывал, почему вы меня не вытащили?» — Тогда пали перед ним на колени, сказали, что «Иван-царевич, как можно, пожалей

нас!» — Иван-царевич пожалел их, приказал на тех девицах жениться им: которая *наперво* вытащена, на Усыне-богатырю, а вторая — Горыне. Иван-царевич приказал всем повенчаться враз. Поехали они в церкву, повенчались.

То приказал после этого своей жене баню изготовить. Приходит в баню; она натащила на него хорошие рубашки и подштанники. Он и говорит: «Мне это не нужно, у меня рубашки свои есть!» — А у него было кольцо: перебросил он с руки на́ руки это кольцо, выскочило 25 *ухорезов*. — «Что ты, Иван-царевич, нас покликаешь, на какие работы посылаешь?» — «Нужно мне царскую одежду предоставить — рубашку и подштанники хорошие, свежие! (Не хочу, — говорит, — женино надевать, подай свое!)» — Вымылся, обрядился в царскую одежду. Приходит он в купеческие палаты; приказывал своей жене задать себе не меньше трех ведер водки. Купец завел пир на весь мир; кутили сутки.

Дело к ночи идет. Тогда купеческой дочери велел у родителя спросить: «Где под поло́м подведёны *ма́тки* здоровые (чтобы не мог пол подломиться подо мной)? — На три часа я лягу спать; буду храпеть — дом ваш затрясется, — говорит, — пущай ваш родитель не пугается: это будет только на три часа». Купец сказал: «Вот тут *матки* здоровы положены: тут можете, Иван-царевич, ложиться!» — Жена ему раскинула постелю мягкую — перину пуховую, подушки мягкие, и одеялом соболиным прикрыла. Заснул он крепко; стал очень храпеть, и комнаты дрожат. Родитель у него испужался: «Это, мила дочь, что такое будет?» — «Это не на долгое время, только на три часа, тятенька, подожди!»

То он проснулся сверх трех часов. — «Будет, милая жена, проживаться здесь: я хочу отправляться домой, меня дома потеряли». — *То* Иван-царевич перебросил с руки на́ руки кольцо свое, выскочило 25 *ухорезов*; сказали *ухорезы*: «Что ты нас покликаешь, на какие работы посылаешь?» — «Нужно мне тройку лошадей и карета с кучером!» — *То* предоставили ему карету и лошадей с кучером; садился с купеческой дочерью, отправлялся домой. Приезжают в свое государство, заезжают во дворец. Увидели Ивана-царевича, очень сделались рады. — «Где же ты, Иван-царевич, проживался многое время?» — «Много я, тятенька, везде *блудил*, много ходил, вот разыскал себе невесту хорошую, будем с ней поживать». — «Хорошее дело!»

16(59). КУПЕЧЕСКИЙ СЫН И ЧУДИЛИЩЕ НА СТЕКЛЯННОЙ ГОРЕ

Рассказал П. В. Наумов

В некотором царстве, не в нашем государстве жил-был купец. У него была дочь. Ее сватали — купеческий сын, потом Чу́дилище сватал ее. За Чудилище не отда́ли, отказали ему. Чудилище говорит: «Если не отдадите, то я украду».— Так и порешили, что отдать за купца, и о́тдали.

Он состроил ей особую комнату и держал там взаперте́.

И у него были дети уже. Дети выйдут на улицу — и кричат там, дразнят их: «У вас мамы *нетука*!»— Они пришли и у няни спрашивают: «Няня, разве нет мамы?»— Она и отвечает: «Нет, у вас есть мама, только она взаперте, нельзя выпускать ее».

«Как же бы нам ее поглядеть?» — «А вот когда у вас папаша ляжет спать, вы украдите у него из-под головы ключи, и ступайте отворить эту комнату, и увидите маму».

Они так и сделали — пошли и отворили. Мать обрадовалась, начала их целовать. Повидались, ушли и не заперли. И опять ключи подсунули отцу в зголова́.

Отец пошел, глядит: жены *нетука*. Он сразу подумал, что это утащил Чудилище жену. Пришел домой и стал расспрашивать, кто ходил к жене? Дети повинились, что «Мы ходили, маму глядели».— И он хотел их расстрелять. Ну, его уговорили.

Он говорит: «Ступайте, куда хотите, найдите мать, а без матери не ходите!»

Они нашли и сели на флот и поехали по́ морю. Ехали, ехали, приехали: глядят — стеклянная гора. Старший брат говорит: «Вы здесь оставайтесь, а я пойду! — Ежели чего, дак я вам веревкой дёрну! Вы здесь припасайтесь!»

Потом он идет, глядит: стеклянная изба. Заходит в эту избу, глядит: сидит красавица. Стал он рассказывать: «Вот у нас мама потерялась»...— Она говорит: «Ступай, там еще придет изба, сидит красавица, она тебе скажет».

Он подходит, глядит: стеклянная опять изба. Заходит в нее; тут сидит красавица. Спрашивает ей: «Не знаешь ли? Тут у нас мама потерялась; сказывают: в такой же избе живет, у Чудилища»[1].

[1] Тут ясный пропуск.

Он пошел по тропочке. Подошел, глядит: большущий стеклянный дом. Заходит в этот дом. Глядит: сидит его здеся-ка мать. Он обрадовался и мать обрадовалась. Начали целоваться.

Мать говорит: «Куда я тебя спрячу? Чудилище прилетит, убьет тебя».— Она хлопнула *зорькой* и сделала его булавочкой. Чудилище прилетает и говорит, что «здеся-ка русским духом пахнет».— «Ты летал по Руси и нахватался русского духу!»

Потом она ему приготовила обедать. Он пообедал; она ему начала в бороде шарить и говорит: «Ох ты, миленький мой! Какой ты стал старый! Ежли бы был мой сын здеся-ка, ты бы все ему препоручил?» — «Да, препоручил (бы)!» говорит.

Она хлопнула *зорькой*, очутился здеся-ка сын. Он, верно, все ему препоручил.

Потом стал ему казать: «Эту воду пей, эту не пей! Эти плоды ешь, эти не ешь!»— Потом он ходил *тутака* и глядел. Потом отправил мать к братовьям, с матерью — однаё красавицу. Братовья стали (двое их было) об красавице драться. Мать говорит: «Не деритесь! Там еще есть».— Он им спустил другу́ красавицу. Они уехали от нее (от матери).

Ему стало скучно. Которы не велел он (Чудилище) плоды ему есть, он их съел; котору воду не велел пить, он выпил ее. Почувствовал себя, что он стал здоровый. Глядит: тут в *завóзне* (*алú* в амбаре) 12 замков. Он их сорвал. Оттуда выбежал конь. Он его схватил за гриву и говорит: «Стой!»— Конь говорит: «Отпусти меня погулять в чисто поле! Я сто лет здесь заколдован сидел. Ежли я тебе только понадоблюсь, ты скричи: где ты, конь?— Я тут же буду!»

Враз прилетает Чудилище и хотело ссечь ему голову мечом. И говорит: «Ты всю силу мою поел!»— Уж он тогда ослаб, Чудилище. Этот самый кавалер начал с ним барахтаться, выхватил у него меч и ссек ему голову.

Потом зашел в комнату, глядит: лежит *зорька*. Он ее ударил — выскочило два лакея.— «Что, барин, прикажете?»— «Поесть!»— Он поехал и вышел на двор. И вспомнил: «Ох, где-то мой конь?»— Конь тут же, сейчас тут и был. Конь говорит: «Что ты меня тогда не кричал, когда он тебе хотел ссечь голову мечом? Теперь садись на меня, бей меня по бедрáм и *айдá* на мою сторону!»

Они ехали по морю и нагнали братовьёв. Конь говорит: «Похитим их или нет?» — «Пущай едут с Богом!»

Приехали в село на родину. Стал на квартеру к старушке со стариком.

Через несколько времени приехали братовья и начали на красавицах жениться. Невеста-красавица эта и говорит: «Мне платье нужно такое, какое я носила на стеклянной горе!» — Но никто не мог сшить на нее такое платье.

Этот детина самый посылает старика и говорит: «Ступай, дедушка, возьмись шить платье!» — Старик говорит: «Что ты, батюшка? Нам ведь не сшить!» — «*Айда* берись-ка, знай!»

Он пошел и взялся сшить платье. Пришел домой; детина этот взял, матерье все изрезал и выбросил. Старуха старика начала ругать: «Вот ты взялся там! Теперь тебе чего будет?» — Детина говорит: «Не тужи, дедушка, завтра утром готово будет!»

Детина утром рано выходит на двор и ударил *зорькой*. Выходит барышня. — «Что вам, барин, нужно?» — «Мне нужно платье такое, какое носила барышня на стеклянной горе!» — И сейчас же барышня подаёт ему платье. Детина будит старика и говорит: «Дедушка, *айда* неси платье! Готово!»

Старик снёс. Невесте понравилось это платье; говорит: «Точно такое это платье, какое я носила на стеклянной горе». — Старику дали за это награду. Он пошел домой.

Жених говорит: «Ну, теперь венчаться!» — Невеста говорит: «Мне нужны башмачки такие, какие я носила на стеклянной горе!» — Кому ни закажут — никто не может сшить.

Детина посылает старика: «Ступай возьмись!» — Старик пошел и взялся. Над ним засмеялись: «Что за старичонка! Какой мастер!» — Он принес товар домой, старик. Детина его изрезал и выбросил в окошко. Старуха заревела: «Старик! Чё наделал? Теперь тебе будет казнь!» — Детина говорит: «Не тужи, бабушка! Завтра утром будет готово!»

Утром встал господин и ударил *зорькой*. Выскочил *чеботарь*: «Что, барин, прикажете?» — «Башмаки такие точно, какие носила барышня на стеклянной горе!» — Башмаки готовы. Старик понес; ему дали награду там.

Еще невесте нужно было таку́ карету, на какой она венчалась на стеклянной горе. Кому ни закажут, но никто не может сделать.

Детина послал старика: «*Айда,* дедушка, возьмись! Мы сделаем».— Старик пришел: «Я сделаю».— «Ежли сделаешь, мы тебя наградим; а не сделаешь, так расстреляем!»

Старик идет с печалью домой.— «Ну, дедушка, взялся?» — «Взялся, батюшка! Стращают: «Не сделаешь, так расстреляем!» — Старуха старика начала ругать...— «Не тужите! Завтра готова будет!»

Утром встал и хлопнул *зорькой.* Карета готова. Будит старика и говорит: «Дедушка, *айда,* вези!»— Старик обрадовался; повез карету, сдал там. Дали ему награду. Невеста говорит: «Точно такая, на какой я венчалась на стеклянной горе!»

Жених говорит: «Ну, теперь венчаться!»— Она: «*Ували́те* через море плотину и состройте через море церкву!»— Всех напугало. Детина посылает старика: «*Айда,* дедушка, возьмись подрядом *увáливать*!»

Старик пошел туда и говорит, что «я *увалю*!»— Над ним засмеялись:— «Ладно, дедушка, возьмись! Только чтобы в три года готово было!»— Старик говорит: «Не в три года, а в три месяца будет готова!» — «Если ты сделаешь, мы тебя начальником сделаем; а не сделаешь, то на куски изрежем!»

Старик пришел домой и сказывает старухе. Старуха захворала. Детина говорит: «Не тужи, бабушка! Все готово будет!»

Утром встает старуха, глядит: на улице народ в тележках. (Рабочие *нагнали.*) «Старик, горим!»— Детина говорит: «Бабушка, не кричи! Это наши рабочие!»— Старик встал, опоясал синей опояской и пошел подрядчиком. Начали *увáливать.* В три месяца *увалили.*

Старика наградили и поставили в начальники. Невеста говорит: «Вот теперь поедем венчаться!»

Когда они собирались венчаться, детина сел на коня и выехал на плотину. Сколько нейдёт народу, он всех на этом коне убьет.

Потом доложили самому купцу. Купец едет и узнал, что его сын на коне. Сын пал с лошади и прямо к отцу; все рассказал: как оставили его на стеклянной горе братовья... Отец разрешил жениться ему. Невеста от него отпёрлась, согласилась за этого, который их выручил на стеклянной горе от Чудилища. Повенчалась с ним.

Отец того сына, который изменил брату, посадил на ворота и расстрелял. Старший брат женился на этой на красавице; стал жить-поживать, добра наживать.

17(27). ЛАРОКОПИЙ-ЦАРЕВИЧ

Рассказал А. Д. Ломтев

Жил-был царь. У него было два сына да дочь. Стал царь помирать, жене наказывает, что «отдай (дочь) не за простых (женихов), а за богатырей».— Царь помер; дети его схоронили и поминочки отвели.

Не через долгое время приезжает Ворон Воронéвич к нему. Говорит царевне, что «отдай ты (дочь) за меня, за богатыря!»— *То* она отдала свою дочь за этого богатыря. *То* увёз он ее в свое место.

Стал проситься после этого Василий-царевич к своему зятю в гости. Мать ему говорила, что «милый сын, ехать хорошо, а не ехать лучше того, чтобы тебя зять не убил!»— Не послушал Василий-царевич, сел на коня и поехал.

Ехал он не путей, не дорогой — чащáми, *трещобами, Уралом.* Видит: конный табун, сто голов, пасется. Спросил он пастуха: «Чей это табун?»— Сказали пастухи: «Это табун Ворона Воронéвича Семигородéвича: он в семи городах побывал, семь богатырей убил».

Поехал он вперед. Видит: табун двести голов пасется коровьего. Спросил Василий-царевич: «Чей это табун пасется?»— «Ворона Вороневича».— Отправлялся опять вперед. Увидал: овечий табун пасется, триста голов.— «Чей это табун пасется?»— «Ворона Вороневича!»

Подъезжает к дому; сестра его встречала со слезами. Привязал коня он к столбу, сам зашел в его палаты. Не через долгое время летит Ворон Вороневич, увидал: у его столба стоит конь привязан. *То* заходит в палаты, жене своей и говорит: «Станови самовар, тащи нам *чигунных* орехов!»— Очень скоро самовар поспешился, начали чаёк попивать, орешки поедать.— «Кушай, Василий-царевич, мои орешки!»— сказал Ворон Вороневич: Василий-царевич не мог один раскусить, а он сам покусывает — только огонь летит. После чаю вышли с ним за дворец на луга.— «На-ка, Василий-царевич, мою боёву палицу, кинь ее кверху: я погляжу, как она полетит?» Взял боёву палицу Василий-царевич, мало-мало, кое-как выше себя только её бросил, Ворон Вороневич взял боёву палицу, *фырнýл* ее кверху — насилу боёву палицу дождался, когда прилетела! Как ударил, расшиб Василия-царевича на мелки дребезги.

Тогда столб этот выворотил, его закопал и столб поставил на ста́ро место. (Вот тебе и шурин!)

Тогда родительница ждала его цельный месяц — не может дождаться. Тогда просился у ней малый сын, Иван-царевич. Со слезами мать его уговаривала: «Не езди, непременно и тебя убьет! С кем я буду жить?!» — Иван-царевич на нее не посмотрел, поймал себе коня, поехал. Ехал не путей, не дорогами — чаща́ми, *трещобами, Уралом. Натакался* на конный табун. «Чей это табун пасется?» — «Ворона Вороневича». — Продолжает путь; увидел: двести голов пасется коровьего. «Чей это табун пасется?» — «Ворона Вороневича». — Продолжает путь, увидел: триста голов овец. — «Чей это табун пасется?» — «Ворона Вороневича». — Подъезжает к его дому. Сестра выходит, встречает Ивана-царевича со слезами. — «Напрасно, родной братец, приехал! *Однако* тебе живому тоже не быть!» — Привязал он к медному столбу коня, зашел в его палаты.

Не через много время летит Ворон Вороневич, ударился об *пора́т* и сделался молодцо́м; приходит в свой дом, приказал своей жене становить самовар и притащить *чигунных* орехов на угощенье. *То* Ворон Вороневич орехи пощелкивает — только огонь летит, а Иван-царевич не мог и одного раскусить. *То* после этого вышли с ним в луга, в *разгулку*. — «На-ка, Иван-царевич, кинь мою боёву палицу кверху! Как она полетит?» — *То* Иван-царевич хотя и кинул, да не очень высоко. Ворон Вороневич кинул — насилу дождался; тогда берет в руки, *полы́снул* его — раздробил всего на мелкие части; столб выворотил, под столб закопал и столб на старо место поставил.

Родился у царевны сын; дали ему имя Ларокопьем-царевичем. (Был он ещё от отца заведённый: она брюхатая оставалася.) И он как родился, начал ходить. Сын сказал: «Мати, просила ты со слезами брата моего, Ивана-царевича. Куды они уехали? Скажи мне!» — Мать отвечала: «Не скажу я тебе, Ларокопий-царевич: ты еще млад и зелен!» — *То* он по́жил месяца три, спрашивает у матери, что «скажи моих братьев — куды они уехали?» — Мать на то сказала: «Мои дети уехали: выдана у меня дочь за Ворона Вороневича Семигородевича... Не езди, милый сын, они непременно *кончены*, и тебя *кончит*». — «Нет, родима мамонька, поеду я, братьев разыщу».

То сказал своей родительнице: «Благословишь — поеду и не благословишь — поеду!» — Пошел он в конюшни,

разыскал себе старинного богатырского коня у отца. Пошел он в подвал, разыскал богатырскую уздечку и сёдлышко и взял себе боёву палицу о́ сто пудов. (Трехмесячный.) Приходит к коню, надевает на него узду, кладет потнички и богатырское седло. Подтягает 12 подпруг шелковых — не для красоты, а для крепости богатырской. Бил коня по бедра́м; конь его рассержается, по сырой земле расстилается, мелкие леса промеж ног пущал, а болота перескакивал (бежал-радовался: долго стоял в конюшне, настоялся).

Подгонял он к конному табуну. — «Господа пастухи, чей этот табун пасется?» — «Ворона Вороневича». — «Вы не сказывайте, что — Ворона Вороневича, а скажите, что Ларокопья-царевича; за это вам будет награда!» Распростился с пастухом, отправился вперед Ларокопий. Подъезжает к коровьему табуну. — «Чей этот табун пасется?» — «Ворона Вороневича». — «Вы не сказывайте, что Ворона Вороневича, а скажите, что Ларокопья-царевича; за это вам будет награда». — Распростился, отправился вперед. Подъезжает к третьему табуну, к овечьему. — «Чей это табун пасется?» — «Ворона Вороневича». — «Вы не сказывайте, что Ворона Вороневича, а скажите, что Ларокопья-царевича; за это вам будет награда!»

Приезжает к его (Ворона Вороневича) палатам. Сестра не признала его, что брат (она его вовсе не знает). — «Куды ты, молоде́ц удалой, поехал?» — «Я, — говорит, — брат тебе, Ларокопий-царевич; когда ты была выдана, я был еще в утробе у твоей родительницы. Поехал я своих братьев разыскивать и с тобой повидаться!» — Сказала сестра Марфа-царевна: «Напрасно, Ларокопий-царевич, явился: *однако* все равно тебе живому не быть скоро!» — «Поглядим, кто живой будет!» — Привязал своего коня к серебряному столбу, сам зашел в его палаты.

Не черезо много время прибы́л Ворон Вороневич домой. Увидел коня богатырского у своего столба серебряного, скоро являлся в свои палаты. Поздоровался с Ларокопьем-царевичем, жене приказал самовар поскорее *сгоношить* и орехов тащить — *чигунных*. *То* Ворон Вороневич раскусит орех, а Ларокопий-царевич пять да шесть. Ворон Вороневич тому делу сдивился: как он пощелкивает! Вышли они с ним в луга; Ворон Вороневич говорит: «Ну-ка, Ларокопий-царевич, брось свою боёву палицу: я посмотрю!» — Ларокопий-царевич *фы́рнул* свою боёву палицу в высоту и не может дождаться, когда явится назад. Тогда

дождал свою боёву палицу, тогда он хватил Ворона Вороневича и расшиб его на мелки дребезги сразу. (Рассердился!)

Тогда он выхватил серебряный столб, под столб его закопал и столб поставил на свое место. А сестру спрашивал: «Где положены мои братья?»— Тогда сестра ему сказала: «Один под простым столбом, а другой под *чигунным*».— Тогда он столбы выдергивал и братьев доставал; сестре приказал их размыть — как одним словом,— а сам отправился за живой водой.

Ехал он близко ли, далёко ли, низко ли, высоко ли, подъезжает к такой избушке: повертывается избушка на куричьей голяшке. «Избушка, стань по-старому, как мать поставила!»— Избушка стала. Ларокопий-царевич зашел в эту избушку. Яга-баба уперлá головой в стену, а ногами в другую: «Фу-фу! Русского духу отрóду не видала, русский дух ко мне пришел, роду не простого!»— «С тобой, Яга-баба, разговаривать много не буду! Давай мне живой воды! Ежели не дашь, я тебя кончу!» — *То* она сказала: «Поди, Ларокопий-царевич, вот здесь колодец, в этом колодце живая вода».— Тогда он ее взял зá косы, повел с собой: «Если ложно покажешь, тогда я тебя тут же убью!»

То он поймал голубя, разорвал этого голубя, бросил его в колодец: голубь исцелился скоро, сделался жив. Тогда он поверил, что живая вода. Тогда он приходит в комнату, взял такой у ней *бурак*, почерпнул этой воды, понес в *бураке*.

Приезжает к Ворону Вороневичу к дому, слезает с коня; тогда открывает *бурак*, набирает в свой рот воды и стал *фы́рскать большака* брата, Василья-царевича. Он воскрес — стал. Так же и середнего стал (*фырскать*), набрал воды в свой рот. Воскрес и тот. *То* он назвался: «Здравствуйте, мои братья! Вы братья мои единоутробные; когда вы уезжали, я еще был у родительницы в утробе. Мое имя Ларокопий-царевич».— *То* они все табуны пригоняли к дому, имущество и деньги забрали, а дом зажгли и табуны домой погнали.

То приезжают все три брата, привозят с собой сестру и скота много. Мать встретила со слезами: «Спасибо, милый сын Ларокопий-царевич, всех ты воротил моих детей!»— Сказал Ларокопий-царевич: «Кабы если я не поехал, *то* бы им вечно не прибыть домой!»— Сказали братья: «Слушаться будем, родительница, Ларокопья-царевича на место *большака*: что он нам скажет, будем мы исправлять!»

18(6). ИВАН-ЦАРЕВИЧ И ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ

Рассказал А. Д. Ломтев

У царя были сын да три дочери. Царь стал помирать, сыну наказывает: «Смотри, *перво* дочерей отдай, а потом сам женися!» — Царь помер; схоронили и поминочки отвели. Поживают год и два. Старшей сестре стукнуло 30 лет, а второй было 26, младшей с залишным 20 годов. Время и Ивану-царевичу жениться. Приходит к сестрам на совет: «Что, сестры, стало быть, за вами женихи не приедут — мне сроду и не жениться?» — Старшая сестра говорит: «Запряги карету, поезжай: не найдешь ли в чужой державе мне жениха?»

Запрёг золотую карету, поехал искать. Только проехал *станцию* — едет рыцарь не хуже его, на такой на золотой карете же. — «Постой, Иван-царевич, скажи мне, куды ты поехал?» Иван-царевич сказал: «Есть у меня старшая сестра, охота мне ее замуж отдать, женишка ей сыскать». — «Ладно, хорошо»; этот самый мóлодец: «Согласен я ее взять, я за тем же поехал — невесту искать себе». И он объяснил ему так: «Я уродец, у меня одна рука *сохлая* (*загодя* объяснил ему жених). — «Может, сестре приглянешься, это ничего!»

Приезжают к Ивану-царевичу. Сестра выбежала встречать их: «Что, брат, привел жениха?» — «Привел, вот гляди». — Жених *поглянýлся* ей, согласилась она за него идти; и они с ней повенчались. День пировали. Дело к ночи; взяла она его за ручку, повела в спальню. Поставил он (Иван-царевич) дежурного одного: «Смотри, не прокарауль; я его не спросил, как зовут и *отколь*». — Ночь проходит; поутру Иван-царевич приходит, заглянул в горницу: нету никого, они уехали. Дежурного *мáзнул* по щеке и в тюремный зáмок свел, заковал.

Приходит на совет к сестрам к другим. — «Что, сестры, за вами если не приедут, неужели мне сроду не жениться?!» — Сестры посылают: «Съезди, братчик, по чужим державам, может, и мне не найдешь ли жениха?!» — И сделался очень рад Иван-царевич; приказал кучеру запрекú карету золотую.

Только проехал *станцию* — едет навстречу не хуже его такой же рыцарь на золотой карете. — «Стой, Иван-царе-

вич! Скажи мне подробно, куды ты поехал?» — Иван-царевич сказал: «Есть у меня две сестры, и охота мне середнюю сестру замуж отдать; я за этим поехал, женишка искать». — «И я также поехал невесту себе искать». — «Ну, поедем!» — сказал Иван-царевич. — Приезжают к Ивану-царевичу. Сестра середняя выбегает: «Что, братчик, привел жениха?» — «Привел, вот гляди!» — Она сделалась согласна. Пошли к венцу, повенчались с ним.

День пировали. Дело к ночи. Взяла она его за ручку, повела в спальню... Поставил он (Иван-царевич) двух дежурных: «Смотрите, вы не прокараульте!» — И они всю ночь сидели, не спали нисколько, караулили. Поутру Иван-царевич встает: «Что, в комнатах зять?» — «Должон быть в комнатах; всю ночь не отворялась дверь!» — Иван-царевич глянул в комнату: нет никого. Иван-царевич задал им по *лйзии* и отправил в тюремный зáмок их (за то, что прокараулили).

Потом стал малой сестре говорить: «Что, сестра, если за тобой женихи не приедут, мне сроду и не женить-ся?» — Сестра его посылает тоже жениха искать. Запрёг золотую карету, проехал *станцию*, едет другую. Едет рыцарь. *Сверстался* против него и говорит: «Стой, Иван-царевич! Скажи мне, куды ты поехал?» — Иван-царевич сказал: «В чужу́ державу: охота мне малую сестру замуж отдать за кого-нибудь». — «Отдай за меня! Я кругом уродец: у меня обе руки сохлые, и плохо я недовижу, и ноги плохо ходят». — «Ну, поедем, что же! Может, сестре *погля́нешься*?» — Приезжают к Ивану-царевичу.

Сестра выбегает и говорит: «Привел жениха?» — «Привел, вот гляди!» Обсказал сестре: «Смотри, сестра, не ошибись! Он кругом уродец!».. — «А что человека конфузить! Все-таки я за него пойду». — Сходили, повенчались. День пировали. Дело к ночи: повела она его в спальню. И поставил он (Иван-царевич) трех дежурных и наказывал: Смотрите, и вы подлецы, не прокараульте! Карауль-те попеременно, не спите!»

Услышал это жених, вышел и говорит: «Иван-царевич! Пошто же ты поставил дежурных караулить меня?» — «Как же мне не ставить? Отдаю я за третьего и не знаю: как зовут и *откуль* какой есть?» — «Когда ты не знаешь, я тебе скажу: отдал ты своих сестер за нас, за трех братов; прозванья у нас разные: большой брат — Медведь Медведёвич, а второй брат — Ворон Воронéвич; а моя фамиль легкая: меня зовут Воробей. Иван-царевич, оставь

этот караул! Если тебе угодно, сам с огнем стой у двери: когда захочу я уехать, тогда тебе не увидеть!» — Иван-царевич поставил трех дежурных и сам стоял всю ночь с огнем, дежурил.

Иван-царевич после полно́чи глянул в *и́ху* комнату — нет никого; выбежали на улку — и кареты нет. Иван-царевич говорит: «Стало быть, не виноваты и те солдаты; расковать их и из тюремного замку выпустить их, тех дежурных!»

Иван-царевич отправился в *Сенот* посоветоваться со своими генералами: «Господин генерал, я оставляю вместо себя тебя, а сам отправляюсь искать себе невесту!» — Насушить приказал сухарей и отправился по *Уралу* диким местом, не путем, не дорогой. И шел он, нечаянно выходит: стоит преогромный дом. Подходит к дому. Из этого дома Медведь Медведёвич, старшой зять, выбегает с его сестрой, встречает его. Всякими напитками начали его потчевать и стали его спрашивать: «Куды же ты, Иван-царевич, пошел? Скажи подробно нам!» — «Думаю себе невесту взять не простую, а царицу Елену Прекрасную».

«Я бы *та́чил* тебе, Иван-царевич, воротиться назад: у ней 10 богатырей на *аржано́й* соломе сидят голодуют, и тебе не миновать, что не поголодать!» — «Ну, что будет, то и будет! Все-таки я пойду!» — «Ну, пойдешь, так я тебе дам подарок: на́ вот тебе бутылочку одногорлую! Пойдешь по дороге, да захочешь есть, так махни в ту сторону и в другую, тут увидишь, что будет! А если тебе не надо, махни бутылкой кверху — ничего и не будет». — Приня́л подарок, в карман поло́жил, отправился в путь.

Шел он *станцию* и захотел есть: «Эка сестра злодейка, не дала мне на дорогу и хлеба!» — Вынимает бутылку, отворяет пробку, махнул в ту сторону и в другую — выходит царство, и слуг перед ним много оказалось; пошло ему угощенье тута. (Оттого сестра не дала и хлеба.) Похвалил зятя: «Как я теперь буду это царство собирать?» Полежал Иван-царевич на диване, отдохнул он немного, взял эту бутылку, махнул ей кверху — и ничего не стало. Взял эту бутылку в карман и сам вперед пошел.

Проходит он *станцию*, увидел дом не хуже того, чем не лучше; из этого дома выходит Ворон Воронéвич и сестра его средняя: его встречали, собрали на столы, нача́ли его потчевать. И зять его выспрашивает: «Куды же ты, Иван-царевич, пошел? Скажи нам об своем похо-

де».— «Думаю я *мленьем* себе взять невесту не простую, а Елену Прекрасную царицу».— «Не хуже мы с братьями тебя, по три года бились, да ничё не могли поделать! *Та́чил* бы я тебе воротиться; есть у ней 10 богатырей, мрут на *аржано́й* соломе; и тебе не миновать, что не поголодать,— говорит,— в тюремном замке».— «Ну, уж что задумал! Все-таки пойду!» — «Ну, пойдешь, так я дам тебе бутылку двухгорлую; знаешь ли, что в нее поделать?»— Иван-царевич на то сказал, что «знаю».

Отправился в путь дальше. Нечаянно попал на третий дом, где этот самый Воробей живет. Воробей его с сестрой встречает; начали его угощать. Спрашивают: «Куды же ты, Иван-царевич, пошел?» — «Думаю я себе взять невесту не простую, а Елену Прекрасную царицу».— «*Та́чил* бы я тебе воротиться; есть у ней 10 богатырей, мрут на *аржаной* соломе, и тебе не миновать, что не поголодать».— «Что будет, то и будет, пойду в путь!» — «Ну, пойдешь, так я тебе дам подарок». Подарил он ему трехгорлую бутылку. «Знаешь ли, что в нее поделать?» — «Знаю».

Отправился в путь дальше. Нечаянно пришел к Елене Прекрасной в город. Идет городом и спрашивает: «Кто в этом городе проживает?»— Сказали, что «правит этим городом Елена Прекрасная».— Доходит он до ее дворца, заходит к ней во дворец. Стоит дежурный у *поратного* крыльца и говорит: «Братец, что нужно? Доклад мой! Не ходи без докладу!» — Иван-царевич, не говоря, *пласну́л* этого дежурного — он и с ног долой!

Заходит в ее палаты. Увидала Ивана-царевича, затопала на него ногами.— «Кто тебя, мерзавца, без докладу дозволил зайти в мои палаты?» — «Я человек не простой, Иван-царевич! За добрым словом, за сватаньем пришел к тебе»,— говорит. Она приказала его заковать, свести в тюремный замок на *аржану* солому. По вечеру́ привозят к ним воз соломы. Иван-царевич не велит соломы сваливать.— «Не нужно нам соломы, мы пропитаемся и без соломы!»— сказал Иван-царевич. После этого вынимает одногорлую бутылку, махнул в ту сторону и в другую — выходит царство, пошло им угощенье.

Разгулялись эти самые богатыри и сказали: «Если вы, дежурные, от нас не уйдете, весь тюремный замок *раскатаем* и вас убьем!»— Один дежурный убежал с докладом Елене Прекрасной сказывать. Посылает Елена Прекрасная служанку, что «не продаст ли эту самую бутылочку?»— Служанка приходит: «Иван-царевич, не продашь ли

нам бутылку?» — «Не продажна, а заветна». — «Какой же ваш завет?» — «Завет наш: час время ее тело по колен посмотреть». — Служанка приходит, ей объясняет: такой-то завет.

— «Привести его! Что же, ведь он поглядит, ничего не сделает, а все-таки отобрать надо!» Расковали, привели, она открыла по колено тело; посмотрел час время он у ней. Час проходит; закрывает коленки, берет бутылку. — «Заковать его просмешника! В тюремный замок отвести опять!»

Иван-царевич вынимает двухгорлую бутылку, махнул в ту сторону и в другую — выходит ещё того лучше государство; пошло им еще угощенье такое же. Потом они напились, наелись, закричали на сторожов: «Если вы не уйдете, вас всех перебьем и тюремный замок *раскатаем*!» — Один дежурный прибежал с докладом, что богатыри разгулялись: из бутылки Ивана-царевича вышло царство еще лучше того.

Она посылает девку-служанку опять. Дежурный приходит и говорит. «Иван-царевич, не продажна ли у тебя бутылочка?» — Не продажна, а заветна». — «Какой у тебя завет?» — «Завет у меня — по пуп тела посмотреть два часа». — Она на том решила, что расковать, привести смотреть его (не выхватит, говорит, он у меня, ведь). Приводят его; она открывает платье, и он просмотрел два часа. Два часа проходит, тело она закрывает, бутылочку у него отбирает; приказала его свести опять в тюремный замок.

В третий раз трехгорлую бутылку оттыкает, махнул в ту сторону и другую — вышло царство еще лучше того, пошло им угощенье. Напились, наелись, зашумели, прогнали дежурных: «Если вы не уйдете, вас всех перебьем и тюремный замок *раскатаем*!» — Один дежурный прибежал с докладом, что богатыри разгулялись: из бутылки Ивана-царевича вышло царство еще лучше того.

Она посылает девку-служанку опять: «Что он просит?» — «Не продажна, а заветна». — «Какой у тебя завет?» — «Пущай же она в своих комнатах поставит две кровати вместе, и мы с ней лягем на кровати, чтобы она никакие речи не могла говорить со мной, не худые, не добрые (а лежать на разных кроватях); затем вместе: если я буду говорить, то она мне голову сказнит; а если она будет говорить, то с ней голову снять!» Согласилась.

Пошел из тюремного замку, наказал своим богатырям: «В полночь вырвитесь, придите и кричите: «Ура! Ура! Взя-

ли, взяли!» Приходит, ложится с ней на разные постели и договорился, чтобы отнюдь никакие речи не говорить, не худые, не добрые. И отворотился от нее и лежит, уснул крепко, не разговаривает. Елена Прекрасная умом своим думает: «И поговорила бы я с ним, да нельзя говорить!» Помаялась и уснула крепко. Около полночи вырвались 10 *ухорезов*, приходят и закричали враз: «Ура! Ура! Взяли! Взяли!» — Она испугалась этого шума, задурела, соскочила с кровати, закричала.

Иван-царевич схватил ее за́ волосы, замахнулся на нее саблей, хотел с нее голову снести. Она сказала: «Иван-царевич, не секи мою голову, я добровольно за тебя замуж пойду!» — «Ладно, хорошо!» — До утра доживают; съездили они, повенчались; пошла у них пировка после этого. Когда он повенчался, пожалел этих богатырей, выпустил их на волю, напоил их водкой.

Живет с ней месяц и два этак; обжился́; домой ехать не торопится. Она ему и говорит: «Иван-царевич, везде ты ходи, вот в этот подвал не ходи и не гляди!» — «Ладно», — говорит. — Она ушла в сад в *разгулку*; он идет по двору, до этого подвала доходит. — «Что такое? Все-таки я погляжу, ничего не сделается мне!» — Отворяет этот подвал. Стоит старичок на огненной доске. И так он старика *сужалел*: «Ах, дедушка, тошно тебе стоять на огненной доске!» — Сказал старик: «Если, молодец, ты меня спустишь с доски, я тебе два века еще прибавлю! (Ты будешь жить три века)».

Иван-царевич сужалел, оборвал у него цепи, вывел старика из этой конюшни. Старик ударился о́б землю, поддел Елену Прекрасную из саду и увез. Иван-царевич ждал несколько суток, дён до пяти — нет Елены Прекрасной (думает, что в гости она отправилась).

Иван-царевич поймал себе коня, поехал на розыски — искать Елену Прекрасную. Поехал по дикому месту, *натака́лся* на Елену Прекрасную в таком доме ее. Елена Прекрасная сплакала — встретила его. — «Ну, я тебе говорила! На что ты его спустил? Пущай бы он догорал бы, старый пёс!» — Тогда хозяина дома не было; посадил Иван-царевич Елену Прекрасную, повез он ее в свое государство опять домой. Приезжает старичок домой, походил по комнатам, нигде нет (Елены Прекрасной).

Приходит в конюшню к своему коню. — «А что, конь, гость был?» — Конь сказал: «Был». — «Елену Прекрасную увез?» — «Увез». — «А скоро ли мы можем ее до-

гнать?» — «Двои сутки попируем, тогда догоним!» — На третьи сутки сел на коня, одним мигом его догнал, не допустил до царства. — «Стой, Иван-царевич! *Нарушил* бы я тебя, да слово переменить не хочу свое: век ты свой прóжил, еще тебе два века жить!» — Ссадил Елену Прекрасную и увез домой.

Иван-царевич потужил-потужил, пожил у нее в государстве, выбрал себе коня получше, поехал опять за ней. Приезжает к ней в дом, его опять дома нет. Посадил Елену Прекрасную, повез домой. Не через долгое время прибыл этот хозяин, дома *погаркал*, потом к коню своему приходит. — «А что, конь, гость был?» — «Был и Елену Прекрасную увез». — «А скоро ли мы можем ее догнать?» — «Суточки попируем да догоним!» — На другие сутки сел он на коня. Догнал: «Еще тебе век один жить!» — Ссадил Елену Прекрасную и увез домой.

Бросил этого коня Иван-царевич, отправился еще счастья искать, не поехал к ней в государство. *Ночным бытóм* нечаянно приходит к этакой избушке: избушка стоит на козьих ножках, на бараньих рожках, повертывается. — «Ну, избушка, стань по-старому, как мать поставила — к лесу задóм, ко мне передóм!» — Зашел в эту избушку.

В этой избушке живет Яга Ягишна: «Фу-фу, русского духу слыхóм не слыхать и видóм не видать, а русский дух ко мне пришел — человек не простой, а Иван-царевич!.. Куды же ты, Иван-царевич пошел?» — «Я пошел себе счастья искать!» — «Налóжу я на тебя три дни службу; через три дни я тебе — чё тебе поглянется, то и дам!» — Согласился Иван-царевич трои сутки прослужить.

Поутрý она дала ему 10 кобылиц, одиннадцатого жеребца, пасти. Он их спутал на долину и пасёт. «Куды они уйдут? — Некуда уйти!» А сам лёг спать. Солнышко *на закат* — проснулся Иван-царевич, видит: кобыл нигде нету. Искал много время и не может их найти.

— «Кабы мне на это время зятя Воробья! Он бы помогнул моему горю!» — А Воробей все равно как тут и был. — «Ах, Иван-царевич, потерял своих кобыл!» — Воробей ударился óб землю, сделался жеребцом, начал кобыл искать. Нашел, начал лягать и кусать, пригнал их; «Ну, теперь, Иван-царевич, гони!» Пригнал Иван-царевич, сдал их Яге Ягишне.

Переночевал потом ночь. Поутру она ему дает 10 *гусих*, одиннадцатого гусака, пасти. До вечера доспал, поте-

рял гусей, не может найти.— «Кабы мне на эту пору зятя Воробья! Он помогнул бы моему горю!» — Воробей тут и был. Ударился об землю, сделался орлом, полетел на розыски гусей. Воробей разыскал гусей, начал щипать их, только из них перья летят. Пригнал их к Ивану-царевичу.— «Ну, Иван-царевич, гони!» — Пригоняет, сдает он Яге-Ягишне.

Ночь переночевал. На третьи сутки она дает ему 10 уток пасти, одиннадцатого селезня. Выгнал на *залывину* (в логу), а сам лег спать. Солнце уже село, он тогда проснулся. Уток нет; не мог найти.— «Кабы мне на эту пору зятя Воробья!» — Воробей к нему прибывает.— «Сегодня уток потерял! Ну, никуды не деваются!» — Сделался ястребом, нашел их в камышах, пригнал.— «Ну, Иван-царевич, гони!.. Иван-царевич, у ней 10 дочерей, станет давать из любых, ты не бери; давать станет тебе золота, ты и золота не бери, и никаких денег не бери! А есть худой жеребчишко, кое-как ноги переплетывает — ты его возьми, он тебя на путь наставит!»

«Иван-царевич, не желаешь ли из десяти дочерей любую взять? — Я тебе подарю счастье!» — «Мне дочерей твоих не надо, и денег мне твоих никаких не надо! И ты отдай мне худого этого жеребенка!» — «Неужели ты у меня это только и заслужил?» — «А что? Был договор: что я желаю, то и отдай!»

Отдала она ему худого жеребенка. Он повел его по *Уралу*. Жеребенок говорит ему: «Будет тебе меня вести, я пойду погуляю с месяц. Через месяц я прибуду к тебе, ты не уходи с этого места!» — Вынимает одногорлую бутылку, махнул в эту сторону и другую — вышло прекрасное царство, и он в этом государстве с месяц *проклаждался* (*покуль* его жеребец отдыхает). Через месяц жеребец прибегает, говорит: «Будет уж отдыхать, теперь надо дело вести!» — Иван-царевич взял одногорлую бутылку, махнул кверху, ничего не стало; остался он на лужочке; бутылку запихнул в карман.

Конь сказал ему: «Я поехал бы с тобой сейчас за Еленой Прекрасной, только нельзя теперь ехать. Поедем мы с тобой на такую-то гору. На этой горе стоит дуб, на этом дубе есть гнездо, в этом гнезде есть Кащея Бессмертного яйцо (этот старик Кащей Бессмертный называется). Смотри, Иван-царевич, садись на меня, крепче держись, чтобы тебя ветром не сшибло!» — Он сел на коня и все равно мигом приехал на эту гору, к этому дубу.— «Залезай на

дуб, снимай яйцо и не бей его: тихонько положь в карман, береги это яйцо!» — Слез с дуба. Конь ему говорит: «Брат мой служит у Кащея Бессмертного; брат двухкрылый, а я шестикрылый; я побегу мало-мало с ним рысью, и то брату во веки меня не нагнать. Приедем к нему в дом; если он (Кащей) дома, то бей его яйцом в лоб: как яйцо разлетится, так и он нарушится тут же».

Они пригоняют в дом — Кащея Бессмертного нет дома. Конь пошел к брату, а он пошел к ней в дом. Конь отворил только двери — брат обрадовался: малого брата увидал. — «Где ты, малой брат, проживался долго время? Я тебя не видел!» — «Я проживался у Яги Ягишны; она меня заморила... Помоги Ивану-царевичу Кащея Бессмертного убить!» — «Его убить левой рукой: кабы достать с дубу яйцо, вот его и смерть!» — «Это мы достали, у нас в кармане!..» — «Ты, брат, *айда́* шагом; а если пойдешь рысью, то мне не догнать тебя!»... Он (Иван-царевич) посадил Елену Прекрасную на своего коня, поехал шагом.

Прибыл Кащей Бессмертный не через долгое время домой; кричал в комнатах Елену Прекрасную — ее дома нет. Являлся он, между тем, к коню. — «А что, конь, гость был?» — «Был». — «Елену Прекрасную увез?» — «Увез». — «А скоро ли мы можем его догнать?» — «Да если шагом повезет, *дак* догоним, а рысью побежит — во веки не нагнать». — Садился на коня, отправлялся его догонять. Догнал его дорогой, остановил: «Ну, я теперь *нарушу́* тебя, Иван-царевич, тебе будет и жить!» — Иван-царевич слезал с коня: «Да́вай теперь мы с тобой *побра́туемся*!» — Вынул из кармана яйцо, ударил Кащея Бессмертного по́ лбу — он тут и кончился.

Посадил Елену Прекрасную на старшего коня, сам сел на младшего, поехал в свое государство, в русское (не поехал к Елене Прекрасной). Привозит в свое государство. Поехал своих зятьёв собирать, заводить пир. Собрал своих зятьёв, и вот они тут несколько суток с ними пировали.

19(72). МЫШЬ И ВОРОБЕЙ

[Морской царь. Неоконченная сказка]

Напечатано в Пермских губернских ведомостях

Не в котором царстве, не в котором государстве жили-были мышь да воробей. Вот эта мышь да воробей в одной норке жили много время и кормились, значит, зернышками разными.

Вот однажды и натаскали они этих зернышков и стали эти зернышки делить промеж собой. Вот они делили, делили, и увидали, что одно зернышко лишно доспелось (оказалось). Воробей и говорит: «Как же,— говорит,— мы разделим это зернышко?» — и отвечает ему мышь: «Станем это зернышко перекусывать. Давай-ка-ся, я перекушу его!» — А воробей и говорит: «Нет, давай я перекушу!» — Спорили, спорили, а воробей так взял это зернышко, стал его перекусывать — да и проглотил.

Мышь осердилась на воробья и давай же она с ним драться. Вот они дрались, дрались — никоторый никоторого не может переколотить. Вот они и стали зазывать на драку: мышь зазывала зверей разных и медведя созвала, а воробей — птиц разных: орлов, соколов и других всяких птиц, и жар-птица *тутака* же прилетела.

И давай же все эти птицы драться с медведем. Дрались, дрались, а медведь не поддается им. Вот и сама жар-птица *почала́* с медведем драться... Вот она дралась, дралась; до того, значит, дралась, что крыло свое изломала.

Вот как изломала она это крыло свое, и полетела тогды в лес. Прилетела она в лес и села на одну лесину и сидит. Вот идет по этому по лесу Иван крестьянский сын. И увидел он на лесине жар-птицу и хочет ее застрелить. И говорит ему жар-птица: «Иван крестьянский сын! Не стреляй-ка-сь ты в меня: я тебе много сделаю добра! Лучше сними меня с лесины да унеси к себе домой!»

Вот и взял ее Иван крестьянский сын и унес к себе домой — и стали они жить. Вот живут они день и другой день живут, и неделю уж прожили. Вот жар-птица и начала выздоравливать. Вот не в долги, в коротки и выздоровела она. Вот как выздоровела она, зажило, значит,

крыло-то, и стала она тогда проситься на волю, домой, значит.

И говорит жар-птица Ивану крестьянскому сыну: «Поедем,— говорит,— со мной в гости к моим сестрам: я тебя довезу на себе!» — Вот и сел Иван крестьянский сын на жар-птицу, и полетели они в гости к набольшей сестре.

Прилетели они к набольшей сестре, и сестра эта обрадовалась им. Вот и начала она их потчевать. Вот погостили они сколя, много-мало, и время уж домой. Вот жар-птица и говорит набольшей своей сестре: «Давай-ка-ся мне, сестра, батюшкино-то благословленье, сундучок-от!» — «И что ты, сестрица! Нет, не отдам ни за что!» — «Ну, не отдашь, так владей им, Бог с тобой!»

И осердилась жар-птица, и полетела она с Иваном крестьянским сыном к другой сестре, ко середней, значит. Вот они летят, летят; вот жар-птица и говорит Ивану крестьянскому сыну: «Оглянись-ка назад-то, да посмотри-ка-ся, что *тамока* делается».— Вот как оглянулся Иван крестьянский сын, и увидал, что назаде-то *тамока* пожар, горит. Вот и спрашивает он жар-птицу: «Что это горит?» — И отвечает жар-птица: «А это горит город сестры! Я зажгла его за то, что она не отдала мне-ка сундучок тот!»

Вот они летят, летят, и прилетели к середней сестре. И эта, середняя сестра, тоже обрадовалася им и не знает, чем их потчевать. Вот и у этой сестры они погостили *сколя*. Вот как уж занадобилось им отправляться в путь-дорогу, жар-птица и говорит этой середней сестре своей: «Отдай-ка,— говорит,— мне-ка батюшкино-то благословленье, сундучок-от!» — «И что ты, сестрица! Как это можно отдать сундучок?» — И не отдала, значит.

Вот жар-птица осердилась и на середнюю сестру свою и полетела с Иваном крестьянским сыном к третьей сестре своей. Вот и опять летят они *сколя*, много-мало; вот опять жар-птица и говорит Ивану крестьянскому сыну: «А посмотри-ка,— говорит,— что опять назаде-то делается?» — Вот как посмотрел Иван крестьянский сын, и увидал опять, что пожар, горит. И спрашивает опять у жар-птицы: «А что это горит?» — «А это горит город середней моей сестры: я зажгла его за то, что не отдала она сундучок».

Вот и прилетели они к самоменьшой сестре; эта сестра еще пуще обрадовалася им и не знает, чем их потчевать-то. Вот и стали они гостить *тутака;* вот погостили сколя и начали опять собираться в путь-дорогу, домой уж,

значит. Вот как начали собираться, жар-птица и говорит этой сестре своей: «Отдай,— говорит,— мне-ка сундучок-от, батюшкино-то благословленье!» — И стала, значит, просить ее. Неохото было отдать и этой сестре сундучок, а отдала-таки.

Вот жар-птица взяла этот сундучок, распростилася с сестрой и полетели с Иваном крестьянским сыном, к себе-ка, домой. Вот приехали они, прилетели, значит, в то место, где жительствие имела жар-птица. Вот и стала эта жар-птица угощать Ивана крестьянского сына всякими разными кушаньями; пировать стали, веселиться. Вот и погостил *тутака* и *дивно*-таки время Иван крестьянский сын, вот и пора уж настала домой собираться. Вот и стал он собираться домой.

Вот как стал он собираться домой, жар-птица и говорит ему: «Ну, Иван крестьянский сын, ты для меня делал добро, теперь мне нужно для тебя что-нибудь сделать. Возьми-ка,— говорит,— этот сундучок: я тебе его подарю. Да смотри, не открывай ты этот сундучок дорогой, а когда домой придешь, тогда и открой его!» Вот взял Иван крестьянский сын сундучок этот, распростился и пошел в путь-дорогу, восвояси.

Вот и идет он. Вот он шел, шел, а *дивняжно* еще до двора; а его так и подмывает поглядеть в сундучок-от. Не мог он утерпеть, взял да и отворил его. Как только отворил он этот сундучок, и вдруг увидал, что он в больших таких палатах. Поглядел в окно и видит, что он в городу; а народу видимо-невидимо, кишит просто.

Так-то и сделался он царем и стал, значит, править этим государством. Вот когда сделался он царем, достал тут отца и мать. И стали они жить да быть, да и *топеречь* живут.

20(24). ЧУДО ЛЕСНОЕ
[Морской царь]

Рассказал А. Д. Ломтев

Жил-был воробей с мышкой. Посеяли они конопля долину. Конопля родилась очень высокой; поспела конопля, воробей может есть, а мышь не может залезть. Сучинили на это они суд, что работали они вместе, мышь: «Я,—говорит,—земли нарыла, а ты коноплю притащил, се-

яли вместе, а ты ешь, мне не даешь!» — Слетелись на суд всякие сословья зверей и птицы; наконец сказали: «Давайте, кто кого подóлит (осилит), тот будет у нас судья!»

Лев-зверь *счунулся* с орлом драться, у орла крыло отломил сразу. На льва-зверя больше никто не полез. Быть ему судьей. Тогда сказал лев-зверь: «Тебя, мышь, не подсаживать, а можешь, так залезай сама и ешь!» — На том и кончилось у них.

Орел остался на земле: лететь ему нельзя; а все разошлись, разлетелись. Мужик идет, *стрелец*, хочет орла стрелять. Орел говорит человеческим голосом, что «не стреляй, мужик, меня, бери меня в руки!» — Мужику что-нибудь будто бы *бластится*, не поверил тому; подчалил (причалился) второй раз стрелять. Потом орел скричал пуще, во второй раз, что «ты, мужик, не стреляй, а бери меня в руки, неси домой!» — *То* мужик подходит к орлу; орел говорит мужику: «Ты неси меня домой, корми меня три года, я тебе в три раза заплачу!» — Мужик приносит домой; жена ему и сказала: «Что ты несешь чего не надо, несъедобную штуку?» — Орел ответил: «Послушай, умница, кормите меня с мужем три года, я вам втроё заплачу за это!»

Первый год прокормили. — «Выпусти меня погулять: я в себе силу попробую!» — *То* они выпустили его на вольный свет; он полетал, полетал: «Нет, во мне силы мало: еще год корми!» — Прокормили второй год, выпустили его на волю; полетал, полетал: «Нет, мужик, корми еще год!» — Кормили еще год. — «Ну-ка теперь выпусти меня погулять!» — *То* он покружился долгое время, насилу и дождались. Спустился.

«Ну, мужик, садись теперь на меня!» — *То* он его *знял* кверху очень далёко; потом сбросил орел с себя мужика этого. Мужик этот летел, мало и свету видел: думал, что «убьюсь». Орел подвернулся под него: «Сиди на мне крепче!» (Не дал ему убиться). *Знялся* выше еще того, потом сбросил опять с себя... Спустил его на землю. — «Что, мужик, много ли ты свету видал?» — Сказал, что «я испужался». — «А во второй раз я тебя знял — как ты себя желал?» — «Думал, что ты меня убьешь!» — «Только это я тебе пример делал: как ты меня стрелял, так же и у меня свет померк!.. Теперь садись; я баловаться больше не буду; садись на меня и держись крепче!»

То он прилетает к старшей девице в дом, в дикие леса. *То* сестра его выходит и со слезами его встречает. — «Ро-

димый ты братец, я тебя не чаяла, что ты и живой! Где ты проживался три года?» — «Я проживался три года — вот он меня кормил. Нужно ему, сестра, заплатить!» — Сестра говорит, что «надо заплатить». — «Сестра, что я запрошу — отдашь или нет мужику?» — «Отдам». — «А что, ты тятенькин сундучок отдашь или нет?» — «Не отдам!» — «Когда не отдаешь сундучок, прощай, больше я к тебе не прибуду!»

Орел посадил мужика, повез; опять полетели. Немножко отлетели. — «Мужик, гляди-ка назад-то!» — говорит. — Мужик посмотрел назад, а дом пламенем загорел у ней, у сестры-то. — «Вот за что, — говорит, — ей!»

То они подлетают к другой сестре. Сестра выходит, со слезами встречает его. — «Родимый братец, где ты проживался три года? Я тебя потеряла!» — «Да, сестра, я вот у этого мужичка проживался три года; он меня кормил, нужно ему заплатить!» — «Заплатить, заплатить, братец, надо!» — «А что, сестра, что я запрошу — отдашь или нет?» — «Что запросишь, — *бает*, — то и отдам!» — Сказал орел: «Отдай, сестра, тятенькин сундучок ему!» — «Отдам!» — *То* он говорит: «Собери на 12 столов на серебряных, давай всякого *бисерту*, напотчуй его, чтобы было чем похвалиться мужику!»

Натащила она ему всякого *бисерту*: он сроду такой пищи не видал, не то ли что есть! Потом он напился, наелся, поблагодарил хозяев, вылез из стола. *То* она притащила сундучок, от сундучка подала ему ключик. — «Смотри, молодец, иди вплоть до двора, сундук не отворяй!»

Выходит он из *йхова* дому; направили они его на дорогу (на путь наставили). Идет он дорогой, сундук потряхивает: в сундуке ничего не трясется. — «Непременно в сундуке ничего нет! Принесу пустой — жена меня заругает». — Сел он на лужочек, взял ключ, отворил сундук. Выходит царство и столько слуг: что тебе угодно, все есть! Начали его угощать, мужика этого.

То он проживался много время. — «Как, — думает, — это бы государство собрать в сундук?» — Сказал мужик на это: «Как бы мне Чуда Морского или Чуда Лесного, они бы мне собрали сундук!» — Приходит к нему Чудо Лесное. Сказал: «Мужик, что ты думаешь, — я прибыл! А что ты мне заплатишь — я соберу враз?» — Мужик сказал: «Не знаю, что тебе надо за это». — Сказал Чудо Лесное: «Что ты в доме не знаешь, тем заплати мне!» — *То* мужик думал: «Всю скотину я знаю и все у себя в доме

знаю; чего он с меня просит?» — Сказал мужик: «Что я в доме не знаю, тем и заплачу я тебе!» — *То* сказал Чудо Лесное: «Ты дай от себя подписку, чтобы заплатить, и я также». — *То* мужик дал от себя подписку. Записку дал (Чудо) мужику: «Если ты не заплатишь, я тебя пожру, живого не оставлю!»

То собрал ему царство в сундук, дал в руки ключик: «Ступай, неси, не отворяй теперь до двора!» — *То* приносит домой сундучок, а жена его родила сына. (Вот он его в доме и не знает: должен сыном расплатиться.) Тогда жена его заругала: «Шатаешься везде, а здесь и послать за бабушкой некого!» — «Не ругайся, жена! Дело будет ладно». — Отпирает сундук, выходит царство — много слуг и всего довольно. И сделалась жена рада.

Мальчик вырос годов десятку — отдали его в школу учить. Мальчик в течение года сдал экзамен, потом поступил на другой год опять. Второй год сдал он экзамен, научился очень хорошо. *То* увидел отеческие записи в комоде; мальчик просмотрел, к чему эти записи, и видит: «Если он не отдаст меня Чуду Лесному, то он придет, отца кончит и меня кончит! Дело дрянь!»

Приходит он к отцу в комнату и говорит, что «тятенька, теперь прощай, я не ваш!» — Отец вспомнил, заплакал: сделалось сына жалко. А мать и говорит: «Куды же ты, сын, теперь отправишься?» — Сказал сын: «Я теперь к Чуду Лесному отправлюсь на пожрание, за собранье царства. Чем нам погибать с отцом обоим, так лучше я один погину!» — *То* они его благословили, дали ему на дорогу хлеба, и он отправился.

Шел он близко ли, далéко ли, низко ли высóко ли — подходит: близ моря стоит избушка. Заходит в эту избушку, а в этой избушке живет старушка. — «Куды же ты, молодéц удáлой, пошел, куды те путь клонит?» — Я пошел к Чуду Лесному на пожиранье». — «Поди же ты вот к этому морю. У моря есть старый корабь, ты залезь в него. У него есть три дочери: одна дочь не выдана, а две замужем. Потом они прибудут купаться, платья будут замужние бросать вместе, а девица бросит свое платье врозь; тогда девицыно платье ты укради в корабь. Когда она тебе скажет, тогда выброси платье!»

Когда они выкупались, старшие одели платья; девица стала и говорит: «Если старше меня, будь брат родной, а если ровня моя, так будь муж родной!» — *То* выбросил он ей платье, она приоделась, говорит: «Выходи!» — *То* ви-

дит, что он молодой, она взяла его за ручку, взяла и поцеловала: «Будь мой муж родной!»

«Куды же ты пошел?» — «Я пошел к Чуду Лесному на пожиранье». — «Я пожрать тебя не дам! Ты идешь к моему отцу. Отец у меня слепой. Я вот полечу, буду из себя пух ронять, ты по́ пуху и *айда́*!» — *То* она летит тихо, пух из себя выщипывает; и он за ней бежал очень рысью (торопился). Потом она прилетела к своему дому, сказала ему: «Смотри, милая ладушка, вот я здесь проживаюсь. Какие будет тебе отец задачи задавать, ты приходи ко мне!»

Приходит он к Чуду Лесному в комнату — он сидит на стуле — и говорит: «Здравствуешь, тятенька!» — Чудо Лесное сказал: «Что ты мне за сын? *Откуль*, какой есть?» — «Я за собранье государства прибыл к тебе на пожиранье». — «Нет, я тебя не буду жрать. А есть у меня дочь невеста: тебе совершенны года выйдут, тогда я тебя споженю на ней. Только ты мне исправь, что я тебе задачи какие задам!» — «Ну, задавай задачу!»

«Исправь ты мне сначала на возморье церкву: чтобы у тебя была церква, попы и дьяки, и поутру́ чтобы был звон!» — Приходит он к ней, затужился. — «Вот твой родитель задал мне задачу — умом непостижно!» — «Какую же он тебе задачу задал?» — «Исправить велит на взморье церкву, чтобы были попы и дьяки, и поутру́ чтобы звон был!» — «Это, мила ладушка, не твое дело! Ложись спать, утром все готово будет». — *То* она вышла на крылечко, перебросила с руки на руки колечко — выскочило 25 ухорезов. — «Что ты нас покликаешь, на каки́ работы посылаешь?» — Она с ними и распорядилась: все это исправить! (Церкву, попов и дьяков).

«Вот тебе, мила ладушка, лодка, на́ вот весёльца, да возьми топор с собой! Подъедет к тебе родитель, скажет: «Это не ладно, это не исправно, это не хорошо!» А ты его скорее обухом хвати его по лбу, чтобы он отлетел от тебя, а сам тогда *айда* к берегу скорее!» — *То* сел он на лодку, подъезжает к этой церкви, кругом ездит. Чудо Лесное прибыл к нему. Только Чудо Лесное говорит: «Это не ладно, это надо бы эдак изладить, и это не исправно!» — Тогда он топором-обухом по́ лбу его ударил, — он отлетел; тогда он отправлялся на берег. Приходит к его дочери в дом; дочь его посылает: «Ступай! Каку́ он задачу тебе задаст опять?»

Приходит — он в стуле уж сидит. — «А что ты, тятенька, каку́ ты мне задачу задашь?» — «Есть у меня конь; зятевья не могут с ним владеть, а ты поучи его! Я вижу, что ты хороший человек, ты можешь поучить этого коня!» — *То* приходит он, вовсе тужит, невесёлый. — «Чё-то, мила ладушка, ты не веселишься?» — «Он мне задал: есть какой-то у вас конь, поучить его велел». — Дочь на то сказала: «Это не конь, а сам он снарядится конем. Ты зайдешь в конюшню, он станет на задние лапы, разынет рот, будет тебя есть. А ты — на́ вот тебе три прута железных и плеть, и возьми топор с собой! Тогда придешь в конюшню, он станет на задние лапы — ты обухом хорошенько по лбу ударь, чтобы он дал надеть узду на себя; обуздай его тогда!»

То он приходит в конюшню. Заржал конь, стал на задние лапы, несется к нему. Ударил его по лбу — он на коленко пал. Он живо узду надел и обуздал его; начал его прутьями по боку жарить; все прутья исхлестал и по-за коже изсовал. Наконец, хлещет нагайкой по глазам нещадно. До той степени добил, что во́-*корень* он никак не пошел. *То* он пустил его в конюшню и говорит: «Завтра тятенька мне велит поучить, так я еще лучше *ухáйкаю* (поучу) тебя!» (Похвастался.)

То приходит к нему, а уж он в стуле сидит опять. — «Тятенька, каку́ ты мне задачу задашь?» — «Завтра я тебе истоплю баню; выпаримся, тогда я тебе *бóльшину* дам: с моей с малой дочерью живите, чё знаешь, то и делайте, больше я распоряжаться тобой не буду!» — *То* приходит очень веселый к его дочери он. — «Что-то, мила ладушка, веселый?» — «Да, завтра он хотел истопить баню: выпаримся мы с ним, тогда приказал он с тобой жить — и больше распоряжаться мной не будет!»

Жена ему на то сказала, что «завтра истопит баню жаркую, завали́т тебя на каменку, изжарит и съест! Сёдни нечего спать: нам с тобой работа». — Поставила середь полу такой кувшин, начали в кувшин этот плевать слюней. *То* она наговорила на этот кувшин, потом сама в трубу вылезла и его вынула, а окна запечатала ставнями. — «Пойдем, милый ладушка, теперь к твоему отцу!»

Поутру старик зятевьев он заставлял баню топить. — «Затопите баню, сходите к нему: что они, дома ли?» — *То* приходят к *ихой* избе и говорят: «Вы дома ле?» — А в кувшине отвечают слюни, что «дома». — *То* изготовили баню как следует. — «Ступайте за ним, зовите его сюда, поведем в баню его!» — *То* приходят за ним,

кричали, кричали, а у слюней сила вышла, и голосу не подают. *То* они приходят, сказали, что «их дома нет, голосу не подают».

«Подайте мне гадательную книжку: я погляжу!» — *То* просмотрел: уж они идут в пути. — «Пойдите, садитесь на *ве́ршну, айдате*, воротите их!» — Сели они верхами, поехали в погоню. Едут они, видят: старушка доит корову. (Она коровой его обвернула, а сама доит.) *То* они старушке поклонились, спросили: «Не проходил ли молодец с девицей?» — «Нет, батюшки, не видала!»

Воротились они назад. Приезжают, сказывают: «Никого не видали, только видели: старушка доит корову». — «Ступайте, это самые они!»

То они поехали. Она услыхала топот. — «Милый ладушка, за нами опять погонюшка едет!» — Обвернула его церквой, сама священником. *То* подъезжают, шапки перед священником снимают: «Батюшка, — говорит: — не проходили ли молодец с девицей?» — «Никого не видал». — Они воротились назад. *То* они приезжают, сказывают: «Никого не видали, только видели: стоит церква, мохом обросла и священник старый».

«Ах, она злодейка!.. Нечего вас, полоухих, посылать! Лучше самому ехать». — Вышел на двор, ударился об землю, подумал на петуха — и сделался петухом и полетел.

«Милый ладушка, за нами погонюшка не простая, а родимый тятенька летит петухом!» — Обвернула его орлом, а сама сделалась *древой*, и на древе всякие цветы. Мужу сказала: «Смотри, прилетит, будет цветы рвать, ты тогда не робей: подымись, петуха под себя и рви нещадно, из него чтобы перья летели пуще!» — Тогда исправилась она древой, его исправила орлом; и он сел под древо тогда, орел.

Долетает до этого дерева и сказал Чудовище: «А, это дети мои, дети мои! Я их сейчас ворочу!» — Сел на это дерево, начал цветы рвать. А орел поднялся, тогда петуха этого схватил и под себя; давай его мять и рвать, только пух из его летит. Тогда сказал петух: «Батюшка-зятюшка, отпусти меня! Тогда я не буду никогда больше гоняться за тобой: куды вы знаете, туда и ступайте!» — Орел сказал: «Не проси меня, а проси дочери: велит отпустить, так я не стану тебя больше и рвать». — *То* петух стал умаливать у дочери: «Милая дочь, отпусти! Не буду я больше вас *хитить* и догонять!» — *То* она приказала своему мужу бросить его.

То распростились они с родителем. Он отправился домой, также эти пошли к своему отцу. Приводит домой от этого чудовища жену; образовали ее как следует. Приказал повенчаться с ней.

21(55). ИВАН КУПЕЧЕСКИЙ СЫН И ЕГО НЕВЕСТА-ВОЛШЕБНИЦА

Рассказал Е. И. Сигаев

Жил-был купец. У купца ни единого сына не было. Он ездил по ярманкам — не долго и не скоро, года три или четыре. Не замечал он дома, что оставалась жена беременная. Нонешний год отправляется в прочие державы за товаром; *тáмока* проторговал три года, жена родила сына.

Через три года он отправляется домой. Ехал сухопутьем там много ли, мало ли, досталось ему ехать пó морю. День очень был жаркий; захотелось ему почерпнуть воды. Его Сам с ноготь-борода с локоть Токман Токманыч морской царь схватил, взял его и говорит, что «отдай, что дома не знаешь!». И он ему отдавал все: сам себя (?) отдавал, и дом отдавал, и все.— «Только меня не топи! Возьми чего хочешь, только меня не шевели!» — «Распишись своей рукой!» — Разрезал свой пальчик, расписался своей кровью. Получил это письмецо. И отправляется своей путёй домой.

Подъезжает к своему городу, заезжает в свою улицу. Когда заехал до своего *дворца*, жена сидела под окошечком на улке со своим сыном. Когда мати увидала своего мужа, кричит своему сыну: «Папаша едет!» — И он кинулся бежать к нему. Мальчишка добегает: «Что это за мальчишка бежит? Кучер, остановись!» — Принял его и до своего *дворца* довез.— «Это у нас мальчик родился!» — говорит мать.— Он себя за бородку схватил: «Ну, я отдал единственного сына!»

Своей жене этого ничего не сказал. Письмецо положил в самое наилучшее матерье.

Мальчик вырос лет 17-ти, стал по лавкам ходить, приказчиков проверять. Приезжает из прочих земель купец и говорит: «Подайте-ка мне такого-то матерья!» — Заскакивает приказчик на лавку, выбрасывает штуку и смотрит: в этом матерьи кака-то бумажка.— «Ваня! Вот кака-то

бумажка!» — «Ну-ка, я погляжу! Меня тятя отдал Токман Токманычу морскому царю!»

«Мне *этта* проживать нечего! Надо идти его разыскивать, где он проживает. Я пойду... Ну, родимый тятенька и родимая мамонька! Напекайте мне *придорожнички*: я отправляюсь искать морского царя». — Отец с матерью заревели.

Отправился. Шел, шел, дошел до избушки; стоит избушка на куричьей голяшке, повертывается. Зашел в избушку: лежит в избушке Баба-Яга. — «Фу-фу-фу! Русского духу слыхом не слыхала, а русский дух сам в избу зашел! Куда же ты, Иван купеческий сын, пошел?» — «Напой, накорми, потом вестей расспроси!» — Она... — стол подёрнула, ...— щей плеснула, ...потрясла — булок нанесла... Напоила, накормила, стала дело расспрашивать. — «Куда же ты, Иван купеческий сын, пошел?» — «Я, бабушка Ягишна, пошел к Токман Токманычу морскому царю». — «Хо, хо! Ты далеко залезаешь! *Айдá* подале, есть у меня сестра постаре, так она больше знает!»

Дошел до нее, зашел в избушку. — «Фу-фу-фу! Русский дух сам в избу зашел!»... Напоила, накормила, стала дело расспрашивать.

«Я тебе помогу!» — «Помоги, помоги, бабушка!» — «А вот прилетят ко мне десять голубиц, я их напою-накормлю; потом прилетит Марфа Токмановна, дочь его, и со своей служанкой. Когда ей стану всяко кушанье подавать, последне кушанье — картошки с молоком — и скажу ей, что «вот тебе, Марфа Токмановна, женишка-то!» — Она хотит меня ударить. (Я тебя посажу за печку, ты сиди.) Из-за печки выскакивай и тут ее лови! Если поймаешь, то ты будешь человек, а не поймаешь — погибнешь!»

Прилетела Марфа Токмановна со своей служанкой и села на *заличинку* и кричит старухе: «Выпусти русскую кошку из избы!» — Она ей отвечает, что «Никого же у меня нету!» — «Выпусти!» — «Эх ты, Марфа Токмановна! Ты по воздуху летала, русского духу нахваталась!»

Зашла в избу. Она стала ей подавать кушанье. Последнее кушанье — картошки с молоком. — «Вот бы тебе, Марфа Токмановна, женишка-то!» — Он выскочил из-за печки, хотел ее схватить и не мог ее схватить; одно перо из нее выдернул. Она успела голубком свернуться и вылетела из избы.

«Ну уж, Иван купеческий сын, еще ты умолил! Вот завтрашнего дня будет день *ятный*, жаркий; она вот на такое-то место прилетает купаться — и ты у ней платьице

скради! Прилетят их 12 голубиц, и все они платьица положат вместе; она положит *вдаль*,— ты его и скради!»

Отправляется он на место, сидит, дожидается. 12 голубиц прилетели, начали купаться; раскупались — улетели насреди моря. Он подкрался, платьице и украл. Когда накупались, выходят на берег — все платьица целы, у одной *нетука*. Оделись, свернулись и улетели; она осталась в воде.

Она говорит в воде: «Кто у меня платьице скрал: если дядюшка — будь мой родимый дядюшка, если тетушка — будь моя тетушка, если девица — будь моя сестрица, если молодец — будь обрученный мой муж».— Он у ней платьице бросил, она снарядилась. Он к ней подходит. Махнула ширинкой, и сделалась перед ним кроватка.

Полюбезничали. Она и говорит ему: «Ну, теперь полетим, Иван купеческий сын, к моему папаше! Я тебя сделаю голубем, сама голубкой. Когда прилетим, бейся об землю, не жалейся! Если пожалеешься, то вечно голубком пролетаешь».

«Когда же у моего папаши пробудешь, ко мне вечерком приходи: под которым окошечком салфетка вьется, тут я и живу!.. Еще я тебе скажу: когда прилетим, ты скричи громким голосом, молодецким посвистом: «Токман Токманыч, твой верный слуга пришел!»— Он услышит твой голос, бросится на тебя и поведет тебя в покои».

У него было два лакея, и он их загонял, этих лакеев; и они этот день насилу проводили. И они говорят между собой: «Пойдем, товарищ, сходим к Ваське Широкому Лбу в острог! И он какую-нибудь *хижину* на него найдет,— он (Токман Т.) его убьет завтра».

Пришли к Ваське Широкому Лбу в острог: «Васька Широкий Лоб, не знаешь ли какую-нибудь *хижину* найти на человека? К нам сегодня какой-то человек пришел, и нас сегодня барин загонял!» — «А вот что: если с каждого чина по ведру вина и по пятьдесят рублей денег не пожалеете, я вам скажу!» — «Не жалеем!»

«Вот он хочет это море завалить и спахать и сборонить, чтобы к утру просвира готова была (из новой муки)».

Они пришли к своему барину: «Токман Токманыч! Твой верный слуга сам собой возвышается, тобою выхваляется: вот это море он хочет завалить и спахать и сборонить, чтобы к утру просвира готова была из новой му-

ки!» — Он его призвал к себе: «Что ж ты, мой верный слуга, сам собою возвышаешься, а мною выхваляешься? Ты хотишь вот это море завалить и спахать и сборонить, чтобы к утру просвира готова была из новой муки!» — «Батюшка, Токман Токманыч, у меня сроду *сабáну* в руках не бывало!» — «А вот мой меч, а тебе голова с плеч!»

Он отправляется к своей сударушке. А уж она знает, что ему отец такую службу задал.

Заходит в избу. — «Что ж ты, миленький мой, призадумался?» — «Как же мне не призадуматься? Твой папаша мне службу задал! Завтра, наверно, мне в петлю полезать?» — «Какую же службу?» — «Вот это море завалить и спахать и сборонить, чтобы к утру просвира готова была из новой муки». — «Молись Спасу, ложись спать! Утро мудренее вечерка».

Она вышла на крыльцо и переметнула с руки на руку кольцо — выскочили 33 молодца — лицо в лицо, волос в волос — скричали в один голос: «Что, барыня-сударыня, угодно?» — «Вот что! Сослужите мне службу: вот это море завалить и спахать и сборонить, чтобы к утру просвира готова была из новой муки!» — «Слушаемся!»

Поутру встает — просвира готовая на столе. Она его и будит: «Ну, миленький мой! Не пора спать, пора вставать, пора к тятеньке нести гостинец!» — Он умылся, снарядился, отправился к нему.

Когда принес гостинец, этих слуг он (Токман Т.) еще пуще стал гонять; насыпал для них гороху на пол: что «напраслину на моего слугу наносите». — Опять они (слуги) стали им кушанье подносить, напоили-накормили их.

Потом и говорят: «Пойдем к Ваське Широкому Лбу в острог!..» — «Ну, Васька Широкий Лоб! Сделал! Давай каку-нибудь *хижину* на него найди еще!» — «Я придумал! Но с каждого чина по ведру вина и по пятьдесят рублей денег!.. — Это ему не сделать! Пойдите, скажите своему барину, что он хочет сделать церкву на Тияне-острове, на океане-море, хрустальный мост — чтобы в шесть часов к заутрене ударить!»

Они пришли, сказали своему барину, что «Токман Токманыч! Твой верный слуга сам собой возвышается, тобою выхваляется: он хочет сделать церкву на Тияне-острове, на океане-море, хрустальный мост — чтобы в шесть часов к заутрене ударить!» — Он (Токман Т.) скричал его: «Что же ты, мой верный слуга, сам собой возвышаешься, мною выхваляешься? Ты хотишь сделать церкву на Ти-

яне-острове, на океане-море, хрустальный мост — чтобы в шесть часов к заутрене ударить!» — «Батюшка Токман Токманыч! У меня сроду в руках камню не бывало!» — «А вот мой меч, а тебе голова с плеч!»

Он не может дождаться, этот день когда пройдет — и пойти к своей сударушке. Приходит. — «Что ты, миленький мой, призадумался?» — «Как же мне не призадуматься? Хоть в петлю полезай! Вот какую мне службу задал: сделать церкву на Тияне-острове, на океане-море, хрустальный мост — чтобы в шесть часов к заутрене ударить!» — «Молись Спасу, ложись спать!»

Она вышла на крыльцо, переметнула с руки на руку кольцо — выскочили 33 молодца — лицо в лицо, волос в волос, — вскричали в один голос: «Что, барыня-сударыня, угодно?» — «Сослужите мне службу: сделать церкву на Тияне-острове, на океане-море, хрустальный мост, чтобы в шесть часов к заутрене ударить!» — «Слушаемся, сделаем!»

Она его и будит в 4 часа: «Не пора спать, пора вставать, пора к тятеньке на службу пойти!» — Она ему дает золотых гвоздей и золотой молоток и *гармазинова* сукна. — «И сиди и вбивай края, и как будто ты это все дело сделал! И когда шесть часов ударит, к заутрене ударит, мой папаша полетит на своих на добрых конях и схватит тебя и увезет в церковь. Там литургия идет...»

Литургия когда кончилась, они отправляются опять домой.

И начинает этих слуг еще пуще гонять: «Зачем напрасслина на моего слугу наносите!» — Когда они им кушанья носили, и говорили меж собой: «Пойдем опять к Ваське Широкому Лбу в острог!»

«Ну, Васька Широкий Лоб! Сделал! Давай какую-нибудь *хижину* на него найди еще!» — «Придумал! Но с каждого чина по ведру вина и по полтораста рублей денег!» — «Не жалеем!»

«Скажите своему барину, что он хочет сделать корабь — чтобы ходил горами, и морями, и сухими берегами!»

Пришли они, сказали своему барину, что «он хочет сделать корабь, чтобы ходил горами, и морями, и сухими берегами». — Он (Токман Т.) скричал его: «Ты хотишь сделать корабь, чтобы ходил горами, и морями, и сухими берегами!» — «Батюшка Токман Токманович! У меня сро-

ду в руках топора не было!» — «А вот мой меч, а тебе голова с плеч!»

Он этот день насилу проводил: когда к сударушке пойти. Приходит. — «Что ты, миленький мой, призадумался?» — «Как же мне не призадуматься? Вон какую мне службу задал!» — «Какую?» — «Что вот корабль чтобы ходил горами, и морями, и сухими берегами». — «Молись Спасу, ложись спать!»

Она вышла на крыльцо, переметнула с руки на руку кольцо — выскочили 33 молодца — лицо в лицо, волос в волос, — скричали в один голос: «Что, барыня-сударыня, угодно?» — «Последнюю мне службу вы сослужите: сделать корабль, чтобы ходил горами, и морями, и сухими берегами». — «Далеко ты залезаешь, Марфа Токмановна! Нам не сделать!» — «Сделайте мне!» — «Нет, не сделать».

Один из среды их сказал ей: «Нам не сделать, а за триста морей и за триста земель есть подрядчик, так он, может быть, и сделает». — «Ну, полетайте кто-нибудь поскорее и сейчас чтобы он явился ко мне на глаза!» — Полетел один и привел его. Ей сказали. Она вышла и говорит: «Сделай мне корабль!.. В шесть часов чтобы готов был». — «Можно, Марфа Токмановна, изладить!» — Изладили, разбудили ее: «Пора у нас работу принимать!»

Вышла на крыльцо — корабль середь двора стоит. Подходит этот самый подрядчик и говорит: «Этот самый корабль будет действовать лентой. Я тебе дам ленту — этой лентой правь, положь ее в рукав; ленту дерни кверху, он полетит поверху; ленту ниже опусти, он полетит по́низу».

Когда она получила от них эту ленту, и пошла будить своего мужа. — «Не пора спать, пора тебе ехать к тятеньке на корабле! Вот, на ленту и этой лентой правь!» — Вышел на двор; она ему и говорит: «Не просиживайся у отца, когда вы полетаете, и прилетайте поскорее!»

Перелетел через ворота; ленту спустил ниже — он (корабь) полетел по́низу. Прилетел к *поратному* крыльцу и скричал ему громким голосом, молодецким посвистом: «Токман Токманыч! Твой верный слуга прилетел на корабле!» — Токман Токманыч бежал в одном халате и прямо прыгнул ему в корабь. Долго ли, мало ли они летали и назад обратились. Прилетели к *поратному* крыльцу. Токман Токманыч бежать в свои покои. Он (Иван купеческий сын) вернулся и был таков — к своей сударушке.

«Ну, уж теперь, миленький мой, давай поскорее отсель улетим! Сейчас за нами посол будет: отец мой догадался, что ты проживаешь у меня!» — Она взяла за печку три харчка плюнула. — «Вы, харчки, отвечайте тут, если придут за нами! В первый раз придут, вы скажите, что «сейчас идем». Во второй раз придут, скажите, что «сейчас обуемся». А в третий раз придут, скажите, что «оденемся». В четвертый раз придут, скажите, что «улетели они давным-давно».

Пришел посланник... Он (Токман Т.) затрубил в трубу, *нагнали* воины. — «Что нужно?» — «Догнать мне беглецов — дочь мою и *милыша* ее!» — Погнали погонщики. Она и говорит: «Полетай вверх горносталькой — ворон клокчет или сорока чокчет?» — Он пал к земле и слушает, что ворон клокчет. Она его и сделала козлушкой, а сама сделалась старушкой и сидит доит.

Подгоняют погонщики. — «Бог помощь тебе, бабушка!» — «Милости просим!» — «А не проходила ли девúца с молодцóм?» — «Нет, я никого не вижу: 30 лет сижу, козлушку дою, и то никого не вижу!» — Они обратились назад. Приезжают и сказывают, что «никого нет! Что вот догнали такую-то старушку: она сидит, доит козлушку...»

«Еще гонитесь дальше!» — Погнались. Она и говорит: «Полетай, миленький, вверх горносталькой: ворон клокчет или сорока чокчет?» — «Ворон клокчет». — «Ну, это не погоня, а погонюшка! А погоня вся впереди!» — Она махнула ширинкой, и сделалась часовенка. Сама сделалась попом, а его сделала дьяком, и служит в этой часовенке. Пригоняют погонщики и смотрят: литургия идет. Когда литургия отошла, один подходит и говорит: «Не проходила ли *этта* девица с молодцом?» — «Ох, батюшка, уж у нас часовенка на подпорах — никого не видим!»

Она будто не знает, что от кого это гонятся, и спрашивает у одного: «Вы кого догоняете?» — «Дочь Токмана Токманыча с *милышем*!» — «Ох, Токман Токманыч мне большой друг! Погодите, я ему письмецо напишу». — Пошла *тамока* положила дряни и запечатывала; и написала и говорит: «Родимый мой тятенька, не умел от меня сладкие конфеты поесть, так вот поешь дряни!»

Он на это осердился. А у него жена волшебница страшная была, за двенадцати дверями и на двенадцати цепях сидела. А эта дочь превышила ее еще волшебством. Она (жена Токмана Т.) бьется и говорит: «Отпусти,

миленький мой! Я их, этих беглецов, поймаю!» — Он отпустил, она полетела.

Она и говорит: «Ну, миленький мой! Полетай вверх горностalькой — ворон клокчет или сорока чокчет?» — «Сорока, говорит, чокчет!» — «Вот это погоня: это мать летит наша, волшебница!» — Она махнула ширинкой, и сделалась огненна река, и среди огненной реки сделалась кроватка — и она лежит со своим с мужем обнявши. Прилетает мать и говорит: «Ах! — говорит, — б...ь, успела обняться с милышем-то! А то бы я вас увела!» И она стала говорить: «Эх, милая дочь! Я вас долго не видала и твоего мужа не видала! Дай-ка я вас благословлю, и ступайте куды знаете!»

Махнула она щеточкой, и сделался через огненну реку мост. Она и пошла. Дошла до половины и говорит: «Теперь из моих рук никуда не девайтесь! Я теперь вас уведу!» — Махнула шириночкой (дочь) — она (мать) провалилась. — «Ну, миленький мой, теперь нам бояться некого! Теперь пойдем в твое поместье!»

Шли много ли, мало ли, дошли до его поместья. Версты за две не доходя, она спрашивает: «Далеко ли твое поместье?» — «А вот версты две еще!» — Пошли они еще, отошли с версту. — «Далеко ли твое поместье?» — «Еще с версту».

Дошли до поместья. — «Ну, миленький мой, иди со мной!» — Зашли в сторону, к дубу. — «Вот ты когда, миленький мой, задумаешь жениться, приезжай к этому дубу! Я выйду пребольшущей змеей. А больше никого не бери — дружку да сваху. Там станут говорить: «Бей!» — а ты говори: «Не смей! Сзади казна и по бокам казна, а спереди молода жена!» Ударь меня плеткой, я и сделаюсь девицей!»

«Еще я тебе буду говорить: когда же ты придешь к своему папаше, всех в уста целуй, отца с матерью не целуй в уста! Если поцелуешь, то ты меня забудешь!»

Он пришел домой. Обрадовались, всех *сродственников* собрали: что Ваня пришел. Всех в уста поцеловал, отца с матерью не целует в уста. Дядя родной подошел к нему и говорит: «Почему же ты, Ваня, отца с матерью не целуешь в уста?» — Ему как нехорошо и сделалось; он отца с матерью и поцеловал в уста. И про нее и забыл.

Она (Токмановна) поселилась напротив купца: выпросилась на квартеру.

Отец имел у него (Ивана) две лавки; два приказчика было: Александр и Евгений (а третий — Иван). Саша и говорит: «Вот тут какая-то красавица проживает у старушки. На вечёрки к ней!» На первой вечер Александр пошел. Приходит под окошко, стучится в окно. Она как знает, что это от того купца пришел приказчик: «Пусти, бабушка, его!»

Он зашел в избу, начал с ней любезничать. Играли, играли *тамока*, она и говорит: «Не желаете ли в карточки поиграть?» — «Можно». — Было у него деньжонок взято рублей 20. Она его и обыграла.

«Эх, бабушка, я сегодня шила ковер, да в сенках-то и забыла; поди, сходи!» — «Эх ты, милая дочь, я-то стара, ...-та тяжела; ты сама помоложе меня — и сходи!» — Александр добрый выискался, побежал на двор; у них был дров *костёр* наложен, он и давай дрова рубить. Всю ночь дрова прорубил.

На другой вечер достается другому приказчику пойти. Пошел Евгений. Приходит к окошку, стучится в окно. — «Бабушка, пусти его!» — Зашел в избу. — «Не желаете ли в карточки поиграть?» — «Можно». — Она его и обыграла. — «Бабушка, я сегодня ковер в сенках шила, забыла; поди, сходи!» — Добрый выискался Евгений; побежал на двор. А у них назёму было множество. Он и давай назём таскать всю ночь. И три парника натаскал этого назёму.

Рассветало, и он бежать. Приходит. Лавки когда отворили, и стал советовать. — «Ну, как, товарищ?» — «Ну, и хорошо, — говорит, — она обращается!»

На третий вечер купеческому сыну достается пойти. Приходит к окошку, стучится в окно. — «Бабушка, пусти его!» — Зашел в избу. — «Не желаете ли в карточки поиграть?» — «Можно». — Она и его обыграла. — «Бабушка, я ковер-то шила, да в сенках и забыла; поди, сходи!» — «Эх ты, милая дочь, я-то стара, ...-та тяжела; ты сама помоложе меня — и сходи!»

Купеческий сын выискался, пошел в сенки. А там жернова были, у жерновов пять пудов крупы лежало. Он всю ночь промолол крупу. Рассветало, он бежать.

Когда 8 часов, отворили лавки, они сошлись. Купеческий сын говорит приказчикам: «Ну, я сегодни всю ночь работал, крупу молол». — Второй говорит, что «я всю ночь назём чистил». А третий — «я всю ночь дрова рубил». «Ну,

теперека это дело молчок! Чтобы никому не говорить, а то нас просмеют».

Враз прожил там неделю или две и сдумал жениться. Посылают сватать.— «Кого же мы станем сватать?» — «Вы больше *еттака* знаете девок! Я никого не знаю».— Высватали купеческую дочь. *Вечер* был и два был; на третий день сделали девишник.

Она посылает, эта девица, к этому купцу, где невеста, купить два колобка хлеба. И дала ей сто рублей денег.— «Если же будут тебя выталкивать, ты им говори: вот нате вам за два колобка 50 (или сто) рублей денег!» — Она купила. И сделала из этих колобков голубя и голубку.

Когда девишник нача́лся, она заходит в комнаты и выпускает своих голубей. Они полетали по комнате и сели к жениху и к невесте на стол. И голубь голубку и ударил крылом; голубка отвечает ему: «За что же ты меня, голубь, бьешь?» — «За то я тебя бью... Это не Иван купеческий сын — Марфу Токмановну забывать!»

Когда слетели со стола и начали опять летать. Сели опять во второй раз, и голубь ударил опять голубку крылом.— «За что же ты меня, голубь, так *увечишь*?» — «За то я тебя увечу!.. Это ведь не Иван купеческий сын — Марфу Токмановну забывать!» — И опять слетели.

В третий раз сели, и голубь так ударил голубку, что она упала на пол. Она села на стол и говорит: «За что ты меня, голубь, так увечишь?» — «За то я тебя увечу!.. Это ведь не Иван купеческой сын — Марфу Токмановну забывать!»

Он тут вспомнил про нее и враз захворал. Девишник разошелся. Пропускает с неделю и говорит, что «нужно мне жениться». «У нас невеста высватана!» — «Это мне не невеста! У меня невеста в лесу и в дубу... Ну, теперь меня благословляйте — я поеду жениться!»

Благословили, и он отправился, взял дружку и сваху. Приехал к тому дубу. И выходит пребольшущая змея. Дружка и сваха говорят, что «бей!» А он говорит: «Не смей! Сзади казна и по бокам казна, а спереди молода жена!» Ударил плеткой, и сделалась девицей.

Посадили ее и уехали в церковь и обвенчались.

22(12). ИВАН-ЦАРЕВИЧ И ЕГО НЕВЕСТА-ВОЛШЕБНИЦА

Рассказал А. Д. Ломтев

Иван-царевич пошел на охоту. И ходил он недели две, заблудился. Стоит избушка. Нечаянно в эту избушку он зашел. В этой избушке живет старушка одна себе. Старуха эта говорит: «Вот что, Иван-царевич, ко мне сейчас гости приходят; я занавеской тебя прикрою, ты под лавкой сиди, не выглядывай!» — Иван-царевич залез под занавеску. Прибыли к этой старушке три девицы. Девицы как заявились, и сказали: «Ах, у тебя гость, бабушка, есть!» — А она говорит, что «у меня гостя никакого нет!» — «Что нам сказывать? Мы знаем!» — Девицы разговаривать не стали, воротились и ушли.

Иван-царевич вылезает из-под лавки, говорит старушке: «Из трех одна очень хороша, мне *поглянýлась*! Нельзя ли ее замуж взять?» — «На следующий раз», — старушка сказала. — «Придут они, так я скажу им, что не желают ли замуж идти за Ивана-царевича?»

Они во второй раз прилетают. Две остались на дворе, а одна зашла в избу. Девица сказала: «Все еще у тебя гость-от гостит?» — «Гость у меня не простой, а Иван-царевич! Не желаешь ли ты за него замуж?» — А девица ответила, что «я у сестер спрошу, потом скажу!» — А старуха говорит (Ивану-царевичу): «У них долго этак не добьешься (не дождешься), поди же ты к морю: есть на море старой корабь, ты залезь в этот корабь! Потом они прилетят голубями, платья с себя сбросят. Есть одна из них девица, а две замужних; ты смотри: замужние платья бросят вместе, а девица врозь».

Иван-царевич заявился на корабь. Прилетели, платья бросили — замужние вместе, а девица врозь. Иван-царевич спрятал платье девицы. Выкупались. Замужние оделись. Сказала девица: «Вы, сестрицы, отправьтесь, я останусь!» — Они улетели, она осталась и говорит: «Выбрось платье, я приоденусь, и потом приходи ко мне: если ровня моя, так будь муж мне, а если старше — брат родной!» — Она приоделась, он к ней вышел. Видит, что ровня, за ручку взяла, поздоровалась и в уста поцеловала его. Девица сказала: «*Откуль*? Какой?» — «Я человек не про-

стой, а Иван-царевич, *заблудящий* человек; а желаю тебя взять в замужество за себя».

И она сделалась согласна; перебросила с руки на́ руки кольца свои — из кольца выскочило три *ухореза*. — «Что ты нас покликаешь? На каки́ работы посылаешь?» — «Предоставьте здесь чтобы сейчас были *лагери*, и самоварчик готов, и жареного-пареного!» — Живо все готово сделалось. Она скричала своим слугам: «Исправьте мне корабь, мог чтобы бегать и морями, и полями (лугами), и лесами!»

Приезжают к ее дому; остановила она корабь. Сказала девица: «Я живу вот в этом доме. Ты сходи к моему отцу: подойди к *поратному* крыльцу и скажи, что «прими, барин, нечаянного гостя к себе». (Она живет одна, в особенном доме, эта девица.) Он подходит к *поратному* крыльцу, кричал, что «барин, прими меня, нечаянного гостя: молодец не простой, а Иван-царевич!» — Барин скричал своих сорок слуг: «Слуги, натаскайте в комнату гороху и сутки *уважайте* его — ползайте на коленках (на гороху)».

Слугам невозможно стало ползать по гороху. — «Пойдемте в *подтюре́мок* к Ваське Большеголовому: он нам чего-нибудь скажет!» — Они, все сорок человек, пришли к подтюремному за́мку, скричали: «Васька Большеголовый, навязался к нам Иван-царевич! Не знаешь ли, чем (как) его выжить из комнат?» — Васька Большеголовый сказал: «Дайте по́ сту рублей! Я скажу, что сейчас его барин выгонит». — Они о́тдали ему сорок *сотельных*. — «Вот что, робята, вы скажите, что он нам похвастался сделать корабь — чтобы он мог бегать и лугами, и морями, и лесами. Где ему его сделать?!»

Приходят сорок человек, скричали все враз: «Барин, нам Иван-царевич вот чем похвастался: что может он сделать корабь — чтобы он мог бегать и лугами, и морями, и лесами!» — «Призовите его сюды, я сам спрошу!» — Приходит Иван-царевич. — «Иван-царевич, ты выхвастываешься перед моими слугами, что можешь исправить такой корабь, чтобы он мог бегать и лугами, и морями, и лесами... А не исправишь, я тебе завтра и голову сказню!» — «Ну, ладно; до утра́ дело про́длится, утром что будет!»

Приходит к его дочери в комнату и говорит: «Родитель твой задал мне задачу — исправить корабь, чтоб он бегал и морями, и лугами, и лесами». — «Это не твое дело: утром вставай, все готово будет!» — Поутру встает, корабь готовый. Сказала девица: «Поди к барину, покатайтесь на корабле!» — Приходит Иван-царевич: «Корабь готов.

Барин, давай садись, съездим покатаемся!» — Сели на этот корабь, наперво поехали морями, потом пересели лугами, потом лесами; приезжают, наконец, домой.

Скричал барин своим слугам: «Сорок слуг, натаскайте еще более того гороху, потчуйте его двое суток всякими *бисертами*!» — Им сделалось трудно. — «Пойдемте, ребята, к Ваське Большеголовому: он нам скажет, чем выжить его!» — Пришли к Ваське Большеголовому, скричали все враз: «Васька Большеголовый, что ты приказал, он исправил!» — «Отдайте мне теперь по двести рублей денег: я что скажу, ему вовеки не исправить, его барин завтра же выгонит!» — Отдали они по двести рублей денег. Сказал Васька Большеголовый: «Вот что, ребята, скажите, чем похвастался он нам: на болоте посею хлеб, и в ночь этот хлеб родится и поспеет; чтобы и выжать, и скласть, и поутру из свежего хлеба булки чтобы готовы». — «Ну, ребята, Васька Большеголовый выдумал, нам бы не выдумать!»

Приходят все сорок человек к барину, скричали все враз: «Барин, нам Иван-царевич вот чем хвастался: на болоте посею хлеб, и в ночь этот хлеб родится и поспеет, чтобы и выжать, и скласть, и поутру из свежего хлеба булки чтобы готовы». — Барин приказал его призвать к нему. — «Что ты, Иван-царевич, слугам хвастался, а мне ничего не говоришь?.. Чтобы ты посеял хлеб на болоте, и в ночь чтобы хлеб поспел, и поутру у тебя чтобы булки из хлеба были готовы!» — «Что ты, что ты, барин?» — говорит. — «А не сделаешь, я тебе и голову сказню!» — До утра́ дела будет, утром что будет!

Приходит он к его дочери, обсказывает ей: «Родитель твой задал мне задачу вот какую: чтобы посеял хлеб на болоте, и в ночь чтобы хлеб поспел, и поутру чтобы булки из хлеба были готовы!» — «Это не твое дело: ложись спать, утром все готово будет!» — Поутру встают — у ней уж и булки поспели. Приносит барину из свежего хлеба калачи. Барин глядел на болото: много кладей накладено. Дивился этому делу. (Они устроят, нечистые-то духи.)

Скричал барин: «Сорок слуг, потчуйте этого человека трое суток! Натаскайте более того гороху, на коленках ползайте — уважайте его!» — Ползали трое суток, заболели *ихи* коленки. — «Пойдемте, ребята, еще к Ваське Большеголовому! Он выдумает: сживать надо его как-да-нибудь!» — Пришли все сорок человек, скричали в один голос: «Васька Большеголовый, что ты сказал, он и сделал!» — «Ну, сёдни скажу, не сделать никогда! Отдайте вы

мне сегодня по триста рублей с человека, тогда я выдумаю!» (Ладно он себе денег-то *грудит*!) Они отдали по триста рублей денег.

Васька Большеголовый сказал: «Выстрою я середь моря церкву, и чтобы были попы и дьяки, поутру и звон готовый был бы; от этой церкви до дворца исправить хрустальный мост, а на мосту чтобы на каждом повороте по елочке стояли, на этих елках чтобы сидели разные птицы и пели разными голосами!» — Приходят они, сорок человек враз к барину, скричали все враз: «Вот нам Иван-царевич чем хвастается: «Выстрою я середь моря церкву, и чтобы были попы и дьяки, поутру и звон готовый был бы; от этой церкви до дворца исправить хрустальный мост, а на мосту чтобы на каждом повороте по елочке стояли, на этих елках чтобы сидели разные птицы и пели разными голосами!» (Всё высказали). — «Что он за чудак! Ступайте, зовите его сюды, я его спрошу сам!» — Приходит Иван-царевич. — «Что ты за чудак: моими слугами хвастаешься, а мне ничего не говоришь! На взморье выстроить хвастаешься церкву, чтобы были попы и дьяки, поутру и звон готовый был бы; от этой церкви до дворца исправить хрустальный мост, а на мосту чтобы на каждом повороте по елочке стояли, на этих елках чтобы сидели разные птицы и пели разными голосами!» — «Что ты, что ты, барин! Где мне это дело сделать?» — «А не сделаешь, я тебе *заутра* голову сказню!» — «Ну ладно, до утра́; утром что будет!»

Приходит, своей невесте это все обсказывает. — «Ну, это не твое дело!» — Невеста поставила чашку: «Давай сегодня плюй в чашку слюней!» — Они в ночь наплевали полную чашку. Она вылезла в трубу и его выняла, а окна запечатала. Пошли они в русское государство с ним. (Повела уже она его домой: жить невозможно тут стаёт.) — Поутру барин поглядел, видит на взморье церковь и от этой церкви до дворца хрустальный мост...

Приказал слугам гадательную книжку подать: «Кто ему пособляет?» — Поглядел в гадательную книжку, узнал, что ему дочь помогает. На это он осердился; сказал слугам: «Ступайте, спросите: что есть ли они дома? — тогда затопите баню!» — Слуги подходят к дому, скричали: «Дома ли вы?» — А слюни отвечают в чашке, что «дома». — Они приходят к барину: «Они дома, что прикажешь?» — «Истопите теперь пожарче баню!» (Я, говорит, его изжарю и съем! Ишь чё думает!) — Они истопили, из-

готовилась баня; слуг посылает за ним. Слуги приходят: «Что вы долго спите, не открываете окна? Дома ли вы?» — А слюни не отвечают: у них сила вышла уже. Тогда они открыли окна и смотрят, что их дома нет. Сказали барину.

«Подайте мне гадательную книжку: я посмотрю, где они есть?» — Глядит он в книжку; доказывает ему, что они в пути: идут в русское государство. Посылает своих слуг: «Если вы догоните, воротите их назад!» — Слуги, все сорок человек, поехали; «Догоним, так мы им дадим жару!» — Стали их догонять; она обвернула его стожком, сама — *остожьем*. Они взад-вперед проехали, никого, кроме этого стожка не видали. Приехали к барину, обсказывают: «Мы никого не видали, кроме — стоит стожок, остожье, больше никого!» — Барин сказал, что «Вы бы везли жердь, мы бы их воротили. Ступай, везите жердь! Мы воротим их».

Они во второй раз поехали. Она услыхала погоню. — «Мила ладушка, за нами погоня едет!» — говорит. — Обворотила его коровой, а сама сделалась старушкой, села под его и давай доить. Они поехали, старушку догоняют, поздоровались, старушку спросили: «Бабушка, не видала ли — проходили молодéц с девицей?» — «Не видала, никто и не проходил». — Воротились они, обсказывают (все) барину.

Барин: «Вас нечего посылать! Послать надо свою *хозяйку*, она вас лучше догонит!» (Хозяйка у него людоедка, волшебница хитрая.) «Призвать хозяйку ко мне на лицо!» Барин свою хозяйку посылает: «Когда она не спросилась у меня, выходит за Ивана-царевича, ступай, их вороти назад!» — Мать полетела. Сразу узнала она: «Погоня за нами не простая, а летит мамонька родная». — Перебросила она с руки на руки кольца, выскочили три *ухореза*: «Что ты нас покликаешь, на какú работы посылаешь?» — Сказала эта девица: «Пропусти огненную сейчас реку, а за огненной рекой чтобы были *лагери*! Натащите всякого *бисерту*!» (Отдых сдумали). — Прилетела мать к реке: «Ах, дочь, я летела вас благословить, а ты вот что сделала, не допущаешь меня до себя!» — «Ты хищница, ты должна нас сгубить обоих!» — «Ништо я не сделаю! Только благословлю и повидаюсь с Иваном-царевичем; допусти меня посмотреть жениха!» — Дочь приказала своим слугам: «Не допустить, а утопить ее в огненной реке, мать мою, чтобы ее не было на белом свете!»

«Ну, Иван-царевич, теперь мы отправимся с тобой в твое государство, теперь я никого не боюсь: отец у меня простой человек, ничего не знает!» — Доходят они до русского государства; невеста говорит ему: «Мне в твой город идти нельзя сейчас! Стану я в этот дуб. Смотри, придешь домой, мать свою не целуй в уста, а целуй в щечки (всех целуй в уста). Как если ты мать поцелуешь в уста, то ты меня забудешь!»

Наказала она ему: «Если не поцелуешь мать в уста, приедешь, вот я в этом дубе буду стоять. Тогда ты запрягай 10 лошадей рабочих, приди к дубу, этот дуб *стегни* плетью. Из дуба я выйду змеей: ты подойди, стегни плетью, скажи: «Из змеи *оборотись* девицей, а перед девицей окажись казна неоцененная!» (Сама-то она волшебница.)

Иван-царевич приходит в свое государство, в свой дом; заходит в свои комнаты, со всеми поздоровался, сел на стул. Никто не может его признать, что он сын их. (Его потеряли, значит: много годов он проживался там; оборвался, небось, обносился.) А у матери слезы навернулись, что шибко на сына похож; как взглянет — и заплачет. Иван-царевич сказал: «Мати, не плачь! Я ваш сын!» — Мать на него пала, заплакала; он поцеловал мать в щечки — в ту щечку и в другую. Также братьев и отца своего — всех поцеловал в уста.

Сыновья заметили: «Что же, братчик, всех нас поцеловал в уста, а нашу родительницу в щечки? Или нашей родительницей *моргуешь* ты — не поцеловал ее в уста?» — *То* он во второй раз подскочил, мать в уста поцеловал. Как мать поцеловал — и невесту забыл.

То невеста — «Нечего мне стоять в дубе» — отправилась сама к царю в город русский. Выпросилась она у старухи квартéровать. Старуха живет одна себе. — «Старушка, *знать*, очень ты бедно живешь?» — «Я только пó миру хожу, тем и питаюся». — Девица сказала: «Прими меня с тобой жить: я буду где воды носить, где и дров подтащу — веселее двоим жить будет!» — Старуха согласилась ее держать. — «Бабушка, чем нам так жить, я человек молодой, напишу я три письма, стащи ты их во дворец: первое письмо передай Ивану-царевичу, а два письма генералам, чтобы они ходили к нам в гости». — Старуха письма эти взяла, потащила во дворец и раздала Ивану-царевичу и генералам.

Сходятся они все трое, уговариваются, кому наперед идти в гости. Наперво старшему генералу приказал

Иван-царевич идти в гости. Генерал повечеру приходит к старушке в избу, как огонь они взяли. Старушка лежала на печи, а невестка на полатях. Она занавесочку отбросила и смотрит.— «Бабушка родимая, гость к нам хороший пришел. Вышила я про него ширинку, да во дворе забыла у дров. Родимая бабушка, сходи-ка за ширинкой!» — Старуха на ответ сказала: «Я сама стара, у меня ж..а тяжела, сходи сама!» — А генерал сидит: «Нельзя ли мне сходить?» — «Сходи, ты помоложе!»

Приходит генерал к дровам, тут топор лежит и также *костёр* дров. Он взял топор, принялся эти дрова рубить на мелкие. Прорубил он до свету, смозолил свои руки, потом сдумал к царю бежать во дворец. Сделалось ему конфузно: всю ночь дрова рубил. (Нечего и ходить к такой невесте!)

День проходит. К вечеру другой генерал катится в гости. Приходит к старушке в дом; старуха лежала на печи, она на полатцах. Сглянула девица: «Ох, бабушка, гость хороший пришел; вышила я для него ширинку, да около конюшни забыла. Родимая бабушка, потрудись, сходи за ширинкой!» — «Я стара, у меня ж..а тяжела, сходи сама!» — А этот самый генерал сидит: «Нельзя ли мне сходить?» — «А милость будет, потрудись, сходи!»

Генерал подходит к конюшне; тут стоит кирка и лопатка, назём начал выбрасывать из конюшни, всю ночь бросает. Генерал вылез из конюшни, глядит: солнце уже высоко взошло. Тогда он бежал скорее к царю во дворец, весь в г...ах вывалялся. (Вот и невеста, полюбовались!)

День проходит. Повечеру Иван-царевич приходит к девице к этой сам. Девица смотрела с полатей.— «Родимая бабушка, гость у нас пришел хороший, человек не простой, Иван-царевич! Родимая ты бабушка, вышила я для него ширинку, да в сенках сидела, забыла. Сходи же ты!» — «Я, дитятко, стара, у меня ж..а тяжела!» — А Иван-царевич: «Да что, эти сенки недалеко, нельзя ли мне сходить?» — «Сходи, Иван-царевич, в сенки за ширинкой».

Тут стоял ячменя полон мешок и жерновца, и он всю ночь крупу молол на жерновцах. Отворил он дверь, видит, что солнце взошло уже высоко; не взглянул он в избу, убежал Иван-царевич домой. Увидел его генерал, спросил: «Иван-царевич, как невестка — хороша ли?» — Иван-царевич сказал: «Больше не пойду, всю ночь я крупу молол».— Старшой генерал сказал: «Я всю ночь

дрова прорубил!» — «А я всю ночь назём чистил!» — «Больше не пойдем,— говорит,— к ней!»

Посылает Иван-царевич своего родителя в королевство за себя сватать невесту. Царь карету запрягает, приезжает в королевство, объясняет, что «с добрым словом, за сватаньем».— С великой охотой про царя. Король приказал: «Пускай Иван-царевич прямо едет за невестой!»

Эта самая невеста (волшебница) старушке подает сто рублей денег: «Сходи на кухню к царю, сырого хлеба булку купи за сто рублей!» («Может, дёшево не продадут»,— говорит.) — Старушка приходит к царю на куфню к поварам: «Продайте мне сырого хлеба булку! Что возьмете?» — Повара для насмешки сказали старухе: «Если не жалко сто рублей! А ниже не отдадим! Сто рублей за булку!» — Приносит старушка тесто и подает невесте. Она сотворила голубя и *голубиху* из теста, посылает их в королевство (этих голубей).

Иван-царевич приезжает к царю за невестой. Приняли его во дворец и завели в комнаты. Ивану-царевичу подали невесту; садился он за стол с невестой. Только они сели за стол, голуби пробились, сели к столу близко; голубиха ударила голубя крылом и сказала: «Ты, подлец, то не сделай надо мной, как Иван-царевич: бросил Марфу-царевну свою, раньше которая невеста!» — Король сказал: «Убрать этих голубей!» — А Иван-царевич: «Погоди,— говорит,— мне любопытно поглядеть на них! Пущай,— говорит,— они сидят тут у стола!»

Повторила голубиха: второй раз ударила голубя крылом и сказала: «Если ты меня бросишь в чужом государстве, я тебя не выпущу из своих палат и *кончу*!» — *То* Иван-царевич сдумал про это: «Это непременно от невесты присланы голуби!» — «Поймать их!» — А их только и видели: они улетели.

Вздумал Иван-царевич про свою про старую невесту, сказал королю: «Мне твою дочь нельзя взять! Я не бракую, только нельзя: есть у меня невеста в *Урале* — если я ее не возьму, то мне живому один месяц не прожить, она меня *кончит*!» «Я с тебя много возьму денег за то, что ты посмеялся!» — «Все равно! Лучше же я за бесчестье заплачу, а все-таки мне твою дочь нельзя взять!» — Уехал без невесты.

Приезжает домой, королевскую дочь не привез. Царь встретил и сказал: «Что же ты, Иван-царевич, почему ты невесту не привез от короля? Или не *погляну-*

лась?» — Иван-царевич сказал: «Тятенька, есть у меня невеста в *Урале*, только я забыл про нее! Мне нужно ехать за своей невестой. Если я ее не возьму, то мне живому один месяц не прожить, она меня кончит!»

«Тятенька, нужно десять телег рабочих запрягчи, и вот я запрягу себе одиннадцатую карету». Сел в карету с кучером; ехали за ним 10 подвод телег. Приезжают к этому дубу. — «Ребята, что я стану делать, вы не бойтесь, только глядите на меня!» — Подходит он к дубу, стегнул своей плетью — и вышла змея, ужасная, как оглобля.

Подходит Иван-царевич к змее, стегнул ее нагайкой, сказал: «Обворотись из змеи девицей, а перед девицей казна неоцененная!» — Образовалась золотая гора. Золота нагребли десять телег, сами сели в карету, поехали к царю во дворец. Приезжают к царю во дворец: со всеми она обошлась, поздоровалась. Приказал царь съездить к венцу, повенчаться. Завели пир на весь мир. Кутили сколь есть. И сказке конец!

23(41). ВАСЯ ДА ВАНЯ
[Звериное молоко]

Рассказал Ф. Д. Шешнев

Жил-был мужик. У него было два сына: Вася да Ваня. Отец стал умирать. — «Вот тебе, Ваня, баню, а Васе дом. Тебе, Ваня, сестру кормить!»

Отец помер. Начал Вася из дому гнать Ваню: «Тебе тятька *отказал* баню — иди, с сестрой в бане живи!» — Переселились.

«Где мы хлеба возьмем?» — говорит сестра. — «Найдем». — Побежал Ваня в лес, наломал дубовнику, на полтора целковых продал. — «Вот и хлеб, сестричка! Есть о чем тужить? Назавтра побегу подальше!»

Пошел, нашел дом. В дому чан вина. Он выпил чарочку. Зашел в другую комнату, — там золотых навалено тьма. Он наклал денег и домой. — «Ну, сестра, теперь стряпай *ва́рю слаже*, зови брата в гости!»

Настряпала сестра всего, всяких вин набрала. А Ваня побежал опять за деньгами. Захватили его разбойники. Он этих разбойников всех перебил, 25 человек. И только один убежал, спрятался — есаул.

Вася приходит в гости; не пьет вина, сердится. «Тебе,— говорит,— видно, отец *отказал* деньги в бане».— «Да чего,— говорит,— возьми себе все мои деньги!» — Подает ему. Тот взял и убежал домой, не стал и есть.

«Чего,— говорит,— нам, сестра, в бане жить? Пойдем в лес: там есть для нас дом».— Взял сестру с собой, в хоромы эти.— «Ну, теперь я стану охотничать».

Ушел в лес. Есаул и *подпал* к ней, сестре: «Давай Ваню убьем: он у меня убил 25 человек!» — Та согласилась.— «Как его убить?» — «Сесть с ним в карты играть: кто кого обыграет, тому руки назад связать».

Играли, играли. Он ее обыграл, ей руки связал; посмеялся и развязал. Потом она его обыграла; связала ему руки. — «Ну, Ваня, потяни!» — Он сильный; потянул — все оборвал.

На другой день Ваня опять ушел. Есаул говорит сестре: «Ты захворай нарочно и запроси у него яблони садовой! Он пойдет за нею в дом, в лесу, а там живут 20 человек — убьют его».

Приходит к вечеру Ваня.— «Ах, братец, я не могу, вся расхворалась. Так бы и съела яблони садовой».— «Да где я ее возьму?» — «Здесь есть тропка, иди — там сад!»

Ваня пошел. Приходит к саду. Атаман кричит: «Ловите его!» Прибежали двое; он одному руку оторвал, другому ногу. Принес сестре яблоков. Она оздоровела.

На другой день пошел он глядеть дом. «Был,— говорит,— я в саду, а дом не видал» (торопился). Заходит в дом; ходил, ходил, видит дверь, в двери, в щелочке, свет; сшиб эту дверь, там царская дочь запёрта.— «Откуда ты? Какая?» — «Я царская дочь, за оленями ходила на охоту с тятенькой; они меня поймали, третий год держут».— «Я их перебью!» — «Я тебе помогу».

Ваня спрятался; запёрла она Ваню в комнате. Разбойники прибегают вечером, скорее к чану; по стакану выпили.— «Видно, вам Господь дал сегодня?» — «Дал»,— говорит.— Выпили еще по стакану.— «Я сёднишний день у родителя именинница!» — «Ой, ребята, царская дочь сёдни именинница! Выпьем!» — говорит.— Выпили как следует, уснули. Ваня взял саблю, всех перерубил.

Взял Ваня царскую дочь и повел к сестре на одну фатеру.— «Ну, вот, сестричка, я тебе привел подругу званья хорошего: тебе не скучно будет; учись у нее узоры вышивать».

Ушел на охоту. А она ушла к своему *гулевану*. Советуются, как Ваню убить. А царская дочь подслушивает.— «А ты обыграешь его в карты и свяжи руки ему резиновым ремнем! Я тогда его и застрелю».

Приехал Ваня к вечеру.— «Ну, братчик, погулял?» — «Погулял».— «А тебе не скучно?» — «Нет».— «Давайте в карты играть!» — «А как?» — «Кто кого обыграет, руки назад связать».— Играли, играли; он ее обыграл, руки назад связал; посмеялся и развязал. Потом она его обыграла и связала ремнем резиновым руки.— «Ну, Ваня, потяни!» — Тот потянул, не может оторвать. Есаул выскочил, хочет его убить. Царская дочь выбежала, его из леворверту сейчас и застрелила.

Взял ее Ваня, из ружья *нарушил* сестру свою. А дочь царскую привел к своему родителю и поженился на ней.

24(5). БРАТ И СЕСТРА
[Звериное молоко]

Рассказал А. Д. Аомтев

Мужичок забавлялся стрелять. Жил он в Урале. Он ничем *окроме* не занимался, все стрельбой забавлялся. И вот они в день ничего не могли застрелить; троё сутки живут голодом. Повéчеру приходит отец с матерью и говорят, отец говорит: «Давай дочь заколем!» — А мать не дает дочь колоть: «Чем дочь колоть, давай сына заколем!» — А отец сына не дает.— «Перетерпим это дело, переночуем! Завтра поутру не застрелим ли какого зверя — питаться? А если не застрелим, тогда кого-нибудь из них заколем!»

Сын это дело слышал — разговоры их — и говорит сестре: «Сестра! Вставай, собирайся, пойдем, если хочешь живая быть!» — «Куды же мы, Васенька, братчик, пойдем?» — «Пойдем мы с тобой в Урал дальше».— Решились они; дальше ушли, очень далёко от своего жилища. Идут и думают: «Господи, никакой зверь не попадет, хоть бы я застрелил» (молодец этот).— И летит вéрхом голубь. Он как направил, голубя застрелил, молодéц. Огня с ними не было. Он закатил (зарядил) кудельный пыж, потом в *муравьищо* сухое стрелял — муравьищо загорело.— «Сестра, ты *покуль* щипли голубя, а я еще похожу вокруг это-

го места — не застрелю ли еще кого?» — Не велел ей отходить от того места уж.

Отошел он не очень далеко и видит: висит на дубу сабля и ремень. Ремень этот ровно как золотом покрытый сияет, *больно* хорошой, *заглянýлся* к нему. Потом он залез на этот дуб, снял саблю и ремень, надел на себя — и сделался сыт и сúлен. От этого дуба ведет тропа. — «Что за тропа? Пойду по этой я тропе». — Немножко отошел, слышит разговоры человеческие. За этакой чащичкой сидели 30 разбойников. Выходит из-за чащички атаман-разбойник и говорит: «Братцы, сёдни никого не удалось нам убить, так давайте лучше вино пить!» Молодец подходит к ним. Атаман-разбойник смотрит: на нем сабля и ремень очень хорошие, и приказал своим товарищам этого человека убить, саблю и ремень снять с него. Васенька не сробел, начал их саблей косить и прирубил всех 30 разбойников и в кучу склал их.

Дальше сам по тропе пошел и *натакáлся* на их дом. Приходит в дом, нашел там белого хлеба и жаркóго; тогда он наелся хорошо тут. Увидел на стене он ключи и пошел по амбарам. Отворил первый амбар, видит — одежды много навешено, а вся в крови. Запирает этот амбар, переходит в другой, видит — тут довольно всего: муки и орехов, и конфет, у торговых, видно, награблено довольно. — «Лучше того нет: привезти сестру! Нам с сестрой здесь навеки не прожить — всего довольно!»

Пошел он мимо каюты — тут одна каюта лыком завязана, г... запечатана; отворил он дверь, тут шахта; в этой шахте народу (набитого) навалено множество, преет. — «Чем им (убитым им разбойникам), подлецам, на воле лежать, пойду перетаскаю их в эту же шахту, потом за сестрой пойду!» — Перетащил он их всех; потом пошел за сестрой, набрал с собой закусок и орехов сестре. Приходит к сестре; она лежит чуть живая, голоднá. — «Ну, сестричка, пойдем, я дом нашел хороший, нам навеки не прожить! Нá вот тебе пока закуски!» — «Я и жевать не могу!» — Он жует, как малому ребенку, ей закуски; взял сестру на руки (та идти сама не может, обессилела) и понес с собой домой; тогда притащил ее в этот дом, принес ей жаркóго, белого хлеба. — «Ешь, сестра, да немного, чтобы, говорит, — тебя не вздуло с голоду! Походи, да опять поешь, *сизпотúха*».

Жил он с ней трои сутки, никуды не ходил, чтобы ей было не тоскливо в этом дому. Она в трои сутки как есть

поправилась, ходить как следует стала. Он нашел ружья, зарядил ружье и говорит: «Сестра, я схожу поохотничаю; ты никуды не ходи!» — Сестра сидела долгое время, увидела на стене ключи и захотелось ей в амбарах узнать, что есть в амбарах. Отворила первый амбар — одежды много в крови; в другой амбар перешла, много всячины довольно. — «Да, брат верно сказал, что нам навеки не прожить!»

Идет мимо этой каюты, опахну́ло ее духом. — «Что тут лежит?» Отворила дверь, заглянула в эту шахту, увидела народ, *испужалась* и пала. Атаман-разбойник хотя был зарезан, но не *вовсе* (заговаривался); схватил ее и говорит: «Назови меня мужем!» — «Что ты, брат, мне за муж?!» (Она не может очувствоваться.) Атаман-разбойник говорит: «Я этому дому хозяин! Зови меня мужем! Тебе уже все равно жить!» — Очувствовалась, видит, что не брат; согласилась она его мужем назвать. — «Иди, — говорит, — в комнаты! Я буду теперь с тобой разговаривать».

Завел в комнаты. — «А вот что, — говорит, — если я твоего брата застрелю, тебе будет жалко. Мы сделаем иначе. Если твой брат придет, ты ляг тогда на койку, захворай! Попроси у брата лиси́ного сала, а лиса не простая: есть Дар-гора, по этой Дар-горе ходит лиса. Лиса не отпустит его, съест, и ты не увидишь — тебе будет не жалко».

Брат идет. Она свалилась на кровать и застонала; а атаман-разбойник спрятался, виду не подает. Брат приходит, она стонет. Брат ее сожалел. — «Что ты, милая Маша, сестра, захворала *знать-то*?» — «Да, братец, захворала, очень у меня сердце задавило». — «Кабы я знал, не знаю, куды бы сходил за лекарством полечить бы тебя!» — Она его и посылает: «Поди ты на Дар-гору, на этой Дар-горе бегает лиса; попроси от ней молока, — от него я буду здорова».

Он надел на себя саблю и ремень и отправился на эту гору. Приходит; только заходит на эту гору, бежит к нему лиса. Он перед этой лисой на коленки пал. Лиса ему сказала: «Что, молодец, тебе нужно?» — «Мы с сестрой живем в таком-то месте; сестра у меня захворала; молоко твое в пользу ей будет; дай мне молока на излечение». — «А что под молоко принес?» — «Принес я *ту́ес*». — Поставил он ее, она ему дала полон туес. Поблагодарил лису и отправился будто бы домой.

Немножко отошел и подумал: «Что же я такому зверю покорился? Только *плю́снуть* бы ее — куды ты, из нее только брызги (потрох) полетит! А я еще *начитаюсь* бога-

тырь! Дай я ворочусь, все-таки я ее кончу!» — Только подумал, и неоткуль взялись всякого сословия звери, окружили его и хотят его съесть, ходу не дают ему. — «Да, вот я только подумал, а мне уже ходу нет!» — Пал перед ней на колени второй раз: «Прости, лиса, что я худое на тебя подумал!» — Лиса сказала: «Только мне осталось скричать, и разорвали бы тебя самого! Когда же ты мне покорился, даю тебе на сохранение лева-зверя; *огладь* лева-зверя, сядь на него и поезжай куды знаешь!» — Сел на лева-зверя и поехал к сестре. Приезжает на лев-звере. Атаман-разбойник и говорит его сестре: «Не съела его лиса, а подарок еще ему дала — лева-зверя».

Атаман-разбойник не приказал ей молоко пить: «Ни черезо много время выплесни его за окно и *застонай* пуще прежнего! Пошли его: есть здесь такая крепость, в этой крепости есть яблонь, с этой яблони яблоко добудешь — так буду здорова!» — Разбойник спрятался, а жена пуще того захворала. Брат опять к ней: «Что же, сестра, неужели я тебе молока принес не в пользу?» — Сестра ответила: «Вот, братчик, от этого боку отвалила, а к этому привалила, как камень, вздыхать не могу!» (Обманывает брата-то.) — «Ну, сестра! Кабы знал, не знаю, бы я куды сходил, я еще за лекарством!» — А сестра: «Братчик, сходи же ты сюды, тут есть крепость, в этой крепости есть сад, тут есть яблонь; с этой яблони притащи мне яблоков — и я с них буду здорова!»

Он надевает на себя саблю и ремень, огладил своего лева-зверя и поехал. И стал он до этой крепости доезжать. Не доезжая этой крепости, старичок спустился к нему с небес на воздухе, на сивом коне. — «Что, молодец, получил ли ты от меня подарок? Хорош ли?» — Васенька одумал: «Это непременно сабля и ремень его! — Спасибо, дедушка, на сабле на ремне, хорош твой подарок!» — «Подарил бы я тебе коня из-под себя, только нам с конем обоим помирать скоро. На, еще я дам тебе подарок, дудочку. Знаешь ли ты, как в нее играть?» — «Знаю». — «Ну, знаешь, дак сказывать нечего!» — Распростились. Вася вперед поехал.

Приезжает к этой крепости. Устроена эта крепость 12 сажен высотой и три проволоки протянуты сверх крепости; и на последней проволоке висят там колокольчики-ширкýнчики, что уж если ногами заденешь, так услышат. Он круг крепости ездил, нигде ворота не мог найти. (Ворота-то у них в подземелью закладываются.) И сколь-

ко Ваня ни лезет, не может на крепость залезти, все падает. Лев-зверь глядит, что ему залезть нужно, и показывал ему на свою спину, садиться ему. Сел на лева-зверя.

Лев-зверь разбежался, заскочил на крепость, за последнюю струну задел ногами; перевалился в крепость с Васенькой. Выскакивали 300 разбойников. *Покуль* он оправлялся, могли они его связать. Приводят к атаману. Атаман сказал: «Молодец, какую ты смерть себе желаешь — на виселицу или живого в могилу закопать?» — Вася сказал: «Лучше меня задавите, скорее мне смерть будет получить; живой в могиле я дольше промаюсь».

Повели его на виселицу: излажены столбы и подлажена петля про него. Он как залез на виселицу и говорит: «Братцы, есть у меня забава; не позволите ли перед последним разом забавить свою душу — поиграть в дудочку?» — «Если атаман дозволит, так и мы дозволим». — Велел он спросить атамана. Атаман сказал: «Если он хорошо играет, не давите его: он будет нас забавлять, будет с нами жить». — Прибегает молодец: «Играй! Если ты хорошо будешь играть, будешь ты оставлен живой, будешь нас забавлять!»

Он заиграл в дудочку — и вышел полк солдатов; дунул другой раз — и вышел другой полк солдатов. Приказал он солдатам всех перерезать триста разбойников. — «Которая шахта мне приготовлена, их туда перетаскайте в одну груду, чтобы видел!» Приказал еще поискать, нет ли кого где еще; ладóм поискать велел: сумлевается. Они поискали. — «Больше никого не могли найти!» — ответили.

Он слез, пошел в *йхи* комнаты. У них очень комнаты хорошие; у атамана кровать изукрашена всех лучше. Разыскал он в комнате пищи, понаелся и лева-зверя накормил. Увидел он на стене ключи, пошел по амбарам искать их богатство. Заходит в первой амбар: одежды много награблено, — в крови висит; в другом амбаре много денег, чаю, сахару и всего довольно. Перешел в комнату; *заглянулась* ему атаманова постель: «Дай-ка я полежу, отдохну!»

Лег на кровати, лежит и вдруг — человек состонал. Соскочил Васенька, начал искать, обнажил свою саблю; искал много время, никого не мог найти. Лег он во второй раз — пуще этого опять состонал. Заглянул он под постель, видит: тут западня (вроде — *гóлбец*). Отпер эту западню, туды ход; спустился с левом-зверем, оба. Комната тама; в этой комнате огонь горит. В этой комнате никого нет; он переходит там в другу́ еще комнату. В третьей

комнате стоит девица на столе, цепями прикована. Девица кричит: «Атаман-разбойник, не стращай! С левом-зверем еще пришел! Не пойду я за тебя замуж!» — Молодец отвечал ей: «Я не атаман-разбойник, я *крестьянский* сын; явился сюды, а хозяев я перерезал всех; нету хозяев!» — «Когда же ты их перерезал, обрывай мне цепи, выводи меня отсюдова кверху!»

Тогда он оборвал цепи, вывел ее кверху. Тогда она и говорит: «Ну,— говорит,— называю я тебя мужем, а ты называй меня женой! Я роду не простого, я царская дочь! А ты человек непоучёный?» — «Я человек непоучёный!» — Васенька взял в понятие: «Когды царская дочь, то этого не будет: отец не отдаст за неучёного замуж!» — На ответ сказала: «Я уж чё сказала, то и будет! Я тебя поучу грамоте, поживем мы здесь с тобой!» — Учила она его день и ночь, и он старался — начал понимать от нее хорошо.

Жизь ему *заглянулась*.— «Кабы мне сюда сестру еще достать, так веселее троим жить!» *То* у него *мленье* было, чтобы достать сестру. Сходил он в сад за садовым яблоком; запас сотню от них; ночью хочет сходить за сестрой (чтобы жена не знала). Ей не поясняет. *Ночным бытом* уснули оба крепко. Поторопился Васенька; не взял с собой ни саблю, ни ремня, ни лева-зверя; только взял с собою яблоки и ушел за сестрой.

Проснулась царская девица, хватилась — с ней мужа нет; кричала в комнатах и во дворе — нигде его нету. Покричала много время, потом сдумала за ним вслед ехать. Лев-зверь привык к ней; огладила она лева-зверя, взяла саблю и ремень, села на лева-зверя и поехала искать его (мужа). Лев-зверь допустил его до разбойникова дому, не догнал Васю.

Увидал разбойник Васю и говорит: «Брат твой идет, с ним ни сабли, ни ремня, ни лева-зверя нет, а идет так, видно, без яблоков».— Сестра на то ему сказала: «Когда у него сабли, и ремня, и лева-зверя нет — силы у него мало; можешь ты его и так убить, в нем теперь силы немного!» — Был атаман *могутный*; сшиб его и начал по скулам бить его. До той степени его бил..., закричал: «Жена моя Маша! Тащи вилку — *выкопаем* ему *глаза*! (Сделаем кривого)».— Притащила вилку, и *выкопали* ему *глаза*. Тогда он запирает свою крепость: «Теперь ты слепой, погинешь, с голоду помрешь! Иди куда хошь!..» (А добивать *вовсе* все-таки он его не стал!)

Атаман-разбойник от него удалился. Подъезжает к нему царская дочь и говорит: «Ох ты, Вася, Вася! Что ты мне не объяснил? Вот я тебе привела лева-зверя, и саблю, и ремень принесла!» «Вот, сестра, я тебя *жалею,* а ты меня не жалеешь! *Выкопала* мне с *гулеваном* глаза!» (Он думает, что это сестра с ним говорит; не опáмятовался еще.) Сказала царская девица: «Я тебе не сестра, а жена! Если не веришь, вот пощупай лева — зверь тут, и сабля, и ремень; я тебе привезла».— «Лев-зверь, подойди ко мне! Я поверю».— Лев-зверь подошел к нему. Он огладил зверя и говорит: «Названая моя жена, поедем мы в эту крепость; мы будем Богу молиться там!» — «Милой ладушка Васенька! Поедем мы с тобой к морю! Не будут ли какие попутчики проезжие, не увезут ли в русское государство, домой? — чем нам в Урале жить!» — Он согласен: вези, куда хошь!

Они приезжают с ней к морю, и она выставила флаг. По *úхому* счастью, бежит корабь, и они кричали во всю голову оба; на них глядя, и лев-зверь кричал. Тогда на их крик подворотил корабь ближе к ним; и этот корабь от нашего же государя: разыскивал ее три года, эту самую царскую дочь (она ездила на *гýльбище,* с *гульбища* ее и увезли). Царь посылал на розыски генерала холостого: «Если ты мою дочь найдешь, я за тебя и замуж ее отдам!»— На мель сбежали, отхватили легкую шлюпку и подъезжают к ним на берег. Узнал генерал, что царская дочь, что желали, то, видно, и нашли! — «Садись, заходи в корабь!»

Она Васеньку взяла за руки, тащит. Генерал подскочил, руки *úхия* расшиб, отпихнул слепого на берег, а ее в лодку посадил. Васенька заплакал: «Ну, названая жена! Теперь я погину на сухом берегу!» — На ответ ему царская дочь: «Как приеду я домой, пошлю об тебе розыски!»

Посидел время много и сказал леву-зверю: «Лев-зверь, вези меня в крепость, где 300 разбойников сидели (а к сестре не вози)!». Лев-зверь предоставил в эту самую крепость. Он день и ночь Богу молился. И питались они очень хорошо тут. Конечно, Бог его пожалел. Во сновидание ему пришлося, во сне видит: «Ты,— говорит,— Вася, выйди поýтре рано на росу, умывай росой глаза и будешь видеть по-старому!»

Не забыл, что видал во сне, Вася; утром встал, Богу помолился и выехал на лев-звере в сад на *разгулку.* Заехал лев-зверь в сад, остановился. Вася руку свою намачивал, протирал глаза. А лев-зверь сметил, что он росой умыва-

ется, намачивал свою лапу и брызгал ему в рожу (у него лапа мохнатая), все равно как священник *кропилкой*. Вася проглядывать стал.— «Ну-ка, лев-зверь батюшка, помогай-ка! Я начинаю глядеть!» — Сам старался, протирал глаза лучше. Глядеть стал он по-старому. Тогда он прославил Бога: «Слава Тебе, Господи! Стал я глядеть, теперь я не буду тужить!»

Сел на лева-зверя, поехал свою жену названую искать. Заехал он по пути к атаману и к сестре своей. Атаман-разбойник увидел: «Вон,— говорит,— слепой едет на леве-звере!» Атаман согласился выехать его убить. А на нем была уже сабля и ремень; соскочил с лева-зверя, иссек его на мелкие куски и сжег его в пепел. В комнаты заходит, сестре своей *выкопал глаза*, слепую оставил в комнате. Поехал царскую дочь разыскивать.

Приезжает нечаянно в государство, едет городом (где царь наш живет); и выстроены, видит, две крепости (два здания), а на этих крепостях на верхах повешены две человеческие головы. Вася и думает: «Неужели они этому и верят, этими головами молятся?! Дай я зайду спрошу в избу: что, какие это крепости? К чему?»

Заходит в одну избу; живет старик со старухой, только двое. Старик кричит: «Не ходи, не ходи! Куды ты со зверем идешь?» — А он не разговаривает, идет прямо в избу со зверем. Старуха скочила на полати, а старик на печь: испужалися, что он со зверем идет. Он зашел, помолился Богу, поздоровался; старик сидит, ничто не говорит, глядит на него.— «Что ты, дедушка, испужался, залез на печь?» — «Как же мне не пужаться?! Ты со зверем пришел!» — «Мой зверь не пошевелит, не бойся!.. Что же у вас это за здание; али вы этому веруете?» — говорит.— «Нет, не веруем. Это вот что: задает царская дочь задачи подрядчикам, а подрядчики не могут исправить такую крепость, в какой она у разбойников жила; вот подрядчиковы головы и висят».

«Поди, дедушка, подряжайся! Мы исправим, какую ей надо крепость»,— старику Вася говорит.— «Где, батюшка, исправить? Я про себя *топорища* не умею изладить, не то что нам такую крепость!» — А был старик пьяница; старуха его все и *избывает*, старика: «Что же, старик, когда тебя посылают, ступай рядись!» Старуха посылает его — «Да, старая сука, ты давно желаешь, с меня чтобы голову сняли! Вишь под чего подводишь!» — говорит.— Сказал Вася: «Ступай, дедушка, не заботься, исправим, будет скорое

время исправлена!» — Старик одевался, к царю отправлялся.

Приходит к царю: «Ваше Царское Величество, которую крепость вы желаете с дочерью, такую крепость я исправлю скорым времём тебе!» — «Вот, старик, видел на крепости человеческие головы? Если не исправишь, и твоя голова повесится на эту крепость!» — Старик еще удостоверяет, что «исправлю скорыем времём». — Царь сказал на то: «Что тебе денег надо сколько-нибудь?» — «Как же! Как же я без денег буду строить?» — Царь приказал ему воз денег нагрести, без счёту.

Привозит деньги домой и говорит: «Старуха, куды эти деньги?» — Старуха говорит: «У нас сундуков нет, вали вон в угол (в избу) эти деньги!» — Тогда деньги выгребли; уехал подводчик. Старик и говорит: «Куды я теперь? Что будем делать?» — Васенька на то сказал: «Пируй, больше делать нечего старику!» — Старик нагрузил денег везде много, пошел пировать. Старухе долго ждать, когда он пропирует; начала деньги ведрами по сусекам растаскивать. Старик пропьется, больше того накладет (денег), опять идет в кабак.

Приходит старик, видит: денег мало уже остается, повесил голову, задумался. Вася сметил дело: «Что, дедушка, *больно* ты не весел?» — «Да, денег нету, а мы еще строиться не начинаем. *Знать-то*, головушка моя погинет!» — говорит. — «Не думай, старик, об этом! Сёдни ляг, проспися, а завтра будем строить!»

До вечеру доживает. Вася вышел за город в луга, потом взял дудочку, начинает выдувать из дудочки народу. И столь он народу надул, что сметы нет. Из них один говорит: «Что ты покликаешь нас, на каки́ работы посылаешь?» — Сказал он им: «Вы мне исправьте такую крепость, в какой крепости триста разбойников убили, в сёднишную ночь!» — «Нам не выстроить в ночь; еще прибавь народу, тогда мы притащим ее из Уралу, туё крепость; притащить нам легче будет!» — Набавил народу еще не меньше того; сказали, что теперь довольно будет. — Как притащите крепость, положьте меня на атаманову постель, и старика со старухой тоже в крепость!»

Поутру старик встает и смотрит: «Господи, я куды попал, — знать, в острог!» — Будит свою старуху нещадно: «Старая сука, вставай, мы ведь с тобой в остроге спим!» — Старуха проснулась, видит, что не в своей избе, и говорит: «Старик, где мы теперь с тобой зата́ще-

ны?» — Услыхал Васютка, пробудился, приходит к старику: «Что ты, старик, горюешь? Вот что, дедушка, мы с тобой теперь новую крепость выстроили, в новой крепости лежим!» — «Неужели верно, батюшка?» — «Верно, так!» — Посылает его к царю крепость сдавать; а старухе натащил пряников, орехов и конфетов, начал старуху уважать: не тужи.

Старик приходит к царю: «Прими крепость, я выстроил!» — Царь собрал свою свиту, с дочерью и с женой отправился на приемку крепости. А у царской дочери на разбойницкой дом был *плант* составлен (по *планту* угадают или нет выстроить?). Доходят до дому; она развернула *плант*, на *плант* смотрит и на дом: верно, эдакой же дом выстроил старик! Царская дочь ударила по плечу старика: «Ну, старик, угадал, *знать-то*, ты мне крепость выстроил!» — Старик испужался, запнулся, у него из ж..ы г...о уж *колы́шкой* пошло; подходит близ дому — уж у него и ноги нейдут: он думает, что голова слетит у него. — Заходит; знает она, где вороты. Где чего было, все тут, как есть! — «Ну, старик, молодец, угадал!»

А генеральский сын говорит: «Теперь, царская княгиня, когда крепость угадали, так значит теперь можно с тобой повенчаться?» — «Погоди, — говорит, — не торопися!» Заходит в эти палаты, в другие. Услыхал лев-зверь, по разговору узнал, что она идет, встречу ей кинулся. Отворила двери — зверь прямо ей на грудь, обрадовался и льстится; а царь испужался: «Что такое, мила дочь, — говорит, — это?» — «А вот, тятенька, — говорит, — если лев-зверь здесь, так и названой мой муж здесь будет!»

Подходит к атамановой постели: Васенька лежит на постели. Разбудила его. Васенька встает, поздоровался: «Здравствуй, моя названая жена!» — «Вот, тятенька, мой муж! — говорит, — я его мужем назвала, как он выручил меня от разбойников!» — Царь приказал ей повенчаться уж, дочери, с Васенькой с этим. А генеральский сын остается так.

Повенчались; попировали сколько время. Царская дочь благословила по смерть свою в этой крепости старику со старухой изжить. Они пожили много время. Стал он (Васенька) у ней (у жены) проситься: «Сестру привезти в твое государство дозволь! Там она пропадет, как *паду́на*; ни священников, никого нет». — Царская дочь ему приказала сестру привезти. Он приезжает на лев-звере к сестре своей. — «Сестра! Начинаем мы нынче с тобой всю ночь

Богу молиться, а *заутра́* отправимся в русское государство!»

Всю ночь Богу промолились. Поутру́ вышли они на утреннюю росу; утренней росой промывали ей глаза. Глаза у нее глядеть стали по-старому. Приводит ее в русское государство, обрядили ее в хорошее платье. Пожила она с месяц, потом направилась как *требно* быть. Девица она хорошая. *Загля́нулась* генеральскому сыну — стал он у него сватать ее. Выдал он за генеральского сына.

25(4). ИВАН КУПЕЧЕСКИЙ СЫН
[Купленная жена]

Рассказал А. Д. Ломтев

Жил-был Рязанцев купец. У него было три сына. И выстроил им дома каменны — три дома. Остался со старшим сыном в доме отец. Отец этот помер. У него сын был Василий, у старшего сына, один сын себе, холостой. Стали братья собираться на ярманку. — «Братья, возьмите моёго сына на ярманку — не для торговли, а для науки!» — Нагрузил ему шесть кораблей драгоценных камней — не для торговли, а для науки. Приезжают они в королевство, приваливаются на пристань. Пошли дяди себе место откупать, а он сидит на пристани.

Приходит старичок к нему. — «Что, молодец, привезли?» — «А вот дяди привезли *красного товару*, а я вот драгоценных камней». — «Ещё дома есть?» — «Есть». — «Ты предоставь мне ещё шесть кораблей! А цену, деньги получишь враз, когда остальной товар привезешь!» — Согласился молодец. Он крикнул рабочих; выгрузили товар у него и сделали с ним вексель. Дядя приходит — уж он товар запродал. Дяди за это его похвалили, что хорошо он запродал — цену хорошую взял. Ярманка прикрываться стала; они собрались домой ехать. Приезжают домой; отец с матерью спрашивают: «Что, милый, с *накладом али* с барышом?» — «Не знаю, что выйдет! Запродал товар по этакой-то я цене; предоставить еще, тятенька, шесть кораблей; получить деньги враз». — Отец за это его похвалил.

На будущий раз опять шесть кораблей нагрузил, во второй раз опять поехали. Приезжают опять в этот город,

приваливаются на пристань. Дяди пошли место себе выторга́вывать, а он дожидается старика. Старик приходит. — «Что, молодец, предоставил — чем был договор?» — Предоставил. Старик поглядел: товары те же. Крикнул рабочих, выгрузили товар у него. Приказал ему за деньгами идти. Приходят дяди; он и говорит: «Вот, дяди, на́те у меня вексель: у меня толку не хватит рассчитаться; сходите, получите, — вот в этот самой дом!» — Дяди взяли вексель, приходят в этот дом; в перву комнату ступили — никого как нет, стоят дожидаются. Бежит мальчик половой и говорит: «Что вам, дяденьки, надо?» — «Нужно с вами рассчитаться», — говорит. — «Сейчас я дедоньку пошлю». — Старик приходит к ним и говорит, что «идите, молодцы, за мной! А чем вы желаете получить — медными деньгами, *али* бумажными, *али* золотом? Наконец, не желаете ли великолепную даму за это получить?» — Сидит деви́ца. Не столь старики эти зарились на деньги, сколь смотрели на девицу: больно хороша. Наконец, приходят на пристань: не взяли ни деньги, ни девицу. — «Ступай, племянник, бери, что знаешь сам!»

Взял он вексель, приходит сам в этот дом. В первой комнате не оказалось никого; он стоит. Мальчик половой бежит: «Что, — мол, — нужно?» — «С вами нужно рассчитаться». — Мальчик живо за стариком. Старик приходит. — «Иди, молоде́ц, со мной теперь!» — Приводит в эту комнату. — «Что, молодец, какими деньгами желаешь — или медными деньгами, или золотом, или се́ребром? Не желаешь ли, наконец, великолепную даму себе взять?» (За 12 кораблей драгоценных камней.) Молодец долго не думал, девицу взял. — «Смотри, молодец, с ней имущества немного пойдет — только одна шкатулка!» — Молодец сказал: «У нас именья довольно с отцом!» — Девице приказал старик идти. Взяла она шкатулку и отправилась с ним. Вышла на волю, помолилась Богу девица. (Она тут в аду была, девица не простого роду.) Приводит молодец на пристань; дяди смотрят, что ведет ее. Хороша-то хороша, а отца навечно *позори́л*.

Ярманка окончилась; поехали они домой. Приезжают домой на пристань: у тех вышли жены, а у этого отец с матерью встретили. — «Что, милый сынок, с барышом или с накладом?» — сказал отец. — «Не знаю, однако, видно, тятенька, с накладом: я купил себе невесту за 12 кораблей драгоценных камней». — Отец начал его таскать и бить за это: «Сгинь с моих глаз и не ходи ко мне нико-

гда в дом!» («Куды знаешь, туды ступай!») — Откупили себе квартеру они. Ночь переночевали: жена ему говорит: «Нечего в чужом дому жить, надо себе дом скупить!» — Вынимает три *златни́цы*, подает ему: «Ступай, дом скупи себе!»

Идет молодец городом, навстречу ему купец, продает дом. — «Молодец, купи у меня дом!» — Приходит к купцу в дом; дом трехэтажный. — «Что дом твой стоит?» — «А что дашь?» — «У меня есть три *златницы*». — «Дом мой не стоит трех *златниц*, одной довольно мне будет», — говорит. — «Три не берешь, так хоть две возьми!» — Купец не *отпирается*, две *златницы* взял. Приходит к жене и приводит в этот дом (скуплен). Походила, походила по дому: «Хотя дом этаких денег и не стоит, ну, все-таки свой дом!»

На последнюю *златницу* посылает его купить вина 40 ведер; сделать хочет *вла́зины*. Молодец сходил в казначейство, разменял эту *златницу*, потом взял бочку вина; кто ни едет, ни идет, всех зовет к себе. К купечеству она написала письмы, он развез по купечеству. Вышному начальству — генералам там, значит, — написала письмы, чтобы шли на *влазины*. Приходит он *наперво* к дяде, зовет на *влазину*; дяди оба посулились на *влазины* придти. К отцу-матери зашел, пал перед ними на коленки, просит на *влазины*; а отец на то осердился, взял его за волосы, давай таскать; выбил (вытолкал) его на улицу.

Приходит он к жене, — полон двор народу у него там *нагарканы* и пришли. Жена его поговорила там с генералами; генералы посылают за отцом за матерью на *влазины*. Солдаты приходят, помолились Богу: «Если вы желаете с добром идти на *влазины*, так собирайтесь, а то вам и головы сказним!» Они приходят; приняли их в первое место, подают первую чару.

Отец жертвует им на *влазины* козла; старшой дядя жертвовал им на *влазины* лошадку; младший брат корову; ну, кто от щедрости там десятку, кто *пяти́тку*, и денег много ему набросали. Потом ему (отцу) присоветуют генералы, что сына простить, — значит, и жить вместе; отец согласился свой дом запечатать, а в этом доме жить.

Дяди и говорят: «Вот, племянничек, мы поедем на три ярманки — поедем с нами!» — «А мне ехать с вами не с чем». — Жена ему ответила: «Ты поедешь с дядями, богаче их приедешь с ярманок!» Дала она ему сто рублей денег: «Поди, сходи на рынок, купи мне разных шелков!..

Мила *ладушка*, тебе отдыхать, а мне работа». — В трои сутки она вышила три ширинки; *законвертила* их вроде кирпичиков, подписала на них подписи. — «В первое королевство приедешь, тут *хрёсна* моя, подай вот этот конверт! А в другое королевство приедешь, вот этот конверт подай! Тут *хрёсной* мой — король. А в третье государство приедешь, тут отец и мать мои!» (Она царская дочь; с малых лет была выкрадена.)

На четвертые сутки они собрали́сь, сели на свои корабли. Он поехал с ними без денег безо всяких. Приезжают в королевство, приваливаются на пристань; дяди и говорят, что про короля надо гостинец. Племянник и говорит: «Гостинцы возьмёте и за мной зайдите!» — Дяди взяли там хороших матерьев и за ним зашли; пошли все троё. Приходят к королю, подают: те матерьи хорошой, а этот — свой конверт. Король с королевой подходят, смотрят, что старики хорошие гостинцы положили, а этот вроде кирпичику конвертик положил, словно на смех. Тогда королю приказал его раскупорить: «Он для вас не удобен ли будет?» — Раску́порили — вынули *ширинку*, на *ширинке* подпись: «Пишу я вам, *хрёсна* мать, гостинец; который передал вам *ширинку*, тот мой муж, и я осталась от него в таком-то городе».

«То, братец, великая нам радость! Где ты ее мог найти?» — «Очень она мне дорогая стала: купил я ее за 12 кораблей драгоценных камней». — «Это ничто не дорого! Мы тебе жертвуем три корабля на отдарки с этим же товаром — с драгоценными камнями и с народом — на вечно владение. А вы, сватовья, торгуйте безданно-беспошлинно, а к вечеру ко мне на *фатеру*! А тебе нечего торговать, *всерёд* с нами попировать!»

Ярманка прикрылась; поехали они на другу́ ярманку. Уж он на своих кораблях отправился. Они приезжают в другое королевство, приваливаются на пристань. Дяди говорят, что про короля надо гостинец... Приходят к королю, подают — те матерьи хорошой, а этот — свой конверт с *ширинкой*. Король с королевой подходят: «Ты такой закупорил кирпичик?» — «Нет, Ваше Королевское Величество, *раску́берите*!» — *Раскуберили*, вынули *ширинку*, на *ширинке* подпись: «Шлю вам гостинец; который передал вам *ширинку*, тот мой муж; и я осталась жива и здорова в таком-то городе». «Ах, братец, великая нам радость! Где ты ее мог найти?» — «Очень она мне дорогая стала: купил я ее за 12 кораблей драгоценных камней». — «Это ничто

не дорого! Мы тебе жертвуем три корабля на отдарки с этим же товаром. А вы, сватовья, торгуйте безданно-беспошлинно, а к вечеру *фатерой* ко мне!»

Ярманка эта пóдлилась. Они поехали и заехали к русскому царю по пути. Приезжают, приваливаются на пристань. Дяди говорят, что про царя надо гостинец; племянник и говорит: «Гостинцы возьмёте и за мной зайдите! У меня и про царя гостинец есть».— Дяди взяли там хороших матерьев и за ним зашли; пошли все трое. Приходят к царю; кладут на престол: те разные хорошие материи, а этот — свой конверт.— «Ах, мои русские торгаши, хорошие гостинцы положили!» — Вывернули конверт — *ширинка*; на *ширинке* подпись: «Пишу я вам, тятенька, гостинец; кто подает — тот мой муж, и я осталась жива и здорова в таком-то городе».— «Великая нам радость! Где же ты мою милую дочь нашел?» — «Очень она мне дорогая стала: купил я ее за 12 кораблей драгоценных камней».— «Не очень дорого! Я тебе на *отдарок* жертвую 6 кораблей и еще 10 человек барабанщиков-музыкантов! А вы, сватовья, торгуйте безданно-беспошлинно, а к вечеру ко мне на *фатеру*!»

Ярманка скоро прикрываться станет.— Приходит царь в *Сенот*, советуется с своими генералами: «Как же мне бы это предоставить ее сюды? Я не верю, что он дочь нашел!» — «Поздно ты хватился, надо бы пораньше! Нет ли теперь на нём *ширинки* или золотого перстня именного? Через это мы могли бы скоро достать ее домой».— Приходит царь домой, увидал на нём золотой перстень именной и говорит: «Милый зять, погоди еще отправляться домой, попируй со мной суточки! Я тебя отправлю потом, а корабли твои пущай пойдут теперь!» — Корабли пошли в ход; он остался с ним попировать. Подают ему сонные капли там; и вот он как выпил — и уснул крепко. Тогда сняли с него перстень, сняли, посылают посланников, чтобы непременно как поскорее предоставить (царскую дочь). А время ему вышло, потом он встал, тогда его отправили на свои корабли.

Приезжают посланники в их город, живо по всему городу дали знать, разыскали его жену, потребовали на пристань, она с ними уехала домой (по именному перстню). Приехала к царю, там пировку и радость сделали, а он приезжает уже домой без жены. Приехал домой, у тех вышли жены встречать, а у этого отец с матерью его встретили.— «Что, сынок, с накладом или с бары-

шом?» — «Да, вот тебе теперь, тятенька, радость: получил 12 кораблей драгоценных камней! Я теперь предоставил тебе всё назад». — Обрадовался отец. — «Не спасибо, что моя жена меня не встретила, на пристань не пришла!» — «Сын, когда ты истребовал, снял с себя именной перстень, и она уехала к отцу домой!» Тогда уж ему не радость! Он заплакал и пошел край моря — не пошел и домой.

Шел он трои сутки. На четвертые сутки показался ему старичок — сам Микола *Милосливый*. — «А что же, — говорит, — Иван купеческий сын, идешь и плачешь, об чем ты больше тужишь?» — «Только я намеревался пожить, жену хорошу нажил, а жить теперь не с кем! Мне хоть бы на нее хоть одним глазом поглядеть!» — «Увидишь, — говорит. — На́ тебе, вот топор, руби этот дуб!» — Срубили этот дуб, изладили с ним ковёр-самолёт, исправили еще скрипку-самогуд. Постановили скрипку-самогуд на ковёр-самолёт, стали на него и полетели. — «Играй на верхние лады!» — тогда сказал он. Летели много они высоты; *ужасился* Иван купеческий сын, сказал дедушке: «Не шире бараньей кожуры мне кажется море!» (У него уже свет померк.) — «Ну, милый сын, играй теперь на нижние лады!» — Сели они к царскому саду.

Дедушка сказал: «Ну, теперь жена твоя выходит за королевского сына, последние минуты... Выйдет она сейчас в сад разгуляться. Тут есть в саду спальна, не садись на нее — уснешь, не увидишь ее! Увидишь, если она тебя любит, веди ее сюды!» — Ходил-ходил долго время. Захотелось ему спальну эту узнать. К спальне подходит; спальна хорошая; как он сел — и уснул. Потом наконец жена его уходит в *разгулку;* увидала в спальне: что за человек лежит? Подходит к нему, узнала: «Ах ты, мой милый ладушка, Иван купеческий сын!» — И сколько она его будила, никак не могла его разбудить. На том решилась, что «я как-нибудь не вернусь ли во второй раз к нему!»

Только она заходит на *поратное* крыльцо, он проснулся. Тогда он являлся опять к старику обратно. — «Ну, дедушка родимый! Что я наделал — проспал!» — говорит. — «Экой ты чудак! Долго время она тебя будила! Не мог протерпеть — проходить! Во второй раз поди, да не спи! Она еще *посулилась* выйти в разгулку». — Он сколько время ходил (во второй раз); все равно как его ветром придёрнуло к спальне — зашел, лёг и уснул. (Это все Микола *Милосливый* шутит над ним.) Во второй раз она при-

ходит, побудила-побудила, поплакала-поплакала и говорит: «Ну, я тебя повидала теперь, Иван купеческий сын, а ты меня никогда больше не увидишь!» — Поплакала, ушла домой.

Тогда он приходит: «Ну, дедушка, как хочешь, теперь я пойду от тебя!» — «Ты пойди в палаты! Если прикажут, то ты поиграй в свою музыку». — Он приходит; у царя попросился: «Ваше Царское Величество, не позволите ли мне поиграть в свою музыку?». Царь ему дозволил. Разостлал он ковёр-самолёт, разоставил скрипку-самогуд, царю сказал: «Ваше Царское Величество! Дозвольте отворить окна и двери; у меня музыка громкая играет, значит — вам будет жутко!» — Заиграл в свою музыку, и она как этак маленько сплакала; жениху говорит: «Дозволь мне кадрель сплясать». — Дозволил ей поиграть кадрель; а ей не нужна кадрель — подбежала сейчас к нему: захотелось ей его поцеловать. (Все-таки он ее выручил!) Подбежала к нему поцеловать; он сказал ей: «Держись за меня крепче!» — Тогда он заиграл на верхние лады, все равно как *метлячок* вылетел из окна.

Тогда они за ним гнались — ничего не могут поделать. — «Все хорошо; кабы мне родимого дедушка на ковёр-самолёт!» (Где дедушка, и он низко летит.) А дедушка тут оказался (помогает ему невидимо). — «Ну, милый сын, играй на верхние лады, как только можно!» — Летели они высотой вовсе далёко — те не могут усмотреть и в подзорну трубу, где они. После этого королевскому сыну делать нечего — уехал домой. — «Широ́ко ли вам кажется, дети, море?» — сказал старик. — Сказали ему: «Не шире бараньей кожуры: очень, очень высоко́ мы взлетели!» — «Играй теперь на нижние лады, милой сын!» — И сели тут, где ковёр-самолёт ладили. — «Теперь ступайте вы на свою родину домой!» — Дал он ему кремень и плашку: «Своей жене никогда не сказывай, что у меня есть!»

Они приходят на четвертые сутки к отцу-к матери. Отец с матерью обрадовались, что сын привел свою жену. Приходит царь в *Сенот* и советует: «Неужели нашел Иван купеческий сын такого *хитника*? Не увёз ли он опять мою дочь?» — Царь собрался на другой день, отправился в этот город, где Иван купеческий сын живёт. Приезжает на пристань, дал знать по всему городу: шли чтобы из городу встречать царя. Тогда Иван купеческий сын запрягал карету и ехал за тестем. Приехал Иван купеческий сын; сди-

вился царь (что дочь опять здеся). Царя он привез, Иван купеческий сын, к себе в дом в гости: угощал он суточки.

Звал тогда опять его к себе домой на житье царь, Ивана купеческого сына. Тогда сказал сын: «Как, тятенька, дозволяешь или нет?» — «Смотри, дитятко, не ошибись! Хуже не наделай себе!» — Согласился Иван купеческий сын к царю жить. Прощался и сказал отцу: «В живности меня не будет, тогда отпусти мою скотину (ту, которую ему подарили на *влазинах*) на волю!» Приезжает к царю; поживает. Царь завел пир на весь мир: радость, что «дочь я опять разыскал».

Король-жених узнал, собирает *силы* — с русским царем воевать. *Заутра* пригоняет войско с орудиями, даёт знать, чтобы выезжали воевать. Тогда Иван купеческий сын: «Не нужно нам, тятенька, оружие и войско брать! Мы с тобой поедем вроде разгулки — королевскую силу поглядеть». — Царь приказал карету запрекчи́; выехали в луга. Королевская *сила* все луга застлала, много. — «Что же ты, милой сын, на чего ты надеешься? У нас с тобой никакого оружия нет!» — Иван купеческий сын сказал: «Я на Бога надеюся». — Вылез из кареты, вынул из карману кремень и плашку, чиркнул раз, два и до трёх — выскочили три *ухореза*. — «А что ты нас покликаешь, на каки́ работы посылаешь?» — «Секите эту *силу безостаточно*! Я с вами и Микола *Милосливый* тут же пособим». — Живо, не больше часу дело продлилось. Приходит Иван купеческий сын, садится в карету. Удивился царь: «Ну, зять, стоишь ты звания!» Приезжают домой; царь обсказывает своим генералам; все дивятся. А жена его истопила баню про него. Жена ему сказала: «Милой ладушка, чем-нибудь ты орудуешь? Силы в тебе немного». Он, наконец, сказал ей, что «у меня ничего нет; я на Бога надеюся».

Ночь проходит. На другой день король более того *силы* еще пригоняет. Иван купеческий сын тестю говорит: «Тятенька, не нужно нам требовать *силу*; мы с тобой поедем посмотреть королевскую *силу*». — Запрягли карету, выехали в луга. И видит царь: черно, все луга застлали королевские *силы*. — «Что же ты, милый сын, на чего ты надеешься? У нас с тобой никакого оружия нет». — «Ты на Бога не надеешься! Бог пособит; это что за *сила*!» Выскочил из кареты, вынул из карману кремень и плашку, чиркнул раз, два и до трех — выскочили три *ухореза*. — «А что ты нас покликаешь, на каки́ работы посыла-

ешь?» — «Секите эту силу *безостаточно*!» — *Решили* эту *силу*, приезжают домой.

Жена опять истопила ему баню: «Мила ладушка, скажи, чем ты действуешь?» — Он одно говорит, что «я на Бога надеюсь»; нешто ей не сказал тут. *Ночным бытóм* стали они блуд творить с ней, тогда он ей сказал, что «есть у меня кремень и плашка, я ими и действую». — Потом он, *ночным бытом*, заснул крепко — она у него из карману вытащила. Приказала в лавке взять такой же кремень и плашку, поло́жить на место этого.

И этим же *ночным бытом* царская дочь приказала жениху — королевскому сыну (за него уж ей теперь охота): «Сколько бы нибудь набери *силы*: *теперича*, чем он действовал, я отобрала у него». — Тогда король набрал старых да малых и посылает в третий раз. Царь говорил: «Разве у нас *силы* нет и орудия? Возьмем *силы*!» — «Нет, не нужно; поедем мы с тобой двое!» — Выехали они в луга. *Силы* чё-то у короля немного. Иван купеческий сын сказал: «Хотя и немного (*силы*), сердце у меня сегодня слышит: едва ли мне сегодня живому быть!» — Выскочил из кареты, вынул из кармана кремень и плашку, чиркнул раз, два и до трех — нет никого! — «Ну, тесть, твоя дочь злодейка, обокрала меня! Так уж мне некуды деваться! Ты поезжай домой, а уж мне конец!» — Тогда королевская *сила* подбежала, иссекла его на мелкие куски, зарыли и столб поставили — памятник.

Царская дочь тогда отписала королевскому сыну, что «едь за мной без опаски! Я согласна замуж за тебя идти!» — Королевский сын приехал, взял царскую дочь, увез в свою землю.

У Ивана купеческого сына которая приданая скотина (лошадь, и корова, и козёл) заревели тогда (у отца). Отец ее не может никаким кормом уважить: она все ревет. Тогда хватился отец: «Неужели моего любимого сына нет в живности?! Скотина ревет!». *Заутрó* выпущает их всех троих на волю. *То* они прибегают на это самое побоище, к этому столбу. Корова распорядилась: «Козел и лошадка, вырывайте, а я отправлюсь за живой водой!» — Через трои сутки корова притащила живой воды, а они его вырыли и собрали в место, как есть человека. Она *фы́рскнула* из левой ноздри, и он сросся; из правой потом *фырскнула* — он встает. Поблагодарил своего отца и скотине спасибо сказал. — «Ну, родимая скотинушка, ты ступай к моему родителю, а я еще по белому свету погуляю!»

Пошел опять край моря; доходит до того места, где они ковёр-самолёт ладили. Оказался этот старичок (Микола *Милосливый*) опять ему.— «Что, Иван купеческий сын, *знать*, победствовал, свою жену потерял?» — «Да, родимый дедушка, мне уже теперь ее сроду не видать!» — «А что же, увидишь! На, вот я тебе дам ягоду, и на чего ты подумаешь (как тебе надо), так ты и сделаешь!» — Он съел эту ягоду, подумал на воробья, воробьём сделался и полетел. Потом, *значит*, он прилетает в его королевство, ударился об землю и сделался молодцом.

Идет городом, заходит к этакой старухе; старуха одна с дочерью живет. Помолился Богу, поздоровался. Старуха и говорит: «Откудова? Какой молодец ты?» — «Очень, бабушка, я дальной... Ты, *знать-то*, шибко бедно живешь?» — «Очень бедно, батюшка, по миру хожу».— «Я тебя сделаю сёдни богатой, только сослужи мне службу, бабушка! Пойдем на улицу; я сделаюсь жеребцом, ты меня веди на базар продавать и возьми за меня сто рублей денег. Король меня купит, ты меня продавай, а уздечку не продавай — выговаривай себе. Если меня продашь, меня король купит — заколет. Дочь пущай следит, с ведрами встанет перед гортанью (жеребца) — кровь хлынет прямо в ведра; эту кровь она отколупает и посеет — около дворца вырастет сад...»

Только старуха выводит его на базар — король едет.— «Стой, старуха, продай жеребца мне!» — «Жеребца продать я продам, а уздечку никак не продам! Жеребец стоит сто рублей без запросу!» — Король *сотельну* вынимает и уздечку ей переменяет. Старуха отправилась домой с деньгами.

Жеребец не понравился царской дочери; она говорит: «Если ты его не заколешь, то меня не увидишь!» (Она знает, что это не жеребец.) Король приказал заколоть. Работники вывели жеребца на площадь, свалили его колоть. Девица эта приходит с ведрами, встает перед горлом.— «Что вы делаете? Жеребца такого (колете)?» — «Хозяева приказали, так что нам!» — Резнули его по горлу; кровь хлынула прямо в ведра. Девица пошла около дворца, расковыряла эту кровь и рассеяла около дворца; тогда образовался сад. Поутру король встает, смотрит — сад у него исправлен около дворца. Они чаю напились, пошли в сад в *разгулку* гулять. Сколько бы она ни ходила, все посматривала; из саду пошла и сказала: «Сад если ты не вырубишь, меня не увидишь!» — Королевский сын ска-

зал: «Коня мне жалко, а саду еще жалчее: сад больно хорош!» Но и сад приказал вырубить.

Сад вырубили; пришел работник первое древо рубить, из первого древа вылетела щепа наóдаль. Девица эта следила (наказывал ей Иван купеческий сын), взяла эту щепу, на море потащила, бросила ее в море; из этой щепы образовался селезень — всякое перышко в золоте сделалось.

Не черезо много время королевский сын пошел на охоту *стреляться*; увидел этого селезня и подчаливается его стрелять. А селезень ближе к краю ползёт, покрякивает. *Поглянýлся* королевскому сыну селезень, охота ему так поймать, не стрелять. Тогда снимает с себя штаны и рубашку; начал селезня руками ловить. Тогда селезень не отдалялся от него — *мырнёт* от него и к нему, манил его вглубь. Королевский сын начинает тонуть. Иван купеческий сын вспорхнул нá берег, ударился óб землю и сделался из селезня молодцом; хватился, в его портках нашел кремень и плашку свою (она передала уж ему, царская-то дочь). Чиркнул раз и два и до трех; выскочило три *ухореза*: «Ах, наш старый хозяин! А что ты нас покликаешь, на какú работы посылаешь?» — Приказал Иван купеческий сын привязать (королевскому сыну) камень за шею, утопить его *вовсё*, весь город приказал зажечь и оставить только королевский дом да старушкин. — «Приведите мне царскую дочь сюды, чтобы она сейчас здесь была!» — Привели ему царскую дочь; он с ней поздоровался, повел ее к старушке. Приводит к этой старушке: «Ну, старушка, твоя дочь меня спасла, теперь она будет царевна: я на ней женюсь!» — Старуха не препятствует: «Веди, куды знаешь!» — «Тебя я увезу в русское государство; не будешь ты бедствовать здесь!»

Приводит к царю их; *выгаркал* царя и царицу на лицо к себе: «Привел я твою дочь, посмотри на нее!» — Тогда царь сдивился, что он обратил ее назад (от королевского сына). «Не хочу я с ней теперь жить, я хочу ее *нарушúть*; я невесту новую себе беру!» — «Дело твое! — сказал царь. — Чё знаешь, то и делай». — Вынул (Иван купеческий сын) кремень и плашку, чиркнул раз и два и до трех — выскочили три *ухореза*: «А что ты нас покликаешь, на какú работы посылаешь?» — Приказал царской дочери голову сказнить; а царю приказал схоронить. — «Если ты примешь добровольно меня жить, будешь считать мою жену за милую дочь, а меня — за зятя, — тогда я буду жить

у тебя». — Царь согласился: «За милую дочь буду держать ее».

А потом стали они над ней изъезжаться (ругать). Она стала жаловаться мужу, что плохая ей *жизь*. Иван купеческий сын, не говоря ни слова, вынимает кремень и плашку и приказал своим рабочим с царя и царицы голову снять. Остается сам царствовать. Схоронили царя и царицу; старушку предоставил из королевской земли в русское государство (тещу свою на место матери); а отцу отписал: «Я теперь наступил в царстве царем».

26(57). КОЛДУН И ЕГО УЧЕНИК

Рассказал Ив. Купреянов

Жил-был старичок один со старушкой. У них был единственный сын. И они его не знают — в каку́ работу отдать: если в кузницу, ушибется, в *портняги* — наколется. Думали, думали; запрёг старик лошадь и поехал в другой город с сыном.

Едет по́ городу — *стревается* им старичок. — «Куда, дедушка, поехали?» — «Да вот куда: отдать бы сынка в какую-нибудь лёгкую работу». — «Дак вот что, — говорит, — дедушка, отдай мне его колдовать». — «Вот, вот! Не надо лучше: это — не ушибется и не уколется!» — «Дак вот, через три года приезжай за ним». — «Хорошо».

Старик приехал домой, сказал своей старухе.

Прошло три года. Старик поехал за сыном. Проехал половину дороги; ему сел воробышек на *грядку*. Он его *стегнул* — он слетел и опять сел. Он его опять стегнул. В третий раз сел и говорит: «Тятя, тятя! За что ты меня *стегаешь*? Ведь я — твой сынок!» — Старик оробел.

Воробышек ему и говорит: «Когда приедешь к моему хозяину, он тебе меня так не отдаст, а так отдаст: узнаешь ли ты, который твой сынок?..»[1] — А сам слетел и полетел.

Приезжает старик к этому — к ему хозяину, заезжает на двор. Выходит его хозяин. — «Здравствуй, дедушка! За сынком приехал?» — «Да, за сынком!» — «Так вот что, дедушка! Я тебе его так не отдам». — «А как?» — «А так, — го-

[1] Тут пропуск, содержание которого ясно: воробей научит старика, как ему узнать своего сына.

ворит,— узнаешь ли, который твой сынок?» — «Дак что же?»

Враз выгнал ему сорок голубей: все как один. Один этот распустил крылышки, заворковал. Старик говорит: «Вот это,— говорит,— мой сынок».

Потом выгнал сорок гусей — все как один. Один подошел к колоде и поет. Он говорит: «Это мой сынок!»

Потом выгнал сорок солдатиков — все как один. Один заскакал-заплясал. Он говорит: «Это мой сынок!»

«Ну, так возьми! — говорит.— Не ты,— говорит,— это хитер, а хитер твой сынок!» — Дал ему быка, и поехали домой они.

Приехали домой. Они жили очень бедно. Сын и говорит старику: «Вот что, тятя! Завтра я сделаюсь хорошим конем, и веди меня продавать. Продать — продашь, а *абро́дочку* не продавай!» — «Ладно!»

Старик так и сделал. Повел его продавать. Ведет его на рынок — едет купец.— «Сколько, дед, стоит конь?» — «Триста рублей».— Купец, не говоря, отдал ему триста рублей. Старик *абродочку* снимает. Купец спрашивает: «А на чем я его поведу?» — «Бери за гривку и веди: конь смирёный!» — Купец взял за гривку и повел.

Привел домой, поставил в стойла, дал ему овсеца. Ночь переночевал купец, заходит в стойло — коня нет. А он (конь) перевернулся, сделался человеком и ушел.

Приходит домой, конечно, и говорит: «Ну, теперь, тятя, сделаюсь еще лучше. Больше в этот город не води, веди в другой!» — Он его повел в тот город, в котором обучался.

Стревается ему старичок.— «Сколько, дед, стоит конь?» — «Триста рублей».— «На́ пятьсот!» — Старик забыл *абро́дочку* снять, взял деньги и пошел.

А этот купил старик — тот, у которого он обучался. Привел его домой, запрёг и давай на нем гонять. Гонял, гонял, самому надоело, дал дочерям и сказал: «Станет он вас подворачивать к воде, но вы не подворачивайте!»

Эти дочери сколько ни ездят, конь все к воде воротит. Они смиловались, взяли да подворотили; взяли развязали чересседелок и повод. Он зашел в воду, перевернулся, да и поплыл. Они заплакали, пошли домой. Приходят домой, сказывают папаше: «Вот так и так» — «Ну, дак ладно! Никуда не деваться!»

Подошел к этому озеру, перевернулся и сделался щукой. И плавает там, ищет его. А тот ершом сделался. Тот

увидал его и забрался в камни. И говорит: «Щука востра! Лови меня с хвоста!». Теребила, теребила, не могла вытащить. Выплыл он (колдун) на берег, перевернулся и сделался человеком. И ушел домой.

А тут на берегу стоял мост. На этот мост каждо утро приходила купеческая дочь умываться. Он (ученик) заметил и сделался хорошим кольцом, что сроду такого кольца нигде не было. И лег на этот мост. Пришла купеческая дочь, увидала, что лежит кольцо, взяла и пошла; и забыла умыться: шибко обрадовалась. Пришла и сказывает своему папаше. Папаша посмотрел это кольцо и набил везде афиши, что не потерялось ли у кого вот такое-то кольцо. Этот колдун услыхал и пришел.

Это кольцо перевернулся, ночью-то он человеком, и сказал этой купеческой дочери: «Когда придут, станут меня отбирать, ты не отдавай! В крайнем случае, насильно станут отбирать, ты возьми, со зла брось меня на́ пол, это кольцо. Тогда это кольцо рассыпется. Ты возьми одну бисеринку ногой прижми!»

Она так и сделала. Когда пришёл этот колдун, стал его отбирать, она заплакала. Папаша говорит: «Отдай!» — Она взяла его и бросила. Он рассыпался, она взяла одну бисеринку и прижала ногой. Этот колдун и сделался петухом и зачал приклевывать эти бисеринки. Она оттащила ногу — эта бисеринка сделалась ястребом и давай петуха клевать. И заклевала его до сме́рти.

Потом этот папаша узнал, что это кольцо — человек; он его обвенчал со своей дочерью.

Этот купец помер. Стали жить. Купцовой дочери не поглянулся чё-то он. Наняла там людей убить его. Они его убили, изрезали его в кусочки, склали в бочонок и запустили по морю. Этот бочонок прибило к берегу и зашвыряло всего песком.

Вот у этого старика (у отца убитого сына) бык и забегает по двору, заревел. Этот старик выпустил его. Он побежал,— старик за ним. Прибегает к этому берегу, у которого бочонок. Этот бык и давай ногами расшвыривать; вырыл этот бочонок. Старик расколотил его, вынимает эти кусочки и размывает.

Прилетела ворона и схватила один кусок. Бык прижал ее ногой. Другая ворона села на сосну и говорит: «Отпусти!» — «Нет, не отпущу! Отдай мне живой и мертвой воды!» — Она ему дала; он отпустил. Смазал мертвой водой

эти кусочки — они срослись. Подали ему живой воды, он оживел.

И говорит: «Ох, мало спал, да рано встал!» — Старик ему и говорит: «Кабы не твой бык, ты бы и сейчас спал!» — «Ох! — говорит да и вспомнил. — Дак ладно! Мое не пропадет!»

Обжился, конечно, пришел к ним, нанялся в работники и убил их (жену свою).

27(1). ВАНЮ́ШКА

Рассказал А. Д. Ломтев

Отец повел своего сына, Ваню́шку, учить. Застала их дорогой буря-ненастье. Пошел дождь. Заблудились они. Пришли нечаянно к какому-то дому. — «Станем мы, тятька, к забору: не так будет нас дождем бить». А в этом дому живет старик — ему 500 годов. Услыхал этот голос. — «Кто тут около моего дома?» — «Мы с сыном». — «Ага! — сказал старик, — заходите в мой дом». Запустил их и спросил: «Куды вы пошли?» — «Своего сына учить». — «Отдай ты мне его на три года: я выучу его к худу́ и добру». — Согласился.

Ночь переночевали. Старик домашной начал его самовар ставить учить: налил воды и жару наклал. — «Ванюшка, тащи-ка из комнаты чего там есть на столе!» Натащил им всего — жареного и пареного. — «Добродетельной, видно, хозяин, хорошо нас накормил! Слушай его во всем!» — Проводил отца домой, хлеба ему на дорогу и всего положил.

Сын остается со стариком: живет год, живет и два, и третьего наполовину. — «Что ты меня не учишь никакому ремеслу? Это я и дома умею. Не будешь ты меня учить, я домой уйду; а если будешь учить, буду проживаться!» — Доверил ему старик от семи комнат ключики: «Ну, Ванюшка, к какому ремеслу *загля́нётся*, тому и учись!»

Проводил старика, пошел по комнатам. В первую комнату зашел: денег медных навалена куча. Во вторую комнату Ванюшка перевалился: тут тоже серебра кучи — не меньше того, как и меди. — «Экой богатый старик!» В третью комнату зашел — тут серебра груды. В четвертую ком-

нату зашел — тут бумажных денег поленницы. — «Ну, что мне ремесло! Если мне охапку денег даст старик, так тут мне никакого ремесла не нужно!» В пятую комнату зашел — тут наслаты ковры, драгоценными камнями убра́ты, висят скрипки и гитары. — «Экой старик забавник!» В шестую комнату зашел — наловлено всякого сословия разных птиц, поют разными голосами. Ванюшка подивился: «Надо же наловить!»

Ванюшка ходит день и два по этим комнатам. Старик сказал: «Что, Ванюшка, к какому ремеслу ты обучаешься?» — «А что мне, дедушка, ремесло! Если ты мне хорошую вязанку навяжешь денег — вот нам и не нужно ремесло!» — сказал Ванюшка на это. — «Обучайся к чему-нибудь, к ремеслу к какому-нибудь!» — «Ну, ладно!»

Старик ушел на охоту, а Ванюшка взял ключи, пошел по комнатам. Дошел до седьмой комнаты. Ах, дверь крепкая! До этой комнаты (старик) Ванюшку не допускает, а что-нибудь да там есть лучше! Увидел: на двери есть такой сучок. Взял он палочку-колотушечку, проколотил этот сучок. Видит: в комнате сидят три девицы, вышивают ковры драгоценными камнями. Ванюшка крякнул. Девицы на это сказали: «Ванюшка, что ты к нам в гости не ходишь?» — «Я еще молод, до вашей комнаты мне дедушка ключики не дает». — «Ну, мы тебя научим». — «Научите!» — «Повечеру старик придет, ты ему подай бокальчик — и два, и до трех — старику!..»

Старик приходит повечеру. — «Ох, дедушка, ты кажный день ходишь, небось *пристал*?» — «Как же, Ванюшка, не *пристал*?!» — Ванюшка подал ему стаканчик, и два, и до трех. — «Эх, ты как меня разуполил (разогрел)! Ты перетряси перину мягку, подушки пуховы; одеялом соболиным приодень меня!» — «Ладно, ладно, дедко, ложись!» Все ему исправил это. Лег он на левый бок. Ванюшка на него глядит, не спит. Переворотился на правый бок: на левом уху у него ключик от комнаты, у старика. Взял Ванюшка снял тихонько ключик, пошел к девкам в комнаты.

Доходит, отворил комнату; стал, никто с ним не говорит: онемел и стоит. Девицы сказали: «Что ты, Ванюшка? *Али́* мы хороши?» — «Сколько ли у дедушки в комнатах хорошо, а вы мне показались еще лучше!» — «Ну, Ванюшка, поди же ты вот в эту комнату! В этой комнате есть комод. В этом комоде есть шкатулка; гляди: на верхней полочке ключик лежит. Отопри шкатулку: есть наши *само-*

светные платья, тащи сюда!» — Ванюшка притащил платья, подает им. Они надели платья, взяли его под *ташки* (под пазухи, по-нашему) и пошли кадрелью плясать. — «Ванюшка, что мы — хороши?» — «Я на вас *зрить* не могу: вы настолько хороши!» — «Хотя мы и хороши, только ты и видел нас!» — Пали они на́ пол и сделались пчелами. Ванюшка их потерял. Сел на лавку, замахал руками, *заботáл* ногами — задурел: не ладно, видит, сделал. Отворил двери, они потом улетели от него — вылетели из хоромов.

Проснулся старик, схватился за левое ухо: ключика нет. Взглянул на Ванюшку: «Сукин сын! Кто тебе дозволил с моего уха ключик взять?» — «Да кто дозволил? Я вчерась тебя поил вином — обманывал! Кто позволил? Они же научили меня, суки!» — «Что ты наделал? Я теперь должóн их три года собирать!» — «А что тебе делать? Собирай!» — «Ты теперь три года жил и еще три года живи!»

Старик отправился, Ванюшку оставил на три года дома. Старик приходит, приводит — через три года — всех трех девиц опять обратно. — «Вот прожил ты, Ванюшка, шесть годов у меня. Теперь ты в совершенных годах; я тебя женю теперь... А которую ты из них возьмешь?» — «Да хоть которую!» — «Да которую все-таки?» — «Да вот хоть эту же возьму!» — «Нет, эту не бери, вот эту возьми!» — Отвел ему дом особенный. Всего в дому довольно: вам навеки не прожить, говорит, тут. Отдал ему шкатулку, сказал ему: «Не отворяй, не надевай на нее и платье!»

Прожили они неделю. Пошла она к обедне. Собралася в *бра́урное* платье, надела шаль чёрную пуховую на себя. — «Эка собралась я теперь как умолённая монашка! Кабы хороший муж, дал бы мне *самосветное* платье! Люди-то бы посмотрели: эх, скажут, у Ванюшки женщина-то хороша!» — Ванюшка вспомнил, что дедушка не велел; как *полы́снет* ее, она и с *копылкóв* долой! — «*Айда́*! Мне ладно, а люди что хошь говори!»

Неделя проходит, старик к ним приходит в гости. — «Что, Ванюшка, поживаешь?» — «Спасибо, дедушка, поживаю хорошо!» — «Теперь *айда* ко мне в гости: ко мне гости приедут». — Поблагодарил Ванюшка, сказал хозяйке: «Давай собирайся!» — «Сейчас *айда́те*: гости приехали!» Жена собралась в *браурное* платье, надела на себя черную пуховую шаль. — «Вот к дедушке приедут гости все из царского колена. Вот, кабы хорошой муж, надел бы на меня *самосветное* платье!..»

Забыл Ванюшка, вынул ключик, достал из шкатулки это платье. Надела она это платье скоро на себя; надела и поцеловала его. — «Ну, пойдем теперь!» — Вышли на улицу. Пала она на́ землю, и сделалась она голубем и улетела от него. (Вот тебе и жена!)

Тогда он воротился в комнату, сел на лавку, замахал руками, *заботал* ногами... Да хоть сколько маши, никто не уймет! Вышел Ванюшка на двор, набрал соломы охапку, напихал полну печь. Напихал и зажег. Накрошил он сухарей, наклал в котомку и пошел жену искать: не пойду, говорит, в гости к старику один. Шел день до вечера, зашел в *топу́чее* болото и огряз до колена. Вышел на долину, сел на кочку, взял сухарик: сидит поедает с горя-то. «Жди, отец! Выучился Ванюшка! Сам не знаю, как выплестись отсюда! Сам не знаю, где живу!» Заплакал Ванюшка.

Соскочил Ванюшка, поглядел во все стороны — увидел в одной стороне огонь. — «Знать-то, жители живут!» Ванюшка пошел на этот на огонь. Приходит: стоит избушка, на куричьей голяшке повертывается. — «Ну, избушка, стань по-старому, как мать поставила! — к лесу задо́м, ко мне передо́м!» Зашел в эту избушку, разулся, разделся, лег на печку и лежит по-домашнему. Неоткуль взялась Яга Ягишна: бежит, и лес трещит. Заходит в избу, разевает рот — хочет Ваню съесть эта Яга Ягишна. Ванюшка сказал: «Что ты, старая сука, делаешь? В протчих деревнях так ли делают старухи? А ты должна баньку истопить, выпарить, вымыть и спросить: где ты проживался?» Старуха одумалась: затопила баню, выпарила, накормила его. — «Где же ты проживался?» — «Я проживался шесть лет у дедушки в учениках: он поженил меня на малой дочери». — «Экой ты дурак! Ведь ты жил у брата у моего, а взял племянницу мою. И она вчера была у меня на совете. На что ты надел на нее *самосветное* платье? Она бы жила и жила у тебя, не надевал бы, говорит, на нее!» — «Ты уж теперь меня, тетушка, научи, как к ней дойти?» — «Пойди, там еще есть у меня сестра, поближе к ней живет, там она тебя научит».

Дала ему подарок лепёшку: «Будет лезть (есть его), так ты ее в зубы тычь, этой лепешкой!» Дала ему еще воронью косточку; он ее в карман положил. Опять пошел в путь.

Шел день до вечера. Зашел в болото *топучее — ночным быто́м.* Огряз до колена в болоте, вышел на долину, сел на кочку, вынул сухарик, сидит поедает. Соскочил на но-

ги. Увидел опять: огонек горит. «Знать-то, там тетка моя живет!» Пошел на огонек. Избушка стоит на козьих ножках, на бараньих рожках, повертывается.— «Избушка, будет култыхаться: время Ванюшке заходить». Зашел в избушку, по-домашнему разулся, разделся, лег на печку и лежит.

Неоткуль взялась Яга Ягишна: бежит — и лес трещит. Заходит в свою хату. Прибежала и лезет на него есть.— «Эх ты, старушка! В протчих деревнях так ли делают? Ты должна добром обходиться!» Тычет ей лепешкой в зубы. «Вот что ты делаешь! Ты бы должна баньку истопить, выпарить, накормить и спросить, куда путь клонит, где проживался?» Одумалась старуха. «Ладно, от сестры ты гостинец принес, лепешку». Истопила баню, выпарила, накормила.— «А где же ты, милой друг, проживался?» — «Проживался я у дедушки шесть лет в учениках, он и поженил меня на малой дочери».— «Вот ты какой дурак! Ведь ты жил у брата у моего, а взял племянницу мою. Вчерась она у меня была на совете. Не надевал бы на нее *самосветное* платье — никуда бы она не ушла от тебя!» — «Нельзя ли как, тетушка, через тебя доступить к ней?» Дала она ему в подарок жар-птицыну косточку.— «Есть там моя старшая сестра; та тебе обскажет: она близко около нее живет... Она очень злая; дам я тебе еще полотенце: как лезть на тебя будет, ты ей хлещи по глазам!»

Пошел он. Шел день до ночи, зашел в *топучее* болото и огряз до колена. Вышел на долину, сел на кочку, взял сухарик (есть захотел), сидит поедает; съел сухарь, встал, поглядел во все стороны, увидал в одной стороне огонек. Пошел к огню. Избушка стоит на козьих рожках, на бараньих ножках, повертывается.— «Избушка, стань по-старому, как мать поставила: к лесу задóм, к нам передóм!» Заходит в избушку: никого нет, один фитилёк горит.

Неоткуль взялась Яга Ягишна: бежит — и лес трещит; прибежала и лезет на него есть. Он полотенцем ей по глазам хлещет.— «Что ты, старая сука?.. Должна спросить: откудова ты и куды пошел? Вот как в протчих деревнях делают старухи-то: должна про меня баню истопить, выпарить!..» — «Ладно, ты принес от сестры полотенце: признаю я тебя знакомым». Истопила баню, выпарила, накормила.— «Где же ты, мой друг, проживался?» — «У дедушки шесть лет в учениках проживался, он и поженил меня на малой дочери. Она от меня улетела».— «Дурак ты, ду-

рак! Вчерась она у меня на совете была. Не надевал бы на нее самосветное платье, никуда бы она не ушла от тебя!» — «Научи-ка ты меня, тетушка, как доступить?» — «Ну, ладно, пойдем со мной, покажу я тебе ее дом».

Завела она его на́ гору. — «Видишь: вот в этой стороне вроде солнца огонь?» — «Вижу», — говорит. — «Это не вроде солнца огонь, а это ее дом: он весь на́ золоте, — говорит. — До него еще идти тебе 300 верст, до этого дома. Иди ко мне теперь, я тебя учить буду, как заходить к ней в дом... На, я тебе дам лепешку: у ней у ворот привязаны три льва, и они тебя так не пропустят. Ты разломи ее на три части, разбросай им. Они будут лепешку есть, ты проскочи в ограду (во *дворец*)! Стоят три дежурных у поратного крыльца — не будут тебя пущать. Ты на это не гляди: одного *полы́сни*, чтобы он с ног долой, и другой повалится, а третий скажет: проходи, проходи! Ты и пройди. Зайдешь в комнату, и в другую. В третьей комнате она сидит в хороших креслах таких. Ты не назови ее тогда женой: назови ее тогда государыней: она ведь царица, не простая! Пади перед ней на коленки, скажи: «Государыня, дай мне три раза спрятаться: если я в три раза не упрячусь, тогда меня куды знаешь, туды и девай!»

Дала еще она ему щучью косточку и проводила. Ванюшка исполнил все, как ему было сказано; пришел к царице во дворец, пал на колени и просит ее: «Государыня, дай мне три раза спрятаться: если я в три раза не упрячусь, тогда меня куды знаешь, туды и девай!»

«Ох ты, Ванюшка, — сказала она, — где тебе спрятаться? Я тебя везде найду!» — «Ну, дозвольте все-таки, государыня, спрятаться!» Она дозволила. Он вышел на лужочек. «Куды мне спрятаться? Сесть под куст, так она найдет!» Сунулся в карман. Попала пе́рво-на́перво ему воронья косточка, первой тетки. Бросил он эту косточку на лужок. Неоткуль взялся могутный ворон, взял его под *ташки*, за руки и затащил его в топучее болото; только одна голова осталась у него не спрятана. Ворон сел на голову, закрыл его — спрятал.

«Слуги, подайте мне гадательную книжку и зеркала: я буду Ваню искать!» Искала она его везде — по болотам, и по лесам, и по лугам, и в морской пучине: нет нигде его. Нашла его в топучем болоте: ворон сидит на голове на его. — «Ворон, вытащи Ванюшку, чтобы он был здеся!» Ворон выхватил его из болота, принес на́ море, курнул его — вымыл, принес на берег на лужок. Приходит Ва-

нюшка. — «Что, Ванюшка, раз спрятался?» — «Спрятался». — «Ну, ступай, еще прячься раз!»

Ванюшка отправился, вышел на лужок, вынул жар-птицыну косточку, от другой тетки. Неоткуль взялась жар-птица, взяла его под *ташки* и унесла его под небеса, спрятала и держит его там под облачком. Время вышло. — «Слуги, подайте мне гадательную книжку и зеркала, я буду Ваню искать!» Начала она наводить по морям, по лесам, и по лугам — нет нигде. Навела она на небесную высоту и увидала его под облачком. — «Жар-птица, сыми его, не убей!» Жар-птица сняла его, поставила его как есть на ноги, на лужок. Заходит он к ней... — «Ступай, поди прячься в третий раз!»

Ванюшка отправился в третий раз. Вышел близ моря; хватился в карман, попалась ему щучья косточка. Бросил он ее на лужок. Неоткуль взялась могучая щука; взяла его заглонула в рот и унесла в море, в морскую пучину, и стала — залезла под камень. Подали гадательную книжку и зеркáлы: начала Ванюшку искать — по небесной высоте наводит, по лесам, и по лугам, и по озерам; навела в море, в морскую пучину, и под камень... Только у ноги у одной палец не заглонула щука: палец видать. Немного не запрятался Ванюшка. — «Слуги, подойдите, посмотрите: куда запрятался Ванюшка!» Слуги подбежали, посмеялись. — «Щука, представь мне на сухой берег его!» Тогда шука выпятилась из моря, выплюнула на сухой берег его (всего измяла его).

Приходит Ванюшка во дворец, заплакал; увидала у ней служанка, сожалела его (что ему смерть). — «Постой, Ванюшка, милой друг, постой со мной, поговори! Я тебя научу. Проси у ней усердно, чтобы она тебе еще раз дала спрятаться! Я тебе куды велю спрятаться, так ей вовеки не найти. Если дозволит она тебе спрятаться, поди, со зла дверь запри, во вторую комнату войди, тут есть зеркáлы: меж зеркал ляг и лежи!» Приходит к ней, пал перед ней на коленки. — «Ну, что, Ванюшка, какую себе теперь смерть желаешь? На виселицу тебя или живого в могилу закопать?» — Он заплакал и говорит: «Государыня, дозволь хоть мне еще раз спрятаться». — «Где тебе спрятаться? Я тебя везде найду!» Слуги и генералы его пожалели: «Государыня, пожалей его: дай еще раз ему спрятаться!» — Согласилась.

Ванюшка пошел от нее, со зла двери запер; во вторую комнату зашел, меж зеркáлов пал и лежит. Прошло

время. Начала она искать его везде — в море и в морской пучине, и по лесам, и по озерам, и по лугам, и в небесной высоте... Нигде не может найти. — «Вы меня, подлецы, довели до этого! Велели ему спрятаться!» Тогда бросила свои книги от себя, ходила-ходила по комнатам, потом села в стуле, повесила голову и сидит. Скричала: «Ванюшка! Где ты есть? Иди сюда! Станем жить вместе!» Ванюшка лежит и не *отгаркивается*. Во второй раз она взяла опять книги и зеркала, искала, искала... опять не могла нигде найти. (Ей зеркало на зеркало никогда не навести.) Побегала, побегала по комнатам. — «Эй, милой Ванюшка! Где ты? Иди сюда! Не будем с тобой ссориться, станем вместе жить с тобой!»

Он стал жить вместе с ней. Месяц прожил, послал письмо отцу: «Я живу теперь в таком-то царстве, владею царством. Если желаешь, приезжай ко мне на житье!» Отец пожелал к нему на житье.

Чудесный супруг

28(20). ИВАН КУПЕЧЕСКИЙ СЫН И ЕЛЕНА ПОПО́ВСКАЯ ДОЧЬ

Рассказал А. Д. Ломтев

Жил-был купец. У него сын был один; звали Иваном. У него завещанье было такое: направил он стрелочку: «Куды эта стрелочка залетит, тут и сватать станем».— Она залетела к попу. Потом пришел купец сватать к попу: «С добрым словом — за сватаньем!» Священник говорит: «Кого я тебе отдам? У меня есть вон старая дева Елена, разе ее возьмешь?» — Купец сказал: «Все равно!» — Сели за стол, посидели; сходил священник, их повенчал.

Приезжают к купцу в дом; посидели за столом дивное время, пошла она с ним в спальну. В спальне начал щупаться; снимает она с себя шелков пояс и давай его лупить, жениха.— «Есть,— говорит,— у меня *гулеван*, на лице у него только онучи сушить, Харк Харкович Соло́н Соло́ныч — и тот лучше тебя!» (Безобразен жених.) Потом она отдула его шелковым поясом и сама убралась от него. Утром *дружки* встают — невесты нет.

Иван купеческий сын выпросил у отца коня — свою Елену Прекрасную искать. Ехал он близко ли, далёко ли, низко ли, высоко ли — доезжает до эдакой избушки: избушка стоит на козьих рожках, на бараньих ножках, повертывается.— «Избушка, избушка, стань по-старому, как мать поставила: к лесу задо́м, ко мне перед о́м!» — Избушка стала. Заходит Ванюшка. Яга Ягишна в одну стену уперла ногами, в другую стену головой.— «Фу-фу, русско-

го духу сроду не видала, русский дух ко мне сам пришел!.. Куды же ты поехал?» — «Напой, накорми, потом вестей расспроси!» Она п...ула, стол поддёрнула, др...ула, щей плеснула, ногу подняла и квасу налила... — «Я поехал свою невесту искать, Елену Прекрасную поповскую дочь». — Яга Ягишна: «Не езди, воротись! Тут тебя убьют: у него круг дому тын, на кажной тынинке по человечьей *головинке*, на одной нет: непременно твоя голова тут и погинет!» — Он отправился вперёд. — «Взад поедешь, так заезжай ко мне в гости!»

Подъезжает ко второй избушке. Стоит избушка на козьих рожках, на бараньих ножках, повёртывается. — «Избушка, избушка, стань по-старому, как мать поставила: к лесу задом, ко мне передом!» — Избушка стала; заходит: Яга Ягишна лежит — в одну стену уперлась ногами, в другую стену головой. — «Фу-фу, русского духу сроду не видала, русский дух ко мне сам пришел! Куды же ты поехал?» — «Напой, накорми, потом вестей расспроси!» Она п...ула, стол поддёрнула, б...ула щей плеснула; ногу подняла и ложки подала. — «Я поехал свою невесту искать, Елену поповскую дочь». — «Не езди! Это у моего племянника, у Харка Харковича у Солона Солоныча; у него круг дому тын, на кажной тынинке по человечьей головинке, на одной нет; *знать-то*, твоя головушка тут посядет...»

«Нельзя ли как помокчи́ моему горю?» — «Ты вот что: оставь коня здесь у меня, а сам пойди пешком! Есть у ней у двора два моста: один мост простой, а другой стеклянный; ты на этот на стеклянной мостик тихонечко взойди и кричи: «Барыня, прости! Государыня, прости! Нечаянно я на плотик зашел!» — Если она простит, так и он простит. Какую беду ни сделаешь, все так и делай!»

Он доходит до его дома. Круг его дома тын и на кажной тынинке повешено по человечьей голове, на одной тынинке нет. *То* он заползает на стеклянный мостик и кричит: «Барыня, прости! Государыня, прости!» — Барыня выходит и в окно смотрит: «Чем тебя, дитятко, простить-то?» — «Нечаянно я заполз на ваш плотик». — «Ну, Бог простит! Иди в мою комнату, я тебя спрячу». — Зашел он в комнату. — «Вон, залезь под кровать, я тебя занавеской завешу».

Летит Харк Харкович Солон Солоныч, долетает до своего дому и говорит: «Кто мог на мой плотик залезти? Голову ссеку и на тын повешу!» — А мать сказала, что «нечаянно дитятко заполз, прости!» — «У тебя всё нечаянно!..

Ну, Бог простит! Где он есть?» — «Простишь, так я скажу!» — «Ну, уж я прощаю!» — «Ну, вылезай, молодец!» — говорит. Вылез. — «Давай собирай, мать, есть!» — Мать собрала на стол, начала кормить их.

Они наелись. Он ему сказал: «Смотри, молодец, в эту комнату ходи и в эту ходи, а в третью не ходи!» — Харк Харкович Солон Солоныч уехал — он пошел по комнатам. В первую комнату зашел, жена его сидит, вышивает ковры драгоценными камнями. Он с ней ничто не сказал. В другую комнату зашел — там девица сидит, всячески еще лучше. В третью комнату зашел, девица сидит одна красавица. Он взял ее за ручку и пошел кадрелью плясать, с третьей девицей. Вышел из комнаты, потихоньку на этот хрустальный мостик зашел и кричит: «Барыня, прости, государыня, прости!» — «А в чем тебя, дитятко, простить?» — «А я нечаянно в третьей комнате был, с девицей поплясал».

То прибыл Харк Харкович Солон Солоныч. — «Кто ему дозволил подлецу в третью комнату зайти? Я ему сегодня голову сказню и на тын голову повешу!» — Мать говорит: «Дитятко, прости! Нечаянно он в комнату зашел». — «У тебя всё нечаянно! А где он есть?» — «Простишь, дак скажу!» — «Ну, да уж Бог простит! Давай, собирай нам обедать!»

Накормила их. — «Молодец, ты по всем конюшням ходи, а в эту не смей заходить!» — Ходил он по конюшням по всем; в которую не хотел, и в нее зашел. Тут стоит конь старый — и мохом оброс. Сел он на этого коня и давай по конюшне гонять. До того этого коня *ухáйкал*, что с него и мыло пошло! (Отрабатывает!) После этого он пошел, на стеклянный мостик заполз и кричит: «Барыня, прости! Государыня, прости!» — А барыня сказала: «В чем тебя, дитятко, простить?» — «Нечаянно я в конюшню зашел в ту, в которую он не приказал». — «Бог простит! Иди, я тебя спрячу». — Спрятала.

Летит Харк Харкович Солон Солоныч. — «Вот подлец! Где ему не приказывают, тут и лезет! *Ухайкал* у меня коня старинного до той степени, что конь *пристал!* Непременно сёдни я ему за этого коня голову сказню и на тын голову повешу!» — «Дитятко, прости!» — «У тебя всё прости, хоть *докуль*!» — «Нечаянно он вошел! Отдохнет твой конь!» — «Ну, Бог простит! А где он есть?» — «Простишь во второй раз, дак скажу!» — «Ну, Бог простит! Собирай нам обедать!» — Мать собрала им обедать.

Иван купеческий сын сказал: «Куды же ты, Харк Харкович, летаешь? Скажи мне: я не помогу ли твоёму горю?» — «Я летаю в русское государство, а охота мне украсть у царя царскую дочь Марфу-царевну, а украсть никак не могу!» — Сказал Иван купеческий сын: «Это для нас плёвое дело стоит. Ты давай мне корабь и 10 человек музыкантов; я поеду, в корабь ее заведу обманом и увезу». — *То* дал ему корабь и 10 человек музыкантов и рабочих. Он отправился к царю. Приезжает к русскому государству, приваливаются на пристань. Объяснил царю, «чтобы твоя дочь — есть у меня хорошие музыканты — (шла) послушать: я для царской дочери могу даром сыграть».

Она посылает служанок: «Пущай он заиграет в музыку; если понравится, тогда придите и мне скажите!» — Приходят служанки: завёл он музыку, начал играть. Час время проиграл, служанки заслушались. Приходит одна, объясняет царской дочери; сказала: «Марфа-царевна, мы от ро́ду такой музыки не слыхали! Такие музыканты — и не вышел бы из корабля у него: *больно* хорошо играют!»

Заходит Марфа-царевна в корабь; тогда он служанок всех выдворил: «Вы, девицы, послушали, можете отправиться домой! А ты, Марфа-царевна, слушай!» — *То* начали в музыку играть, а рабочим приказал корабь в ход пустить, в обратный путь. Иван купеческий сын музыкантам как можно наказывает поважнее играть, чтобы ей *загляну́лось*. (Слушай, *хохлуша*, а уж везут далеко!) Слушала она не меньше того — трех часов; запросилась на сухопутно выйти: «Довольно, я послушала».

«Выйти тебе некуда уж!» — сказали. — Корабь был очень ходкий: чуть не на середине моря уж очутился. Привозит он ее к Харку Харковичу Солону Солонычу. Приваливаются на пристань. Тогда Харк Харкович увидал эту царскую дочь, поцеловал Ивана купеческого сына и похвалил, что «молодец!».

Приходит в дом, дает Ивану купеческому сыну плеть хорошую: «Поди свою жену *пробузуй* хорошенько, изломай ей руки и ноги, чтобы она тебе покорилась!» — Тогда Иван купеческий сын взял плеть, приходит к своей жене, взял ее за волосы и давай ее плетью *охаживать*. До той степени ее *стегал*, уж она *раставрала́сь*, легла середь полу и не шевелится. А он все *бузует* ее. (Вот баб-то как охаживают — не слушают дак!)

Приходит в ту комнату, в которой они проживают; приказал матери его напоить-накормить всякими *бисертами*, Ивана купеческого сына. Ночь переночевал, поутру заглянул в ту комнату: жены нету дома. Харк Харкович Солон Солоныч сказал: «Возьми моего коня любимца старого, на котором ты ездил, на нём и поезжай, а на своем не езди коне, не отбирай у тётки: где он стоит, тут и стой!» — Заехал к первой Яге Ягишне, где лошадь оставлена; заходит в избу, поздоровался. — «Что, мою жену не видала ли?» — Яга Ягишна ответила: «Недавно на печи лежала, отправилась она домой».

Очень он торопился; скоро отправлялся вперёд. Подъезжает к другой избушке. — «Ах, племянничек, явился назад!» — «Да, тётушка, назад!» — «Как ты с моим племянником обошелся? Как он тебя не *исхитил*?» — «Обошелся, — говорит. — А что, тетушка, мою жену не видала? Не забегала сюда?» — «Вот недавно на пече лежала да ушла домой». — Приезжает домой, уж она дома на печи лежит. И стали жить да поживать. Больше не стала никуды бегать.

29(85). ИВАН-ЦАРЕВИЧ И МОЛОДАЯ МОЛОДИЦА

Напечатано в Пермских губернских ведомостях

Не в котором царстве, не в котором государстве жил-был царь. У него был один сын — Иван-царевич.

Вот Иван-царевич ездил за охотой кажный день в чисто поле, в широко раздолье, по край синя моря; он ловил гусей, лебедей и серых утиц. И попала ему в ловушку лебедка. Поймал эту лебедку Иван-царевич, принес в шатер и посадил в *шосточек*. Поутру встал да и уехал за охотой.

Вот лебедка-та вышла из *шосточка*, обвернулась молодой молодицей и наготовила Ивану-царевичу всяко кушанье. Сама опять обвернулась лебедкой и села в *шосток*.

Вот Иван-царевич приехал домой в свой-от шатер: и на столе накрыто у него. Вот он и удивляется. «Кто это, — говорит, — был у меня?» — Сел Иван-царевич и отобедал; да так все на столе закрыл скатеркой и опять

уехал за охотой. Лебедка опять обвернулась молодой молодицей, убрала со стола, обвернулась опять лебедкой и села в *шосток.*

На другой день Иван-царевич опять уехал за охотой, а лебедка вышла без него из *шосточка,* обвернулась молодой молодицей и наготовила кушанья еще того лучше. Накрыла молода молодица на стол, обвернулась лебедкой и села в *шосток* — ждет Ивана-царевича.

Вот приехал Иван-царевич, навез гусей, лебедей и серых утиц. Поглядел Иван-царевич на стол и удивляется: «Да кто же такой наготовил? Выходи,— говорит,— кто такой есть у меня — красна девица или молода молодица?» — Никто не говорит с ним, никто и голосу не подал.

Отобедал Иван-царевич, закрыл стол скатеркой и уехал опять в чисто поле, в широко раздолье, по край синя моря, за охотой.

Вот на третий день снарядился Иван-царевич за охотой, вышел из шатра да и спрятался: «Покараулю,— говорит,— я, кто такой ко мне приходит? С которой стороны?»

Вот бела лебедка вышла из *шосточка,* обвернулась молодой молодицей и *почала* готовить кушанье. Иван-царевич врасплох и отворил двери; испужалась молода молодица, побежала было, да Иван-царевич схватил ее в *беремё.*

Вот она у него в руках-то вилась да вилась, да в золото́ веретешечко извилась. Он взял да веретешечко-то переломил — пятку-ту перед себя, а кончик-от за себя изладил: «Будь,— говорит,— передо мной молода молодица, а за мной цветно платье!» — Вот и стала перед ним молода молодица, а за ним цветно платье. Уж такая красавица была — зрел бы, смотрел — очей не сводил!

Иван-царевич к отцу не поехал и стал жить с молодой молодицей. Состроили они в том чистом поле, в широком раздолье, дом.

Вот и стала *череваста* молода молодица. А к ним ходила бабушка-задворенка.— «Иван-царевич! — говорит бабушка-задворенка Ивану-царевичу. — Теперь весна на дворе, ты карауль свою молоду молодицу, не уезжай далеко-то никуды!»

Вот и родила молода молодица маленького. Сидит в бане с бабушкой-задворенкой. Поутру летит *станица* лебедей; вот один и кличет:

«Ти-го-го, мила дочь,
Ти-го-го, родимая!
Не подать ли те крылышко,
Не подать ли правильное?
Полетим с нами за море,
Полетим с нами за сине!»

Это отец ее летел. А она ему в ответ:

«Ти-го-го, батюшка!
Ти-го-го, родимой мой!
Не подай мне-ка крылышко,
Не подай мне правильное —
Не лечу с тобой за море,
Не лечу с тобой за сине —
Ещё есть у меня детище,
Ещё есть у меня милое!»

Вот эта *станица* прилетела. Летит другая, и опять кличет один лебедь молоду молодицу:

«Ти-го-го, мила дочь,
Ти-го-го, родимая!
Не подать ли те крылышко,
Не подать ли правильное?
Полетим с нами за море,
Полетим с нами за сине!»

Это мать ее летела. Молода молодица ей и отвечает:

«Ти-го-го, матушка,
Ти-го-го, родимая!
Не подай мне-ка крылышко,
Не подай мне правильное —
Не лечу с тобой за море,
Не лечу с тобой за сине —
Ещё есть у меня детище,
Ещё есть у меня милое!»

Вот и эта *станица* пролетела. Летит третья; опять кличет один лебедь:

«Ти-го-го, сестрица,
Еще ти-го-го, милая!
Не подать ли те крылышко,
Не подать ли правильное?
Полетим с нами за море,
Полетим с нами за сине!»

Это брат ее летел; она ему и отвечает:

«Ти-го-го, братилко,
Ти-го-го, милый мой!
Не подай мне-ка крылышко,
Не подай мне правильное —
Не лечу с тобой за море,
Не лечу с тобой за сине —
Ещё есть у меня детище,
Ещё есть у меня милое!»

И эта *станица* пролетела. Летит четвертая. Опять один лебедь кличет:

«Ти-го-го, ладушка,
Ти-го-го, милая!
Не подать ли те крылышко,
Не подать ли правильное?
Полетим с нами за море,
Полетим с нами за сине!»

Она и отвечает:

«Ти-го-го, ладушка,
Ти-го-го, милый мой!
Ты подай мне-ка крылышко,
Ты подай мне правильное —
Полечу с тобой за море,
Полечу с тобой за сине!»

Она было вспорхнула; а Иван-царевич и поймал ее. Пролетела и эта *станица*. Вот и говорит молода молодица Ивану-царевичу: «Кабы ты не схватил меня, улетела бы я в свое царство, в свое государство! А теперь,— говорит,— мне не с кем лететь: пролетел и милый мой *лада*».

И стали они жить да быть, да добра наживать. И теперя живут.

30(19). ИВАН-ЦАРЕВИЧ И ЦАРЕВНА-СТАРУШКА

[Иван-царевич и царевна-лягушка]

Рассказал А. Д. Ломтев

Жил-был царь. У царя было три сына; и потом он дал им по стрелочке: «Куды ваши стрелочки полетят, туды и невест поезжайте сватать!» — Конечно, *большак* стрелил, у него в правую сторону улетела стрелочка; середний стрелил, у него в леву улетела; а Иван-царевич стрелил, у него полетела прямо и *свильнула* — залетела в *топучее* болото. На островке тут небольшая избушка стоит; в эту избушку заходит (Иван-царевич); сидит старушка, у старушки и стрелочка его: в руках держит. Иван-царевич и думает: «Неужели мне таку́ старуху замуж доводится брать?» — А старушка отвечает: «Да, Иван-царевич, видно, тебе доводится старушку взять!»

Иван-царевич долго продолжал — стрелочку искал — и есть захотел. Старушка в *го́лбец* спущалась, достала яйца и сметаны, набила яиц, *чирлу́* (вроде яишницы, на сковороде зажарят, без хлеба) исправила. Накормила и говорит: «Иван-царевич, не опасайся! Я ведь на время старушка: день я старая, а к ночи молодая живу». — Иван-царевич и говорит: «Исправься не на долго время: я погляжу, какая ты молодая будешь?» — Она перебросила с руки на руки кольцы и исправилась такая фрейлина, что в городе нет: насколько красива и всем вышла. — «Веди меня, — говорит, — домой: время выйдет, так я буду завсегда молодая! А теперь мне нельзя, — говорит, — все-таки я буду старуха докудова».

Приводит он домой. Братья по́брали невест хороших, а он привел старуху. Братья усмехнулись и невестки *и́хи*, и царь усмехнулся над старухой: кого он привел. Царь и говорит: «Стало быть, это мое недоумленье: стало быть, залетела стрелочка, ему и приходится ее сватать! Надо бы добром сделать! (Я виноват сделался.) Нечего смеяться!» — Иван-царевич говорит: «Тятенька, мне особу комнату нужно: братья будут надо мной усмехаться, в одной комнате не буду я жить». — Царь приказал: «Которая тебе комната *загля́нется*, в той и проживайся!.. Пове́черу приходите ко мне, я вам задачу задам!»

Дал он им муки первого сорта *поровнáку*: «Которая у вас невеста лучше хлеб испекёт?» — Потом они приносят, отдают своим невесткам. Посылают хорошие невестки служанку: «Сходи к старушке, посмотри, как она будет притвор делать: она постарше нас, лучше испекёт хлеб». — Приносит она холодной воды, налила в квашню, потом муку — не сеяла, ничего — бух в квашню, размешала в притвор. Отслонила заслонку, по всей пече разлила и говорит: «Испекись, чтобы мой хлеб белый, и рыхлый, и скусен! Поутру чтобы был готов!» (А печь не затопляла, в холодную печь разлила.) — Служанка усмотрела, сказывает: вон она как сделала! Они усмехнулись, что в холодной избе не должно испекчись. А те невестки так изладили, как добрые люди пекут: с вечера квашню изладили, а поутру затопляли печь. Поутру старушка вынимает хлеб, в скатёрочку завёртывает, подает Ивану-царевичу.

Приходят все трое. Подает *большак наперво* булку свою. Царь взял булку в руки и говорит: «Да, — говорит, — эту булку голодающий, если три дня не ел, так поест»; настоль эта булка тяжела, отдулася верхняя корка, нижняя сожжёна, а в серёдках пустота (не укисла). — Так же и середний сын подаёт, и у того оказалась этака же булка. «Когды солдаты голодные сделаются, тогда солдатам есть, а не мне!» — Иван-царевич развёртывает свою булку, подает родителю. Насколько его хлеб показался бел и лёгкий, рыхлый; царь сказал: «Вот это хлеб! Это хлеб — только прийти от обедни, с хорошими людьми чайку попить с этим хлебом. Старушка хорошо испекла! *Знать-то* она мне будет милая сношка!»

Царь выдал им полотна *поровнаку*: «Пущай к утру они изготовят мне по рубашке: которая сошьет лучше рубашку?» — Приносит Иван-царевич, подает своей старушке полотно. Те посылают служанку: «Погляди, как она будет кроить!» — Старуха полотно взяла, вышла на *поратное* крыльцо, изорвала его все в ленточки, на всякие клинышки. Сказала старуха: «Подымитесь, ветры буйные, и унесите все клинья по белому свету, чтобы я на это полотно и не глядела! (Шить неохота ей.) А предоставьте поутру рубашку, чтобы рубашка была готова!»

Служанка приходит, невесткам обсказывает, что «она изорвала на мелкие клинья и велела буре подняться, унести клинья, а сама не шьёт». — А они наняли таких служанок, чтобы сшить на машинке, поутрý чтобы было готово.

Утро подходит; рубашка у старушки готова; завернула ее в полотняну скатёрочку: «На, Иван-царевич, неси!»

Приносят все трое. *Наверво большак* подаёт свою рубашку. Глядит на эту царь рубашку: «Насколько накосо сшито и неровно обрублено! Это только рабочему носить, а не мне».— Середний подаёт: «Это рабочему не в воскресный день надевать, а только в будни носить ее: рубашка совсем неудобная».

Иван-царевич подаёт. Вывертывает царь рубашку и говорит: «Вот это рубашка! Только идти когда в церковь Христово причастье принять, а дома не носить ее; сшита, нигде и сшивку (сшивочку) нету, как отлитáя!.. Завтра я излажу обед, а на обеде скажу, которая моя милая сношка... Завтра поутру прибудьте ко мне на обед все трое с женами!» — Иван-царевич приходит, похвалил свою старушку, что «ты не ударилась в грязь лицом, отцу понравилась твоя рубашка».

Старушка говорит: «Иван-царевич, ты сегодня один ночуй, я отправлюсь, а завтра поутру приеду в карете с гонцами (с *фалеторами*, значит); ты меня встречай!» — Поутру было заказано генералам прийти в гости, посторонним и своим детям. Все сходятся, а у Ивана-царевича все еще нет жены, не приехала его старуха. Вдруг она приезжает в золотой карете и с *фалеторами*. Выбегал царь и встречал сам. Иван-царевич выходил на двор, встречал и сказал, что «не нужно, тятенька, тебе встречать: это моя старушка едет!» — *То* он ее пóд руки из кареты принял, Иван-царевич; заходят с ним в отеческое зало.

Садились они все за престол; начинают *наперво пирог* кушать. Мясо она ела, а кости за *ошлаг* клала. И те невестки также: кушали, а кости за *ошлаги* клали: «Что она делает, то и мы будем делать!» — После пирога начали *хлеботню* хлебать; старушка не дохлебнёт, да за *ошлага* льет. И те невестки лили, а у них из рукавов бежит (а у старушки не бежит). Тогда старушка сказала: «Все у тебя, тятенька, хорошо, а одно неисправно».— «Что, милая дочь, у меня неисправно? Скажи!» — «У тебя вот круг дому саду нет; нужно бы сад хороший устроить, и в саду сделать пруд, и в пруд пустить рыбу; хорошее бы тут было судно, чтобы мы на этом судне поплавали, покатались; а рыба будет играть — нам любопытно... Если ты прикажешь, я сейчас исправлю».— «Ну, милая дочь, исправь!»

То она махнула из левого *ошлага*: «Круг дворца очудись сад и в саду пруд и в пруду сделайся рыба!» Правым *ошла-*

гом махнула: «Рыба в пруду чтобы играла и чтобы судно было *испашёно* — нам покататься в пруду!» — Так и сделалось — исправился сад и все как есть. А братьины невесты: «Это что! Мы можем и сами это сделать!» — «Ну-ка изладьте!» — сказал царь. — Махнули они также левыми *ошлагами*, брызги полетели их мужьям в рыло и царю. — «Что вы делаете? Все нам глаза выхлестали и рубахи осквернили!» — *То* они махнули правыми руками, *ошлагами*, из *и́хих* рукавов полетели кости прямо мужьям в глаза. Сказали *и́хи* мужья: «Стало быть, вы безумные! Что вы делаете? Где вам так сделать, как она делает?»

Выходят из палат, садятся на судно, начали ездить по пруду, а рыба начала играть-побулькивать. Любопытно сделалось царю и вовсе залюбил старушку, что хорошо исправила. — «Завтра, Иван-царевич, приходи поутру ко мне со своей женой: жить мы будем с тобой в одной комнате».

Старушка, когда снимала с себя перстень да за *печурок* клала, делалась молодая. Тогда он усмотрел, Иван-царевич; как присну́ла она крепко, вставал с постели, нашел этот перстень, унёс его — в море бросил. А этот перстень, только как он бросил, то нечистый дух схватил его и унёс далеко, в тридевятое государство. Поутру хватилась — в *печурке* перстня нет. Старуха Ивану-царевичу объяснила: «Скоро бы мне молодой быть время, теперь, Иван-царевич, прощай! Ты от ро́ду меня не увидишь!» — Иван-царевич сказал: «Во мне богатырская есть сила! Я могу тебя разыскать все-таки, увезти домой, только скажи, куды уедешь?» — Сказала ему старушка: «Очень тебе трудно меня доставать! Я отправляюсь к Чудовищу Морскому в тридевятое государство». — *То* она вышла на *поратное* крыльцо, ударилась, сделалась *голубихой* и полетела. Смотрел он только, в котору сторону она полетела.

Иван-царевич взял денег с собой на дорогу и отправился ее разыскивать. Ехал он морями и лесами, много продолжал время. Приезжает в тридевятое государство, заходит в дикий лес, в *Урал*. Идёт *Уралом*; нечаянно приходит: стоит избушка, а в этой избушке живет старушка. Старушка увидела его: «Фу-фу, нечаянный гость ко мне прибыл, Иван-царевич, дальний гость! Куда тебя ветры понесли, Иван-царевич? Скажи ты мне правду!» — Старухе он ответил: «Ты, бабушка, напой, накорми, тогда у меня вестей расспроси!» — Старуха натащила ему жареного и пареного, всякого *биserту*, что он такой пищи и дома ма-

ло едал. Напился, наелся, поблагодарил старуху, что хорошо накормила. — «Вот, родная бабушка! Убралась от меня невестка, неизвестно куды. Хоть бы мне узнать, куды она отправилась: разыскать я не могу ее».

Старуха ему ответила: «Не нужно бы тебе бросать в море перстень! Это моя племянница, она теперь у Чуда Морского живет; у него есть много богатырей и силы, они тебя *кончат*. Если у тебя бы есть сила, у меня есть такой *меч*, этот *меч* нужно только поднять да махнуть им — так всех заметёт». — Перед старухой стал Иван-царевич на колени, стал усердно старуху просить. Старуха: «Ну, ступай же ты, возьми мой меч! Я вот спущу клубок, ты ступай за ним, по клубочку дойдешь!» — Она клубочек спустила, он побежал за клубочком с тем мечом.

Приходит к этому дому. Выходит Чудовище с богатырями и с *силой* — Ивана-царевича победить. Иван-царевич как поднял меч, как хлестнул, у них улицу дал, махнул в другую сторону — замёл и оставших. Подходит к дому, а у дома не мог дверей найти. *То* он свой меч поднял, махнул этим мечом по стене, оказалась его невестка — сидит во стуле посередь полу. Сидит она очень хорошей красавицей; теперь она будет навсегда хороша. Девица увидала его: «Ах, мой ладушка, Иван-царевич! Умел зайти к моей тетке, пособила она твоему горю!» — Она с руки на́ руку перебросила кольцы, сказала, что «будь теперь здесь лагери, в лагерях чтобы самоварчик, жареного и пареного — чтобы было нам чего покушать!» — *То* они понаелись, понапились.

После этого она перебросила с руки на руки кольцы и сказала: «Слуги мои, исправьте мне такой корабь, чтобы он мог идти морями и бегать лесами — где мне принадлежит. Приезжает к тетке, отдает меч и благодарила тетку. Тетке она сказала, что «я прибуду в русское государство, позову вас в гости — милости просим, приезжай, *не посупорствуй!*» — Распростилась с теткой.

Приезжают на этом корабле в русское государство. Явился к отцу во дворец с женой. Родитель выходил встречать. — «Ах, мой Иван-царевич! Достал себе невесту хорошую, а невестку, видно, потерял!» — «Нет, тятенька родной, это самая старушка, а теперь она у меня красавицей навсегда будет! Теперь ей время вышло старушкой жить! Теперь, тятенька, нужно сделать пир на весь мир!»

Иван-царевича жена послала ко своим родителям и к теткам, чтобы были на будущий день в гости. Со всех

стран съезжаются; а как у Ивана-царевича приезжают гости — всех лучше лошади и сами *собраны* — всех лучше на них одежда. Залюбил царь его гостей всех лучше. *То* они двое суток кутили, а на третьи все разъехались.

Стали поживать все, как есть; царь оставил тогда Ивана-царевича со своей жёнкой в своей комнате.

31(28). ЛЯГУШКА И ИПАТ
[Царевна-лягушка]

Рассказал Е. С. Савруллин

Жил-был старик да старуха. У них были три сына. Двух старик женил, а Ипат остался холостым. Ипат был не со всем умом.

Когда Ипату минуло 30 лет от роду, он задумал жениться. — «Батюшка, благослови меня жениться!» — «Ой, Ипат, Ипат! Наделал бы ты лучше лопат, да и поехал бы торговать: нажил бы сто рублей, потом бы женить-ся!» — Ипату делать нечё, давай трудиться, и наделал их триста. И приезжает к этому времю пристав: «Это кто у вас торгует?» — «Ипатушка балует!» — «А начто, Ипат, тебе деньги?» — «Жениться надо, барин!» — «А сидел бы ты, Ипат, в углу да толк бы бабам ячмённую крупу! Они сварили бы тебе кашку, наклали в чашку: ты бы наелся да лежал».

Ипат одно своёго просит старика, что «жениться стану!» — Отец ему сказал: «Ну, Ипат! Жениться-то женись! Дам я тебе денег немного, только бери жену хорошую!.. Где же, Ипат, думаешь сватать?» — «А вот что, батюшка! Дай-ка мне лошадку, надену я курчаву шапку и поеду сватать». — «А лошадки у нас хоть толсты, а они сейчас непросты: надо пашню боронить!» — «А на чём же я поеду?» — «А на чём знаешь, на том и поезжай!»

Ипат придумал себе штуку: наточил востря топор и отправился он в бор. Выбрал себе сосну толщиной охвата в два, давай ее срубать. Упала и сосна; он смерил себе шагами — сделать побольше *бат* (лодка: теслой выжолубят её, без набоек). А в лесу было болото вёрст на тридцать долины, и никто там не бывал и житьём там не живал. Он взял себе весло, и садится он на *бат.*

Поехал по болоту; а воды было глубоко: где в сажень, где помельче. Проезжает он и день и два; выехал на сушу. Вытаскивает свой *бат;* ему негде ночевать.— «Где же я ночую?.. А забьюсь под *бат*... Только не знаю, далёко ли моя невеста».

Видит: тут маленькая избушка, с дверью землянушка.— «А, брат, тут я и ночую!» — Он подходит к избушке, отворяет дверь — она не отворяется. А там Яга-баба на полу валяется. Ипат догадался: «Избушка, избушка, стань по-старому, как мать поставила,— к лесу задóм, ко мне передóм!»» — Избушка так и сделалась.

Ипат отворяет дверь, заходит в избушку, а Яга-баба и говорит: «Ху, не русский дух!» — «Постой, Баба-Яга, не ворчи!» — «Я тебя, Ипат, съем!» — «Нет, Яга-баба, подавишься! Я тебя убью, Яга-баба, и кости камнем придавлю!» — Яга-баба смирилась, Ипату за руку схватилась.— «Куды, Ипатушка, пошел?» — «Дома мне жить тесно, я пошел искать невесту».— «Знаю, знаю, Ипат. А скажи мне всю правду!» — «А ты сначала меня напой-накорми, потом вести расспроси!» — Яга-баба п...ула, стол поддёрнула, б...ула, щей плеснула, на корячки стала, луковку достала, на постельку положила и Ипатушку спросила.

«Вот твоя невеста: *айдá* по этому болоту, она живёт недалёко. Там небольшая есть избушка, тут живёт моя подружка — ну, хуже меня старушка. Берегись её: она тебя съест, а то — невесту тебе даст».

Ипат тут ночевал. Утром рано он встал, сел в *бат* и поехал. Старуха проводила и Ипату говорила: «Слушай, Ипат! У старухи туго дверь там, разбивай её ногой».— Проезжает Ипат неделю и видит: стоит избушка небольшая на берегу.— «Вот, должно быть, здесь она живет!» — Взялся он за дверь, отворить её не мог. А на двери висит замок.— «Что такое? Дверь не заперта ведь замком!» — Ипат стукнул кулаком.— «Отвори, старуха, дверь!» — Посмотрел он к ней в окошко: она грызёт живую кошку.— «Ох, как страшно увидал! Она, верно, полгода не едала, а русских сроду не видала. Знать-то, съест она меня! Ну, да всё равно не дамся!»

Пуще стукнул он в дверь. Старуха ноги убрала — и приперта дверь была её большими ногами. Зашел Ипат в избушку, смотрят друг на дружку.— «Съем я тебя, Ипат!» — «Врешь, стара чертовка, подавишься!.. А ты, старуха, не сердись, а с Ипатом помирись! А свари-ка мне суп, да из трёх губ — одну свинья́ну, и мыши́ну, и верблю-

жи́ну!» — «Хорошо, Ипат, сварю». — Старуха живо за горшком побежала в лес пешком. Притащила и дров, начала ему варить. — «А что же ты пекла?» — «А пирожки». — «Какие пирожки?» — «С сеном, с хреном и на гороховом масле, и пироги с навозом».

Ипат: «Ладно, хорошо! Расскажи-ка мне невесту!» — Поглядели друг на дружку. Она показала на лягушку: «А вот и твоя невеста». — «Как же я с ней буду жить?» — «Она хорошая барыня будет». — «Ну, так пойдем сватать!» — Яга пошла с Ипатом сватать, повела дальше в камыши. На *пересечку* большая мышь. Ипат старухе говорит: «Нехорошая нам дорога». — «А пошто, Ипат?» — «Пересекла дорогу мышь». — «Эта мышь — прислуга невесты».

Подходят к камышу. Отворяется дверь в землю. — «Спускайся ты за мной!» — Ипат заходит в коридор, а у лягушек большой там вздор. — «Что, старуха, говорят?» — «А женить хочут тебя... Пойдём-ка дальше, в зало». — Заходят дальше в зало и — убраны столы белым полотном, наставлено на столах всякого *бисерту,* булочки на блюдьях пол-аршина вышины. Ипат удивился: «Кто же тут у них это стряпает? Я сроду и не видал, такого хлеба не едал».

А старуха начинает говорить. Лягушка отвечает: «Судьба моя пришла». — А Ипата удивляет: «Как я буду с ней жить? Ведь снохи-то у нас хорошие! Ну, все равно, возьму! Отец не примет, здесь буду жить: работа лёгонька, а жить хорошо. Поглядел я вбок — небольшое там зало — начинена колбаса салом: как они поживают, лучше нашего».

Сели они за стол. Лягушка угощает и по-русски говорит: «Кушай, Ипат, без стеснения! Надейся на меня, не погинешь». Ипат с аппетитом ест и пьет. — «Все это вкусно, так только лягушки мне гнусно».

Время жениху выходить. Невеста встаёт на кружок. — «Вот эту полотняную рубашку твоему отцу в подарки, а этот сарафан, вышитый шелком, старушке твоей в подарки; братьям твоим по брюкам из дорогого сукна; снохам — по платью, расшиты серебром. А тебе, женишок, цельну тройку подарю: брюки и жилетку и хороший сюртучок; а приедешь ты домой, сюртук вешай на крючок!»

Положила в скатерть булку вышиной аршина два; завязала все в скатерть, начинает провожать. Жених идет, а лягушка скачет. Жених задумался: «Как я буду с ней

жить?» — Садится он в *бат;* так его горе обуяло: «И невесты мне нигде не стало!» — Вдруг лягушка постояла; взял её за руку: «Ох, красавица моя!» Она обернулась, в русском платье — и на свете лучше нет! Вдруг Ипат испугался и едва с невестой расстался: «Ты не выйди за другого!» — «А срок у тебя на три дня».

Простились, и поехал с Ягой-бабой. Приезжают, недалёко до избушки, поднялась больша погода. А Яга-баба говорит: *«Знать-то,* в воду навали́т (лодку)». — «Нет, старуха, ты не бойся, я те честно довезу!» — Так и дальше проезжают, к другой избушке подъезжают. Там старуха выходила, жениха милости просила. Он в избушку к ней заходит: «Вот подарки от невесты!» — А старуха говорит: «Вези батюшке своему!»

Они недолго посидели. Он отправился пешком. Он подходит ко двору; старик выходит наяву! — «Что, Ипатушка, несёшь?» — «Гостинцы дорогие от невестушки своей». — Вся семья в избу сбежались и со смеху заливались. Он раздал всем подарки, а сюртучок на крючок. — «Ну, батюшка, надо делать свадьбу!»

Собралась скоро и свадьба. Запрягли они тройку лошадей и поехали к болоту. Приезжают к избушке; Яга-баба встречает, а жениха пуще всех привечает. — «Давай, садитесь все в *бат,* запевайте песню в лад!»

Приезжают к невесте, а жених идёт вперёд. Братьев горюшко берёт. Садят гостей за стол, угощают заморским вином. Напились гости вина и накушались. Складывает лягушка своё именье, берёт за руку жениха. — «Садимся на *бат!*» — А снохи смеются: «Кого он берёт, лягушку!»

Приехали к берегу, садятся на лошадей. Жених лягушку на колени; а дома стряпают пельмени. Подъезжают ко двору. Вся деревня собралась; спрашивают друг друга: «А где невеста у Ипата?» — «А вон попрыгивает за ним». — «Батюшки, кого берёт!»

Они заходят к отцу в дом, а мать и сердится ладо́м. Ипат заходит в комнату и заводит лягушку. Живо лягушка переделась в русско платье, сделалась красавицей — по всему свету не видать и в королевствах нигде не слыхать.

Собрались они к венцу, и выходят они из зала. Заглянул тут народ; а из слуху их говорили, что у Ипата невеста урод. Крик поднялся: «Хороша, Ипат, невеста! Только жить с братьями тесно». — Платье хорошего шелку, из дорогого, убра́то серебром; надели ей на голову наколку — вся убрата золотыми иголками.

Вот пошла у них пирушка. А по ихнему поверью на другой день должна молодая стряпать пирожки. Вечером Ипат уклался спать со своей женой, а свекровка и говорит: «А ты, молодушка, должна ведь завтра стряпать пироги: так у нас и ведется!» — Молодушка сказала: «Хорошо, будет готово!» — Вышла вечером молода, взяла квашню, вынесла на двор, опрокинула ее кверху дном. Легла сама спать.

Свекровка поглядела: что такое? — и говорит со старшой снохой: «Где же у ней квашня?» — «А она вынесла на двор на брёвна; опрокинула, стоит». — «Поставьте-ка сами квашню, хоть в задней избе! Она, наверно, стряпать не умеет!» — А эти снохи, в насмешку молодой, замешали квашню несеяной мукой: «Пущай хвалёная невестка испекёт им пироги — посадит пирожки, а вытащит покрышки на горшки! То-то у нас и будет смеху на молодую сноху!»

Молодушка ночью встала, побежала за квашней; наклала в печку дров, замешала себе квашню — и без опары, без дрожжей. А все еще они спят. Она наготовила булок и пирогов и нажарила-наварила; наставила на столы, закрыла скатертями из белого полотна.

Старуха соскочила. — *«Знать-то,* я проспала?» — Поглядела на столах. — «Кто это испёк? Удивительная штука! Старик, вставай-ка поскорей! Сроду не бывало на столах у нас пирогов! Погляди-ка, какие булки!» — «А кто это испёк?» — «Спросить надо снох!» — Старуха побежала, разбудила старшую сноху: «Ты что, стряпала али нет?» — «Я еще и не вставала!» — «А погляди-ка: на столах как убра́то у нас!»

Снохи испугались, смотрят на столах. Муж подходит молодой: «Вот так пирожки! Поглядите-ка, ребята! Вот моя жена испекла вам пирожки!»

Вот пошло у них гулянье. Залюбили молоду. — «Поедемте в гости к батюшке своему!» — Только сели они в саночки, и провалилась лягушка. Вот причина, отчего провалилась лягушка: а худа была *долгу́шка.*

32(67). СКАЗКА О ДУНЬКЕ-ДУРКЕ И ЯСНОМ СОКОЛЕ

[Перышко Финиста Ясна Сокола]

Записал М. И. Суряков

Жили-были старик да старуха. У них было три дочери: две дочери умные, а третья была Дунька-дурка. Мать у них умерла. Они стали жить с отцом. Когда отец поедет в город, две умные дочери заказывали обновы: одна — ленточку, другая — платочек, а Дунька-дурка заказывала купить себе Ясного Сокола. Отец нашел в городе от Ясного Сокола перышко и привез его Дуньке-дурке.

У них было у всех по избушке. Однажды Дунька-дурка *вечеровала* в своей избушке. К ней прилетел Ясный Сокол и подарил ей красивое платье, а сам улетел.

Однажды был праздник. Две умные сестры нарядились и пошли к обедне. Дунька-дурка тоже стала проситься в церкву. Сестры ей говорят: «Куда тебя такую черную! Сиди, знай, на печке, перегребай сажу!»

Когда сестры ушли к обедне, Дунька-дурка надела свое красивое платье, которое подарил ей Ясный Сокол, и пошла к обедне. Все люди в церкви загляделись на Дуньку-дурку; сестры тоже смотрели на нее. Когда от обедни воротились все, Дунька-дурка была уж дома.

Сестры пришли и стали рассказывать Дуньке-дурке, кого видели и в каком наряде. А Дунька-дурка говорит: «Не я ли это, сестры, была?» — Сестры ей и говорят: «Видать тебе! Такой быть красивой!» — Вечером прилетел к ней Ясный Сокол и подарил ей другое платье, лучше прежнего.

На другой день опять сестры снаряжаются к обедне. Дунька-дурка опять просится с сестрами к обедне. Сестры опять ей говорят: «Куда тебя такую черную! Сиди, знай, на печи, перегребай сажу!» — Дунька-дурка просит у сестер: «Дайте мне хоть гребешка, голову расчесать!» — Сестры бросили ей гребень прямо в голову.

Когда сестры ушли к обедне, Дунька-дурка надела еще красивее прежнего платье и пошла к обедне. Опять все смотрят на нее, спрашивают: «Откуда ты такая, красавица? Из какого города?» — Дунька-дурка говорит: «Я из того городу, где бьют гребнем голову».

Сестры пришли от обедни и рассказали Дуньке-дурке, кого видели и в каком наряде. А Дунька-дурка говорит: «Не я ли это, сестры, была?» — Сестры ей говорят: «Видать тебе! Такой быть красивой!» — Вечером прилетел к ней Ясный Сокол и подарил ей платье лучше и краше прежних.

На третий день опять сестры снаряжаются к обедне, и опять Дунька-дурка просится с сестрами к обедне. Сестры ей говорят: «Куда тебя такую черную! Сиди уж на печи, перегребай сажу!» — Дунька-дурка говорит: «Дайте мне хоть умыться!» — Сестры ей бросили мыло прямо в голову.

Когда сестры ушли к обедне, Дунька-дурка еще лучше прежнего нарядилась и пошла к обедне. На нее все смотрят, спрашивают: «Откуда ты такая, красавица? Из какого города?» — Дунька-дурка говорит: «Я из того городу, где бьют мылом голову».

Сестры узнали, что к Дуньке-дурке прилетает Ясный Сокол, поставили *ноженки* (ножи) на окошечке, тогда Ясный Сокол прилетел и сел на окошечко, то подкололся (накололся).

Он думал, что его Дунька-дурка подколола, и не стал с того времени летать к ней.

Когда пришла Дунька-дурка от обедни и увидала на окошечке кровь, то узнала, что её Ясного Сокола подкололи. Она пошла искать Ясного Сокола.

Шла, шла и дошла до избушки на курьих ножках. Дунька-дурка сказала: «Избушка, избушка, встань к лесу задом, а ко мне передом». — Избушка стала к лесу задом, а к Дуньке-дурке передом. Дунька-дурка зашла в избушку, а на *грядке* сидит Баба-Яга: одна нога у нее на полке, а другая на грядке.

Баба-Яга говорит: «Фу-фу, русского духу слышно! Кака́-то красна девка пришла. Я ее съем». — Дунька-дурка говорит: «Нет, не ешь! Сперва напой, накорми, спать уложи да спроси: чья? Откуда?» — Баба-Яга напоила, накормила Дуньку-дурку и спать положила.

Дунька-дурка выспалась, стала рассказывать, куда пошла. Баба-Яга говорит: «Ясный Сокол уж высватал у Бабы-Яги внучку. Она шибко злая и тебя съест». — Дунька-дурка говорит: «Я не боюсь ее». — И опять пошла дальше.

Шла, шла, опять дошла до избушки. Опять стоит избушка на курьих ножках и повертывается Дунька-дурка

сказала: «Избушка, избушка, стань к лесу задом, а ко мне передом».— Избушка стала к лесу задом, а к Дуньке-дурке передом. Дунька-дурка зашла в избушку и видит: сидит Баба-Яга, одна нога у нее на полке, а другая на грядке.

Баба-Яга говорит: «Фу-фу, русского духу слышно! Кака́-то красна девка пришла. Я ее съем».— Дунька-дурка говорит: «Нет, не ешь, а сперва напой, накорми, спать уложи да спроси: чья, откуда».— Баба-Яга напоила, накормила Дуньку-дурку и спать положила.

Дунька-дурка выспалась, стала рассказывать, куда пошла. Баба-Яга говорит: «Ясный Сокол женился на внучке Бабы-Яги. Она тебя съест».— «Я не боюсь ее».

Баба-Яга говорит: «Я тебе дам золотую прешенку (прялочку), серебряно веретешечко (веретено), золотое ведерышко да золотой жбанчик. Поди к Ясному Соколу и пряди на золотой прешенке!»

Дунька-дурка пошла к Ясному Соколу, зашла в избу и стала прясть. Баба-Яга услышала и говорит: «Фу-фу, русского духу нанесло!» И увидала, что на золотой прешенке прядет Дунька-дурка. Баба-Яга говорит: «Продай мне золотую прешенку!» Дунька-дурка говорит: «Прешенка у меня не продажна, а заветна, чтобы с Ясным Соколом ночь ночевать».— Баба-Яга говорит: «Поди хоть две спи».

Дунька-дурка пошла к Ясному Соколу, будила, будила его, не могла разбудить. Баба-Яга на него возложила сон.

Дунька-дурка пошла опять к Бабе-Яге. Пришла и говорит: «Я не могла разбудить Ясного Сокола. Она на него сон возложила».— Баба-Яга говорит: «Возьми золотые ведерышка, сядь и побрякивай; Баба-Яга услышит и прибежит, станет у тебя ведерышка покупать, ты не продавай, а говори: заветные».

Дунька-дурка опять пошла к Бабе-Яге и опять стала побрякивать ведерышками. Баба-Яга прибежала и говорит: «Продай мне ведерышка-те!» — Дунька-дурка говорит: «У меня ведерышка не продажны, а заветны: с Ясным Соколом ночь ночевать».— Баба-Яга говорит: «Хоть поди две спи».

Дунька-дурка пошла к Ясному Соколу; будила, будила его, не могла разбудить его, пошла опять назад.

Говорит Дунька-дурка Бабе-Яге: «Я его будила, будила, не могла разбудить».— Баба-Яга говорит: «На́ тебе золотой жбанчик. Поди да переливай воду из рога в рог».

Дунька-дурка пошла да и стала из рога в рог переливать. Баба-Яга прибежала и говорит: «Продай мне этот жбанчик». — Дунька-дурка говорит: «Не продажный этот жбанчик, а заветный: с Ясным Соколом ночь ночевать!» — Баба-Яга говорит: «Пошёл, хоть две спи!»

Дунька-дурка пошла; будила, будила Ясного Сокола, едва разбудила.

Дунька-дурка говорит: «Поедешь со мной?» — Ясный Сокол говорит: «Она нас поймает, дак ведь съест!» — Дунька-дурка говорит: «У меня есть *шеть* да кремень».

Они поехали. Уж далеко уехали, как услыхали, что едет Баба-Яга. Они бросили *шеть* — и стал густой лес. Баба-Яга не могла проехать, поехала взад, домой по топоры (за топорами). Вырубили лес, и опять поехала за ними.

Они опять услыхали; опять бросили кремень. Стала огненная река. Баба-Яга увидала и говорит: «Бросьте хоть мне сюда платочек!» — Они ей и говорят: «Ты нас съешь?» — Баба-Яга говорит: «Нет, не съем». — Они бросили ей платок. Баба-Яга стала на платок и утонула.

Они стали жить да поживать, да добра наживать.

Чудесная задача

33(77). МОРОЗКО

Напечатано в Пермских губернских ведомостях

Жил-был старик со старухой. У них была дочь. Старуха-та умерла, старик-от и сдумал жениться; взял Ягу-бабу с дочерью же.

Вот эта Яга-то баба не залюбила старикову-ту дочь, падчерицу-то.— «Старик, увези ее в лес! Мне,— говорит,— не надо ее!» — Старику-то жаль было ее, дочь-ту, да чё сделаешь? — «Садися,— говорит,— мила дочь, в сани!» — Ехали, ехали они по дороге по большой, нашли дорожку маленькую в лес. Старик и высадил дочку-ту из саней: «Поди,— говорит,— мила дочь, куды хочешь!»

Вот она и побежала. Бежала, бежала по дорожке-то, добежала до избушки. Зашла в избушку и стала жить. Вот поутру

Скачет Морозко
По ельничкам,
По березничкам,
По частым боркам,
По веретейкам:

— «Тепло ли тебе, красна девица?» — «Тепло, Морозушко, тепло, батюшка»[1].— Вот Морозко и нанес ей и хлеба, и скота, и живота — всего нанес.

[1] Слова эти говорятся плавно и нежно.— *Примеч. П. Вологдина.*

На другое утро опять

Скачет Морозко
По ельничкам,
По березничкам,
По частым боркам,
По веретейкам:

— «Тепло ли тебе, красна девица?» — «Тепло, Морозушко, тепло, батюшка». — Вот он нанес ей шуб и постелей и всего, чего надо.

Скачет Морозко
По ельничкам,
По березничкам,
По частым боркам,
По веретейкам:

— «Тепло ли тебе, красна девица?» — «Тепло, Морозушко, тепло, батюшка». — Вот он нанес ей золота и серебра и всякого именья. Стала она жить теперь богато.

Вот Яга-баба и посылает старика: «Поезжай-ка, старик, привези дочь-ту: замерзла, *знать-то*». — Старик и поехал искать дочь.

Ехал, ехал по большой дороге, нашел дорожку-ту в лес, свернул да и поехал по ней. Вот ехал, ехал, до избушки-то и доехал. Поставил лошадку, привязал к крылечку и зашел в избушку.

Вот дочь-та обрадовалась: «Ой, батюшка родимый приехал!» — Напоила-накормила его. — «Мила дочь, я, — говорит, — приехал по тебя: складывай именье-то, поедем домой!» — «Поезжай-ка, — дочь-та говорит, — приведи лошадок: именья-то у меня много!»

Вот он съездил, привел лошадок, склали именье-то и повезли домой. Подъезжают к дому-ту, — собака у них — такá сердита была — и лает:

Тяф-тяф-тяф!
Крестьянин дочерь везет —
Животы в коробейках
Стучат да бренчат.

Вот Яга-баба, мачеха-та, выбежала с ухватом, ну бить собаку-ту: «Лай, — говорит, — костки в лукошке стучат да бренчат!» — А собака все свое:

Тяф-тяф-тяф!
Крестьянин дочерь везет—
Животы в коробейках
Стучат да бренчат.

Вот старик привез дочь. Яга-баба рада, что именья много падчерица привезла, и говорит старику: «Старик, увези-ка мою-ту дочь в лес-от: не разбогатеет ли она!» — Вот он запряг лошадку и повез Ягишну. Ехал, ехал, до тые дорожки доехал и высадил: «Поди, куды хочешь!»

Вот она побежала по дорожке, до избушки-то добежала и зашла в избушку. Ночевала. Поутру

Скачет Морозко
По ельничкам,
По березничкам,
По частым боркам,
По веретейкам:

— «Тепло ли тебе, красна девица?» — «У, какое, Морозко проклятый, тепло? Заморозил!»[1] (Ягишна, то и есть.) — Вот он ещё подбавил морозу-ту маленько.

На другой день

Скачет Морозко
По ельничкам,
По березничкам,
По частым боркам,
По веретейкам:

— «Тепло ли тебе, красна девица?» — «У! Заморозил меня, проклятый! Эка стужа!» — Морозко опять прибавил морозу.

Вот на третий день

Скачет Морозко
По ельничкам,
По березничкам,
По частым боркам,
По веретейкам:

— «Тепло ли тебе, красна девица?» — «У! Проклятый! Совсем заморозил!» — Морозко еще прибавил морозу и заморозил ее совсем.

[1] Говорится грубо.— *Примеч. П. Вологдина.*

Вот Яга-баба и посылает опять старика: «Поезжай,— говорит,— старик, вези дочь-ту с именьем!» — Старик запряг лошадок и поехал. Ехал, ехал, доехал до дорожки и свернул в лес. Вот подъехал к избушке, привязал лошадок к крылечку и зашел в избушку. Зашел в избушку-ту, а Ягишна-то ровно кочень. Повалил он ее в сани и повез домой.

Вот подъезжает к дому-ту, а собака так и лает:

Тяф-тяф-тяф!
Крестьянин дочерь везет—
Костки в лукошке
Стучат да бренчат!

Яга-баба выбежала. Ну ухватом *водить* собаку-ту: «Лай: животы в коробейках стучат да бренчат».— А собака одно что:

Тяф-тяф-тяф!
Крестьянин дочерь везет—
Костки в лукошке
Стучат да бренчат!

Вот приехал старик: «На,— говорит,— дочь-ту!» — Била, била старика Яга-та баба, да ничего не сделаешь! Стали они жить с богатой-то дочерью, да и теперь живут.

34(42). ШЕЛУДИВАЯ ПЬЯНИЦА
[Поди туда — неведомо куда]

Рассказал Ф. Д. Шешнев

Была-жила шелудивая пьяница. Полёживает она на бочке, опохмеливается (кто придет). А у купца работник жил *годовой;* был *стрелец,* и у него жена была волшебница. Ему (купцу) эту жену охота было отбить у этого *стрельца.*

Посылает купец своих работников в кабак: «Ступайте, в кабак сходите: не расхвастается ли кто — уйти да не прийти куда?»

Приходят в кабак. Шелудивая голова пьяница на бочке лежит.— «Что, спишь или нет?» — «Опохмелите меня, тогда я вам скажу... Пусть приведет,— говорит,— льва, всем зверям зверя».

Купец и посылает *стрельца:* «Ступай, приведи мне льва, чтобы был всем зверям зверь!» — Тот приходит домой, прикручинился-припечалился. Жена его: *«Айдá,* милый сын! Не кручинься, не печалься! Нá тебе узду, нá тебе клубочек! Клубочек покатится — за ним все *айда!»*

Клубочек покатился, он за ним идет. Идет лев, всем зверям зверь; как рявкнул — весь лес повалился. Не сробел, на него узду надевает, повел этого зверя. И сколько есть в белом свете зверей, все пошли за этим львом. Сколько хлеба он примял-притоптал, сколько лесу притоптал. Описывает купец этому *стрельцу:* отпустить этого зверя обратно. Приходит, отпустил.

«Ну,— говорит,— теперь я тебе еще службу найду: от моего от родителя принеси рукописание!» — Он приходит домой к жене: «Опять на меня, несчастного, наложил службу!» — «Ну, напейся квасу, молись Спасу! Утро вечера мудренее! Ложись спать».— Встает он поутру. Дала ему два солдата и клубочек.

Клубочек катится, он за ним идет. Клубочек закатился в пещеру, упал. Пущает солдата туда: «Подать,— говорит,— вашего, а оттуда нашего!» — Отца оттуда выпихнули.

Отец начал рукописание писать сыну. Написал, передает *стрельцу. Стрелец* кричит в окно (в дырочку): «Подать нашего, возьмите вашего!» — Отца сталкивает туда, оттуда выпихнули ему солдата.

Обращаются они домой обратно; приходит к купцу, подает рукописание.

Прочитал; призывает опять этого стрельца: «Я,— говорит,— тебе службу опять нахожу».— «Какую?» — «Ступайте, лакеи, сбегайте в кабак! Спросите у шелудивого пьяницы: «Куды уйтить да не прийтить?» — Побежали.— «Шелудивая голова пьяница, спишь или нет?» — «Сплю и нет».— «Не знаешь: куды уйти да не прийти?» — «Знаю. Опохмелите меня!» — Они его опохмелили. Приходят.

«Ступай туды, не знаю куды; принеси то, не знаю что!» — *Стрелец* к жене. Жена вышила ему три полотенца с узорами и утром его отправила, дала ему клубочек. Этот клубочек покатился, он за клубочком. Закатился в теремочек: лежит старуха *агромадная.*— «Что ты шляешься?» — «Напой, накорми, тогда вести расспроси!» — Стала его кормить. Стал он руки вытирать, взял свой рукотерчик.— «А! зятюшка-батюшка!»

«Вот,— говорит,— надо сутки сидеть! Ступайте, лакеи, несите книгу!» — Принесли. Она двое суток не спала, не дремала, все прибирала эту книгу.— «Нет,— говорит,— зятюшка-батюшка, нету! Ступай к середней сестре: у ней этого нет ли?»

Поутру встает, пущает клубочек. Клубочек покатился; закатился в теремочек: лежит *тошнее* того старуха. «Что ты, молодец, шляешься?» — «Я не шляюсь; дело пытаю. Напой, накорми!» — Она дает ему руки умывать, дает рукотерчик.— «У меня,— говорит,— свой не маран!..»[1]

«Ах, это я не знаю. Знает у меня только Кот Котофеич. Ступайте, за ним пошлите!»

Послали за ним волка. Он отказался: «У волка,— говорит,— ребра прямые, я упаду».

«Пошлите,— говорит,— Мишеньку!» — Мишеньку прислали. Кот Котофеич сел на Мишеньку верхом, приехал.— «Ну, что тебе нужно?..»[2]

«Я,— говорит,— знаю все. Пусть он идет через калиновый мост... стоит избушка...»

В эту избушку заходит и скрикнул в этой избушке: «Стрышка-ярышка! Собирай на стол!» — «На сколько,— говорит,— персон?» — «На семь».— Стрышка-ярышка наставила. Закусывали со стрельцом.

Потом пошел с ним вместе. И стоит старичок у ворот.— «Ну,— говорит,— Стрышка-ярышка, дай *дёру* этому старику-то!» — Стрышка-ярышка послал дубинку, она давай этого старика *мыздачить*.

«Вот что,— говорит (старик),— молодец! Давай,— говорит,— сменяем: у меня есть дудочка, в один конец дунешь — сила будет, а в другой дунешь — хоромы будут. Сменяй мне на тоё, на дубинку».— Сменяли.

Приходит (домой). Не доезжает до своего дома верст 50, в один дунул конец — *сила,* в другой дунул — хоромы. Посылает посланников, чтобы ехал купец — встречал этого *стрельца.* Купец едет с женой с его уже (жену отбил у него). Приезжает, только подъезжает: «Ну-ка,— говорит,— Стрышка-ярышка, дай ты ему *дёр!*» — Стрышка-ярышка послал дубинку; она давай его катать, захлестала его до́ смерти.

---

[1] Тут пропуск, содержание коего ясно: старуха узнала по полотенцу, что это ее зять; тот объяснил ей свое дело.

[2] Пропуск: Коту объясняют, в чем дело.

35(13). ФЕДОР БУРМАКИН И ВАВИЛОНСКОЕ ЦАРСТВО

Рассказал А. Д. Аомтев

Жил-был царь и царица без короны. Выбирал он *ду́мших* сенато́ров, посылал по всем странам: не будет ли какой охотник в Вавилонское царство за царской короной? — Ду́мшие сенаторы искали по всем странам, нигде не нашли охотника. Один пошел по питейным заведениям. Лежал тогда Федор Бурмакин в кабаке пьяный. Сенатор сказал: «Федор Бурмакин, не желаешь ли ты в Вавилонское царство за царской короной?» — Федор Бурмакин на то сказал: «Опохмель меня, я готов буду, желаю ехать!»

Опохмелил его, приводит к царю Федора Бурмакина. — «Федор Бурмакин, — сказал царь, — что тебе нужно с собой?» — Федор Бурмакин назначил: «Мне что-де лучший корабь, три бочки пороху, три бочки серы горючей, три бочки селитры!» — *То* он взял с собой товарища — сенато́ра — и рабочих лоцманов и отправился в Вавилонское царство.

Приезжает в Вавилонское царство, приваливаются на пристань. Федор Бурмакин взял с собой сенатора, отправился в дом. Царство его отворяется на время: когда змей-*полоз* раздвинется, тогда отворяются и вороты (Змейланское царство). *То* заходят в комнаты они. Марфа Вавилоновна сказала: «Каки-те ветры сюды занесли Федора Бурмакина?» — «Царь послал меня к тебе. Каково ты поживаешь?» — «Милости просим! Садись со мной за стол покушать!»

Понаелись. Марфа Вавилоновна говорит: «Давай в пешки, Федор Бурмакин, поиграем! А играть не так: если три раз я тебя поиграю, я тебя пожру, а если ты меня три раз поиграешь, и ты меня жри!» — Первый раз поставили пешки, она его обыграла. Второй раз поставили, опять обыграла. Остается один раз. Поставили в третий; он со своего краю две пешки под стол спихнул и говорит, что «*пешельница* у тебя неправильная, затем ты меня и обыгрываешь! Есть у меня в корабле *пешельница* мраморная и пешки также нумерованные. Дозволь мне сходить, тогда я уже буду как *следно* играть, а на твоей я не согластен играть!.. Если, Марфа Вавилоновна, не веришь, возьми се-

натора к себе в комнаты! Я все-таки пойду, *пешельницу* принесу свою!»

То он сенатора к ней в комнату приводит, а сам пошел; по пути царскую корону взял с собой. Только добегает до пристани Федор Бурмакин, скричал рабочим: «Как можно поскорее от берегу отваливай!» (Сенатора уж оставляет тут.)

Очень долго Марфа Вавилоновна ждала; потом вышла на балкон, смотрит на́ море: они очень уже далеко едут.— «Ах он, подлец, ах он, *варнак,* как надо мной насмеялся!» — Заходит в ту комнату, где сенатор, его сейчас съела. *То* засвистела, загремела самая мелкая змея по *ухватищу,* прилетела.— «Подите,— говорит,— спалите его, подлеца, не пустите его на белый свет!» — Полетели они. Стали надлетать над кораблем, он живо выкатил три бочки селитры; зажигает селитру, всех прижег-припалил; кое-как две остались, отправились назад.

Прилетают, докладывают: «Марфа Вавилоновна, всех он нас прижег-припалил, кое-как мы отдалились!»

Тогда она опять засвистела, загремела, более того змей насвистела: «Подите, спалите; его на белый свет не пустите!» — *То* стали над кораблем надлетать, он выкатил три бочки пороху, всех их прижег-припалил; кое-как две отдалились, полетели назад. Прилетели с докладом: «Марфа Вавилоновна, всех нас прижег-припалил, кое-как мы отдалились».

То захотелось Федору Бурмакину отдохнуть. Привалился к берегу, начали себе обед, кашу варить. Попала Федору Бурмакину тропа; идет он по этой тропе, ягоды собирает и ушел от пристани далеко. А его рабочие тогда расположились на отдых спать. Эти змеи прилетели и всех их прижгли-припалили, этих рабочих, и весь корабь по бревну раскатали, по́ морю пустили. Федор Бурмакин приходит на пристань и видит: корабля нет, корабь весь прижженный; горе его ошибло, что никого нет.— «Куды теперь моя головушка *придлит*? ... Пойду теперь по этой тропе, куды она поведет меня?» (А корона у него хранится.)

Доходит он до *агромадного* дома; заходит в этот дом. А в этом дому живет Кривая Ерахта, Марфы Вавилоновны брат. Кривая Ерахта сказал: «Куда же ты, Федор Бурмакин, пошел — зашел в наш дом?» — «Я нечаянно пришел в твой дом. Прими меня с тобой жить в товарищи».— *То* Кривая Ерахта его принял, стали жить с ним

вместе. Кривая Ерахта ему сказал: «Не вылечишь ли ты, Федор Бурмакин, мне глаз? У меня один глаз не видит».— Федор Бурмакин сказал: «Есть у тебя олово?» — «Есть».— «Есть канаты?» — «Есть».— «Тащи мне *напáрья* и черпак! Потом тащи канаты!» — Притащил он канаты. Положил его на пол, примерил, навертел *напáрьей* дыр. Привязал он его на *варовинны* канаты.— «Ну-ка, Кривая Ерахта, поворотись,— говорит,— чтобы канаты повытянулись!» — Кривая Ерахта поворотился, канаты эти лопнули.

«Нет ли у тебя *силянны́х* канатов?» — «Есть».— «Ну, тащи мне *силянные* канаты!» (Те поздоровше будут.) — Притащил ему *силянные* канаты, *то* привязал он на *силянные* канаты. «Ну-ка теперь поворотись, Кривая Ерахта! Канаты пущай повытянутся».— Кривая Ерахта поворотился, весь дом ворочается, только канаты повытянулись, не лопнули.

Тогда сказал Федор Бурмакин: «Ты, Кривая Ерахта, кривой (глаз) *расщурь* (гляди кривым), а здоровый зажми!» — *То* он почерпнул черпаком олово, плеснул на все лицо ему оловом горячим.

Тогда Федор Бурмакин выбежал из комнат во *дворец,* а Кривая Ерахта как встрепенулся, канаты его лопнули. Выбежал Кривая Ерахта во *дворец* и спросил: «Федор Бурмакин, ты где?» — «Во дворе»,— сказал. Ходил по двору Кривая Ерахта, его искал и хотел его съесть. Тогда у Кривого Ерахты был слуга козёл; и он к козлу стал, Федор Бурмакин, привязываться. Привязался Федор Бурмакин к козлу, тогда козёл подбегает к Кривой Ерахте. Козёл как только заревел, в досаду Кривой Ерахте (что козёл ему еще прибежал досажать), тогда взял этого козла и выбросил за свой *дворец* (а двор у него был тыном устроен).

То он во второй раз спросил: «Федор Бурмакин, ты где?» — Федор Бурмакин сказал: «Я за двором!» — «Как ты туды попал?» — «Ты выбросил,— говорит,— меня с козлом».— «Хитрый,— говорит,— ты!» — Тогда он живо от козла отвязывался.— «Прощай,— говорит,— Кривая Ерахта, я уйду!»

«На́ вот, я тебе подарочек дам, *складень!*» — Федор Бурмакин брал правой рукой *складень;* тогда Кривая Ерахта сказал, что *«складень,* держи его!» — *Складень* его держит: если потянуть, рвануть, то должон он мне руку обрезать — *(складень* зажал руку крепко). Кривая Ерахта отворял ворота (поймать чтобы Федора Бурмакина). Федор Бурмакин видит, что он к нему подходит, не пожалел

свою руку, руку обрезал и ушел от него. Наконец сказал: «Ну, Кривая Ерахта, ты теперь вовсе слепой, а я хоть без руки, да вижу, куда идти!»

От этого двора тоже попала ему тропа; пошел он по этой тропе, доходит по этой тропе: стоит дом, Марфы Вавилоновны тут живет сестра. Заходит в дом, увидал он: Марфы Вавилоновны сестра.— «Здравствуешь, госпожа женщина! (Назвать вас не знаю как)». Сказала эта женщина: «Куда же ты отправляешься, Федор Бурмакин? Зашел в дикое место сюды!» — «Я заблудящий человек; не примешь ли ты меня с собой жить на место мужа?» — Она согласилась с ним жить, так же на место мужа держать, и они в год прижили мальчика. *То* Марфы Вавилоновны сестра говорит: «Теперь, Федор Бурмакин, живи как *требно* быть, по-домашнему: что мне,— говорит,— то и тебе дитё!»

То она улетала на побоище, его жена, а он сходил к морю и сделал себе плот. Она летела с побоища и плот этот увидала. Прилетает и говорит: «Что же ты, Федор Бурмакин, к чему же ты этот плотик исправил?» — Сказал Федор Бурмакин: «Что же ты какая неразумная! Вот у нас ребеночек есть, обс...ся, нужно пеленки помыть! На плотике лучше помыть пеленочки».— «А я думала, что ты хочешь от меня отдаляться на этом плотике!» — «Нет, я не буду отдаляться, буду жить!» — Тогда он плот оставил тут, а весло исправил, спрятал (чтобы ей не видать было). На будущий день она отправилась на побоище, наказала: «Смотри, от ребенка никуды не ходи!» — Только ее проводил, отправился скоро к морю, сел на плотик и поехал.

То ребенок заревел, и лес затрещал. Услыхала Марфы Вавилоновны сестра, что ребенок ревет, очень скоро воротилась домой. Прибежала, ребенка схватила, прибежала на́ море, на ногу (ребенка) стала, а за другую разорвала напополам. Она бросила эту половину, добросила до него, у него плотик начал тонуть. Кое-как он спихнул эту половину, потом отправился вперед, а она свою половину съела.

То он ехал — близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли — пристал, привалился опять к берегу; потом он пошел по *Уралу,* нечаянно приходит на такое побоище: выбито побоище в *печатную* сажень. Тогда Федор Бурмакин сказал: «Дождусь, кто сюды прибудет?» — Залез он на дуб и сделал себе лучок и начал делать стрелки. *То* приходит наперво к нему лев-зверь. Лев-зверь взглянул на дуб, уви-

дал Федора Бурмакина, сказал: «Федор Бурмакин, помоги мне окаянного Идолища победить, а я тебя в твое царство (в русское государство) доставлю!»

Приходит шестиглавый окаянной Идолище, взглянул на дерево, увидал (на этом дубу) Федора Бурмакина; сказал окаянный Идолище: «Если ты, Федор Бурмакин, поможешь лева-зверя похитить, я тебе половину золотой горы отдам!» — Сказал Федор Бурмакин: «Подеритесь вы сначала одни, я тогда на вас погляжу, которому помокчи!» — *То* Федор Бурмакин подумал: «Если мне Идолищу помокчи, куда мне половину золотой горы? Лучше я помогу леву-зверю: лучше пусть он меня доставит во свое царство!» — Скричали они ему: «Пособляй которому-нибудь, а то мы драться долго не будем!»

То Федор Бурмакин натянул свой лучок, пустил в Идолища, отшиб ему голову. И во второй раз пустил, другую отшиб; в третий раз пустил и третью отшиб. Стал лев-зверь уже одолевать его; а Федор Бурмакин натянул четвертый раз, четверту отшиб. Остается две. Остатки лев-зверь сам закончил. Он убил, лев-зверь, вовсе Идолища, сам вылез из шахты. — «Слезай, Федор Бурмакин, не опасайся! Я тебя не пошевелю!»

Федор Бурмакин слез с дубу, поздоровался с левом-зверем, сел на него и поехали. Добегают до белого камню. Сказал лев-зверь, что «я не могу тебя теперь в твое царство везти; на трои сутки дай мне отдохнуть здесь». — Федор Бурмакин сказал: «Чем же я буду трои сутки здесь пропитываться?» — «Вот ты этот камень лизни три раза, будешь тогда сыт, пьян и весел!» — *То* он лизнул белый камень три раза, и сделался — сыт, пьян и весел Федор Бурмакин. — «Можно проживаться мне!» — говорит. — Трои суток проходит, тогда лев-зверь встал, сказал: «Садись на меня и держись за меня крепче!»

То он привозит его в русское государство, а наконец сказал: «Ты, смотри, Федор Бурмакин, мною не хвастайся, что я на лев-звере ездил! Если ты мною похвастаешься, тогда я тебя не пожалею, съем!» — Приходит Федор Бурмакин к царю во дворец, а царь завёл пир на весь мир. *То,* в пьянстве, хвастались генералы войсками, а купечество хвасталось деньгами. Царь наказал: «Если кто в пьянстве помянет про Федора Бурмакина, того живого в могилу копать. (Он досадил мне шибко.)»

Тогда Федор Бурмакин сам сказал: «Ох вы, купечество, толстопузики *толстоголяхие,* вы хвастаетесь деньгами, — го-

ворит,— а вы бы,— говорит,— тем похвастались, кто на леве-звере ездил!» — Лев-зверь все равно как тут и был; сказал, что «Федор Бурмакин, был договор, что мною не хвастаться!» — Федор Бурмакин сказал: «Не я хвастаюсь, а хмель!» — «Где он?» — «Иди, я вот подведу!» — Подвел его к бочке, к вину: «Вот давай *лачи́* тут, лев-зверь, этот хмель!» — Напился лев-зверь пьяный и свалился. Федор Бурмакин тогда *скуртюжил,* связал его крепко.

Проснулся лев-зверь, сказал: «Кто меня связал?» — «Вот хмель связал тебя! Он может тебя и развязать».— Напился он во второй раз, лев-зверь; он его развязал. Потом проснулся лев-зверь развязан. «Ну, и верно, Федор Бурмакин, чем ты знаешь, тем и хвастайся теперь! Ступай,— говорит,— я поверил, что хмель может все сделать».

То приходит он к царю; сказал: «Ох вы, господа генералы, хвастаетесь вы войсками, а вы бы тем похвастались, кто в Вавилонское царство ходил за царской короной! И вот я предоставил царскую корону!» — говорит. *То* он развязывает свой суквояж и вынимает царскую корону, подает царю корону. *То* извинился царю, что я оплошал: корабь мой нарушили и народ весь сожгли, только я один мог сохраниться».— Поблагодарил его царь, наградил его деньгами.— «Куды знаешь, туды и ступай теперь, Бурмакин!»

Чудесный помошник

36(96). КНЯЗЬ КИЕВСКИЙ ВЛАДИМИР И ИЛЮШКА СЫН МАТРОСОВ

Записал А. Н. Зырянов

Начинается моя сказка сказываться от сосны, от Софьи, от курицы *виноходы* и поросеночка *чиступчетого.* Ну, слушайте:

В некотором было царстве, в славном Киевском государстве жил-поживал Владимир-князь — солнце Киевское. Задумал этот князь споженитися и засватал он за далекими землями, за широкими морями, за дремучими лесами, у премудрого царя Философа прекрасную дочь Марфу. Надо ехать ему по невесту. Вот и собирает князь Владимир всех князей, и бояр, и думных сенаторов на пир и беседу.

Шатался в это время по киевским кабакам и шинкам Илюшка-пьянюшка, матросов сын. Спрашивает он у своих товарищов, что это сегодня у нашего князя Владимира за пир и радость? Нельзя ли мне сходить посмотреть, как на царских собраниях пируют? Пошел он к царскому двору и близко *окони* сказал, что у нас князь Владимир был прежде солнце Киевское, а теперь он у нас горе Киевское.

Подслушали люди слова Илюшкины, слова небравые, и донесли о них князю Владимиру. Потребовал князь Владимир Илюшку на очи и стал он Илюшку спрашивати: «Что ты, Илюшка-пьянюшка, матросов сын, это *баишн* и меня горем Киевским славишь?» — Отвечал Илюшка-пьянюшка, матросов сын, князю Владимиру: «Засек ты дерево выше рук своих, не по себе невесту сосватал, мно-

го горя принесет она, если с собой не возьмешь меня по нее, то шибко будешь ты несчастный и неталантливый».— Князь Владимир не поверил Илюшкиным словам и велел посадить его в темницу темную, за караулы крепкие. Сам меж тем собрался со своими князьями, боярами и думными сенаторами и поехал по невесту в чужую даль далекую.

Дорогой наехали они на реку, через котору мост был сделан весь чугунный и большой. Когда хотели ехать они по мосту, то вдруг выбежали из-за реки три большущие быка и не стали пропускать их по мосту. Тогда-то князь Владимир узнал горе горькое и послал за Илюшкой-пьянюшкой, матросовым сыном, скорого посла. Приехал к нему Илюшка-пьянюшка и сказал: «Что, князь Владимир, вспомнил и меня при горе, при кручине? А при пире, при беседе я был не надобен».

Потом, увидавши трех быков, выдернул он из своей правой брови три реснички и бросил их на землю. Вдруг появились три льва, три зверя ярые, и бросились на быков и разорвали их на мелкие части. Тогда князь Владимир посадил Илюшку-пьянюшку рядом с собой в карету свою и поехали вместе по мосту.

Скоро стали подъезжать они под царство премудрого царя Философа, и Илюшка сказал князю Владимиру, чтобы он делал то только, что он, Илюшка, прикажет; а Илюшка-пьянюшка с князем был схож, лик в лик, волос в волос, глаз в глаз и оба ровны ростом.

По приезде в город остановились они на *фатере.* Марфа-царевна услышала о приезде своего жениха и послала ему гостинец, железный *кольчу́к,* весом двенадцать пудов. Илюшка-пьянюшка, взявши этот гостинец, вышел на улицу и, разорвавши *кольчук* надвое, бросил его царевниным конюхам.

Марфа во второй раз послала князю Владимиру своего коня дикого и *непросужого.* Илюшка-пьянюшка взял его и сел на него. Видели только, как он садился на него, а не видели, куда девался. Конь же стал Илюшку-пьянюшку носить на себе по чащам и по горам, так что свету Божьего не видел, и Илюшка-пьянюшка бил коня кулаком своим промежу ушей, так что пробил голову его до мозгу, отчего конь упал на колени и просил Илюшку человечьим голосом, чтобы отпустил он его живого. Илюшка соглашается, с коня спускается, берет его за повод и отво-

дит к царевниным конюхам.— «Эк как клячу дали вы мне, что не могла до двора довезти»,— сказал он им.

После этого сделали свадьбу, и скоро князь Владимир отправился в славный град Киев со своей молодой женой и своими князьями и боярами. Стал там он жить да поживать и царством управлять.

Я тут был да пиво пил, по усам-то текло, да в рот-от не попало; дали мне-ка синь колпак да начали меня из избы-то толкать, дали мне-ка щуку, и я двери-те не мог ущупать.

37(7). МИШКА КОТОМА КОНЮХ И КАТУН-ДЕВИЦА

Рассказал А. Д. Ломтев

У царя был сын, и он задумал его женить. Собирал *думших* и сенато́ров, посылал во все страны (по всем странам) народу собирать. Много народу съехалось — князьёв, и бояров, и простонародия.— «А что, мир православный, не знаете ли, в каких городах моёму сынку невестку *баску́?*» — И все отказались. Один из генеральских детей сказал: «Спросить нужно Мишки Котомы Конюха (об этом деле)».— За Мишкой послал царь. Он даром не идет: «Пущай царь мне выкатит бочку-*сороковушку* и 25 пудов калачей на закуску!» — Царь приказал выдать ему.

Мишка Котома приходит, бочку выпивает, калачи сжирает. Царь говорит: «Мишка Котома, не знаешь ли, в каких городах моему сынку невесту *баску?*» — «Невесту я очень хорошу знаю, только у тебя жених плох (против невесты)!» — Царь ему задал две *лизы,* он отправился на конюшню. Потом приказал всем князьям и боярам, чтобы прибыть на будущий день еще более того народу.

На будущий день съехались еще того боле. Царь подавал по чаре и по две и спрашивал: «Что, мир православный, не знаете ли, в каких городах моёму сыну невесту *баску?*» — Все отказались. Один из княжеских детей и говорит: «Ваше Царское Величество, спросить надо Мишки Котомы Конюха: он больше нас знает».— Царь на то сказал, что «он меня вчерась конфузил, не нужно его звать на совет!» — «Однако, все-таки он скажет, можно ли, не

можно ли за невестой ехать?» — Царь посылает за ним, чтобы прибы́л он на совет; приказал ему выдать бочку-*сороковушку* и 25 пудов калачей на закуску.

Бочку он выпивает, калачи сжирает, приходит к царю на совет. — «Ваше Царское Величество, невеста очень хороша, а жених у тебя проти́в невесты плох!» — «А можно ли за невестой ехать?» — «Можно, — говорит, — запрягай кареты! Я же ее привезу, окро́ме меня никто не привезет!»

Запрягли кареты, поехали за невестой. Приезжают в ее луга и видят: силы много навалено; богатырская голова отсечена поваливается. Мишка Конюх вылез, к голове подходит: «Что, богатырская голова, кто тебя победил?» — Голова ответила, что «меня победила Катун-девица». (Она богатырица.) — Мишка Котома садится в карету и едет вперед. Доезжает близ ее городу и видит: силы более того навалено; два богатыря убиты, и головы не усыпились, поваливаются еще. Подбегает к этим головам, спрашивает: «Кто вас победил?» — «Победила Катун-девица».

Подъезжают к ее городу. Устроен у ней сад на 20 верст; столбы были *чигунные*, тын был железный. Не захотел он в ворота ехать, выше себя тын подымал и столбы, и поезд пропущал. Потом поставил столб на столбе и сделал подпись, что «за добрым словом, за сватаньем». Сам начал по саду похаживать и яблони потаптывать (*грезить* начинает). Тогда видит садовник, что непорядки, бежал к Катун-девице с докладом.

Катун-девица смотрит с *поратного* крыльца в подзорную трубу, что их приехало много. Спустилась в нижний этаж к своему родителю: «Выдай ты мне богатыря, который действует стопудовой палицей». Богатырь приходит и говорит: «Что, Катун-девица, нужно?» — «Ступай, с ним не разговаривай, а на носок подымай, из саду их выбрасывай! Чтобы не было их в саду!» — Приходит богатырь и говорит: «Что, господа, заехали в наш зелен сад безо всякого упросу?» — «Мы с тобой, с хамом, не будем разговаривать! Разе с тобой потолкует вон Мишка Котома Конюх!» — Иван-царевич сказал.

К Мишке Котоме он подходит, боёвой палицей ударит по плечу и по другому. — «Ах, комарики полётывают, мои плечики покусывают!» — сказал Мишка Котома. — Мишка Котома обратился: «Не так, господин богатырь, *бра́туются!*» Ударил его по голове рукой своей — по колено тот в землю ушел и язык выпялил.

Катун-девица смотрела в подзорную трубу, удивилась. Спустилась в нижний этаж, к своему родителю опять. — «Выдай ты мне богатыря не хуже меня *а́ле* посильнее меня еще!» Богатырь приходит: «Что ты, Катун-девица, меня требуешь!» — «Поди, господин богатырь, таких невеж на носок поддевай, из саду их выбрасывай, чтобы не было!» — Очень богатырь был сердит; приходит, первую карету *фы́рнул* и за сад выбросил, не разговаривает.

Оглянулся Мишка Котома, что дело не ладно, подбегает к нему. Бил его богатырь по плечам. — «Пау́тики полётывают, мои плечики покусывают!.. Что ты, господин богатырь, не ладно *братуешься?*» — Ударил его рукой по голове — и он сразу по колено в землю ушел и язык выпялил.

Катун-девица видит, что дело не ладно, приказала своим кучерам карету запрекчи́. Положила подушки мягки, отправлялась в сад за женихом. Приезжала и низко кланялась: «Кто из вас мне будет жених?» — «Жених тебе не простой — Иван-царевич!» — «Иван-царевич, садись со мной в карету, поедем в мои палаты!» — Мишка Котома с ними же сел на запятки.

Приезжали в ее палаты; садились они за стол, она у него за ручку взяла, пожала — сделалось ему очень тошно, из руки и сок пошел. Иван-царевич вывертел у нее руку; потом она стала на его ногу — сделалось Ивану-царевичу тошно, весь почернел после этого. Видит, что жених плох.

«Иван-царевич, не желаешь ли: у меня есть такая забава — лучок, и не можешь ли ты выстрелить из моих хором?» — Сказал Иван-царевич: «Тащите, посмотрим, что у тебя за забава?» — Притащили эту забаву шестеро, как сильное бревно. — «Мишка Котома, можно ли мне позабавиться? Попытай, выстрели!» — Мишка Котома тотча́с подскочил, взял этот лучок, через коленки *жа́мкнул,* и он разлетелся на мелки части; *стрелять*ся нельзя в него больше. Она этому делу сдивилася.

«Иван-царевич, не желаешь ли — у меня есть конь, на им покататься?» — «Ну-ка, приведите коня, я погляжу — что у вас есть за конь?» — Привели коня. — «Мишка Котома, можно ли мне на коне проехать? Съезди на нем, попытайся!» — Мишка Котома вставал в *струмено́* и в другое, наконец плетью коня *ша́ркнул* (шабаркнул) — конь насилу устоял. Немножко отъехал, коня остановил, сказал

ему: «Если что я скажу, исправишь, так ты жив будешь, а не исправишь — так я тебя плетью сейчас убью!» — Конь на то ему сказал: «Что ты скажешь, я исправлю, только не бей меня!» — «Иван-царевич если станет на тебя в *струмено* и в другое, ты по щётку в землю уйди! Стегнет тебя нагайкой, ты на коленко пади, немножко отойди и во́ *корень* не пойди!» (Ходу как бы не будет.)

Приезжает к *поратному* крыльцу. Иван-царевич спрашивает: «Можно ли сесть на коня?» — «Не знаю, подо мной дюжит, как под вами?!» — Ивану-царевичу хотя и не хотелось садиться на коня, встает в *струмено* и в другое — конь по щётку в землю ушел, нагайкой хлестнул — он на коленко пал. Катун-девица смотрит, дивится на это дело. Немножко отошел и во́ *корень* не пошел конь (никак не пошел).

Слез с коня, начал коня под ж...у пинать. Конь идет, кое-как переплётывается. Подходит Иван-царевич: «Эх, Мишка Котома, сконфузил ты меня — велел на него сести, на такого коня! На таких конях у нас только маленькие ребятишки катаются! Не нашему брату садиться на такого коня!»

Мишка Котома сказал: «Не нужно нам твои лучки́ пытать и ко́ней ваших обучать, а — хошь добра, так садись, поедем в наше государство!» — Тогда она согласилась, запрягала карету, выкладывала свое имущество и попросила своего родителя проводить до русского государства с солдатами и с оружием, чтобы нас никто не мог похитить.

Приезжает в русское государство. Увидели солдаты, доложили царю: «Едут к нам какие-то неверные силы; что прикажешь делать с ними?» — Царь приказал: «Выпалите в них из холостых пушек! А если *подаваться* будут (не остановятся), заряжайте, картечами попужайте их!» — Не останавливался Иван-царевич, ехал все вперед. Заряжали они тогда картечами, попужали в них. Мишка Котома из кареты выскакивал, пули хватал, да и в них обратно бросал, царскую *силу* валил. Одумались, что это, не Мишка ли Котома едет? Погодите стрелять! Надо узнать, кто едет? Посланник приезжает. Приказал Мишка Котома встретить их с веселым со звоном, а не так, чтобы в них стрелять. Ударили по всем церквам, встретили их с веселым со звоном.

Наперво заехал он в монастырь; повенчался, потом к отцу своему в палаты отправился. Приезжают в царский дом, посидели, погостились довольно. Он ее в спальню

повел; ложились на такие кровати; наказывал Мишка Котома, чтобы лежать тихо и смирно сегодняшную ночь. Она (на) него наперво налóжила руку — задавила *чисто* его. Он выбился из-под руки, выскочил в колидор. Мишка Котома стоит-ждет уж тут. Она навалила на него ногу. Иван-царевич выбился, выбежал в колидор, сказал Мишке Котоме: «Я больше не пойду, она задавит меня!»

Мишка Котома подал ему три прута железных и три прута медных и велел ему: «Залезь наверх и спусти мне три прута железных, как я скажу: «Господи, спусти мне с небес три прута железных!» — Мишка Котома сам лег с ней на кровать. Она налóжила на него ногу, Мишка Котома сбросил, взял ее зá волосы, начал ее бить. Они дрались много время. Он сказал: «Господи, спусти с небес три прута железных!» — Иван-царевич подал ему в трубу. Он эти прутья исхлестал; сказал: «Господи, спусти еще мне с небес три прута медных!» И эти прутья он все исхлестал. — «Если так будешь делать еще, так я тебя не этак проберу!»

Посылает Ивана-царевича: «Ступай, теперь не пошевéлит». Иван-царевич приходит: она лежит, *раставрáлась (пристáла; ухайкал* он ее), ничем не может шевелиться. Ночь проходит; поутрý она сказала ему: «Иван-царевич, поди постреляй мне *дичятины!* (Я в своем месте всё *дичятину* жарю.)» — Иван-царевич ушел. Тогда она все на себе платье изорвала и в комнате все приломала; сама легла середь полу. Иван-царевич приходит, видит, что непорядки, сказал: «Кто тебя избил?» — «Избил меня Мишка Котома Конюх! На то ли, что ли, вы меня взяли?» — Иван-царевич объяснил своему отцу, что «Мишка Котома мою жену избил, и все на ней платье изорвал, и посуду всю приломал».

Царь на это осердился, приказал (солдатам) Мишке Котоме голову отсечь. Солдат наточил саблю, шел к Мишке Котоме Конюху. Приходит к Конюху, он лежал к подушкам ногами, закрылся глухо одеялом: у него не видать ни ног, ни головы. Солдат не рассмотрел, одеяло не сбросил, саблей рéзнул, отсек у Мишки Котомы ноги. Сбросил скоро Мишка Котома одеяло, солдат от него сдумал бежать, испужался. Скричал Мишка Котома: «Отчего ты мне отсек ноги? Скажи мне? За чего?» — Солдат сказал: «Не бей Ивана-царевича жену! За это тебе приказал (царь) голову отсекчи́. Счастлив, что только ноги отсек!»

Завязал свои ноги, отправился из его государства Мишка Котома. Пошел и сказал (Ивану-царевичу): «По-

мянешь меня, да тогда уж не будет меня у вас! Хватишься!» — Только вышел за город, идет слепой, плутает, не может дорогу найти. Скричал слепому: «Слепой, иди на мой голос, пойдем со мной вместе!» — Назвал его, слепого, большим братом: «Будешь ты большой брат!» Они отошли верст десяток, идет безрукий. Пригласили они безрукого с собой. Назвал его Мишка Котома середним братом. «А я буду у вас меньшой брат».

Дошли они (три брата) до Яги Ягишны; у ней попросили живой воды. Она сказала: «Подите, вот в этом колодце живая вода». — Слепой намочил глаза и сделался с глазами. Безрукий примачивал свои руки, и те выросли. Мишка Котома приказал тогда Ягу Ягишну обем им держать, сам залез в колодец, примачивал свои ноги. Яга Ягишна была сильная, этих двух молодцов по чаще тащила и била. Срослись у Мишки Котомы ноги, вылезал он из колодцу. Догонял он Ягу Ягишну, брал ее за́ волосы, где о́б сосну ее бил, где и о́б землю. Подтащил ее к своему терему, поднял у ней терем, взял ее под угол поло́жил, самоё её.

Тогда они отправились. Они шли близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, приходят до такого моря: у этого моря стоит терем, у этого терема стоит столб, на столбе подписана подпись: «Если один, одна ночь, а если троё, так три ночи ночевать». (А дальше не ходить; три ночи ночуй, потом поди!) Мишка Котома сказал: «Первая ночь *большаку,* вторая середнему, а третья ночь мне. Первой ночи прибудет трехглавый Идолище на коне, а другая ночь — прибудет шестиглавое Идолище, третья ночь — прибудет девятиглавый Идолище».

Большой брат пал перед ним на колени: «Мишка Котома, заступись, ночуй за меня!» — Мишка Котома сказал: «На́те вот вам карточки-самойгрышки: играйте, не заигрывайтесь, а я пойду на дежурство. Пошел, под дуб сел и в книжку читал. Дочитался до полночи. *Пригоняет* окаянный Идолище трехглавый. Сказал Идолище: «Я никого не боюсь! Боюсь только Мишки Котомы Конюха, а Мишка Котома неисцелен, без ног». — «Тепериче я исцелен, Идолище, привязывай коня покрепше, чтобы он не испугался наших побоищев, а то тебе и ехать не на чем!»

С ним оговорку поимел: «Смотри, чур до двух раз отдыхать!» Первый раз замахнулся, как *полы́снул,* сразу головы у него слетели. Тулово бросил в море, а головы его

под камень поло́жил. Отвязал коня от перилов, привязал коня к терему (к этому дому). Сам лег спать.

Проснулись братья, увидали, что конь стоит. *Бо́льшак* и говорит: «Моя ночь проведёна, сяду я на коня и уеду!» — Товарищ говорит, что и я поеду с тобой. *Счунулись* с ним драться: один не пущает, а другой лезет, драку *сучинили*. «Что мы деремся? Вот завтра он еще коня приведет, тогда мы поедем вместе!» Вторая ночь подходит; середний брат со слезами его просит, усердно: *«Айда́* ночуй за меня, Мишка Котома, братчик!» — Мишка Котома дал им карточки-самоигрышки: «Играйте, не заигрывайтесь! Я пойду, уж делать нечего!»

Сидел он под древом, читал книжку; дочитался до полно́чи. Гонит к нему шестиглавый Идолище. Конь у него *поткнулся*. «Что ты *потыкаешься,* какому врагу покоряешься?.. Я никого не боюсь, боюсь только Мишки Котомы Конюха, (а) он теперь без ног!» — Сказал: «Идолище, я исце́лен! Привязывай коня покрепше, чтобы он не испугался наших побоищев!» — Подошел к нему. Он и говорит: «Смотри, Идолище, до двух раз отдыхать!» — Первый раз как *полыснул,* и отшиб у него сразу все шесть голов. Бросил тулово в море, а голову под камень. Коня отвязал, привязал к терему, а сам лег спать.

Пробудились братья и видят, что два коня. Подбежали; второй приведенный конь получше. Безрукий на лучшего коня садится, а *большак:* «Я старшой, ты садись на коня на моего!» — Они *сучинили* драку. — «Что мы деремся?! Завтра он коня, может, еще лучше приведет! Мы получше выберем, сядем да уедем, а похуже ему оставим!» — Мишка Котома смотрел на них: «Не я один дерусь, и братья дерутся!» — Они передрались, легли спать и пролежали ночь (в ночи еще дело-то идет).

Рассветало. День проходит, опять ночь подходит. Теперь уж ему самому идти. Сказал Мишка Котома: «Смотрите, братья, на́те карточки-самоигрышки, играйте, не заигрывайтесь! Я вам пособлял и мне пособляйте!» — Ладно — хорошо. Сидел он под древом, до полно́чи дочитался. Девятиглавый Идолище к нему прибыл на коне. Конь его *поткнулся.* — «Что ты, конь, *потыкаешься?* Какому врагу покоряешься? Я никого не боюсь! Боюсь Мишки Котомы, а он не исце́лен, без ног!»

«Врешь, Идолище, я исцелен, тебя дожидаюсь, *побра́товаться* с тобой хочу!.. Привязывай коня к перилам покрепше!.. До двух раз, — оговорку поимел, — отды-

хать!» — Первый раз как махнул, шесть голов у него слетело. Сказал: «Стой, чёрт, у меня ногу трет!» («Погоди драться!») Снимает сапог, бросает в терем — у терема крыша слетела. (Чтобы пробудились братья, он за тем.) Заглядел ся Идолище; он махнул во второй раз и последние (головы) с него сшиб. Отвязал этого коня и сел на него. Подъезжает к терему, будил своих братовьёв: «Вставайте, братцы, будет теперь! Три ночи прошли наши, поедем в путь дальше!»

Подъехали они к терему. Из терема вышла девица, стоит и плачет. Сказал Мишка Котома: «Что ты, девица, плачешь, об чем больше?» — Девица на то сказала, что «я плачу об хозяине, об трехглавом (которого убили): он съедает по быку, а быки, — говорит, — преют» (после этого). — «Не плачь, — сказал, — девица! Мы его победили, и конь под нами!» — Девица в уста его, Мишку Котому, целовала и говорит: «Возьми меня замуж, всего здесь у нас довольно, навеки не прожить!» — «Не возьму я тебя, а который на вашем коне сидит брат, так вот с ним и проживайтесь, а мы поедем вперед!»

Они еще приезжают к другому терему. Из терема выходит девица, стоит и плачет. — «Что ты, девица, плачешь? Не плачь!» — «Как мне не плакать? Вот я жду хозяина, два быка заколола, а мясо преет!» — «Не плачь! Мы его победили, и конь под нами!» — Тогда она его в уста целовала и приговаривала: «Возьми меня замуж, всего здесь довольно, навеки не прожить!» — «Оставляю тебе я брата, который сидит на вашем коне; вот вы и живите с ним!» — А сам поехал вперед.

Сдумал он опять в русско государство на старо место ехать, к царю. Едет он царскими лугами, увидел конный табун. Приезжает в этот табун: Иван-царевич табун пасет. (Добился!) — Скричал Мишка Котома: «Здравствуй, Иван-царевич!» — Иван-царевич: «Здравствуй, уда́лый молоде́ц!» (Не узнал его, что Мишка Котома, молодцом назвал.) — Тогда Мишка Котома сказал, что «не подобается Ивану-царевичу табун пасти! Почему ты табун пасешь?» — Иван-царевич на то ответил: «Был у нас такой могучий, сильный богатырь Мишка Котома Конюх, взял мне невесту-неровню. Отца моего она убила и мать, а меня до того довела, что я не рад житью стал сам. Рано пригоню — бьет и поздно пригоню — бьет. А сама живет с *гулева́ном,* с королевским сыном». — Сказал Мишка Котома: «Вот Иван-царевич, если бы ты теперь увидел Мишку Ко-

тому, что бы у тебя было? Кака́ радость?» — На ответ сказал Иван-царевич: «Я бы у Мишки Котомы ноги вымыл и воду выпил!»

Мишка Котома сказал: «Вот, Иван-царевич, я самый Мишка Котома Конюх, садись на этого коня! Куды он тебя повезет, туды и ступай! Он повезет тебя к терему; из терема выйдет деви́ца (к третьему терему), вы с ней и живите; всего довольно вам будет! Не для тебя Катун-девицу брал, а для себя! Тебе править не доведется ею!» — Выбрал себе коня и вырвал себе хлыстик *трехсосенный,* трехверхо́вый, свил хлыстик. Пригнал в самые полдни. Тогда она с балкону грозилась, Катун-девица, на него. Тогда он поднимает хлыстик, погрозился на Катун-девицу, Мишка Котома Конюх.

Катун-девица догадалась, *милышу* сказала: «Дело не ладно, едет Мишка Котома Конюх! Нам обоим с тобой будет не ладно!» — Гулеван забросался по комнатам: «Куды же я деваюсь?» — «Сиди в стуле, не бойся! (Он не знает, что ты мой *гулеван.)*»

Он тогда с коня слез, приходит в комнаты. Сначала *гулевану* голову оторвал и выбросил за окно. Приказал кучеру: «Убрать, унести!» — Потом начал Катун-девицу с щеки на́ щеку *понюжать.* Катун-девица ему сказала: «Не бей меня, Мишка Котома Конюх! Чем меня увечить, я желаю лучше за тебя замуж идти!» — Сходили к венцу, повенчались. Завели пир на весь мир. Сам он стал государством править.

38(2). МАРФА-ЦАРЕВНА И ИВАН КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН

[Незнайко]

Рассказал А. Д. Ломтев

Жил-был мужичок. У него было три сына и три снохи. Одну сноху они недолюбливали. И этой снохе жить стало невозможно дома. Отправилась она в темные леса.

Ей время *то* пришло — родить сына. Родился у ней сын в *Урале.* Родился и спрашивает ее: «Почему же ты не в *жи́ле* меня родила, а в темных лесах?» — (Еще) сын про-

сить стал: «Нареки, мать, мне имя!» — Нарекла она ему имя Иваном.

Трои сутки тут пробыли, потом пошли в поход: «Не будем, мать, здесь жить: тут с голоду помрем». Нечаянно вышли с ним на трактóвую дорогу. Пошли с ним дорогой: «Не сойдем мы с этой дороги в сторону — где-нибудь в селенье *натакаемся*». Дошли до такого рову: выходят на них три разбойника, *нечестно* его мать взяли за руку и ведут под этот мост. Сказал Ваня: «Неужели вам моя мать достойна? Повели вы ее под этот мост?» — Тогда они *изматерили* его, мальчика этого. Мальчик не сробел: схватал их всех троих, ударил голова óб голову, и они остались тут.

Шли они *дивно* от этого места и увидели в стороне *агромадный* дом. Заходят в этот дом с матерью; в этом доме нашли белого хлеба там и *вáри.* Наелись они хорошо тут. Ваня ходил по комнатам и слышит: человек стонет; а не знает, где Ваня нашел *западёнку* (вроде как теперь *гóлбец*), отворил: там гроб и в гробу человек стонет. — «Кто тут такой?» — «Ты меня вытащи из гробу — я буду тебя сохранять!»

На гробу были натянуты три обруча железных. Нашел Ваня лом и сшиб эти обручи; скрыл крышку. Вылезает человек и раскрывает рот — хочет Ваню съесть. Ваня видит непорядки, взял его в охапку, опять положил в гроб и накрыл крышку — опять обратно. Принагнул коленко и натянул обручи: «Не мною положен, не мною и оставайся тут».

Пошел Ваня по комнате, увидел ружье и *припасу,* взял себе ружье. Матери своей говорит: «Я схожу по *Уралу,* не застрелю ли какý-нибудь себе *дичятину*». — Отправился. Матери сделалось жутко (тоскливо) сидеть в комнате, захотела разгуляться. Пошла она к этим самым трем разбойникам — к этому мосту. Приходит к мосту. Действительно, они очувствовались, сидят все на ж...ах. Увидели женщину, не отпустили ее — увели в свой дом; а этот самый дом был их, разбойницкий. Приходят, зарядили ружья и говорят: «Если придет твой сын, мы его застрелим, а тебя не отпустим». — «Дело ваше!» — *Наджидают* его. Сын пришел и глядел тайно в окно; они собираются его застрелить. Молодец рассмотрел. На том решился, что мать оставил тут, а им не показался — ушел от них.

Пошел по *Уралу* и *натакался:* стоит огромный дом. В этом дому никого нет. Походил по комнатам; в печь за-

глянул, видит: жаркого *латка.* Он и хлеба нашел, наелся как *требно* быть, зашел в особую комнату, лег на диван отдыхать. Не черезо много время Чудовище прилетел, ударился об *порáт* и сделался молодцом. Заходит этот Чудовище в свою комнату, видит, что *латка* на боку и поедено все.— «Ишь, а кто меня *огложал?* Если б я того раба видал, я бы и самого его сожрал!» — Заходит в особую комнату, увидел Ваню, разевает рот — хочет Ваню съесть. Одумался Чудовище: «Что я буду его, сонного, есть? Разбудить надо, расспросить: кто он такой, откуда есть? Из моих рук никуда не девается-де он».— Начал Ваню *нечестно* будить. Ваня сбросил глаза и говорит: «Дай мне воды и рукотер (умыться): я умоюсь и тогда буду говорить». Чудовище притащил ему воды и рукотер (утирку, по-нашему, или полотенце). Сказал Ваня: «Вот что, хозяин, я Бога шибко не спознаю: родился в лесу, а молился пню; прими меня в дети». Чудовище сказал: «Как тебя зовут?» — «А меня,— говорит,— мать нарекла мне имя Иваном».— Согласился и принял его в дети.

Стал Ваня проживаться с ним. Поутру рано Ванюшка завтрак ему *пригоношúл:* самоварчик и нажарил-напарил на него. Чудовище похвалил его: вот мне, *знать,* хорошая *жизь* будет теперь (завтрак *пригоношил* про него). Позавтракал Чудовище, собрался как есть, размахал свои крылья и улетел с *порату* (с *поратного* крыльца).

Ваня посмотрел на его сборы: размахал свои руки (как Чудовище) — хотел лететь — и пал на столб, расшибся весь. Повечеру прибывает отец, ударился об *порат* и сделался молодцом — как есть: кричал долго Ваню. Ваня нигде не оказывается, голосу не подает ему. Увидал Ваню на столбе; подходит Чудовище к нему: «Что ты, милый сын, так сидишь и голосу не подаешь?» — «Я по-твоему хотел лететь».— «Ну, прощу тебе первую вину; скоро тебя вылечу».— Сходил он в комнату и притащил бутылку *зельёв* ему. Наливал он враз ему три стакана. Тогда он почуял в себе силу непомерную, Ваня: был силён, а еще втроё сильнее того стал. Натащил говядины на ужин, нажарили-напарили и самоварчик поставили.

Поутру изготовил ему *завтрик:* тот еще спит. Чудовище встает и хвалит сына: «Надеюсь я на тебя, сын; доверяю я тебе ото всех амбаров ключи; только я не дозволяю тебе в одну конюшню ходить».— «Ну, когда не дозволяешь, так не пойду».— Наелся Чудовище, отправился неизвестно куды. Пошел Ваня по амбарам — глядеть, что есть

у него. Доходит до этой конюшни: а что, две смерти не будет, одной не миную — давай зайду в эту конюшню. Отворил конюшню: стоит богатырский конь и на огненной доске, прикован кругом цепями этот конь. *Сужалел* Ваня коня. Конь ему и говорит: «Послушай, Иван крестьянский сын: если ты сорвешь с меня эти цепи, сведешь с калёной доски, тогда жив будешь из-за меня!» — Свел его с доски. — «Поставь меня в эту конюшню, тащи ушат белояровой пшеницы и ушат мне воды». (Значит, он голоден.) «Ты ходи ко мне почаще, а своего отца спроси: когда он поедет за Марфой-царевной?» Тогда *улещался* Ваня около отца как можно лучше, ухаживал за ним и спрашивал его: «Когда же ты, тятя, поедешь — привезешь мне мать?» — Чудовище сказал: «Когда последний день я полечу, так тогда я тебе скажу».

На седьмой день отправился Чудовище, сказал: «Ты приготовь сегодня пищи побольше, да аккуратнее исправь, в *оградке* подмети: я тебе сегодня мать привезу!» — Проводил отца и побежал к коню, не стал и кушанье готовить. Приходит к коню и говорит: «Отец сегодня говорил, что привезет мне мать». Конь и говорит: «Я в тебе силы не уверился. Есть в таком-то амбаре стопудовая доска, столкнешь ли с места ты ее своей ногой?» — Ваня приходит, отворяет амбар, ногой своей пнул — доска полетела из стены в стену, забречела. Конь на это не *уверяет*. — «Можешь ли ты меня *сшибчи* своей рукой с ног долой?» — Ваня заходит с правого боку, *полыснул* его своей рукой — он на три *перевертышка* перевернулся и на ноги стал. Конь похвалил за это: «Можешь ты на мне сидеть и можешь ты мною править. Поди же ты теперь вот в этот амбар: тут есть золото и се́ребро; мажь свои волосы золотом, а по локоть руки серебром», и у коня (велел) вымазать гривку золотом, а хвост се́ребром. Посылал его в запасной амбар взять богатырское седло, уздечку, стопудовую боёвую палицу, перстень и перчатку. Тогда он собирался, садился на коня. Конь ему скричал: «Как можно крепче садись на мне теперь!» — Конь его бежал так: только три раза скакнул — и догнал этого Чудовища. Чудовище оглянулся и сказал: «Выкормил *во́рога* себе на шею». Ваня сказал: «Прощайся с белым светом — я кончу тебя, отца своего!» *Полыснул* его боёвой палицей и развалил его на три доли.

Конь сказал: «Смотри, Ваня, у Марфы-царевны-то завещанье: кто с верхнего этажу схватит *ширинку* — тот и ее

жених будет». Пустился конь; прибегает в русское государство. Конь взвился к балкону и выхватил *ширинку* с верхнего этажу.— «Хватай-лови!» — Такого молодца только и видели. Пустил коня в заповедные луга, себе сделал камышевый балаган.

У царя был семигодовалый бык, и было у него два зятя — он и велит им заколоть быка и сделать бал. Вывели быка семигодовалого, и эти зятевья не могут его удержать никак: *больно* силен он был. Ваня усмотрел, что они не могут его удержать, приходил к ним: «Братцы, что вы делаете? *Алй* быка охота заколоть?» — «Да, заколоть; да мы его никак не можем свалить».— «Отдайте мне *требушину* и кишки, я вам пособлю за это». Ваня заходит сбоку, *полыснул* глаза — и глаза у него вылетели: *успокоил* его сразу; за хвост дернул — кожа долой; по брюху ударил — и кишки вылетели. Тогда выбрал требушину, взял кишки, вымыл как следует, надел на голову — образовалась шляпа у него, а кишками руки обмотал свои, чтобы не видно было серебро им.

Взял он *лучок,* настрелял птицы много, Ваня; притаскивает к царю на кухню поварам: «Купите у меня *дичятины;* денег мне не надо, а мне дайте вина — ведра три водки (зе́лена вина я не пивал)». Они сдивились, доло́жили царю. Царь приказал: «Выдать ему: что за обжора такой — выпьет ли, нет ли?» — Ваня выпил и попросился у них на́ печь отдохнуть. Они дозволили. Наехало много князьёв и бояр и православного народу (простонародия) — жениха ждали. Марфа-царевна обносила водкой всякого — жениха нигде не оказалось. Она объяснила: «Вы приедьте завтра; завтра еще угощенье будет, больше сегодняшнего». (Не прибудет ли жених завтра?) — Повара тужат об этом деле: много *склоти* было, а жених не приехал. Ваня проснулся и говорит: «Не тужите, завтра он непременно прибудет».— «Как ты знаешь?» — «Он мне товарищ; я непременно ему скажу — он прибудет».— Тогда Марфа-царевна приходит на *куфню,* а этот самый Ваня отправился уже в свои луга. Тогда повара сказали: «Марфа-царевна, завтра жди непременно: жених прибудет к тебе».— «Почему вы знаете?» — «Был у нас *стрелец* — выпил три ведра водки у нас — и говорит, что прибудет: он мне товарищ»,— говорит.— Тогда сказала Марфа-царевна: «Чудаки вы эдакие! Простой мужик никогда не выпьет столько вина; непременно это богатырь какой-нибудь был у нас».

Поутру они готовились. Народу много съезжается. А этот Ваня опять настрелял *дичятины,* принес на кухню и просит только одну четверть водки — для веселья. Четверть выпил и выходил во *дворец* прогуляться. (Не идёт в комнаты.) Марфа-царевна по верхнему этажу всех князьев и бояр обнесла и выходила на двор тогда — подавала простонародию. (Вышла из комнат.) До него доходит и ему чару подает. И вот он бокал выпивает, а *ширинкой* Марфы-царевны уста вытирает. Тогда она его за ручку взяла, поздоровалась и в уста его поцеловала. Взяла его за ручку и вела в свои комнаты. Весь народ зъахнул, что он не шибко в *обряде;* выбрала себе такого жениха нехорошего.— Царь его спрашивает: «А что, братец, из каких ты родов и как тебя зовут?» — «Я не знаю».— Сколько бы царь ни допытывался, он все говорит: «Я не знаю, как меня зовут».— Марфа-царевна и говорит: «Стало быть, он нашего языку не знает; а раз *ширинка* оказалась с ним — стало быть, он мой жених: я желаю сходить к венцу и обвенчаться с ним». Сходили к венцу, повенчались.

Царь приказал своей дочери: «Ты водкой обноси — будут вас с законным браком поздравлять! А его в комнате оставь, чтобы над ним не смеялись — что он не в *обряде».* — Марфа-царевна водкой обносила и орешками, а сама слезьми уливалась, что мужа с ней нету (ей *бедно:* надо *обем* быть-то тут). Сметил царь: «Что ты так слезьми уливаешься?» — Та объяснила. Приказал царь обем подавать. Приходит она к своему мужу: «Вот что, Незнаюшка, мы пойдем со мной водкой обносить, а нас будут поздравлять с законным браком».— «Не хочу я водкой обносить! А ты мне самому закати ведер 7 водки!» — Царь приказал выдать: что — выпьет ли, нет ли, на *испытущу.* Приносят. Ваня водку эту всю выпивает. Приказал ей: «Поставь в караул дежурного, чтобы кто пьяного меня не похитил!» — Поутру разъехались все князья и бояре, мир православный; никого не осталось.

Утром присылает письмо богатырь: «Если царь не вышлет за меня свою старшую дочь, тогда я все царство порешу и *попелóчки* замету!» — Умные зятевья сошлись — два зятя — и говорят: «Тятенька, давай нам *силы* и орудие! Мы поедем воевать, а жен не дадим!» Марфа-царевна объяснила Незнаюшке: «Что тебя они не берут на совет? Богатырь требует старшую дочь, они хотят сами воевать, а тебя не берут!» — Он приказал: «Тащи мне четверть водки, с похмелья!» — Пошел в заповедные луга, свистнул

по-молодецки, гаркнул по-богатырски, конь его богатырский бежит — земля дрожит; в лево ушкó залез, в правое вылез — и *здрел* бы, глядел, с очей не спущал экого молодца! Надевал уздечку и богатырское седло, подтягал 12 подпруг шелковых: шелк не рвется, булат не трется, серебро не ржавеет. Садился на коня, бил его по бедрáм: конь его рассержается, по сырой земле расстилается; и он всего на три скока в половине дороги нагнал своих свояков.— «Стойте, мерзавцы! Что вам теперь — вас победить или за вас пристать?» — «Пристань за нас!» — «Что вы мне заплатите? Вырежьте мне из ж...ы по пряжке!.. Отправьтесь вы теперь домой, скажите, что богатыря победили!» — Сам отправился к богатырю. Приезжает. Богатырь лежит, как сильная копна. Богатырь отвечает: «Что ты, племянник! Брата моего *порешил* (Чудовище-то был брат емý) и меня хочешь, а я посильнее его!» — «Видишь ты зелен виноград и не знаешь ты, как его еще убрать! (Он себя зеленым еще зовет, молоденьким.) В поле съезжаются, родом не считаются! Давай *побратуемся!*» — Они на версту разъехались; катнул он богатыря и развалил его на три доли. Пустил коня в луга, а сам надел на себя требушиную шапку и обмотал руки кишками — как прежде — и идет в царские покои. Встретила его Марфа-царевна.— «Выдай мне четверть водки! Я, — говорит,— *пристал*». (На побоищах был, *дак* ведь как!)

На другой день требует еще другой богатырь то же самое: если вторую дочь царь не выдаст, все царство *порешу* и *попелочки* замету! Зятевья собирались на совет. Марфа-царевна объяснила Незнайке: «Что тебя они не берут на совет? Богатырь требует вторую дочь, они хотят сами воевать, а тебя не берут!» — Приказал: «Тащи мне четверть водки с похмелья!» — Пошел в заповедные луга, свистнул по-молодецки, гаркнул по-богатырски; конь его богатырский бежит — земля дрожит; прибежал, на коленки пал: «Что тебе угодно?» — В лево ушкó залез, в правое вылез — и *здрел* бы, глядел, с очей не спущал экого молодца! Надевал уздечку и богатырское седло, подтягивал 12 подпруг шелковых: шелк не рвется, булат не трется, серебро не ржавеет. Бил коня по бедрáм: конь его рассержается, по сырой земле расстилается; и он всего на три скока в половине дороги нагнал своих свояков: «Стой, мерзавцы! Ни взад, ни вперед вам дороги нету! Что вам теперь — вас победить или за вас пристать?» «Пристань за

нас!» — «По ремню из спины вырежьте!» — Вырезали, передали ему эти ремни. — «Отправляйтесь вы теперь домой; скажите, что богатыря победили!» — Сам отправился к богатырю. Приезжает. Богатырь лежит, как сильная копна: «Двух моих бра́тов убил и меня хочешь! А я посильнее их!» — «Черт силён, да воли нет! Видишь ты зелен виноград, да не знаешь, как его убрать; в поле съезжаются, родом не считаются! Давай *побратуемся!*» — Разъехались они на две версты; катнул он богатыря и развалил его на три доли. Пустил коня в луга, а сам надел требушиную шапку и обмотал руки кишками; идет в царские палаты. Марфа-царевна встретила его. — «Выдай мне четверть водки! Я, говорит, пристал!»

Переночевал. Поутру требует богатырь его жену, Марфу-царевну. *Умственные* зятевья сказали: «Тятенька, мы не пойдем! Лучше самоё её отправить, чем ей за дураком быть! Лучше будет она за богатырем!» — В слезах она попросилась у отца: «Позволь мне в последний раз проститься с Незнайкой!» — Приходит и плачет: «Ох ты, Незнаюшка, ничего не знаешь, ничего не ведаешь! Я пришла с тобой последний раз проститься: требует меня сильный могучий богатырь!» Он и говорит: «Тащи мне четверть водки, тогда я с тобой поговорю!» Принесла. Выпил и говорит: «Смотри, собирайся все-таки к богатырю! Выедешь в луга — есть налево камы́шевый балаган, дальше него не езди, а дожидайся меня у камышевого балагана!» — Она хоть и собиралась — радовалась. А Ваня отправился в заповедные луга, свистнул по-молодецки, гаркнул по-богатырски — конь его богатырский бежит — земля дрожит. В лево ушко́ залез, в правое вылез — и *здрел* бы, глядел, с очей не спущал экого молодца! Надевал уздечку и богатырское седло, подтягивал 12 подпруг шелковых: шелк не рвется, булат не трется, серебро не ржавеет! Садился на коня. — «Ох, — говорит (конь), — этот силен, тебе не устоять, против этого богатыря у тебя силы не хватит! Ну, да ладно, — говорит, — поедем к богатырю, попросим: не даст ли он тебе еще силы; если не даст, так скажи: не для́-ради меня, а для́-ради коня-веща́». (Меня, говорит, зовут: «коня-веща́», к старому хозяину он ездит-то.)

Живо садился, ехал. Приезжает; стоит в каменном столбу этот самый богатырь. Заявляется к нему, приходит в его лицо и говорит: «Здравствуй, господин богатырь!» — «*Откуль* ты, какой есть?» — «Я к твоей милости: не дашь ли ты мне силы?» — «С какой я тебе напасти

дам? Я тебя сроду еще не видал!» — «Не для́-ради меня дай силы, а для́-ради коня-веща́!» — «А что ты — конь-веща? Али ты жив? Явись в мое лицо, поговори со мной!» — Конь подскакал и говорит: «Здравствуешь, мой старый хозяин!» — «Здравствуй, конь-веща! Где ты столь долгое время проживаешь?» — «Я проживался у такого Чудовища, какого теперь едем победить; твоего сына (он) победил, у Вани силы не больше, чем у твоего сына: он его *порешит,* если ты силы не прибавишь ему!» — «Спасибо, — сказал богатырь, — что ты мне сказал: сына моего победил... Дам ему силы!» — Нацедил из своих ребер бутылку крови, подает ему и говорит: «Если чуешь в себе силы много, оставь и мне, не все пей!» — Ваня выпил эту бутылку и почуял в себе силу непомерную. (Нисколь богатырю не оставил.)

Приезжает — Чудовище-то уже близ Марфы-царевны, к камышевому балагану приближается. Приостановил богатыря: «Стой, Чудовище! Не в свое место едешь ты!» — «Убил ты моих трех братов — я посильнее их втрое!» — «Видишь ты зелен виноград и не знаешь ты, как его еще убрать! В поле съезжаются, родом не считаются — давай *побратуемся!*» — Разъехались они с ним на три версты. Полыснули один другого — оба по 12 часов мертвые лежали, без чувствия. (А Марфа-царевна сидела — плакала.) Незнайко наперед его встал и сдумал: у меня еще есть оборона — перстень и перчатка. Подошел к Чудовищу, перстень и перчатку нало́жил — его на три части ро́зорвало.

Подъезжал к Марфе-царевне. — «Видела, какое побоище? Теперь ты можешь мною похвастаться дома. За свояков я заступился, а то бы всю *силу* они загубили и сами бы не живы были; на что бычишко семигодовалый, и того не могли заколоть они! Теперь я приду домой — ты мне водки ведер семь закати, когда я пущу коня в луга». — Ваня подъезжает к царскому двору, скричал очень громко: «Я Чудовище кончил, за Незнайку заступился!» Свояки признают его и говорят: «Этот богатырь и за нас заступился». Марфу-царевну встречают с веселым со звоном. Ваня пустил коня своего в заповедные луга, а сам надел требушиную шапку и идет в царский дом. Марфа-царевна встретила его и закатила ему ведер семь водки.

Царь распорядился завести пир на весь мир — что его дочери остались дома. Съехались народу много — князьев, и бояр, и православного народу. Напились все; захвали-

лись эти свояки: «Мы своих жен не отпустили, сами убили богатырей!» — Марфа-царевна не выдержала и сказала: «Нет, кабы мой муж не помог вам, вам бы не убить! На что бычишко семигодовалый — и того не могли заколоть!» — «Что ты нас конфузишь?» — «Мне муж сказал; у него есть от вас по взятке — по пряжке из ж...ы да по ремню из спины!» — «Давай веди его к нам, мы с ним поговорим!» — Марфа-царевна приходит: «Незнаюшка, я тобой похвасталась». — «Вовремя похвасталась! Тащи мне четверть водки — мне повеселее с ними поговорить!» — Снимает с себя требушиную шапку и сбросил себе с руки кишки — волосики оказались в чистом золоте, а по́ локоть руки в се́ребре. Приходит: «Здравствуйте, тятенька и маменька! И вы, своячки, здравствуйте!» (У него и язык появился!) — «Почему хвастается твоя жена, что ты взятки взял?» — «Да, взял! Вот у меня ремни из ваших спин и пряжки! Видели: на голове требушиная шапка? Это из вашего быка; я вам пособлял!» — «Не ложно ли вы показываете? Вы бы приехали на коне, тогда бы мы поверили!» — «Да вот через минуту на коне приеду!» — Пошел в заповедные луга, свистнул по-молодецки, гаркнул по-богатырски; конь его богатырский бежит — земля дрожит. — «Съездим! Только одна проформа!» В лево ушко́ залез, в правое вылез — и *здрел* бы, глядел, с очей не спущал экого молодца! Накладывает на него уздечку, 12 подпруг шелковых: шелк не рвется, булат не трется, серебро не ржавеет. Садился на коня, бил его по бедра́м; конь его рассержается, по сырой земле расстилается; три скока скакнул — у царского дворца стал.

Подъезжает к царскому дворцу, скричал своих своячков: «Ну, своячки, как желаете — так *братоваться* или по-мужицки, пешком?» — Выходила вся свита, и дивились свояки, что, верно, он. — «Что мы будем с ним делать?» — Он слез с коня. — «Ну-ка, господа, вас двое, я один: давай, беритесь, берите меня!» — Они взяли его двое; он над ними подсмехался, все стоял. — «Что, братцы, разе так борются богатыри?» — И он их взял в охапку и резнул их; они не меньше 12-ти часов мертвыми лежали; откачивали их. — «Свой чин, — говорит, — пожалел, а то бы кишки из вас вылетели!»

Царь приказал считать его за старшего зятя и слушаться его.

39(10). ПЁТРА-КОРОЛЕВИЧ

Рассказал А. Д. Ломтев

Было у короля три сына. Старшего сына зовут Василий, середний был Ефим, а младший был Пётра-королевич. Сошлись они в комнату. Пётра-королевич и говорит, что ему уж время жениться, а отец и *большака* не женит! И сказал Пётра-королевич: «Пойдемте к родителю проситься — по чужим державам ехать». — Приходят все враз, перед родителем на колени стали. — «Что вы, мои дети, или что передо мной нагрубили — передо мной на колени стали?» — «Вот что, родитель! Не мне жениться, так к примеру, наперёд, а также уж нужно Василия-королевича вперёд женить! Пусти нас, родитель, по всем державам невест посмотреть!» — Сказал король: «Ненаглядные вы мои дети! Не только я вас по чужой державе, я по своей державе вас всех враз не пущу! Я должон жизни лишиться!»

Королева выходит, смотрит, что они на коленях перед родителем стоят. Король сказал своей жене, что «просятся дети по чужой державе ехать, невест смотреть. Королева также *рыхнулась,* уливалась слезами: «Не пустим!» — Король (сказал): *«Мать,* тоже русский царь таких же детей берет от отцов-матерей! Поочерёдно пустим мы их по чужой державе! То и сделаю я: жеребий на которого выпадет, того и пущу. А им всем время жениться!»

Жеребий кинули, выпал жеребий на Пётра-королевича, на малого сына. Большой брат с середним остаётся. Мать заплакала: «Неужели же ты долго проездишь, Пётра-королевич? Тогда я с тоски должна пропасть!» (помереть). — «Я долго, родительница, не буду быть! Скоро вернусь». — Король ему выдал своёго коня-любимца. «Этот конь тебя в обиду не даст, он тебя везде может выручить!» — Потом он заходит в конюшню, выбирает коня, надевает потнички, уздечку и богатырское седло и подводит к *поратному* крыльцу. Прощался он с родителем и с братьями. Только успел сесть на коня, распростился — только и видели они его (конь *больно шустрый).*

Приезжает он в разное королевство, пустил коня, сам сел на лужок; повесил голову: «Что я буду королю говорить?» — Конь к нему подскочил и говорит: «Пётра-коро-

левич, поди выхвастайся к королю, что я конюх, могу конный завод развести». — Приходит Пётра-королевич во дворец к королю, выхвастывается, что «я конюх, могу конный завод развести!» — У короля кони *вывалились,* ему конюха нужно. Доло́жили королю; король велел в палаты ему зайти. Обошелся он с королем как *требно* быть. Король по речьми его принял его к себе в конюхи. Дал ему несколько тысяч денег; поехал он в прочие державы, накупил ему кобыл и жеребцов. Пригоняет табун лошадей; очень королю кони понравились. Заводил он его в свои палаты, потчевал-уважал чаем.

После этого они вышли с ним в сад в *разгулку.* Закручинился король. Тогда ему Пётра-королевич сказал: «Что ты, господин король? Я вижу, ты в глубокой думе! Скажи мне, я твоему горю помог». — «Давно у меня родительница и сестра добивается, об чём я думаю; я им не сказал, а тебе скажу. Был я однажды у русского государя; у него есть единственная дочь; у него видал на стене потрет с неё снят, а самоё её не видал. И вот бы мне охота её живую посмотреть, как она есть, не потретом!» — Пётра-королевич сказал: «Это ведь пустяк для меня стоит! Я могу скорым времём ее украсть и тебе привезти в невесты!.. Да только ты мне, господин король, дозволь мне своего коня в твои конюшни привести; тогда я тебе скажу, когда поеду за невестой». — Король приказал: «Которая тебе конюшня *заглянется,* в ту и станови; давай корму, какого тебе угодно!»

Тогда он пошел в заповедные луга; только свистнул, живо конь прибежал. Поймал коня, поставил в конюшню, задал овса и сена, коня стал гладить, а сам повесил голову. Конь сказал: «*Алú* чем ты, Пётра-королевич, похвастался?» — «Похвастался я шуткой немалой, у царя дочь украсть королю в невесты». — «Для нас это плёвое дело! Поутру раньше вставай, беги ко мне, поедем мы с тобой воровать!» — Приходит он к королю, объяснил: «Завтра поутру я отправлюсь за невестой, ты утром выходи со мной проститься». — Утром на рассвете конь его заржал и в конюшне зашумел. Проснулся конюх, бежал скорее к коню; прибегает к коню, очень скоро собирался, подъезжал к *поратному* крыльцу; сказал дежурному, «чтобы скорее король выходил со мной проститься».

Только успел дежурный заходить, король проснулся, собирался с ним проститься. Выходил король: «Здравствуешь, господин конюх! Что тебе нужно?» — «Прощай! Хотя я и похвастался, а неизвестно, вернусь ли, нет ли?» (Кто его знает-то, что выйдет еще там?) — Пустил коня, только он и видел. *Ужастился* король, что конь больно прытко бежит; «если он приедет, я коня поторгую у него!»

Приезжает к царю, пустил коня на луга, сам сел на лужок, повесил голову. Конь подбежал, учит его: «Поди к царю, назовись садовником, сад устроить».— Пётра-королевич приходит к царю во дворец, назвался садовником. Царю доложили, что такой-то садовник: «Не желаешь ли своей дочери сад устроить?» — Царь приказал призвать его в свои палаты. Приходит в его палаты. «Если дозволишь мне сад устроить, я устрою скорым времём тебе. Не нужно мне твой народ, только место мне покажи, я тебе сад устрою один!» — Приказал царь ему за городом место показать, сад устраивать.

То он устроил в четверо сутки, приходит к царю. «Ваше Царское Величество! Получите сад! Посмотреть можно твоей дочери; знаю, что *поглянется!*» — Сказал царь, что «если она в сад прибудет, так тебя чтобы в саду не было!» — «Если, Ваше Царское Величество, меня не будет, цветы посохнут, яблони посохнут; тогда не понравится ей сад; а я буду, так всё хорошо будет!» — Тогда царь приказал и ему быть тут и встретить её. Он в сад приходит, дожидается её.

Она приезжает в сад со служанками; доводит он её до такого древа: «Вот, царская княгиня, с этого древа вы моги́те ягоды съесть, больно ягоды хорошие».— Приказала она служанкам съесть по ягодке *наперво.* Они съели по ягодке и повалились спать. Тогда царская княгиня: «Это что такое?» — «Это не на долгое время; ягода хорошая, на сон позывает... А ты иди, у меня есть у передних ворот древо очень забавное, смотреть на него любопытно» (покамесь они спят).— Потом конь прибегает в сад, сказал: «Пётра-королевич, не робей, сади её и сам садись!» — Они только и видели, мигом увёз царскую дочь к королю.

Царь явился в сад, нашел сонных служанок, начал их пинать нещадно ногами своими. А дочери нету! Встали от сну служанки. Он им говорит: «Где же дочь? Не с вами!» — Служанки на ответ сказали, что «мы и сами не зна-

ем». — «Это не садовник приезжал, а непременно *хитник*, дочь мою увёз неизвестно куды!» — Посылал по всем дорогам на розыски, дочь искать. Везде искали, не могли царскую дочь найти.

Привозит Пётра-королевич царскую дочь к королю. Вышел встретить король, поцеловал конюха. — «Скажи мне, господин конюх, что ты с меня возьмёшь за это — привёз ты мне её в невесты?» — «Не нужно мне с тебя ничё, только нужно твоё сердце успокоить (что ты бы жил в спокое)». — Король говорил: «Царская княгиня, подай ты мне белую руку, назовись невестой!» — Царская княгиня ответила: «Когда же ты меня привёз домой, теперь съезди к моему отцу: есть у отца большой сундук за тяжелыми замками, (в нем) подвенечное платье; привези его, тогда я подам тебе белую руку, назовусь невестой!»

Задумался король, посылал за конюхом. Конюх приходит. — «Не задачу тебе задаю, только высказываю: не подаёт мне невеста белую руку, а посылает к своему родителю за платьем; платье у ней в большом сундуке за тяжелыми замками». — Конюх сказал, что «мы украдем скорее и того, что и самоё привезли!» — Он пошел в конюшню, задал коню овса и сена, сам повесил голову. Конь его говорит: «Чем ты похвастался еще?» — «Похвастался я украсть подвенечное платье в большом сундуке за тяжелыми замками». — Конь ему тоже сказал, что «мы украдем скорее того; утром рано беги ко мне скорее!» — Ладно, хорошо.

Как до утра доживают, конь его заржал; он проснулся от сна и к коню скорее бежал. — «Долго, долго, Пётра-королевич, спишь! Надо ехать поскорее!» — Живо Пётра-королевич собирался, садился на коня и ехал. Подъезжал к *поратному* крыльцу, скричал дежурному: «Как можно поскорее, чтобы король вышел со мной проститься!» — Королю только доложил дежурный, король живо собрался, вышел на *поратное* крыльцо с ним проститься. — «Прощай, господин король! Хотя я и похвастался, а неизвестно, вернусь ли, нет ли я?» — Распростился, отправился к царю.

Приезжает в царские луга, коня пущает, сам сел на лужок, повесил головушку. Конь к нему подбегает: «Не печалься, Пётра-королевич, пойди ты на рынок, купи себе накладную бороду, чтобы ты сделался стариком». — Сходил на рынок, купил себе *окладную* бороду; тогда он по-

шел в царские полаты, к царю во дворец. Приходит во дворец; солдаты стоят, советуют, всё об дочери тужат. Старик к ним приходит. Старик с ними поздоровался: «Здравствуйте, господа служащие (солдатики)»,— сказал.— «Что, дедка, куды пошел?» — «Я пошел к русскому царю; я слыхал, будто бы царь *больно* добродетельный, старых людей допаивает-докармливает; не допоит ли он меня, не докормит ли?» Солдаты на то ему сказали: «Не до того ему! У царя большое горе, у царя дочь потерялась, и он тужит об своей дочери».

«Пущай он не тужит! Если он меня на совет позовет, то мы живо и дочь найдем!» — Тогда бежали солдаты, не один, а трое враз, с докладом к царю (обрадовались). Солдаты приходят в палату: «Ваше Царское Величество, дозволь с вами речь говорить об твоей дочери».— Царь от них отворотился. «Советуйте, что знаете, я слушать буду!» — Один сказал: «Приходит к нам старик во дворец, (просит) пропоить и прокормить; а мы сказали, что нашему царю не до того, что такое горе».— «Что если меня царь позовет на совет,— говорит,— так я его помогу горю и дочь разыскать!» — Соскочил царь, приказал скорее старика вести в палаты. Его подхватили под руки, ведут в палаты. Царь про него сам и *сту́ло* поддёрнул: «Садись, садись, старик!»

Старик говорит: «Ваше Царское Величество, покажи сначала, которое ты платье приготовил про свою дочь! Тогда я тебя буду учить дочь твою искать».— Царь вынул из своего кармана золотой ключ, отпер большой сундук, тащит платье ему. Сказал: «Вот, дедушка, это платье приготовлено подвенечное, еще на плечах у ней не бывало».— Старик сказал: «Положь это платье на место и иди как можно скорее ко мне на совет!» — Царь положил скоро платье, сундук не запер, прибежал к старику, сел в *стуло.* (Он тебя сейчас *оботкёт!)* — «Вот что, Ваше Царское Величество, прикажи сией минутой растворить *дворец* — забежит к вам во *дворец* конь; и вот этот конь, если он *словесно* вам не скажет добровольно, подожгите у него копыта; тогда он нехотя, да скажет! А покроме тебя никому не дастся; сам, Ваше Царское Величество, лови этого коня!» — Конь сею минутой забежал во дворец; старик поскорее посылает царя коня ловить.

Только царь ушел из палат, снимает конюх с себя *окладную* бороду, хватает скорее подвенечное платье и торопится из двора убраться. Тогда конь повертелся; царь приказал запереть вороты; не могли успеть запереть, конь выбежал. Царь воротился в палаты и кричал долго старика, докричаться не может. Царь посылает старика разыскивать, куды ушел? Найти его уж не могут. Он вышел за город, сел на своего коня — только (его) и видел!

Привозит к королю платье. Король его встретил с великой радостью (с платьем). Король сказал: «Господин конюх, что ты с меня возьмешь? Скажи, то я и заплачу за это!» — «Ничто с тебя не надо, только твое сердце успокоить мне охота!» — Платье приносит царской княгине и говорит: «Подай ты мне белую руку, назовись невестой! Я тебе предоставил платье!» — А царская дочь не подает ему руку: «Ты мне предоставь от родителя золотую карету подвенечную! Когда ты ее привезешь, тогда я согласна под венец, назовусь твоей женой!» — Король приказал призвать конюха к себе на совет. Приходит конюх. — «Что ты меня, господин король, требуешь?» — «Не я тебе службы накладываю, а только с тобой советую! Царская дочь не подаёт мне белую руку, не называется невестой, велит от родителя золотую карету предоставить еще!» — «Это мы украдем скорее и платья!» — сказал конюх. Тогда король его поцеловал за это опять.

Король сказал: «Господин конюх, не продашь ли мне своего коня?» — Конюх сразу ему отказал: «Сколько ли ты, король, богатый, сколько ли дом твой стоит и сколь у тебя денег — ничего не надо! И нельзя его продать, это у меня родительское благословенье; и не торгуй ты его у меня никогда».

Приходит к коню, задает сена и овса, сам повесил голову. «Что ты, Пётра-королевич, задумался? *Али́* чем похвастался?» «Похвастался шуткой немалой — украсть у царя золотую карету». «Поутру как можно поскорее вставай, то мы украдем скорее и платья!» — Ладно, хорошо. Приходит к королю. — «Поутру́ рано, как я *гаркну,* ты поскорее приходи ко мне проститься!» (А уже об нем розыски, его разыскивают, Пётра-королевича: долго он *проклаждается.)* Поутру́ рано встает, коня поймал, сел на коня, подъезжает к *поратному* крыльцу; скричал дежурному, чтобы выходил король поскорее проститься. — «Прощай, Ваше

Королевское Величество! Хотя и похвастался, а неизвестно, может быть, я и головушку положу тут?» — (А с сестрой со своей (король) разговаривает: «Кабы,— говорит,— (конюх этот) из богатого звания, так я бы пошла за него!» — А ему охота сестру эту взять.)

Распростился, отправился к царю; приезжает; пускал своева коня в луга, сам сел на лужок. И вдруг его брат едет, Василий-королевич, трактом. Живо Пётра-королевич надевал на себя *окладную* бороду, выходил на дорогу. Василий-королевич здоровался со стариком: *«Мир дорóгой,* старичок!» — сказал он.— Пётра-королевич сказал: «Здравствуешь, Василий-королевич!» — Василий-королевич: «Почему ты меня знаешь как звать?» — «Потому я знаю: я всех вас троих знаю, как тебя, так и меньшого брата, так и родителя знаю, и родительницу. Скажи мне подробно, куда ты поехал, Василий-королевич?» — «Я поехал своёго меньшого брата разыскивать. Все королевства объехал, только в русском государстве (у царя у русского только) не был».

Сказал Пётра-королевич: «У русского царя нету Пётра-королевича. Он служит службу последнюю, скорым времём прибудет к вам назад! Воротись домой! Последняя ему служба».— «Скажи же ты мне, старичок, где он проживается?» — «Нельзя сказать. Воротись! Что сказал, верно будет. А здесь его нету!» — Тогда Василий-королевич воротился назад.

Когда (Василий-королевич) из виду уехал, конь к нему подбежал; конь ему сказал: «Поди же ты на рынок, купи себе солдатскую шинель и мундир и срядись как есть солдат!» — Сходил на рынок, купил себе солдатскую шинель и мундир, приходит к царю во дворец. Толпится толпа солдат тут.— «Об чем вы, братцы, советуете?» — сказал пришедший солдат.— «Мы тужим об царской дочери: где найти ее?» — «А я, братцы, служил в таком-то городе; пошел по отставке домой; подбегает ко мне конь и говорит словесно: «Если царь отворит дворец, выкатят золотую карету и запрягут меня, тогда я им одночасно привезу царскую дочь!»

Они советуют: «Если нам царю, ребята, долóжить, царь нам не дозволит. Давайте сами выкатим! *То* мы привезем дочь; наградит он нас тогда всех деньгами!» — Выкатили карету, растворили *дворец.* Конь забежал во *дворец.*

Взяли золотую уздечку и хомутик, поймали коня, начали запрягать. Только запрягли коня, уговаривались, кому ехать; как есть запрягли, конь как вдруг взлетел, только его и видели: не успели и посмотреть, куды он убежал (не успели за ворота выбежать). Они гоняли по всем дорогам и спрашивали, что «не пробегал ли конь с золотой каретой?» — Нигде не могли его дойти. А царю доложили, что «конюха запрягли золотую карету, убежал конь с золотой каретой неизвестно куды».

Сгорюхну́лся царь пуще того; приказал карету запрекчи́ самому выехать — разгулялся с горя. Заехал он на такую гору, сдумал, что здесь *умоле́нный* монах живет; задумал царь его искать, этого монаха. Монах выходил из кельи. Царь к нему подходил, к этому монаху; подходил к нему и поздоровался. Монах сказал ему: «Что тебе нужно, царь?» — Царь: «Я хочу тебя, святой угодник, спросить об своей дочери: не знаешь ли, где она увезёна?» — Монах ему сказал: «Это все у тебя один мошенничает, из такого-то вот королевства, Пётра-королевич. Поезжай в это королевство, спрашивай у него: он тебе скажет». — Царь поблагодарил монаха, приезжал домой, отправлялся на розыски.

У короля были посланники (гонцы): «Если конюх везет золотую карету, *гоните* наперёд его ко мне: я сам встречу!» — Завидели гонцы, что он едет на золотой карете, катили на своих лошадях что есть силы — он их всех наперёд обогнал, наперёд представился их ко двору. Король выходил его встретить, в уста его целовал и говорит: «Скажи, что ты с меня возьмёшь, то я и заплачу!» — Сказал коню: «Ничто мне с тебя не надо! Только то, что сердце я твое успокоил, больше ничего!.. Поди сходи, король; если подаст она тебе белую руку, назовется твоею женой, тогда иди скорее ко мне!» — Приходил король, сказал: «Подала она мне белую руку, назвалась моей невестой, желает сейчас и под венец идти». — «Ну, теперь, господин король, прощай! Я домой съезжу».

Король его не пущает: «Я подал знать по всем державам и русскому царю. А когда свадьба отойдет, тогда я тебя и домой отпущу. А без тебя чего чтобы не было?» — Сказал Пётра-королевич ему: «Послушай, богатый король, *поку́льча* ты письма развозишь, я тем времём к родителю съезжу не надолго время и вернусь к тебе на

свадьбу (когда приедут к тебе гости из других государств)». — Король дал ему с своей руки золотой перстень именной. — «Если ты прибудешь (думает, что разным каким лицом), так я тебя по этому перстню узнаю».

Распростился с королем, отправился домой. Пустил своего коня, догонял русского государя около своёго города. Надевал на себя *окладную* бороду, догнал царя. Подогнал и говорит: «Здравствуешь, старичок!» — «Куды же ты, Ваше Царское Величество, поехал?» — «Я поехал вот в это королевство, спросить у Пётра-королевича об своей дочери: он у меня украл, неизвестно куды увёз». — «Экой он удалец!.. Поедем мы с тобой вместе: мои родители в этом же городе живут». — Заехали они в город, подъезжают к дому, сказал Пётра-королевич: «Здесь вот живёт, а мои родители подальше живут».

Царь заехал к королю во дворец; приняли царя в палаты (по-русски: в дом). Пётра-королевич приехал после, пустил скоро коня в конюшни, заходил в этот же дом свой; садился в разную комнату и слушал, что царь будет с королем говорить. — Король говорит: «Русский царь, зачем больше приехал ко мне?» — «Я приехал об своей дочери у твоёго сына спросить, у Пётра-королевича». — «А мы сына сами не знаем! По всем городам искали, сами не могли его найти!» — Тогда старик этот посылал лакея: «Поди сходи, не примут ли старика к себе на совет?» — Посланник приходит, говорит королю: «У нас приходит чужестранный старик» (они и сами-то не могут признать его: он в *окладной* бороде), «просится к вам на совет». — Король говорит: «Когда я русского царя провожу, тогда старика на совет позову!»

Живо снимал с себя *окладную* бороду, надевал на себя хорошее платье и являлся к отцу в комнату. Увидели своёго Пётра-королевича, все обрадовались. Царь сказал: «А я когда дождусь? Скажи ты мне, Пётра-королевич!» (Об своёй дочери.) — «Ваше Царское Величество, жди с часу на час: *пригонит* гонец, подаст письмо — поедем мы на свадьбу к королю! Твоя дочь у короля!» — Гонец приехал, письмо подает, зовет короля на свадьбу. Тогда царь просит как можно поскорее ехать. Живо лошадей запрягли в кареты и отправились к королю на свадьбу. Детей своих всех троих посадил король.

Приезжают. Всех король их принял. Царь говорит: «Скоро ли, господин король, мне дочь покажешь?» — «*Покуль* у меня конюх не приедет, я и дочь не покажу!» — Пётра-королевич усмехнулся, встал: «Здравствуешь, господин хозяин король!» — говорит. — Тот взглянул на его руки: золотой перстень на руке у него. — «Неужели же ты, Пётра-королевич, столько время служил, ты са́мой, мне даром?» — «Да, господин король, я!» — «Когда же ты мне невесту привез, не пожелаешь ли ты у меня сестру взять в замужество?» (А он из-за того и би́лся.) — Сказал Пётра-королевич: «Я из-за того старался, чтобы ты отдал за меня сестру!»

Король приходил к своей сестре в комнату, сказал сестре: «Соберись в хорошее *светное* платье, я запросватал тебя за Пётра-королевича, который служил у меня конюхом!» — Она живо собралась в *светное* платье, выходила к ним в комнаты. Поздоровалась со всеми и с Пётром-королевичем, за ручку. — «Не желаешь ли ты за меня, королевская княгиня, в замужество?» — «С полным удовольствием! Сейчас желаю под венец».

Царь сказал: «Скоро ли вы мне покажете дочь?» — Сказал король: «Сей минутой покажем тебе дочь». — Приходит к царской дочери, велел выйти с отцом поздороваться. Царская дочь выходит со слезьми́, с отцом поздоровалась. А царь много раз повторил, что «моя, и моя, и моя дочь!» — «Когда я посылала посланника Пётра-королевича к вам, не могли вы его изловить! Теперь уж я подала белую руку, назвалась невестой; теперь уж я, тятенька, не твоя!» — Отец благословил, и они сходили — оба повенчались. Пошел у них пир. Попировали и домой разъехались.

Чудесный предмет

40(87). ИВАН КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН

[Волшебное кольцо]

Напечатано в Пермских губернских ведомостях

Жил-был старик да старуха. У них не было робят. Вот старик умер. У старухи родился сын, и назвали его Иваном крестьянским сыном.

Вот он вырос. Выпросил у матери денег — купить уду — и еще копейку и пошел удить на озеро. Вот пришел к озеру, бросил копейку в озеро и начал удить. И наудил рыбы много. Стало темнеться, Иван и пошел домой.

На другой день опять Иван пошел к озеру удить — выпросил копейку. Наудил рыбы еще больше вчерашнего. Стало темнеться, Иван и пошел домой.

На третий день он опять пошел с копейкой удить на озеро. Наудил рыбы столько, что не мог унести, и просидел тут до самой полночи.

Вот вышел ночью-ту из озера бесенок, зовет его к себе в гости да и говорит: «Ежели тебя сатана будет потчевать, дак ты не пей и не ешь ничего, только проси у него перстень с руки».

Вот Иван сел на бесенка, поехал в озеро и приехал прямо к чёрту. Вот сатана и говорит Ивану: «Ты ходил к нам удить и дарил мне деньги; теперь мы за то тебя отпотчуем». — Иван-от ничего не стал — ни есть, ни пить, только просил перстень до трех раз. Сатана отдал ему перстень; Иван и поехал на бесенке домой.

Выехали на берег. Иван и сказал: «На что мне перстень-от? Он мне велик!» — Да и стал перенадевать с руки на руку. Явились ему 12 молодцов под один рост и воло-

сы; все в голос и говорят: «Что тебе надо, Иван крестьянский сын?» — Он и сказал им: «Вот вам работа — унесите эту рыбу ко мне домой!» — И наклал каждому по приполу. Пришли молодцы в дом и нагрузили рыбой целый угол.

На другой день Иван и говорит матери: «Мать, ступай к царю и высватай за меня его дочь». — Мать и говорит: «Что ты, дитятко? Со всем ли ты умом-то? Давно ли мы с тобой нищими были, а теперь пойдем сватать к царю!» — Иван-таки послал.

Ну, вот, мать-та пришла к царскому-ту дому — ее слуги-те и не пустили к царю-то, прогнали. Вот она на другой день тихонько попала к царю-то. Царь-от и спросил ее: «Куды ты, бабушка?» — «Сын, — говорит она, — послал меня свататься у тебя дочь». — «Я отдам за твоего сына дочь, да чтобы он сделал у меня в саду озеро: чтобы в нем было серебряно дно, вокруг этого озера были бы кусты, и на каждом кусте сидели бы птицы райские, пели бы песни царские!»

Вот старуха пришла домой — плачет; сказала Ивану: «Царь-от говорит, чтобы ты сделал у него в саду озеро — серебряно дно; вокруг озера были бы кусты, и на каждом кусте сидели бы птицы райские и пели бы песни царские — тогды-де отдам мою дочь за тебя».

Иван-от и говорит: «Что ты горюешь? Поди, мать, сегодня спи, завтра все будет готово!»

Вот Иван вечером-то вышел на крылечко, передел с руки на руки перстень — явились ему 12 молодцов. Он им и сказал: «Сделайте у царя в саду озеро, а в озере было бы серебряно дно; вокруг озера были бы кусты, на кустах были бы птицы райские, пели бы песни царские». Поутру царь пробудился и видит: в саду озеро — серебряно дно; вокруг озера кусты, а на кустах сидят птицы райские, поют песни царские.

Вот Иван опять посылает старуху свататься. Вот старуха идет — ее слуги под руки увели к царю. Царь спрашивает: «Что тебе, бабушка, надо?» — Она и говорит: «Пришла дочь твою за сынка свататься». — Царь и говорит: «Пусть у тебя сын-от еще сделает, чтобы был обед для всего моего войска, с прибором для каждого!»

Старуха пошла домой, опять заплакала. Пришла да и говорит сыну-то: «Царь-от говорит, чтобы ты сделал обед для всего войска, с прибором для каждого!» — Иван и говорит: «Поди, мать, спи!»

Вот он вечером вышел на крыльцо, передел с руки на руку перстень — явились ему 12 молодцов и говорят: «Что тебе надо, Иван крестьянский сын?» — Он и говорит: «Сделайте завтра у царя обед для всего войска, с приборами для каждого!»

На другой день царь встал с постели и увидел, что все готово.

Вот старуха пошла опять свататься. Царь и сказал ей: «Тогды я отдам дочь, когды сын твой сделает завтра собор и мост, и по нему были бы трутовары, а на дороге-то — красно сукно, по которому идти венчаться им».

Старуха опять пошла домой, пуще того заплакала. Пришла домой и рассказала все сыну.

Иван-от вечером вышел на крыльцо, перенадел с руки на руку перстень — явились ему 12 молодцов. Он и велел им сделать все, что царь велел. Царь пробудился утром и видит, что все сделано, как велел.

Вот Иван и царская дочь поехали венчаться. Обвенчались и поехали домой. Вот ночью легли молодые спать — царевна и спрашивает Ивана: «Как это все сделал?» — Он и рассказал, что «все я это сделал через перстень».

Когда он уснул, она и сняла с него перстень-от и пошла на крыльцо, перенадела с руки на руку — ей и явились 12 молодцов: «Что тебе надо, царска дочь?» — «Увезите меня за море к королю!»

Поутру Иван пробудился — царь его и спросил: «Где,— говорит,— моя дочь?» — «Я,— говорит,— не знаю».— «Ты, видно, ее убил! Я тебя посажу через три дня в острог!»

Вот Иван пошел на базар и увидел: несет мужик собаку продавать. Он и спросил: «Сколько за нее просишь?» — «Сто рублей».— Иван и купил собаку-ту.

На другой день опять пошел на базар и видит: несет мужик кошку продавать.— «Много ли,— говорит,— возьмешь?» — «Сто рублей».— Иван и кошку купил.

Вот уж срок пришел. Иван и послал собаку к матери, чтобы она запасла сухарей на три года. Вот и заперли Ивана в каменный столб. Собака носит ему сухари, а кошка по столбу подает; все сухари сносила. Тогда Иван и сказал собаке да кошке: «Подите вы за море к королю по перстень! Подласкайтесь к ним да и утащите перстень-от!»

Вот кошка да собака прибежали к королю за море. Собака стала служить в избе (т. е. на кухне): чё велят повару подать, то подаст собака. А кошка прислуживала в горни-

це: носила, чё велят носить служанке. Царице это *поглянулось,* она и стала брать кошку с собой спать.

А кошка сказала собаке: «Когда я перстень возьму, мы с тобой вместе и побежим домой!»

Царица ложилась когда спать, дак перстень-от в рот брала. Вот кошка и поймала ночью мышь, да хвостиком-то и ткнула царице в нос; царица-та счихнула, а перстень-от и выпал у ней из роту-то. Кошка схватила перстень-от да с собакой — дуй — не стой — побежали домой.

Добежали до моря и стали спорить, кому кольцо нести через море. Кошка и говорит: «Я понесу». — Вот села она на собаку-ту и говорит ей: «Ты у меня, смотри, не спрашивай, далеко ли берег!» — А сама взяла перстень-от в рот. Вот немного от берегу-то отплыли, собака и спрашивает: «Далеко ли берег?» — Кошка ничего не говорит. Отплыли еще, собака *вдругорядь* спрашивает. Кошка опять ничего не говорит.

Вот стали к берегу подплывать, собака и спросила кошку-ту: «Скоро ли, чё ли, доплывем?» — Кошка-та сказала да и выронила перстень-от в воду. Когда вышли на берег, кошка и стала ругать собаку: «Ах ты, весоухая! От тебя ведь уронила я перстень-от!»

Побежали они по берегу и увидели рыбака. Стали у него прислужничать. Рыбак и зарыбачил щуку. Вот стал чистить щуку-ту, перстень-от и выпал у нее из брюха. Он взял да и положил перстень-от в балаган на полку. Кошка это дело сметила, *подтибрила* перстень-от да дуй — не стой!

Прибежали к каменному столбу, а Иван уже доедает последний сухарик. Отдали они ему кольцо.

Вот он перенадел его с руки на руку — явились 12 молодцов; он им и сказал: «Разломайте столб!» — Когда разломали этот столб, Иван и сказал царю: «Вот где твоя дочь!» — А ее 12 молодцов привезли с королем на постели сонной.

Царь приказал расстрелять короля в воротах. А Иван крестьянский сын стал с царской дочерью жить да поживать да и теперя живут.

41(46). КОТ И СОБОЛЁК

[Волшебное кольцо]

Рассказал Ф. Д. Шешнев

Купил кота да соболька мужик. Посылает мать у царя дочерь сватать. Старуха приходит: «Я с добрым словом, со сватаньем!» — «Пусть он мне в одну ночь устроит церкву — и чтобы в пять часов ударили к заутрене!»

Приходит старушка к своему сыну, заявляет: «Милый сын, чтобы в пять часов была церква устроена — чтобы к заутрене *вдарить!*» — «Это, — говорит, — служба!»

Вышел ночью, в 12 часов, начал кольцо с руки на́ руку метать — живо кладется церковь. Церковь устроилася, в пять часов к заутрене заблаговестили.

Старушке *поглянулось.* Во второй раз опять идет сватать к царю. — «Пусть твой сынок вокруг моего дворца проведет канавы — в одной канаве пусть будет кисель, а в другой молоко!»

Приходит бабушка. Объяснила. — «Это не служба, а службишка! Исправим эти штуки!» — Царь приходит: точно — молоко и кисель.

Приходит старушка еще сватать. «Пусть твой сынок приезжает венчаться и сделает мост — на мосту сорок сороков столбов и сорок сороков огней!»

Царь свою дочерю к венцу отправил по этому мосту. Поехали венчаться.

Обвенчалися, потом легли они спать. — «Какие ты штуки творил! Чем ты это?» — «У меня кольцо есть этакое. Возьми». Это кольцо у него украла да от него и убежала.

Царь его спросил: «Дочери нету! Куды девал?» — Взял его да в столб заклал в каменный.

Прибегает кот да соболёк, царапаются в этот столб. — «Это кто такой?» — «Кот да соболёк!» — «Ступайте, мне разыщите мою жену и кольцо — кольцо она украла, моя жена».

Кот да соболёк побежали в иные земли, нашли ее. А в тех землях не было ни котов, ни соболька — этого зверья не было. Жена увидала: «Ах! Кот да соболёк! Из нашей земли прибежали!» — Приговорила их к себе. Они тому делу рады.

Соболька привязали на дворе, а кота пустили в избу. Кот всю ноченьку не спит, все нюхает. Искал, искал и нашел это кольцо в сундуке, на самом на дне.

Поймал кот мышку большую: «Я ваш весь род переведу, если вы мне не прогрызете это дно!» — Мышка говорит: «Сейчас». — Живо прогрызли дно, кольцо добыли ему.

Взяли они кольцо, с собольком побежали. Понесли это кольцо.

Поплыли; соболёк задохнулся да уронил перстень свой — выронил в реку. Рыбаки рыбу ловят, увидали эту собачку с котом и *пригаркивают* к себе. И солят эту рыбу — кишки выпаривают.

И нашли в этих кишках кольцо свое. С кольцом побежали, радёхоньки.

Прибегают. Начали царапаться в столб. Передают это кольцо в окошечко. Получил он кольцо, начал с руки на руку метать, столб стал разваливаться. Развалился — и жена бежит. Прибежала жена. Царь призывает свою дочерю к наказанию за глупости. Наказал.

42(68). СКАЗКА О КОТЕ И РЕШЕТЕ
[Волшебная конопатка]

Записал Р. П. Дудин

В неизвестной нам деревне жила старушка с сыном. Не знала старушка, почему-то своего сына прокляла. Сын ее провалился сквозь землю и нашел там *конопатку* с кошельком. Он начал рыть вверх и вырылся на свет Божий.

Вышел из земли он, пошел к избушке. Когда он вошел в избушку, то увидал на лавке свою мать и сказал: «Здравствуй, мамонька!» — С этого времени мать его возлюбила и хотела женить.

Однажды она спрашивает своего сына: «Кого ты, сын, возьмешь за себя взамуж?» — Сын в ответ на это сказал ей: «Мать, пойди и запряги кота в решето». — Мать послушала своего сына и запрягла кота в решето.

После того мать просила от сына благословение. Когда сын благословил ее, тогда она села в решето и поехала к царю.

Когда она подъезжала к царскому дворцу, то слуги не заметили старушку. Когда она проехала в подворотину во дворец, вышла из решета и пошла к царю.

Когда старуха пришла к царю и сказала: «Царь государь! Не выдашь ли свою дочь за моего сына в замужество?» — Царь сказал старухе: «Что у тебя есть?» — На то она сказала царю, что «у меня есть дом тысячный и денег несколько миллионов рублей. Причем: не дашь ли мне еще *четвертушку* деньги считать?» — Царь дал старушке четвертушку деньги пересыпать да считать и велел ей ехать домой.

Тогда старуха вывела кота из дворца, села в решето и поехала домой.

Когда она приехала домой, тогда *четверушку* положила в решето и говорит сыну: «Нет ли у тебя серебрушка?» Сын не сказал ничего, дал ей *серебрушку,* которую старуха заткнула за обручок *четверухи;* и держала ту четверуху три месяца.

Когда старушка поехала опять к царю, то сын ее пошевелил *конопатку* и кошелек, которой он греб землю, и стал таким молодцом, что такого нет на белом свете. Причем столько же и старушка помолодела и сказала сыну, что «я поеду за одним — свататься у царя дочь».

Поехала во дворец на коте в решете к царю. Когда она приехала к дворцу и пошла к царю, сказала: «Царь, великий государь! Я привезла тебе обратно четверушку... Ой, ой! Да еще у меня осталась за обручком кадушки серебрушка. Царь, возьмите ее за *подержку* четверушки!» — Услышал это царь, расмехнулся и говорит, что «разве у меня нет их?» — И отдал обратно старухе.

После этого старуха начала свататься у царя дочь за своего сына. Царь объявил старухе, что «я дотуда не выдам за сына ее, свою дочь, когда у них не будет проведена дорога от дворца царя до дому старухи, которая была бы в золоте».

Старуха уехала домой и сказывает своему сыну слова царя. Он, не задумавшись, пошевелил свою *конопатку* и кошелек, и тотчас же появилась от дому до дворца царя дорога несписанной красоты.

Увидав дорогу, царь согласился выдать за сына старухи свою дочь, и ехала бы скорей свадьба.

На другой день после свадьбы избушка у старухи стала по-прежнему на подпорах, в которой остались жить новобрачные.

43(56). ЧУДЕСНОЕ ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Рассказал Ив. Купреянов

Барыня жила раз. Ей понадобился работник. Наняла она работника и велела сходить ему на рынок — выбрать самых наилучших лошадей, откупить и привязать там их. Он купил, привязал и пришел к ней опять обратно. Она его спросила: «Ну, выбрал?» — Сказал: «Выбрал». — «Сколько стоит?» — «Три тысячи рублей». — Она ему подаёт три тысячи рублей: «Иди, выкупай!» — Он сходил, выкупил, привел, поставил их в стойло.

«На́ вот тебе ключ, вот от этого-то амбару! И выбирай там, какая тебе *поглянется* сбруя. Он сходил, выбрал; а дуга ему ни одна не *поглянулась*. Он приходит и заявляет: «Так и так, барыня, ни одна мне дуга не *поглянулась!*» — Она подаёт ему 10 рублей: «Иди купи на рынок». — Купил он.

Переночевали ночь. Утром встают, чаю напились. Она ему говорит: «Иди, кучер, запрягай коней!» — Кучер запрёг коней, подал к *поратному*. Потом она вышла; сели, поехали. Отъехали сажень с сотню, она говорит: «Кучер, стой! На́ вот тебе ключ от этого-то амбару. Там есть *тесяк*, ты его тащи!» — Он пришел, отворил, взял и несёт. Она видит, что он несёт. — «Клади, — говорит, — его назад, привяжи тут!»

Поехали. Ехали там много ли, мало ли, раз ночь застигла. Она сказала: «Придёт, — говорит, — узенька дорожка, ты остановись и разбуди меня!» — Ехал он много ли, мало ли, пришла узенька дорожка; он остановился и разбудил ее. — «Ну, что? Доехали, кучер?» — «Доехали». — «Ну, иди по этой дорожке, по узенькой. Когда доедешь там до *рыку*, и остановись!»

Потом он доехал, остановился, разбудил ее. — «Что, кучер, доехали?» — «Доехали». — «Ну, доехали, теперь станем здесь ночевать. Выпрягай коней!» — Кучер выпряг коней, привязал их. Поужинали. Потом она из этого *рыку* выкачивает зыбку. — «Вот, кучер, клади с собой тесак вот в эту зыбку; как сядешь в эту зыбку, влезешь — на́ вот тебе ключ. Когда я тебя спущу, тут прямо есть железная дверь; и ты отвори и нагребай золота. Когда там кто на тебя полезет, окаянные, что ли, и ты этим тесаком ограждайся!»

Он так и сделал. Когда она спустила, отворил дверь, стал нагребать золота; на него наскочили, он оградился этим тесаком — и никого не стало. Нагреб золота, запер также дверь, сел в зыбку, качнул за веревку — она его вытащила. — «Ну, что, кучер? Жив?» — «Жив, — говорит, — слава Богу!» — «Ну, теперь переночуем!»

Переночевали ночь. День прогуляли, ягоды пробрали да что. На вторую ночь опять посылает. — «Теперь, — говорит, — на́ тебе вот этот ключ. Когда я тебя спущу, направо есть железная дверь; и ты отворишь эту дверь, там свечка горит; ты подсвешник-от не тронь, а свечку-то возьми; нагребай драгоценного камня!» — «Ладно». — «Когда на тебя полезут, ты опять ограждайся тесаком!»

Он отворил дверь, нагрёб драгоценного камня и потом думает: «Что, — говорит, — она? Подсвешник золотой, дороже свечки!.. Да уж ладно: чего велела, то и возьму». — Склал всё в зыбку, сам сел, свечку положил в карман; качнул за веревку, она его потащила.

Дотащила до половины и кричит: «Бросай свечку!» — Он говорит: «Что так? Тащи наверх, тогда отдам!» — Она не дотащила его аршина полтора до верху и опять кричит: «Бросай!» — «Нет, не брошу! Когда вытащишь, тогда отдам!» — Он дело сметил, уперся в стену руками и ногами; зыбка на слабе́. Она опять повторила: «Не бросишь?» — «Нет, не брошу!» — Она взяла да пустила зыбку; сама легла.

Он тихонько вылез. Вылез, отсек ей голову. Вытащил эту зыбку, взял драгоценный камень и ее туда бросил. Переночевал, утром встал, запрёг коней и уехал.

44(3). ЦАРЬ-ДЕВИЦА
[Волшебная птица + Рога]

Рассказал А. Д. Ломтев

Старик пошел *стреляться*. Ему в этот день ничего не удалось. Он домой пошел — птичка сидит несъедобная. — «А чем мне даром домой идти, дай я ее застрелю!» — Приносит домой; старуха ругать: «На что ты птицу такую застрелил, несъедобную?!» — Старик птичку взял, на базар понес продавать. Купец видит, *подга́ркал* к себе его, говорит: «Продай эту мне птичку!» — Потом рассмо-

трел купец: под правым крылом написано у этой птички: кто головку съест, так будет царём, а кто сердце вынет из нее и съест, тот будет князём. Купец ему сначала дает сто рублей за эту птичку. Старик думает, что над ним смеются.— «Ну, что же, купец, да ты делом давай! По крайней мере не смейся надо мною!» — Тот ему двести рублей.— «Да ты что надо мной смеешься? Ты делом давай!» — Купец и думает: «Что уж его обижать! Получи,— говорит,— старик, триста рублей!» (А птичка всего с кулак.)— «Ну, давай деньги!» — Получил двести рублей; у купца ста рублей не хватает.— «Погоди, я к другу в лавку схожу, займу».— Купец ушел, а старик домой убежал — чтобы не отобрал он двести рублей. Купец — как знать, он где живет — запер лавку, понес остальные деньги старику. Купец идет; старик испужался: «Куды, старуха, спрятаться?» — «Спрячься в *го́лбец*» (под пол, значит).— Старик сидит там, а купец приходит, Богу помолился, поздоровался: «Где, старуха, у тебя старичок?»— «Конечно, у него одно ремесло, пошел *стрелять-ся*».— «Он недополучил от меня сто рублей. Как теперь?» — «Передай мне; я передам ему».— «Да ладно, не обмани, старуха!» — Передал старухе, ушел домой. Старуха говорит: «Ну, старый пес, вылезай!..» И сделались они рады этим деньгам.

А у купца жена худыми делами занималась (б...а). Купец приносит повечеру эту птичку своей жене и говорит, что «прибери ее на место; когда я ее прикажу тебе зажарить, тогда ты мне ее зажарь!» — По́утру чаю напился купец, ушел в лавку торговать. Купец уходит, *гулеван* к ней приходит. Она для *гулевана* самоварчик поставила и говорит: «У меня есть такая птичка,— не угодно ли тебе ее зажарить?» — «Принеси, я погляжу эту птичку! Какая эта птичка?» — *Гулеван* рассмотрел под правым крылом надпись... Она живо повару передает: «Поскорее зажарь эту птичку!» Он живо очаг затопляет и птичку изготовляет — зажарил ее в масле очень хорошо. Стал повар на тарелку класть... А у купца было два сына. *Большак* и говорит: «Повар,— говорит,— дай мне эту птичку, я люблю головки есть!» А меньшой говорит: «Когда ему головку дал, дай мне сердце!» Детям и достается. Купчиха притащила ему эту самую птичку. Гулеван смотрит: сердца и головки нет. И говорит: «Что я люблю, а того нету!» Посылает купчиху повара спросить, кто это мог съесть эту штуку — головку и сердце? Купчиха спрашивает пова-

ра.— «Большой сын головку съел, а меньшой — сердце».— Купчиха *гулевану* обратилась и говорит: «Это мои дети съели».

Гулеван на то сказал: «Если ты зарежешь своих детей, зажаришь, то я до той степени стану тебя любить, что меры нет!» — Купчиха приходит к повару и говорит: «Не пожалей моих детей — зарежь и зажарь их!» — Повар начал точить ножи, а *большак* и говорит: «Это к чему ты, повар, нож точишь?» — «Мать приказала вас заколоть и изжарить».— «Чем нас колоть (за то ты будешь отвечать), мы уйдем и домой не придем!» (Они были, стало быть, большие уже.)

Они собрались очень скоро, оба отправились. Ушли очень далёко, а хлеба с собой мало взяли — обессилели. Приходят к такой горе. *Большак* и говорит: «Брат, залезем на эту гору — не увидим ли где селения? Мы с тобой *оголожали,* есть нечего!» — Меньшой остался под горой, а *большак* залез на гору. И видит с горы *большак* такой город: много народу вышло на площадь. А в этом городе, значит, царь помер, и они царя выбирали. И они то *удумали:* поставили свечку — перед которым загорит свеча (сам от себя, когда он подойдет), тот и будет царь. И сколько бы из них ни подходило, ни перед кем не горит. Из них один увидал такого человека на горе — и сдумали за ним ехать. Приезжают на гору. Мальчик стоит, поздоровался с мужичком. Мужичок говорит: «Поедем со мной!» — «Я голоден!» — *Засовался* в карман, нашел крендель, подал мальчику, посадил его и увез. Подвозит его; подходит он к этой свече — свеча перед ним загорела. (Птичка-та доказывает.) Они скричали все: «Ура! Быть тебе царем над нами!» — «Господа! Когда вы меня поставили царем, у меня брат есть, под горой стоит; съездите за ним! Он голоден».— Разыскали и его, привезли. *Большак* сказал: «Вот,— говорит,— брат, я теперь наступил царём, а тебе быть передо мной князём!»

И вот они пожили эдак года с два — и сделалось брату его еще недовольно, что князём быть.— «Брат,— говорит,— пусти еще меня по белому свету погулять!» — «Неужели ты этим недоволен? Голоду разе не видал?» — *Большак* не мог его переспорить; приказал накласть ему сухарей в котомку — приготовить в отправку. *Покуль* приготовление было, он все шел; потом припасы вышли, он обессилел, сел под древо. А на этом древе ягоды хорошие.— «Дай-ка я с голоду закушу хоть ягод! Мне не луч-

ше ли будет?» — *Искусил* нижнюю ягоду, вдруг он поглядел на себя — поседел, стариком стал. Съел он вторую — оказались у него горба́ и рога у́ лбу; подобие на дьявола похож. Свалился, лежит под этим древом. И вдруг прилетают две птички, садятся на это древо. Одна птичка и говорит: «Вот ведь молодец,— говорит,— свалился! Если бы он знал достать верхнюю ягоду — он бы такой молодец стал, лучше старого!» — А другая и говорит: «Это ему еще недовольно; если бы он знал, подошел к ентому дубу; дуб этот сворачивается,— говорит,— а под дубом лежит чугунная плита, а под плитой ковёр-самолёт и золотая кисть; кистью этой он может *орудовать* уже всё!» — Достал он верхнюю ягоду, съел — и стал молодец лучше старого: *здрел* бы, глядел, с очей не спущал. А птички улетели с древа.

Потом он пошел, начал сворачивать дуб. Своротил дуб, отворотил чугунную плиту — и действительно, достал ковёр-самолёт и золотую кисть. Разостлал ковёр-самолёт и сказал: «Лети, ковёр-самолёт, в то государство, где царь-девица живет!» (Царством правит она сама, девица.) — Прилетает в его государство. — «Ковёр-самолёт, остановись!» — Собрал его под пазуху и идет городом. Доходит до пятистенного домику, заходит в этот дом. Живет в этом доме одна старушка. Старушка все равно как ему мать родная показалась, увидела его — обрадовалась.— «Вижу я, что ты с голоду; остановись у меня, и пообедай, и ночку переночуй! Пущай у тебя ноги отдохнут!» — Ночь приходит. Ужином она его накормила. Он и разостлался на лавочку: одну половину ковра-самолёта по́стлал под себя, а другу́ развесил.

Огни взяли люди (в потёмках) — прибыла к ней, к старушке, царь-девица.— «Ах, бабушка, гость-от у тебя хороший! Поставь-ка мне свечу, я буду списывать ковёр-самолёт!» (Срисовывать.) Срисовала этот ковёр-самолёт и говорит: «Ты, бабушка, на суточки еще его уговори! Я тебе втрое за это заплачу».— Переночевал ночку. Старуха утром приготовила ему завтрак хорошой и говорит ему: «Ты, милый друг, поживи у меня! Пущай у тебя отдохнут ноги!» — «Я подождать — поживу! У меня платить тебе нечем,— сказал молодец,— бабушка!» — «Ну, я не нуждаюсь твоим деньгам, только ты поживи со мной — мне веселее!» — До вечера доживает. Старуха и говорит: «Батюшка,— говорит,— на которой лежал (спал) половине (ковра-самолета), ту развесь, а которая на стене была (срисова-

на), на ту ляжь!» — Утром старуха опять ему завтрак изготовила, как *требно* быть, накормила, и он день опять ходит. Вечером накормила и говорит: «Ты вот что, батюшка! Тебе на лавке тесно, ты на пол расстелись, по крайней мере, поворотишься и все!» — Как он разостлал, уснул — царь-девица прибыла к нему опять. — «Ах, — говорит, — я края списала, — говорит, — а серёдку не видала». — Она начала потихоньку его содвигать и содвигать и содвинула его с ковра-самолёта, молодца этого. Царь-девица взяла завернула тогда этот ковер-самолёт, вышла на крыльцо, стала на него и говорит: «Ковер-самолёт, лети прямо в мои палаты!» (В мой дом.)

Поутру́ молоде́ц проснулся, хватился: под ним ковра-самолёта нет! И сел он на лавку, повесил голову. Старуха идет с улицы, увидала, что он кручинный. — «Что ты, батюшка, невесёлый?» — «В чужом месте я обокраден!.. Ну, бабушка, мне теперь рассчитаться нечем! Прощай!» — «Ну, ступай, дитятко, куды знаешь теперь!» (Не нужен и старухе стал.)

«Что делать? Когда она меня этак *обызъянила,* мне надо воротиться к этому дереву!» (Где ягоды он ел.) — Пришел к дереву, набрал этих трех сортов ягод (одна старая ягода, другая с горбами, а третья — молодцом быть). Явился он в этот город, где царь-девица. У царь-девицы есть ключ; служанка пошла за водой в этот ключ. Молодец усмотрел ее — увидал, что она идет, побежал напрёд, спустил хорошую ягоду сначала. Поддевает девица — оказалась в ведре ягода. Служанка эту ягоду съела, ей приятно сделалось; приходит — царь-девица ее не узнала, что она больно хороша сделалася, и спрашивает ее: «Умница ты, — говорит, — чья?» — «Что вы, — говорит, — царь-девица? Я, — говорит, — ваша служанка!» — «А отчего ты сделалась хорошей?» — «А вот, — говорит, — царь-девица, я пошла на ключ, попала мне такая ягода — я съела ее и сделалась потом хороша». — Царь-девица посылает ее во второй раз: «Ступай-ка! Не подденешь ли мне?» — Служанка идет; молодец увидал, что она идет, побежал вперед, спустил две ягоды враз. Поддевает служанка не одну, а две ягоды. — «Чё желала, так то и получила, — говорит, — видно!» — Приносит, передает царь-девице: «Вот, — говорит, — я тебе поддела две ягоды!» — Царь-девица приказала ей самовар поставить; «С чаем я, — говорит, — буду пить, так тогда буду и есть». — Перед чаем съела царь-девица одну ягоду и смотрится в зеркало: «Что, — говорит, —

поседела, постарела!» — Забранилась на служанку: «Что ты, подлая, со мной сделала?! Я теперь старуха стала! Меня не примут в *Сеноте!*» — Служанка говорит: «Съешь другую — не лучше ли будет тебе?» — Съела она другую — полезли из нее рога и горба. Потребовала она *дохтуров — дохтура* ничего не могут с ней сделать. Наконец, она обещанье дала: «Кто бы меня вылечил, за того я и взамуж пойду! Дайте знать по всему царству! Хоть бы пришлой какой-нибудь вылечил».

Молодец узнал это дело, съел старого положения ягоды и сделался стариком. В дом к ней приходит и говорит: «Я тебя вылечу. Что ты мне — как заплатишь или *обвет* у тебя какой?» — «Дедушка, если ты меня вылечишь, я за тебя замуж пойду!» — «Подпишись под это дело!» — Та подписалась. Он подает ей ягоду. — «Да ты что мне подаешь? Еще хуже буду?!» — «Ешь, — говорит, — хорошая будешь!» Она съела и сделалась лучше старого, красивая сделалась: здрел бы глядел и с очей не спущал. — «Пойдем в *Сенот:* закон дозволит ли с тобой венчаться?» (Взад *пяткú* уж!) — В *Сенот* приходит, она и говорит: «Господа судьи! Вот старик меня вылечил, я ему подписалась, чтоб с ним замуж идти; закон дозволяет ли, чтоб с ним венчаться?» — Господа генералы и говорят: «Если, государыня, ты повенчаешься, мы тебя не поставим в царицы, потому что муж у тебя будет старый, семьдесят лет! Ты его рассчитай деньгами лучше!» — А старик деньги не берет: «Ты обвещалась за меня замуж, мне деньги не надо!» — «Когда деньги не берешь, мы тебя отсюдова не погоняем; а ты, царица, *ступай* домой!»

Когда она пошла домой, он вынимает из кармана золотую кисть и говорит: «Когда была ты девица, исправься ты теперь кобылица! А вы, генералы, когда были молодцы, теперь исправьтесь все жеребцы!» — Махнул своей кистью — и они все исправились жеребцами. Садится на эту кобылу, а жеребцы за ним побежали. Приезжает к брату в царство свое. Стал он на *фатеру,* не к брату (с табуном-то) *наперво.* Сказал: «Погоди, господин хозяин, я схожу к вашему царю: не возьмет ли у меня лошадей?» — Идет к брату, съел хорошую ягоду и сделался как быть молодцом — чтобы брат его мог признать, значит. Тогда брат увидел его, обрадовался, что брат пришел к нему обратно домой. Брат своих служащих потребовал — поставил для него живо самовар; стали чай пить.

Старшой брат и говорит: «Брат, был ты по всем городам; нет ли хорошей невесты? Я собираюсь жениться».— «Ох, брат, хорошу я тебе невесту привез,— говорит,— да она у меня на *фатере*».— «Да что ты, чудак, прямо не вел?» — «Есть,— говорит,— брат, у меня там еще жеребцы, не хочешь ли ты купить их у меня?» — «Веди их сюды! Что ты, чудак, там на *фатеру* стал?! Веди и невесту: чай пить станем вместе с ней!» (Еще как *поглянется* невеста-та.) — Брат пошел, отвязал кобылицу и жеребцов, приводит их к *поратному* крыльцу, становит всех рядом.— «Иди, брат, как *поглянется* ли невеста? Потом я в комнаты могу завести!» — С братом вышли на двор.— «А где невеста?» — «Вот, брат, с краю-то стоит кобылица — вот тебе и невеста!» — «Да что ты, брат, смеешься надо мной? Разве подобает мне на кобылице жениться?! Если бы не брат был, так я бы тебе и голову сказнил за это!» — «Неужели ты не веришь, что это тебе невеста? Если хочешь, то я тебе сейчас на практике покажу, что она будет тебе невеста».— Он вынимает из карману кисть, махнул кистью и говорит: «Была ты теперь кобылица — исправься по-старому девица!» Махнул кистью: «Когда были вы жеребцы — исправьтесь по-старому молодцы, кто как был!» — Все исправились молодцами. Царь говорит: «Идите чай пить с нами теперь!» *(Согластен* уже замуж брать ее.) — Чаю попили, согласился он ее взять замуж, повенчался с ней, и пошла у них пировка.

Пожил он (князь этот) много ли, мало ли время, стал у брата проситься к отцу. К отцу он приезжает; отец увидал своего сына, обрадовался. Отец спрашивает: «Где вы, дети, проживаетесь?»—«Собери сегодня *сродственников,* знакомых,— мы с тобой попируем, тогда я тебе скажу, при людях». Нашли люди. Начали водкой обносить; пошла у них пировка. Сын отцу и говорит: «Тятенька, дозволь мне шуточку сшутить!.. А вот, тятенька,— говорит,— брат мой живет царём в таком-то городе, а я перед ним князём!..» Вынимает свою кисть: «Вот,— говорит (мать свою): — когда была ты *бабúцей,* исправься теперь кобылицей!» — Она кобылой и переставилась у него, мать его. Он махнул кистью — *гулевана* жеребцом изладил.— «Теперь ступайте, как знаете гуляйте!» — А отца увез, все запрóдал, увез в свое государство.

45(23). ПРО ФРАНЦЕЛЯ
[Рога]

Рассказал А. Д. Ломтев

Француль жил у царя. За свою красоту получал он 12 раз в год из банку — сколько он умеет взять (уму у него не было). Француля это сделалось не довольно; стал у царя проситься: «Я желаю еще по белому свету погулять».— Царь на то ему сказал: «Француль, чем ты еще недоволен от меня?» — «Ваше Царское Величество, желаю, однако; хуже себе получу, а все-таки схожу погуляю по белому свету!» — «Если не *поглянется,* Француль, чужая сторона, воротись ко мне опять на житье!»

Француль с царем простился, пошел трактовою дорогою. Идут два молодца́; он их догнал, с ними поздоровался. Молодцы сказали: «Куды, молодец, ходил?» — «Я жил у царя; за свою красоту получал 12 раз из банку сколько мне *влезет;* а меня зовут Француль».— «Да, и мы проживались в протчих городах, получали жалованье большое; захотелось и нам погулять».— «Так вот пойдемте, братцы, все трое: где не найдем ли местечко хорошее?» — Назвались братцами. Своротили они в сторону, не трактовой дорогой.

Станцию они прошли порядочную, есть захотели, а у них хлеба ни у которого нет. Француль на то сказал: «Я человек хилый, дюжить не могу; давайте жеребий кинем: которого из нас из троих выпадет есть». (С хорошей-то *жисти!)* — Тряхнули жеребий, а жеребий выпал на Француля — есть. Братьи говорят: «Француль, мы не будем тебя губить: может, из-за твоей красоты и мы будем с тобой хорошо жить?» — «Пойдемте вперед!» — Проходят они *станцию.* У Француля ноги нейдут.— «Братцы, давайте опять жеребий тряхнем: на кого выпадет?» — Во второй раз поуважили его, бросили — опять на него выпал, на Француля. «Нет, все-таки не будем, хоть под руки тебя поведем! Может быть, где-нибудь селение будет! Все-таки про́питал будет».

Проходят они третью *станцию.* Нечаянно — стоит дом хороший. Заходят в этот дом, отворяют ворота, заходят во *дворец.* У *поратнего* крыльца стоял дежурный и спрашивал: *«Откуль?* Какие молодцы?» — Они с ним и не разговаривают: есть захотели шибко. Отворяли двери, заходили

в их дом; нашли белого хлеба и там *ва́ри* всяческой нашли, начинают есть. Пища была хорошая; наелись они как *требно* быть. Францель говорит, что «нужно выйти из этого дома теперь нам!» — Выходят они из этой комнаты во *дворец,* а во *дворце* такая изба особенная есть. Францель говорит, что «давайте зайдемте в эту избу, приотдохнемте маленько!» — Расположились в этой избе спать.

Те уснули, а Францель не спит. Не через много время прилетают в этот дом три девицы. Дежурной девицам говорит, что «у нас в доме сегодня *похитка:* явились к нам три молодца; из них из троих один был очень красивый». — Девицы сказали: «Где же они теперь?» — «А они вон в той избе спят». — Девицы: «Поди, дежурный, веди их всех сюды: мы спросим, какие люди». — Дежурный приходит, Францель не спит. — «Братцы, хозяева вас требуют на совет!» Разбудил Францель своих товарищей, и пошли все трое к девицам.

Приходят все трое, с ними поздоровались. Девицы спрашивают: *«Откуль* вы, молодцы, явились сюды?» — Францель об себе обсказывает: «Я был у русского государя, получал 12 раз в год из банка, сколь мне угодно взять будет, денег — за свою красоту; захотелось мне по белому свету походить и *натакался* теперь на ваш дом вот я!» — Также и эти молодцы сказали: «Он нас пригласил, мы пришли в ваш дом все трое».

Девицы сказали: «Вы зовите нас женами, а мы вас будем звать мужьями; с нами вместе спать, а худых речей не выражать! Худые речи кто выразит, тогда мы вас не будем здесь держать, выгоним отсюдова!» — *То* они согласились; с тем и записи сделали. Пожили они три года. Через три года сели завтрикать, а один из них и говорит: «Сёдни моя жена прибудет повéчеру, я с ней блуд сотворю». — Францель на то сказал: «Брат, когда выразил худые речи, сам и отвечай за это!»

Тогда у них моленье не пошло в дело. (Они на моленье улетали, *úхи* жены.) Прибыли они домой. Францелева жена отвечала: «Милый ты мой муж Францель, скажи ты мне: кто мог из вас худые речи выразить?» — Францель сказал: «Вот этот брат мог выразить худые речи; а отвечать я за него не буду». — Девицы сказали: «Теперь отправляйтесь, куды знаете! Теперь вас не надо нам!»

Францелю жена дала в гостинцы кошелечек. А вторая жена сказала: «Ты мне не выразил худые речи, так я тебе дам кафтанчик». — А третья сказала: «Ты мне худые речи

выразил, я тебе ничего не дам, никакого гостинца!» (А гостинцы *йхи* дорогие!) *То* они распростились с ними, отправились. Только вышли на *дворец,* а большая сестра из них и говорит: «Что же, сестра, хотя он выразил худые речи, все-таки с тобой не сделал ничего; подари своего мужа!» — *То* выскочила она на *дворец,* скричала своего мужа: «Вот тебе, муж, получи от меня трос! Не осердись, что я тебе сперва не подарила!»

Тогда они шли все трое дорогой. Захотелось Францелю свой кошелёк узнать: к чему этот кошелёк? Француль приотстал немного, развязал кошелёк, тряхнул его, и повалилось серебро. Француль клал в кошелёк и собрать не может, оставил и серебро тут, отправился товарищей нагонять. Догонял, идет, и захотелось ему узнать (был выдумщик), у товарища что за кафтанчик сдействует? — «Товарищ, дай-ка мне своего кафтанчику, я что-то приозяб». — Француль надел этот кафтанчик, братья не стали его и видать в этом кафтанчике (кафтанчик-невидимка). Француля стали кричать и глядеть, а Француль идет среди них и улыбается, что не видят в им, в этом кафтане. (Вот воровать можно ходить!) Француль скоро кафтан снимал, тогда они его увидели. — «Ах, мы думали, что ты куды от нас ушел!» — Передал он кафтанчик брату.

Захотелось у другого брата трос попросить. — «Дай-ка мне *бадажочка,* что-то я приустал, поупрусь!» — *То* он приотстал от них немного, тростью махнул в сторону — вышел полк солдатов, в другую сторону махнул — вышел другой полк солдатов; махнул он тростью кверху — никого не стало, трость одна в руках у него! — «Ну, штука хороша!» — говорит.

То он передал только товарищу, едет трактом ямщик. Француль сказал: «Братцы, вы идите этим трактом, а я доеду до городу, вас дождусь!» — Ямщик сверстался, Француль и говорит: «Ямщик, вези меня по пути до городу, я тебе заплачу за прогоны!» — *То* ямщик его посадил, привез в город. Ямщику Француль сказал: «Что тебе — денег *алй* водки надо?» — «Мне подай водки!» — Заходит он в питейное заведение и говорит целовальнику: «Лей четверть!» — Целовальник: «Подай деньги!» Он живо кошелёк свой развязал, тряхнул, и навалилась целая копна серебра. Целовальник кричит: «Довольно, будет!» — *То* целовальник налил четверть, денег, сколь *требно* быть, взял, «а оставши мне не надо!» — сказал. Он кучера скричал:

«Бери четверть и вот сколь угодно денег бери тут оставши!»

Идет после этого Францель городом; доходит до эдакого дому; дом оценивают. Приезжают к этому дому ценить три раза; выезжает третий раз ценить сам государь. Царь с Францелем поздоровался, а Францель царя спрашивал: «Что такое это у вас?» — Царь: «Вот, третий раз выехали дом оценивать, а оценить его не можем, что он стоит». — А Францель: «Ежли что вы желаете, оцените, я заплачу; я желаю скупить его». — «Навали до нижних окон вокруг этого дому сéребра, тогда дом будет твой и все, что в нем есть, все будет твое!» — Францель был на то согластен. Сказал: «Мне подайте лестницу на крышу залезти!» — *То* Францель залезал на крышу, развязывал кошелек, тряхнул — и с одного боку навалил; с другого заходит. Навалил Францель со всех четырех сторон, повалилось сéребро в окны. Царь кричит, что «довольно, Францель, будет!» — *То* Францель приказал: «Деньги эти убирайте, дом мой теперь!» — Царь дивился этому делу, где он столь сéребра мог взять?

Францель приказал кучеру запрекчи карету: «Поезжайте трактом! Попадут вам два молодца трактом, вы везите их сюды!» Очень кучер скоро карету запрягал; выезжает за город: сидят два молодца на трактовой дороге; подъезжает к ним. *То* подъезжает кучер к молодцам и говорит, что «вы францелевы братцы или нет?» — Сказали эти молодцы: «Францель нам брат!» — «Садитесь в эту повозку; он дом скупил, велит вам ехать». — Приезжают в этот дом. — «Вот, братцы, живите со мной вместе! Вот я вам препоручаю дом, будьте вы этому дому хозяева!»

Подходит день воскресный. Францель запрёг карету, поехал в монастырь Богу молиться. Францель встал перед царские двери, где царь становится. Царь приезжает в этот же монастырь со своей дочерью. Царь становится возле Францеля по правую руку, а дочь по леву; Францеля взяли в серёдки. Царская дочь сколько ли Богу ни молилась, сколь на Францеля смотрела. Выходят они из-за обедни, царская дочь Францеля остановила, сказала: «Францель, приедь ты в мой сад, я сёдни с тобой блуд сотворю». — Францель не отказался: «Вот я чаю напьюсь, прибуду!» — Тогда чаю напился, лёг, немножко отдохнул, пошел; сказал братьям, что «я сегодня схожу в гости куды-нибудь!»

Приходит в царский сад; она в саду сидела, забавлялась чаем, царская дочь. Француль поздоровался с ней, сел с ней рядом на стул. Начинает она его потчевать. Девица: «Француль, где же ты мог взять столько сéребра — круг дому навалил?» — На то он ей сказал: «Есть у меня кошелёк-самотряшка». — «Ну-ка, Француль, покажи, я погляжу, какой у тебя кошелёк?» — *То* Француль подает царской дочери. Царская дочь взяла кошелёк и говорит солдатам: «Возьмите Француля, избейте его до той степени, сведите в мой нужник, я на его буду ...!» — *То* Француля солдаты до той степени добили, что он уж и не шевелится; тогда взяли под руки, свели его в ... и заперли. Не дают ему ни пить, ни есть, и он той же парашой и пропитывается.

Выбрался он *ночным бытóм...*, набрал параши, заслепил дежурному глаза, а в то время мог домой убежать. Приходит домой, обмылся как следует, лег спать.

Воскрёсный день подходит, он приказал кучеру запрекчи лошадь — опять в монастырь Богу молиться. Стал перед царские двери, где царь встаёт. Царь приезжает, встаёт по праву руку, а царская дочь по левую. Сколько она Богу ни молилась, на него смотрела, улыбалась (подсмехалась над ним). От обедни выходит, и царская дочь за ним идет; вышла из Божьего храма и говорит: «Француль, погоди! И вы на то не посердитесь, что я посмеялась, сёдни выйдите в сад, я с тобой блуд сотворю». — Француль сказал, что «чаю понапьюсь, приеду». — Чаю понапился, поотдохнул, брату и говорит: «Дай мне сегодня кафтанчику своего (невидимку), я схожу в гости в нем!» — Брат сказал, что «он висит в комнате, возьми *ступай!*» — Тогда он надел кафтан, отправился к царской дочери в сад.

Приходит к царской дочери, садится рядом чайничать. Царская дочь и говорит: «Что-то сегодня Француля долго нет, дождаться не можем!» — Царской дочери он и говорит: «Что ты, царская княгиня? Я возле тебя сижу!» — «Как же я тебя, Француль, не вижу?» — «Кафтанчик-невидимка на мне: затем ты меня и не видишь!» — «Ну-ка, Француль, сними с себя, тогда я погляжу!» — *То* Француль снял с себя кафтан. — «Дай-ка, Француль, я подержу, что за кафтанчик?» — Подал он царской дочери. До той степени она велела его избить, тогда стащить ... и поставить два сторожа. Тогда Француля до той степени избили, под руки увели, заперли ... (С хорошей-то *жисти!)* Француль через неделю уж до той степени добился, что его не стали уж шибко и караулить: дума-

ли — кончился. Францель выбился из нужника, набрал параши, заслепил дежурным глаза, тогда мог убежать опять домой.

Приходит домой, вымылся как следует, напился, наелся, лёг на отдых спать. Поутру́ братья его спрашивают: «Что ты, Францель, где-то долго жил? Мы уж потеряли тебя!» — «Угощался; доживешь до́ ночи, так и ночуешь: знаешь, что у меня дома есть кому!»

До воскресенья доживает, запрёг карету, опять в монастырь Богу молиться. Встаёт пред царские двери. Царь с дочерью приезжает, царь становится по правую руку, а царская дочь по левую, Францель стоит в серёдках. Царская дочь сколь Богу ни молилась, всё на него смотрела и усмехалась. Обедня отходит, она за ним опять выходит. — «Францель, на то не осердись, что я маленько посмеялась! Сёдни непременно прибудь, я блуд сотворю с тобой». — Францель не отказался: «Чаю понапьюсь, прибуду!» — Приезжает домой, чаю понапился, немножко отдохнул, брату и говорит: «Братчик, дай мне трости, я сегодня по городу погуляю!» — Брат дозволил ему трость взять.

Приходит он к царскому саду; махнул в сторону, вышел полк солдатов. Тогда приходит царская дочь. Поздоровался, сел; она и говорит: «Францель, у тебя сегодня что-то сторожа свои поставлены, где же ты мог своё войско взять?» — «Это у меня вот *бадажок* действует; если я махну еще в сторону, еще полк выйдет; махну кверху, ничего не будет!» — *То* царская девица говорит: «Дай-ка я, Францель, подержу, что у тебя за *бадажочек!*» — Царская девица взяла костыль, махнула им кверху, никого слуг этих не стало. *То* приказала она своим слугам вовсе его убить, снести в овраг, бросить его.

То не черезо много время привилась к его голове *древа,* выросла. На этой *древе* разные ягоды очутились. Очувствовался Францель и глядит: над ним дерево. — «Неужели я много годов лежу? На мне уж выросло дерево!» — То он мог достать нижнюю ягоду; съел эту ягоду и сделался таким худым молодцом — полезли у него рога и горба, и хвост вырос, вроде подобие дьявола. Тогда он достал другого сорта ягоду и такой ли сделался молодец: *здрел* бы, глядел, с очей не спущал, еще лучше старого. (Это названая жена его уж пожалела.) Тогда Францель набрал двух сортов этих ягод, приходит домой.

Понапился, понаелся, отдохнул; пошел на рынок, взял *окладную* себе бороду старичью. Тогда он собрался вроде старика, в такую одежду, приходит в царской во дворец. Приходит и говорит: «Я принёс морских ягод, не угодно ли скупить?» — Доло́жили царской дочери служанки, что «пришел старик, принес морских ягод; не угодно ли, царская дочь, скупить?» — Служанке приказала царская дочь: «Пущай он даст ягоду одну тебе попробовать: я погляжу, что из тебя выйдет». — И дал он хорошую ягоду; девица съела — *здрел* бы, глядел и с очей не спущал, очень сделалась хороша. Тогда сказала: «Что, старик, твои ягоды стоят?» — «Ягоды стоят мои — сто рублей ягода». — *То* она скупила одну ягоду за́ сто рублей. — «Когды самоварчик поставят, чай пить буду и съем».

Тогда Француль отправился из дворца домой. Бороду снимает, приходит. Тогда она чаю поспешила, съела ягоду, — полезли из нее рога, и горба, и хвост — подобие дьяволу. Закричала она *дохтуров; дохтура* приезжают, рога спиливают и лечить всякие лекарства дают, а ничё не могут поделать: рога и горба растут. Тогда сколько бы ни бились, *дохтура попустились,* не стали ее и лечить. И она завещание дала то: «Кто бы меня мог излечить, за того бы и замуж пошла». — Дали знать по всему городу. *То* Француль надевает на себя *окладную* бороду, приходит в царский во дворец. Приходит к ней на лицо: «Что, царская княгиня, какое у тебя завещание, если кто тебя излечит? Я могу, — говорит, — тебя вылечить по-старому, еще лучше будешь и здорова». — «Если, дедушка, хоть и вовсе ты старик, вылечи меня, и за тебя пойду замуж!» — «Подпишись!» — Тогда она подписалась, что «если старик меня вылечит, так за него я и замуж пойду».

То Француль приказал лакею затопить баню. Истопили баню. — «Несите ее в баню! Я буду в бане лечить ее». — Тогда Француль приходит в баню, и ее приносят. Француль всех из бани выжил, один с ней остался. Тогда он брал плеть, стал царскую дочь жарить; *стегал* и приговаривал: «Будешь ли ты на Француля ...? Не будешь ли над ним надсмехаться?.. Царская княгиня, притащи ты мне Француле́в кошелёк, тогда я тебя сейчас вылечу!» — *То* она закричала: «Слуга, тащите — там в моей спальне под перинами — кошелёчек!» — *То* кошелёчек получил он, начал её плетью опять жарить: «Не будешь ли над Француле́м смеяться? Не будешь ли на него ...?» — «Не буду я усмехаться над Француле́м никогда!» — «Притащи француле́в кафтан-

чик, тогда я тебя стану лечить!» — *То* она притащила ему кафтанчик. Он в третий раз еще ее плетью прожарил (своё-то отплачивать, как его били).— «Притащи ты мой костылёк, я окончательно тебя вылечу теперь!» — Притащили ему костыль.

Он подавал ей хорошего сорта ягоду. *То* она съела и сделалась красавица, еще лучше старого. *То* он снимал с себя *окладную* бороду и сделался такой же молодец, лучше прежнего. *То* она закричала: «На Францеля пересдеть одежду хорошую!» — Снарядился он как следует, явились они тогда в царские палаты с ним (из бани). *То* сходили они в Божий храм, повенчались с ним; завели пир на весь мир (свадьбу). *То* он стал у царя во дворце находиться после этого, а братья в доме жить.

46(11). ИВАН СОЛДАТСКИЙ СЫН

Рассказал А. Д. Ломтев

Служил солдат 25 лет. И у него был кантонист; звали Иваном. Иван был разучёный на семь грамот. Отслужил отец; *принаследно* было сыну идти в солдаты. Распростился с отцом с матерью и отправился на службу. Служил он четыре года, заслужил себе чин генерала.

Отец у него погорел. Пишет сыну отец письмо: «Нельзя ли, милый сын, как помокчи старику?» — Он служил при царе; приходит Иван Васильич к царю на совет.— «Ваше Царское Величество! Родитель вам служил 25 лет, и я заступил теперь; отец у меня погорел; пишет мне письмо — помокчи, а у меня с собой денег нет ему дать на помогу».— Царь рассудил, что надо пожалеть старика; уволил Ивана Васильича на четыре года и дал сто рублей денег с собой.

Он на ямских приезжает домой; приходит на свое место, увидел такой балаган на своем месте. Заходит в этот балаган; родители лежат. Заплакали они; сказал, что не нужно плакать.— «Хотя у нас *природство* богатое, а звать некуды: балаган тесной».— «Не нужно звать!» — Дал ему сын рубь денег, велел сходить в питейное заведение, купить полштофа водки и что-нибудь закусить велел принести. Поужинали они, легли спать до утрá.

Иван Васильич говорит утром, что «я, тятенька, человек такой, начитанный, к работе уж не привычный, и пойду искать себе место». Дал отцу сто рублей денег, сам отправился в казённое училище.

Приходит в казённое училище, подаёт свой аттестат *ученику. Ученик* посмотрел и говорит, что «станешь если жить, я тебе назначу сто рублей в месяц, и стол тебе будет готовой». — Проживает он год, получил 1200 рублей; приходит домой, отцу-матери передает деньги. — «Погодим еще, тятенька, дом заводить! Еще с годик я прослужу, потом, может, получше наживем домик». — Приходит он в училище, а в училище училась купеческая дочь Маша. Училась она три года и научилась только три слова. У Маши очень отец был богат; над ним надсмехались: «Совсем, говорит, у тебя дочь дура! Хороша, да дура!» — Он рассердился, не стал совсем к ней ездить. А на лицо (Маша) была очень красивая.

Приходит Иван Васильич к ней и говорит, что «Маша, долго ли ты проживаешься?» — «Я, — говорит, — Ванечка, живу три года и научилась три слова». — «А что, Маша, если я тебя (буду) обучать, станешь понимать настояще *алй* нет?» — «Да, Ванечка, не для людей, а для себя учи меня!» (Залюбила она его сразу.) — Заводит в свою комнату: «Если, Маша, понимать не будешь, я тебе сначала саблей руку отсеку, а наконец и голову сказню! И сыску никакого не будет». — Задает ей строчку, она прочитывает пять да шесть. (Начала очень скоро понимать: она, может, и научилась, да не говорит ничего.) Не доходя года научилась Маша не хуже Ванечки, на все законы.

Случилось — у этого богача съезжие гости, обед. Она услыхала и говорит: «Нельзя ли, Иван Васильич, нам к тятеньке сходить в гости, на суточки погулять?» — «Нужно попроситься это у учителя». — Выпросился Иван Васильич у ученика; отпустил на суточки их погулять. Идут они Питербургом. Маша и говорит: «А где же, Ванечка, твой дом?» — «Ох, Маша, — говорит, — дом был хороший, погорел». — «Ну, хоть место покажи! Где твое место?» — «А вон, — говорит, — горелые столбы где стоят, тут наше и место!» — Стали до дому доходить. — «Вот, Ванечка, об семи этажов дом, изукрашен всякими красками, вот этот самой мой дом!» — Иван Васильич остановился. — «Я, Маша, не пойду! Вы люди богатые, я человек бедный!» — «Идите, я веду вас!»

Подходят к дому; увидал купец свою дочь с верхнего этажу и говорит: «Что, мать! Ишь, дочь к чему выучилась!» (уж он прикладывает к худому: ведет, говорит, к себе *милыша).* «Пойду, *мать,* я,— говорит,— с ней голову сказню, с дочери!» — А купчиха говорит: «Отец, неладно! Мы тут *зговалу* наживём много! Съедутся хорошие люди, а ты отсекёшь голову с дочери,— тут *зговал* будет!» — Купец купчихе велел *милыша* оставить где-нибудь на кухне, а она пущай приходит кверху. Встретила купчиха и сказала дочери, что «Маша, ты неладно идёшь!» — Маша поняла в этем.— «Ты, мамонька, этого человека не сконфузь! Он мне не *милыш!* Посадите его на первое место: это *ученик* и человек не простой, а генерал. Я разучилась от него на семь грамот».

Купчиха кверху поднялась, купцу рассказывает, что дочь наша разучилась хорошо, на семь грамот, и это — *ученик,* надо его принять! Купец с трепетом его принял, посадил в первое место, начал угощать. Он и говорит: «Маша, нужно прочитать, взять книгу: пущай добрые люди послушают, что ты поняла от меня!» — Маша читала. Был у ней дядя, губернатором служил. Выслушал у ней хорошие речи, подает Ивану Васильичу сто рублей денег «за то, что хорошо разучил мою племянницу». А купец на ответ сказал: «И от нас будешь не оставлен!» — «Экой, *мать,* хороший молодец! Как бы нам замуж за него отдать?» — говорит *(заглянулся* отцу-матери).

«А что, Иван Васильич, нельзя ли твоих родителей достать сюды?» — «Можно, можно, как если желаете!» — Кучеру обсказал; кучер съездил за его родителями. Приезжает солдат, зашел в палаты. Стал купец угощать всех сряду; купец и говорит: «А что, господин служивый старичок, нельзя ли сынка отдать мне за Машу в дом?» — «Дело не мое, дело сынино!» — Купец сказал: «Что, Иван Васильич, не желаешь ли взять мою дочь Машу?» — Иван Васильич на то сказал: «Как пойдет?» — Маша на то сказала: «Если, Иван Васильич, ты меня не возьмешь, я удавлюсь или утоплюсь!» — Купец заставил музыкантов музыку играть, пошли кадрели плясать. И все плясали хорошо. Пошел Иван Васильич с Машей; хотя и не так хорошо сплясали, губернатор опять выдает сотню рублей, подает Ивану Васильичу за пляску: «Молодец! Хорошо удрали кадрель!» — Покутили и все поразъехались.

«Время и нам в училище ехать!» — «Нет, уж мы, Ванечка, ночуем ночь!» — Ночь переночевали. Поутру купец

встает, приказал *лакейке* самоварчик *подгоношить,* попотчевать его. Чаю напи́лись; он пошел в свою кладову, тащит ему наперво шесть тысяч денег, «за то, что разучил его дочь». Подарил Ивану Васильичу шесть тысяч денег. — Купчиха говорит: «Ты, *отец,* подарил, а я как?» — *«Мать,* у тебя свои деньги!» — Та пошла в кладову и тащит ему опять шесть тысяч. Дочь говорит: «Тятенька, вы подарили, а я как?» — «Мила дочь, у тебя свои деньги!» — Пошла она в комнату, *натóркала* полон саквояж, подает: «Вот, Иван Васильич, вот эти деньги отвези своему родителю!» — Он привозит домой. — «Кучер, поезжай домой! Я здесь останусь ненадолго». — Кучер уезжает. Иван Васильич приходит в балаган к отцу к матери. — «Будет, тятенька, лежать в балагане! Я тебе препоручу 12 тысяч, ступай, дом скупи себе!»

Солдат живо оделся, деньги взял, отправился по городу. Идёт городом. Идёт купец, пригорюнился. — «Что, купец, невесел?» — «Да вот, нужно, — говорит, — дом продать; дом мой к *описке,* а я не могу!» — «Продай мне!» — «Пойдем, поглядим дом!» — Приходят; домик трехэтажный. — «А что, купец, просишь за него?» — «Мало ли бы чё он стоил! Отдай мне шесть тысяч, я тебе все и отдам; что есть в доме, все твое!» — Солдат вынимает деньги, подаёт ему шесть тысяч. Купец солдату говорит: «Есть у меня еще три лавки с товарами, купи и их!» — Купил за шесть тысяч со всем товаром три лавки; получил с него купчую. Приходит в свой балаган. — «Сын, — говорит, — я твои деньги издержал: купил дом и три лавки». — Сын ему сказал: «Найми ты трёх приказчиков; вот я тебе даю еще двести рублей на *пропитал,* а ты, маменька, бери этот саквояж, деньги из него береги, никуды не держи!»

Сам отправился к купцу в дом, к Маше. Приходит Маша и говорит, что «нужно нам с тобой идти в училище». — Идут городом; дошли до эдакой часовеньки. Маша и говорит: «Давай здесь, Ванечка, отдохнем, сядем!.. Не для того я стала отдыхать, а сделаем мы с тобой записи, что ты покроме меня никого не бери и я покроме тебя никого не возьму!» — Она вынимает бумаги и карандаш, давай живо писать, что «я покроме Ивана Васильича ни за кого не пойду». Он также: «Покроме я Маши тоже никого не возьму». — Взяла она эту запись, положила за икону: «Будет у нас Мать Пресвятая Богородица в поруках».

Потом они отправились в училище. Немножко там, недельку пожили, он и говорит: «Маша, я схожу, разгуляюсь куда-нибудь?» — «Можешь, можешь, Ванечка!» — Приходит к этой самой часовеньке, три раза подходил — икона его не допущает запись взять (ему хотелось себе взять ее).— «Что же я! Я человек поучёный; меня икона не допущает, стало быть, законно излажено; пойду обратно в училище, не стану брать!»— Приходит; Маша и говорит: «Куды же ты, Ванечка, ходил?» — «Да, Маша, тебя обмануть можно, а Бога не обманешь! Ходил я к часовеньке, хотел записи взять — икона меня не допущает».— Маша сказала: «Еще ты не уверяешь?» — «Теперь я, Маша, никогда думать не буду, надёжен буду, что ты желаешь за меня замуж».

Через неделю после этого дела царь пишет письмо Ивану Васильичу являться на службу (безо всяких *озадков*, не отговариваться, значит). Иван Васильича горе ошибло; запрёг ямских лошадей, Маше не пояснил и уехал. Маша ждет день, и два, и с неделю,— Иван Васильич не идет в училище. Маша *то* подумала: «Непременно кто-нибудь сметил, что у него деньги, кто-нибудь его убил; живого нет, видно, дома».— Ученику сказала, что «выпишите меня из училища; не буду я здесь проживаться; отправлюсь я теперь домой».— Маша приходит домой.— «Я, тятенька, теперь дома буду проживаться; будет учиться».— Просит у родителя лошадку по городу покататься. Отец приказал запрекчи кучеру; села Маша, по городу ездит — замечает и к его дому подъезжает; спрашивала.— «Мы и сами не знаем где». (Про Ивана Васильича все спрашивала.)

Она после этого ударилась хворать: найти его не могла нигде. *Дохтура* ее пользовали, ничем не могут вылечить: день ото дню все ей хуже, не стала ни есть, ни пить. Был отставной *дохтур* Василий Петрович, приходит, ее хворь узнал, что она от чего хворает. *Дохтур* сказал купцу, что «твоя дочь не хворает!» Купец сказал: «Как не хворает? Не пьет, не ест?» — «Нет, не хворает,— говорит,— на то я тебе скажу, ты осердишься, что она не хворает отчего».— «Не осержусь, скажи только!» — «Непременно у тебя какой-нибудь человек приказчик хороший или нет ли дружка какого хорошего? Она в человека влюблена, его не видит, оттого и хворает».— «Да и верно ты сказал: она теперь не видит Ивана Васильича, он отправился на службу; непременно он ей не сказался, непременно она от не-

го и хворает, в тоску вдалася! Скоро я его *обрачу*: брат у меня служит губернатором, он напишет письмо царю: царь его вернет обратно к нам».

Купец живо письмо написал брату: «Попроси Ивана Васильича домой! Племянница плохая, тоскует об Иване Васильиче».— Письмо приходит. Губернатор приходит к царю на совет об своей племяннице.— «Ваше Царское Величество, я Вас прошу усердно: нельзя ли отпустить Ивана Васильича к моему брату? Записная его невеста об им тоскует, хворает шибко».— «Очень он мне дорого стоит — отпустить его домой. Если желает твой брат, пущай высылает по тысяче рублей в год, а так не отпущу!»— Брат посылает письмо: «Желаешь если зятя названого достать, так высылай тысчу рублей в год!»

Купец *законвертил* четыре тысячи рублей и посылает к царю, чтобы непременно поскорее выслали Ивана Васильича; на четыре года сразу откупает. Приходят деньги к царю. Царь требует его к себе: «Откупил тебя тесть на четыре года; ты теперь отправляйся в свой родной город!»— На ямских он ехал, торопился домой. Прогоны стоят что-нибудь,— он втрое платил, только как-нибудь да скорее доехать. Последнюю *станцию* стал доезжать — Маша его кончилась (померла). Он ямщику втрое платил, чтобы ехал как можно скорее, чтобы до него не могли схоронить.

Приезжает к купцу прямо в дом. Рассчитался с ямщиком. Купец вышел его встречать.— «Да, Иван Васильич! Не застал свою невесту, кончилась!» — «Что поделаешь? Все-таки захватил, не схоронили!» — Заходит в его палаты. Она лежала на столах. Он велел убрать гроб и всем выйти из комнаты. Подходит к Маше, громко сказал: «Что ты задумала? Я приехал к тебе на житьё, ты помираешь!» — Маша сбросила глаза, глядела на него. Он повторил ей, еще скричал попуще. Маша сказала: «Неужели ты это, Иван Васильич, ко мне явился?» — «Да, я!» — говорит.

Она попросила у него что-нибудь напиться: «У меня,— говорит,— все запеклось; я говорить с тобой не могу!» — Он поднял ее, напоил и начал по комнате водить. Не утерпели родители, приходят в комнату, глядят — дивятся. И он велел убрать, что ей припасёно (гроб), а то испугается! И не велел ей говорить про это. Сказала Маша: «Что ты поехал — не сказал мне? Я бы отправилась с тобой же! Теперь я не отпущу от себя никуды тебя!» —

«Я откупленный на четыре года; теперь в четыре года не пойду никуды от тебя!»

Она прожила с месяц, направилась по-старому, как есть. Он ей и говорит: «Маша, я отправлюсь к своим родителям, скажу, что я здесь проживаюсь: они будут знать».— Она ему позволила, только не на долгое время. Иван Васильич приходит к своим родителям, сказал. Родители начали его угощать. Хотел после этого лавки поверить; долго *загужáлся.*

К купцу приезжает королевский сын из и́нных земель, сватать дочь. Купец с купчихой советовали: «Чем отдать за Ивана Васильича, лучше отдать за королевского сына! По крайней мере, иметь будет державу». (Записи нарушить охота.) — Призывали свою дочь в свою комнату, где у них совет: «Дочь, хочем мы тебя отдать за королевского сына!» — «Хоть за царского, и то не пойду! На то у нас и сделаны записи, что я не хочу нарушить и за Ивана Васильича пойду!» — «На это я не погляжу,— отец сказал,— прикажу отдать тебя, завязать прикажу тебе глаза и отправлю в *глухой* повозке!»

Она посылала лакейку вскоре за Иваном Васильичем, чтобы везли, а то не захватит! Лакейка приходит, Ивану Васильичу объясняет, что приехал королевский сын, отдают за него Машу; «*айдá* скорее захватывай!» — Иван Васильич сказал: «Что я за дурак, пойду? Она ведь мне не жена, когда выдает, пущай выдает!»

Иван Васильич сходил за таким слесарем, приковать сундучок велел к карете поскорее. Сходил на ямской дом, привел тройку лошадей, запрёг в карету. Был трахтир против этого самого купца; приезжает в трахтир сначала. Стал вылезать. Маша глядит, что «не ко мне приехал, а где не надо, тут приехал!» — Только заходит он в трахтир, Маша заревела дурным голосом: горе ее ошибло. Иван Васильич услышал ее рев.— «Стало быть, Машу *нечестно* везут! А я зашел в трахтир!.. Худых речей я не говорил, можно и выйти!»— Выходит из трахтиру Иван Васильич, садится в карету.

Завязали Маше глаза и повезли в королевство. Он к кучеру своему сказал, что «*айда* за ними до станции! Я заплачу тебе».— И вот они едут; лошадей переменяют, также и он переменяет, до самого едет места. Королевской сын догадался.— «Что такое, с самого места и заехал в нашу державу! Едет какой-нибудь *хитник,* дело не лад-

но!» — Заехал в свою крепость, а дежурному приказал последнюю карету не пущать!

Иван Васильич ехал по край города; увидел такой пятистенный домик, становится квартеровать в этот дом (выпросился на *фатеру*). В этом дому живет одна старуха, никого больше нет. Старухе подает четвертную, сходить велел на рынок: «Сходи, купи *бисерту*!» — Приносит она, *оставши* деньги подает ему. — «Будут они твои деньги, клади их в свой сундук!»

После этого он дает ей сотенную и говорит: «Сходи, бабушка, узнай, у королевского сына невеста жива *алú* нет? Если жива, приходи домой, ничего не надо!» (Он и дорогой хотел украсть, да никак не мог.) — Старуха цельный день добивалась, никак не могла добиться: что жива или нет: деньги не берут. Старуха повéчеру приходит так. Подает старуха, приносит деньги назад: он не берет: «Дато тебе, — говорит, — клади в сундук!»

Он ночь переночевал; утром сдумал сам идти узнать. Взял денег с собой немало, отправился сам. Подходит к крепости; роется старик у крепости (киркой, лопаткой). Старик на него свирепо (не *баско*) смотрел, сказал: «Что тебе, молодец, надо?» — Молодец сказал: «Нужно бы мне посмотреть королевскую невесту! Как добиться?» — «Что не пожелаешь ты поглядеть невесту?» — Иван Васильич вынимал ему сто рублей денег, подавал старику. Старик сказал: «Если сто рублей ты мне подал, как увидишь. Нá вот, ешь эту ягоду, и сделаешься ты сначала стариком; а если хочешь молодым, то вот я тебе еще иного сорта дам ягоду: съешь эту, и будешь ты молодой». — Сначала съел он старого сорту ягоду, сделался стариком. — «Давай, дедушка, еще одёжой переменимся с тобой!»

Потом он пошел край крепости. Приходит к крепостным воротам Иван Васильич. — «Дежурный, пропусти старика в крепость!» — «Проходи, проходи, старичок!» — Подходит (близ королевского дому стоят солдатов *ширинка*) он к лавке, взял он княжеской одежды на себя. Съел другую ягоду, сделался молодым. Приходит: близ королевского дому стоит толпа солдатов; видят, что идет чужестранный князь, выдали (воздали) ему честь. Тогда он вынимал из карману сто рублей, подавал им в гостинцы.

Сказал Иван Васильич: «А что, королевский сын дома или нет?» — «Королевский сын уехал в русскую державу за тестем: когда привезет тестя, тогда будет венчать-

ся». — «Можно ли в его палаты зайти?» — «Иди, никто тебя не стеснит; *айда*!» — Зашел он в королевские палаты; сидят *их* генералы; увидали чужестранного князя, честь воздали ему; он подавал триста рублей денег им, приказал им разделить по себе. — «Экой добродительный князь!» — Сказал Иван Васильич: «А что, господа генералы, нельзя ли королевскую невесту посмотреть?» — «Можно». — Дежурному приказали ему показать.

Дежурный сказал: «Иди за мной!» — Доводит он до эдакова калидорцу: она с девушками сидит, *уважается*, и перед ними музыка стоит. Он подходит и говорит: «Здравствуешь, Маша!» — «Ах, Иван Васильич, неужели это ты?» — «Да, — говорит, — я!» — Маша пала на пол и с душой рассталась. Иван Васильич видит, что дело не ладно, сдумал после этого из комнаты убираться. Королю доложили, что Маше что-то сделалось, *знать*, кончилась: вошел какой-то чужестранный князь, только одно слово сказал, она и кончилась. Король сказал: «Кто мог его без меня допустить?» — Король приказал разыскать его: «Я его упеку, где ворон кости не носит!»

Иван Васильич приходит в ту лавку, где он одежду взял; *лопоть* эту снял, свою старую одел; купцу сказал, что «если будут меня искать, тогда скажи, что «мимо моей лавки прошел чужестранный князь». Действительно, не через долгое время спрашивают у лавочника, что «не проходил ли чужестранный князь?» — «Недавно проходил мимо моей лавки».

Иван Васильич пошел к старухе на *фатеру*. Идет и думает: «Маша кончилась, и только мне не досталась, так и ему не доставайся!» Приходит к старушке, подает четвертную, велел ей сходить взять *бисерту* побольше. Старуха взяла *бисерту*, а оставшие деньги в сундук положила. В ночь ничего хорошего не выдумал, а то выдумал, что пойду я во *дворец*, повешу петлю и сам задавлюсь.

Вышел на двор, написал на столбе подпись: «Что у меня осталось денег, никто чтобы не *вникался*: были они старухины деньги». — «Задавиться мне во дворе не годно: старуха будет бояться. А поду я на *волю* лучше задавлюсь!» — Приходит он к морю: «Вот мне смерть хорошая! Я плавать не умею, паду в море, вот тебе и всего!» — Разулся, разделся, сидит на берегу.

Вдруг бежит к нему зверек. — «Все равно мне *гинуть*, погляжу, как будет меня зверек рвать (есть)». — Зверек к нему подбегает, он не сробел, взял камень, зверька убил

сам, наперво. Не через долго время бежит зверек другой, тащит вроде золотой камень во рту; начал этого зверька исцелять, по нему камнем поглаживать. Не черезо много время убитый зверек побежал вместе с этим со зверьком, обронил этот камень. Иван Васильич думает: «Камень этот хороший; если Машу схоронят, я ее исцелю; погожу топиться!» — Надевал на себя рубашку и подштанники, а камень в карман клал.

Отправился он в город; задумал зайти в питейное заведение. В питейном заведении сидят три пьянчужки, опохмелиться им не на что. *То* Ваня сметил дело: приказал *целовальнику* четверть налить; целовальник налил четверть, приказал Ваня самим им выпивать. Как напились они вина, один другому и говорят: «Ты что такой! Я ведь, по крайней мере, живописец, срисую человека, как живой, только не говорит!» — один выхвастался. А другой говорит: «Я тоже не простой человек! Я слесарь: что только ни увижу, *то* разве не излажу!» — А третий говорит: «Хоть за мной не шибко ремесло мудро, но все-таки я каменщик: могу печи класть и трубы!»

Ваня вызвал их на *улку* и говорит: «Вы знаете, что у царя невеста померла; вы украдьте мне ее, я вам дам по триста рублей денег!» — «Это для нас что! Я отправлюся в монастырь, возьму воску, срисую из воску женщину как живую!» — А другой говорит: «У меня свёрлы хорошие, я могу стену *пробурлить*». — А каменщик говорит: «Что вы разломаете, когда вытащим, я зала́жу!» — *То* он им дал по сто рублей денег задатку: «А если притащите, еще по двести дам! Вытащите мне за́ город, вот на такую-то *елань (ночным бытóм)*!»

Сам отправился к старушке, приказал *бисерту* купить побольше. Записи со столба сшоркал, взял денег с собой немало, для запасу. До́ ночи доживает, старушке объясняет: «Я сёднишнюю ночь погуляю, а может, приду не в пока́зное время — так ты пусти меня!» — Приходил за город, лежал на *елане* ночь, дожидал их. Приходят *ночным бытом* эти самые пьяницы к королевскому дому, начали стену бурлить. Провертели, разломали дыру порядочную. А дежурный увидал и говорит: «Что-то мне *блазнит*: светленько стало; и пошире, — говорит, — дыра-та стаёт... *Али́* кто ее утащит? — Да никто не пошеве́лит! Только мне блазнит», — говорит.

Один залез, вынул ее из гробу, раздел ее из платья; подали ему восковую, он ее одел в платье, положил в гроб, а Машу вынул на волю; *то* подсадили; каменщик

живо дыру заложил. Дежурной посмотрел: дыры не видать: «Ну, вот давече мне *блазнило,* а тепере ничего не видать!» — Они приносят Машу за́ город. Ваня дождался. — «Та́щите?» — «Тащим!» — Притащили; он дал им по двести рублей денег и говорит: «Братцы, вы меня не знаете, и я вас не знаю! Смотрите, не хвастайте, что я такое дело сделал! А то вы должны под суд попасть за это!»

Вынимал он камень, исцелял Машу. Маша не через долгое время встала. Маша на ответ сказала: «Где я сижу и нагая пошто?» — «Сидит возле тебя Иван Васильич; вот я дам тебе пальто и надевай мои калоши, пойдем отсюдова со мной на *фатеру*!» — Приходят в хорошую лавку, где он княжеские одежды раньше брал; разбудили тогда лавошника; купец встал, лавку отворил; тогда они купили одежды у его на жену и на себя на 500 рублей.

Приходят на квартеру к старушке, стучались; старушка выбегала, их пустила в избу. — «Бабушка, мы не на долгое время в особой комнате приоденемся, тогда на нас посмотри!» — Надела она хорошее на себя платье, хорошую там шаль, и также он надел на себя княжескую одежду. Иван Васильич сказал: «Бабушка, нет ли у тебя чего закусить?» — Давала она всякого *бисерту,* подносила им закусить жареного и пареного. Напились, наелись, легли в горницу (в спальну) спать. — «Маша, будет уж, время вышло! Теперь можно и блуд сотворить с тобой».

До утра доживают. Королевский сын привозит своего тестя (венчаться хотел); объяснили ему, что Маша кончилась. Купец уж затем, что схоронить, остался. Дали знать по городу всем, чтобы шли на похороны. — «Маша, *али́* мы сходим с тобой на похороны?» — «Что ты, Иван Васильич, тебя узнают — убьют, а меня все-таки отберут!» — «Наденешь на свое лицо черную сетку, а я сряжусь в княжескую одежду! Кто же меня признает?» — Решились; пришли в королевские палаты и сели против тестя и тещи. Купчиха *струменилась,* глядит на Ивана Васильича и признает его; и говорит купцу, что «это — Иван Васильич!» — А купец говорит: «Ты не смей говорить! Чужестранный князь! Мало ли лицо в лицо находится (приходит)? Ты наделаешь тут *зговалу*!» — А купчиха говорит: «Это, отец, — говорит, — наша дочь с ним сидит!» — «Что ты за дура? Наша дочь в гробу и платье наше на ней!»

Стал королевский сын по бокалу обносить. Подносити Ивану Васильичу бокал водки королевский сын и говорит: «Прими, господин князь, за упокой Машеньки!» — А князь говорит, что «поздравляю я тебя с законным браком

с Машей!» (На смех он ему сказал.) Тогда сказал королевский сын: «Что мне, бестия, такие слова выражаешь? Я тебя туда запеку, где ворон кости не носит!» (Не злюбилося!)

Потащили ее на кладбище. На кладбище принесли, Иван Васильич говорит королевскому сыну: «Я тебя хочу спросить, кого ты хоронишь?» — Королевский сын сказал: «Я хороню Машу, свою невесту!» — А князь говорит: «Если ты свою Машу хоронишь, то я тебе свою голову даю на подсеченье! А если — не Машу, то я с тебя голову снимаю! В тем распишешься мне?» — Королевский сын согластен на это был (записи сделать). Сделали записи. — «Родители, распишитесь в нашем деле! Не препятствуйте, чтобы никакого суда не было! Законно дело», — князь говорил. Приказал *йхим* священникам расписаться, также и генералам, чтобы не препятствовали в этом деле.

Спрашивал князь Иван Васильич отца-матери сначала, что «признаете ли? Ваша ли это дочь лежит в гробу?» — Купец с купчихой сказали: «Наша дочь лежит, наше и платье!» — Королевский сын было саблю нанес, хотел голову снести, — он ему не дал. — «Погоди еще, рано! Я обследовать тело хочу! Господа *дохтура*, нужно отнять руку и обследовать тело мертвое!» — *Дохтура* отрезали руку и обследовали: запихнуто дерево, а налиплен воск; *дохтура* не признали за тело.

«А что ты, господин королевский сын, не желаешь ли живую Машу посмотреть?» — Королевский сын сказал: «Где я ее возьму — погляжу на нее?» — Приказал Маше: «Сними с себя сетку!» — «Где же ты ее взял?» — Тогда он *полыснул* своей саблей, снял с его голову: «Вот я где ее взял!» — говорит. — Тогда закричали все: «Браво, браво и браво! Законно сделал!» — говорит. — Купчиха купцу тогда говорила: «Вот я, *отец*, тебе правду сказала, а ты не поверил!»

Король тогда сказал: «Господин князь, живи в моем городе наместо сына, и я также возьму эту твою невесту наместо дочери; и будешь ты у меня править, проживаться в моем городе наместо сына!» — «Не время мне здесь служить, а я еще у русского государя должон служить! У меня еще служба не кончена!» — Начал тестя он стыдить и тещу: «Бесстыдник ты такой, — говорит, — откупил меня на четыре года, а потом сдумал смеяться — выдал за другого!» («Смеешься надо мной!» — говорит.) — Отправился домой (со старухой рассчитался). Приехал домой, повенчался; женился и стал поживать.

47(8). РЯЗАНЦЕВ С МИЛЮТИНЫМ

Рассказал А. Д. Ломтев

Жили-были два купца, Рязанцев с Милютиным. Они жили из окна в окно, значит — суседи. У них детей не было — ни у того, ни у другого. У Рязанцева был обед, съезжались генералы и купечество. И сделали записи: если будет у одного сын, а у другого дочь, то за протчих чтобы не отдавать. И под это дело все подписались, генералы и купечество; только осталось подписаться царю еще... Царь их требует к себе — представить царские *ремонты* в особенные города. Они с государем срядились и, наконец, подают свои записи. Царь просмотрел *йху* бумагу.— «Подписаться мне нельзя под это дело! Если родится у первого умный, а у другого будет дурак, не ладно будет! Я подпишу эту бумагу и оставлю ее у себя: если умные дети родятся у вас, у того и другого, тогда я их могу *сообшить* вместе».

Наклали они царских *ремонтов*, отправились в особенные города. Приезжают домой, у них жены, та и другая, обрюхатели (как ветром надуло). Уродился впоследствии время у Рязанцева сын, а у Милютина дочь. Рязанцеву священник дал имя Ва́нюшкой, а Милютиной — Катей. Сделались рады после этого. И вот они также — один без другого чаю не напьются — ходили.

Вырос эдак годов до десятку у Рязанцева Ванюшка. Сдумал отец у него ехать торговать в особенные города. Нагрузил он 12 кораблей товаров, набрал себе рабочих — лоцманов и приказчиков. Приезжает он в Англию и раскладывается торговать в английском городе. Поторговал этак лет с шесть. В воскрёсный день с приказчиками чайничать сел. Приказчикам говорит сначала: «Я, господа приказчики, думаю в свой город Питербург явиться из Англии».— Приказчики на ответ сказали: «Мы дивимся тому делу, как ты долго дюжишь,— один сын и одна жена дома у тебя, шесть лет ты проживаешь здесь!»

Они склали в корабли товары, отправились домой. Выехали серёдь моря на своих кораблях, корабли их стали. И сколько бы они ни старались, а корабли с места никуды. И бились трое сутки на этем месте. На четвёртые сутки Рязанцев вышел из кораблей наружу и кричал в воду, что «если такой *хитник* держит наши корабли, если что

надо, мы заплатим, только не держи!» — Из воды кричит человеческим голосом: «Не надо нам ни злата, ни се́ребра, твоих товаров не надо, а самого Рязанцева в воду! За то корабли и *судяржива́ем*!» — Рязанцев отвечал до трёх раз, а они также ему повторили до трёх раз, что «ничего нам не надо, окро́ме тебя! Самого тебя в воду!»

Рязанцев заходит в свою конторку, сучинил бумагу: «И кто жил за сто рублей, если доставит мои товары жене домой, тот получил человек двести рублей», — всякому человеку удвоил цену. Передаёт главному приказчику. Сам срядился в белую рубашку и подштанники (все равно как на смерть срядился). Выходит наружу и прощался со всем народом и с белым светом. Тогда пал в море. Корабли все равно как с крюков снялись, пошли в ход. Рязанцев остался на воде, бьётся, как лебедь, не тонет. Главнейший его приказчик взял подзорную трубу и говорит: «Если мне воротиться на корабле, то опять корабь *судёржит*. Погибай же голова одна, чем нам гинуть!»

Рязанцев из ума выбился, до той степени (маялся), и вдруг очудился около острова. Рязанцев вышел на берег, прославил Бога: «Слава Богу! Не потонул хоть (на сухой берег вышел)!» Снимает с себя портки и рубашку, выжал, повесил на солнце. Высохла рубашка скоро и подштанники его; надел он на себя рубашку и подштанники, отправился край берега: надо пищи искать чего, с ним ничего нету! — Рязанцеву попала тропа.

Пошел он по этой тропе, доходит до хорошего дома. Стоит дом каменный и двухэтажный. И он по нижному этажу по всем комнатам прошел, нигде не видит народу и куска хлеба не нашел. Заходит он в верхний этаж и видит в первой комнате: прилиплен на стене потрет — деви́ца. Подходит к этому потрету, читает; в потрете доказано, что Рязанцеву на этой девице жениться, в здешнем доме. — «Если ты меня не возьмёшь, — Рязанцев доказывает в потрете, — так мы тебя убьём здесь, из дому не выпустим!»

Перешел он в другую комнату. В другой комнате еще получше этого есть потрет, девица получше этой. Доказывает эта девица то же самое: «Если ту не возьмёшь, так меня возьми! А если нас не возьмёшь, так мы тебя убьём!»

Он перешел в третью комнату. И в третьей такой потрет, что получше его жены. «Рязанцева, — говорит, — *жалеем*; если уж тех не возьмёшь, так эту возьми!» — третью.

Рязанцев на то сказал: «Неужели мне еще Господь доведет во второй раз жениться? Да ладно, я с потретами разговариваю, а есть ужасно хочу, просить не у кого!» — Вдруг очудился стол и на столе самовар, графин водки и всего — жареного и пареного. Он напился, наелся; *покуль* Богу *морился,* убрали со стола, и не знаю кто. И он этому делу сдивился. Увидел он диван, лёг на него спать, уснул очень крепко.

Вéчера слышит: брякают колокольчики — едут к нему невесты. А перед Рязанцевым очутилась свеча и *стуло.* И приходят три девицы. Первого потрету девица подходит к нему: «Рязанцев, возьми меня! (Целует-милует.) Здесь богатства боле и твоего!» — «Отойди ты от меня! Неужели я во второй раз буду жениться! *Небаскáя,* нехорошая! Есть у меня жена почище тебя!»

Второго потрету подходит, целует, и милует, и приговаривает: «Рязанцев, белый свет тебе не надоел, так возьми меня в замужество! Не возьмешь, так мы тебя *кончим* здесь!» — Рязанцев не берет и эту.

Третьего потрету подходит, целует и милует, со слезами уговаривает его: «Послушай, Рязанцев, не надоел же тебе белый свет! Не хуже я твоей жены, чем не лучше! Тебе *жизь* будет хорошая, *прокладная* здеся!» — Рязанцев на ответ сказал ей: «Вы оставьте до завтрего: я на море намаялся, из ума выбился. А завтра я из вас хоть которую возьму!»

Поутру — солнце встало, на рассвете — Рязанцев встал, ходит по комнатам. Нужно Рязанцеву умыться и утереться, а утереться и воды не может найти, а попросить не у кого. Тогда очудилась на стене рукотерка, также и рукомойка. Умылся, Богу помолился и сказал: «Ах, вчерась я ел хорошо, а сегодни кто меня будет кормить?» — Образовался сейчас стол, на столе самовар, графин водки и так же натащили жареного и пареного ему: ешь что угодно! Он напился, наелся, вылез изо стола; Богу *покуль морился,* убрали со стола, и не знаю кто. — «Хотя, — говорит, — я людей не вижу, а кормят меня хорошо! Пойду я по комнатам: которая мне комната *заглянется,* в той я буду и проживаться!»

Зашел он в одну комнату, комната *аккуратная;* на полу много щепок. Взял он метёлку, начал заметать (обихаживать для себя). И видит: в щепах карта *винновый* валет. Из *виннового* валета вышло три *ухореза* и говорят: «Здравствуй, Рязанцев!» — Рязанцев на то сказал: «Братцы, я еще только

здесь (в первый раз) людей вижу!» — А эти молодцы́ сказали: «Мы не люди, а ду́хи! Что ты желаешь, мы исправим! А если ты не будешь нас посылать, мы тебя убьем самого!»

Рязанцев на то сказал: «Братцы, вы меня не предоставите ли самого в город Питербург?» — «*Дак* ведь еще что! Выйди на балхон, завяжи свои глаза белым платком — через час там будешь!» — Рязанцев приходит на балхон, сидел с час время. И час время проходит; время открывать глаза. Он открыл глаза и видит: не на балхоне, а около Петербургу на *елане* очудился (не успели в город затащить-то). Тогда Рязанцев прославил Бога: «Хотя я теперь и недолго поживу, а все-таки дома!»

И только выходит на дорогу и вдруг встречу ему едет его сват Милютин. Кучер обознал, Милютину говорит, что твой сват идет раздетый, в одной рубашке. Милютин приказал ему приостановить лошадей и поздоровался с ним. Кучер приостановил лошадей. — «Здравствуешь, господин сват Рязанцев! Что я вижу? Над тобой несчастие сделалось?» (Что общипан-оборван.) — Рязанцев Милютину сказал, что «если, может быть, поверишь, обскажу я тебе, что надо мной сделалось! Ехал я вперед морями, много *страсти* видал. Потом я, — говорит, — свои корабли пустил морями, а сам отправился на ямских. (Недействительно сказывает он ему, нача́л обманывать.) Последняя *станция*; попали лошади, видно, молодые, начали с места нас бить: всю карету изломали и кучера убили. Я, — говорит, — кое-как вылетел, всё с себя скинул: в рубашке и босиком ловчее мне выскочить (это все, — говорит, — *лопоть* я сбросил с себя)». — «Жене тебе показаться неловко! Хотя я на дело поехал, садись со мной, приоденься в лавках!» — Милютин обратился назад, повез его в город.

В своих лавках он обрядился в купеческую одежду тогда. Тогда он явился к своей жене. Жена его крикнула своим *лакейкам* — живо поставили самоварчик, натащила ему всякого кушанья, начали угощать его. Жена угощала и спрашивала: «Милый *ладушка*, хотя я тебя встретила, сердце у меня не на месте: явился гол как сокол ты!» — На то Рязанцев сказал жене: «Милая моя! Вперёд я ехал (морями), много *страсти* видал; теперь мои корабли идут морями, а я приехал на ямских». — На то ему жена сказала: «Если и корабли не придут, милый ладушка, так у нас и то есть чем жить, лишь бы ты жив был!»

Они проживались до той степени — корабли их тогда приходят уже на пристань. Требует приказчик Рязанчиху товары примать. Рязанцев запрягал лошадь, садил сына и жену, являлся сам на пристань. Тогда он по имени называл, по изотчеству всякого величал, что «спасибо! Предоставили мне товары и казну!» — Подавали письмо Рязанчихе, что «мы не признаем его за хозяина; непременно *прильстился* к тебе нечистый дух наместо хозяина: есть у нас от хозяина письмо». — Передают ей письмо.

Она смотрит и говорит: «Почему же ты мне объяснил не так?» — Сказал он ей на то: «Вам дела нет, как бы я ни прибыл! Я сам ваш хозяин! Если я нечистый дух, то сотворите молитву и нечистый дух должон отдалиться от вас! (Не скажу я вам, как я приехал! Дела вам нету!..) Кто жил за сто рублей, тот получит триста рублей, еще по сотенке прибавляю. Каждому человеку утрояю я цену. Только выгружайте корабли — товары! После этого пируйте трои сутки (на мой счет), только не запивайтесь! После трёх суток являйтесь ко мне на расчёт!» — И вот он на четвертые сутки их рассчитал: которому *принаследно* жить, которому отходить.

Сходил Рязанцев в стеклянный завод, о́тлил себе стеклянную шкатулку; взял на базаре ваты; взял *винно́вого* валета, оклал его ватой и запер в эту шкатулку. Запер эту шкатулку в комод и от комоду ключ (бросил) в море, чтобы никто не входил. — «Нечего, — говорит, — мне нечистым духом ворочать! У меня своих денег хватит!»

Нечистые духи после этого начали Рязанцев морить; слёг он хворать и помер скорым времём. После этого дела Рязанчиху начали морить, и она захворала; и ее кончили скоро. Молодого мальчишка погодить морить: пущай он отеческим капиталом поторгует! Торговля идет Ванюшке хорошая.

Не через долгое время духи ему в по́лдни приходят все трое. Поздоровались с ним, и он также: «Что, — сказал, — покупаете у меня?» — «Мы не покупать пришли, а в гости тебя звать!» — «Куды ж вы меня в гости позовёте?» — «Мы позовём тебя в гости в трактир (наперво)». — «Я в трактир не пойду!» — «А в трактир не за худыми делами. Тут есть особая комната: съезжаются купечество (торговые) и прибывают тут генералы. («Гостиный дом» называется.) Да тогда вы можете спросить: в каких городах товары можно купить подешевле?» — «А что же, денег взять с собой?» — «Нет, денег не нужно: мы тебя на

свои попотчуем».— Согласился Ванюшка с ними идти. Запер лавки и пошел в трактир.

Приходит в трактир, духи и говорят, что «половой, поднеси нам всяких вин, жареного и пареного, всякого десерту!»— Как он зе́лена вина не пивал от ро́ду — спился, сделался пьяный (Ванюшка). Подвели они ему то, что как будто сидят генералы, сидят купечество; говорят ему: «Вот, Ванюшка, можешь с ними и посоветоваться; не для худых дел мы тебя подвели». (Даром что никого нету.) — Ванюшка спился пьяной, лёг и лежит. А духи отправились, половому наказали: «Его не шевельте тут! Что караул стоит, мы утром придём и заплатим».

Утром рано духи приходят; половой бежит: «Что нужно?» — «Нужно нам ту же самую комнату! Принесите нам всяких вин и всякого десерту!» — Разбудили Ванюшку: «Ванюшка, не нужно так! Видел вчера: хорошие сидят люди. Нужно поговорить и отправиться домой!» — Ванюшку только опохмелили, распростились и ушли. И Ванюшка домой ушел. Приходит домой, чаю понапился, пошел в лавку торговать (Ванюшка).

«Я вчерась был в трактире: у солдата денег немного, а каку́ *фрейлину* себе подхватил! (Значит — *гулеванку.)* А если взять мне тысячу или две, так я первого лица себе даму найду! А если дождаться мне их, подлецов, то мне даму не попросить при них (стыдно, говорит, будет)!» — Приходит в трахтир.— «Что угодно?» (половой и говорит).— «Мне нужно даму; приведите *фрейлину* и чтобы был всякой десерт!» — Приходит 20 девиц: выбирай любую; которая понравится, ту и возьми! Он выбрал себе хорошего лица даму, моложавую, посадил против себя и начал угощаться вином. Девица сколько вина не пьёт, а больше вина подаёт. (Они знают, чего делать-то: с деньгами пришел — выудить охота.) Споила его допьяна, деньги у него вытащила, велела половому за трахтир его выбросить.

Идут полицейские, увидали Рязанцева Ванюшку, стали будить. Ванюшка проснулся.— «Что за люди?» — «Вставай, мы тебя поведём в арестантскую, что ты не валяйся *ночны́м быто́м* здесь!» — Ванюшка сказал: «Сведите вы меня домой, а завтра приходите ко мне в лавку; я с вами разделаюсь (рассчитаюсь)».— Поутру чаю напился, отправился в лавку торговать. Полицейские приходят; он надавал им всякого товару и денег: «Только не конфузьте меня, не говорите, что я в трактире был!»

После этого денег взял немало: «Не возьму я эту, возьму другую! С другой не лучше ли будет?» — Приходит Ванюшка в трактир. «Что надо?» — «Мне комнату, всяких вин и закусок! Мне *фрейлину* хорошую!» — Приходит девица хорошего лица, садится против него. — «Душечка, — говорит, — мы сёдни с тобой полюбуемся!» — И сколько она сама вина не пьёт, более ему подаёт. Споила допьяна, деньги выудила и его за трактир приказала половому вытащить. И эти же полицейские опять свели его домой, за деньги. Поутру рано проспался, чаю напился, пошел в лавку торговать. Не стали уже его в трактир пущать; стал по мелким б...ам соваться и по кабакам. Деньги все измотал, стал товары продавать. До того дошел, что всю *домашность решил*, у него нечем стало жить.

Милютин пошел на него с жалобой к царю, что «я не отдам свою дочь за него». — Царь говорит, что «я его назавтрева спрошу. Что ты мне ранее не сказал? Я бы его на *сокро́ту!*» — Повечеру Ванюшка приходит пьяный. С ним был отставной солдат, звали тоже Иваном. — «Что ты, Ванюшка, дался в пьянство, в распутство! А ты бы образовался, по крайней мере!» — начал старик учить его, солдат. — «Есть у меня отеческие деньги, ста-полтора; я тебе дам, не расторгуешься ли на них? Возьми пряничков, орешков!» — Солдат дал ему полтораста рублей; он пошел в б...в, все их прокутил. Потом, значит, приходит поутру пьян, опохмелиться нечем.

«Ох, дядя Иван, тащи на базар диван! Купи полштофа водки! А дадут лишку, так купи еще рыбину на ушку!» — «Ох ты, Ванька-дурак! Я все берег на похороны полтораста рублей! Отеческие деньги дарёны, а ты все пропил!» — «За эти хоромы нас и всяк похоронит!» — на то сказал Ванюшка («дом-де у нас хорош»).

Потащил дядя Иван диван на базар продавать. — «Когда он продаст, я пойду по комнатам, не найду ли что хорошего продать?» — Доходит он до комода. — «Ах, кабы сила у меня была этот комод вытащить! — скричал бы: — Налейте, братцы, четверть! Всяк бы налил!» — Увидал в комоде шкатулку, а в этом комоде ключа нет. Не подорожил он стеклом, ударил своим кулаком по стеклу, достал шкатулку. — «Вот шкатулочка форменная! Охотнику если продать, полштофа дадут мне за нее! А если, *может*, у родителя не заперто ли тут золото? Был у меня родитель капитальный». Ударил шкатулку об пол — шкатулка его расшиблась, в шкатулке образовалась вата. — «Эх, —

говорит,— прежде, как я отеческим капиталом торговал, так этой ватой ж...у только подтирал!» — Развернул он эту вату и видит: *винного* валета карта.

Из *винного* валета вышли духи, три человека: — «Здравствуешь, Ванюшка!» — «А вы *откуль,* братцы?» — «А вот,— говорят,— отца твоего уморили, и мать твою, и тебя до того довели, что и у тебя ничего нет. Если можешь нами править, так правь, а не можешь, так мы тебя кончим!.. Поди в ту комнату, в которой *проживаешь,* лежит у тебя на столе одежды много купеческой, денег сот пять рублей!..» — «Вот бы мне еще самоварчик, две чашки позолочены, сахару и чаю! Да бутылку водки на похмелье мне, больше,— говорит,— я пить вина не буду!»

Дядя приходит, бутылку вина приносит и рыбину ему.— «Ах, Ванюшка, у тебя еще и деньги есть?» — «Неужели же я их все пропил! Да нам денег с тобой навеки не прожить!» — «Вот что, Ванюшка, отдай мне полтораста рублей, мои деньги!» — «Возьми все 500 рублей! Не жалею!» — Отсчитал себе полтораста рублей.— «Ты, дядя, со мной не живи, поди на куфню! Когда я скричу обедать, тогда и иди!»

Выходят духи.— «Мы тебя, Ванюшка, будем учить!» — «Ну, учите!» — Духи говорят, что «придет к тебе от царя посланник солдат, будет тебя требовать к царю на совет. Смотри, он будет принуждать тебя жениться, а ты скажи: мне жениться не время, я еще отеческий капитал все поверяю!» (Он ладно поверяет!..) Посланник ушел, он посулился прибыть. Дал он солдату сто рублей денег за *проходы.* Солдат к царю приходит, объясняет, что «он не пьян, а дал мне сотенку на сапожки, вот за проходы».

До вечеру доживает и говорит: «Чтобы меня собрать получше царя самого!» (Начал *храпужить*!) «Предоставить чтобы мне тройку лошадей и с кучером».— Тройка лошадей подбегает и с кучером: карета вся *на золоте,* так же и дужка позолочена. Едет он городом — много народу из домов выбегали и смотрели: что за рыцарь едет? Посланники прибегают к царю: «Такой-то рыцарь едет в гости,— как его прикажешь встретить?» — «Заедет к нам во дворец — принять его по́д руки, завести в мое зало и посадить со мной рядом!»

Царь спрашивал: «Из каких ты родов? Из какого королевства?» (Думал, что какой королевский сын.) — «Ваше Царское Величество! Не смейтесь надо мной! Я Иван Васильич Рязанцев сын, по требованию Вашему! Что изволи-

те у меня спросить?» — «А что, Иван Васильич, ты теперь грамотный?» — «Грамотный!» — «Есть у меня отеческие записи, не угодно ли просмотреть вам?» — «Да, Ваше Царское Величество, покажите, я посмотрю». — Дали ему записи. Он просмотрел, сказал, что «хорошо отцы наши сделали!»

Царь на то ему сказал: «Тебе, Иван Васильич, время жениться!» — «Мне жениться, Ваше Царское Величество, не время!» — «Почему не время?» — «Потому не время, что я отеческий капитал все еще поверяю». — Царь ему на то сказал: «*Слыхом* земля полнится. Слыхал, что ты наполнил отеческими деньгами трактиры, и кабаки, и б...и». — Рязанцев сказал: «Ваше Царское Величество, если хочете меня знать, задумайте где-нибудь собор класть и потом пошлите завтра по нашему брату, по купечеству — *то* узнаете и меня!» — Царь его за это похвалил. — «Ты теперь отправься домой, а я *заутрю́* пошлю генерала по купечеству».

Приезжает домой и говорит: «Духи, вы сегодняшнюю ночь притащите тысяч 30 денег, и у меня в дому чтобы было украшено одним словом хорошо! Чтобы два стула было на *золоте* и две чашки позоло́чены, чтобы было генерала угостить мне чем!» Поутру Ванюшка встаёт, у него все готово: наслаты ковры на полу и *убраты* драгоценными камнями, стены под лак подведёны — вроде зеркала глядись; два стула на золоте, две чашки позолочены и денег подтащили 30 тысяч ему.

Поутру́ приходит к нему генерал. А у него для генерала самоварчик готовый. Генерал приходит — боится и на́ пол стать, какое у него украшение. Поздоровался с Рязанцевым. Рязанцев пригласил его с собой чай пить; чай пить он не сел: «В каждом мне дому садиться — этого много будет!.. Пришел я по вчерашнему завещанию: что можешь ты на собор приложить?» — Рязанцев сказал: «Вы, Ваше Высоблагородие, записывайте, кто сколь приложит? Дайте мне записи, я просмотрю!» — и кто от щедрости десятку, кто пятитку, кто сотенную, а его тесть Милютин приложил один рубль серебра только. Он генералу говорит: «Генерал, посоветуйся со мной: меня тесть считает пьяницей, а сам приложил один рубль серебром только! Мне остаётся одну *четь* копейки только подписать. Я не приложу ничего. Пущай царь завтра меня еще на совет позовёт. А тебе на сапожки сотенку дам, за проходы». — Генерал приходит и сказал, что «все приложили,

а Рязанцев *четь* копейки не приложил, мне сотенку дал на сапожки... Ну, да мы завтра его еще призовем на совет».

Поутру приезжают к Рязанцеву (посланные духами) хохлы на 12-ти подводах на быках; и *флаки* казённые. Выходил солдат Иван, прибегал к Ванюшке и сказывал об этих хохлах. Ванюшка сказал: «Ступай, дядя, скажи им, что быков кормить здесь некогда, пущай они поедут на *свалку*!» (Куды им *принаследно* сваливать, значит.) Тогда ехали хохлы Петербургом к царскому дворцу. Тогда генерал усмотрел и сказал, что «едут с казной неизвестно куда, а *флаки* наши!» — «Хорошо!» Царь приказал спросить, что они везут и куды? — Генерал приезжает и спрашивает. — «Мы везем золото!» — хохлы отвечают. Он не поверил, спросил другого. — «Мы везем во дворец золото царю». — Он спросил третьего. Третий соскочил, его нагайкой: «Что же ты лезешь к нам насильно?»

Генерал приезжает к царю с жалобой, что «дураки не дураки едут: одного спросил, он мне сказал, другого спросил, он меня *матюком*, а третий — нагайкой». — Царь на то сказал: «Били тебя, да и мало! Едут они безо всякого конвоя, а ты лезешь к ним! Должон первого спросить и оборотиться назад!.. Встреть! Если никакой подмеси нету у них, спасибо скажи!»

Царь не мог утерпеть, сам вышел поглядеть золото. Которую бочку ни *раскуборит*, хорошее золото. Царь сказал: «От кого это золото? За чего присла́то?» — «Прислато это золото от Рязанцева купца на собор, 12 бочек». — Тогда царь сказал: «Вот, считаем мы дураком его! Смотри, дворный генерал, садись скорей на лошадку да привози его сюда на совет!»

Дворный генерал живо садился на лошадку и являлся к Рязанцеву-купцу. Приезжает к Рязанцеву, просил его поскорее к царю на совет. Рязанцев сказал: «За тобой же следом явлюсь, а на твоей лошадке не поеду!» — Рязанцев сказал своим духам: «Снарядите меня почище царя и карету предоставьте ту же самую и с кучером!» — Карета прибегает, садился в карету и явился к царю.

Царь его приказал встретить таким же манером, завести в зало и посадить с ним рядом. Царь ему говорит: «Послушай, Иван Васильич! Время тебе жениться! Чем тебе одному жить, женись!» — Сказал Иван Васильич: «Я не возьму ее, распишуся!» (Милютин запросватал свою дочь

за генерала.) — «Куды она знаёт, туды и ступай, когда тесть считает пьяницей меня». — Расписался в этом деле.

Царь ему говорит: «Я тебе чин дам (что много золота приставил)!» — «Какой же ты мне чин дашь?» — «Дам тебе чин генерала, будешь ты у меня генералом служить». — «Нет, я не принимаю чин генерала, это мне будет затруднительно: отеческий капитал некогда будет поверять. Лучше я тебе буду по тысяче рублей на́ день на армию выдавать; а военной службы я не знаю... Вы и думаете, что эти деньги, 12 бочек золота, у меня отеческие магазины навалены меди доверху, мне навеки не прожить!» — «Все-таки я тебе за это чин дам». — «Какой же чин?» — «Я тебе чин дам городничина. Вот это, городничина получишь, будешь каждый день в Синод съезжаться и за одним столом кушать будем». — На это он согластен. Потребовал на него галуны и назначил его Городничиным; и приказал будку выстроить, чтобы около его дома караул был (чтобы часовы солдаты стояли день и ночь).

«Духи, неужели я сроду буду не женат?» — Духи ему сказали: «Вот тебе на три вещи! На эти три вещи обманывай свою невесту записную!» — Вечер приходит; и как они жили из окна в окно, он вывесил из окна золотые серёжки (над окном). Усмотрела невеста серёжки: «Пойду я их поторгую! Завтра с генералом мне будет на вечеринке хорошо сидеть!» — Приходит к окну. — «Записной ты мой женишок, Иван Васильич Городничин! Не продажны ли у тебя серёжечки? Продай мне!» — «Не продажны! Зайди ты в мою комнату, поцелуй меня умильно, — я тебе в подарочек дам!» — Поцеловала, взяла серёжки, приходит в свои комнаты, надела у уши и видит, что очень хорошо.

Потом он вывесил золотые *янтари*. — «Пойду, поторгую: завтра мне с Городничиным будет на вечеринке сидеть хорошо!» — Приходит: «Записной ты мой женишок, Иван Васильич Городничин! Не продашь ли мне золотые янтари?» — «Не продажны, а заветны! Зайди ты в мою комнату, поцелуй меня умильно, я тебе в подарочек дам!» — Поцеловала умильно, взяла янтари; приходит (домой), золотые *янтари* надевает на себя, глядит в зеркало; ей очень хорошо поглянулось.

Вывесил он золотой перстень после того. Она приходит: «Записной ты мой женишок, Иван Васильич Городничин, не продажный ли у тебя перстень?» — «Зайди в мою комнату; родились мы с тобой в одни часы и мину-

ты, выдают тебя теперь за генерала за старика, отдаешь честь старику! Отдай лучше мне». — Согласилась; ему и честь отдала. — «Послушай, твое дело девичье; сними эту *стану́шку*, я тебе дам свежу, мамонькину; а завтра очаг затоплю, сожгу!» — Она отправилась после этого домой.

Поутру́ Милютин отправился царя на вечеринку звать к себе. Царь ему сказал: «Если дозволит мне Городничин, так я поеду: пущай он мне записку пришлёт! Я повечеру не обязан ехать, Городничин меня за это судить будет?» (Царь будто бы отваливает от себя.) Приходит Милютин домой и сказывает своей жене: «Вот кого нам не надо, а царь велит его звать!» — Тогда Милютин отправился его звать.

Приходит в его комнаты, боится и по́ полу пройти. А у него для тестя и самоварчик готов. Поздоровался с Городничиным и говорит: «Желаю я тебя к себе на вечеринку, царь приказал; и царь велит тебе записку дать, чтобы царь на вечеринку прибыл». «Неужели я царя больше? Пущай же царь пришлет мне сам записку, велит прибыть — тогда и я буду готов. Я царя не больше!» — (Тоже его не шибко *обгудаешь*, видно!) Милютин во второй раз пошел царя просить к себе на вечеринку. Тогда царь написал записку: «Пущай Городничин готовится на вечеринку», — ему передать велел. Милютин приходит, передает. — «Вот я теперь буду готовиться к тебе!»

Вечер приходит. — «Духи, предоставьте мне золотую карету и тройку лошадей с кучером! И круг дому чтобы были фонари и чтобы часовые солдаты стояли!» Повечеру царь приезжает к Милютину. Только в дом заезжает, также и Рязанцев заезжает. Они вылезают из карет, поздоровались с царем, взяли рука по руку, заходят в милютино зало.

И всем стулья и место, а Городничину стула нету; все по местам сели, а Городничину стоять приходится. Царь видит, что непорядки, из-под себя *стуло* вытянул, подал его Городничину. Тогда царю подали *стуло* другое.

Стали обносить водкой и угощать всяким *бисертом* народ. Купечество хвасталось деньгами и товаром, в пирах, а генералы хвастались своими деньгами. (Напьешься — похвастаешься.) Все перехвастались. Царь на то сказал: «Теперь, Городничин, нам приходится похвастать, напоследе! А все-таки тебе, Городничин, наперёд хвастаться: ты помлаже меня маленько!»

Сказал Городничин: «Мне хвастаться нечем! Мое дело молодое, я по городам по чужим не бывал, ничего не видал, нечем и хвастаться!» — А Милютина жена выскочила и говорит: «Ваше Царское Величество! Он много бывал по трактирам, и по кабакам, и по б...ам, и этим можно похвастаться!» — Царю сделалось это конфузно. «Не тебя спрашивают, твое дело бабье, молчать! По крайней мере он предоставил 12 бочек золота на собор, а вы дали всего один рубь серебра! Он вас купит всех!»

Всё-таки похвастаться (надо). — «Да, — говорит, — есть у меня чем похвастаться! Послушать есть чего! Как вы выбрали меня в городничины, захотелось мне погулять по городу с кучером. Выехали мы за город в такой палисад. По этому палисаду бежит чернобурая лисица. У меня отеческий пистолет хороший. Как я *полыснул*, лисица с *копылков* долой. Только подбегаю к ней, она соскочила, убежала. Зарядил во второй раз. Едем дальше. Бежит другая чернобурая лисица. Как *полыснул*, и эта с *копылков* долой (застрелил, значит). Только подбегаю к ней, хочу ее за уши взять, она убежала, и эта.

В третий раз зарядил. Едем ещё дальше. Попала опять лисица нам, третья. Эту как *полыснул*, с ног долой и не трепеснулась что есть. Что и сделал? — Кожу-то с нее снял, а мясо еще могло убежать». — Тут все захлопали в ладоши: «Неправду сказал!» (Не верят.) — «Это я могу вам на прахтике показать, мясо и кожу!» — «Это было бы хорошо; показал бы нам, мы бы лучше поверили!» — Он вынимает эту самую *станушку*, а станушка была именная, Милютиной дочери. — «Вот, говорит, — я как отеческим пистолетом как *пласнул*, — говорит, — вишь, дробь разлетелась».

Тогда царь понял в этом деле. Приказал генералу вылезти, а Городничину за стол сесть с Милютиной дочерью. — «Когда умел честь взять, так и невеста твоя!» — Генерал вылез, а он залез к ней за стол. Матери с отцом не шибко охота, а деваться некуды!

Утром повенчались, завели пировку.

Чудесная сила

48(16). ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Рассказал А. Д. Ломтев

Жил-был мужичок. У него было 12 сыновьёв и 12 дочерей; один, Илья Муромец, был без ног. Отец его отвез в леса, в особенную избушку, и он Богу молился 12 лет. Летней порой приходит к нему старичок. Старичок поздоровался с ним и говорит: «Илья Муромец, нет ли что у тебя напиться?» — Илья отвечает: «Есть у меня пивцо, отец привез, только у меня ног нет; не сходишь ли сам ты?» — Старичок сказал: «Как добрые люди ходят, так и ты стань да поди!» — Тогда Илья Муромец стал, взял *тýес,* пошел, принес *туес* пива. Старичок немного попил и говорит: «Илья Муромец, ну-ка теперь после меня допей это пиво, из этого *туеска!*» — И он выпил. Объяснил старику, что «я чую в себе силу непомерную: чтобы был столб от земли и до небеси, а в столбу бы кольцо, я взял бы за кольцо и поворотил все».

«Ты принеси еще, Илюшенька, мне пива!» — Принес он *туес* пива. Старичок попил, остатки подает: «Допей, Илюшенька, остатки!» — Выпил и говорит: «Теперь против той силы треть доли у меня нету, мало остается силы!» — «Будет тебе! Против простонародия, — говорит, — будет и этой!» — Старик с ним распростился; только старика и видел он.

Илья Муромец собрал кое-что с собой, отправился домой пешком. Приходит домой. Мать очень сделалась рада. А родитель был на пашне, их дома не было с детями. Приказал Илюшенька: «Родительница, напеки лепешек

и блинов, я отправлюсь на пашню к родителю, гостинца понесу им».— Мать напекла блинов и лепешек; он отправился на пашню. Приходит. Некоторые братья признают, что «это братчик Илья Муромец идет наш».— *То* он скричал: «Идите, родитель, и вы, братья, пообедать, горячих блинов есть!» — *То* они побросали топоры, шли на *стан;* с ним поздоровались, начали обедать. Илья Муромец (сказал), когда они пообедали: «Ложитесь, родитель, и вы, братья, спать, а я немножко порублю там лес!» — Тут сказали братья, что «мой возьми топор!» А другой: «Мой возьми!» — «Ладно, братья, ложитесь только спать! Который топор *погля́нется,* тот и возьму».

Илья Муромец, все равно как *осот,* всякую лесину дёргал, и выдергал, и бросал в Неву-реку. Захотелось ему Неву-реку спрудить, а Нева-река другим местом прошибла. (Не мог её лесом спрудить.) Сколько ни было лесу, он весь лес выполол и весь в реку сбросал. (Какой рубака славный!) Приходит на *стан:* «Будет, тятенька спать!» — Те стали, сдивилися. Запрягли лошадей, приезжают домой.

То приехали домой. Он говорит, что «родитель, пусти меня в поле, широ́ко раздолье, людей посмотреть, самому себя показать!» — Приходит он на *баршину;* видит народу много. Приходит и говорит: «Нет ли у вас борца такого?» — Один выходит: «Давай поборемся!» — А он оговорку поимел с ним, что «братец, чтобы в просьбу не ходить, кто кому чё сделает!» — С ним взялись бороться; как поднял, тряхнул, *то́рнул* его о́б землю, у него и кишки вылетели, у этого человека. Однако взял так, бросил на *укидку* и того убил.— «Наро́д слабый! — говорит,— нечего его и *хитить!*»

Приходит домой, садился на завалину. А у него сусед был купец. Суседу стал обсказывать об этом; сусед сдивился.— «Вот бы мне такого в лавку! — говорит,— ну, не смел бы воровать другой!» — Тогда Илья Муромец согласился к нему в приказчики, нанялся за 40 червонных на месяц, чтобы семья ходила к нему обедать. Купцу хотя дорого: «Ну, на *испытущу,* что из него будет!» — согласился. Приводит его в лавку, рассказал, чё почём продавать. Начинает торговать, и торговля идет ему хорошая.

Купец поехал на ярманку, а он остался торговать. Купец с ярманки приезжает — товары он распродал все.— «Господин хозяин, деньги получи, а товару свежего нагружай!» — Купец тому делу сдивился, что «я 30 лет торговал, столь не выторговал, как ты выторговал в одну

неделю!» — Илья Муромец не согласился сидеть в лавке, торговать: «Лучше по белому свету съездить покататься!»

Пошел он на рынок себе богатырского коня искать. Сколько он на рынке ни ходил, а как руку свою наложит, под рукой кони гнутся. Тогда он ходил по городу, приходит к священнику; у священника *своробливый* жеребенок есть. Этот жеребенок может под рукой под его дюжить. — «Поди, родитель, купи мне этого жеребенка у попа! Что он запросит, то и отдай!» Приходит его родитель к священнику, торгует жеребенка, а поп просит сто рублей. Этому старичку дорого показалось, приходит без жеребенка домой.

То Илья Муромец сказал: «Что ты мне, родитель, не купил?» — «Очень он дорого просит, сто рублей!» — «Если запросит он двести, и двести рублей отдай! Не пожалей, пожалуйста, купи мне этого жеребенка!» — Во второй раз приходит, батька запросил за него двести рублей, а старик ему подал двести рублей. Кое-как до двора довёл, поставил его в такой струб и ходил за ним день и ночь, кормил его. *То* он через два месяца почуял в себе силу, выскочил из струба и мог вывороти́ть колодец (яму). Потом Илья Муромец скоро коня поймал, привязал коня; пошел на рынок, купил себе богатырское седло и уздечку.

Потом он простился с родителем, сел на коня, обседлал его и поехал. От царя он жил расстояние в ста верстах. Был он дома у заутрени, а между этого дела поспеть охота ему к обедне к царю. Каким родом? — Прямой дорогой, где Соловей-разбойник сидит на 12-ти дубах. Соловей-разбойник не пропускал ни конного, ни пешего, на 12 вёрст от себя не допущал; как свистнет, конь убьётся, и человек мог погинуть. Был раньше тракт, забросили его; никто не ездил, а он осмелился ехать. Приезжает он близ Соловья-разбойника. Соловей-разбойник свистнул, и конь его на коленко пал. Он своей боёвой палицей бил его по бедрам. — «Что ты, травяной мешок, врагу покоряешься? Я соломенный мешок, да и то не покоряюсь!» — *То* конь его спрыгнул, веселее того побежал.

Подъезжает близ Соловья-разбойника, а Соловей-разбойник свистнул в весь *свиск.* Конь его опять поткнулся, на коленки пал. — «Что ты, травяной мешок, врагу веруешь? Я соломенный мешок, да и то врагу не верую!» — Бил его по бедра́м. *То* конь его спрыгнул, веселее того побежал. — Тогда видит Соловей-разбойник, что он *гонит,* свистел лихим матом. Тогда конь на это не смотрел, летит

прямо к дубам. *Подогнал* к дубам, натянул свой лучок, кленовой стрелой сшиб его с дубов. Привязал его к *стременам,* отправился к царю.

Едет он мимо его дочерей. А дочери увидали, сказали, что «тятенька нам гостинец везет». Соловей-разбойник отвечал, что «тятеньку самого везут в *тороках.* Вы обед про Илью Муромца исправьте; он не пожалеет и меня!» — Поскорости навешали над воротами стопудовую доску: что «мы позовем его в гости, так спустим эту доску, задавим его». — Расслушал Илья Муромец такие речи: «Некогда мне обедать разъезжать, нужно мне и к *обедне* поспевать!»

Приезжает прямо в монастырь, пускает своего коня в оградку, а сам заходил в Божий храм. Обедня отходит, весь народ выходит; также и богатыри выходят, видят, что у него конь в Божьем храме, в ограде, значит, непорядки! Один богатырь, увидевши Илью Муромца, берет он коня: «Как ты можешь в Божий храм завести коня? Я вот возьму тебя, как трепесну, только и было! (Как ударю и убью!)» — Илья Муромец на то осердился; ударил своей боёвой стопудовой палицей богатыря — богатырь разлетелся на мелкие части.

А другой говорит: «Вот, знать-то, ты мне будешь брат, силой ровнак!» — Илья Муромец сказал, что «в поле съезжаются, родом не считаются! Давай мы с тобой сначала съедемся, *побратуемся* — тогда братьями назовемся!» — *То* они разъехались с ним на версту, ударились — у них палица об палицу впились обе, никто не мог друг друга *похитить.* Тогда назвались они братья, что «силой равны мы с тобой!».

У царя был бал. Обносили по бокалу, и по два, и по три, и некоторые начали хвастаться, купечество — деньгами, а богатыри — войсками. А Илья Муромец похвастался, что «я прямой дорогой ехал, Соловья-разбойника сшиб с дубов». — Тогда не верили; доложили государю, что «похвастался Илья Муромец Соловьем-разбойником; пускай он его притащит, поглядим, что за Соловей?» — Притащил Соловья-разбойника. Всем нужно посмотреть. Царь сказал: «Что, Илья Муромец, можно ли его заставить свистнуть?» — Илья Муромец с оговоркой: «Ваше Царское Величество, я заставить заставлю, чтобы меня не *запричи́нить,* народ тут есть хилый, которые кончатся!» — Царь приказал ему, чтобы свистнуть тихо.

Тогда он царя взял под правое свое крыло, а царицу под левое; скричал Соловью-разбойнику, что «как можно

тише свистни!» А Соловей-разбойник свистнул во весь свист, народу, простонародия, повалил как варом, много народу убил. *То* Илья Муромец взял Соловья-разбойника, *полы́снул* его об землю и расшиб на мелкие части (нарушил его тут: что народу много погубил). Поблагодарил его царь, взыску никакого не сделал с него (что народу много он похитил).

То он отправился в путь дальше, Илья Муромец. *Натакался* он на Егора Златогора. Егор Златогор с руки на руки горы перебрасывает — шалит. (Посильнее Ильи-то Муромца еще.) Тогда *стегнул* Илья Муромец Егорову лошадь, она прыгнула, а Егор Златогор не мог поворотиться, увидать, отчего она прыгнула. Во второй раз Илюшенька еще стегнул Егорову лошадь, она еще дальше упрыгнула. Тогда увидал он Илью Муромца. — «Илья Муромец, балуешься! (*Понюжаешь* мою лошадку!)».

Посадил его со всем с конем в карман Егор Златогор. У Егора стала лошадь спотыкаться. Егор стал лошади говорить: «Что ты, моя лошадка, потыкаешься? Или тебе старость подходит?» — Конь отвечает, что «ты посадил богатыря не хуже себя! Как же мне не тяжело, не спотыкаться?» — Выпустил его из кармана, поехали с ним рядом.

«Ну, теперь, Илья Муромец, поедем к моему родителю!» (Егор Златогор сказал.) Попала им старушка: идет старушка с *пестерюшкой;* сверсталась старушка против них; *пестерюшка* будто бы вырвалась у ней из рук — пустила ее на землю. Старушка ответила: «Господа богатыри, подайте мне *пестерюшку;* у меня спина болит, согнуться я не могу!» — Егор Златогор приказал Илью Муромцу подать старушке *пестерюшку.* Илья Муромец подъезжает к *пестерюшке,* хотел своей ногой поднять, ничего не может поделать; соскочил с коня, принялся руками, — *пестерюшка* только шевелится мало-мало, а от земли нисколько не подымается, ничего не может отодрать ее.

Наконец, Егор Златогор сидел, смеялся: «Эх ты, Илюшка, не мог подать старушке *пестерюшку!*» — Тогда Егор Златогор слез с коня, сам за *пестерюшку* взялся, никак не мог *пестерюшку* пошевелить. Тогда Егор Златогор садился на коня, сказал старухе: «Как знаешь, так и подымай сама: мы не можем!» — Старуха, наконец, сказала: «Вы г...ы! Называетесь богатыри, а г...ы, *пестерюху* не могли подать старухе!» — Тогда старушка взяла *пестерюшку* и опять пошла. И они поехали.

То приезжают к Егору в дом. Приказал Егор Златогор положить боёву палицу на огонь: «Не подавай ему руку (когда будешь здороваться), а подавай палицу, а то он изуродует у тебя руку. Отец,— говорит,— у меня слепой, все равно не увидит!» — Приезжает; в огонь палицу бросал Илья Муромец; поздоровался Егор Златогор с родителем.

А тогда родитель сказал, что «нет ли у тебя какого товарища, Егорушка?» — «Я привез братчика Илью Муромца».— «Илья Муромец, дай-ка мне свою правую руку — поздороваемся со мной!» Илья Муромец выхватывал свою боёву палицу, подавал старику вроде руки здороваться. *То* он пожал боёву палицу — из обоих концов сок пошел. Сказал старик слепой, что «есть у тебя, Илья Муромец, сила! Не против Егорушки, все-таки есть сила!»

Пообедали; поехали с ним в путь опять. Приезжают близ Невы-реки, услыхали в таком *Урале* шум, *вереск.* — «Что такое? (Пискотня!) Подворотить нужно».— Заезжают в такую трущобу; оказалось: стоит только один гроб, а в этом гробу ничего нет. Сказал Егор Златогор: «Ну-ка, Илюшенька, не про нас ли эта гробница исправлена? Ляг в нее, померяй!» — Илья Муромец лег в этот гроб, он ему долог и широк.

Тогда Илья Муромец вылезал из этого гроба, Егор Златогор лег. Егор Златогор лег в гроб, ему всё равно как впилось: не долог и не широк.— «Ну-ка, Илюшенька, накрой крышку! Как придется?» — Илья Муромец накрыл крышку, все равно как и тут было, впилося.— «Теперь можешь *скрывать!*» — Илья Муромец стал открывать, открыть не может. Сказал Егору Златогору, что «я оторвать руками не могу!» — «Бей боёвой палицей, чтобы гроб разлетелся!» — Ударил он по гробу, налетел на его обруч железный; ударил во второй раз — другой; в третий раз ударил — три обруча.— «Знать-то, Егор Златогор, тебе вечно быть в гробу! Нечего и щелкать, три обруча натянуто на тебе!»

«Пробей над моей гортанью дыру, я тебе силы дам!» — *То* он пробил своей боёвой палицей дыру. Егор Златогор сказал: *«Смотри,* Илюшенька, покуль идут белые слюни, пей, а желтые пойдут — не пей!» — Пьет и чует в себе силу непомерную. Пошли слюни желтые, не стал он пить.— «Будет, Егор Златогор, мне и этой силы!» — «Возьми боёву палицу и испробуй: ударь дуб, как дуб разлетится!» — *То* он ударил, а дуб разлетелся на мелкие поленья сразу весь.

Тогда распростился Илюшенька с Егором Златогором, немножко отъехал и окаменел на коне: ходу не стало, Господь не попустил. А Егор Златогор окаменел в гробу. (Ведь нынче богатырей нету!) И недалеко от Невы-реки они (окаменели).

49(18). БОБА́-КОРОЛЕВИЧ

Рассказал А. Д. Ломтев

Жил-был король. У короля был сынок Боба́-королевич, и он пяти лет начал шутки шутить: если возьмет человека за руку, как *полы́снет* и убьёт. Потом королю стали приносить жалобу, что «сынка своего *посокроче* держи». — Король этому не верил. Заставил своего сына: привезена была *связь* (огромная лесина) на пятёрке, велел он: «Можешь ли ты, сын, выбросить эту *связь* через дворец?» (Попытать захотел сына.) — «Нет ли кого за дворцом? — Убери!» — *То* он подходит к этой *связи,* взял ее в руки и бросил за дворец. Отец удивился этому делу. Приказал ее на место положить, где она лежала. Боба-королевич принес ее на место.

Приказал ему отец скласть каменный столб: только бы ему была, значит, кровать-лежанка и окошко, решетки чтобы были крепкие; форточку оставить небольшую, чтобы пищу только совать. Склали этот столб, заводит его в столб родитель, запирает в столбе его. Носила ему пищу девка-чернавка, все за ним одна ходила. Проживался он в столбе с год.

Дело было в праздник, а девка-чернавка приносила черного хлеба и пирог с рыбой; тогда Боба-королевич скричал в окно: «Девка-чернавка, сегодня день праздничный! На что ты мне чёрного хлеба ломоть несёшь?» — Сказала девка-чернавка: «Смотри, Боба-королевич, хотя пирог хорошо́, ты его не ешь: он состряпан с зельями; как ты поешь, так тебя разорвет на три части. Лучше съешь черного хлеба, то будешь ты цел». — Сказал Боба-королевич: «Девка-чернавка, меня отопри, тогда мы скричим борзых кобелей, *травим* этот пирог!» — Отперла; скричали борзых кобелей; борзы кобели съели пирог, их на три части ро́зорвало. — «Я уйду без вести и не покажусь больше. Положь — на́ вот тебе из борзых кобелей

печенку и сердце, положь на тарелку; приди в комнату, запнись, они слетят с тарелки-то; родитель прикажет собакам выбросить: собаке собачья смерть!»

Девица так и сделала. А сына велел король не в показанное место где-нибудь зарыть. Тогда она выбегала, рабочим сказала: «Скажите, что закопали, и не сказывайте про него!»

Боба-королевич отправился к Маркобруну в государство. К Маркобруну в палаты заходит; увидал Маркобрун, что он из себя красивый и молодой, мужественный. Маркобрун сказал, что «откудова ты, молодец?» — «Роду своего племени не знаю, заблудящий я человек; прими меня к себе в дети!» — Назначил Маркобрун ему имя свое. (Боба-королевич свое имя и фамилию не сказал.) У Маркобруна дочь очень хорошая была; и они жили как брат с сестрой с ней в одной комнате.

Во сневидании увиделся ему (Бобу-королевичу) сон: слышит человеческие разговоры и конный *топот*. Сказал: «Сестра Маркобруновна, это что? Я во сновидании вижу: прибыли к нам много народу и конной *топот* и ржание?» — Маркобруновна отвечала: «Это прибыл к нам жених за мной, Лукоперов сын, с *силой* и с богатырями. Если с добра папаша не будет меня отдавать, то сейчас выйдет бой, драться будут». — Сказал Боба-королевич: «Если бы мне богатырского коня и боёву палицу во сто пудов, я бы сейчас их всех замирил!» — говорит. — Сказала Маркобруновна: «Братчик, скажи мне, ты роду племени какой? А то тебя, может, убьют, так я тогда буду знать! Если скажешь, тогда я дам тебе коня!» — «Родитель у меня король, а имя его Сенбалда, правит он королевством, а меня зовут Боба-королевич».

Она взяла ключи, пошла отворила подвал, выдала ему богатырское седло и потнички и уздечку; отворила ему конюшни, дала богатырского коня. Коня он ловил, клал потнички, подтягал 12 подпруг шелковых: шелк не рвется, булат не трется, серебро не ржавеет.

Садился на коня, торопился, не взял с собой ни меча, ни боёвой палицы, а попала ему метла. Пустил коня, и конь выскочил через дворец. И он метлой всех их перебил — богатырей и простонародие; одного оставил: «Поди, скажи Лукоперу, чтобы дожидали Бобу-королевича; я приду, все королевство *порушу*!» — Маркобрун подивился: «Ах, милый сын, будешь ты в совершенных годах, выдам я за тебя свою милую дочь, будешь ты мой

зять!» — *То* они жили с ней очень вместе и спали на одной постели, с Маркобруновной; нажили брюхо себе.

Он пожил немного. Вздумал в Лукоперово царство съездить Боба-королевич. Поймал коня и отправился по *Уралу. Натака́лся* он на монаха: монах стоял у дубу, Богу молился. Монах сказал: «Ах ты, Боба-королевич, едешь несколько суток, коня не поишь! Дозволь — есть у меня хороший ключ — я твоего коня напою!» — Слез Боба-королевич, подал монаху коня, сам остался у дубу; много время ждал, не мог коня дождаться. «Вот так монах! Обманул молодца; остаюсь пешком».— Тогда отправился пешком.

Приходит в Лукоперово государство, заходит к Лукоперу в палаты. Лукопер спросил: «А откудова? Какой ты, молодец?» — «Я роду не простого, Боба-королевич; сына твоего замирил и хочу твое царство *порешить!*» — Крикнул своих богатырей: «Богатыри, свяжите его, закуйте, сведите его в такой каменный столб, поставьте!» — Богатыри схватили его, заковали и связали и свели его, поставили в каменный столб. И он стоял тут не меньше года; с голоду не морили, досыта не кормили.

Лукопер приказал на окончание: «Что его кормить? Убить его, только и всего!» — Богатыри удумали, что «если мы отворим ему воро́ты, то дело дря́нно; надо сверху к нему лучше спущаться!» По одному спущались — он их тут убивал сразу, да поле́ницу клал. Набил их много, а также взял себе боёву тут палицу. Он их нагородил вроде лестницы, мог вылезти сам из столба. Приходит к Лукоперу в палаты.— «Лукопер, прощайся с жизнью!» — Как качнул его и убил. Что у него в государстве, всех перебил и сжег город у него.

Отправился в путь домой, к Маркобруну. Доходит до монаха: монах Богу молится, а конь ходит на лугах у него.— «Вот ты, господин умоле́нный монах! Ты меня так разобидел, я из-за коня продолжал цельной год в замке!» — Сказал монах: «Не посердись, Боба-королевич!.. А твоя Маркобруновна выходит теперь за Манзилея замуж, за королевского сына; и они сидят за столом. Теперь на́ вот, съешь ты этого сорту ягоду, будешь ты старик; нужно тебе молодым быть, вот еще другого сорта ягод дам; съешь этого сорта, будешь молодой».

Садился он на коня, пущал своего коня в ход. Приехал скорым времём, пустил коня во *дворец,* а сам стоит во *дворце* стариком. Маркобруновна по верхнему этажу чары обносила, также вышла на широкий двор, обносила просто-

народие; доходит до него: «На́-ка, старичок, выпей бокал водки!» — Старик говорит: «Здравствуешь, Маркобруновна сестричка!» — «А что ты мне за брат, старик?» — «Неужели ты не узнала своего братчика, Бобу-королевича?» — «Что ты городишь, старый пёс! Разве у меня брат этакий? У меня брат красивый, молодой, а ты ведь старый старик, седой!»

«Если ты не признаешь, выпусти коня, и конь меня признает». — Пошла она в конюшни, выпустила коня — конь подбегает к нему, на коленки пал перед ним. — «Ишь какой ты хитрый, старый пёс!» — «Сейчас я буду молодой, сестра!» — Съел хорошую ягоду и сделался молоденький — *здрел* бы, глядел, с очей не спущал! Тогда она его признала.

Садился на коня, клал сёдлышко и потнички, 12 подпруг шелковых — шелк не рвется, булат не трется, серебро не ржавеет, брал боёву палицу о сто пудов и начал *понюжать* богатырев и простонародие; всех до одного замёл и жениха убил. Одного оставил, сказал: «Поди, скажи Манзилею, чтобы больше не ехал в наше государство!» А Маркобруну сказал, что «ты если не отдашь за меня добровольно дочь замуж, то я увезу ее и не увидишь никогда!» — «Если ты увезешь у меня дочь, есть у меня богатырь Полкан Полканыч, он тебя замирит, догонит дорогой!» — Сказал Боба-королевич: «Я не боюсь твоего Полкана нисколько!»

Ночью сдумал он ехать, посадил на своего коня Маркобруновну, отправился из его государства. Поутру хватились, дочери нету. Маркобрун призывал к себе Полкана Полканыча, сказал: «Воротишь если ты мою дочь и воротишь если моего сына, тогда я тебя на волю выпущу!» — Сказал Полкан, что «ворочу скорым времём; никуды он не уедет, я догоню!» — Догоняет его дорогой. Близ Бобы-королевича добегает, выхватил Полкан дуб обхвата в два, с сучками, с корнями тащит. Оглянулся Боба-королевич, ссадил живо свою невесту с коня, обратился к нему *побратоваться. Полыснул* его долгомерным копьём и к земле пригнул Полкана, и дуб вылетел у него. Полкан сказал: «Не бей (не коли) меня! Будешь ты мне брат, буду я служить тебе, что прикажешь!» — Он Полкана отпустил, посадил невесту, и поехали вместе.

Доезжают до такого-то государства; раскинули они лагери в *Урале*. Боба-королевич сказал: «Я поеду, Полкан, за тебя невесту сватать, а ты здесь, смотри, ожидай! Если

уедешь ты к Маркобруну, тогда не ожидай себе живому быть».— *Обветился* Полкан, что «я так буду караулить твою жену и в обиду никому не дам, ежли кто навернется, а ты *айда́* сватай за меня невесту!» — Приезжает к королю с добрым словом за сватаньем: «Я сватаю за своего брата Полкана», Боба-королевич объяснил, что сильный могучий богатырь, «если ты не отдашь, то мы всё царство у тебя порешим и *попело́чки* заметём!» — Король приказал жениха везти: согласен отдать.

То он прискакал к своим лагерям. Она (без него) родила два сына. Лев-зверь на неё, на *сырую, напахнулся,* хотел её съесть. Полкан Полканыч стал её защищать, драться с львом, и оба были убиты. Маркобруновна ушла в город и нанялась к богатому мужику в прачки. Сгорюхну́лся Боба-королевич; «непременно много львов было, съели мою жену, а Полкан Полканыч не давался, видно, победили и его! Что теперь делать? Стало быть, мне сватать не за него, а за себя уж, когда уж, когда у меня невесты нет!» — Приезжает он к королю и сказал: «Я не за брата теперь сватаю, а за себя: у меня брата звери убили и невесту мою кончили, видно».— Король был согласен за него отдать. Завели пир на весь мир. Дали по всему городу знать, чтобы шли к нему на свадьбу; заводится гулянка.

А мальчики эти — как родились, начали ходить. Тогда их мать посылала к королю, мальчиков этих. Тогда сказала мать: «Если спросит вас Боба-королевич, какого роду-племени, то вы скажите, что мы роду не простого: у нас мать Вена Маркобруновна, а отец Боба-королевич!» — Они пошли оба к королю. Приходят к нему в палаты; заходят близ стола, а он сидел с невестой. Увидал Боба-королевич мальчиков, начал их спрашивать: «А что, мальчики, откудова вы? Какие?» — «Мы роду не простого: у нас мать Вена Маркобруновна, а был у нас отец Боба-королевич!» — Боба-королевич отвечает: «Где же у вас мать проживается?» — «Мать у богатого мужика живет в прачках».

«Вот что, господин король, теперь я не беру твою дочь, а у меня невеста находится жена, и вот это мои дети».— Сказал король: «Если ты не возьмешь мою дочь, я на тебя выдам богатырей и *силы,* они тебя *кончат*!» — «Не боюсь я твоёй силы и твоих богатырей! Не возьму!» — *То* сказал один сын: «Тятенька, дозволь мне коня и долгомерное копьё, я с богатырем *побра́туюсь,* съезжу!» — Боба-королевич: «Что ты, сын мой милой, ты еще мо-

лод!» — «Меня убьют; тебе еще один останется». — Давал ему коня и долгомерное копье. Тогда он садился; с самым сильным богатырем разъехался, как *полыснул* его копьем — и сразу голову отшиб, на штыке повёз в город. Сдивился король: «Чем мне силу терять, так лучше отстать!»

Сел на коня Боба-королевич, посадил сына на ногу, другого на другую, отправился к богатому мужику за своей жёнкой. Посадил жену на коня, и повёз он их в свое государство, где дядька Сенбалда живет. Приезжает, здоровался с отцом с матерью: «Здравствуешь, тятенька и мамонька!» — Король не признавал его за сына: «Был у меня сын один, Боба-королевич, его нет, его разорвало на три части! Что ты мне за сын?» — Сказал Боба-королевич: «Я самый, тятенька, твой сын, жив и здоров; если ты меня не примешь, то прощайся с белым светом!» Отец его не признал за сына. Он как *полыснул* своей рукой, расшиб его на мелки части; расшиб и мать; схоронил их, сам остался в королевстве править.

50(63). ЕМЕЛЯ-ДУРАЧОК
[По щучьему веленью]

Рассказал Е. Е. Алексеев

Были три брата — два умные, третий был Емеля-дурак. Так как у них отец стал древний, у отца были деньги. Потом говорят братья умные: «Тятенька, раздели нам по сту рублей денег!» Потом просит третий, Емеля-дурак, сто рублей. — «На что тебе сто рублей? Ты — дурак!»

Потом отец тем по сту рублей, умным, дал и третьему сто рублей дал. Отец несколько время прожил, потом помер. Отца похоронили.

Стали собираться умные два брата на ярманку. Просят у Емели сто рублей. Емеля говорит: «Я вам не дам сто рублей!» — «Нет, Емелюшка, нам дай: мы тебе купим — поедем на ярманку — красную шапку, потом красный кафтан, красные сапоги, потом красную опояску...» — Емеля согласился.

Братья отправились на ярманку с этими с деньгами. Брат остаётся дома с двумя снохами. Емеле говорят:

«Емелюшка, сходи-ка нам по́ воду!» — Емелюшка лежит на печи: «Я не пойду вам по воду! Я ленюсь!»

Емеля собрался по воду, взял вёдра, надел на коромысло, пошел (зимою) по воду на реку. Женщины берут из той проруби; он выбрал себе другую, новую прорубь.

Подходит щука в прорубь; берёт её руками, выбрасывает её на́ лёд. Эта щука и говорит ему человеческим языком: «Емелюшка, отпусти меня в воду назад! Я тебе сделаю доброе». — Емелюшка её отпустил в воду.

Потом черпает воду, говорит: «По щучьему веленью, по моему прошенью!..» — Вёдра почерпнулись, подделись на коромысло и пошли вперёд. Емелюшка идёт позади. Вёдра подходят к воротам, заходят в избу, становятся на лавку; коромысло на своё место положилось. Емелюшка залезает на́ печь.

Не стаёт у них дров. Посылают Емелюшку: «*Айда́*-ка, Емелюшка, наруби-ка нам дров!» — Емеля берёт топор, выходит на двор, топору и говорит: «По щучьему прошенью, по моему веленью!..» — Взялся топор, давай дров рубить. Набрал *беремё* дров, и дрова сами понеслися в избу, в печь положились, заслонкой заслонились. Емеля залез на́ печь.

На третий день не стаёт у них дров. — «*Айда*-ка, Емелюшка, по дрова сегодня!» — «Я ленюсь!» — Слезает с печи. Снохи говорят: «Бери топор!» — Емеля берет топор за опояску, садится на дровни. — «Отворяйте, вороты!» — Вороты отворились. Емеля отправился улицей: сидит на дровнях. По обе стороны идёт народ доро́гой. Несколько он народу прибил.

Приезжает в лес, слезает с саней, вытаскивает топор из-за опояски и говорит: «По щучьему веленью, по моему прошенью, дрова, рубитесь!» — Дров нарубил воз — поперёк саней даже наклал, как сенной воз (вдоль саней нельзя, некуда), завязывает *клячиком*. Садится на воз, берёт себе дубинку в руки, отправляется домой.

Едет улицей — еще больше того народу примял. Заезжает во двор, становится воз на свое место. Слезает с возу, приходит в избу, залезает на́ печь.

Говорят: что-то Емеля несколько народу прибил. Докладывают королю насчёт Емели: много народу прибил. Король послал своих начальников спросить Емелю. — «Что ты, Емеля, народ прибил?.. За тобой послал король!» — «Я ленюсь!» (До трёх раз сказал.) Четвертый раз говорит снохам, что «я поеду».

Говорит: «По щучьему веленью, по моему прошенью, подымайся, потолок!» — Потолок поднялся кверху. Подымается и печь. Отправляется Емеля к королю на печи.

Приезжает ко дворцу к королю, становится против *поратного.* Королю докладывают: «Ваше Королевское Величество! Емеля приехал на печи!» — Король выходит: «Что-то, Емеля, на тебя много жалоб! Ты много народу прибил!» — Емеля королю отвечает: «Ваше Королевское Величество, я ленюсь!» (До трех раз.)

«Что с ним делать, с Емелей с этим?» — Королевская дочь в него влюбилась, в этого Емелю. — «Отправить его (Емелю) назад!»

Емеля и говорит: «По щучьему веленью, по моему прошенью!..» Отправляется домой. Приезжает к дому. — «По щучьему веленью, по моему прошенью, печь, подымайся!» — Печь поднялась кверху, садится на своё место опять, где была.

Король и говорит: «Что с ним теперь делать, с Емелей?» — Присудить его: запечатать их обеих в бочку (с дочерью королевской), отпустить их по́ морю.

Вот они плавали сутки трои. На четвёрты она и говорит ему: «Что-то, Емеля, нам тошно здесь сидеть!» — Ветром их прибило к берегу. Упирается он в дно бочки, выбрасывает их на луга зеленые (этого короля).

Выходят они на луга. Увидал их король: «Кто такие ходят за невежи?» — Послали их спросить — узнать: «Кто вы такие?»

Король на них наложил такую службу: «*Против* моего дворца в одну ночь такой дворец сработаете, так я вас прощу, а не сработаете — головы вам сказню!» — «*Заутра* будет всё готово, исправленное!»

Поутру́ докладывают королю, что такой дворец — *чище* дворца его, короля, — еще устроен; исправлен и хрустальной мост от его дворца и до его дворца, и всякие насажены сады, всякие воспевают пташки... Емеля сделался таким молодцом, что в свете нет таких.

Требует (Емеля) себе короля в гости, в свой дворец. Отправляется король в гости к нему со всей свитой. В зале у него всякие напитки, всякие яствы наставлены. Разгуливают по всем залам король с этим Емелей. По всем комнатам ходили; в одну и зашли — королевская дочь там сидит. Ее и вывели. Сделался у них пир на весь мир: ее отдали за Емелю.

А эти братья еще все ездят на базар.

51(73). БРАТ И СЕСТРА

[Девица с отрубленными руками]

Записал Ив. Потапов

Не в котором царстве, не в котором государстве жил-был купец с купчихой; у них был сын да дочь. Вот и умерли этот купец с купчихой, и умирали когда они, дак наказывали сыну своему, чтобы да он почитал сестру; поэтому она набольша осталася. Вот и стали эти брат с сестрой жить, и живут они сколя — много-мало. А торговал этот купеческий сын. И завсегда он благословлялся у своей сестры, когда надо было ему уходить на базар. Так, значит, и жили они добрыми порядками.

Вот одиножды они обедали; обедают, значит, как подобает, только этот купеческий сын сидел, сидел, за столом-то, значит, да и рассмехнулся. Вот сестра и спрашивает его: «А что ты, брат, рассмеялся? У тебя, верно, что-то на уме есть?» — И говорит он сестре своей: «Ах, любезная сестрица! У меня и подлинно есть что-то на уме, да не знаю, как про то сказать тебе».— «Говори, говори, любезный братец, что у тебя на уме!» — «Да я думаю, любезная сестрица, что не худо бы и жениться мне: добры люди говорят, что пора и пристроиться».— И говорит ему сестра: «Оно вестимо так, братец! Не жениться хорошо, а жениться лучше того...» — «Дак что же, поедем ино свататься!»

Вот и поехали они свататься... наперед, значит, невесту выбирать... Ну, а невест, известно дело, много — кишмя кишат: та хороша, другая лучше еще; и всяки есть — и *баские,* и богаты... Вот и навялели ему, значит, одну невесту, то есть нахвалили, и женился на ней купеческий сын.

Вот и живет он с молодой своей женой много-мало время; ну и ладно на первых-то порах. А благословленье родительско не забывает купеческий сын — всегда, значит, благословляется у сестры, когда пойдет в лавку торговать. Вот и не слюбись это жене-то его молодой, то есть, что он благословляется у сестры-то.

Вот эта молодая жена проводила одиножды мужа в лавку и села сама под окно. Вот она сидит. А сестра была в те поры дома. Вот сидит эта молодуха под окном. Вот в это время идет мимо окошек-те ее *хахель* (любовник, значит); только, значит, он поровнялся с окош-

ками-то — она и стук, стук, стук ему в окошко-то: зайди, дескать. Вот и зашел ее *хахель* в горницу.

Сестра увидала его да и говорит: «А ты,— говорит,— зачем сюда прикатился?» (Поэтому: человек был незнакомый.) — Он и отвечает ей: «Я к твоему брату пришел». — А сестра и говорит опять: «Брат в это время завсегда бывает на базаре, и всяк знает, что его *поперечь* дома *нетука*». И не слюбись это сношке.

Вот после, когда прийти, значит, мужу-то, она взяла, да тихомолком и убила горнишну свою собачку, а сама натерла глаза луком и села к окну — и сидит, будто плачет. Вот и пришел муж из лавки и увидал слезы-то на глазах и спрашивает: «А о чем ты, любезная жена, плачешь?» — И отвечает ему она: «Да вон сестрица-то твоя уж не знает, как досадить мне, дак взяла да и убила мою собачку! А у меня только и было утехи-то, что эта собачка! Мне всегда скучно бывать без тебя, ну я и забавлялась с собачкой!» — А сама будто плачет. Вот муж и стал, значит, ласкать ее: «Не плачь,— говорит,— я тебе другу́, еще лучше куплю собачку-то!».

Вот хорошо. Так и прошло это дело. Он не сказал, значит, и слова сестре, что — зачем она убила собачку его жены. Вот наутро, как идти ему в лавку, он опять, значит, и благословился у сестры и ушел.

Вот как ушел он, молодая его жена опять, значит, и села к окошку и сидит. Вот опять идет мимо окошек ее *хахель*. Вот она опять и созвала его. Вот и зашел этот *хахель*, и сидят они. Вот сестра опять и увидала его; как увидала, значит, ну и спрашивает его опять: «Зачем,— дескать,— еще пришел?» — И отвечает ей этот *хахель* опять: «Я,— говорит,— к твоему брату пришел». — И говорит она ему: «Да ведь я,— говорит,— в запрошлый раз сказала тебе, что брата в эту пору не бывает дома. У меня,— говорит,— не ходи без него, а то я,— говорит,— скажу брату!» — И ушел этот *хахель*.

Вот сноха эта взяла да и убила своего ребенка.— А у ней был ребенок.— Вот как убила она ребенка, взяла опять луку и пуще того натерла луком себе глаза и села опять и сидит — будто плачет и убивается. Вот приходит муж из лавки и видит, что жена его пуще еще плачет. Вот и спрашивает он ее: «А что опять с тобой, любезна жена, *доспилось?*» — «А посмотри-ка,— говорит ему она,— что доспела твоя-то сестра: ведь она и ребенка-то моего *уходила!..*» — И давай сама будто плакать.

Посмотрел он: и заподлинно ребенок убит. Огорчился, значит, он. Оно и *вестимо:* родно детище — как не жаль! И чужого жаль! — Вот и говорит он жене своей: «Что же, — говорит, — я буду делать с лиходейкой сестрой?» — И говорит ему жена: «Да запряги лошадь — будто едешь кататься, ну и возьми ее с собой; завези ее в лес и убей в лесу — да смотри, сердце привези мне!»

Вот он взял запрёг лошадь и стал звать сестру с собой кататься. Согласилась эта сестра, и поехали они. Вот едут. Вот и привез он эту сестру свою в лес. Вот привез он сестру свою в лес, и высадил ее, и говорит ей: «Ну, сестра, я много терпел от тебя бед! Теперь пришло времечко, и я тебя убью!»

Вот сестра и *почала* его уговаривать, чтобы да он не убивал ее до смерти: «Отсеки, — говорит, — хочешь руки да ноги — я тогда никуда не уйду!» — Он и говорит: «Нельзя, сестрица, этого сделать: хоть мне-ка и жалко тебя, а боюсь я хозяйки (жены, то есть). Она, — говорит, — велела мне сердце твое привезти к ней!» — Как раз на ту пору бежит собака. Сестра эта и говорит ему: «Вот, братец родной, поймай эту собаку, убей ее и вынь из нее сердце и увези его к жене: ведь она не узнает, какое сердце».

Вот он поймал ту собаку, убил ее, вынул из нее сердце, взял это сердце к себе. Вот как сделал он это, потом отсек сестре руки да ноги и оставил ее так в лесу, а сам и уехал домой. Приехал он домой и отдал жене сердце.

Вот тем времём сестре-то и подсобил как-то Бог *милосливый* залезти на дуб.

Вот и пошел Иван-царевич на охоту, и идет он по лесу, а собаки-то его убежали, значит, поперед да к дубу-то и прибежали, и ну они лять на купеческую-ту дочь: а она на дубе-то, значит, и была на том. Вот лают собаки. Вот Иван-царевич и прибежал *тутака* да и спрашивает: «Кто *тутака?* Если старушка сидит, дак будь мне бабушка, середня девица, дак будь мне тетушка, а если красна девица, дак будь моя обручница!» — И говорит ему купеческая дочь: «Нет, молодец, не возьмешь ты меня в супружницы: я без рук и без ног!» — «А увидим, красна девица!»

Вот он взял ее, снял с дуба и повез во дворец. Привез он купеческую дочь во дворец и стал говорить родителям своим: «Вот так и так, тятенька и маменька! Я, — говорит, — нашел вот какую находку и обещался взять ее за себя

замуж. Благословите, — говорит, — тятенька и маменька». — Вот родители-то почали его разговаривать; но он одно, что «женюсь!»

Не что делать, дали благословленье, и женился Иван-царевич. Ну и, разумно дело, пошел пир на весь мир. Вот как женился Иван-царевич, ну и стал жить со своей молодой, безногой и безрукой женой, и стал жить то есть преотменно!

Вот и спросили Ивана-царевича в иные города. Вот и поехал он и наказал отцу и матери, чтобы да берегли его жену, как прежде его берегли. Вот и уехал Иван-царевич, а молодая жена осталась дома: по этому — она была *череваста* (т. е. беременна).

Вот уж время приспело родить царевне. Вот родители и созвали бабушку; а в бабушки-то да и попадись, значит, мать снохи царевниной-то. Вот и родила царевна парнечка, царевича, значит, да такого-то раскрасавчика: по локоть руки в золоте, по колены ножки в серебре, в лобу красное солнышко, а в затылке светел месяц.

Вот эта бабушка взяла да и достала щенка, да и принесла этого щенка ко свекру и свекровке; как принесла к ним, да и говорит: «Вот кого родила ваша сношка!» (А ребенка унесла к себе домой.)

Вот они взяли да и написали сыну, что «вот, дескать, так и так: твоя супружница родила щенка, дак что делать с этим щенком?» — Вот Иван-царевич и послал им ответ, чтобы да ничего до его не делали со щенком. А грамоту-ту эту бабушка-та возьми да и перехвати, да и напиши сама им, от его, значит, чтобы да отец и мать отпустили его супружницу в бочку со щенком — запечатали бы, значит, ее со щенком в бочке и отпустили по морю.

Вот они, значит, получили эту грамотку, взяли свою сношку, да и в бочку, и щенка тоже. В эту же пору и бабушка-та успела тихомолком сунуть в бочку и ребенка. Потом взяли, значит, запечатали эту бочку да и отпустили ее по морю. Вот и поплыла эта бочка, поплыла да и поплыла.

Ну, *тамока* плавала сколько — много-мало, вот и подплыла эта бочка к плотику. А плотик этот был старичий — монастырский, значит. На этом плоту в те поры старица с коромыслом пришла за водой. Вот наша царевна и услыхала, что кто-то есть неподалеку: вот и стала она слезно просить, чтобы да ее вытащили из бочки-то. Вот

эта старица взяла да и разбила бочку. И вышла наша царевна из бочки и щенок за ней и ребенок, да такой-то большой ребенок-от: он не по годам, а по часам рос, как пшеничное тесто на опаре киснет.

Вот эта старица и созвала ее, и с ребенком и со щенком, в монастырь жить. Вот пришли они в монастырь и стали жить.

Вот живут они *дивно* время. Ребенок вырос и большой такой стал детина, хороший из себя. Вот царевна и вздумала идти на свою сторону; распростилась со всеми и пошла со своим сынком.

Вот они шли много-много. Вот и стали подходить к государству, где-ка жил Иван-царевич. Вот и услыхали они, что у Ивана-царевича пир: а он только что, значит, в те поры женился и взял за себя снохину сестру — дочь, значит, бабушки-то.

Вот они пришли в этот город и стали ночевать проситься в доме Ивана-царевича, во дворце, значит. А как людно было *тутака,* их не пускают слуги. Вот сын царевны и говорит слугам: «Скажите,— говорит,— Ивану-царевичу, что я умею сказки сказывать: может, честна компания и послушает моих сказок».— Вот и сказали слуги, что молодец умеет сказки сказывать. И велели пустить их.

Вот как пустили, царевнин сын и стал рассказывать, как и что было: то есть как его мать погубила сноха — ну, все про все и рассказал. Тогда Иван-царевич и догадался про все и велел казнить сперва сноху, тут бабушку. А сам и стал жить с этой женой да сыном. И *теперечь,* знать, живут.

52(44). ПРО ЕЛЕНУ КРАСОТУ ЗОЛОТУЮ КОСУ

Рассказал Ф. Д. Шешнев

Была у короля дочь Елена Красота Золотая Коса. И она была у него спрятана и росла в спальне: никому он ее не показывал.

Первая жена (мать Елены Красоты) у короля умерла. Взял он себе другую, волшебницу. Эта его жена выйдет на балкон утром и говорит: «Заря хороша, а я еще лучше!» — А заря отвечает: «Елена Красота еще лучше тебя!»

Она и спрашивает мужа: «Где Елена Красота? Заря мне говорит, что она еще лучше меня... Если скажешь, с тобой буду жить; не скажешь — не стану!» — «Она у меня в *западях* растет».

Королева и говорит: «Посади ее в повозку, вели кучеру заколоть в лесу, одно сердце вытащить и принести мне!» — Елена Красота выпросила у кучера: «Не бей меня! Собаку убей и отдай мачехе сердце собачье!»

Он ее отпустил. Принес собачье сердце.

Елена Красота ушла куда глаза глядят. По лесу ходила, вся истерзалась. Пришла в дом; у дома два льва. Эти львы никого не пропущали — ни конного, ни пешего. Она прошла. Видит: в дому не *обиход;* видно, что *мужчинская* работа. Она взяла, чаны *обиходила,* исправила все по-бабьему.

Приходят они, 25 человек. Видят, что *обиход* у них. Есаул кричит: «Кто это *обиходил?* Если старичок, будь нам тятенька! Если молодая девица, будь нам сестричка!» — А она за сундуками схоронилась. Выглянула и говорит: «Я *обиходила*».

Они её убрали, не могут наглядеться.

Волшебница, жена короля, опять выйдет утром на балкон: «Заря хороша, а я еще лучше!» — А заря отвечает: «Елена Красота еще лучше тебя!»

Голубкой обернулась (волшебница), прислала платье: «Возьми, тебе родимая мамонька принесла платье!» (Обморачивают ее.) Елена Красота взяла, надела и померла. Львы заревели благим матом.

Те хотели ее хоронить; сняли с нее платье, она и ожила. — «Ты, Елена Красота, — тебя мачеха обманывает, ты ей не откликивайся!»

Опять уехали разбойники в лес. Вышла жена короля на балкон: «Заря хороша, а я еще лучше!» — А заря отвечает: «Какая в тебе красота? Елена Красота лучше тебя!»

Голубем обернулась: «Прислала перстень мамонька». — Надела (Елена Красота) и умерла. Львы заревели *недобром* опять. *Пригоняют* (разбойники): Елена Красота умерла. Платье сняли; а колец-то много было, не догадались снять их. Не встает.

Делать нечего, надо хоронить. Повесили на четыре столба, на цепях, гроб. Есаул: «Что я сделаю, то и вы!» — Сам закололся, все и закололись вокруг ее гроба.

Едет на кораблях купеческий сын по морю и видит: какая-то гробница лежит с-под золотом. Остановился, гроб открыл; не может налюбоваться. Взял ее с собой. увез на *казёнке* с товарами. Приезжает домой с ними. Товар складывать надо, а ему — как пронесть в спальну эту девушку? — Пронёс, прокрался с нею и начал свою спальну запирать.

Мать начала за ним замечать: «Что-то сынок свою спальну запирает! Надо поглядеть!» — Поглядела и говорит: «Отец, у него мертвое тело лежит! Надо сжечь». — Взяли смолья, хотели жечь, а прачка: «Надо мне снять кольца». — Первое кольцо взяла — она и оживела. Обезумели все.

«Я царская дочь! — объяснила она. — Меня мачеха обморачивает». — Купец взял и своего сына на ней женил.

53(48). СТЕПАН, ГРИГОРИЙ И ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ

[Вещий сон]

Рассказал В. Е. Черных

В некотором царстве, в некотором государстве — именно в том, в котором мы живём — против неба на земле, на ровном месте, как на бороне, жил-был старик со старухой. У них был сын; его звали Алексеем. Когда он вырос, то у него отец помер. Вот он матери и стал говорить: «Мамонька, пусти меня, я пойду счастье искать!» — Он пошел.

Идёт лесом. И попадается ему изба новая. Заходит он в эту избу и останавливается ночевать. Видит ночью: выходит из западни верблюд, весь медный; потом он постоял, постоял и ушел. И через несколько время выходит *сохатый,* весь серебряный; этот *сохатый* постоял, постоял и ушел тоже самоё. Через несколько времени выходит медведь, весь золотой; постоял, постоял, тоже ушел.

Он думает: «Что, — говорит, — это мне видение? Или на самом деле счастье мое?» — Приходит домой и говорит матери: «Вот, мама, я видел, — говорит, — во сне такие-то сны. Первый, — говорит, — сон: верблюд, — говорит, — весь медный, — говорит. — Второй, — говорит, — сон: *сохатый* весь серебряный. А третий сон видел: медведь весь, — го-

ворит,— золотой».— Вот мать ему и говорит: «Ну, верно,— говорит,— ваш сон обещает ваше богатство».

От них неподалёку в городе жил ворожец. И вот она его посылает к ворожцу этому ворожить. Он поехал под вечерок и переехать не успел дорогу. И остановился у одной старушки переночевать. Эта старушка старая; у ней внучок был лет так 13-ти. Внучок и говорит: «Ты,— говорит,— куда, молодец удалый?» — «Я,— говорит,— поехал ворожить; вот такие-то сны видел: первый сон — верблюд весь медный, второй сон — *сохатый* весь серебряный, а третий сон,— говорит,— медведь весь золотой».

Этот мальчуган ему и говорит: «Ты,— говорит,— приедешь ворожить, тебе этот ворожец выворожит; и ты ему отдавай,— говорит,— первое счастье, а он у вас будет просить последнее счастье».

Вот он приехал к этому ворожцу. Ворожец ему выворожил, что «это,— говорит,— твое счастье! Когда приедешь домой, иди в эту избушку ночевать. На́ вот, я тебе дам палочку — бей этой палочкой наотмашку».

Приехал домой и пошел он ночевать в эту избушку. Спит. И выходит первый верблюд, весь медный. *Понужну́л* он его наотмашку, верблюд весь рассыпался. Второй выходит *сохатый;* он этого понужнул, и этот рассыпался. Третий входит медведь, весь золотой; этот медведя понужнул, он рассыпался.

И вот он не велел до него брать — докуль этот ворожец не приедет к нему. Ворожец к нему приезжает: «Я тебе,— говорит,— выворожил! Сейчас,— говорит,— мое будет третье счастье!» — Степан (?Алексей) ему говорит: «Нет,— говорит,— ваше будет первое счастье, потому что вы выворожили».— И тот взял первое счастье.

Поехал домой и заехал как раз к этой старушке. И спрашивает старушку: «Ты,— говорит,— что, одна, старушка, живешь? Или сыновья есть?» — «У меня,— говорит,— сыновей нет. Внучок,— говорит,— есть; ушел на реку по ниточке *глядечя».* — Он и спрашивает: «Это что,— говорит,— такое: по ниточке в воду *глядечя?..* Ты,— говорит,— продай мне этого внучка!» — Старушка: «Покупай!» — говорит.— «А сколь,— говорит,— за него возьмешь?» — «А вот,— говорит,— завали всего по ногам деньгами, тогда я отдам его».

Вот он его заваливал деньгами и завалил по грудям. Он и спрашивает: «Чё,— говорит,— бабушка, будет тебе

этого на век или нет?» — говорит. — «О! — говорит, — дитятко, тебе, — говорит, — на век не прожить! Не то ли мне! Мне, старушке, много ли надо?» — «Ну, — говорит (внучек), — бабушка, сейчас до свидания! Мне с тобой не видаться: я знаю, что он меня далёко увезёт».

Ну, он его увез к себе. И спрашивает отца: «Куда мы этого мальчика станем девать?» — Отец говорит: «В конюхи!» — Он живёт в конюхах. Ему приезжают, к этому ворожцу, ворожить. Он (мальчик) вперед им рассказывать: «Делайте так-то!» И он (ворожец) узнал, что ему доходу мало через этого мальчика. Тогда он отцу стал жаловаться, что через этого мальчика ему доходу нет.

Тогда он велел его посадить в столбец. Его заклали в столбец и давали через два дня в третий пищи, чтобы он, значит, не помер.

Этой стало жалко, ихной дочери; она стала ему понашивать (днем там, все уйдут). Ходила туда, ходила, потом велела сделать туда подход под столбец, чтобы он ночью имел свободу. Вот он днем сидит, а ночью выходит на волю, к ворожцу во *дворец*. Ну когда выйдет, они попьют чайку, и он опять ко дню убирается в столбец.

Этот ворожец, привёз который его, он поехал сватать Елену Прекрасную, в другое царство. Когда уехал, он ночью вышел (из столбца); чай пили, она ему стала рассказывать: «Вот, — говорит, — мой брат уехал в другое царство сватать себе невесту». Он и говорит: «Ему живому *оттоль* не приехать! Там, — говорит, — кругом каменная стена, на стене тын, на этом тыну все головы человечьи сидят; на одной тынинке нет — тут его голова будет».

Тогда сестре жалко сделалось своего брата. Стала его просить: «Пособи, — говорит, — ему!»

Он на следующую ночь велел ей припасти коня, седло, как следует все обседлать, и несколько там денег. И вот, он вышел ночью, она привела ему коня; он и поехал на этом коне. И достиг его доро́гой.

Он его стал спрашивать: «Куда, — говорит, — молодец удалой, едете?» — «Я, — говорит, — еду вот в такое-то царство, сватать, — говорит, — Елену Прекрасную... А вы, — говорит, — куда проезжаете?» — «Да я, — говорит, — в тот же город еду». — «Дак поедемте, — говорит, — вместе!» — И они стали путь держать вместе.

И тогда они один другого стали спрашивать: «Тебя как зовут?» — «Степаном». — «А вас, — говорит, — как?» — «А меня зовут Григорьем». — Приехали они в тот город, в который

им нужно было, и стали на постоялый двор; и взяли тут особую комнату: «Тут все-таки жить,— говорит,— придется *дивно* времени!»

Когда ночью легли спать Григорий и Степан, то Степан *обвернулся* мухой и полетел искать, где на эту Елену Прекрасную шьют платье разное. Ну, разузнал эти платья, где их шьют. Утром встают, и говорит Григорию: «*Айда́,* — говорит,— Григорий, иди ко своей невестке! Что,— говорит,— там скажут?»

Приходит он к невесте. Она ему и говорит: «Вот вы,— говорит,— мне спервоначала сшейте сарафан некроёный и нерезаный!» — говорит.— Он пришел и говорит Степану: «Вот,— говорит,— Степан, она велела сшить мне сарафан — некроёный и нерезаный».— «Сейчас,— говорит,— ложись, спи; завтра будет все готово!»

Он ночьёй *обвернулся* мухой и полетел в то место, где эти сарафаны шьют. Прилетел; они и говорят: «Ну,— говорит,— насилу сшили на неё на паршивую!» — «Сшили,— говорит (Степан),— так сшейте другой!» Сам забирает и уходит.

«Это что,— говорит,— за чудо?» — «Это,— говорит,— не чудо! Чудо будет впереди, на той неделе в середе!» — Утром встает Григорий; платье готово; несет невесте.

Невеста приняла и говорит ему: «Вы,— говорит,— еще сшейте мне туфли нерезаны и некроёны!» — Григорий пришел, опять закручинился.— «Вот,— говорит,— она какую работу мне дала!» — «Это,— говорит,— ничего! Ложись спать: утром все будет готово!» — Григорий лег спать, а он извернулся мухой, полетел искать, где эти туфли шьют.— «Ну,— говорит,— опять насилу сшили на неё на паршивую! Неможно,— говорит,— *утра́фить!*» Он им и говорит: «Сшили, так спасибо! Сшейте другие!»

Приносит туфли. И она говорит: «Вот,— говорит,— еще работу на тебя наложу: изладь,— говорит,— мне цветы такие же, какие и у меня будут!» — Он ушел домой.— «Ложись спать: утром все будет готово!»

«Ну, я,— говорит (Степан),— сёдни улетаю ночью!» — Полетал, полетал, ничего не мог найти. И говорит: «Иди сёдни, проси у ней освобождения на два дня через два дня сроку!» Он сходил. Она и говорит: «Через два дня если вы не принесёте, то голова на этой тынине будет!»

Он тогда отправляется и говорит: «Сёднишную ночь нисколько не спи! На́ вот тебе!» Стакан воды налил и в стакан нож спустил. «Только,— говорит,— на этом ноже появится кровь на острие, ты,— говорит,— у себя чего-нибудь режь!»

Он обвертывается мухой и летит прямо к царевне во дворец. Там уже подана тройка лошадей для неё: она ехать собралась к дедушке за этими цветами, которые ей нужно для свадьбы. Когда же поехала, то он сел к ней на колени. Она и говорит своей кухарочке: «Что же,— говорит,— мне очень тяжело? Разве я чаю,— говорит,— напилась лишка сегодня?» — Он переменился, сел к кухарке к этой; и та дорогой стала говорить: «Мне тоже,— говорит,— чего-то тяжело: наверно,— говорит,— мы лишка чаю попили с тобой!»

Ехали, приезжают к морю. Море раздвоилось. Они заходят; он сидит у них под платьем, чтобы не видать было его.

Когда заходили они к дедушке к этому, дедушка им и говорит: «У вас,— говорит,— русский дух есть!» — «Мы,— говорит,— по Руси ездили, вот от нас и пахнет русским духом!»

Он поставил самоварчик для них; те стали чай кушать. Когда этот чай кушали, он возьмёт да у невестки блюдко и вышибёт; оно упадёт да изломается.— «Я,— говорит,— дедушка, *наведи́ла:* блюдко,— говорит,— изломала!» — «Ничего,— говорит,— дитя! Там,— говорит,— еще есть!» — Другое блюдко принесли.

Когда чаю покушали, он для них приготовил обед. Во время обеда он (дедушка) им положил золотую ложечку и вилочку; он (Степан) эту ложечку и вилочку в карман к себе. Она и говорит: «Вы,— говорит,— дедушка,— забыли мне положить ложечку и вилочку!» — «Ну, извините!»

Когда отобедали, им отправляться надо.— «Я,— говорит,— дедушка, приехала к тебе за золотыми волосками». (У него золотая голова вся.)— «Я просватаюсь»,— говорит.— «Ну, потереби немного! Только,— говорит,— легонько!» — Она по одному волоску теребит, а он (Степан) по два да по четыре захватывает. Старик этот ревёт: «Больно!» — говорит.— И так надергал он (Степан) целую пачку (она — немного) и в карман положил. Ну, когда пошли, он (дедушка) и говорит: «У вас,— говорит,— русский дух есть!»

Когда из моря стали выходить, у него (Степана) и показалась нога одна.— Григорий уснул; не так, что на вострее, на всём ноже уже появилась кровь.— «Ну,— говорит (дедушка),— с вами какой-то человек был! Мне,— говорит,— больше с вами не видаться!»

Она приехала домой. Он (Степан) пришел к Григорью: «Пощё же ты спишь? Сейчас нам обоим смерть!.. Ну,— говорит,— ничего! Быть может, изладим!.. Давай,— говорит,— ложись, спи до утра, а утром иди к невесте, неси цветы!»

Он (Григорий) когда понес эти цветы утром, он (Степан) сел на коня, из городу угнал, чтобы его не видно было больше.

Когда (Григорий) пришел к невесте, подал эти цветы, она и говорит: «Давайте, *звоните* во все колокола! Всех,— говорит,— в городе смотрите! Наверно,— говорит,— этот человек есть, который эти цветы *доступил!* — говорит.— Он,— говорит,— не сам *доступал* эти цветы!» — Собрался весь народ, обыскали — никого не могли найти.

Ну, она и говорит: «Ну, сейчас,— говорит,— я должна за тебя выйти!» — Тогда повенчались и поехали домой.

А тот (Степан) вперед их приехал, опять сел в столбец.— Они думали, что он (Степан) все время в столбце сидел.— Приехали, живут.

Один раз он (Степан) ночью вышел к сестре Григория, как раз сноха тут и пришла. Эта Елена Прекрасная и стала говорить: «Кто же меня сюда *доступил?*» — Он и говорит ей: «Это,— говорит,— я *доступал!*» — говорит.— «Разве,— говорит,— вы?.. Так для чего вы старались, не для себя?»

«Вот,— говорит (Степан),— первая примета: помнишь, как вы чай пили — блюдечко сломали?.. Это я самый его и вышиб! А вторая,— говорит,— примета та: вот ваша золотая ложечка и вилочка! Вы потеряли на обеде у дедушки. А третья примета: вы когда золотые волоски дергали из головы, я тогда целую пачку нарвал: извольте посмотреть!»

Она и говорит: «Вы,— говорит,— должны моим мужем быть, а не он!»

Тогда она сказала своему Григорию, и они его из столбца выпустили. И вот он обвенчался с Настасьей, с сестрой Григория.

Живут-поживают, добра наживают. Я там был, мёд пил — по устам текло, в рот не попало.

54(60). МОРОКА

Рассказал Д. Е. Лёзин

Солдатик служил у государя при дворце. Он свою службу вёл честно-благородно всё время. Когда в казарму приходил, над товарищами всё шутки шутил: нет-нет, да какую-нибудь шуточку им скажет, обморочит их или что-нибудь.

Прослуживши пять лет, увольняться стал домой. Старший офицер доносит государю: вот такой-то солдатик увольняется домой, служил он честно-благородно пять лет. Призывает солдатика государь к себе на лицо.— «Вот что, солдат, вы служили у меня пять лет, служили хорошо. Представьте мне какую-нибудь историю, потом я отпущу вас домой».

Солдат ему говорит: «Вот что, Ваше Величество Императорство! Заприте двери на три минуты и возле дверей поставьте часовых, чтобы взад-вперёд не пущать никого три минуты».

В это время у государя самовар стоял на столе. Когда двери заперли, государь сидел за чаем. Самовар шумел, и из самовара пошло воспарение. От этого воспарения является дождь. Потом сделалась *озеринка.* На бережке небольшая лодочка стоит.

Живо солдатик садится в эту лодочку с этим самым государем. Поехали на остров. (Островок *тутака* среди *озеринки.)* Подъезжают на остров: тут старичок *мерёжки* вымётал. Они у этого старичка купили небольшого карасика, фунта с два. Обвернулись с этого островка на берег, домой.

На береге народу собрата толпа, идёт волнение: нашли мёртвое тело, а головы нетука, отрубленная; признать не могут, чей человек, и голову эту найти не могут. Тут обыск шел.

Враз к этим рыболовам подходят, к государю с солдатиком. У государя был мешочек, и в этом мешочке карась этот был положеный.— «Позвольте вас обыскать: что у вас такое в мешке лежит?» — «Это у нас карась куплен».

Сунулись в мешок: вместо карася очутилась человечья голова в мешке у него.— «Пошто вы обманываете? Говорили, что карась! Вы, наверное, голову ссекли?» — «Ничего я не знаю! Я *куплял* карася!»

Тут же его живо рассудили на виселицу. И когда завязали к столбу на *вески,* начинает креститься. «Погибай, моя головушка, безвинно!» — Головой мотнул, будто в петле-то, и сам носом-то в стакан чаю.— «Что ты, солдат? Ты сожёг меня!»

В это время три минуты прошло.— «Теперь можешь отправляться домой!»

55(52). МОРОКА

Рассказал С. К. Киселев

Раз шел корабь. Этот корабь нужно прицепить к берегу. Когда прицепили к берегу, везде звон, как во время Пасхи.— «Ребята, кто куда увольняйтесь! Гуляй!» — их отпустили. (Из матросов, конечно.)

Один матрос отправляется в *немску* гостиницу обедать. Когда это попросил обедать, его накормили.— «Вы что же, *чушь,* как свиньи налили, ровно из лохани?» — Половой и говорит: «Хошь ешь, хошь не ешь! Хозяин велел за обед рассчитаться!» — Он отдал пять рублей. Когда ему принесли сдачи, он и говорит, что «это может половой и буфетчик получить себе на чай!».

Теперь он целую неделю ходил, каждый раз рассчитывался и сдачи не брал — всё на водку отдавал. Его полюбили, стали встречать.

Немец собирает деньги, идёт за покупками. Когда набрал покупок, подает эти золотые. Торговый и говорит: «Что ты это подаёшь эти деньги? Ведь это, слышь, солдатские пуговки! Посмотри!» — Он смотрит: верно! Он бросился домой. Прибежал, хотел отнять эти (чаевые) деньги у полового и у буфетчика. Поднялась у них драка.

Начал хлопотать об этом деле. Подаёт бумагу губернатору. Губернатор призывает этого самого матроса: «Ты,— слышь,— матрос! Сознайся лучше! Что там ты наделал?» — «Я,— слышь,— ничё не знаю!» — «Сознавайся!»

«Мне сознаваться сейчас нельзя! Подождите! Сейчас, слышь, чё-то набат везде бьют!» — «Как набат везде бьют?» — Побежали, а уж у них снизу-то кверху-то уж пламя, спуститься нельзя!» — Забегал.— «Куда мы, слышь, теперь?» — «Скорее хватай дела, да из окошка!» — А высоко, выпрыгнуть невозможно! Он схватил перину, бросил

из окна: «Прыгайте! Лучше сами спасайтесь! А я спасусь!» — Губернатор прыгнул из окна, а оказывается — со стола на пол.

Когда прыгнул и закричал: «Вестовой, вестовой! Где у нас тот человек?» — А он за дверёй стоит. — «Скричи его сюда!» — «Ну, матрос, тебе два целковых денег! Ступай, только никому не сказывай!» (Что он прыгнул со стола на пол.) — Конечно, тут узнали, стали над ним подсмеховаться.

Тут подали дело генералу. Генерал его призывает к себе и кричит тоже на него: — «Я с тебя кожу сдеру!» — «Обождите немножко! Сейчас нам с тобой кричать нельзя!» — «Почему?» — слышь. — «Страшное водополье!» — «Почему водополье?!»

Пошли смотреть; а уж опять из низу-то кверху-то вода бурлит: им выйти-то нельзя. Они бросились в третий этаж. И в третий этаж вода подошла. Они на вышку, на крышу взошли, на *конёк*. На *коньке* тоже вода. Они залезли на трубу.

Потом, только уж им потонуть — ниоткéда взялась лодочка, плывёт прямо к ним. В этой лодочке весла нет; понесло их куда — и Бог знает куда! Раз они выехали на сушу. Матрос генералу говорит: «Теперь Бог знает куда нас принесло — в иностранные земли! Мы тут ничё не поймём!»

Пошли. Недалёко, оказывается, деревушка. Зашли — ничего не понимают; ничё не знают — ни тот, ни другой. Матрос и говорит: «Нас с тобой нанимают в коровьи пастухи скот пасти». — «Куда деваться? Надо нанять-ся!» — Нанялися: матрос сделался пастухом, а генерал подпаском.

Вот они пропасли всё лето. А было ряжено у них за 25 рублей. Получили они эти 25 рублей, вышли на лужайку, стали делить. Матрос берёт себе 15, а генералу дает 10. — «Почему ты мне даешь 10, а себе берешь 15?» — «Я, — слышь, — пастух, а ты подпасок! Когда ты был генерал, а теперь ты живешь у меня в подпасках! Я старше тебя!» — Генерал согласился, получил десятку.

«Теперь бы кто меня на свою землю доставил, я бы последнюю десятку отдал тому!» — Матрос и говорит: «Сбудется ли это правда?» — «Душой и телом!» — Враз оказываются — сидят в комнате, у того же стола, и рассчитываются.

Соскочил генерал, закричал: «Стой, стой! Какое у нас водополье было?» — «Да такое, — слышь, — водополье!» — «Где? У меня дети на гулянье уехали, где дети?» — «А они, — слышь, — еще с гулянья не приехали. Они еще гуляют».

Матрос сказал: «Пожалуйте расчёт!» — Генерал отдал матросу десять рублей: «Ступай, — слышь, — с Богом! А если *немская* морда придёт, я его гонять буду!»

56(95). СКАЗКА О НАПОЛЕОНЕ

Записал П. Словцов

Французский государь Палеон был сильный и могучий человек, завладевал многим государствам и, завидуя благочестивой жизни нашего батюшки государя Александры Павловича, задумал было идти на него войной, но не смел напуститься просто, первоначально пишет ему, батюшку, *грамотку* таковую: «Русский царь Александр Павлович! Я знаю, что Ты силен и всем богат, но у меня есть двенадцать генералов — прокормишь ли Ты их целый год из серебряной посуды, чтобы самовар, чашки, ложки, ножечки и вилки — все чтобы у Тебя было серебряное? Если прокормишь, так я с Тобой стану жить мирно и никогда с Тобой не стану воевать, а ежели не прокормишь, то я ныне же на Тебя пойду войной».

Царь Александр Павлович прочитал эту грамотку и призадумался. Назавтра созвал он к своей милости всех своих главных сенато́ров и генералов и объявил им французского Палеона грамотку: «Господа мои, главные сенаторы и генералы! Вот нам чего пишет французский царь Палеон, рассудите и посоветуйте, чего мы станем с ним делать?» — Одни говорили, чтоб не принимать французских генералов к себе на корм, а другие говорили принять, наконец, все сообща решились, чтоб их принять. Государь своеручно отписал Палеону такую же грамотку, повелел ему прислать генералов на корм к его царской милости.

Между тем изладили для них особенную *фатеру,* заблаговременно внесли там серебряный самовар, серебряные чашки, ложки и вилки, да все, с чего они должны

были есть и пить, все серебряное. Через недолгое время явились генералы прямо во дворец к нашему батюшке. Он их принял, *побаял* с ними немножко и велел их свести в излаженную для них *фатеру*. Вот они пришли, *фатера* им шибко поглянулась, потому что *баско* было в ней улажено. Тут было наряжено государем 12 мальчиков в услугу генералам.

Генералы приказали им поставить самовар. Самовар скипел; вот они начали кушать чай, пили, пили, всё из самовара выпили, самовар съели и чашки съели, а всё было серебряное; ведь пособило же им, *бачько* ваше басловленье! Вот какие на свете есть мудрые люди. Немного погодя, велели мальчикам подать *ужну* и *ерофиевичу*. Мальчики подали. Вот они испили *ерофиевичу*, бутылки съели и чарочки съели. Подобным образом поступили и с посудой, на которой подавали им ужну. Мальчики видят, что дело-то выходит не *хихи*, отправили на первый раз наложенную на них службу, враз доложили об этом Его Величеству. Государь этому подивился, а отказать им от корму не смел.

Вот они живут день, другой и третий, неделю, две и три, месяц, два и три, наконец уж у нашего батюшки мало стало серебра, не из чего уж сделалось ладить посуду генералам. Созвал он к себе сенаторов и генералов на согласье. Государь и генералы думали, думали, да и умом-то развели, а придумать ничего не могли; не знали, что делать с Палеоновыми обжорами; наконец придумали поставить на *ростани* в разные города столпы с таковыми *надписациями:* «Не найдется ли какой-нибудь человек, который бы мог сделать над французскими генералами то, чтоб они не могли пожирать царское серебро, которого шибко мало».

Вот и поставили столпы с *надписациями*. Кто бы ни ехал, кто бы ни шел, все читали *надписации* и нашему брату — неграмотным сказывали о таковой неслыханной *дивовеже,* но только пособить этому горю никто не мог. Наконец, идет мимо этих надписаций поп расстрига, а он, не прогневайся, *бачько* ваше благословенье, был расстрижен за лишнюю чарочку и хитрые дела. Вот этот поп прочитал надписание и сказал: «Об этаком пустом деле нечего бы Его Величеству и печалиться, я враз могу сделать над французскими генералами то, что они всю посуду, кото-

рую приели у Его Величества, всю возвратят».— Тут было народу много, враз к попу привязались, но он от своих слов не отпирался и говорит: «Хоть сейчас же ведите меня к Его Величеству».— Вот его забрали и повели к государю и объяснили, что он вызывается пособить великому горю Вашего Величества.

Государь сам спросил попа расстригу; поп отвечал царю то же, что и пред народом говорил, но только прибавил следующее: «Ваше Царское Величество! Вы прикажите мне сшить платье какого-нибудь иностранного короля и снарядите меня в оное, скажите генералам, что я приехал из такого-то королевства и хочу стоять на той же *фатере,* что и французские генералы, прикажите меня обреть и умыть, дайте мне в услуги мальчика, при закуске повелите мне подавать бутылку хорошого простого вина и изрядный стакан, прикажите сделать стальную тарелку и вилку стальную, а на закуску ни хлеба, ни соли — ничего не надо, только бы было винцо».

У государя, *бачько* ваше благословленье, не так, как у нашего брата,— о чем скажет, то и готово. Вот наш батько снарядился королем; вдруг разнеслась молва по Питеру, что из такого-то королевства приехал к государю такой-то король, дошла весть и до французских генералов. Через недолгое время государь наш батюшка Александр Павлович послал к Палеоновым генералам человека сказать им, что к нему приехал гость из такого-то королевства король и просит, чтоб ему повелено было *фатеровать* вместе с французскими генералами. Генералы согласились принять его к себе в товарищи. Приехал король к ним на *фатеру.* Вот они его приняли, *побаяли* с ним.

Наступило время закуски; генералам подали *ерофиевичу* и хлеба-соли на закуску, а королю бутыль с простым вином, простую стальную тарелку, необычайной величины стальную вилку, *дородный* стакан, а более ничего, ни хлеба, ни соли. Генералы начали выпивать и закусывать, а король налил себе стакан *простака,* выпил и закусывать было нечем. Генералы выпили *ерофиевичу,* бутылки съели и рюмки съели. Король, посматривая на них, выпил и другой стакан, опять сидит; генералы подбирают как кушанья, подносимые им, так и посуду. Король налил и третий стакан, выпил, взял свою стальную вилку, цап Палеонова генерала в голову и проглотил, как кашу с маслом;

вышел из-за стола, помолился и воздал царю заочную благодарность. Таким образом одиннадцать генералов он съел при разных закусках, остался только один.

Поп просил Его Величество пожаловать к нему на *фатеру*. Государь приехал; поп встретил его с подобающей честью и объяснил, что он то-то сделал над генералами. Государь и сам испужался, слушая о таких страшных деяниях. Поп обращается к Его Величеству и спрашивает: «Великий государь! Что прикажете сделать над последним генералом, съесть ли его или оставить для языка Палеону?» — Государь отдал на его волю; поп сказал: «Этого сереброеда Палеонова оставим».

«Ваше Величество,— говорит он государю,— прикажите сделать 12 котлов *чигунных* и поставить на какую-нибудь площадь, налить в них смолы и подогреть маленько, да купить 12 кулей перьев, подать 12 *глухих* кибиток с лошадьми и ямщиками».— Государь приказал, и через сутки все было готово. Когда было сказано, что все готово, поп взял с собой последнего генерала и поехал к государю; явившись к нашему батюшке Александру Павловичу, сказал ему: «Ваше Величество, прошу Вас покорнейше пожаловать со мною вместе на приготовленную площадь и посмотреть, что я сделаю еще над Палеоновыми сереброедами».— Государь поехал и поп с последним генералом.

Приехали на площадь, народу было видимо-невидимо, тьма тьмущая. Все смотрят, что будет делать поп. Поп рыгнул и вырыгнул генерала: «Ну, генерал, умел ты у нашего батюшки Александра Павловича есть серебряную посуду, давай же ее!» — Вот генерал и начал рыгать; всё, что съел, всё вырыгал.— «Всё ли?» — спрашивает поп.— «Всё, великий король такой-то»,— отвечает генерал.— «Скачи в смолу!» — приказывает поп. Генерал скочил.— «Вылезай оттуда!» — Генерал вылез.— «Посадите его и немедленно отправьте к Палеону».

Так поступил поп со всеми 12-ю генералами. Посуду подбирать не могли, возами возили в казначейство государево. Генералы в каком виде были отправлены из Питера к Палеону, в таком и явились к нему.

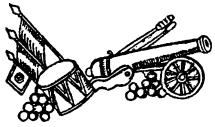
Палеон выслушал от них жалобу на нашего Александра Павловича и пошел на него войной. А Бог-от ведь не попустил же ему завладать нашим государством; он же разорился, а мы, Божьей милости да по государевой вели-

кой силе, и теперь живем спокойно. Да вот, *бачько* ваше благословенье, какие хитрые были люди у покойного государя нашего Александры Павловича, дай ему, Господи, царство небесное, а Миколаю Павловичу много лет здравствовати. Ведь это, *бачько,* должно быть, сущая правда? Палеон-от ведь шибко наступал на нашего-то государя и в белокаменную-ту Москву уж, говорят, заходил.

57(94). ПРИСКАЗКА[1]

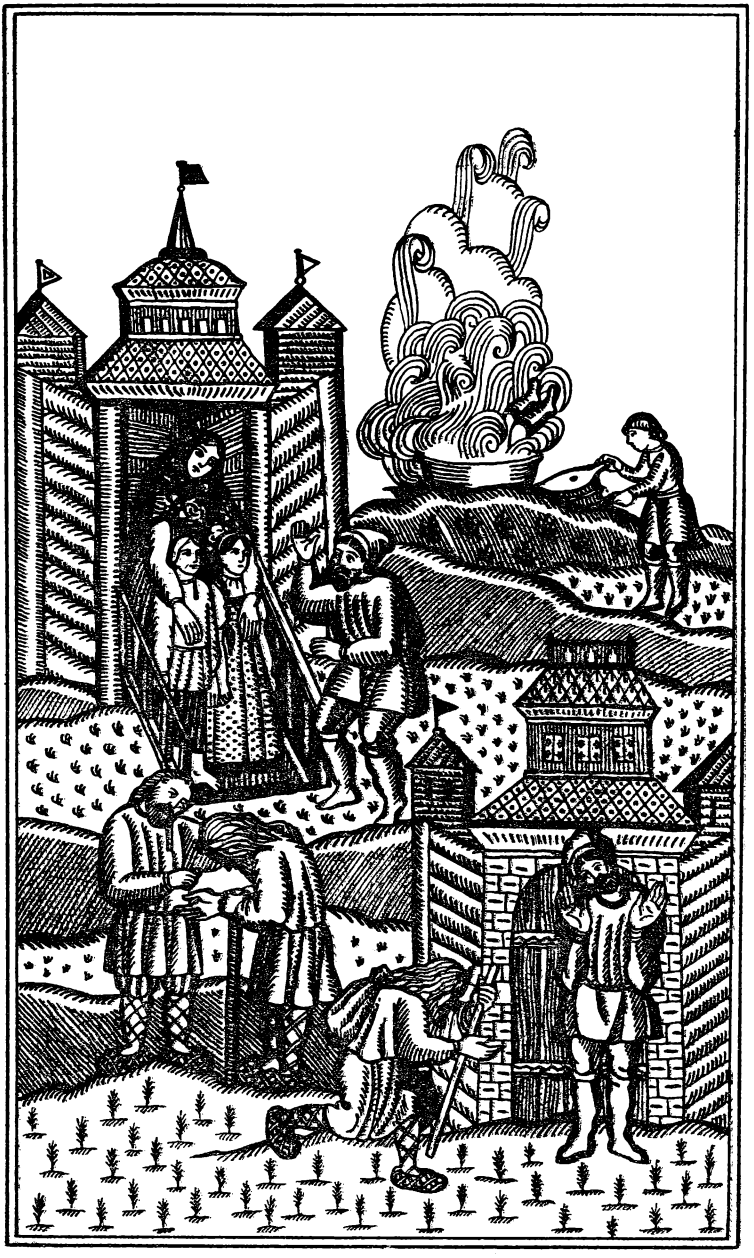
Напечатано в Пермских губернских ведомостях

Я у них был, да мед пил. Мне дали колпак, да *почали* из избы-то толкать. Дали щуку — я дверей-то не ущупал. Дали шлык — я в поворотню-то швырк. Мне дали леденну лошадку, да репно седелышко, да *симену* уздечку, да синий кафтан, да красны *коты.* Я еду — *синочка* и кричит: «Синь да хорош!» — А мне *почулося:* «Скинь да положь!» Я и положил под *кокору,* и сам не знаю, под котору. *Синочка* опять кричит: «Красны коты!» — А мне почудилося: «Драны коты!» — Я взял да и бросил. Я замерз без кафтана-то; вот увидел огонь; приехал — у меня лошадка-та и растаяла; а седелышко-то свиньи съели.



[1] Говорится в заключение.— *Примеч. П. Вологодина*

ЛЕГЕНДАРНЫЕ СКАЗКИ



58 (76). ДЕВУШКА-СНЕЖУРОЧКА

[Чудесная дудка]

Напечатано в Пермских губернских ведомостях

Жил-был старик со старухой. У них никого не было — ни сына, ни дочери; окошечки заколочены. Вот старик и говорит: «Старуха, поди,— говорит,— принеси снежку да положь под корчагу на печку!» — Вот, поутру встали: а у них из снегу-то девушка-снежурочка родилась.

Вот лето стало. Пришли подружки звать по ягодки девушку-снежурочку. Вот и говорят: «Дедушка, отпусти по ягодки девушку-снежурочку!» — «Пусть пойдет!» — Вот они и сходили. Девушка-снежурочка всех больше набрала: те неполны чашечки, а она полну.

Вот опять на другой день пришли звать: «Дедушка, отпусти по ягодки девушку-снежурочку!» — «Пусть пойдет!» — Вот сходили. Девушка-снежурочка полну чашечку набрала, а те неполны.

На третий день опять пришли звать девушку-снежурочку: «Дедушка, отпусти с нами по ягодки девушку-снежурочку!» — «Нечё делать! Пусть дома сидит!» — «Отпусти, дедушка!» — «Ну, пусть пойдет!» — Вот и пошли. Девушка-снежурочка опять набрала полну чашечку, а те опять неполны.

Вот другие-те девушки от нее и стали отнимать ягодки-те: сами-то не набрали, дак завидно стало. Она им не отдает,— они ее и убили. Схоронили под дубик, ягодки-те отняли, а чашечку-ту изломали. Вот и пришли домой.

Старик со старухой стали спрашивать: «Куды вы дели девушку-снежурочку?» — Они и говорят: «Мы не знаем — в лесу осталась!» — Старик со старухой пошли искать девушку-снежурочку, да и не могли найти-то.

Вот у девушки-снежурочки и выросла на могиле-то дудка. Мужики шли да и сорвали дудку-ту. Стали *сопить-ся* — она и выговаривает:

«Дедюшка, потихоньку,
Свет-родной, помаленьку!
Две меня сестрицы убили,
Под сыр дуб схоронили,
Веничком прикадили,
Чеботом притоптали,
Чашечку изломали —
Ягодки отнимали».

Вот это мужик-от и говорит другому: «На-ка ты *посопи-ся!*» — Вот и тот стал сопиться — дудочка опять выговаривает:

«Дедюшка, потихоньку,
Свет-родной, помаленьку!
Две меня сестрицы убили,
Под сыр бор схоронили,
Веничком прикадили,
Чеботом притоптали,
Чашечку изломали —
Ягодки отнимали».

Вот мужики пришли в деревню. Попросились в избу к мужику ночевать, к отцу-то девушки-снежурочки. Мужик один и говорит: «На-ка, дедушка, *посопися*». — Вот он и стал *сопиться,* а дудочка-та выговаривает:

«Тятенька, потихоньку,
Свет-родной, помаленьку:
Две меня сестрицы убили,
Под сыр дуб схоронили.
Веничком прикадили,
Чеботом притоптали,
Чашечку изломали —
Ягодки отнимали».

Старик-от и говорит старухе: «На-ка ты, старуха, посопися — ровно тут наша-та снежурочка говорит!» —

Вот и старуха стала сопиться, дудочка опять выговаривает:

«Матушка, потихоньку,
Свет-родна, помаленьку!
Две меня сестрицы убили,
Под сыр дуб схоронили,
Веничком прикадили,
Чеботом притоптали,
Чашечку изломали —
Ягодки отнимали».

Старик-от и говорит мужикам: «Где, — говорит, — дудочку-ту вы взяли?» — Мужики-те пошли да и указали. Старик со старухой стали в том месте копать, да и выкопали девушку-ту снежурочку. Она у них ожила. Стали они жить да быть, да и теперя живут.

59(29). ЗОЛОТОЙ КИРПИЧ

Рассказал Е. С. Савруллин

Жил старик да старуха. У них было два сына. Они сдумали сыновьёв своих наделить богатством, перед смертью своей. Одному сыну отдали весь дом, и скотину, и тысчёшку денег. Старик старухе говорит: «Старуха, ведь мы обделили Ва́нюшку-то!» — «Да ведь он дурачок, ладно ему и так!» — «Нет, надо ему дать сто целковых!» — Дали сто рублей.

Ва́нюшка пошел на базар. Придумывает себе: «Что мне надо купить?» — Один мужичок продает кошечку и собачку, клубок ниток. — «А сколько стоит кошечка, и собачка, и клубок ниток?» — «Сто рублей». — Вынимает Ванюшка сто рублей, подает деньги. Приходит домой — собачка, кошечка с ним, клубок в кармане. Отец видит его, что он идет домой. — «Дурак-от купил, наверно, кошку и собаку!.. На что ты это купил, глупый?» — «Да нужно!»

Ванюшка переночевал; отправился на другой день, с кошкой и с собакой, путешествовать. Выходит из своего села. А его карман как раз пробился у пинжака. Клубок выпал. Собака схватила клубок и бежит за ним. Подтащила хозяину клубок, выпустила из роту; клубок покатился.

Ванюшка и думает: «Что такое? На гору́ катится?! Стой, брат! Пойду я теперь за клубком!»

Клубок сворачивает в лес. Ванюшка за ним. Дальше и дальше продолжает. Шел он и лесом, шел и горами; попало ему сильное болото. Проходит и болото; попадает ему большая река. — «Ну, сухари у меня есть! Напьюсь и покупаюсь, да опять дальше отправляюсь!»

Как раз приходит в зеленые луга. И видит: накладены кирпичи стопа́ми. Подошел к кирпичам. — «Кто же их работал? Никого здесь нету!» — Походил, походил: нет ли где жилища? — Жилища никакого нет. Берет Ванюшка кирпич, ударил его о камень: кирпич разлетелся. — «Ах ба! Неужели все такие кирпичи? Ведь в них золото (внутре)!» — Подошел к другой куче; разломил два-три кирпича, в них внутре золото. Он и думать: «Ох, я теперь разбогател! Да на чем я их потащу?»

Вдруг видит: бежит пароход; к пароходу привязана баржа, а баржа совершенно пустая, а на пароходе сидит один старичок. Подъезжает старик к берегу, к кирпичу, останавливает свой пароход. Выходит старик на берег. — «Здравствуй, молодой человек!» — «Милости просим, почтенный старичок!» — Старик Ванюшку спрашивает: «Что вы здесь делаете?» — «Да вот нашел я кирпич — правду я тебе скажу: — и в кирпичах внутре золото. И мне бы его нужно увезти, этот кирпич, в протчие королевства: там как (раз) в это время ярманка». — Старик ему говорит: «Давай таскать будем, грузить!» — Начали таскать кирпич. Нагрузили баржу́ по́лну.

Вот они едут неделю и две. Приезжают в королевство, в котором ярманка открыта. А Ванюшкин-то брат (он вперед его приехал; он привез три баржи́ товару): «А ты, дурак, с чем?» — «А я с кирпичами». — «Будто нет здесь кирпичей?» — «Есть, да не такие!» — «А какие?» — «У меня с краю золотые». — Рассмеялся тут весь народ, разевают на Ванюшку рот.

А ярманка всё еще не открыта, и торговля вся прикрыта.

А у этого короля померла недавно дочь. Хоронить ее нужно в полночь. Она была положена не в большой часовне на большом, трехаршинном столе. Эта дочь за каждую ночь съедала по человеку. Король собирает всех купцов: «Дозволяю я вам здесь торговать, только нужно каж-

дому у дочери в часовне ночевать, всем поочередно».— А им, пожалуй, и не торговать: хотели бы уехать, да нельзя!

Как раз по списку досталось Ванюшкиному брату ночевать. Брат себе и размышляет: «Найму я Ваню-дурака, не больше — за три пятака!» — Вечер раз приходит, требует черёд. Он приходит к Ване на пароход (брат-от).— «Наймись, Ваня, ночевать!» — «А я дедушку спрошу (кто товар на пароходе привез)».— «Наймись, Ваня!» — «А сколько с него взять?» — «А баржу́ шелку».— Тот согласен отдавать.

Старик Ваню провожает в часовню ночевать.— «Зайди, Ваня, в церковь, купи рублевую свечу; и вот тебе книжечка. Когда запустят тебя солдаты ночевать в часовню, где лежит девица (ты читай эту книжечку!)» — Он сейчас свечку купил рублевую; заходит ночевать. Начинает книжку читать, встает ближе к гробу.

Как раз только 12 часов — сбрасывается крышка гроба, разевает рот широкий девица: «Я, Ваня, тебя съем!» — Он сунул в это время ей свечку в рот. Она сколько-то бы ни билась, а потом сразу усыпилась. Он спокойно ночевал.

Обратился он назад. Он пришел на пароход. Спросил его тут дед: «Ну, как, Ваня, ночевал?» — «В добром здоровье».— Получает баржу́ он шелку; а брат его поехал домой.

А другая ночь достается Ивану (опять ему же) за свой черёд ночевать (за себя). Иван спрашивает дедушку: «Ну, как, дедушка, я теперь пойду? Очень страшно ночевать!» — «Вот тебе на́ два чугунных шара́: один шар пять фунтов, а другой — десять. Когда она разинет рот, пятифунтовый шар бросай ей прямо в рот. Когда она его проглотит, бросай десятифунтовый шар, только скоро! Десятифунтовый шар ей не проглотить. А дико время, ночь, пройдет, бери ее за руку, сади ее в стул!»

Пришел Ваня ночевать. Стало время ближе к полно́чи, Ваня шибко горевать: *«Знать-то,* она меня сёдни съест!» — Вдруг тут сбрасывается крышка, и разевает она рот: «Съем я здесь весь народ!» — Он бросает пятифунтовый шар, и проглотила она его. Начинает она вставать. Он бросает ей другой... Он берет ее за ру́ку, ставит на ноги с собой. Она глядит и́ говорит: «Вот ты вечно мой жених!» — Посадил он ее в стул.

Тут светлéнько и стаёт. А и стража увидала: «Ба, тут девица-то стоит!» — Живо доложили королю, что «жива твоя, король, дочь; а поднял Иван в полнóчь». — Король приезжает на карете и требует Ивана во дворец. — «Позвольте Вам, король, я схожу только на баржý, велит ли мне дедушка мой идти во дворец или нет?»

Садя́т Ванюшку в карету и привезли его на баржý. — «Как, Ваюшка, ночевал?» — «Я из гробу ее подня́л». — Удивилась вся толпа. Вот и Ванюшке хвала. — «Вот я, дедушка, тебе и расскажу: я поднял ее из гробу, она говорит, что «ты вечно мой жених». Так что же, дедушка, велишь ты мне ее взять или нет?» — «Возьми, Ванюшка; Бог благословит!» — «Там меня ведь дожидают». — «Ну *айда́* с Богом к венцу!»

Посадили Ванюшку в карету и привозят к королю в дом. Собрались живо к венцу, обвенчали, и пошла тут пирушка — только дым столбом идет.

На третий день Иван надевает синий кафтан, королевские подарки. — «Пойдем, жена, со мной к дедушке на пароход!» — Они приходят тут на пристань, где баржи́ его стоят. — «Вот, дедушка, я женился!» — «А приданое у тебя где?» — «А сейчас приставят нам!» — По приказанию короля нагружают приданое на три корабля. — «Вот так мы теперь живем!» — Распростились с королем и поехали домой.

Вот они едут и день, едут два; проезжают и неделю; а за неделей скоро год. Они стали враз на якорь, дед на Ваню говорит: «Вот что, Ваня! Надо жёнушку твою делить!» — «Как? Пошто, дедушка?» — «Мы с тобой вместе наживали ведь ее!» — «А как будем, дедушка, делить?» — «Веди ее на палубу, свяжи ей руки и ноги!» — Ивану было очень жалко. Связал руки и ноги. — «И бери в руки топор!» — Взял Иван топор. — Руби ее по брюху: эта половина мне, эта — тебе!» — Ивану сделалось очень жалко, а она плачет и рыдает: «Не рубите, лучше утопите!» — А дедушка говорит: «Исполни приказание!» — Иван замахнулся топором, пересёк ей по брюху. Побежала у ней кровь. — «Руби еще два раза!» — Перерубил он ее напополам; повалился из брюха страм: и змеята, и чертята, и маленькие бесенята. — «Умерла моя жена!»

Дедушка и говорит: «Тащи, Иван, воды!» — Он притащил ведро воды, омыл всю ей кровь. — «Сложь ей рубленое вместе! Тащи свежей воды!» — Притащил Иван воды. — «Лей на брюхо!» — Вдруг она сделалась живая, встала на́ ноги. — «Теперь, Иван, возьми! Твоя она и будет!»

Они поехали домой. Пристигает темна ночь, сильна буря шибко дует. А старик, он говорит: «На якорь мы не станем, а лучше к пристани пристанем!» — Бросили канат и причалились к сосне. А Ваня видит враз во сне, будто дедушки у него нету; только двое мы с женой. Враз он слышит руку на себе; пробудился он, глядит: солнце ярко тут блестит, и пора нам вставать. Он глядит своего деда, а его нету тут с ним. — «Куды скрылся наш дед? Ты, жена, не знаешь?» — «Не видала ничего!» — «Ну, отправимся домой!»

Вот поехали домой и приезжают они домой. Продали товар, выгрузили приданое все. Брат Иванов встречает и в гости приглашает. Они в гости к нему приходят, начинают распивать. Жена Иванова с Ивановым братом начинает танцевать; она враз в его влюбилась и позабыла свою смерть.

Брат Иванов говорит, тихонько губами шевелит: «Уедем мы со мной за границу дальше жить!» — Вдруг скрутились и зашевелились: «Поедем за границу!.. Как Ивана мы оставим?» — «Да мы возьмем его с собой!» — Взяли его с собой и поехали на пароходе.

Ехали неделю, продолжали больше году и спустили Ваню в воду. Они проехали полгода, поднялась сильная буря. Она так и говорит: «Надо к берегу пристать, да на лугах цветов поискать!» — Враз пристали к берегу, пошли гулять по лугам. Вдруг является старичок, который был раньше с Иваном. — «Здравствуй, умница моя! А где надёжа-то твоя?» — «А поднялась сильная *погода* и сбросила его в воду».

60(25). СОЛДАТ И СМЕРТЬ

Рассказал А. Д. Ломтев

Солдатик шел домой. Зашел он на пристань. В прежние, видно, было дело года. Истинный Христос сказал: «Куды же ты, солдатик, пошел?» — «Я отправился домой. А ты куды?» — «Я отправился на свое дело», — говорит. — «Чем нам пешком идти, наймем, — говорит (солдат), — на корабле нас перевезут морем». А Истинный Христос сказал: «У меня денег нет». — Солдат говорит: «У меня деньги есть; я за тебя заложу и за себя также».

Солдат за него деньги заложил, а за себя у него денег не хватает, мало. Солдат сказал, что «я привычен идти, пойду и пешком; а ты *айда́* на корабле, деньги я за тебя заложил».

А Истинный Христос сказал: «Попадет тебе *ко́лок;* заходи в этот *колок:* тут лежит медная узда; и ходит в поле бурый мерин — ты его лови; он тебе дастся, ты его не бойся!» — *То,* действительно, солдат заходит в *колок,* нашел медную узду и пошел опять в путь. И видит солдат: ходит медведь; и подходит он к медведю, ловит медведя на узду. Приезжает он на медведе в город. А в городе ему нигде *фатеры* не дают: на медведе едет.

Приезжает к этакому купцу. Купец его посылает в пустой дом ночевать. А из этого дому купца выжила *кикимора:* жить в доме нельзя. Он его и посылает, солдата. Солдату отвели дом. Он привязал своёго бурого коня, приходит в и́збу (в комнату); дров нет. Вышел он на *дворец,* набрал ношу дров; затопляет он *очаг.* Затопил очаг, сам нога на ногу склал — сидит покуривает. Потом поднимается буря: вдруг шум, погода заходила, и катит в дом кикимора.

Кикимора говорит, что «кто в дому?» — А солдат сидит, отвечает: «Я в дому, солдат!» — *Кикимора* отвечает: *«Кикимора* в дом, так солдат вон! Я тебя *ухожу́!»* — «Нет, я служивой человек, так я тебя скорее *ухожу́!»*

«Солдат, не ругайся! Давай лучше в карты поиграем с тобой!» — «Давай!» — говорит. Солдат и говорит: «Ты какие берёшь?» — «Я беру *бу́би.* А ты, солдат, берёшь какие?» — «Я беру *кре́сти».* — *Кикимора* отвечает: «Когда ты кресты берешь, я с тобой играть не буду!» — «Врешь, кикимора! Если ты играть не будешь, я на тебя *кресты* наде-

ну!» — *Кикимора* пошла, закричала, что «я больше в дом не пойду!» — «А если, — я поживу здесь, — *кикимора,* придешь, тогда я на тебя надеваю крести!»

Купец поутру рано приезжает, солдата навещать: жив ли (в этом дому)? *То* купец сказал, что «жив ли? Здоров ли? Что не сделалось ли над тобой?» — Солдат ответил: «*Кикимора* приходила, я ее прогонял, она теперь вовеки не придет к тебе в дом!» — Купец вынимает сто рублей денег, подает солдату за это.

Он получил сто рублей денег, отправился вперед. — «Теперь мне, по крайней мере, на дорогу будет денег!» — А у купца у этого была мельница, водяная. И эта *кикимора* приходит, заявляется в эту мельницу; все жернова побросала, все поломала; *похитка* сделалась. Купцу приехали с мельницы, сказали. Купец догадался: «Непременно это ворвалась опять *кикимора!* Разыскать солдата по всем дорогам, воротить его: он опять, — говорит, — выживет ее».

Солдата разыскали, привезли, что «тебя господин купец просит усердно; что в мельнице сделалась *похитка*». — Солдат воротился. Приезжает солдат к купцу; купец и говорит: «Служивенький, постарайся! Вот я тебе подарю двести рублей денег». — «Ладно», — говорит.

Солдата привозят в эту мельницу. Солдат повечеру затопляет печку, сам сидит — покуривает. И вдруг является буря *страшимая,* и явилась к нему в избушку *кикимора. Кикимора* отвечает, что «кто в дому?» — «Я». — *Кикимора* говорит: «*Кикимора* в дом, так солдат вон!» — «Врешь, — говорит, — мать твою так!» — говорит. (Солдат говорит.) «Солдат в дом, так *кикимора* вон!» — *Кикимора* говорит: «Не ругайся, солдат! Лучше в карточки давай поиграем!» — Солдат говорит: «Ты какие берешь?» — «Я беру *бу́би*». — «А я *кре́сти!*» — «Если ты *кресты* берешь, я и играть не стану!» — «Врёшь! Если ты жернова не положишь и все как есть не изладишь, я на тебя *кресты* надену!» — *Кикимора* ответила, что «я все исправлю, только на меня *кресты* не надевай!» — «Исправь все! Чтобы тебя больше и не было здесь!»

Поутру купец к солдату является. — «Ну, как, служивенький?» — «А ничего! Мельницу пущай в ход: все на деле!» — Купец осмотрел: видит, что все сохранно стало, хо-

рошо. *То* купец вынимает, ему подает двести рублей денег. Поблагодарил солдат, отправился опять домой.

Выходит солдат в поле, пущает своёго бурку, снимает с него узду, бросил в сторону.— «Не нужно мне коня, я привычен и пешком ходить!»

Шел он близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли — попал к нему старик встречу.— «Что, служивенький, куды же ты пошел?» — «Да я пошел на свою родину, домой».— «Наймись-ка ты в дежурство ко мне на три года: стоять на карауле, а доклад будет твой!» — Действительно, он согласился: «Я дежурным стоять привык, работа легкая!»

Стоял на часах, вдруг к нему Смерть пришла. Солдат увидел эту Смерть.— «Кто такой?» — говорит.— «Я,— говорит,— Смерть!» — «Погоди,— говорит,— доклад мой!»

Тогда он догадался, солдат, кто тут живет. Приходит к Истинному Христу и говорит: «Истинный Христос, Смерть пришла, работы просит».— «Поди, ей скажи, чтобы нынешний год она старых стариков и старушек морила!» — Вышел солдат и думает: «Если мне это сказать, уморит она у меня отца и мать, а приду я ни к чему». Вышел и говорит: «Смерть, Истинный Христос велит: нынешний год старый дубник гложи!»

Год проходит, она опять приходит.— «Погоди,— говорит,— Смерть! Доклад мой, не смей ходить! Я на три года нанялся».— Приходит к Истинну Христу и говорит: «Истинный Христос, Смерть пришла, работы просит».— Истинный Христос сказал: «Поди,— говорит,— пущай средний нынешний год народ морит!» — Солдат и думает: «Если она моих братьев уморит, с кем я тогда попирую? Дело дрянь!» — Выходит и говорит: «Смерть, нынешний год средний дубник гложи!» — «Эко,— говорит,— Истинный Христос как на меня воспрогневался!»

Потом второй год проходит, Смерть опять к нему приходит: «Стой, Смерть, доклад мой!» — Приходит к Истинному Христу: «Истинный Христос, Смерть опять работы просит».— Истинный Христос приказал: «Пущай она нынешний год маленьких ребят морит!» — Вышел.— «У братьев есть мальчики и девушки, если я приду, с кем я позабавлюсь? Дело дрянь!» — одумывает солдат.— *То* вышел и говорит: «Нынешний год — самый молоденький

дубник,— тот и гложи!» — «Ну, ладно,— говорит,— этот мне все помягше!»

Солдат немножко вздремнул, а Смерть прошвыркнула к Истинному Христу в комнату. Истинный Христос сказал: «Вот, Смерть, что ты *больно* худая стала?» — «Как же, Истинный Христос, я,— говорит,— все три года дуб глодала!» — Потребовал Он солдата.— «Солдат, тебе не это я приказывал! А ты что Смерти такую работу давал? За это я тебя оштрафую!» — «Какой ты штраф наложишь, Истинный Христос, на меня, тот и понесу!» — «Посади ты эту Смерть на свой горб и носи ее три года на горбу!» — «Садись,— говорит,— Смерть, поедем! Куды тебе надо?»

Заходят они в город. Смерть и говорит: «Давай, солдат, этого купца уморим с тобой! Тут обед сделают хороший: нам пища будет хорошая!» — А солдат сказал: «Тут живет становой и исправник, я сейчас скричу, тебя свяжут и посадят тебя в тюремный замок — все три года просидишь!» — А Смерть отвечает: «Куды теперь я?» — «Я отопру табатерку, так ты залезай в нее!» — Отворил он табатерку; Смерть залезла в эту табатерку; он запер и завязал эту табатерку. И в табатерке он проносил все три года.

Потом приходит к Истинному Христу; выпущает Смерть из табатерки. Истинный Христос увидал и говорит: «Что же ты, Смерть, прозеленела шибко?» — «Как не прозеленеешь,— говорит,— Истинный Христос? Все три года протаскал меня солдат в табатерке»,— говорит.— «Как ты в его табатерку могла залезти?» — «Он сказал,— говорит,— что тут живут исправник и становой: я,— говорит,— про тебя скажу, тебя,— говорит,— закуют в тюремный замок. Отворил табатерку: вот залезешь туды, так тебя никуды не девают! Не на долгое время, говорил, а потом проносил все три года!»

«Ну, солдат, молодец! Чё же тебе за все эти шесть годов?» «Не знаю уж, Истинный Христос! Чего подаришь».— «Деньгами, или тебе надо царство?» — Солдат на то сказал: «Ну-ка, покажи мне царство, *поглянется* ли?» — Солдат сидел в эдаком хорошем месте, в раю; все хорошо. Просидел трое сутки. Истинный Христос его спрашивал: *«Глянется* ли такое тебе царство?» — Солдату не *поглянулось* это царство.— «Мне,— говорит,— то бы царство, по крайней мере скрипки и гитары, и чтобы табаку

было довольно, и трубка чтобы была хорошая, чубук долгий!..»

То отвел его в другое царство. Трои сутки просидел солдат; Истинный Христос и спрашивает: «Ну, *глянется* ли тебе это царство?» (Где табаку довольно.) — Солдат сказал, что «мне это ндравится царство: в этом царстве можно сидеть!» Истинный Христос на то ему сказал: «Поди ты теперь домой: у тебя отец с матерью живы, и братовья, и есть у братовьев внучки — есть с кем позабавиться! Твоя жизнь еще впереди. За то я тебя, солдат, жалею, что ты за меня деньги заплатил, ты был мой товарищ!»

То он приходит домой. Встретили его братья и отец с матерью; завели гулянку. Дома погуляли.

61(36). НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ ПОРУКОЙ

Рассказал Е. С. Савруллин

На ярком яру, на крутом берегу жил-был скупой богатый мужик. Он никому не давал ни копейки заимообразно.

Один крестьянин оставался совсем голодным. И говорит своей жене: «Я, жена, пойду к этому богачу просить денег». — «Глупый мужик, ведь он никому не даёт, ни под работу даже!» — Приходит бедняк к богачу просить денег. — «Антип, батюшка! Не дай мне умереть с голоду! Дай мне денег». — «Нет, брат, я никому не даю, никогда». — «А ежели я тебе приведу поруку, дашь?» — «Да, поруку?» — «Поруку!» — «А кого ты приведешь?» — «Николай Чудотворец есть у вас на *божни́це* — он мой порука». — «Нет, брат, ты уж приходи вечером: я подумаю сначала!» — «Хорошо».

Мужик отправился. Приходит домой, рассказывает своей жене, что «Антип мне подался немного: велел прийти вечером». — «А что же, мужик? Ты что ему сказал?» — «А мой порука Николай Чудотворец будет». — «Да как же, мужик? Ведь он говорить не будет?» — «Ты, жена, оденься потеплее в шубу, стань к этому углу, где иконы. Когда я буду просить у него денег, «Батюшка Николай Чудотворец! — скажу, — поручись за меня!» — ты на улице говори громче, что «поручусь!»»

Приходит мужик поздно вечером к Антипу. Антип говорит: «Ну, что, бедняк? — «До вашей милости!» — «А поруку привел?» — «Николай Чудотворец порука у меня». — Антип стал на ноги, глядит на икону и спрашивает: «Что, Николай Чудотворец, ты поручишься за этого мужика?» — Жена на улице говорит толстым голосом: «Поручусь!..» — Антип обробел и говорит жене своей: «Жена, что это такое? Что я не слыхивал никогда!» — «А сколько рублей?» — «Давай хоть сотенку!» — Жена говорит: «Дай ему сотню рублей! Я поручусь!»

Антипу делать нечего, вынимает деньги из сундука. — «Сроку время на сколько?» (Антип спрашивает.) — «На две недели».

Бедняк получил деньги, вышел на улицу, тихим голосом сказал своей жене: «Жена, домой!» — Приходят домой, купили себе провианту.

Проходят уже эти две недели. Бедняк деньги не несет. Антип и говорит: «Николай Чудотворец! Ведь я тебя продам!» — А Николай Чудотворец ни слова. Антип берет Николая Чудотворца, несет на базар.

Попадает ему навстречу поп. — «Ты куды, сынок, это?» — «Виноват, батюшка, вот у меня штука случилась какая: бедный крестьянин взял сто целковых денег, а Николай Чудотворец поручился». — «Как же поручился?» — «Говорил со мной лично сам вечером». — «Не может быть, чтобы говорил!»

Мужик отправился вперед. Ходил, ходил по базару, и никто не купил. Один попадает молодой ему человек: «Ты куда, Антип, с иконой?» — «Да продаю». — «А сколько просишь?» — «Сто рублей». — «Эх, брат! Ее поновить, так только стоит рубль двадцать!»

У Антипа в это время случилась дома беда: пошла его жена по воду по тонкому льду; на льду она упала, да и к Богу не попала: ноги разодрала, тут и душу отдала.

62(15). ПОБЫВАЛЬЩИНКА

[Легенда]

Рассказал А. Д. Ломтев

Жил-был старичок. До того добился, что ему уже питаться нечем стало. И пошел он за 30 верст на такое озеро рыбачить. Исправил он на этом озере себе балаган земляной и в этот балаган он перевёз жену и детей. После этого он дал клятву, что «если я на себя (каждый день) не заужу рыбу, то не буду я есть: день буду удить, а ночью Богу молиться».— Он не зауживал на себя, только зауживал на жену и на детей. *То* Господь дал ему терпленье; не ел он с месяц.

Потом тут такой день выдался — заудил он две рыбки лишних; потом он не стал удить, прославил Бога: «Слава Богу! Господь меня сужалел, дал мне на *пропитал* две рыбки лишних!» Сказал: «Мне жена сварит сегодня, я поем!» — Подходит к балагану и жене говорит: «Говори, жена, слава Богу!» — А жена отвечала: «А что, старик? Слава Богу!»

Он жене объясняет, что «я сегодня на себя заудил две рыбки лишних: Господь на меня дал!» — Жена: «Не на тебя Бог дал, а я тебе родила еще два сына, на них Господь дал две рыбки лишних!» — Потом старик сказал: «Когда ты родила два сына, я еще не буду есть, ловить буду. Слава Тебе, Господи, что ты меня не скричала, одна родила!» — После того он трои сутки удил, также заужал на жену и на детей, а на себя нет нисколь.

Ночь он промолился; поутру своей *хозяйке* сказал, что нужно их в крещёну веру везти, детей. *То* он оставил жену в балагане, а сам пошел в селенье за священником. Встречу идет к нему молодец, сказал: «Куды, старик, пошел?» — «Родила у меня жена два сына, нужно их в крещёну веру везти».— А молодец ответил: «Возьми меня в кумовья!» — *То* он посмотрел через правое плечо, а показался ему нечистый дух — этот молодец. Сказал старик: «Отойди ты от меня, нечистый дух! Я и то в грехах потонул без тебя. Какой ты мне кум?» — *То* он захохотал, этот молодец, пошел от него в сторону, а старик пошел дорогой.

Отошел он немножко — идет молодец еще чище того навстречу. И этот молодец сказал: «Куда тебя Господь понес, старичок?» — Старик молодцу сказал: «У меня жена родила два сына, мне охота в крещёну веру привести, я пошел за священником». — «Возьми меня к себе в кумовья!» — говорит этот молодец. Поглядел он через право плечо и видит, что показался хорошей души.

Старик его пригласил в кумовья. — «Когда ты меня приглашаешь в кумовья, я тебе дам три золотых: священник не поедет «даром на своей лошадке: не утаи (не жалей их), отдай эти три золотых священнику! Я пойду к твоей жене, а ты ступай к священнику!» (Господь ангела сослал ему, он только молодцом оказался.)

То старик не больше часу шел: *не в кою* пору доходит до селения. *То* приходит к священнику. — «Батюшка, я до твоей милости: у меня родила жена два мальчика; вот на таком-то озере я живу, за 30 вёрст. Нужно мне их в крещёную веру окрестить, я до твоей милости пришел». — Священник ему на то сказал: «Ты бы склал их в полу, притащил бы, я бы их окрестил, ты бы утащил их домой!» Священник приказал: «Выберись из моёго дому, я не поеду!»

Потом он подходит к столику (старик), клал ему на столик три золотых. Во второй раз он из горницы выходит, глядит: на столике три золотых старик положил. — «Ах, старичок, у тебя еще три золотых водится!.. Стряпка, станови самовар, мы с ним чайку напьёмся!» А кучеру велел лошадь запрекчи: «Поедем мы с ним детей окрестить». — Старик сказал: «Нет, батюшка, я чаю твоёго не буду пить; ты чаю напьёшься, поедешь, меня нагонишь, а я пойду пешком».

Старик меньше чаю шел; священник еще, пожалуй, только из двора пошевелился — уж он пришел на озеро к своему балагану. Где балаган стоял, тут, на том месте, образовался дом каменный и круг дому цветы расцвели. Удивился старик: «Неужели я неладно пришел? Проруби мои, а балагану нет!» — *То* как враз выбегают его старшие дети из комнат отца встречать. *То* он детям говорил: «Кто выстроил этот дом?» — «Пришел к нам какой-то молодец, вдруг всё появилось». — *То* заходил он в дом; кум сидел его на лавке. Старик говорит куму: «Как, кум? Непременно священник раздумал! Я сколь дорогой оглядывался,

а он меня не догоняет». — «Священник в пути, скоро приедет». (Ангел как не знает!)

Действительно, священник приезжает к этому дому, сдивился. «Неужели я неладно приехал? Он сказал мне: живу в балагане, а *это* дом каменный! Это что такое?» — Священник сдумал назад воротиться от этого дому. Потом, значит, ангел его посылает: «Кум, — говорит, — ступай, священника зови в свой дом!» — Выходит старичок, священника зовёт в дом. Священник: «Ах, старичок! Как поживаешь? Сказал, что живу в балагане, а дом у тебя вот какой, что в селенье такого дому нету!» — А старик на то сказал: «На все Господь!»

Заходят в дом. Потом кум говорит: «Ты, кум, поди в кладовую, три поклона положь; тут есть купель. А я пойду за водой: мне подобается за водой идти!» — Подходит старичок к кладовой, положил три поклона; дверь отворилась: стоит две купели — одна золота, друга серебряна. *То* он взял золотую купель, вытаскивает, становит середь полу. Кум наливал в купель воды; приказал отцу сходить за детями, детей притащить. Старик приходит из той комнаты без детей. «Сходи, кум, сам тащи детей: руки у меня не подымаются взять их». (Сам испужался, что такое.) Кум отправился за детями за его; приходит, того взял на руку, другого — на другую. *То* приносит детей — один сын в золотой ризе, а другой в серебряной. Священник, смотря на мальчиков, оробел. Ангел отвечал священнику: «Открывай книгу, гляди, какой сегодня день ангела: такие и имена давай!»

Священник на то ему сказал, что «мне подобается их (таких мальчиков) крестить?» — «Нет, духовник, они в крещёну веру не введены, полагается их крестить». — *То* раздел их из риз, подаёт священнику, и он посмотрел в книгу, назначил им имена; окрестил. И передал ангел отцу, сказал: «Снеси жене и по три поклона за них положь!» — А из купели воду вылил, поставил середь полу купель. Старик приходит; он приказал ему купель на место снести, выйти из кладовой, поблагодарить купель и три поклона положить. (А священник все глядит на них, что они исправляют.)

Старик стащил купель и говорит: «Кум, нет ли чем накормить священника? Священник приехал за 30 верст, небось есть захотел». — Кум ему сказал: «Поди, кум, к этой

кладовой, три поклона положь, отворится дверь — тут есть на столике всё, тащи сюды».— Старик три поклона положил, отворилась дверь — на престоле всего довольно; он постоял, а ничего не взял, так выходит: — «Кум,— говорит,— чем таскать, нельзя ли нам за этим престолом покушать?» — «Можно,— сказал,— иди, батько, с нами!» — Заходят, садятся за престол за этот.

Сидели очень долго. Ангел стал говорить священнику: «Батюшка, теперь тебя нужно провожать отсюда, сидим мы очень долго за престолом».— А священник: «Не очень,— говорит,— сидим долго; как я приехал, не больше,— говорит,— как часа три и с ездой прошло время!» — А ангел отвечает: «Нет,— говорит,— батюшка, ты теперь у нас гостишь три года, прошло три зимы и три лета, а тебя без вести потеряли: на твоем месте служит священник другой».— «Нельзя ли, милые дети, мне с вами жить?» — сказал священник. *(Поглянулось* ему.)

Ангел сказал, что «ты здесь жить не достоин. Ступай ты на свое место, тебе от Божьего храму не откажут. Когда ежли охота свою душу спасти, дак ты что тебе дадут, дак только то и бери! А не то, что за «венчанье давай 10 рублей»; а тебе только бы *пропитал* был, и ладно! Ты человек начитанный, слепых людей на ум наставляй, чтобы они Бога могли признавать!»

Проводили священника домой, остались двое.— «Кум,— говорит,— мое дело старое; ты уйдешь! Скажи мне, чем я буду своих детей пропитывать?» (А он не знал, что он ангел; видит, что он хорошой души.) — *То* ангел сказал: «Поди,— говорит,— тут есть кладова; в этой кладове есть большой мешок и кирка, тащи сюды!» — *То* притащил, действительно, большой мешок, кирку и лопатку.— «А жене твоей на *пропитал* тут всего довольно будет! Пойдем мы с тобой по *Уралу!*»

Идут они *Уралом,* доходят до таких трав; велит он ему есть корни, копать эти травы. Накопали этих (всяких) трав полон мешок. *То* сказал: «Смотри, кум, будешь ты такой *дохтур,* по свету только один, против тебя никакого *дохтура* больше не будет! Народ не будет меня видеть, только видеть ты будешь меня один: стану я к которому рабу в головы, ты того раба лечи; стану я к которому рабу в ноги, ты того раба не лечи уж! Смотри, кум, что тебе

только дадут, ты только то бери, а не дадут — и так лечи; а взятки большие за леченье не бери!»

«Пойдем мы с тобой к королю. Король лежит, 30 лет хворает уж. Он весь в *пролежнях,* король; на *симáх* (в зыбке) висит, не может на кровати лежать».— *То* приходят к королю; ангел встаёт к королю в головы,— короля подобается лечить. А старик называется русским *дохтуром.* — «Не желаешь ли, господин король, здоровья? Я тебя вылечу!» — А король на ответ сказал, что «если ты меня вылечишь, дарю я тебя городами и пригородками, и деревнями; бери все это себе, только вылечи!» — Вынимает он трав, *натопил* (запарил в горячей воде) этих трав, подаёт королю лекарство это (в такой воде). *То* король эти лекарствы пил три дня — налились в нем крови и сделалась ему леготá лучше старого. Король сказал, что «всем ты *дохтурам дохтур!* Изо всяких земель я доставал *дохтуров,* покроме тебя никто меня не мог вылечить!»

Король написал письмы, послал по всем державам, что «верю я по себе: кто если шибко скудно хворает, ехали бы за ним: покроме этого лучше *дохтура* нет».— Потом его дарил городами и деревнями, также много золотой казны и имущества, и отвёл ему (дал ему) на веки город и дом.

Тогда письмо получил один король, посылает за ним карету и посланника, за этим *дохтуром.* Тоже болен король. Приезжает кучер, по пояс кланялся — звал его к себе в город короля лечить. Садился тогда *дохтур* в карету, катился в королевство. Приезжает, заходит к королю в дом. *Дохтур* подходит к королю, а ангел встаёт к королю в ноги: его не подобается лечить, короля. Король с *дохтуром* поздоровался. Сказал король: «Если ты меня, русской *дохтур,* вылечишь, я тебе много подарю имущества и золотой казны и отправлю на своих лошадях».

Захотелось *дохтуру* его вылечить; поворотил, значит, за *симы* к ангелу головой. Ангел ничего ему тут не сказал; а только отворотился. *То* он запарил своих трав всяких, подавать стал королю. Вылечил его в трои сутки. Дарил много ему король золотой казны и имущества и отправил на своих лошадях в свой город.

Потом они приезжают. Он и говорит: «Кум,— говорит,— ступай, говорит,— ты на это озеро, вези с озера свою жену и детей сюды: здесь у вас богатство вовеки не

прожить! А я тебя дождусь».— *То* он запрег карету; приезжал на то место, видит: они уже не в доме, а в балагане лежат. (Дома-то уж нету: ангела-то обманул, так живи по-старому!) *То* он посадил жену и детей, привозит в этот самой город, где ему подарено.

«Ну, кум, я у тебя в гостях долго был; теперь пойдем ко мне в гости!» — *То* он повел его не путей, не дорогой — диким местом, *Уралом.* До той степени он его вёл, что этот *дохтур* на себе все прирвал и с тела кровь на нем льёт ручьями. Сказал этот *дохтур* старик: «Кум,— говорит,— за тебя, я гляжу, ничто не задевает, а я на себе все прирвал, мне трудно за тобой идти».— А ангел сказал: «Господь не это терпел, а ты что не можешь терпеть, что из тебя кровь побежала!»

Завел он его в пещоры. Оказались: горят свечи. *То* его *дохтур* сказал: «Это, кум, что такое? — горят свечи к чему?» — Ангел сказал, что «это наша жизнь продолжается: которой раб родится, тому становится и свеча; если может раб сто годов жить, и она сто годов горит, эта свеча».— «А что же, кум,— говорит,— которая моя свеча?» — «А вот гляди: твоя свеча сейчас потухнет, и жизнь твоя нарушится».— «Нельзя ли, кум, переставить (переменить) другую? У меня дети малы, теперь бы надо только пожить бы!» — говорит.— Ангел ему сказал: «Два раза Бога не обманывают! Королю *принаследно,* — говорит,— помирать, а ты его вздумал лечить; я тебе наказывал,— говорит,— ты не попомнил. Твоей свече еще гореть 30 лет, я переменил твою свечу королю — он еще проживет 30 лет. А тебе переменил свечу короля; жизнь твоя короткая остается: дойдешь домой, а не то и не дойдешь — дорогой помрешь! Пойди же ты теперь домой. Может, если подойдешь домой, благослови своих детей и ложись под святую икону, с душой расставайся!»

Очень скоро бежал, торопился, бежал домой. Сказал жене: «Дай мне теперь рубашку и подштанники беленькие,— мне теперь помирать!» — Лег он под святую икону, благословил своих детей, перекрестился и скончался.

63(45). КАК ГОСПОДЬ ХОДИЛ ПО ЗЕМЛЕ
[Марко Богатый]

Рассказал Ф. Д. Шешнев

Господь ходил по земле до Христова рождения 30 лет. Марко Богатый Его ждал к себе в гости и разостлал сукон — чёрных и красных, поставил лакеев возле этих сукон. Господь доходит до этих сукон. Его лакеи не допустили: Он нищей братией собрался, а они думали, что Он, Бог, знает, как нарядиться.

Обратился Господь с апостолами обратно, к сестре Марки Богатого, выпросился ночевать. Приходят ночевать; сидят, попросили они хлебца поужинать. Они сидят, хлеб едят, а хлеб не убывает.

Прилетают ночью два ангела: «Господи, — говорит, — каким ты их счастием наградишь? — два ребенка родились в одну ночь: у Марки Богатого родилась дочь, а у бедного мужика родился сын». — «Наделю я их счастьем: *вьюношу* бедного мужика наделю Марки Богатого счастьем».

Эта женщина выходит утром. Марко Богатый выходит, почёсывается у своих ворот. — «У меня, говорит, — нынешнюю ночь Господь ночевал с апостолами». «Как так? Или к тебе пойдет Господь ночевать, а ко мне не зайдет?» — «Право, — говорит, — я не пивала, не едала (сегодня утром, значит: врать не буду)! У тебя сегодняшнюю ночь родилась дочь, а Господь говорит, что «наделю я счастьем Марки Богатого сына бедного мужика».

Запрягает он дышловую свою лошадь — разыскивать бедного мужика сына, который с его дочерью в одну ночь родился. Разыскал: «Продай, — говорит, — мне этого сына!» — Тот бедной. — «Дай мне сто рублей!» — Деньги выкинул, увез этого мальчика.

Отправился за город; взял, его в сторону бросил. — «Вот, — говорит, — владей моим счастьем!» (Заморозить хотел.)

Обозники едут, на этого мальчика *натакалися;* круг свечи его горят уж, не замерз. Взяли этого мальчика, положили в *ягу;* лошади у них пошли ходко.

Привезли этого мальчика к Марке Богатому: «Господь нам найденыша дал!» — «Продайте его мне! Как так он цел остался?» — Купил, взял его в бочонок заковал и по морю пустил.

У него (Марка) был на островах монастырь. К этому монастырю бочонок и приплыл. Пошла прачка белье мыть и слушает: *служба* хорошая в этом бочонке. (Он уже большой стал, на жениха уж *находит*.) Приходит прачка, монахам сказывает. Те пришли, бочонок расшибли; у него евангелие на груди.

Ввели его в монастырь. А монастырь был бедный-прибедный; а потом его завалили деньгами и хлебом, как он поступил, этот мальчик.

Марко Богатый услыхал, что монастырь его богат стал; поехал навестить свой монастырь. Ему там докладывают, что «Господь дал нам такого-то мальчика: нас завалили деньгами и хлебом, как он поступил к нам!» — «Дайте мне этого мальчика домой сходить с письмом». — «Возьми, возьми!» — говорят.

Отпустили этого мальчика монахи. Отправился с этим письмом. А он написал в письме к жене, чтобы — он как только дойдет, чтобы сожгли его в огне. — Попал ему старичок: «Ну-ка, — говорит, — покажи мне письмо, молодец!» — Он ему показал письмо. Он его повернул два раза: «*Айда́*, — говорит, — отправляйся с Богом!»

Приносит этот мальчик письмо. Жена распечатывает. В письме: «Чтобы обвенчать его немедленно с тою дочерью Марки Богатого, которая родилась в одну ночь с этим мальчиком». — Женщина живо их к венцу, обвенчала.

Марко Богатый приходит. Как влетел в комнаты, хлоп жене по щеке. «Что ты, собака, меня ударил?» — «Я, — говорит, — тебе велел салотопщикам его передать, сжечь! А ты чего наделала?» — «Твоя, — говорит, — рука-та, писано! Погляди!» — говорит. «Да, — говорит, — моя рука! Как так это я ошибся?»

Посылает своего зятя Марко Богатый к Солнышкиной Матери: «Поди, — говорит, — спроси, сколько мне осталось веку? Когда мне будет смерть?» — Отправился. Идёт. Вертится мужик на колесе: «Куда ты пошел?» — «Пошел я к Солнышкиной Матери». — «Спроси про меня про грешного: замаялся я — на колесе болтаюся, качаюся!» — «Ладно, — говорит, — спрошу, спрошу!»

Две женщины из крынки в крынку молоко переливают: «Молодец удалой, спроси про нас про грешных!» — «Ладно, ладно! Спрошу, спрошу!»

Еще подался. Два старичка бегают, собаку не могут поймать. «Молодец удалой! Куда пошел?» — «К Солнышкиной Матери!» — «Спроси про нас про грешных!»

Жена с мужем бегает — ни окон, ни дверей не могут найтить, — круг дому. (Они на белом свете на *фатеру* никого не пущали.)

Солнышкина Мать, старушка, говорит ему (обсказывает все обиды): «Этим ввек не будет прощения (жене с мужем): они на белом свете людей не пущали обогреваться».

«А эти два старичка — им скоро прощенье будет». — «За что они маются?» — «Они от просвирки крошечку уронили, крошечку собака съела; за это они и маются».

Две женщины спрашивают у мальчика: «Скоро ли нам прощенье будет?» — «Вам веки вечные не будет прощенья; вы на белом свете снятóе молоко любили продавать и подавать!»

Приходит домой. Мужик на колесе: «За что я маюся?» — «Ты на белом свете любил конями меняться, божиться, клясться; мотался! Тебе веки вечные не будет прощенья!»

Приходит к Марке Богатому. Марко Богатый его посылает, в ночь, своих караулить рабочих, в салотопню. Эту он ночь исходил; теща его не пустила (она знает, что он хочет его *уходúть, зарушúть*). Марко Богатый утром спрашивает: «Ходил ли ты?» — «Ходил». — «Что же не могли они его убить?»

Пошел сам, своих бить салотопщиков. Как забежал, они его *сцапают,* прямо его в салотопню, сожгли. (Они думают, что зять пришел.) Сожгли, зять его и остался в дому вековечно.

Господь что на роду написал, то и стало.

64(64). ИВАН НЕСЧАСТНЫЙ
[Марко Богатый]

Рассказал Е. Е. Алексеев

Был-жил Иван Несчастный. Привиделось богачу, что этому самому Ивану Несчастному достанется его имущество. Он и приходит к этому бедняку: «Отдай,— говорит,— мне его в дети!» — «Да надо спросить у жены».— Жена: «А сколько (дашь)?» — «Двести рублей».— «Ну, ладно! Двести рублей».— Значит, отдали богатому.

Богатой приносит Ивана Несчастного домой.— Что с ним делать?— «Работник, запрягай лошадь!» — Запрег; завернули его в одеяло, сели и поехали. Отъехали версты три от селенья, попадается им овраг. Бросили этого ребенка в овраг, сами обратились — уехали домой.

Несколько время проходя, едет купец трактом. Слышит детский голос в этом в овраге.— «Стой-ка, кучер! Ровно тут ребенок ревёт?» — Кучер остановился. Прислушались. Купец и говорит: «Кучер, давай *разва́жживай* лошадь, а коней приверни!» — Развожжали лошадь, взяли вожжи; кучер взялся за один конец вожжей, а за другой купец конец держит крепко. Кучер спущается туды в ров. Вытащили Ивана Несчастного из рову. *Обважживает* кучер лошадей; купец садится в повозку, отправляется трактом.

Как раз приезжает к этому самому богатому крестьянину на квартеру. Купец берет мальчика и несет в избу, а кучер выпрягает лошадей.— «Вот,— говорит,— нашли мальчика дорогой в овраге, вытащили его оттэдова; вот привезли его с собой!» — «Вот,— говорит,— горе-то! Опять *натака́лись*! А надо его как-нибудь *уходи́ть*!» Богатый крестьянин и говорит: «Продайте его мне!» — «Да у меня у самого нет детей».— «А сколько за него возьмешь?» — «Две тысячи рублей».— «Ну, все одно!» — Богатый крестьянин взял его.

Купец переночевал; поутру отправляется от богатого крестьянина домой.

«Чё с ним делать?.. Заколотить в бочонок, отпустить по озеру!» — Плавал он по озеру. Прибило его к монашескому плоту. (На берегу монашки жили, вроде монастыря.) Приходит одна монашка; слышит, что ребенок в бочонке ревёт, обратилась назад к игуменьше: «Какой-то

мальчик ревёт в бочонке!» Послали за ним; вынимают бочонок, сшибают с него втулку (крышку); осмотрели, вытаскивают из бочонка: мальчик.

Вот его кормить, этого мальчика. Вскормили его до 18-ти лет; приучили его хорошо грамоте.

Эти монашки арендовали землю у богатого крестьянина, до пятисот десятин.— «А что это у вас за мальчик? Где взяли?» — «Да вот,— говорит,— приплыл в небольшом бочонке к плоту; мы,— говорит,— его вытащили оттэле, обучили хорошо ко грамоте его».

Понравился богатому крестьянину этот мальчик, Иван Несчастный.— «Отдайте мне его в дети!» — «Неохота,— говорит,— нам».— «Да я,— говорит,— на вас аренд прощаю 50 тысяч, да еще,— говорит,— пять тысяч прибавляю вам; только,— говорит,— отдайте!» — Отдали его богатому крестьянину.

Увёз он его домой, сделал его управляющим. (Грамоту он хорошо знает.) Сам отправляется в город: «Ну ты, Ванюшка, здесь оставайся, правь делом до моего прибытия!» А жене приказал: «Когда я уеду, вы под чан накладите дровь, натопите жарче, положьте его в чан, этого Ивана Несчастного!»

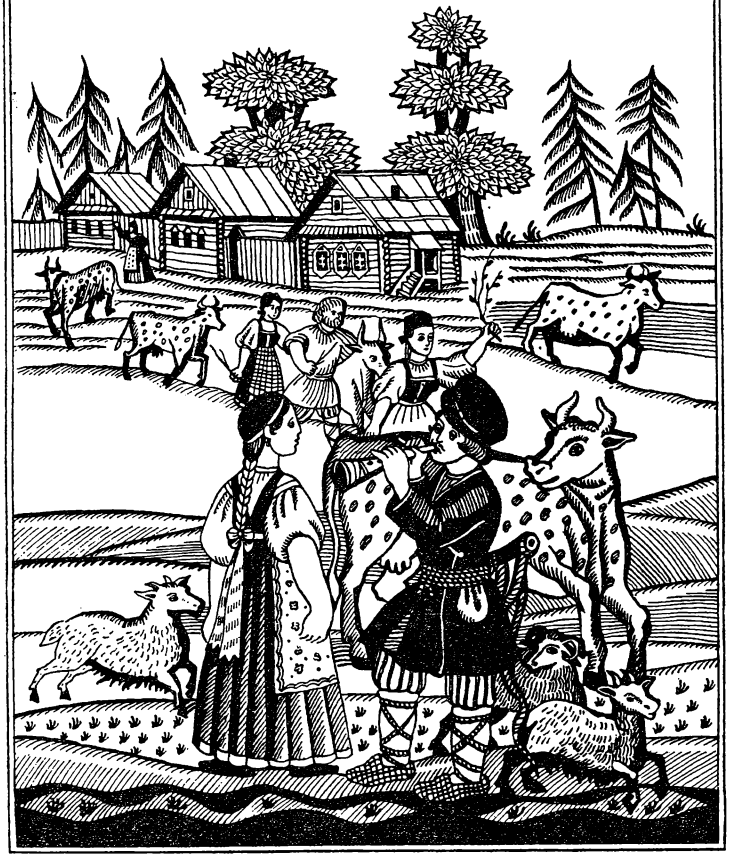
Пишет он письмо: «Исполнили ли мое приказание?» — Послали Ванюшку на почту; он пошел, получил письмо с почты. Идет. Попадается ему старичок: «Что ты несешь, Иванушка?» — «Да письмо с почты».— «Ну-ка, я,— говорит,— посмотрю письмо-то!» — Посмотрел письмо старичок, подаёт назад: «Ну-ка, на́,— говорит,— понеси с Богом!»

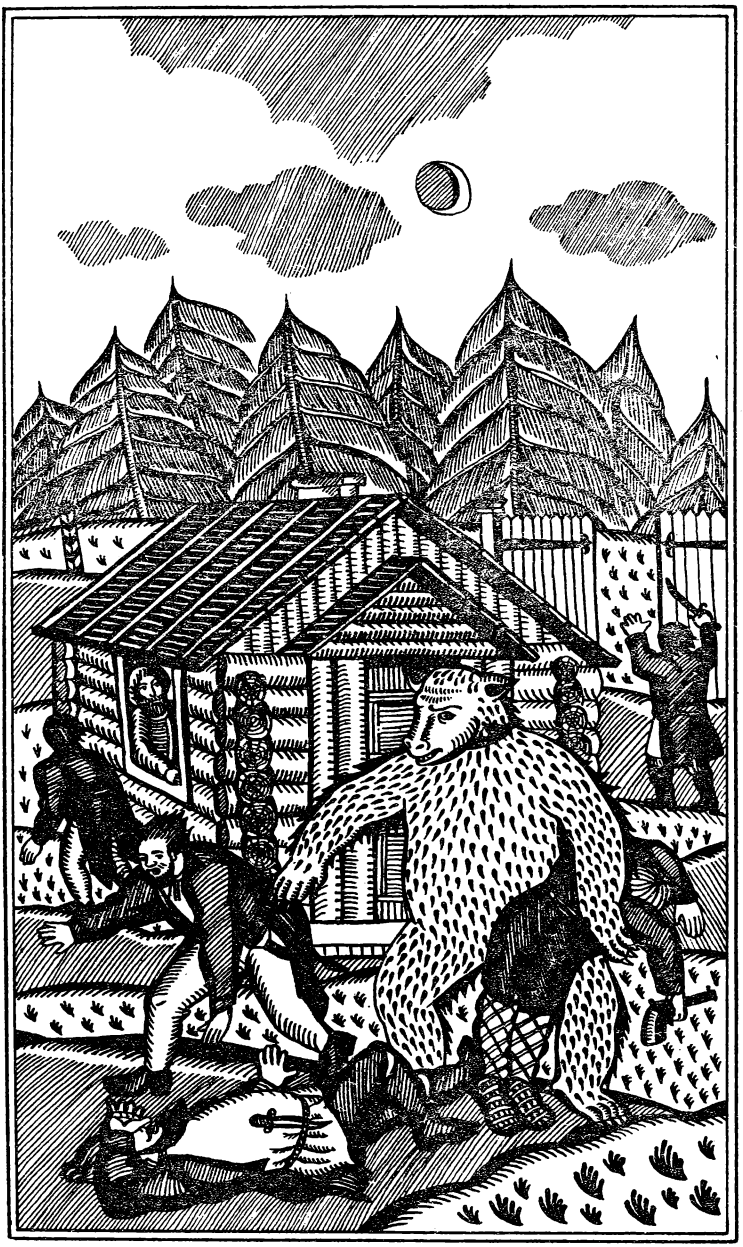
А старичок переменил в письме: «Повенчать его на дочери на богачовой».

Без него сделали свадьбу. Приезжает богач из городу — они уже повенчалися. Он и говорит своей жене: «Что вы наделали?» — «Да ты,— говорит,— подписался, чтобы его женить!» — «Да я,— говорит,— писал, чтобы его бросить в чан».

С этого время богач вино пить, пить, пить. (Он не пил раньше.) Потом его живого стал червь есть. Живого его кончили, помер.

НОВЕЛЛИСТИЧЕСКИЕ СКАЗКИ





65(С. 269). ОСТАФИЙ ПЛАКИДА

Рассказал Ф. Д. Шешнев

Остафий Плакида был воин у своего короля, в *нехристи.* И сколько он ни воевал,— всё думал о хрестьянской вере: «Какая-та есть хрестьянская вера?!» — Ехал он с войны со своей домой. И встретился ему олень. Олень от него не отбегает — близко бежит. И явился у оленя крест на спине.— «Тебе что, Остафий Плакида, охота спознать?» — «Мне охота хрестьянскую веру спознать!» — «Ступай,— говорит,— окрестися, исповедовайся и приходи на это место». Он сходил и потом из своего королевства бежать, из нехристи. Были у него два мальчика; он с ними бежать, с женой и с мальчиками.

Башкирец едет на воде.— «Перевези меня на ту сторону, пожалуйста!» — Посадил жену, а ребятёшки тут остались, на берегу с ним. Башкирец уплыл с женой. Он поплакал, поплакал, отправился с мальчиками идти. Подошла речка. Он подходит к этой речке. Взял мальчика одного, понёс. Принёс на тот берег,— лев-зверь прибежал, мальчика сгрёб, унёс. А другого мальчика в это время волк унёс. Хотел он с этого горя утонуть: мальчиков его унесли.— И взял вышел, пошел нанялся к богатому мужику в работники. Начал скотину пасть, пахать.

У ихнего короля *силы* тем времём много отбили (множенство *силы*).— «Разыскать этого Остафия Плакиду! Где он есть?» — говорит король, видит, что дело неминучее. Посылает двух посланников Остафия Плакиду разыскивать. Остафий Плакида *пахает* и заметил своих лю-

дей.— «Молодец,— говорит,— не знаешь ли, где Остафий Плакида проживает?» — «Нет, не знаю! А зайдите в деревню: может быть, вам скажут».— Те пошли, остановились ночевать в деревне. А Остафий Плакида бросил борону и соху, приходит туда же.— «Ах,— говорит,— поставь, хозяюшка, самовар, попотчуй странников!» — Стал им чай разливать, нет-нет, да и заплачет: своих людей увидал. Один из посланников узнал: «Это ты,— говорит,— Остафий Плакида!» — «Я»,— говорит.— Достали ему все его галуны, одежду, надели на него.— «Кабы я знал,— говорит хозяин,— что ты этакого звания, стал бы я тебя заставлять коров пасть!» — «Это мое дело!»

Пошел Остафий Плакида к своему королю. Пошел на приступ, город взял. Король не знает, чем его наградить. Отправился еще на войну, опять город отбил и заполонил себе много русских людей. Сделал отдых.— «Ты, брат, откудова?» (спрашивает Остафий Плакида пленника одного).— «А кто знать, откудова? Отбили меня у волка, маленького, выкормили и взяли к себе в пастухи».— Другого мальчика опять у льва отняли, взяли опять хрестьяне, за своего сына в солдаты отдали. И жена Остафия Плакиды оказалась жива: башкирец утонул с лодкой, а ее выбросило на берег. Мать услыхала, что, по разговору, ее дети нашлися; приходит к Остафию Плакиде: «Так и так,— говорит,— мои дети нашлися».— «Неужели ты моя жена?» — Он на коленки пал перед своей женой. Нашлося все семейство.

Остафий Плакида приезжает с своим семейством к королю. Король радёхонек, что города́ отбил и семейство его нашлося; взял, на 10-й день празднество устроил. В первый день глядит: Остафия Плакиды нету в ихней мечети. Огневался, призывает Остафия Плакиду к себе на лицо: «Почему тебя не было в мечети?» — Остафий Плакида и повинился: «Я вашим богам не верю».— «Свесть его ко львам».— Его львы не едят, а только лижут.— «Он волшебник, видно!.. Натопить свинцу и олова и сжечь их со всей семьей!» — Натопили четыре чана, покидали туда Остафия Плакиду с семьей. Приходит — явленные иконы явилися в их лик.— «Вот какой русский Бог!»

66(40). ЗАГАДКИ

[Царевич-найденыш]

Рассказал Ф. Д. Шешнев

Был-жил царь. Был он слепой. А жена у него пригуливала. *Гулеваны* лезут по лесенке к царице; министер думает: «Кабы он зрячий был, сейчас бы *ссадил* его, с ружьём».— У ней во чреве ребёнок говорит: б... по б... *каблук кроет*!» — (Царица сердится и говорит:) «Как рожу́, так потреблю этого ребёнка!»

Как родила, так и говорит: «Лакей, изжарить этого ребенка!» — Лакей понёс.— «Куда ты меня понёс?» — спрашивает ребенок.— «Жарить».— «Возьми щенка, зажарь; принесешь, спотыкнись, собака подхватит... А меня к кузнецу в солому зарой!»

Зарыл лакей его в солому, щенка изжарил; несёт и спотыкнулся.— «Ай, собаке собачья и смерть!»

Кузнец стал рыть солому, чуть не запорол ребенка. Увидал и говорит: «Бог найдёныша дал!» — Взял, начал его растить. Ребенок растет не по годам, а по часам. Начал играть с товарищами. Стали играть в цари. Кузнецов сын говорит товарищам: «Кричите: воротись, река, назад! У кого воротится, тот царь будет!» — Те кричат, кричат — ничего; он скричал — и река воротилась.

Стали играть другой раз.— «Кричите: приклонись к сырой земле, лес!» — Те кричат, кричат — ничего нет; он скричал — лес приклонился.— «Ну, во второй раз я царь!»

Стали играть третий раз.— «Кричите: утиши́сь в лесе тварь»...— «Ну, ребята, я царь! Которого удушу, так суду нет!» — говорит.— Так и расписались они.

Начали играть. Наладили коней. Один коня украл, потом другого; он его и повесил. Дошло до царя. Царь и говорит кузнецу: «Ты,— говорит,— теперя дай-ка своёго сына в чистое поле погулять!»

Взял царь сына, поехал. Кузнец дал царю сначала своего сына, не найдёныша. Поехали по лесу; сын и говорит: «Устроить бы на этом поле *кабан*!» — Царь и догадался, что не этот сын — царский сын.

«Давай, кузнец, другого!» — Поехали с этим. Едут полем.— «Эх, кабы на этом поле с царем повоевать!» — говорит.— И узнал царь, что это царский сын.

Начинает отбивать у кузнеца сына. Даёт ему быка и говорит: «Если в такое-то время бык у тебя не отёлится, я у тебя сына отберу!» — Привели быка: «На́ тебе, кузнец, быка!..»

А сын все воюет с мальчиками. Пришел домой. — «Что ты, тятенька, печалишься?» — «Так и так, царь тебя хочет отбить!» — «Давай, коли быка! Приедут царские посланники, ты сними штаны: притворись, что родишь!» — Приходят лакеи. — «Что? — говорят, — что это ты маешься?» — «Не могу, — говорит, — разрожаться». — «Что ты говоришь? Где видано, чтобы мужик сына родил?» — «А где вы взяли, чтобы бык телился?» — Те губу загнули, ушли. Объяснили царю. — «А это не его умысел, это сына умысел!»

«Везите, — говорит, — ему варёных яиц, чтобы в такое-то время курица цыплят насидела!» — А яйца печёные. Приносят яйца. — «Не насидит курица, отберём у тебя сына!» — Сын узнал и говорит: «Давай есть яйца!» — Съели. — «Придут царские лакеи, ты сиди, пшеницу вари!» — «На что варишь?» — «Сеять». — «Где слыхано, чтобы варёную пшеницу сеяли?» — «А вы где взяли, что печёные яйца курицы насиживают?» — Так и сделал отец. Лакеи ушли ни с чем.

В третий раз приходят. Царь велит, чтобы кузнец приехал к нему не наг, не одет; и ехал чтобы не дорогой, не стороной; вёл чтобы друга и недруга; нёс гостинец и негостинец; остановился у царя не на дворе и не на улице.

Кузнец взял с собой жену, взял собаку; сын козла поймал, на козла отца посадил, бреднём его накрыл; направил его по *колесничье.* Приезжает к царскому двору. Через подворотню переступил козел, остановился. (Остановился не на улице, не на дворе.) Привёз царю тетерю, отпустил — она улетела. (Гостинец и негостинец.) Собаке дал раз, хозяйке — два; хозяйка убежала; *гаркал, гаркал,* хозяйка не пришла (недруг). Собаке дал раз, *гаркнул,* она прибежала. (Это друг; хозяйка — недруг.)

Так сын и остался у кузнеца.

Задумал он жениться. Высватал женку. Та пожила, да убежала.

Пошел ее разыскивать. Взял войско (мальчишек полки) с собой. Нашел её у короля. Короля дома не было. Жена спрашивает: «Зачем сюда пришел?» — Объяснил. — «Садись в сундук пока, до моего короля!»

Пришел король. *Гулеванка* его села на сундук и говорит: «Я на короле сижу, на короля гляжу!» — Подсмеивается. — «Что ты смеешься?» — спросил король. — «А что бы было, если бы я старого мужа теперь привела сюда?» — «Голову бы снёс ему!» — Она и выпустила.

Король хочет его убить. Царский сын говорит: «Не казни меня в дому, а при́ городе!» — Запрёг король коня в *ходок,* посадил его на козлы, а сам сел в задок с женой. Он едет да и говорит: «Ах, — говорит, — передние колёса лошадь везёт, а задние чёрт несёт! (Ему *забе́дно,* что жена его сидит с *гулеваном.*)

Приехал в город. Взял король повесил *ре́лец* — весить. «Дай мне перед концом поиграть в рожок». — Король позволил. Заиграл царской сын, у него *сила*-то (войско) и зашумела, идет к нему. — «Что это у тебя?» — «Это у моего отца голубей много, летают. Дай мне еще последний раз игорнуть». — Жена и говорит: «Не давай, обманет». — «Что обмануть-то? Сейчас в петлю! В нашей воле!» — Заиграл — *сила*-то еще пуще зашумела. — «Что это?» — «Это голуби ближе летят».

Еще раз попросил игорнуть. Заиграл — а тем временем у короля *силу* всю побили. — «А, — говорит царский сын, — мои голуби всю твою пшеницу склевали!» — *Сила* подошла. — «Давайте, — говорит царский сын, — короля самого в петлю, а жену на лышную петлю». — И задавил. Сам стал королем вместо него.

67(53). ЗАГАДКИ

Рассказал С. К. Киселев

Один барин был. У него был лакей Алёшка. Раз барин заслушал: какая-то выходит замуж и говорит: «Если мне три загадки заганут, не отгану — так за него замуж пойду!»

Приходит он домой и кричит: «Алёшка! Вот тебе три рубля — ступай, купи мне лошадь!» — Тот получил деньги, спускается вниз: «Барин, что-то у нас не совсем!» — Побежал. Бегал, бегал, лошадей нет. Раз ведут лошадь пропащую без малого; раз он её купил. Купил за трёшницу, привёз её. «На что вы — слышь, — этаких покупаете?» — «Собак кормить!»

Он домой, кричит барину. Барин выходит и говорит: «Ну, вот лошадка так лошадка! Такую и надо! Ставь в конюшню и корми — больше ничё!»

На второй день кричит: «Алёшка! Иди-ка сюда!» — Алёшка пришел: «Что, барин угодно?» — «Вот тебе три рубля! Ступай, купи мне самого лучшего драпу — на сюртук, и на жилет, и на брюки!» — Алешка приходит в один магазин и смеется: «Чего-то, слышь, барин с ума сходит! Чего же я на три рубля куплю драпу?» — Торговый говорит: «На эти деньги рогож не купишь!» Алёшка и говорит: «Верно! — говорит, — идти рогож купить!» — Купил рогож, завернул в салфетку и несёт барину. Принёс барину, кладёт. — «Ну, вот драп так драп! Лучше этого мне и не надо!»

«Теперь найди мне портного! Был бы хороший — чтоб матерье не извёл!» — Алёшка пошел, портного хорошего привел. Сшили, принесли; он за работу тоже три рубля заплатил.

Через неделю лошадь немножко отдохнула. Одевает свое рогоженное платье, садится на лошадь, отправляется и говорит: «А ты, Алёшка, *айдá* за мной!» — Поехали.

Пристигла ночь. Они остановились у озера ночевать. Он утром встает, пошел умываться. Умылся пеной, не водой, а утёрся — у этой лошади хвостом. Вот и говорит: «Смотри-ка, Алёшка, что я сделал! Ты за это получишь деньги!» — «Что, барин?» — «Я, — слышь, — умылся не водой и не росой, а утёрся полотенцем не тканым и не браным. Вот, — слышь, — это первая загадка! Пущай она попробует!»

Поехали вперёд. Видит: корова в хлебе ходит. — «Алешка, слышь, сорви хлеба и добром выгони её, тихонько! Теперь, — слышь, — смотри, Алёшка, не забудь: ты из добра и добром и выгнал! — Это будет у нас вторая загадка!»

Опять отправились вперёд. Видит: змея через дорогу ползёт. — «Алёшка! На-ка саблю, пересеки её напополам!» — Алёшка взял саблю, пересек ее (змею) напополам. — «Вот, Алёшка, третья загадка: *«Зело зелом* убил! Пущай она попробует отгадает!»

Приезжают в тот город. Приехали, — еще очень до него человек с сотню есть: их так много набилось, все загадывают. У всех отгадывала. Он подошел. — «Ты, — слышь, — что, рогожный барин? (Он в рогоже был.) Загадывай!»

«Я у озера ночевал. Умылся утром не водою и не росою, утёрся полотенцем не тканым и не браным».— Она бегала, бегала, отгадать не могла.— «Это,— слышь,— Алёшка скажет». Он уж опять объясняет ей тихонько. Бежит.— «Отгадала! Вот так и так!» — «Нет,— слышь,— каналья! Алёшка рассказал, сто рублей получил с тебя!»

«Вторую загадывай!» — «Из добра добром и выгнал».— Бегала, бегала, отгадать тоже не могла. Алёшка ей сказал.

«Третью!» — «*Зело* зелом убил».— Она отгадывать по книгам, а он сделал наперёд на практике. Она вышла, говорит: «Теперь все отгадала!» — «Нет,— слышь; — если бы Алёшка не сказал, триста рублей не нажил, так тебе бы сроду не отгадать!»

В силу необходимости вышла за него замуж.

68(14). ВАСЕНЬКА ВА́РЕГИН

Рассказал А. Д. Ломтев

Был именитый купец Ва́регин. В Питере жил, царю помогал армию кормить. У купца Варегина был сын один. Время ему вышло жениться. Он отцу сказал: «Сватай, тятенька, а сам не оканчивай дело: я сам поеду досватывать».— Потом купец приезжает к купцу: что «я приехал за добрым словом, за сватаньем».— «С великой охотой отдаём дочь за твоего сына! Тебя и ждем!» — «Не хочу я окончить дело сам, высватать теперь, а приеду на второй раз с сыном, потом окончим дело!»

Потом приезжает с сыном. Сын приходит в купеческие палаты и говорит: «Покажи мне свою дочь! Я посмотрю, какая у тебя дочь».— Дочь собралась в *светное* платье, выходит, поздоровалась с Васенькой Варегиным. Он сказал купцу: «Господин купец, дозволь мне в разные комнаты с ней речи поговорить, с невестой!» — «Я тебя,— говорит,— возьму, так блуд сотвори со мной! (Что мне терпенья нет)».— Она согласилась.

Объехал он десяток купцов (и всех) и всё таким манером: *обледеневонить,* выйдет из комнаты и говорит: «Мне такую б...дь не надо!» — Отец на это осердился.— «Неужели купеческие дети всё б..и,— говорит,— девки? Я больше

сватать,— говорит,— не поеду никуды! Мне конфуз! Сватай сам, где знаешь!»

То он вышел в лавку торговать, Васенька Варегин. Идет к нему офицерская дочь, девушка из себя хорошая. Приходит к нему она в лавку и говорит, что «мне нужно, Васенька Варегин, серёжечки».— Сказал: «Дороги ли тебе надо серёжки?» — «Не дороже того — в десять копеек покажи».— «Девушка ты хорошая, а что дешевы *больно* серёжки просишь? Не пойдёшь ли, умница, за меня замуж?» — (Она ему *заглянулася.)* — Девица на то ему сказала, что «я бедного положения, офицерская дочь; где вы меня возьмёте?» — «А если вы пойдете, я одежды нашью своей хорошей (когда у тебя одежды нет, опасаешься), только *айдá* за меня замуж».— Девица сказала: «Иду я за тебя с великою охотой, как если не *моргуешь* мною, согласна».

То он ей сказал: «Не сотворишь ли ты сейчас со мной блуд, если я тебя возьму?» — «Ты меня хоть золотом обсыпь, не сотворю, *покуль* не повенчаешься!» — «Вот стало быть ты честного поведения; я тебя возьму. Дам я тебе сейчас сто рублей денег». Дал ей сукна хорошего и дал на много платьев всякого матерья. «Ты к этому воскресенью *испасись:* что тебе дал, все перешей, чтобы было у тебя готово. Мы поедем повенчаемся!»

Он повечеру приходит домой, отцу своему объясняет, что «я высватал невесту».— Родитель спросил: «Скажи, Васенька, где же ты высватал невесту, у какого купца?» — Сказал ему сын, что «я высватал офицерскую дочь, у офицера».— На то ему отец сказал: «Если ты привезешь ее домой, я тебя и в дом не пущу с ней!» — «Я на тебя не погляжу! Когда мне *глянется* человек, все-таки я возьму!» — сказал сын.— Подходит суббота.— «Что, тятенька, добровольно будешь свадьбу играть, или не будешь?» — Отец сказал, что «ты не думай! Никогда не соглашусь я офицерскую дочь взять в дом!»

Васенька отправился в лавку торговать поутру. Тогда Васенька думал *мленьем.* Взять надо денег немало! Может, отец меня выгонит, было бы чем жить мне с ней!» — Взял много тысяч с собой денег. Доживают до воскресенья. В воскресной день сказал сын отцу: «Дозволь мне к *обедне* сходить».— А отец: «Что, разве у нас лошадей нет? Кучер отвезет тебя на лошадке».— Васенька сказал отцу: «Я не хочу ехать на лошадке, а хочу пешком идти в Божий храм!»

Васенька тогда не пошел в церкву, а пошел в питейное заведение. Приходит в питейное заведение, сидят три пьянчужки, головы повесили. Купил четверть вина им; поит их водкой и говорит: «Ребята, вино пить не даром!» — «А что нужно, Варегин, тебе?» — «Вот этот будет мне крёсной, а этот — дружка, а этот — подружье! Я жениться хочу». — Пьяницы на это были согласны. — «Пейте, да не шибко, *вовсё* пьяные не напивайтесь! — Выводит их на рынок, купил им хорошие одежды, обрядил их как следно быть, пьяниц. Свистнул *биржовщикам*; *биржовщики* подгоняют: «Что тебе угодно?» — «Я вот на сколько время съезжу, за то заплачу». — «Садитесь». — *То* сели они на лошадей, подъезжают к этому офицеру к дому. Офицеру скричал Васенька Варегин: «Благословляй свою дочь замуж, выводи на улицу, пущай со мной садится! Поедем к венцу. (А в дом я нейду сам, значит.)» Дочь собралась; благословили отец с матерью; она выходит, садится с Васенькой.

Потом они приезжали в Божий храм. Обедня на отходе. Они выходят в *круг*. Священник подходит к ним. «Что нужно, Васенька Варегин?» — «Мне нужно венчаться». — Для богатого живо священник повернулся, венцы подтаскивал, надевал на них, начал венчать их.

Сметили купеческие дочери, что он берет офицерскую дочь. Купеческим дочерям (которых он *обледевонил*), сделалось обидно; докладывали они Варегину. Отец разузнал: «Сукин сын! Безо всякого благословенья... все-таки на своем постоял! Венчается!» Работникам приказал стать к воротам, взять по *стягу*: «Если приедет, убейте его, и сыску не будет!» — Варегин приезжает к воротам, видит: работники стоят со *стяжками*. — «Что это такое? Разбойство!» — «Васенька, убирайся и сюды никогда не являйся!» — Васенька Варегин с биржовщиками расплатился и пьяницам дал по рублевке; сам пошел, откупил себе квартеру.

Ночь переночевали, а поутру пошел лавку себе взял, набрал товару, начал торговать. (Даром жить нечего, а денег украл немало.) Проживается месяц и два. Люди доносят отцу, что очень молода́ хоро́ша и хорошо живут. Мать его сужалела, своего сына, и говорит: «У нас один сын! Живут приказчики». (Мать так мать; мать — кривая душа.) «Нам что, что худая жена, пущай живёт с нами!» — Потом он написал сыну письмо, а лакею приказал оттащить, чтобы Васенька шел домой жить.

То письмо Васенька получил, сказал: «Старый пёс одумался, видно!» — Приходят они с женой к отцу, пали в ноги. Отец их простил. — «Вот ведь, тятенька, ты до старости дожил, а ума-то не нажил! Если бы я богачку взял, она будет церемонии вести, а я бедную взял, меня она боится, а вас вдвое!» — И стали они поживать. Понравилась сноха, залюбил Варегин и признал ее хорошим человеком.

Тогда купеческие дочери в воскрёсный день в клуб съезжались погулять. *То* они советовали: «Давайте по сту рублей *стряпки ихой* отдадим, пущай она жену Васенькину уморит: тогда он котору-нибудь из нас возьмет». — Собрали они денег тысячу рублей; приходит одна к Васенькиной стряпке тайно: «Получи тысячу рублей, возьми *зельёв,* состряпай пирог, окорми ее». — Стряпка согласилась. Пошла на рынок, взяла *зельёв* и взяла хорошую рыбину (осетра); состряпала она пирожок особенной. Приходит на куфню молодая к ней; тогда стряпка сказала: «Послушай, молодая, нам обед достается все после! Я состряпала пирожок для тебя особенный, не угодно ли покушать сейчас?» — «Ну, давай, стряпка, поедим!» — Она живо скатёрочку набросила, пирог разрезала и говорит, что «садись, давай кушать!» — Молодушка говорит, что «стряпка, садись вместе!» — «Вот у меня это не убрато; да я сейчас сяду; давай садись, кушай!» (Стряпке будто бы нашлось дело тут.)

То молодая сколько бы там поела рыбы, растянулась вдоль лавки и кончилась. Тогда стряпка убирала скоро пирог и все это, доложила *большакам,* что «что-то *молодушке* сделалось». — Приходят сверху Варегин со своей женой, смотрит, что уж она кончалась. (Не хворала, а кончалась.)

Доложили Васеньке (он был в лавке на торговле). Очень Васенька запирал лавку скоро, бежал домой. Прибегает — жена его кончилась. Вышел на *дворец* Васенька, заплакал об жене. Сказали ему работники: «Не плачь, Васенька; есть у нас в городе сведущая старуха: если не своей смертью она померла, она может оживить ее». — Тогда Васенька приказал кучеру: «Поезжайте за старухой! Что она возьмет, то и заплатим; вези ее домой сюды!» — Кучер приезжает к старушке. К бедному: «Куды? Чего?», а к богатому — сейчас собралась, садится с кучером. Старуха приезжает.

Васенька стал перед ней на коленки, просит старуху как можно потрудиться. Старуха сказала: «Если не своей

смертию умерла, так я ее через час живую сделаю, а если своей смертию умерла, тогда ничего не поделать! Выйдите теперь вы из комнаты, а через час время я вам доложу».— Раздела она ее до нага, положила ей на сердце цветок, на лоб и на грудь — три цветочка положила. Час время только проходит, а молодая встает. Старуха снимает с нее цветки, а молодая одевается в платье — как есть по-старому.

Тогда,— знает купец, когда час время пройти,— у дверей скричали, что «можно ли в комнату зайти?» — Сказала старуха: «Можно».— Заходят в комнату все трое и спрашивали молодую: «Что сделалось над тобой?» — Молода сказала: «На что я только пирожка поела, вот меня с пирожка и взяло: слышу, что вы разговариваете, а стать не могу».— Сказал Варегин купец, что «где у тебя пирог? Покажи, чем кормила!» — А стряпка отвечает: «Она врет, я ничем ее не кормила, пирога у меня нет!» (Отпирается.) *То* Васенька избил, из дому вытолкал: что «не только что в дом, мимо моего дому теперь не ходи!»

После этого старушке наградил сто рублей денег и отправил ее на место. Старушка дала ему за это три цветочка на совсем: «Если что будет над вами, так вот так и делай!» (Рассказала, что «на грудь, и на лоб, и на сердце положь».)

Тогда они прожили неделю, сын стал отцу говорить: «Тятенька, мы поедем в особенные города с женой торговать! Пущай купеческие дочери эти выдут замуж, а то они и меня изведут!» Отец дал денег ему немало; он отправился на ямских в город Астрахань. Приезжают в этот город, откупили себе квартеру, начали квартеровать. Потом Васенька Варегин пошел на рынок купить себе лавку и место хорошее. Приезжает генерал из Англии в этот город, стает квартеровать к этому же купцу в дом.

А генерал был из себя молодой и холостой. Увидел он Васенькину жену, что она хорошая, стал с ней разговаривать. Сказал генерал: «Что вы — здешние или нездешние?» — Сказала она, что «мы из городу Петербургу, я Варегина сноха, Васенькина жена».— Сказал генерал: «Чья же ты дочь?» — «Дочь я офицерская».— А генерал сказал: «Когда ты офицерская дочь, военную службу очень хорошо знаешь. И вот, согласись со мной жить теперича. Своёго мужа мани: поедем мы в англицкий город; твоего мужа мы там кончим, а я тебя замуж за себя возьму».— *То* она на это была согласна.— «Идти лучше за генерала, чем

за купцом мне быть». (Охота генеральской женой еще быть!)

То Варегин повечеру приходит, она и говорит: «Мила ладушка, когда мы задумали с тобой дальше ехать, поедем еще подальше, поедем в англицкий город мы с тобой торговать!» — На то он ей сказал: «За морем коровы дёшевы, перевоз дорог! Далёко ехать». (Васенька был не согласен.) Генерал ему сказал, Варегину: «Я тебя увезу безденежно; сколь вы проживете — и назад приставлю безденежно, только *айдáте* туды! Там вам торговля будет хорошая».

Согласился Васенька Варегин ехать. Ночь они кутили, а *заутра собирались* ехать. Поутру товаров нагрузили свежих, отправились в отправку в Англию. *То* был Васенька Варегин в гитару охотник играть. Гитару она у него запрятала (на *фатере* оставила). Отъехали когда, выехали на море, жена и говорит: «Все, Васенька, хорошо, только в одном я виновата: гитару я оставила, забыла». — «Вот ты подлая! Что разве корабь остановить для штуки этой?» — Варегина жена сказала генералу, что «корабь остановить: нужно обратиться за гитарой». — Остановили корабь, отхватили легкую шлюпку. Варегин сел. Она ему рассказала, где лежит; он воротился за гитарой. Прибыл на берег, побежал, может быть, улицу или две ли, коли еще там добежал, — они подняли якорь и уехали, оставили его на сухом берегу.

То он гитару нашел, прибегает на берег и видит, что они очень далёко. — «Если мне ехать в этой шлюпке, должен я в бурю утонуть, а мне уж их не догнать!» — *То* он сколько бы побранился после этого, пошел в питейное заведение, с горя взял себе водки выпить, Варегин. Приходит к ночи на старую *фатеру,* стал жить-проживаться тут. (Деньги есть с собой у него.)

То Варегин дождался: приходит на пристань корабь; он прибегает, спрашивает: «Куда пойдет в обратный путь корабь этот?» «В обратный путь отправится в город в Англию». — «Господа, возьмите меня с собой в англицкий город, я вам заплачу за это!» (На розыски охота съездить.) На будущий день также перегрузились они товарами, отправились в город Англию; сел он с ними тогда. Когда ему делать нечего, он возьмёт свою гитару, начнёт выигрывать.

Приезжают в Англию, приваливаются на пристань, а на приемку товаров приезжает генерал с его женой.

Сразу жена его признала и говорит генералу, что «мой муж прибыл сюды». — «Ладно — хорошо! Что мы будем делать с ним?» — «Что хошь!» — сказала она. Генерал сказал: «А по прибытности нет ли у вас какого музыканта с собой, в музыку поиграть?» — Сказали ему, что «есть у нас музыкант Васенька Варегин». — Васенька в музыку играл, а сам выговаривал, что «подлая жена бросила меня на чужой стороне!».

Очень генерал скоро его закликнул, что «Варегин, пособляй товары выгружать!» — Генерал вытаскивал из своёго кармана тысячу рублей, положил к Васеньке в гитару. Тогда немного они *поробили*; генерал говорит, что «меня обокрали! Я обыск хочу по вам сделать!» — *То* обыск сделали — ни у кого не нашли, нашли в гитаре у Варегина тысячу рублей. Сказал генерал: «Вы этим наживаете капитал!.. Завернуть его в рогожу, завести за остров, утопить его в море!» — Солдаты живо завязали его в рогожу, завернули и связали крепко, положили на легкую шлюпку, повезли его за остров.

Сказал Васенька Варегин: «Не топите, братцы, меня! Погибает душа моя напрасно; пожалейте меня, отпустите на остров, я вам дам по сту рублей денег... Тогда я уеду на ямских домой и виду не подам, жить здесь не буду!» — Солдаты пожалели Васеньку, развязали; он дал им по сту рублей, а его на остров выпустили. На ямских он приезжает в свой опять город Петербург, Васенька.

«Что сделать? — схожу я в питейное заведение, напьюсь допьяна, тогда я пьяный лучше одумаю, что мне сделать». — Напился водки. Приходит солдат, берет тоже вина. Васенька и думает *мленьем*: «Говорят, что солдатам плохо жить. Солдату есть на чего и водки брать! Пойду я сам в военную службу». — Приходит он к генералу и говорит, что «я, господин генерал, желаю безо всякой *засчиты* в военное положение». — Генерал хорошо его знает, что он Васенька Варегин. — «Тебя, Васенька, никак нельзя забрить, покроме царя: если царь прикажет, так я забрею».

Доложили царю, что Васенька Варегин желает в военное положение безо всякой *засчиты.* Царь на то сказал, что «его без отца никак нельзя забрить, сын он один: отец распорядится забрить, так забрейте!» — Отец подумал так: «Стало быть, он жену потерял, желает в солдаты; забрить его без всякой *засчиты* (отец не научил, так пущай царь поучит!») — Забрили его.

Приказал генерал, чтобы не быть ему рядовым солдатом, а произвести в какие-нибудь офицера, и выше и выше. *То,* как он человек поучёный, военною службой очень хорошо занялся; заслужил себе чин офицера. Он с этого горя (как дома раньше жил) сдумал пьянствовать. Все деньги пропил и одежду с себя пропил; начал у товарищей воровать, что-нибудь да пропивать тащит. Стали солдатики генералу жаловаться, что Варегина нельзя держать с собой вместе, что начал у нас воровать кое-что.— Генерал сказал, что «не могу слушать, взять его на *сокроту* — не давать ему вина!»

Срядили его как есть в солдатский мундир, назначили к генералу в колидор на вести (часовым). Он стоял в колидоре; генеральская дочь малая мимо него идет; как сверталась против него, и уронила она салфетку. («Что от его будет, когда за ним воровство имеется?») Он салфетку эту прибирал, за обшлаг пихал. Генеральская дочь шла мимо него взад, ничто ему не сказала (что он прибрал; прошла и только).

С часов он сменился. Ведет его товарищ в казарму под *довизором,* чтобы он не мог зайти в питейное заведение, шинель пропить. Идет он дорогой и говорит: «Товарищ, я хочу немного на двор; дозволь мне сажен пять отойти от тебя!» Товарищ ему дозволил; он сажен пять отбегал, салфетку вынимал из карману, развязывал узел. В одном узлу,— видит,— завязано три золотых. (Она гостинцы ему дала.) А в другом углу — развязал, видит: записка; и он, как человек грамотный, смотрит: «Одумайся, Васенька Варегин! Не будешь ежли водку пить, будешь жить богаче домашнего».

То Варегин одумался, что «я брошу водку пить!» Надевал скоро портки, шел с товарищем в казарму. Приходит в казарму и говорит: «Ребята, дозвольте мне ведро водки взять и *решетку* калачей — вас попотчевать; вы меня простите — я у вас много пропил!» — Солдаты сказали, что «купи, Варегин, хорошее дело! Попотчуешь нас».— Заходит он в питейное заведение, взял ведро водки; на рынок зашел, решетку калачей скупил. Тогда напоил солдатиков; они его простили и сказали: «Непременно, подарил ему денег генерал и наставил его, видно, на путь».

Тогда он сказал: «Старший делопроизводитель, позволь мне на рынок сходить в лавку — купить сукна на мундир и сапожки как есть: у меня мундир плох, нужно

мне мундир хороший завести». Купил, сшил себе мундир хороший, обрядился как следует.

То они во второй раз опять его поставили в дежурство к генералу в колидор. Стоял он на часах; малая дочь мимо его идет и остановилась, спрашивает: «А что, вы тот раз стояли, я салфеточку уронила — вы подымали?» — «Да, подымали». — «Это ничего, — говорит, — что вы подымали! А что в салфетке было, то видали?» — «Да, барышня, видали: в одному узлу было три золотых, а в другом — записка». — «Что же, Васенька Варегин, не будешь больше пить?» — Сказал ей, что «я *горести* (табачища) и *матершины* не могу перенести в казарме — по старой жизни, как я жил у родителя. То-то бы мне *фатеру* особенную, я тогда не стану и водку пить!» — На то она ему сказала: «Смотри, Васенька Варегин, если тебе дадут особенную *фатеру*, станут тебе завязывать глаза, садить тебя в глухую повозку, ты *айда!*»

Приходит она к отцу и говорит: «Тятенька, нужно дать Васеньке Варегину особенную *фатеру*: он в казарме не может перенести с такими людями». — Генерал написал ему записку, что «придешь в казарму, тогда разъясни своим товарищам и разыщи себе *фатеру*!» — *То* он приходит к своему дяде к Варегину (а к отцу не пошел). Приходит; дядя весьма рад, принял Васеньку Варегина в гости. — «А что нужно, племянничек?» — «Вот бы, дядя, мне нужно *фатеру*: я в казарме не могу проживаться». — Дядя ему сказал: «Комната тебе готова и повар готов! Ешь (потребляй) мою пищу, вычету с тебя не будет (за это я ничего не возьму с тебя)».

Он поблагодарил дядю за это, сходил в казарму, свои вещи взял и сказал солдатам, что «я буду стоять *фатерой* у дяди у Варегина». — Тогда стали действительно к нему ездить: что ни ночь, приезжает кучер в глухой повозке, завязывал ему глаза и возил его. (Он с генеральскою дочерью с малой живет: она залюбила его и возила его каждую ночь к себе.)

Продолжалось не меньше году это время. Потом генеральская дочь ему говорит, что «будет нам с тобой зря жить; дам я тебе сто рублей денег и золотую табатерку; поставят тебя в царский колидор на караул, а ты скажи, что не здоров, отпрашивайся у моего родителя; дай ему сто рублей денег, а если это не поможет, отдай золотую табатерку, чтобы отменили только от караулу». Васеньку Варегина назначают в царский колидор в Христовскую за-

утреню стоять в дежурство, и он сказал, что «я нездоров».— *То* сказали солдаты: «Отменить мы не можем, просись ты у генерала».

Приходит он к генералу, перед ним на колени встает и говорит, что «Ваше Высокородие, отмените меня, я нездоров; получите лучше вот с меня сто рублей денег. Я нездоров».— Генерал: «Нельзя никак тебя,— говорит,— сменить, отставить от дежурства: назначен ты царем».— После этого подал он ему золотую табатерку.— «Нельзя ли как отменить? Я шибко слаб, нездоров».— Тогда генерал взял золотую табатерку и сказал: «Смотри, Варегин, какой будет спрос, ты уж скажи, что нездоров сильно».

После этого пошел он по городу и нашел он такого человека, кто может составить *пасху* и на аналой поставить в Христовскую заутреню. *То* ударили в Христовскую заутреню, является Варегин в монастырь в такой, где царь приезжает. Царю пропели *пасху,* начинают Варегину петь; царь слушает. Заутреня отходит, начинается обедня; царю пропели *пасху,* также и Варегину, наконец. Царь сказал, что «Варегин умел на аналой *пасху* поставить, умей с налою ее и взять!» — Варегин стоял, отвечал: «Умел,— говорит,— Варегин поставить, умею и взять: возьму с налою, и царь не увидит».

То обедня отошла; видит царь: *пасхи* Варегина нет на аналое. Тогда царь приказал всем к Варегину на обед идти с поздравлением. *То* царь приказал, что с нижних чинов и до высших ему прибавлять — чин от чину. Надавали на окончание ему чин генерала: генерал напоследе шел и сказал, что «быть тебе генералом». На окончание царь сказал: «Когда он генерала мог через *пасху* получить, потребовать на него галуны, надеть!» — Отобедали у Варегина, разъехались по местам. Варегин на окончание сходил на рынок, купил он себе сукна хорошего, нашил одежды хорошей (генералу уж нужно хорошую шинель!), сапожки получше купил себе.

Потом он жил генералом месяц — другой. Царь спохватился: «Через чего он чин скоро получил?» — Царь требует к себе его (Варегина генерала) на совет. *То* приезжает Варегин к царю на совет: «Зачем вы меня требуете?» — Царь сказал: «Скажи мне от чистой совести, через чего ты скоро чин получил? (На приступах ты,— говорит,— нигде не бывал!)» — Варегин царю сказал на то: «Не знаю,— говорит,— Ваше Царское Величество, то ли

я с женой твоей, то ли с дочерью твоей живу!» — «Почему это ты выразил мне такие речи?» — «А потому,— говорит,— что кажной ночи возят меня в глухой повозке, завязывают мне глаза,— говорит,— ночью увозят и ночью привозят».— Царь на то сказал, что «*не обходя* каждую ночь тебя возят?» — «Да, кажную ночь».— «Вот я тебе дам пузырёк; ты как ляжешь с ней, на щечку капни; тогда я узнаю, с кем ты живешь».— Затем Варегин отправился домой от царя.

Ночным бытóм приезжают за Варегиным, завязывают ему глаза, садят в глухую повозку. Легли они с ней в спальну, и он взял пузырёк и ей капнул на щечку; она *заойкала,* соскочила, смотрит в зеркало, что пятно. И сколько бы она мылом ни смывала, никак не может смыть. *То* рассердилась, что «мерзавец! Завязать ему глаза, свезти его на *фатеру!» То* поутру царь его спрашивал: «Что, Варегин, ездил к своей сударке?» — «Ездил».— «Капнул?» — «Капнул».— «Вот в таком-то часу приезжай на смотр! Записных я невест *выгаркаю,* и посмотрим, с кем ты живешь».— Тогда действительно царь всю свою *дворню* осмотрел — и жену, и детей своих — нет ни на ком. Тогда съехались купеческие дочери записные, и также и генеральские жены и дочери; *то* поглядел царь — ни на ком нет.

Сказал царь: «Кого еще у нас из записных невест нету?» — Сказали, что «малой генеральской дочери нету, она нездорова». Сказал царь: «Чтобы предоставить ее, хотя она и нездорова! У нас есть военные *дохтура,* посмотрят, чем она нездорова; пущай все-таки прибудет на смотр!» — *То* она приезжает. Царь смотрит: она салфеткой свои щечки завязала: — «А что у тебя, умница? Чем ты нездорова?» — «У меня, Ваше Царское Величество, зубы болят».— «Развяжи, поглядим!» Снять ей велел салфетку; усмотрел у ней тогда пятно.

Царь и сказал: «Вот, госпожа невестка, не желаешь ли идти замуж за Варегина за генерала? — «Наше дело девичье! Как он возьмет? Мало ли бы что я пошла!» — говорит.— Царь сказал: «Варегин, не желаешь ли генеральскую дочь малую замуж взять за себя?» — «С великой охотой возьму!» — Царь велел съездить повенчаться.— «Когда умел чин генерала получить, так не сменяю я тебя: оставайся генералом! Молодец! Правду сказал, не обманул царя и, что я велел, исполнил!»

Когда Васенька Варегин поехал к венцу, дяде своему наказал отца с матерью своёго в гости позвать. Тогда отец с матерью к брату в гости приходят. Приезжает Васенька от венца; тогда они в ноги родителям пали, а отец его простил во всех делах. Отцу объяснил, что жена моя скрылась, и я не известен, где она живет; и я с горя пожелал на военную службу.

Завели пир; также и царя потребовали к себе на гулянку. Кутили очень долго, радовались.

С месяц другой после этого послужил в генералах с женой; потом попросился он у царя в Англию: «У меня есть задушевный товарищ; дозволь мне, Ваше Царское Величество, туда съездить, повидаться». (Охота опять к жене своей к первой явиться, к первому *закону*.) — Царь ему дозволил.

Взял он с собой телохранителя и отправился в Англию. Приехал в английский город; надели оба шинели солдатские: «Скажем, что мы солдаты, послáты из Петербургу сюда послужить... Ты не говори, что я генерал!» — *То* они являются в английский город, доложили генералу, что «мы прислаты из города Петербургу сюды послужить; примите нас, приоделите в какие полка». *То* определили их в полки; начинают они тут жить. *То* Варегина назначили к генералу на *вести* стоять в колидор, в дежурство.

Пошла его жена в сад в разгулку и говорит: «Солдат, сними с меня калоши: мне по саду гулять очень тяжело будет в калошах!» Тогда Варегин сказал: «Ах ты, мерзавка! Не есть с тебя калоши снять, а есть с меня, я подороже тебя! Я, по крайней мере, муж!» *То* она не пошла в сад в разгулку, воротилась в комнаты назад. Говорила своему *гулевану* генералу, что «мой муж Варегин стоит в колидоре на часах».

Генерал посмотрел на Варегина в колидоре и воротился в комнаты назад. Не через долгое время генерал собрался в гости, наказывал солдату, «чтобы никого не впущал, *покуль* я езжу в гости!» — Приезжает оттудова и ведет солдатов за собой, конвой уж. Генерал приходит и говорит: «А что, господин одинарец, никто у меня в комнатах не был?» — «Никого не было покроме меня!» — Заходит в комнаты полица и там смотрят: камод перебит, расшиблен и там бумажник изорват валяется середь полу. «В этом бумажнике было у меня несколько тысяч денег!» — Тогда его присудили скоро к полевому суду, к рас-

стрелу: через шесть часов чтобы расстрелять его. (Вот и господин генерал! Добился опять.) *То* приказал его заковать, свести в тюремный замок.

То он приходит в тюремный замок, попросился у этих же солдатов сходить к товарищу вещи передать свои. К телохранителю приходит, говорит, что «ты возьми мои вещи. Как меня расстреляют, ты тогда *ночным бытом* вынь, раздень донага; есть у меня в чемодане три цветочка, положь эти три цветочка на сердце, на лоб и на грудь: через час если я живой буду, так буду, а не буду, так закопай меня опять в яму!» — Телохранитель боится *ночным бытом* так идти; запас себе вина, напился пьяный, потом пошел отрывать его. Отрыл его, раздел до нага, положил на грудь и на лоб и на сердце (как ему наказал).

Был он *трубокур,* начал трубку раскуривать; пьяной колды-то наложит, колды-то раскурит — час время проходит. Варегин встаёт, а телохранитель испужался, от его побежал. — «Не бегай, товарищ! Подай мне из чемодану белую рубашку, а что есть, себе прибери! *То* поживи здесь; я отправлюсь в свой город Петербург. Ты поживи здеся! Я скоро к тебе прибуду!»

То он отправился на ямских в свой город Петербург. Ладно — хорошо. Приезжает в город Питер; очень тяжело царская дочь хворает. Варегин надевал одежду *дохтурскую,* назвался чужестранным *дохтуром;* сказал слугам: «Доложьте царю, что я сызмальства этим занимаюсь; не примет ли меня царь дочь свою лечить?» — *То* царь приказал *дохтуру* этому: «Вылечишь мою дочь, большая тебе будет награда!» — Что «мне лечить не подобает самому девицу; я отдам на честные руки женщине свое лекарство. Женщине этой рассказал: «Ты раздень ее донага и положь ей на грудь, на лоб и на сердце три цветочка»... *То* через час время налились у царской дочери крови и через час времени сделалась всем здорова, лучше старого.

Тогда она спрашивала: «Из каких ты родов? Из каких земель явился ты, *дохтур*?» — «Я с измалых лет хожу, и я своего роду-племени не знаю». — Царская девица приходит к своему родителю и говорит царская дочь: «Я желаю за этого *дохтура* замуж идти!» Царь приказал: «Что же! Желаешь за него замуж идти — сходи повенчайся с ним!» — После этого стали они с ней поживать.

Тогда сказал Васютка Варегин: «Нет ли, тятенька, у тебя в каких городах *силы* мне попроведовать съездить? Не обижают солдатиков генералы?» — Назначил царь его в

город (Самарканд), да не в тот. Он съездил в этот город очень скоро. Приезжает и говорит: «Тятенька, не назначишь ли меня в город Англию?» — Сказал царь, что «*силы* тут немного стоит». — «А я, — говорит, — слыхал: тут городок хороший». — *То* царь ему приказал и в Англию съездить. Тогда он поехал со своей женой (взял царскую дочь с собой).

Дали знать в Англию, что в который день наследник прибудет. *То* они, не доехавши одну *станцию* до английского города, жене он стал говорить: «Жена, ты знаешь ли, кто я есть такой?» — «Не знаю, я только то знаю, что ты мне муж». — «А ты не знавала ли Васеньку Варегина прежде?» — «Как же не знала!» — «Вот я самой и есть». — «Как же, Варегин, — говорит, — не в давнее время ты служил у нас генералом, взял генеральскую дочь малую?» — «Да и верно, — говорит, — а первого закону за мной была офицерская дочь; еду я теперь — ее хочу нарушить: она живет с генералом в Англии. Ты ночь сегодня здесь обожди, а поутру приедь; я в ночь сегодня отправлюсь в Англию вперед. Смотри, если уж ты меня нигде не можешь найти, так ищи меня в тюремном замке!» (Он начепушит опять там уж!)

То простился с царскою дочерью и отправился в ночь в Англию. Приезжает; бежит прямо в казарму. Приходит: солдаты чистят ружья и мундеры свои и сапожки, на смотр выходить подчищаются. Сказал Васенька, что «он не для этого едет, наследник, ему не нужно ваше чищенье!.. А что же я гляжу, что у вас такого-то солдатика нет. Где же он находится?» (Телохранителя своёго спрашивает.) — «Он находится у генерала в банниках, в бане и спит (день и ночь проживается в бане). Уж хорошего человека спросил, самого последнего!» — «Затем, братцы, прощайте!» А мне нужно с ним повидаться».

Приходит он в баню. И он также чистит ружейцо и свой мундер; тоже на смотр подготавливается. По имени его назвал, по отчеству его величал, поздоровался с ним. Банник не может его признать. — «А что, земляк, — я тебя не признаю — ты *откуль*? Какой? Как тебя зовут?» — Сказал Васенька: «А прежде знавал Васеньку Варегина?» — «Как же не знал господина генерала!» — «Вот вы теперь ждёте наследника, а я теперь в наследники наступил!» — «Чего вы говорите, Варегин? Неужели, — говорит, — правда?» — Тогда он расстегнул свою шинель, казал ему нижний мундер. Потом он перед ним на коленки

пал... — «Это не нужно! Сходи в питейное заведение, купи две бутылки водки, да *бисерту* купи; а про это нечто не говори, что у меня наследник в гости». — *То* притаскивает две бутылки водки и всякого *бисерту*. — «Мы сегодня, — говорит, — ночь пропируем, а завтра что-нибудь откроем!» — Приказал он товарищу накласть в ранец г..ен и *калбушек* (обрубков); «и вставай с левого флангу на край! С тебя я буду смотр делать — с краю, завиню тогда генерала».

Ночь эта проходит. Поутру рано едет царская дочь; и в барабан ударили, что едет скоро наследник, что выходить скорее на смотр! (Наследница торопится, чтобы его не убили.) *То* генерал скричал своим кучерам, что «подайте поскорее мне карету! Поскорее на смотр ехать!» — *То* генерал выходил, садился в карету со своей жёнкой. Васенька выходил из бани и сказал: «Куды ты, сволочь, садишься с генералом? Ты не генерала, а Варегина жена! Б...ина ты этакая таскущая!» (*Обледевонил* ее.) *То* генерал приказал его заковать: «Покуль смотры не отойдут, пущай он сидит в тюремном замке! (Как можешь *обледевонить* мою жену? — говорит). *То* повели его, заковали.

А ехала его жена, царская дочь — в повозке стояла на ногах и глядела, где несчастного поведут. *То* увидела наследница. Он сказал, что «мне подайте одежды и расковать меня сей минутой!» — *То* из экипажу тащат ему одежды. *То* увидал генерал, когда он снаряжался в наследницкую одежду, — тогда генерал *сгорюхнулся*. — «Кто мог ему сказать? Ведь и верно, что не моя жена!»

Тогда снарядился в одежду, являлся к солдатам. Поздоровался с генералом, подходил к солдатам на смотры.

А к царской дочери подходила генеральша поздороваться; за ручку взяла, а царская дочь и говорит, что «здравствуешь, офицерская дочь и Варегина сноха!» — А она говорит: «Царская дочь, я не Варегина сноха, я за генерала выходила девушкой замуж». — «Нет, не может быть! Ты меня обманываешь!»

Варегин приходит с левого флангу к солдатику и говорит: «Ну-ка, солдатик, хороши ли тебе выдает генерал вещи? Покажи, что у тебя в ранце в солдатском!» — Развязал он ранец, оказалось у него в ранце г...ы и *калбушки*: — «Разве я на смех приехал?» — скричал наследник: «Ранцы бросить за фрунт, чтобы не за одним не было! Не смеяться надо мной, господин генерал!.. С генерала галуны долой! Оборвать с него галуны, надеть на банника! А тебе быть

не генералом, а быть тебе в банниках!» — С генерала галуны оборвали, надели на банника.

После этого подходит к первой своей жене, к офицерской дочери, и говорит: «Что, ты признаешь меня мужем, что я Варегин Васенька?» — Она говорит: «Я не признаю!» — «Когда ты меня не признаешь, я могу с тобой иначе распорядиться теперь!» Привязать приказал ее к столбу и расстрелять из шести ружей ее и зарыть ее в яму. («Она меня, — говорит, — расстреляла и топила!») Тогда жену его расстреляли и зарыли.

Товарищу своему наказал: «Служи и правь этим городом! Я к тебе буду приезжать почаще, навещать тебя». — А жене своей сказал, царской дочери, что «ты отцу своему не выражай те речи, что я Варегин! Мы так с тобой и изживем век». — И стал он с царской дочерью жить.

69(66). СМЕХ И ГОРЕ[1]

Рассказал А. П. Цыплятников

Дело было в старые времена, при Николае Первом. Железных дорог еще не было, и новобранцам приходилось трудно — на место назначения нужно было являться по способу пешего хождения.

Крестьянин Рязанской губернии Спасского уезда Козодаевской волости, деревни Окомёловки, Василий Иваныч Курилов, попал на службу в Петербург. Служба солдатская, ружейные приемы и особенно словесность ему совсем не давалась. Много попадало ему в ус да в рыло от взводных.

Видит Курилов, что служба тяжела и что другие молодые солдаты берут медицинское свидетельство и уходят на год домой на поправку, задумал и он также сходить на поправку домой. Приходит к доктору: «Так и так». — Тот повернул его, ударил по спине и говорит: «Здоров, детина, совсем! Иди служи!»

Наступил государский военный смотр. Курилову, как и всем солдатам, выдали первосрочную (первосортную)

[1] Эта сказка (единственная из моих записей в настоящем сборнике) печатается по записи, сделанной не под диктовку рассказчика, а по памяти.

амуницию, подучили ружейным приемам. Приехал государь император, поздоровался с войсками; пропустил мимо себя войска церемониальным маршем: «Спасибо, братцы!»

Потом поротно стал опрашивать допрос претензий: «Не имеет ли кто-нибудь из вас претензии?» — Курилов первый выискался в своей роте: «Я имею претензию, Ваше Императорское Величество!» — «Какую?» — «Отпустите меня на год домой на поправку: отец и мать у меня старые и больные».

Государь был в веселом расположении духа. — «А что ты мне привезешь оттуда?» — «А привезу я смех и горе, Ваше Императорское Величество!» — «Ну, хорошо, отпускаю; только привези мне смех и горе!» — И государь записал о том в свою памятную книжку.

Кончился смотр. С Курилова сняли новую амуницию, выдали ему рваные шароварishки и заплатную шинель, старые казенные сапоги, и дали годовичное отпускное свидетельство с правом на год на родину.

А Курилов незадолго перед тем нашел на улице пустой купеческий портмонет. Положил он в него свидетельство, десятикопеечную азбуку и три двугривенных — все, что у него было; да еще в грязный мешок наклал три фунта черных солдатских сухарей — и пошел пешечком в Рязанскую губернию, в Спасский уезд, в деревню Окомёловку.

Приходит он в город Владимир; спрашивает городового: «Где здесь хорошие номера для проезжающих?» — Городовой показывает ему. Приходит туда Курилов: «Есть свободные номера?» — «Точно так!» — «Сколько стоит?» — «Два рубли в сутки». — Курилов взял номер, заказал ужин в полтора рубля и полбутылки коньяку. — А в кармане у него всего навсего три несчастных двугривенных.

Хозяин спрашивает его: «Кто вы будете? Нам надо записать вас на меловую доску». — «Я генерал-майор из Сан-города-Петербурга, Василий Иванович Курилов». — Хозяин посмотрел на его рваную солдатскую шинелишку, но ничего не сказал: только бы получить деньги.

Немного погодя в те же номера приезжает на тройке своих лошадей с кучером генерал-лейтенант из города Москвы. Берет номер и спрашивает хозяина гостиницы: «Нет ли у вас кого-нибудь из военных? Скучно мне одному в городе». — «Есть, Ваше Превосходительство, гене-

рал-майор из Сан-города-Петербурга, Василий Иванович Курилов».— «Пришлите его ко мне!»

Хозяин гостиницы идет в номер к Курилову, а тот лежит на койке, азбуку свою разбирает.— «Так и так, Ваше Превосходительство! Приехал генерал-лейтенант из города Москвы, просит вас к себе в номер переночевать».— «Позовите его сюда!» — Приходит генерал-лейтенант, рекомендуется: «Я такой-то генерал...» «А я,— отвечает Курилов,— такой-то генерал».— Лейтенант первым долгом заказывает бутылку коньяку и отличный ужин.

Выпили и закусили. Лейтенант предлагает поиграть в карты на деньги. Курилов сперва отказывался, но потом согласился. Играют. Генерал-лейтенант наиграл на Курилова 50 рублей и просит деньги.— «Давай играть на сотню!» — Стали играть еще. Курилову повезло. Отыграл от генерал-лейтенанта свои 50 рублей и наиграл на него еще 20 тысяч.

У генерал-лейтенанта нет больше наличных денег, а отыграться хочется.— «Ставлю за 500 рублей своих лошадей с кучером и экипажем!» — Курилов: «Надо посмотреть лошадей».— Посмотрели: все блестит, а толку никакого в лошадях Курилов не знает. Согласились. Играют. Курилову опять повезло: отыграл у генерал-лейтенанта его лошадей и экипаж.

У генерала одна надёжа — на свою одёжу. Снимает генерал лейтенант с себя генеральскую фуражку, эполеты, мундир, шаровары с лампасами и лакированные сапоги.— «Ставлю всю свою эту амуницию за 50 рублей».— Курилов согласился и отыграл у генерала его амуницию. Отдал ему свою рваную шинель и сапоги, надел на себя полную генеральскую амуницию — и в самом деле стал похож на генерала.

Проигравшийся генерал-лейтенант спит мертвецким сном (после выпитого коньяку), а у Курилова и хмель прошел от привалившего счастья. Призвал первым долгом своего нового кучера: — «Как тебя зовут?» — «Иван».— «Известно тебе, что я отыграл у твоего барина его лошадей и экипаж? Ты теперь должен меня слушать во всем так же, как своего прежнего барина!» «Слушаю, Ваше Высокопревосходительство!» — «Так вот, завтра в 5 часов утра подай мне лошадей и поедем в Рязанскую губернию!»

Курилов начал еще раз пересчитывать свои деньги. Ночь скоро прошла, и кучер подал лошадей. Проиграв-

шийся генерал-лейтенант все еще спит. Взял Курилов десятирублевую бумажку, засунул ему за голенище: «Пускай, дескать, хоть за номер расплатится!» — Сел в коляску и уехал.

Приезжает он в город Николаевск. Въехали в город. Генерал Курилов подзывает к себе пальцем первого попавшегося городового. Тот на цыпочках бежит. — «Где здесь самонаилучшие номера?» — «А вот там на пригорке держит самонаилучшие номера граф». — «Кучер, поезжай туда!»

А граф в это время сидел со своею единственною дочерью (он был вдовец), красавицею Катей, на террасе, и пили чай. Дочь и говорит графу: «Папаша, смотри! какой-то молодой офицер едет — наверно, к нам!» — Граф взял бинокль, посмотрел: «Молодой-то молодой, да еще и генерал!» — У Курилова генеральская шинель была накинута на плечи, и красная подкладка виднелась. — «Вот бы жених-от?» — подумала про себя графская дочь: лет было ей уже немало, а хорошие женихи все не приезжали.

Курилов въезжает прямо во двор графского дома. Выбегает швейцар. — «Есть свободные номера?» — «Точно так, Ваше Высокопревосходительство!» — «Сколько стоят?» — «С конями 10 рублей в сутки». — «Хорошо!»

Курилов остановился в графских номерах. Графская дочь идет к нему в номер и спрашивает: кто он и откуда? (чтобы записать на меловой доске). — «Я генерал-лейтенант из Сан-города-Петербурга, Василий Иванович Курилов! Еду в кратковременный отпуск к себе на родину. Папаша и мамаша у меня при смерти, а дома — пятнадцать домов и пятнадцать магазинов: приказчики и доверенные разворуют». — «А с чем магазины?» — «С золотыми и серебряными вещами».

«А вы кто будете — замужняя или девочка?» — «Я еще барышня». — «Что же взамуж нейдёте?» (Курилов к тонкому обращению не привык.) — «Да женихов по мысли нет. Сватался студент да подпоручик, не захотелось идти за них». — «А я вам ндравлюсь?» Графская дочь покраснела и ничего не сказала. — «Ну, если ндравлюсь, так выходите за меня замуж: предлагаю вам свою руку на бракосочинение». — «Я должна сначала переговорить с папашей». Идет к графу и рассказывает ему: «15 домов и 15 магазинов!.. просит руки»... — «Благородное дело! — говорит граф, — если хочешь, иди замуж, воли с тебя не снимаю». —

Графская дочь идет опять в номер к Курилову и подает ему, в знак своего согласия на брак, руку.

Скоро молодые перевенчались. Живет Курилов у графа с молодой женой месяц, другой и третий. Скучно ему стало по деревне. — «Так и так, — говорит он своей жене, — 15 моих домов и 15 моих магазинов приказчики и доверенные, пожалуй, разворуют; надо мне ехать на родину, а тебя я боюсь брать с собою: дороги, может быть, плохи. Приеду станцию — две и пошлю тебе депешу: ехать или не ехать». — Графская дочь советуется с отцом: «Вася едет домой; мне хочет прислать депешу с первой или со второй станции: хороши ли дороги». — «Благородное дело! — говорит граф, — пусть едет!»

Приехал Василий Иванович в Рязанскую губернию, но еще не в Спасский уезд. Остановился кормить лошадей. Дело было в селе; номеров там нет и пришлось остановиться в корчме. А в корчму незадолго перед тем прибыл военный писарёк из заштатных — пробирался в Петербург искать писарской вакансии. Слово за словом, разговорился Курилов с писарьком; и задумали они играть в карты на деньги. Плохо пришлось Курилову; отыграл у него писарь и все деньги (20 тысяч), и лошадей с экипажем, и генеральскую одёжу. Отдал ему, из сожаления, писарь свой верхний плащ, чтобы было в чем идти домой.

Прежде, чем идти, Курилов попросил хозяина корчмы написать ему письмо к жене. Тот согласился. В письме Курилов писал, что он проиграл все свои деньги, лошадей и одёжу писарю; сознался, что он обманул невесту: назвался генералом. «Если, — говорит, — хотите знать, кто я, то посмотрите в спальне нашей под периной». — А там оставил Курилов свой *находный* купеческий портмонет и грязный солдатский мешок с сухарями — графская дочь не заметила еще того.

Отдал это письмо Курилов своему бывшему кучеру Ивану: «Отдай, — говорит, — его графской дочери, а писаря непременно завези к графу в номера переночевать!» — Кучер все так и сделал.

Пьет граф с дочерью чай на террасе. Дочь и говорит: «Смотри, папаша: Вася едет!» — Граф взял бинокль, смотрит: лошади Васины, а в коляске сидит не он.

Между тем Иван привез писаря на двор к графу, и тот остановился в номере.

Прочитала графская дочь письмо, пошла скорее в спальну; нашла портмонет, прочитала свидетельство Ку-

рилова и горько заплакала: «Что я наделала? Вышла за молодого солдата!» — Идет к отцу-графу. — «Ну, что пишет Вася?» — «Зовет меня ехать; он остановился на второй станции; а этого человека Иван довез к нам по пути... Отпускаешь ли меня, папаша, к мужу?» — «Благородное дело!» — говорит граф. Открыл кассу: «Возьми, — говорит, — сколько тебе надо на поездку денег и поезжай!» — Та взяла денег, а сама думает: «Надо как-нибудь изворотиться, выручить мужа!»

Идет в номер к писарю и предлагает ему играть в карты. Тот согласился. Счастье привезло графской дочери: отыграла она у писаря все то, что он выиграл у Курилова, взяла у него генеральскую одёжу и выгнала из номера. Села в коляску и поехала с Иваном в Рязанскую губернию, в деревню Окомёловку, разыскивать своего Васю.

А Курилов пешком пришел в свою родную деревню и молотит там хлеб с отцом.

Приехала графская дочь в Окомёловку. На краю деревни стоит трактир. Широкобородый здоровый парень-трактирщик стоит в красной рубахе на крыльце трактира, ухмыляется. — «Где здесь живет Василий Иванович Курилов?» — «Василия Ивановича я не знаю, а Васька Курилов есть, недавно со службы пришел. Вон его хата с краю — давно бы надо сломать на дрова, а то в ветреную погоду может кого-нибудь задавить».

Подъезжает к избушке Курилова. В избе сидит одна старуха (мать Василия Иваныча). — «Здесь живет Василий Иванович?» — «Здесь». — «А где он?» — «На гумне с отцом молотит». — «Как бы его нам увидать?» — «Давайте я вас провожу». — «Нет, — говорит графская дочь, — покажите лишь мне дорогу, а я найду сама!» — Та показала тропу.

Пошла графская дочь по тропке, приходит на гумно. Там молотят два мужика. Графская дочь с трудом узнала Васю: босые ноги грязны, штаны засучены до колен, рукава рубахи — до локтей; сам весь грязный, одёжа рваная; волосы у него подросли, и отец подровнял ему их — заступами — топором на полене.

«Здравствуй, Вася!» — говорит графская дочь. — «Здравствуй, женушка!» — Отец Курилова испугался: «Приехала, — говорит, — царская дочь, а он ее зовет женой». — «Я, — говорит, — за тобой приехала: пойдем со мной!» — Пошли. Обезумевший отец-старик смотрит им в след и не надивится.

А графская дочь спрашивает: «Есть ли у вас в деревне баня и цирюльник?» — «Баня есть у попа, а за цирюльника ответит солдат Мохов». — «На́ вот тебе рубль — остригись у солдата да сходи вымойся в баню, а потом поедем к нам домой». — Курилов остригся и вымылся кое-как в бане, а графская дочь велела кучеру подать лошадей к бане. Одела его опять в генеральскую одёжу и привезла к себе домой.

«Ну, как съездила? Что выездили?» — встречает ее граф. — «А 15 домов и магазинов Вася продал». — «А деньги куды?» — «А деньги в банк положил». — «Благородное дело!» — отвечает граф.

Живет опять Курилов у графа месяц, живет другой. Приходит срок воротиться ему на службу в Петербург. говорит он о том жене. Та графу: «Так и так, приходит Васе срок ехать в Петербург на службу». — «Да, — говорит граф, — надо торопиться, а то может выговор от командующего войсками получить. Возьми, сколько надо денег!» — Графская дочь взяла денег и поехала в Петербург. Приехали в Петербург. Взяла графская дочь самонаилучший номер, за 25 рублей в сутки. Остановились.

Идет Курилов на толчок, купил себе старую шинель, сапоги казенные, фуражку; приходит на другой день в роту. — «Васька Курилов приехал! Васька Курилов приехал!» — кричат солдаты. — А у Васьки Курилова на руке три золотых кольца. — «Украл, видно?» — «Какое украл! Женился, братцы, на графской дочери». Смеются солдаты: «Где тебе на графской дочери жениться?»

Взводный кричит: «Васька Курилов! Принеси из цейхгауза винтовку, вычисти: она вся заржавела, а скоро будет государев смотр!» — Принес Курилов винтовку, а чистить ее ему неохота. — «Братцы! Кто вычистит за рубль мою винтовку?» — «Какой у тебя рубль! У тебя и копейки-то нет!» — смеются солдаты. — Курилов вынимает из кармана пять рублей. — «Кто вдвоем вычистит мою винтовку за пять рублей?» — Все наперерыв кричат: «Я! Я! Я!» — Взял двоих, отдал им винтовку: «Вычистите и принесите завтра в такие-то номера!» — А сам ушел домой.

На другой день несут два солдатика ему винтовку в номер; входят, а у двери висит генеральская шинель на красной подкладке: Курилов, как приехал в Петербург, тут ее оставил. Испугались солдатики, *драло* домой. Курилов вышел на стук; «Эй, братцы!» — А те давай Бог ноги, и винтовку его бросили на дороге.

На другой день Курилов явился в новой солдатской амуниции на государев смотр. Стали в ряды. Большого начальства еще не было, одни поручики. Приезжает графская дочь в коляске на тройке на Марсово поле; подходит к офицерам: «Можно ли мне,— спрашивает,— пройтись по фронту?» — «Для чего?» — «У меня муж в строю».— «Пока большого начальства нет, можно».

Пошла графская дочь по фронту. Курилов говорит своему соседу-солдатику: «Это моя жена!» — Тот толкнул его в бок: «Что ты, дурак? Какая тебе жена? Это генеральская дочь!» — А графская дочь идет мимо Курилова и усмехнулась. Курилов на это заржал (громко засмеялся). Все солдаты удивились: «Что-нибудь да между ними есть!» — Приезжают ротные командиры. Поручики просят графскую дочь: «Сейчас приедет командующий; отойдите, пожалуйста, к своей коляске: он у нас человек строгий!» — Та отходит.

Приезжает командующий войсками Петербургского округа; подходит к офицерам, говорит им: «Замечаю я, господа, что на смотрах около вас все увиваются какие-то б...ищи; впредь чтоб этого не было!» — Графская дочь услышала это, подходит к командующему и говорит ему: «Какое вы имеете право оскорблять меня?» — «А вы кто такая?» — «А вы кто такой?» — «Я командующий войсками Петербургского округа!»

Графская дочь поехала к государю во дворец. (А граф был родня государю императору.) Приезжает: государю уже поданы лошади. Встречает графская дочь его на лестнице (он едет на смотр), падает ему в ноги: «Прости, отец!» — «В чем ты виновата, дочь моя?» — «Я вышла замуж за рядового».— «Благородное дело, дочь моя! Я сам ходил рядовым, а теперь управляю престолом».— «Оскорбил меня публично площадными словами командующий войсками».

«Послать за ним тюремную повозку: пусть привезут его сюда в тюремной повозке!» — Привезли.— «На 22 в ряды!»

«А кто твой муж?» — «Василий Иванович Курилов».— «Послать за ним моих лошадей!» — Привезли.— «Это ты тот солдатик, который просился у меня на год на поправку и обещал привезти мне смех и горе?» — «Точно так, Ваше Императорское Величество!» «Ну, хорошо, хорошо! Привез ты мне радость: племянница моя вышла за рядового,— и горе: командующего вой-

сками разжаловал в рядовые. Жалую тебя чинами и орденами. Завтра сделай смотр моим войскам, вместо меня!»

И сделал его командующим войсками Петербургского округа.

70(17). ВОЛОДЬКА КУПЕЧЕСКИЙ СЫН

Рассказал А. Д. Ломтев

Было это в городе Петербурге. Жил купец. У него было в банке 40 тысяч, лежало у этого купца. Сын был у него Володька. Купцу и этих денег недовольно; он нашел таких людей (деньги работать еще), которые деньги работали; в порожнее время могли они подкоп копать в порожнюю избу дальше, чтобы уйти этим подкопом. Потом жил у него годовой работник. Отжил год, они его неславно рассчитали. А работник сказал: «За это я вам покажу *вошь в голову*!» — пошел и сказал.

Потом он приходит в полицейское правление, работник; заявляет, что деньги работает недействительные. А деньги они делали — в чужие земли отправляли; деньги в однем слове не сходятся с действительными деньгами. *То* полицейские говорят: «Можешь ты нам показать?» — «Я могу поутру застать на деле, кто деньги работает!»

До утра́ доживают. Собралась полиция, взяли этого работника, поехали к хозяину. Полиция приезжает, хозяину говорит, что «пущай нас во двор!» Приходит во двор. «Хозяин, давай нам обыск! Где вы деньги работаете? Отворяй давай подвал нам!» К подвалу подходят, а Володька рабочих спрашивает: «Сёднишную ночь сколько денег вы наработали?» — «Сорок тысяч только сёдни, поленились», — говорит.

Начали кладову только отпирать, эти рабочие в нору убежали, которые готовили; остаётся сын Володька только тут. Володьки спросили: «Что ты делаешь?» — «Деньги работаю». — «С кем ты работаешь?» — «Я один работаю, никого больше нет!» — Полица приказала его заковать, в тюремный замок свести. Что денег наработано, все взяли. Посадили его в тюремной замок.

Он сидел цельной год. Дело было в праздник. Генеральская дочь приносила *решётку* калачей в тюремный за-

мок, разносила по *несчастным.* До Володьки дошла и ему подаёт. Она раньше знала его и сказала: «Володька, знать, напрасно сидишь?» — «Что поделаешь, барышня? Участь така довела!» — Она ему ничто не сказала.

Домой приходит, объясняет родителю: «Родитель, вот у меня теперь нанятой *ученик,* платим мы ему 30 рублей в месяц. Чем нам платить 30 рублей в месяц, выпустить купеческого сына Володьку; он разучёный очень, на семь грамот, он будет меня обучать даром. Человек он молодой, ему скучно очень в тюремном замке сидеть; пожалей, родитель, его!» — сказала дочь. (А сама залюбила его уж.) А Володька из себя был красивый и кудрявый (волосы у него кудрявы были).— «Ну, ладно, мила дочь! Я утром схожу, выпущу его».— Генерал поутру приходит в тюремный замок, приказал его расковать. Приводит в свой дом, говорит: «Вот, ты учи мою дочь Палашу!»

Он начинает её учить; задаёт строчку, она отвечает пять да шесть. Наука пошла хорошая ей. День она с ним посидела и говорит: «Вот, родитель, тот меня учил неделю, а этот один день — я больше поняла в день в один!» — Сказал генерал Володьке, что «ты приучай мою дочь, постарайся! Я походатайствую, может быть, не выпустят ли тебя из тюремного замку?» — *То* генерал с генеральшей уезжали в гости, а они оставались в комнатах одни. *То* Палаша заводит его в свою спальну и говорит: «Володька, сотвори со мной блуд, а если этого не будет, то — вынула леворьверт — в тебя пулю выпущу, а потом сама застрелюсь!» — «Чем погибать,— говорит,— так лучше согласиться».

Потом они проживали с ней, этим манером, этак с полгода. Генерал стал замечать; говорит генеральше: «*Мать,* я вижу: дочь у нас едва ли не обрюхатела».— Генеральша на то сказала, что «сами свели! До следствия время теперь уж молчать доводится».— *То* во второй раз генерал опять уезжал в гости. Володя стал своей Палаше говорить: «Палаша, дело неладно! Родители узнали, что мы с тобой живём. Пойдём мы с тобой на пристань, сядем на корабь, уедем в чужие земли, и вот там мы с тобой обвенчаемся, проживём — никто и не узнает!» — Палаша узнала, что дело неладно; взяла денег у родителя немало, пошли с ним на пристань. Попутчиков ехать им никого не оказалось тут — ехать не на чем.

Володька говорит, что «я, Палаша, покупаюся!» — «Володя, ты потонешь!» — «Нет, я плавать мастер, я никогда

не потону!» — Снимал с себя одежду, также рубашку и подштанники, пал в море. И вот он *курнулся* и поплыл. Не меньше глядела она с час время и плакала, что он потонул: не видит его. Он был плавать мастер: захочет отдохнуть, лягет на спину, потом опять плывёт, а виду не подавал, чтобы она не видела. Тогда она отправилась домой, Палаша.

Приходит домой. Как родители ее приезжают, она на коленки встаёт и плачет. — «Что же ты, мила дочь Палаша, плачешь? Об чём больше? Скажи!» — Я перед вами, родитель, неладно сделала». «Скажи ты нам, чего ты сделала?» — «Попросился Володя купаться на море, я никак не могла его отговорить; и вот он как пал в море, и утонул». — Генерал на то сказал: «Ну, так что же что утонул? Мы сделаем *мершую* бумагу, скажем, что он кончился, больше и ничего!»

Володька плыл морем, *натакался* на кит-рыбу. А кит-рыба хочет его съесть, а он ей не дается: где под брюхо, где на нее налезет. Потом кит-рыба всплыла наверх, как пластина. Володька залез на ней и сидит. По его счастью, ехали из иных земель на корабле — увидели человека и говорят: «Это непременно, ребята, чудовище морское, надо отворотить от него!» — *То* сверстались против него, скричали: «Что ты, человек или нет?» — «Я человек крещеный; не можете ли вы взять меня с собой?» — *То* скричали из кораблей: «Если можешь к нам плыть, к кораблю, так подплывай ближе!» — Тогда он соскочил с кит-рыбы, подплыл к *йхому* судну. *То* они подхватили его, посадили в корабль; поплыл он тогда с ними.

Прибыли они в королевство: привалились на пристань. Тотчас королю доложили, что «мы нашли на море человека; куды его дозволишь девать?» — *То* король приказал: «Приведите его в мои палаты; я погляжу, что за человек». Они его обрядили как следует, одели с рук и до ног. Приходит он к королю в дом. Королю он сразу понравился: лицом красивый и кудрявый. Сказал: «Молодец, *откуль*? Из каких земель?» — «Зовут меня Володькой; сызмалетства я с родителем рыбачил; судно наше расшибло, я потонул на море. Не примешь ли, Ваше Королевское Величество, меня к себе на место дитя? Я служить буду Вам по смерть свою!» Король сказал: «У меня сына нет; всё равно! Будет он сначалу служить у меня в доме

половым». — И он стал половым служить; королю очень *заглянулся,* а дворному генералу еще пуще того.

Пожил он месяц-другой; сказал генералу, что «мне эта служба недовольна, половым быть. По крайней мере, вы мне службу дали бы в *Сеноте* писарем быть», — генерал королю сказал: «Переведём его в *Сеноте* писарем быть». — Генерал королю сказал: «Переведем его в *Сеноте* писарем и зададим ему просьбу: какую он просьбу может составить?» — Перевели его в Сенот, задали ему просьбу; составил он просьбу очень хорошо, просьба *заглянулась* королю. Король сказал, что «не быть ему младшим писарем, а быть ему старшим писарем, чтобы он мог всем *Сенотом* править!» — Пожил Володька с годик; дело правил очень хорошо в *Сеноте.*

Наконец, король что-то захворал и поскорости помер. У короля не было братовьёв, также и племянников, наследников никаких. *То* сходились и советовались: «Кого поставить в короли королевством править? В короли всякому охота, а давайте зададимте задачи: по три книги кто может списать в трои сутки — со старых книг на свежи — того и в короли». — Все сидели старались день и ночь, что списывали, а Володька ходит день и ночь, сутки, не занимается. Дворный генерал сказал: «Что же ты, Володька, не занимаешься?» — «Я человек чужестранный, где же меня поставят в короли?» — «Ну так что же? Мы тебя приняли за своёго; занимайся все-таки; напишешь, так поставим!»

На третий день Володька занялся и рано покончил, списал. *То* приходит на четвёртые сутки в *Сенот.* — *«Что, ребята, у кого готово?»* — *То* сказали, что на сутки, у другого на полторы — у всех не готово, только очудилось готово у Володьки у одного. — «Быть ему королём!»

То он королевством с год правил. Наконец сказал: «Господа, я желаю к русскому государю; у меня есть дело с царем поговорить». — «Тебя унять нельзя; можешь ты завтра ехать». — Он приказал корабь припасти к утрому. До утра доживает, на корабь садится и отправляется. Приезжает в русское государство, приваливается на пристань. Дело было к ночи. Он снимает с себя королевскую одежду, надевает на себя купеческую простую одежду. Ту одежду в сундук запирал; товарищам сказал, что «я, господа, схожу один; хотя и ночь прохожу всю, вы, господа, с корабля не уходите, дожидайтесь меня!»

Идёт он по городу; видит двухэтажной домик, заходит в него. А в этом домике живут шайка разбойников. Заходит он в дом, они сидят за столом водку распивают. Атаман-разбойник взглянул на него — одежда на нем хорошая. — «Господа, убить этого человека!» — А он говорит: «Не бейте! Вырвался я сам из тюремного замку, желаю с вами вместе разбойничать; примите меня в свою шайку! Если вы не верите, глядите на моих руках: вот у меня и клеймы есть, что я несчастный».

Они были согласны; приняли его в свои товарищи: «Садись, брат, с нами за стол кушать!» Кушанье закушивали, также и водку выпивали. Наконец, атамана спросили: «А сегодня какого велишь нам купца *позори́ть*?» — Атаман сказал: «*Ступайте* вот к такому-то, к Андрею купцу, который деньги работал; ворвитесь к нему в кладовую!» — *То* Володька понял, что к его отцу посылают; пошел в разную комнату скорее: приходит, живо вынимает бумагу и карандаш, сучинил записку, положил её в карман. (*Им* не объясняет ничего уж.)

Подходит дело к полночи. Посылает их атаман разбойничать. Запрягали они этипаж, ехали на охоту. Подъезжают к этому Андрею к дому, начали работать, врываются в кладовую. Разломали, как человеку лезть. Володька и говорит: «Давай, братцы, я залезу живо, буду вам подавать, вы только принимайте!» — Володька залез; хотя он подает, а в стену чем-нибудь пуще колотит, чтобы слыхали домашние. Услыхали домашные, что кто-то в кладовой *шебарчит* (стукается), выбегали, увидели этих самых разбойников. Тогда они закричали: «Володька, вылезай!» — А он не вылезает. Они сели да угнали.

Работники заходят в кладовую, увидели Володьку, не рассмотрели, что хозяин, давай его бить. Володька не отвечал, что «я хозяин» ли, что ли; а до того его добили, что он ничем не мог владать. Сказал отец (хозяин), что «оставьте, не убивайте, оставьте до свету! Я спрошу, кто такой?» — У Володьки была сестра; запросилась: «Дозволь мне, тятенька, сходить посмотреть этого разбойника». — Отец хотя ее и не пущал, она со слезми просится: «Дозволь поглядеть; сердце не терпит, схожу я погляжу». — Она фонарь зажигала (как народ тут его караулил), приходит в кладовую, смотрит на его кудри. *То* сестра смотрит и плачет, сужалела: «По кудрям словно как наш братчик Володька, а лицо избито всё, в крови».

То он услыхал от сестры речи, засовался в карманах, нашел записку, выбрасывает сестре под ноги. Сестра: «Что такое?» Подняла записку, читает, что «прими от меня, сестра, записку!» — Сестра заплакала, пошла в свои покои, в избу, подает записку родителю. Записку родитель рассмотрел, заплакал, приказал принести его в комнаты свои. Приносят, лицо его умывают, работника живо послали за *дохтуром.* К богатому в полночь — это не что, живо *дохтур* собирался, набирал всяких лекарствов. *Дохтур* намазал хорошею мазью, завязал. Тогда родитель сказал: «Что ты, милый сын, не мог скричать? Неужели ли бы я приказал тебя бить?»

Дело доходит до утра. Володька и говорит: «Родитель, прикажи кучеру запрекчи в карету, а съезжу на пристань — у меня есть товарищи там!» — Приезжает на пристань, сундук отворяет, надевает на себя мундер как следует, что подобается королю надеть. Оставил одного караульного, а тут забрал всех к себе на обед; привозит к родителю в дом.

Тогда на *обряд* смотрел его родитель: «Неужели ты, Володька, доступил, что служишь королем?» — «Да, тятенька, я служу вот в такой-то державе королем. Съезди ты, родитель, или покажи кучеру, скажи, чтобы привез вот такого генерала и с женой, и с дочерью с Палашей!» — Послал Андрей к этому генералу — привезти самого и жёнку и дочь. *То* приезжают к купцу. Купец Андрей принял их, начал угощать. Сидели они, а Володька был в разной комнате, с сестрой сидели. (Они еще не здоровались.)

Тогда Володька сестре говорит: «Поди, сестра, приведи с собой в комнату Палашу; скажи, что мое дело девичье, мы будем там с тобой угощаться». (Ему уж охота невесту-то скорее повидать, затем и приехал.) Приходит и говорит: «Господин генерал, дозволь мне свою дочь в разную комнату, мы будем там угощаться: наше дело девичье!» — Палаша приходит в комнату, а Володька стал против нее на ноги и здоровается с ней. Палаша обробела. — «Неужели, Володька, я тебя вижу?» — «Да и верно, Палаша, что я!» — «Я по тебе милостину всегда *обношу* (подаю), считаю, что ты покоен, а ты жив образовался!»

Палаша ему объяснила: «Я от тебя теперь никак не останусь! От тебя родился сын, у меня растет». — Володька сказал: «Затем я и с королевства обратился — тебя в жёнки взять и с собой увезти! А сын будет у нас впоследствии

время наследник... Можно теперь обратиться нам к родителям».

Приходят в комнату к родителям. Выходили из той комнаты все трое, здоровались с генералом; и генерал обробевши смотрел на Володю. «Неужели ты это самой и есть, Володя? Доступился до этой степени, что получил теперь чин короля?» — «Да, Ваше Превосходительство, я служу в такой-то державе королем. Я обратился из королевства: ты выдай свою дочь мне в жёны!» — «Бог благословит! Сейчас сходите к венцу, и будем мы потом пировать».

Съездили, повенчались, кутили более недели; наконец, он отправился в королевство. Распростился с отцом-матерью; прощался, говорит: «И рад бы я дома остаться, нельзя никак закон переменить!» — Увёз Палашу с сыном в королевство.

71(26) ИВАН-ДУРАК

Рассказал А. Д. Ломтев

Жил-был мужичок. У мужичка был сын Иван-дурак. И он, этот старичок, отдавал замуж свою дочь. И пошла она на озеро за водой. Приходит на плот и плачет. Потом посылали Ивана-дурака за ней: что она долго нейдёт? — Иван-дурак заходит к сестре на плот. — «Отчего ты, сестра, плачешь?» — «Как мне не плакать?! Принесу я сына Ивана, а сын Иван у меня умрёт!» — Сказал Иван-дурак: «Вот какие есть дураки! Меня считают дураком, а еще хуже меня? Пойду я по селенью: если дурнее их найду, то дело будет так!»...

Идет по деревне, а мужик садит корову на баню. — «Что ты, мужик, делаешь?» — «Вот корм пропадает даром; хочу корове вытравить, засадить корову». «Что ты дашь — я вытравлю корове». — Мужик говорит: «Я тебе три рубли дам, только вытрави корм!» — Иван-дурак приказал *литовку* принести, выкосил, помаленьку бросал корове, корова съедала корм. Стравил этот корм, получил три рубли денег, отправился опять селеньем.

Идет он селеньем, а богатый мужик направил дышло и хомут — загоняет лошадь в дышлы. Иван-дурак приходит. — «Что вы делаете?» — «Да вот нужно лошадь нам за-

гнать, и в дышло запряглась чтобы лошадь». — Иван-дурак говорит: «Что заплатите — я запрягу?» — «Сто рублей». — Он узду на нее надел, надел хомут и запряг в дышло. Получил сто рублей, отправился в город.

Идет городом, заходит в царской во *дворец.* Забился в ясли и лежит. Приходит конюх и приходит к нему *стряпка,* и он сдумал с ней блуд творить. Он (Иван-дурак) ему кричит: «Конюх, неладно делаешь: оттого кони портятся!» — Кучер соскочил, везде поискал, нигде не мог найти... Во второй раз Иван-дурак пуще скричал. Услыхал он его голос, начал его в яслях искать. Конюх приводит его к царю: что «вот я вора поймал: забрался он к нам в ясли, хочет, видно, жеребца украсть царского». — Царь его спросил: «К чему ты, молодец, сегодня в ясли забрался?» — «Ваше Царское Величество, я хвастать не люблю, а я правильно говорить хочу с тобой. Поглядеть захотелось мне, как ваши конюха ходят за конями. А ваш конюх приходит, и стряпка за ним тут пришла к нему... Оттого, Ваше Царское Величество, жеребцы портятся. Я ему и скричал».

Царю сделалось любопытно. — «Вот так это будет верный слуга!» — «Наймись ко мне, Иван-дурак, табун пасти конный». — Тогда ему препоручил своего жеребца Любимца царь. Выпустил он маток и сел — Иван-дурак — на коня, поехал, в поле табун погнал.

Приезжает из иных земель король к царю на совет. И кое об чём поговорили; наконец, выхвастался царь, что «есть у меня в поле такой пастух — не за какие тысячи не продаст без моёго веленья он моего жеребца Любимца!» — Король на то сказал: «Я у него поеду и скуплю жеребца!» — Царь: «Если ты скупишь жеребца, я тебе даю три тысячи денег и жеребец будет твой».

То приезжает король домой, ходит день и два и три — тужит об этом деле. Старшая дочь королевская и говорит королю: «Об чем же ты, тятенька, больше тужишь?» — «Был я на совете у русского государя; был у нас уговор такой, что если я Любимца жеребца уторгую у пастуха в поле, так получаю три тысячи рублей».

Дочь отцу сказала: «Дай мне сто рублей денег, хорошую узду — и я поеду и скуплю у него». — *То* она приезжает в поле, в табун к нему, и говорит: «Здравствуешь, господин пастух!» Пастух *малахай* снимал, с ней здоровался. — «Что тебе нужно, княгиня?» — сказал он. — «Продай ты мне царского жеребца Любимца!» — На то он ей ска-

зал: «Сотвори со мной блуд, дай сто рублей денег; привяжу я к тебе жеребца к задку; с тем вместе — если я свистну, удержишь, будет твой, а не удержишь, будет мой: во второй раз чтобы не ворочаться!» — *То* она согласилась... Пошел он в табун, поймал жеребца, привязал к задку (к повозке); она повела. Потом она отъехала. — «Али она уведет?» — сказал пастух. — Свистнул, жеребец взыграл, канат оторвал.

То она приезжает без жеребца; говорит: «Тятенька, скупила я жеребца; с тем уговор был, что — оторвется, второй раз не ловить. Плох дали канат!»

Середняя дочь на другой день и говорит отцу: «Дай, тятенька, мне сто рублей денег, узду покрепше; я поеду, сторгую у него». — Также приезжает в царские луга, приезжает к табуну, с пастухом здоровается. — «Здравствуешь, барыня, что вам угодно? «Не продашь ли ты мне царского жеребца Любимца?» — «Дай мне сто рублей денег, блуд сотворить; и с тем вместе — жеребца я привяжу: удержишь, твой, а не удержишь, мой: во второй раз я не буду ловить!» — Согласилась... Пошел он в табун, жеребца поймал, привязал его к повозке к ей. Отвела она очень *дивно.* Тогда он как свистнул, жеребец взыграл, и повод лопнул. Жеребец убежал опять в табун.

Тогда она приезжает без жеребца; сказывает родителю: «Жеребца я купила, да был уговор: второй раз не ловить. На что такой гнилой повод привязали к узде?»

На третий день король пуще того затужил об этом деле. Малая его дочь говорит: «Не тужи, тятенька! Я поеду, жеребца сторгую и знаю, что приведу его домой. Дай мне сто рублей денег». — Дал ей сто рублей и канат крепкий, и поехала она в царские луга. *То* приезжает в табун, поздоровалась с пастухом. Пастух говорит: «Что тебе нужно? — «Продай мне царского Любимца жеребца, господин пастух!» — «Если дашь мне сто рублей денег и блуд сотворишь со мной, — жеребца продам; с тем вместе: жеребца я привяжу — удержишь, твой, а не удержишь, мой: во второй раз я не буду ловить!» — Согласилась... Пошел, жеребца привязал к ней к повозке. Отвела она немного; он как свистнул, жеребец взыграл и повод оборвал опять у этой.

Потом она воротилась, со слезами стала пастуха упрашивать. Пастух ее пожалел... Во второй раз привязал ей жеребца, и она увела этого жеребца.

Иван-дурак сел на лужок и задумался.— «Теперь непременно царь мне за этого жеребца голову сказнит. А подумать мне не с кем. Я поговорю со своим *малахаем*: что мне малахай посоветует?» — *То* поставил палку, малахай повесил на палку, а сам сел на коня. Разъехались на коне, подогнал к своему малахаю; *то* сказал: «Тпру! Здравствуешь, господин хозяин!» А хозяин отвечал: «Здорово, господин пастух! Здорова ли у тебя, господин пастух, скотинушка?» — А я скажу, что «не шибко: жеребец Любимец в болоте утонул».— А он бы мне на это сказал: «Дурак! Ты должон ухо отрезать, должон вид привезти!» — «Ах, каналья, я неладно выдумал!»

Во второй раз разъехались; подгоняет к малахаю: «Тпру! Здорово ли, хозяин?» — «Здравствуй, здравствуй, господин пастух! Здорова ли у тебя скотинушка?» — «Не шибко, Ваше Царское Величество! Любимца жеребца королевской дочери продал, сто рублей получил».— «Ха-ха-ха!» — хозяин сказал: «Какими неправдами продал?» — «Так и скажу! Хорошо,— говорит,— я теперь выдумал!» — *То* он свой табун оставил в лугах, а сам пригоняет к царю.

То прибыл к нему король за деньгами: «Жеребца скупил, отдай мне три тысячи денег!» — *То* как раз приезжает этот самый пастух домой. Подъезжает к *поратному* крыльцу и говорит: «Тпру! Здорово ли живешь, господин хозяин?» — «Здравствуешь, господин пастух! Здорова ли скотинушка?» — «Не шибко, Ваше Царское Величество! Продал королевской дочери твоего Любимца жеребца: сто рублей получил и с ней блуд сотворил».

«Ха-ха-ха! Какими неправдами ты скупил у моёго пастуха коня!» *То* царь сказал: «Отдай ты мне три тысячи рублей денег! Отдай ты мне моёго Любимца жеребца, приведи его в табун: неправдами ты его скупил! А пастух у меня все-таки сказал верно, не потаил!» — *То* царь его наградил деньгами, что «верный ты у меня слуга! Служи во *дворце,* а табун пасти я другого заставлю».

У царя была хорошая свинка, хороших родов. И Иван-дурак за этой свиньёй всё ухаживал, кормил ее все кажновременно. Выходит царь во *дворец*; он (Иван) взял, свинку эту пнул, она рюхнула хорошо. Царь и говорит, что «Иван-дурак, али она у тебя разговор понимает?» — «Как же! — говорит,— у меня у родителя свадьба, она велит проситься у тебя на свадьбу».— Тогда царь приказал: «Запряги карету, съезди!»

Тогда он запрёг карету, а свинью свою опять под бок ногой пнул. Она рюхнула опять. Царь сказал: «Что она с тобой говорит?» — «Да велит в карету подушек попросить хороших. Нет ли подушек?» (Может, у сестры сидеть не на чем.) — *То* царь приказал подушки ему выдать.

После этого он свинью опять ногой пнул. А царь сказал: «Это что, она опять с тобой разговаривает?» — «Попроси и меня в гости! — говорит». — *То* царь велел посадить и свинку с собой в карету. *То* он посадил свинку с собой, сел в карету, распростился с царём; поехал домой на свадьбу.

Приехал, привозит денег; приказал заколоть свинку: «Вот вам и мяса будет!» — Тогда пиры хорошие были у них: денег довольно привёз.

72(54). ЛОВКИЙ ВОР

Рассказал С. К. Киселев

Был один купец. У этого купца только был один сын. А он (купец) такой был богач, что на пять лавок торговал: в четырех приказчики, а в пятой сын сидел.

Вечером деньги приносят ему приказчики и сын; вот он сидит, подсчитывает, а сын все сидит. Сидит и говорит: «Что за оказия! Где это тятька столь денег набрал? Если бы он работал, так у него бы ноги болели; а если бы воровал, так, наверно, бы под судом находился!» — А ему хочется самому такой капитал составить. — «Где, слышь, — достану?»

Думал, думал и придумал: «Лучше ходить воровать! Как если я пойду воровать, ну, попаду под суд — тятька богатый, выкупит!»

Утром выходит на рынок, пошел по лавкам — у того деньги украдет и у другого. Попал он под суд. Отец его выкупил. Ну, так и на следующий раз попал под суд — отец опять его выкупил. В третий раз попал, отец его выкупил и прогнал.

Ну, пошел и ушел в другой город. Приходит в город к вечеру, стоит на мосту. *Враз* бежит — опоздал — солдат за мясом. Он говорит: «Ты, солдатик, куда?» — «Побежал, — слышь, за мясом». — «Не пустишь ли меня переночевать?» — «Так что? — слышь: — Милости просим!» —

Пришли, сделали *пельмени,* стали ужинать. Купеческий сын купил винишка. Поужинали, выпили ладом.— «Ну, теперь надо спать!»

Он проснулся ночью и говорит: «Хозяин, вставай!» — Хозяин встал.— «Сказывай, здесь у кого больше денег?» — «У нашего государя денег много в кладовой, только у него есть такой человек: кто — слышь — иголку украдет, он и то узнает!» — «Ничего,— слышь,— пойдем!»

Пошли. Стену проломали, бочонок с золотом утащили. Государь поутру встает: — «Все ли у нас сохранно?» — «Никак нет! В кладовую стену проломали, бочонок с золотом утащили».— «Как же?.. Кто?» — «Это неизвестно! Знахарь еще лучше меня!»

«Надо думу думать!» — И придумали: поставить чашу, в нее налить смолы, под нее накласть жару и стены не закладывать, будто как не догадались.— Так и сделали.

На вторую ночь они опять пошли. Хозяину и сделалось интересно бочонок с золотом утащить. Когда подошли,— «Я,— слышь, вчерась лазал (купеческий сын говорит), а сегодня, солдат, ты полезай!» — Полез; руки у него сорвались, он упал, в этот чан прямо и попал.

Тот подождал, подождал — нет его долго. Потом посмотрел, что тот упал, он вытащил, отсек ему голову, а тулово опять спустил в чан. Приходит домой.— «Ну,— слышь,— хозяйка! Вот тебе от мужа голова. Пойдешь на меня просить, ничего тебе не будет; а станешь жить как следует, то мы с тобой поправимся!» — Она ничего не сказала.

Утром там встают, говорят: «Ну, что? — Попал!» — слышь. Пришли; вытащили руки и ноги и туловищо, а головы нет.— «Если бы голова-то была, так мы бы и узнали; а головы-то нет, так мы и не знаем, кто такой!.. Что же теперь станем делать?» — «Взять солдат да отправить его на площадь: кто не станет ли из родных реветь. Мы его узнаем».— Так и сделали.

Этот самый мошенник-от, он утром встает, на площадь выезжает, смотрит: вот он. Поехал дальше. Назад приехал: «Господа, это что у вас такое?» — Солдаты ему обсказали.— «Эх, какое тиранство! У нас,— слышь,— нет этого, в нашей державе!.. Вот вам, бедняги, нате на бутылочку! Сходите, выпейте!» — В другой раз заехал, опять им дал на водку.

Они, конечно, напилися. А он в этот момент успел съездить в монастырь и украл у двух монахов платье,

а у игуменьши тоже. Солдаты, конечно, напились пьяные и уснули; приезжает — они спят. Он взял, с них все снял, на одного надел монашеское платье, на другого тоже, а на третьего игуменьшино надел. А этого туловище украл и увез домой. Привез, положили в гроб; с его женой и похоронили.

Утром просыпается один солдат и говорит: «Это ты, брат? Вставай! С нами монашка спит!» — «Сам-то ты монашка!» — Чё делать? — Надо пойти, дескать, к государю! — А государь любил до смерти монашек и игуменьш. Идут; государь на балконе стоит. Они идут, — государь и кланяется: «Пожалуйте! Пожалуйте!» — Они подошли и стали на колени. — «Это что такое?» — Выслать узнать. Думали: что случилось в монастыре; спросили. — «Так и так». — Он велел их отправить в острог.

Потом призывает своего губернатора: «Чего станем делать?» «У нас денег много; давай увешаем козла всего в золотые!» — Дали двух солдат и офицера — гонять его по городу: «Если он (вор) увидит, деньги станет брать; мы его поймаем!»

Потом они (солдаты) озябли и зашли в гостиницу. Солдаты остались внизу козла караулить, а постарше ушел вверх — чай пить. В этот момент и он (вор) приехал; забежал прямо кверху, попросил стакан чаю. Потом и спрашивает: «Нет ли, хозяин, с кем-нибудь в деньги поиграть?» — Этот и выискался, старший-от. Он с ним стал играть и понемножку проигрывать; а сам то и дело вниз, а там все солдатам давал на бутылочку. Солдаты, конечно, спилися. Он в этот момент сгреб козла и уехал с ним. Тот схватился — те пьяны, а козла нету. — С объяснениями к государю. Государь велел их посадить.

«Ну, теперь, — слышь, — чё делать?» — Опять призвал того. — «Надо по городу ходить и нюхать: где козел не жарится ли?» — Один (солдат) забежал как раз к этому (к вору): козёл у него жарится. Он (вор) в этот момент спал на полатях. Солдат посмотрел, побежал сказывать, что вот тут козел жарится, а на воротах написал, что вот тут «козёл жареный».

Тот (вор) выскочил за вороты, побежал по всей улице, стал писать: «Козёл жареный», «Козёл жареный», «Козёл жареный», на всех домах и написал. Они *збулгачься,* прибе-

жали в ту улицу смотреть; на всех воротах: «Козёл жареный». — Опять не могли найти его.

Потом опять советуют: «Чё станем делать?» — «Давай, — слышь, — бал!» — Собрали когда бал, они взяли, да золотых по полу-то и насыпали: «Кто станет нагибаться-та, того мы и поймаем! Наверно уж он: больше никто не станет!»

Когда он (вор) приехал, увидал — взял, подошвы варом намазал и по комнате ходил. Сколько золотых налипнет, он выйдет, обдерет, да опять варом натрет. Ну, и так вот все собрал; никто не нагибался — и золотых не стало.

«Ну, теперь что станем делать?» — «Надо ужином откормить да спать дома положить!» — Спать легли; все уснули. Они пошли со свечкой смотреть по ногам; у него на одном подборе остался золотой, и вар не успел стереть.

Стоят и думают: «Если его разбудить, все соскочут, *взбулгачут* — он опять убежит!» — Взяли у него один подбор оторвали. Он услыхал, проснулся. Они ушли, — он взял, у всех по одному подбору оторвал.

Утром все стали и в претензии: «Для того нас оставляли, чтобы подбор оторвать?» — Им всем приделали новые подборы.

Опять начали советовать: «Что нам с ним делать? — Опять надо бал делать!» — Сделали опять бал. В особенную комнату в угол насыпали золота. Внизу кладовая была, а сверху взяли западню такую сделали — вроде ловушки: как он туда пойдет, так и упадет.

Он как приехал, деньги увидал — немножко погодя и отправился. Как пошел там, повернулся, туда и упал. Чё ему делать? «Ох, — слышь, — упал!» — Потом закричал (вор): «На пожар! На пожар!» — Народ бросился туда в комнату бежать, один по одному все и слетели.

Пошли выпускать. — Который (вор)? — Опять неизвестно!

Потом (хозяин) завел всех обратно. — «Господа, кто из вас мошенник? Винитесь! За того отдам свою дочь!» — Он (вор) в артели скричал: «Распишись!» Ну, он расписался. Так на его дочери и обвенчался. И капитал весь возвратил ему. И сейчас живут.

73(50). ВОР ВАНЬКА

Рассказал М. О. Глухов

У крестьянина сын был. Исполнилось ему 15 лет, отец и говорит матери: «Надо Ваньку привести в город, отдать кому-нибудь в ученье!» — Привел, сдал его сапожнику в *строк,* на год. Парень живо все перенял, стал работать как следует.

Однажды сшили купцу лакированные сапоги, посылают: «Ну-ка, Ванька, снеси вон к тому купцу эти сапоги, получи деньги!» — Ванька шел, шел: «Дай-ка я их примеряю: не в самый ли раз мне? После сошью себе такие же!» — Примерил — в самый раз. — «Да что, — говорит, — к нему идти? Пойду домой, обману отца: что он меня избил да прогнал».

Приходит к отцу. — «Ты что, Ванька, рано? Строк ведь не кончился?» — «Да что, тятька! Он день и ночь пьет, меня бьет. Бил, бил; вот сколько служил, выгнал — сапоги только и дал мне лакированные».

«Ну, так что ж? Давай пойдем к портному!» — Привел к портному, сдал его опять в *строк,* на год. Прожил у него три дня. Как раз шили *тройку* купцу из хорошего материя. — «*Айда́-ка,* Ванька, снеси вон в тот дом эту тройку, получи деньги!» — Ванька зашел за угол, примерял эту тройку, на себя все надел — подошлась тройка. — «Дай убегу опять к отцу!»

Приходит, тот удивился. — «Ты что, Ванька, пришел опять?» «Что, тятька! Хозяин шибко хорошой был, да третьего дня внезапно и умер. Мне хозяйка взяла да тройку-ту и подарила: «*Айда,* — говорит, — Ваня, с Богом, домой!» — Я ушел.

«Куда же я сейчас тебя, Ваня?» — А у Ваньки был дядя вор. — «Отдай меня, тятька, к дяде воровать учиться!» — «Что ты за дурак? Нет, не отдам!» — Так и не отдал.

Через неделю отец и мать у него захворали и умерли. Он к дяде пошел. Приходит. — «Здорово, дядя! Возьми меня с собой воровать учиться!» — «Ладно! Парень шустрый, ничего, пойдем!» — Подрылись под магазин к купцу и стали потаскивать у него казну.

Воруют; казна убывает. Не могут догадаться: как чего? Откуда чего? И нашли эту лазейку. Взяли, чан со смолой нагрели да и спустили, где им лазать.

Вот, подошли ночью дядя с Ванькой. Дядя был пьяный. Ванька учуял смолу.— «Ну, дядя, полезай!» — Дядя полез и попал в смолу, и захлебнулся; умер. Ванька его потащил за ноги, оторвал ему голову. Утром пришли, нашли как раз: лежит человек — и без головы. Ну, хорошо. Взяли его выбросили без головы. И прямо с головой (не заметили голову в чану) чан вылили.

И повезли по селу дядю этого, покойника: не признают ли кто? Ванька и говорит тетке: «Тетка, дядя ведь вот в чан упал, его сейчас повезут по селу. Тебе охота пореветь? Возьми кринку с молоком, сравняйся с ним, разбей кринку и реви-причитай, чё тебе угодно!» — Сравнялась она с ним, хлоп кринку и давай реветь: «Милый ты мой кормилец, драгоценный! Как я без тебя буду жить-то?..» Ее и спрашивают: «Ето, тетка, разве твой муж?» — «Нет! Что вы? Я об молоке реву: вот молоко пролила, а купить больше не на что!..» — Наревелась и пошла домой.

Ванька стал опять эту казну воровать ходить. Как вора поймать, не знают. Сдогадались: взяли выставили на дворе чан с вином; вор придет: обязательно уж он дух услышит винной; все-таки выпьет, напьется, свалится — вот мы его и поймаем.

Пошел Ванька в эту ночь воровать. Набрал сколько надо денег; пошел обратно, слушает: что-то вином пахнет. Нюхает, нюхает, унюхал, подошел к чану, выпил стакан (ковш был), другой и третий; опьянел, свалился и уснул. Приходит сторож. «А! Попался, голубчик!» — думает в себе. А Ванька был здоровенный ростом. Думает (сторож): «Не унесть мне ведь одному-то его! Дай пойду еще кого-нибудь скричу!» — Взял да ему полбороды и отстригнул: «Если проснется, пойдет, так мы все равно его без бороды-то все узнаем!»

Как раз Ванька вскоре и проснулся. Хвать, уж бело на дворе-то. Поймался за бороду, щупает: полбороды нет.— «Ох, чёрт тебя побрал! Что я буду теперь делать?.. Бежать!» — Выбежал на большую дорогу; идет навстречу мужик с большой бородой. Схватил его за бороду, оторвал ему полбороды. Отбежал, идет второй; схватил и того, у того полбороды. Так их много он нарвал. Ну, и убрался.

Стали искать по селу: которого ни схватят, у каждого полбороды нет.— Как вора найти?

А Ванька взял подровнял себе бороду, обстриг (выровнял). Думает: «Будет воровать, стану обманом деньги на-

живать».— Собрался, пошел в другое село. Смотрит: баба холсты разостлала сушить. Только ушла, Ванька подходит и снял эти холсты, и снёс в овин — спрятал. Идет опять в село.

По времю баба знает, что холсты высохли; идет снимать. Смотрит: холстов нет, и давай реветь. Ванька подходит и спрашивает ее: «Ты чего, тетка, *орёшь*?» — «Что ты, батюшка? Холсты кто-то украл!» — «Пойдем, тетка, в избу, сейчас ворожить станем!» — Зашли в избу.— «Давай, тетка, ковш воды!» — Глядел, глядел и говорит ей: «Ну, тетка, на той неделе ты ругалась — вон в том доме баба есть,— ты с ней поругалась, вот она у тебя их сняла, да в овин и снесла. *Айда* беги сейчас; в овине они лежат! А то утащит!»

Побежала баба, нашла холсты.— Как в руку положил! — Пришла, в ноги ему: «Батюшка, чем же с тобой расплачиваться?» «Ну, есть деньги, так деньгами давай! а то — маслом, яйцами беру!» — Дала рупь денег, яйца пол-лукошка. Распростился Ванька, пошел.

А баба эта побежала к той суседке, на которую он показал, и давай ругаться: «Ты воровка! Така-сяка! Холсты утащила!» — Ну и разодрались.

А Ванька идет своей дорогой. Подходит к купеческому дому. Смотрит: тройка лошадей. Схватил их и в лес; привязал в *талинник*, в кусты, и ходит по этому же селу. Хватился купец, лошадей нет! Вот беда! Туда сюда искать,— нету! Провалились лошади, нигде найти не могут.

Как раз и приходит та баба, у которой холсты терялись, в лавку купить мыла.— «Об чем это вы тужите?» — спрашивает она у купца.— «Да что ты, Ермолаевна? Да я тройку лошадей потерял! Вот всего через час стояли тут! — Нету!» — «Батюшка, Евсей Поликарпыч! У нас ведь по селу колдун ходит! Всю подноготную, батюшка, знает!» — А как раз Ванька мимо и идет.— «Вот он! Вот он!»

Купец живо кричит: «Ей, детинушка! Зайди-ка сюда!» — Заходит Ванька и говорит: «Знаю, купец, чего ты хошь спрашивать! У тебя потерялась тройка лошадей?.. Давай ковш воды! Сейчас посмотрим, кто украл». — Смотрел, смотрел и говорит: «Твоих лошадей украл — прошлом годе мужику посеять ты не дал пшеницы — вот тот и украл! Беги, вот они за 12 каких-нибудь шагов в *талиннике* привязаны! До ночи бы простояли,— он их у тебя бы и угнал!»

Побежали, ведут лошадей. Купец и спрашивает: «Ну, господин колдун, чего тебе за труды?» — «Ну, рубликов 50, и будет? У тебя тройка ведь дорого стоит!» — Дал ему купец и проводил с почетом.

И пошла про Ваньку слава. Как раз в этом королевстве, где Ванька жил, у короля и потерялось кольцо венчальное. Вот призвали мудрецов разных, ворожей — ничё не могут угадать.

Этот купец, у которого потерялась тройка, и приехал в этот город. И как раз на постоялом разговор и ведут: «Вот у короля потерялось кольцо! Беда теперь всем будет!»

Заходит Ванька. Купец его сразу узнал. Виду ему не показал, что узнал его; побежал этот купец прямо к королю: «Доложьте, пожалуйста: я желаю кое-что королю рассказать!» — Выходит король, спрашивает его: «Что тебе, молодец, нужно?» — «Я слышал, Ваше Королевское Величество, у вас потерялось кольцо. Дак я и пришел вам сказать, что у вас, в вашем городе, на постоялом остановился колдун; вот он-то вам все и расскажет, куды и кольцо девалось». — «Ну, хорошо, спасибо!.. Запереть его в тюрьму (купца)! Если колдун выворожит, то я тебя награжу, а если *ничё* не придётся, так обеих велю повесить!»

Побежали за Ванькой. Привели. Заходит, кланяется. — «Ну, что! Ты можешь ворожить?» — спрашивает король. — «*Маракую,* Ваше Королевское Величество!» — «Ну, так вот! Выворожишь, награжу, а обманешь, соврешь, велю повесить!» — «Хорошо! Дайте мне сроку на три дня и на три ночи!» — Запёрли его в комнату.

И думает Ванька, сидит: «Попал, я голубчик! Чего я буду говорить ему, когда я ничего не знаю?.. Э! Да дождусь третьих петухов: как пропоют, разбегусь и в окно: хоть и убьюсь, так все-таки не повешенной буду!»

А это кольцо украли повар, конюх и дворецкий. Они — ну, колдун известной, слава идет, ведь он сейчас узнает — трясутся. — «*Айда́-ка,* — посылают повар конюха послушать: «Чё он там ворожить?» — Только подошел к двери, пропели первые петухи. Ванька говорит: «Слава Богу! Один есть!» — Тот и бежит обратно, сказывать: «Ну, ребята! Только к двери подошел, ухо наложил, он и говорит: «Слава Богу, один есть!» — Меня, стало быть, узнал!»

Посылают второго: «Ну-ка, ты *айда* слушай!» — Только второй подошел, вторые петухи пропели; Ванька и гово-

рит: «Слава Богу! Два есть!» — Тот и бежит: «Ну, ребятушки, и меня узнал!»

Посылают третьего: «Ну, если тебя узнает, бросимся к нему в ноги! Станем просить прощенья, и кольцо отдадим!» — Только подходит, третьи петухи. — «Слава Богу, три есть!» — Ванька говорит и бросился бежать к двери. Подбегает, а они бух ему все трое в ноги: «Батюшка колдун, спаси нас, не рассказывай! Мы ведь кольцо-то украли!»

«Я как зашел, так вас сразу заметил! Знаю, что вы!.. Ну, да что с вами поделаешь? Давайте, выворачивайте половицу живо!» — Выворотили половицу; взял у них Ванька кольцо и бросил в подпол. — «Давайте на место половицу! Дак чтобы плотно она не была, оставьте — как кольцу пролезть такую щелку!.. Ну, теперь отправляйтесь!»

Сам закричал: «Эй, докладывайте королю! Выворожил!» — Бежит король: «Ну, что, колдун? Как дела?» — «Для меня ведь, Ваше Королевское Величество, хитрости нет! У вас его никто не воровал! Горничная сметала с окошка и смела на пол; вон в ту вон щель и провалился». — Живо отворотили половицу, смотрят: кольцо там.

«Ну, детинушка, молодец! Пойдем-ка со мной в сад!» — Пошли с королем Ванька в сад. — «А что колдун, глубока ли земля?» — спрашивает король у Ваньки. — «Вот у меня 190 лет тому назад умер дед и захотел назад с того свету воротиться: идет, идет и сейчас не может выйти».

«А сколько на небе звезд?» — «Давайте, Ваше Королевское Величество, мне булавочку да листик бумажки!» — Подал ему лист бумаги и булавку. Он всю ее истыкал в дырочки, весь лист. — «Вот сосчитайте-ка, Ваше Королевское Величество, сколько тут дырочек!» — Тот считал, считал, все *метлесит*; не может сосчитать. — «Что ты за дурак, да где же тут сосчитать?» — Ванька: «Ну, также и звезды: сколько ни считаешь, все метлесят да сверкают! Где же их сосчитаешь?»

Отошли немного. Король поймал в руку майского жучка. (А Ваньку ругали в деревне: «Жучок»). Король и спрашивает: «А вот что, колдун! Отгадай, что у меня в руке?» — Ванька и говорит ему как будто про себя: «Ну, попался Жучок королю в руки!» — «Ну, молодец, колдун! Теперь испытывать тебя не буду!»

Наградил Ваньку, отправил с почетом. Выпустил купца и того наградил.

Сейчас денег много (у Ваньки).— «Пойти надо на родину, жить себе припеваючи!» — Идет дорогой, застигла его ночь в лесу. Думает: «Эх, попутчиков нет! Тоскливо идти одному!» — Только передумал, как раз двое идут навстречу.— «Здорово, братцы! Куда пробираетесь?» — «Да вот до деревнюшки бы надо добраться, да с дороги сбились!» — «Идем, я дорогу найду! Вы неладно пошли, пойдемте попутно!»

Шли, шли, устали: все не могут найти дорогу, которую им надо. Сели отдохнуть. У Ванькиных товарищев есть котелок, есть и на кашу пшено. Схватились, у всех троих спичек нет — развести огня. Ванька сглянул в сторону, смотрит: огонек.— «Ну-ка, товарищ, сходи-ка! Там кто-то ночует, возьми-ка огонька!»

Тот пошел; приходит, смотрит, сидит престарый-старый старичище и варит точно кашу.— «Бог помочь, дедушка!» — «Какой тебе Бог? Сказывай прямо, зачем пришел!» — «Дай, пожалуйста, нам огонька!» — «А скажи мне небылицу, дам огня! А скажешь быль,— из спины ремень вырежу, а из пяток по пряжке!» — Тот чё ни скажет, все быль. Вырезал ему из спины ремень, из пяток по пряжке, проводил без огня.

Тот идет и думает: «Чё же, неужели мне им сказывать, чего со мной было? — Нет, не скажу! Дай обману!» — «Ну! Ты чё там ходил? Да чё-то и без огня?» — «Да подошел — теплилась головешка; подошел — и потухла».

«Ну-ка, иди второй! Ты не счастливый ли?» — Второй подошел, и с ним то же случилось, что и с первым.

«У, чёрт вас побрал! Да что такое? Дай-ка я сам пойду!» — Подходит.— «Здорово, дед! Ты чего же нам огонька-то не даешь?» — «А вот скажешь небылицу, дак дам огня! А не скажешь,— из спины ремень, из пяток по пряжке!»— «Идет, старина! Только с уговором: если перешибешь мою речь, то у тебя — из спины ремень, из пяток по пряжке!» — «Ну, давай рассказывай!»

Начинает Ванька рассказывать: «Жили мы с отцом не бедно, не богато. Ну и услыхали, что за морем на мух скота меняют. Вот мы с отцом вышли на улицу с двумя мешками, давай ловить мух. Полнешеньки мешки оба наловили каких-нибудь минуты в две.— На чем ехать? Корабля нет! — Сели в старое корыто, в бездонное, поехали. Приехали за море, давай менять: на каждую муху по быку дали нам.— Как их перевозить? — Я и придумал: схвачу

быка, размотаю, перешвырну на тот берег, откудова приехали. Всех перешвырял.

Остался один бык Бурище. Посадил батьку на спину, кричу: «Держись за рога!» — Схватил за хвост, мотал, мотал, а из рук не выпустил; он с нами и перелетел. Вот и давай с батькой их всех прикалывать. Закололи, у нас мяса-то никто и не берет.

У меня триста лет тому назад дядя умер. С того свету мне записочку и прислал: «Милый племянничек, все мы босиком на том свете ходим — кожи нет!» — Запрягли с батькой лошаденку, наклали кожи, поехали на тот свет. Приехали, кожи с барышом все продали; одна только с дыркой осталась, не взяли.

Батьку там оставил журавлей пасти, а сам стал спущаться на землю. — А как, думаешь, спущался? — Взял да кожу-то на ремешки и изрезал. Стал спускаться. Ну, версты три эдак и не хватило ремешка до земли. Я так три года и висел.

По моему счастью, мужик пшеницу веет: мякина кверху и летит. Я стал ловить да веревку вить. Свил, стал по этой веревке спускаться. Веревка оборвалась, я бултых в болото, по самую шею и увяз. Опять пять лет в болоте-то и сидел.

Утка на моей голове гнездо свила и сидит, цыплят выводит. Подбежал волк, хвать утку. Я изловчился, да его за хвост. Как ухнул, он меня и вытащил из болота. Я его хлоп! Убил. Разрезал брюхо, в нем громаднейший ящик. Открыл его, в нем шкатулка. Я и шкатулочку открыл, там записочка лежит; в ней написано, что будто бы твой дед моему деду должен вечно оброки платить».

Старик соскочил: «Стой! Врешь!» — «А, старина! Попался! На что же ты речь-то мою перешиб?» — Вырезал ему из спины ремень, из пяток по пряжке. Взял огня, стал варить кашу.

74(71). СКАЗКА О ДЕВКЕ
[Разбойники и девица]

Записал М. Аликин

Жил-был старик со старухой. Однажды они уехали в гости, а девку оставили дома. Она сходила по свою подружку. Когда они стали прясть, у одной веретено пало в *голбец*. Она пошла в *голбец* по веретено и увидала: там лежит мужик с ножом. Она испугалась, ничего не сказала подружке.

Вдруг наехали разбойники. Они взяли косы. Разбойники стали набиваться в окна, а они их и косят — кому *отчекут* ногу, кому руку, кому ухо, кому голову. Победа стала на разбойниках. Они тотчас склали умерших и уехали домой.

Через несколько дней приехали старик со старухой. Они все рассказали.

Через несколько дней приехали свататься эту девку. Старик и старуха согласились скоро, потому что они (сваты) шибко богаты. Они ее и увезли домой.

Привезли домой и посадили их за стол вместе с женихом. Она хлебнула щи — ей попала человеческая рука; она ее бросила под стол, а кошки ее и съели.

Вышли из-за стола. Время было к вечеру. Они легли спать. А девка говорит: «У меня брюхо болит». — Жених привязал ее за веревку, она спустилась под окно. А под окном лежали козы. Она связала козе за рога, а жених и дергает за веревку; а коза и говорит: «Не я».

А девка легла в озеро и в рот взяла дудку. Потом, через несколько дней, она убежала домой и полезла на *вышку*.

Разбойники говорят: «Хоть она и не попала, то мы поедем, созовем их на пир». — Приехали разбойники и кланиваются девкиному отцу и матери.

Девкина мать пошла на *вышку* по одежду и увидала в *куделе* свою дочь. А дочь и говорит: «Родимая моя мать! Почто вы меня отдали к разбойникам?» — Девкина мать ушла в деревню и известила соседям: «Идите бить разбойников!»

Идут мужики в избу к ним — кто с топором, кто с веревкой. А жених их и спрашивает: «Куда вы? На жениха поглядеть?» — Когда разбойники вышли из-за стола, то

мужики связали их веревками и повезли их туда, где у них дом. А дом-то у них был на острове.

Подъезжая к *йхому* дому, из дома стали убегать — кто куда может, и все разбежались в разные стороны. Только остался один их атаман; у него глаза были — один медный, а другой оловянный.

Они посадили этого атамана на ворота и стали стрелять в него. В первый раз стрелили и попали атаману в медный глаз. А во второй — попали и в оловянный. И расстреляли его в *хохолки.*

А деньги — сколь могли увезти, увезли, а дом сожгли. И теперь живут очень зажиточно.

75(37). МЕДВЕДКО, ИЛИ ПОСТОЯЛЫЙ МЕДВЕДЬ

Рассказал Е. С. Саврулин

В дальних Сибирских краях, в темных лесах дремучих (было в старину это) селения были очень редко. В одном месте станция была 80 верст. Было трудно проезжать ямщикам эту станцию.

Один старичок со старушкой задумали выстроить дом на середине в восьмидесяти верстах. Старик изобрал удобное место, начал строить дом на речке. Только успел поставить небольшую избу, ямщики приезжают.— «Пусти, брат, дедушка, нас покормить».— «Да ведь у нас еще, брат, и припасов-то никаких нету: только начинаем строить!»

Начинает жить. Год от году начинает богатеть. Семейство у него было только — старик да старуха; им уже было лет 60 от роду. И разбогател он сильно от постоялова.

Зазнали об этом разбойники, шайка; задумали ограбить старика.— «Как приловчимся к старику? У него постоянно народ!» «Да нужно так сделать нам: купить обмундированье станового пристава, всей полной стражи генерала-губернатора, подобрать такую шайку человек 12; объяснить старику: изобрать ловкое время к ночи».

Вдруг *пых* становой пристав в квартеру старика. Ямщиков было полно. Заезжает на двор на тройке, заходит и в избу. «Здравствуйте, старики!» — «Милости просим, Ваше Благородие».— «А кто хозяин дому?» — «А я, батюш-

ка!» — «Вы грамотные?» — «Никак нет!» — «Дак вот вам я привез бланку, дайте прочитать ямщикам!» — «Да потрудитесь сами, Ваше Благородие! Вы ведь люди-то благородны и не обманете!» — «Да, да, дедушка! Я назначаю вам число — через трои сутки — очистить комнаты, чтобы не было никого. Проезжает губернатор, и была бы ему квартера!» — «Батюшка, ведь мы и готовить-то не умеем!» — «А ничего ему не нужно — один самовар!»

Уезжает пристав. Старик делать *обиход.* На третьи сутки утром *пригоняет* становой: «В 9 часов вечера губернатор, знать, приедет!» — Старик со старухой проводили пристава. Старуха веником в избе, а старик с метлой на дворе метут и убирают; а ямщики просятся у окна.— «Батюшка, нельзя: только-только вот гляди, губернатор раз и *пых*! В двух верстах тут вот речка, поезжайте на нее! Дам вам хлеба, дам и *ва́ри,* и ночуйте вы там!»

После этого враз скоро идет медведчик с медведем. Видит, что ворота полы; он подходит ко двору: «Пустите ночевать!» — А хозяин говорит: «Нельзя, брат, пустить никого!» — «А почему нельзя?» — «Да потому что губернатор приедет; ишь везде у меня чистота!» — «А мне с медведем комната не нужна, и в конюшне можно ночевать; только на поле нельзя!» — Старик подумал.— «Старуха! Он говорит, что в конюшне можно ночевать!» — Старик говорит: «Заходи!»

Медведчик медведя ведет, а медведь в вороты нейдет; он подергал его за цепь, а медведь дурным голосом ревет, а на двор нейдет.— «Вот что, хозяин! У тебя что-нибудь случится сёдни!» — «А что, батюшка?» — «Медведь причину знает. Тащи хлеба кусок, хлеба и соли, поклонись медведю в ноги!» — Принес старик кусок хлеба и соли, кувыркнулся,— медведь пошел, с ревом он на двор. Завел медведя в конюшню, напоил и накормил. Медведь — *трахнулся* он спать. А медведчик сам лег в ясли; медведчик — сильно он уснул, от усталости своей.

Вдруг что слышит: на дворе шум. И *пригнал* тут губернатор. Старик ходит с фонарем: на дворе встречает он гостей, а старуха с сальной свечкой встречает на крыльце. Враз заходит вся и свита; полна комната набита.— «Дай-ка, бабка, самовар!» — Подала старуха самовар. Вынимают большую бутыль и с горелкою вина.— «Пейте, братцы, веселее, да живите посмелее!» — губернатор говорит.

Выпили по стакану,— речь пошла тут грубо.— «А где, старик, у тебя деньги?» — «Какие, батюшка, деньги? Все в расходе!» Один из стражников, усастый, вынимает большой нож: «Вот, старик, тебе! деньги, сказывай, где?» — Старик с этого испугу отвязывал с пояска ключ с себя, отворяет им сундук.— «Вот, батюшки, деньги все!» — Сот пяток они достали.— «А еще, старуха, есть?» — «Нету, батюшки!» — «Врешь, старая чертовка!»

Старухе в это время пала мысля про медведчика: «У нас ведь медведчик на дворе еще! и побегу я поскорее!..» «Есть, батюшка, в мешке еще!» — «А где они?» — «А сейчас пойду принесу».— «Ну-ка иди, тащи!» — Старуха выскочила: «Батюшка медведчик, ведь у нас беда! Ведь старика-то навряд ли уж не зарезали!» — «Постой, старуха, не ходи! Маленько погоди, и пойдем вместе со мной!..» «Ну-ка, Михайло Иваныч, вставай! Пойдем, брат, с нами! Я тебя хлебом накормлю и вином-то напою: пособи нам со старухой!»

Медведь *круто* он поднялся, а медведчик за цепь скоро взялся.— «Ты, хозяюшка, вперед, а я иду за тобой!» — Медведчик медведя ведет, цепь у него и брякает — как будто медны деньги в мешке. Отворяет старуха дверь. Разбойники *пых* ко двери.— «Что, старуха? Несешь?» — Медведь живо в избу забегает и начинает разбойников ловить; как которого схватит в лапу, повалит на пол; шестерых убил до смерти, а шестерых забрал под себя; они из-под него хочут вылезать, а он лапой их бьет.

Старик *пал* на пару лошадей и погнал на речку к ямщикам.— «Вот, батюшки, грабеж!» — Ямщики сели к нему в карету, пригоняют к нему в дом. Нужно следство навести. *Пригоняет* становой, делает допрос. И старик со старухой — напились они вина и сделались совершенно без ума.

76(61). БЕССТРАШНЫЙ СОЛДАТ

Рассказал Д. Е. Лёзин

Солдат говорит: «Дайте мне какой-нибудь чин!» — «Какой же чин?» — «Да хоть какой-нибудь!.. Дайте мне название: «Бесстрашный атаман».— Государь ему говорит: «Ну, будь ты бесстрашный атаман, коли так».— «Когда дали

имя «бесстрашный атаман», дак дайте мне какого-нибудь слугу!» — «Какого слугу?» — А у него был любимый товарищ, Мартышка служивый, солдатик. — «Дайте мне Мартышку служивого!» — Дали ему. Он отправляется совсем домой, с Мартышкой со слугой.

Идут дорогой. Вёрст этак с 20 или с 30 отошли. Враз такая лужаечка является, бугорок. Мартышка и говорит: «Давай по этой лужаечке погуляем!» — Ходят и цветочки рвут всякие.

Враз едет барыня на тройке с колокольцами. Подъезжает к этому месту: «Кучер, стой, остановися! Пойди спроси: что этот народ делает? Чего сбирают?» — Кучер подходит: «Вы что здесь делаете?» — «А вот мы доктора, сбираем цветки на лекарство; из этих цветков мы всякие лекарства делаем».

Кучер подходит к барыне. — «Пойдём с тобой!»... «Эти цветы к каким лекарствам идут?» — Бесстрашный атаман начал высказывать барыне: «Это вот от обжоги, это вот от простуды; вот — *твар,* змея окусит какого человека — можно излечать».

«Давай порвем мы с тобой этих цветов!» — барыня говорит кучеру. — Бесстрашный атаман мигнул своему слуге Мартышке: «Иди ближе к коням!» — А барыня ходит вместе с кучером, сбирают они. — Подошли к коням, сели на коней и живо марш. Угнали.

Ехали, ехали, доехали до кладбища; заезжают на кладбище. «Мартышка, отрывай три могилы, свежие которые!» — Мартышка отрыл три могилы, вытащил трёх покойников. — «Клади, Мартышка, их в повозку!» — Мартышка их положил в повозку, и поехали опять своей путей-дорогой.

Смотрят: в лесу дом стоит двухэтажный. — «Слуга Мартышка! Вороти к этому дому!» — Подъехали, смотрят: в одной половине огонь. Стукнулись в вороты — вороты были отворены. Заехали во двор. В дверь в сенную начали стучаться, она была заперта. Изломали дверь, заходят в комнату. В этой комнате одна старуха.

Бесстрашный атаман спрашивает: «Кто здесь проживает?» — «Такие-то люди, 12 человек, разбойники». — «Где они у тебя?» — «Уехали на охоту, скоро явятся». — «У тебя, старая чертовка, где-нибудь деньги есть?» — «Нет, Ваше Благородие!» — Живо в комод; нашел денег тут сот до пяти рублей. — «Что, старый дьявол, говоришь, что денег нет? Ведь это деньги!» — Берёт их, кладёт в карман.

«Давай нам что-нибудь поесть!» — «Ничего нету!» — «Врешь!» Живо сам в печь. Там было мясо нажарено; вытащил все, сели с Мартышкой за стол; винишка достали бутылку. — «Ну, теперь, Мартышка, *айдá* на полати залезем спать!» — Залезли.

Только легли, самые разбойники едут, 12 человек, с песнями, со свистом. Старуха им жалуется: «Такие-то люди заехали ко мне... Сами теперь лежат на полатях». «Сейчас мы с ними рассчитаемся! Давай нам закусить кое-чего сперва!»

Стали обедать. Бесстрашный атаман открыл занавéску, глядит с полатей. — «Здравствуйте, братцы!» — «Здравствуй! Сейчас мы поужинаем да рассчитаемся с вами!» — «Чего, — говорит, — со мной рассчитываться? Я сам сейчас слезу, с вами поговорю!» — Слезает с полатей, садится с ними; берёт ложку и начинает тоже с ними мясо есть.

Те смотрят на него. — «Что ты? — говорят, — у нас у самих мало! Ты до нас ел!..» «Постойте, у меня свое есть!»

«Мартышка-слуга! Тащи-ка мне одного-то удавленника сюда! Я поем немного. Есть шибко хочу!» — Мартышка живо побежал, тащит мертвеца из повозки. — «Извольте, бесстрашный атаман! Ешьте!» — Он припал к уху, взял его за ухо, потеребил, потеребил: — «Что ты, — говорит, — Мартышка? Ведь ты его проквасил!» — Эти разбойники все смотрят: что такое?

Бросил его середь полу. — «Поди, тащи другого!» — Мартышка побежал за другим. Тащит. Он другого тоже за ухо. — «Что ты, дурак! Ты и этого проквасил!.. Тащи последнего! Может, тот не проквашенный?» — Притащил. Припал к третьему, попробовал, попробовал. «Хм, с...н сын! И этого проквасил!»

Потом взглянул на них. — «Давай-ка мне, — говорит, — вот этого с краю-то!» — Мартышка живо схватил этого крайного разбойника. Оставшие выскочили и живо из стола бежать. Все разбежалися.

Имущество забрали, сели со слугой Мартышкой и уехали.

СКАЗКИ ОБ ОДУРАЧЕННОМ ЧЕРТЕ

77(33). СОЛДАТ УЧИТ ЧЕРТЕЙ

Рассказал Е. С. Савруллин

В одно прекрасное время солдат шел на родину. Идет день, идет и два; остается ему до дому вёрст полтораста. Он доходит до одной деревни; хотел остановиться ночевать. Попадает ему навстречу старушка; он ее спрашивает: «А что, бабушка, далёко ли еще станция будет?» — 35 верст. — Солдат подумал, поглядел на солнце. — «Ах, уже время поздно!.. А сколько время, бабушка, по-твоему, думаешь?» — «5 часов вечера». — Солдат подумал: «В 9 часов закатится солнце; а пойду на станцию! Хоть темно, да дойду!»

Солдат шел, шел и сильно утомился от усталости своей. У солдата сухари были с собой, в сумке, сахарок и чаёк, и чайник у ранца. Солдат стал подумывать: «Ночевать в лесу?» — Подумал-подумал: «Нет, хоть тихонько, да пойду! Не попадет ли удобное место для ночевки?» — А верстовых столбов не было; узнать нельзя было, сколько вёрст до станции.

К этому несчастью пошел большой дождь. Солдат говорит: «Ах, едят тя мухи с комарами! Плохо будет, весь перемокну!» — И как раз видит на тракту большой дом. Дом двухэтажный. Солдат подумал: «Что такое? Хорош дом, да стёкла что-то все приломаны!» — Поглядел на крышу: еще трубы есть. — «А, всё равно зайду в него: мочить не будет меня!»

Заходит в дом. Действительно, что (дом) был жилой, а сейчас никто не живёт. Солдат изобрал себе удобную комнату, в которой были окна изломаны; из других комнат запер дверь. Сильная была *погода,* не попутная в ту комнату в окна. Пошел на двор, набрал дров и затопил *фартамарку* (железную круглую печь); нагрел свой чайник. А уже время к двенадцати часам. В печке сильно раскалились дрова.

Солдат лёг спиной к огню — нагреть бы ему пуще поясницу. И вдруг слышит *потоп* в комнате в другой. Солдат соскочил на ноги, успел отворить дверь. Он тем же мигом видит, что много чертей прибежало; они напирают забегать и в его комнату. Солдат на косяках окошка делает кресты углем: что действительно, черти крестов боятся. Черти не смотрят на солдата — забегают к нему в комнату. Он их запустил много. Сделал и себе на лбу крест углем. Они хотели бы его поймать, а на нем крест. Он в это время сделал кресты и на той двери, куды они и вошли. Он запер их на дверь: не говоря, что худые окошки, никуда не уйдут. Заходит в большое зало и делает там кресты, чтобы выйти им нельзя было.

Когда солдат ходил по дрова, и видел там — лежат две *берестины.* Солдат пошел, принёс эти две берестины, принёс большую палку — с сажень длины, в вершок толщины, в виде санной оглобли — и наделал на палке углем кресты. Заходит в комнату к чертям, грозит им большой палкой, на которой кресты.

Говорит чертям солдат: «Становись во фрунт!» — Черти было друг за дружку прятаться, а выскочить нельзя — везде кресты. Невольно начинают становиться в *ширинку,* как будто невольники. Начинает на бересте писать их, переписал всех чертенят; говорит им солдат: «Руки по швам!» (Показывает им манер.) «Друг на дружку не глядеть, не заглядываться! Когда скажу: смирно! — глядеть прямо!» — Черти так и сделали. Он сделал им перекличку на своем бересте: Пердунов, Дристунов, Загибалов, Завивалов!..

В это время как раз был шум на улице: пришел сам сатана, хотел их выручить с *однова.* Ну не тут-то было! Солдат сделал крепко: на окошках наставил кресты, навешал

на шею чертенятам *чугунные* песты. Солдат давай их учить, сначала шагом гонять: налево и направо повороты, бегом и шагом марш, кругом, опять бегом. До того их домучил — чертенята стали солдата просить милости: «Отпусти нас, солдат, пожалуйста, из этой неволи!» — Солдат им говорит: «Нет, не пущу! Теперь навечно я вас взял в солдаты!» — Чертенята говорят: «Вот тебе, солдат, мешок золота дадим — только отпусти!» — Солдат на это не соглашается, а более учить старается.

Вдруг уже рассветало... — А этого дому барин каждый день посылает смотреть сторожа своёго свой дом. Солдат затопил печку и поставил свой чайник греть. А чертеняты сидят в углу. Вдруг подъезжает кучер, глядит кверху на крышу: из трубы идёт дым. Кучер говорит: «Что такое? Дом у нас был нежилой, а печь топится?» — Солдат в это время выходит на балкон; кучер увидал солдата. — «Ты кто такой, служивый?» — «Я солдат». — «Ты как туды в дом попал?» — «От большого вчерашнего дождя». — «Вчерашнего дождя? Тут и ночевал?» — «Да, здесь ночевал в комнате». — «Как тебя черти не задавили?» — «А так и не задавили, что они не смелые были! Вы зайдите сюда в дом, посмотрите: чертеняты все сидят в углу, глядят друг на дружку, как на представителя Андрюшку!»

Кучер говорит: «Нет, брат солдат, я не пойду. Ты не представился ли, чёрт, солдатом?» — «Глупой человек, да разве чёрт крест носит на шее?» — Показал солдат на груди крест. Кучер удивился. — «Я смотреть сам не пойду, а лучше барина пошлю. Ты, солдат, дождись его здесь! Барин наградит тебя *как есть*!»

Приезжает кучер домой, докладывает своёму барину: «Барин, что у нас случилось!» — «Что, кучер?» — «На даче в дому живёт солдат и учит чертей!» — «Как так?.. Да не представился это чёрт солдатом?» — «На груди у него ведь крест, и на балкон он сам залез!» — «Запрягай тройку лошадей!» — Барин садится в карету, берёт с собой людей, чтобы в виде понятых.

Приезжают они к дому. Солдат выходит за ворота. — «Здравствуй, барин-господин! А я здесь с чертями совершенно один!» «Как же вы сюда попали?» — «А я иду на родину домой. Шел, сильно устал, и к этому несчастью

пошел большой дождь. Захожу я в этот дом, вижу: в комнатах везде пусто, а дом был жилой. Я сильно перемок от большого дождя; поглядел: тут печи, можно и топить, чё угодно можно и сварить. Положил я свой ранец на крашены пола, пошел на двор, набрал дров, затопил печку, разогрел себе чайник — с сухарями чай пить. А было времё уже поздно, близ к 12-ти часам. Поворотил свою спину к огоньку, чтоб нагрелась она. Вдруг вижу к свету печного огонька: заходят чертенята; в комнату вошли, я схватил уголёк, давай делать кресты на окошках, на дверях. Вот теперь они у меня и не выходят!»

А барин говорит: «А где они сидят?» — «Пойдемте в комнату мою!» — Барин подходит к двери и поймался за солдатово плечо. — «А что, солдат, они меня съедят?» — «Пошто я тебя, барин, дам?» — Барин увидал чертенят: очень страшны и рогаты, и маленькие, пузатые. Небольшой тут чертёнок, он выходит во фраке и глядит на солдата: «Отпусти нас, служивый! Вот тебе золота мешок!» — Слышит про это барин. «Я хоть не мешок дам, ну тысчёшки-то две, солдат, подарю тебе; только выведи из дому, чтобы не было никогда их!» — Солдат барину говорит: «Сейчас мы сделаем им ученье, вечно им мученье!.. А вы, барин, приготовьте ужин для меня».

Барин скоро лакею приказал. Лакей сел на лошадь, погнал, — привезти всякого припасу. Время уже поздно. Солдату приготовили обед. Солдат барину говорит: «Я поем маленько пирожки, да сделаю им ученье. А, барин, бальная музыка у вас есть?» — «Есть». — «Привезти ее сюда. Когда кончу я им ученье, церемониальным маршем их прогоню».

Солдат с большой палкой и закричал на чертенят: «Становись во фрунт!» — Чертенята с голодухи. Хлоп солдат их по уху: «Что ты не встаёшь! Исполнять службу не хочешь?» — Чертенята умоляют солдата своего: «Отпусти, солдат, домой!» — «Где у вас, черти, дом?» — «Да хоть на волю нас пусти!» — Барин сидит у двери, глядит в щелку небольшую — чтобы чертёнок не пролез. Солдат командует: «Шагом марш!» Он их долго тут учил; бьёт их палкой по затылку. «Вы ровняйтесь хорошенько!» Приказал солдат играть музыке; бальная музыка играет, а чертенята ша-

гом марш. Не похвалил их за это солдат: *шли ширинкой* неверно.

Барин говорит: «Отпусти ты их на волю!» — Солдат притащил *берестину*: «Распишитесь своей рукой, чтобы никогда не ходить в этот дом!» — Они так и сделали. Солдат убрал на окошке кресты. Чертенята побросались из верхнего этажа. Кто изломал ногу, кто и руку — только вырваться бы *оттель*.

Барин в этом доме сделали пирушку, посетили и эту избушку. И я тут был да мёд пил: по усам бежало, в рот не попало.

78(97). ЧЁРТ ЗАИМОДАВЕЦ

Записал А. Н. Зырянов

У мужика случилась беда, а на беду надо денег. Между тем денег нет; где их взять? Надумался мужик идти к чёрту просить денег взаймы. Приходит он к нему и говорит: «Дай, чёрт, взаймы денег». — «На что тебе?» — «На беду». — «Много ли?» — «Тысячу». — «Когда отдашь?» — «Завтра». — «Изволь», — сказал чёрт и отсчитал ему тысячу.

На другой день пошел он к мужику за долгом. Мужик говорит ему: «Приходи завтра». — На третий день он пришел. Мужик опять велел прийти завтра. Так ходил он сряду несколько дней. Мужик *одйнова* говорит ему: «Чем тебе часто ходить ко мне, то я вывешу на воротах моих доску и напишу на ней, когда тебе приходить за долгом». — «Ладно», — ответил чёрт и ушел. Мужик написал на доске: «Приходи завтра» и повесил ее к воротам. Чёрт раз пришел, два пришел, на воротах все одна надпись. — Дай, говорит он сам с собой, не пойду завтра к мужику, и не пошел.

На третий день идет к нему и видит на воротах другую надпись: «Вчера приди». — Эк меня *угибало,* сказал чёрт, не мог вчера прийти, видно, пропали мои денежки! — И с тех пор *попустился* он своему долгу.

79(34). КОЛДУН И СОЛДАТ

Рассказал Е. С. Савруллин

В старые времена солдат шел по билету домой. Приходит в большое одно селенье, а дело было к ночи. Просится ночевать, его никто не пущает. Подходит к одному богатому дому, в котором пируют — дело свадьбы. — «Пустите ночевать!» — Старик было и отказал ему: «У нас, батюшка-солдат, свадьба!» — «Дак что из этого? Я и на полати лягу». — А старуха старику говорит: «Не наш ли сын пришел? (У них солдат же был.) Пустите его!»

Солдат заходит в избу, поздоровался с компанией свадьбы. А в переднем углу сидит старый старик. Это было по старине еще: без этого старика никакая свадьба не игралась, как он под названием был: колдун.

Солдат разделся и сел на скамеечку под порогом. Хозяин дома захотел угостить солдата, наливает стакан водки и подает ему. Солдат проздравил молодых и выпил стакан водки. А колдун поглядел на солдата свирепо. Солдату подали немножко поесть горячих щей. Солдат вынимает табакерку из кармана и понюхал, чтобы расходилось попуще в голове. Солдату другой стакан вина подносят; он подходит к столам: «За здравие вас, господа, пью!» — А колдуну не *поглянулось* это слово.

А столы были — с пирогами, с кушаньями — накрыты скатертями. Солдат без спросу выпил стакан тогда; открыл скатёрку, взял кусочек холодного мяса. Колдун ему и говорит: «Зачем, солдат, берёшь без спросу моего?» — «А ты хозяин, что ли?» — солдат говорит. — «Нет, не хозяин». — «Я тебя и не признаю, брат!»

Колдун на это осердился, кричит: «Дайте-ка мне кружку с пивом!» — А у солдата в голове расходилось зеленое вино. Колдун берёт в руки кружку и начинает в нее шептать. — «Дайте мне лучинку!» — Подают ему лучинку, крестит пиво крест-накрест. — «Ну, солдат, пей от меня угощенье!» — Солдат выпил это пиво, сам вприсядку плясать пошел. А все пошли переговоры за большим столом: «Вот солдат пойдет на дворе говяши грызть мёрзлые!»

Солдат скричал: «Дайте, дайте пива мне!» — Наливают кружку пива, поднесли ее солдату. Солдат перед компанией говорит: «А я шептать не стану и ворожить-крестить не умею». — В большой ихней толпе отвернулся солдат под порог и кружку пива поволок: незаметно из табакерки табак высыпал в пиво. Берёт со стола вилку и помешал в кружке пиво. Пиво пеной заходило от нюхального табаку. — «Ну, старик, давай пей! Я от тебя выпил — и ты от меня пей!» — Старик выпил полкружки пива, всёй компании было диво: у старика сделалось в глазах зелено. Солдат говорит: «Не пей по рюмке вино, а помешай, да выпей остатки пива!» — Старик пьёт остатки, а на дне в кружке не сладко.

Через полчаса тут время повалился старик на стену. Удивилась вся компания: «Вот сошлись, брат, два колдуна! Солдат верно больше знает!» — Потащили старика; вытащив на двор — и старик тут без ума: он напился и вина. Старик валяется на дворе: «Дайте помочью вы мне: сердце у меня давит»[1].

80(62). ВЕСЁЛЫЙ

Рассказал Е. Е. Алексеев

Жил-был Весёлый. Всё он гулял везде по селам. Все на него говорят, что бы где ни потерялось; а он *сном* этого дела не знает. Берет себе скрипочку, идет путем-дорогой.

Попадается ему волк навстречу. — «Куды, брат, ты, Весёлый, идешь?» — «А вот иду себе путем-дорогой». — «Возьми, брат, меня в товарищи! Где бы вот там овечка (потеряется?), или кто украдет — все говорят, что волк задавил, а я и *сном* дела не знаю!»

Отправляются себе путем-дорогой и играют в скрипочку. Попадается им медведь навстречу. Вот и говорит

[1] Продолжение и конец рассказа не привожу: тут несвязно изложены бытовые подробности о колдунах на свадьбе; солдата потом приглашали в качестве колдуна.

медведь: «Куды, брат, вы пошли?» — «Да вот, где чего не потерялось, все на нас говорят!» — Медведь и говорит: «Я так же: все говорят, что медведь задавил, скотина если где потерялась; а я и сном дела не знаю!»

Идут путем-дорогой, играют в скрипочку. Подходят к *озери́не.* И стоят вятские с возами: с толокном едут. Поднялась буря-ветер, сбросало их все эти воза в озерину.

Посылают (Весёлый с товарищами) медведя таскать хмель в эту *озерину* — делать пиво. Натаскали хмелю, сделали пиво. Поставили избушку, окнами к *озерине,* чтобы смотреть. Сделали меру — пиво у них чтобы не убывало.

Повадилась это пиво пить (за пивом ходит к ним) Яга-баба. Стало у них это пиво убывать; поглядят по мере: пива мало; в *озерине* убывает много.

Первую ночь посылают пиво караулить волка. Волк отправляется, становится на свое место. Подходит Яга-баба с ведрами на коромысле. — «Ты куды идёшь?» — «За пивом. Тебе какое дело?!» — Сбрасывает ведра с коромысла; давай этого волка коромыслом лупить. Волк кое-как уполз в свою избушку.

Яга-баба напилась пива, поддела ведра и отправилась с пивом. Товарищи утром и говорят (про волка): «Эх, как нажрался пива-то! Пьянехонек лежит!» — «*Айдате*-ка сходите, узнайте, как достается пиво-то!»

На другую ночь достается медведю пиво караулить идти. Время принадлежает, медведь отправляется. Стал на свое место. Приходит Яга-баба. — «Тебе что нужно?» — Сгребла, бросила ведра, взяла коромысло, начинает медведя лупить коромыслом. Медведь кое-как уполз в свою избушку. Яга-баба напилась пива, почерпнула ведра и отправилась с пивом.

Поутру встают товарищи и говорят: «Эх, как нажрался пива-то! Пьянёхонёк лежит!» — «*Айдате* сходите-ка сами: как достается пиво-то!»

На третью ночь Весёлому (пришлось караулить). Весёлый отправился со своей скрипочкой, становится к сосне. Подходит Яга-баба к Весёлому. — «Что ты, Весёлый, делаешь?» — «А в скрипочку играю». — Сбрасывает (Яга-

баба) ведра, коромысло с себя, давай уезживать — плясать.

«А как бы мне, Весёлый, научиться бы в скрипочку играть?» — «У тебя, Яга-баба, пальцы толсты». — «А что надо им делать — сделать их потоньше?» — «А вот тут стоит пенёк, в пеньке-то клин: клин-от вытащить, в дыру-то пальцы-то заколотить — они потоньше будут, можешь ты ими тогда играть».

Вытащили этот клин, затолкали туда пальцы; руки зажало у ней. Тут он ее и кончил. А сами стали пиво пить. Тогда и узнали, как отчего дело у них происходило!

81(58). КУЗНЕЦ И ЧЁРТ

Рассказал Ив. Купреянов

Жил-был мужичок. *Робил* он в кузнице. У него была картинка прибита на стене; на этой картинке был нарисован сатана. И вот он как придёт *завтрикать* или обедать, вся плюет этому сатане в глаза.

Этот сатана послал своёго чертёнка: «Иди, наймись к нему в работники!» — Он пришел к нему и говорит: «Дядюшка, возьми меня *робить*: я у тебя *прорóблю* год даром, только научи!» — Он сказал: «Айдá!»

Этот чертёнок год *прорóбил,* два *прорóбил,* потом в воскресенье вышел за вороты и стоит. Враз идёт старичок. Он скричал его: «Дедушка, охота молоденькому быть?» — «Э, да уж какое уж мне молодечество?» — «А если охота, дак *айда* перелажу!» — А это пришел его сатана. — «Все равно умирать-то! *Айда*!»

Этот чертёнок скричал своего хозяина; принесли угля в кузницу, разожгли горн; заставил хозяина дуть. Положили этого старика на горн. Хозяин дует, этот работник его — этого старика — поворачивает на горну. Старик все моложе и моложе, выскочил из горну — такой ли молодец!

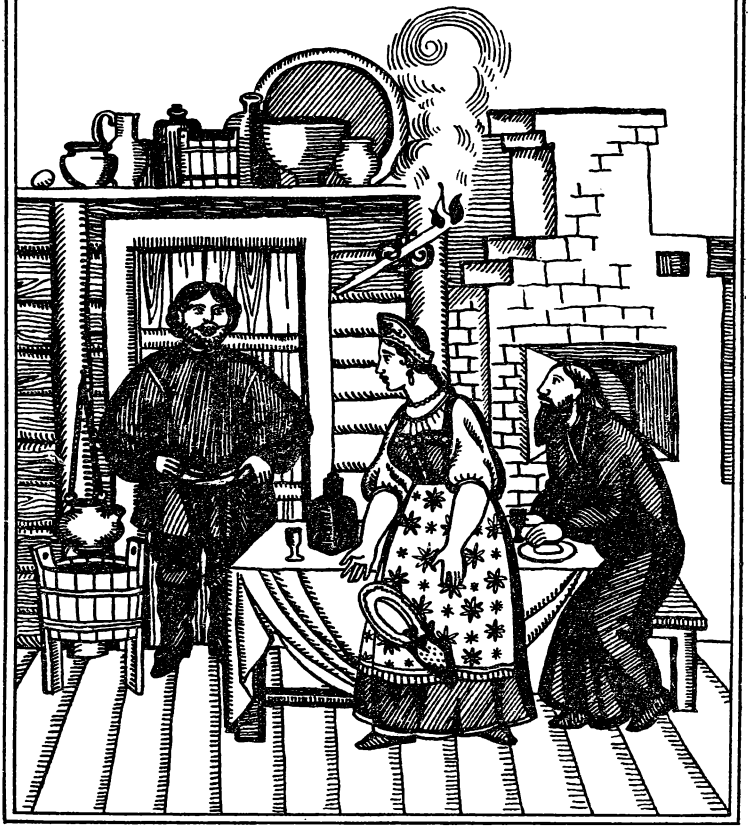
Этот работник спрашивает: «Старуха-то у тебя есть?» — «Есть». — «Веди! Переделаем и ее!» — Он сбегал, привел. Переладили старуху. Тоже такая ли молоденька вышла!

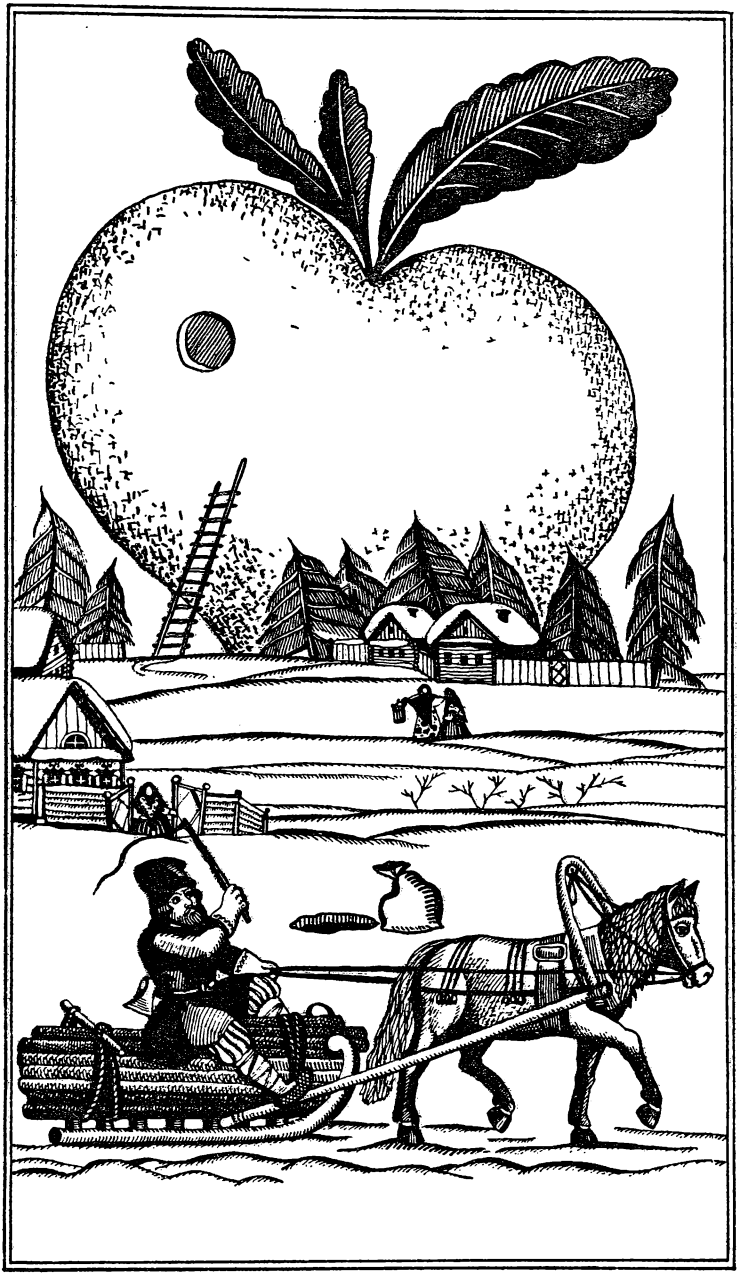
А у этого хозяина баба была страшная. Он и говорит: «Давай мене бабу переладим!» — Этот работник говорит: «Давай!» — Этот мужик побежал за бабой. Баба ревёт, не идет. Он ее *силом* взял в *беремё* и притащил. Взвалили ее на горн и давай дуть. Хозяин дует, работник переворачивает. И сожгли ее всю.

Хозяин посмотрел, что баба сгорела. Чертенок ему и говорит: «Вот! — говорит, — станешь моёму сатане в глаза плевать?» — Сам отправился.

Этого мужика на суд. И присудили его на висельницу. — Этот чертенок пришел к нему: «Не тужи! Я тебя выручу». — Когда повесили его на висельницу, этот чертенок три раза переел петлю и его (мужика) отпустили.

СКАЗКИ-АНЕКДОТЫ





82(21). МИКУЛА-ШУТ

Рассказал А. Д. Ломтев

Микула-шут поехал на пашню. Пашет Микула-шут пашню; едет священник доро́гой; увидал, что Микула-шут пашет. — «Бог помочь тебе!» — «Добро жаловать!» — «Как же ты, Микула-шут, сроду не пахал, а теперь выехал пахать?» — А Микула-шут на то сказал: «Добрые люди поехали сеять, и на меня добрый ум *напахну́л,* и я поехал пахать; напашу, буду сеять». — «Так вот что, Микула-шут, загни-ка мне *зипунчик,* — говорит: — у меня *зипуна* нету: дождь пойдёт, а зипуна нет!»

Микула сказал, что «я *бало* (на котором полозья гнут) забыл дома; ты попаши наместо меня, а я съезжу на твоей лошадке; да я и пешком могу сходить: пущай лошадь твоя здеся походит!.. Вот что, *батько,* ты одежду-ту сними: я твою одежду надену, а ты мою, а то поедут мужики, скажут, что поп пашет; неловко!» — говорит. Священник *лопоть* худую надел, а с себя хорошую одежду отдал.

Приходит Микула-шут к *матке* и говорит: «*Матка,* давай тысячу рублей денег! Затем священник отдал мне свою одежду, что мы дом скупили хороший». — *Матка* говорит, что «тысячи рублей у нас нету; 9 сот есть, а одной сотни нету». — «Он велел у дьякона занять сотню». — *Матка* живо побежала к дьякону, сотню рублей заняла и подала ему денег тысячу рублей. Он пал в лес и лежит, нейдёт к попу, а одежду поповскую оставил дома.

Поп, видно, пахал, пахал; «Что он, с...н сын, долго? Чтобы он там *матку* не обманул? Надо ехать мне до-

мой!» — Приезжает священник домой и говорит: «*Матка,* ты Микулу-шута не видала?» — «Что ты, *батько?* — говорит, — я отдала ему тысячу рублей денег! Вы дом скупили», — говорит. — Он обратился на поле, священник, Микулу-шута искать.

Микула-шут надел на себя сарафан, подвязался по-девичьи и пашет. Подъезжает он (поп) к девице и здоровается: «Здравствуешь, Микулишна!» — «Здравствуешь, *батько*!» — говорит. — «Я, — говорит, — поехал твоёва брата искать!» — «А я, — говорит, — принесла ему хлеба, да лошадь даром стоит, а его нет!» — Поп и говорит: «Микулишна, ты лошадь брось тута! он придет, так вспашет, а ты иди ко мне: хоть деньги-те эти немножко заживи!»

Микулишна сказала: «Я, *батько,* рада месту: я с голоду пропала — с им живу!.. Так нужно, *батько,* лошадь выпрякчи: кто его знает, скоро не скоро он приедет? Пущай лошадь хоть ест, ходит!» — Привозит Микулишну домой, сказал попадье, что «не нашел Микулу самого, а вот привёз его сестру: пущай хоть поживёт, деньги у нас заживёт которые!»

Он (Микула) жил долго, сознакомился — у попа было три дочери, — потихоньку наладил им... *То* поп говорит матке: «Что-то у нас, *матка,* дочери *сыты* стали шибко! Не Микула ли сам живёт это у нас?» — Попадья говорит: «Как мы его узнаем?» — «Истопить нужно баню». — Посылал своих дочерей с нею в баню, с Микулишной. Дочери приходят. — «Не Микула ли есть?» — «Что вы думаете? Что мы девки, то и она девка!» — Поп ответил: «Ступай, *матка,* с ней сама! Лучше узнаешь». — Во второй раз он нейдет: «У меня, — говорит, — голова заболела, я и так угорела!» — «На будущий день истопим баню, — говорит, — пойдешь?» — «Пойду»...

Тогда купечество наслышались, что у попа девки этаки *сыты,* хороши, приехали сватать поповских дочерей. Всех трёх девиц подводили, а купцы сказали: «Не возьмём никотору». — А поп сказал: «Есть у меня девушка хорошая, чистенькая, Микулишна...» — «Веди Микулишну!» — Микулишна приходит... Согласились купцы взять ее. *Батько* тем же разом повенчал; купцы повезли ее домой.

Привезли ее домой, посадили; посидели, потом *дружки* повели ее на подклеть (в спальну). Лёг Микула-шут с женихом и говорит: «Ох, жених, у меня брюхо заболело». — Микула-шут ущупал у жениха в кармане бумажник: «Это, — говорит, — что у тебя?» — «Деньги». — Мику-

лишна отвечает: «Дай-ка мне,— говорит,— сто рублей, не отвалит ли у меня от сердца?» — Жених вынимает деньги, сто рублей, отдает Микулишне.— «Милый мой женишок, от сердца отваливает! Нет ли ещё?.. От сердца меня отвалило хорошо, дак на... меня манить, а терпеть я не могу!» — ...близко нету; а жених говорит, что «везде заперто».— Микулишна ответила: «Окно отворяется; ты меня на холсту спусти, я..., ты меня опять и затянешь!» — Только Микула спустился,— тут лежит козёл. Он привязал его за рога и говорит, что «я готова, тащи меня!» — Жених притащил козла. «Что такое? *Оввернулась* моя невеста *козлухой*! Вот беда! Куды же теперь я?» — А Микула был таков (ушел).

Жених на кровать, и козёл прыгнул также к нему на кровать. Жених начал бегать по избе, козёл спрыгнул с кровати, бегает также по избе, бегает и ревёт. *То* он закричал нещадно своих дружек. Дружки приходят: «Что тут сделалось?» — «Вот у меня невеста *оввернулась* козлухой».— Невесту *лупили* дружки нещадно; только с козлухи шерсть летит, как они *понюжают*: «*Оввернёшься!*» — До того стегали — козлуху убили. Купец приказал ее вывезти на назём, зарыть.

Поутру Микула-шут приходит к попу сам. (Срядился в мужицкую одежду.) Микула-шут с попом поздоровался, а поп и сделался рад, что Микула пришел к нему.— «Ну, как, Микула-шут? — тысячу рублей ты у *матки* взял, отдай мне деньги!» — Микула-шут на то сказал: «Я слыхал, будто ты сестру отдал за купеческого сына; съездим, жениха посмотрим, потом я тебе деньги отдам!» — Запрягли лошадь, приезжают к купцу. Попа встретили, посадили за стол, начали потчевать.— «Потчеванье мне,— сказал Микула,— не нужно! Покажите жениха и невесту!» — Купец объясняет брату Микуле, что «что-то молоды́ нездоровы».— «Я не хочу слушать; все-таки прийти не на долгое время можно!»

Священнику сказали они, что «невеста оввернулась козлухой, мы ее убили».— Наконец и ему сказали.— «Богатые купцы людей бьют!.. Тебе, поп, не отдам деньги, а на их просьбу напишу, что мою сестру убили!» — Купец сказал: «Микула-шут, возьми с меня двести рублей, только просьбу не пиши! Её уж не воротишь!» — (Вот он какой зипуном загибает!) Поп сказал: «И я с тебя не возьму тысячу рублей: не *калякай* нигде!» Микула-шут на это был

согластен; получил с купца еще двести рублей, потом отправился домой.

Приходит домой; пошел в поле, разыскал свою лошадь, убил и задрал её (кожу с неё слупил): нечего работать на ней. Потом он пошел, потащил свою кожу на ярманку продавать. Дело к ночи. Идёт башкирец на ярманку и говорит: «Микулка, возьми меня на ярманку: моя *фатера* нету!» — Заходят они в такой пустой дом: никого в дому нету. Башкирец лёг на печь, а Микула-шут лёг на полати, а кожу бросил середь полу. Купец приезжает и говорит: «Ах, что-то душечки долго нету!» — Вдруг к нему купчиха является. Купец сказал: у нас с тобой всяко, душечка, бывало: ... Башкирец говорит: «Микулка, у тебя собака кожу кончает!» — Микула-шут громко скричал: «*Цыма*!.. отсюда!» — Купец испугался и купчиха; выбежали оба нагие, сели в карету и уехали; а одежду оставили тут.

Поутру (Микула) башкирца проводил на базар, а сам надел купеческую одежду и пошел на рынок, и кожу понёс. Идёт мимо купеческого дому; купец высылает лакея: «Поди,— говорит,— спроси, лакей,— одежда моя на нем,— где он взял?» — Лакею ответил Микула-шут: «Я взял эту одежду в трактире».— Купец дал ему сто рублей денег: «Пущай он эту одежду оставит, где взял, а сто рублей вот ему награды!» — *То* он эту одежду сбросил, надел барышнину одежду. В барышниной одежде идёт. Барыня увидала, что в одежде в её идёт, высылала лакейку. Лакейка подходит и говорит: «Умница, где ты эту одежду взяла?» — «В трактире».— Барыня подаёт ей сто рублей денег: «Подай ей: где она взяла, пущай там и оставит, пущай ни с кем не толкует больше!»

Составилось у него денег 1600 рублей; потом он свою кожу продал за рупь. Приходит в свое селенье домой. Собрался сход, советуют об хороших делах. Он приходит на сходку.— «Об чём больше советуете? Также я с вами посоветую. Вот я заколол свою лошадь, продал кожу за 1600 рублей. Не верите, сосчитайте мои деньги! Знаете, что мне денег взять негде».— *То* он выложил свои деньги; сосчитали, у него действительно 1600 рублей. *То* народ разошелся, пошли своих лошадей колоть, продавать кожи. Коней всех прикололи, по одной лошадёнке оставили (воза накололи которые богаты мужики); привозят много возов этих кож, а кожи ни по чём не берут. Кое-как рассовали эти кожи — кто по рублю, кто по два.— «Вот он

что подлец и сделал! Поедемте, ребята, домой, поймаем его, убъем за это, что он нас обманул!»

То приехали домой. Он идёт по озеру. Они прибежали артелью, схватили его, завязали в рогожу. — «Ребята, пойдём, пообедаем, возьмём *пешню,* лопатку, сделаем прорубь, утопим его в озере!» — *То-покуль* они завтракали, а по озеру купец ехал, арендатор, которой *держал* это озеро. Купец увидел, что куча такая лежит: «Кучер, *айда* приворачивай к этой куче ближе!» — Купец подъехал. — «Кто тут такой?» — А он скричал: «В окунино царство меня садят царить, а я царить не умею!» — А купец говорит: «Я царить умею!» — «Развяжи меня сейчас, тебя в цари посадят!» — Купец Микулу-шута развязал, а он купца завязал; сел в повозку и сказал: «Кучер, пошел!» — *То* прибегают мужики, выдалбливают большую прорубь и спустили купца в окунино царство.

Мужики приходят домой, сходку собрали, советуют: где лошадей взять подешевле? — Микула-шут тут едет на тройке лошадей — лошади вороные — в повозке. Микулу-шута увидели и закричали народ его: «Остановись, Микула-шут! Посоветуй с нами!» Он подъехал к сходке. — «Мы думали, что ты, Микула-шут, потонул, а ты, видно, жить хочешь. Где ты таких лошадей взял?» — «Ох вы, чудаки эдакие! Там есть бурые и каурые и каких надо: табуны ходят целые! Я только скричал, подбежали ко мне тройка лошадей, я вот запрёг и езжу». — «Микула-шут, нельзя ли как нам?» — «*Айдате,* проруби долбите всяк себе пошире, чтобы провести коней побольше!» — *То* они надолбили проруби широкие. Скричал Микула-шут: «Кричите, кому каких надо, такие и подбегут — кому бурых, кому каурых!» — Сколько ли было в селенье мужиков, все враз пали. Тогда сказал кучеру: «Пошел!» Поехали вперёд. Проехали версты три; когда он сказал кучеру: «Кучер, стой! Теперь я пойду пешком! Коней мне не надо!». (Сам вон настряпал что!)

Жёны их сказали: «Что-то наших мужьёв долго нет!.. Да ведь еще подерутся там об конях-то: получше *заглянется: зависные*!» — говорит. — У которого пузырь лопнет, тот и выплывет назад. Бабы подбегут: «Мой кончался!» — Так и не могли ни одного живого выплыть назад; и коней нет — все кончились.

То бабы *йхи* сказали: «Мы его, подлеца, поймаем, мы его вальками убьём!» — Увидали Микулу-шута, побежали его ловить; поймали его в лесу, привязали его к берёзе,

а бить им нечем. Пошли они домой за вальками. Только ушли от него домой, а из другого селения идёт молодец мимо него.— «Что ты, дядюшка, привязан?» — «В этом селеньи невест много, а женихов нет; хочут меня женить, а мне не хочется жениться!» — Молодец был холостой, ему жениться надо.— «Ах бы мне жениться!» — «Давай, тебе сейчас невест много наведут, только выбирай! Давай отвязывай меня!» — Молодец его отвязал. Микула живо его привязал крепко, чтобы молодец не мог отвязаться. Сам отправился в путь от него. А бабы прибежали, притащили — кто валёк, кто *стяжок*; давай его жарить, а он кричит: «Вы меня жените!» — «Мы тебя, подлеца, женим!» — Молодца этого убили, натащили досок, гроб ему сколотили, а в землю не зарыли: «Будем. . . . . .» — говорит.

Потом он молодца из гробу вытащил, сам лёг, пробил дыру и взял себе жигало . . . . . .

. . . . . Тогда она испугалась, бежать от гробу. Не стали к нему ходить уж: он их всех перепугал. Потом он идёт по селенью — они его скричали к себе добровольно; сказали ему: «Микула-шут, ходи к нам...» . . . . .

. . . . . .

83(65). ВОСКОВЫЕ СТАТУИ

Рассказал Я. М. Логинов

Один был мастер восковых статуев работать. Приезжал к нему Владыка и удивлялся этому: «Как ты их работаешь!» — «Я могу всяких сработать».— Владыка и говорит: «Сработай мне 12 человек: священника, дьякона, пасаломщика, оставших певчих».— Дал задатку пятьсот целковых.

Мастер сработал 9 человек. На оставшие денег не хватило, на три человека.

Жена его отправляется в церковь. Когда пошла из церкви, священник догоняет: «Что ты — какая госпожа или простонародие?» «Я такого-то мастерова жена».— «Нельзя ли с вами познакомиться?» — «Приходите в 12 часов ночи».

Дьякон догоняет, тож: «Какого отродия?.. Как ты живёшь с ним? — «Он распутного поведения у меня, пьяница». — «Нельзя ли с вами познакомиться?» — «Приходите после полночи».

Пасаломщик догнал в улице: «Нельзя ли к вам пожаловать в гости?» — «Приходите часа в три после полночи».

Приходит домой, заявляет мужу: «Вот я троих еще нашла статуев».

Муж уходит из дома. В полночь приходит священник под окошко, стучится. Мастерова жена спрашивает: «Кто такой? — «Священник». — «Пожалуйте в комнату». — Заходит. Выпили по рюмочке. Муж в окошко стучится. — «Кто такой это?» — «Муж мой!» — «Куды же я тепере?» — «Снимай с себя платье, вставай в серёдку статуем!»

Муж в комнату заходит и рассердился на жену: «Почему у тебя в комнате огонь?» — «Что-то я была больна, огня дула».

Муж уходит из дома. Является точно так же дьякон. — «Кто такой стучится?» — «Дьякон». — «Пожалуйте в комнату». — Выпили, угостились. Муж под окошко. Дьякон: «Кто там?» — «Муж пришел». — «Куды же я тепере?» — «Снимай с себя платье, ставай к статуям!»

Точно так же и пасаломщик приходит. Впущала она его в комнату. Муж под окошко; пасаломщик: «Куды же я тепере?» — «Снимай с себя платье, вставай в серёдку статуем!»

Муж входит с ножом. Обыскивает везде; рассердился на жену: «Почему у тебя опять огонь?» — «У меня зубы болят».

Муж рассердился на это; посылает жену ко Владыке: «Иди! Пущай Владыки приезжают, принимают у меня работу!»

Жена отправилась. Заявляла *тамока* она послушнику его: «Доложьте Владыке!» — Приезжают. Принял его мастер к себе в рабочую; сам ходит с ножом.

Владыка заходит и смотрит на этих статуев. Удивлялся этому: «Что такое наработано? Какая личность! Этот же священник служит в кафедральном соборе!» Смотрит на дьякона: «Точно дьякон: в таком-то соборе служит!.. Этот пасаломщик мой — служит в кафедральном соборе!»

Мастер поближе подходит к пасаломщику с ножом. — «Если, Ваше Преосвященство, что не угодно, то я могу сейчас зарезать и другого сделать!»

Точно с испугу, священник — в окошко, дьякон — в дверь, разбежалися. Мастер: «Держите! А то — оставшие разбегутся!»

Владыка убедился. — «Боже мой, что такое?» — В последнее время уплатил Владыка все деньги. — «Я не причинен, что они убежали!»

84(69). СКАЗКА О СТАРИКЕ И СТАРУХЕ
[Муж да жена]

Записал Вас. Гуляев

Жил-был старик со старухой. Старуха у старика и прикинулась, будто захворала, и посылает старика в Задонское царство жене по лекарство.

Старик пошел, и на пути ему попадается *служилый*; спрашивает его: «Куда Бог понес тебя?» — Старик ему отвечает: «В Задонское царство жене по лекарство». На это *служилый* сказал: «Не ходи, дедушка! Над тобой баба насмешки строит».

Старичок послушался и воротился. Пошли вместе; *служилый* и говорит: «Где ваша деревня?» — Старик ответил: «Пойдем дале, найдем и нашу деревню».

Когда они подходили ближе, стали проситься ночевать; а у нее был пир, она не пускала. Они все просилися; наконец, пустили. Солдат и говорит старику: «Я тебя обвертю соломой и поставлю в угол под порожек, как наволочку». — Так и сделали.

На пиру были званы попы, дьяки, псаломщики. Один поп и говорит: «Не знаешь ли, *служилый,* какую песенку?» — «Знаю», — говорит. — «Ну-ка, скажи!» — Он начал говорить:

Слушай-ка, солома,
Что деется дома:
На грядках-то лучина,
На спице-то безмен...
Достанется всем!

Им *поглянулось.* Они ему подали стакан вина, он им опять повторил; ему опять подали — он еще повторил.

Как солома-та развернулась, *сбрила* со спицы безмен и давай хлестать всех. И некоторых перебили.

85(30). МУЖИК И ЗЛАЯ БАБА

Рассказал Е. С. Савруллин

Был голодный год. Мужик с бабой были ленивы работать. Мужик бабе говорит: «Баба, надо ведь работать! Хлеба у нас не посеяно; чего же будем мы тогда есть зимой?» — Баба говорит: «Мужик, ты умрёшь, а я взамуж выйду!» (Она рассудила легко.)

Так они лето кое-как и протянули. И зима пришла; у них ни дров, ни хлеба. На работу идти мужику — одеяния нет. Баба мужику и говорит: «Мужик, да *айдá* воровать!» — «Куды, баба, воровать?» — «Да в лавку, где торгуют мукой». — Мужик говорит: «Дура-баба, ведь знают люди, что мы едим *аржаное:* как мы будем есть крупчатку! Ведь люди увидят!» — «Ой, мужик, да я испеку хуже *аржаного!*»

Мужик так и сделал. Пошел к крупчатной лавке; в лавке народу много: кто берёт пуд, кто два, кто и полпуда; а мужик стоит у лавки с мешком с простым. Другой мужичок купил два пуда муки-крупчатки, поставил её за лавку, сам пошел рассчитываться. Этот мужик мешок на плечо, в толпе народа и ушел.

Приходит домой. — «Баба, говори: слава Богу! Украл муки! Только — крупчатки!» — Баба бегает бегом, ставит квашню скорее. Мужик бабе говорит: «Баба, крупчатка-то ведь выходная (с припёком), не как *аржаная!*»

Баба садит *мяхки* в печь. Мужик говорит: «Баба, сосчитай, сколько *мяхких».* — Она мужику говорит: «Мужик, семь!» «Ну, да, баба, поскорее: жрать охота!» — Баба открывает печь и говорит мужику: «Мужик!» — «Что, баба?» — «Я садила семь, а вытащила шесть!» — «Пошто шесть?» — «Не могу знать; а *мяхкого* нет!»

Мужик заглянул сам в печь: «Правду ты, баба, сказала, что испеку хуже *аржаного*!.. Вот ты, дура, не знаешь, это у тебя отчего случилось!» — «А отчего, мужик?» — «Задним-то стало жарко, они и давай перескакивать через этот *мяхкой*; да не могли перескочить, да приступали на него (он маленький этакой сделался)».

Мужик на это рассердился. Давай бабу волочить за волосы: «Не порти добро!» — А мужик с-из детства не любил — его ребятишки дразнили: «Вшивик». Он это бабу бил, бил, бил, она одно дразнит: «Вшивик!» — Он её добил, что уж она говорить не стала; запинал ее под лавку,

чтобы там она лежала. Баба под лавкой лежит, а своё зло всё творит; мужик на бабу глядит: баба ничё не говорит, а ногтем давит на полу (всё-таки, дескать, вшивик!).

Мужик думает: «Что мне с ней теперь делать? Дай я её утоплю!» — У них на огороде, на задах, была речка; на речке был переход из трёх жердей. Мужик пошел — покамест эта баба хворает — подрубил слегка жерди снизу. Приходит домой: «Баба, будет хворать! Время работать!» — «Да чего работать-то?» — «Пойдём, хоть дров нарубим!» — Баба пошла, не супорствует.

Мужик бабе говорит: «Баба, не ходи вперёд!» — «На то зло пойду!» (Она *поперешна* была.) — Баба пошла по переходу, мужик ей говорит: «Баба, иди, да не трясись!» — «А на то зло потрясусь!» — Доходит до рубленого перехóду; мужик говорит: «Баба, не трясись!» — «На то зло потрясусь!»

Переход изломался; баба упала в речку и утонула.

86(47). ЛОВКИЙ ВОР

Рассказал Н. Ф. Шешнев

Жил-был старик со старухой. У них ни сына, ни дочери. Старухе стало трудно одной жить: дескать, помóги нет ей. Старуха говорит: «Дед, идите наймите работника, хоть помогать мне: не могу я дров тащить, не могу ничего делать там».

Старик пошел на базар нанимать работника: «Не пойдёт ли, ребята, кто ко мне в работники?» — Тут один стоит старик и говорит, что «я пойду, дедушка, хоть из-за хлеба жить к тебе». — Нанял старик работника; звать его Иваном. — «Вот тебе, старуха, работник! Будет помогать».

С этим со стариком имел купец дружбу. И вот старик пошел в гости к купцу. Сидели они до 12-ти часов ночи и выдумали они со стариком побиться в том, что купец заявляет, что «тебе у меня лошадь не украсть», а старик говорит, что «я украду». — И побились они с ним об двести рублей.

Приходит старик домой, задумался и загорюнился. — «Дед, ты чего невесёлый?» — «Ну, старуха, мне беда!» — «Какая же тебе беда?..» А Иван слушает. — «Дедка, ложись спать! Утром всё готово будет!» — Иван говорит.

Приходит Иван к купцу. Ворота были отворены, а тут был караул сильный (у купца караулили вора-то). Поставили ему четверть вина. Они эту четверть выпили, опьянели и свалились. Иван поймал лошадь и повёл. Приводит к старику. Старик радёхонек, что Иван лошадь украл: 200 рублей заработали.

Купец утром встал, спрашивает: «Где лошадь?» — Лошади нету. Отказал своим всем карульным.

Старику *поглянулась* эта заработка. — «Дай я еще пойду к купцу!» — Приходит старик к купцу. — «Ну, дедка, мне *бедно*!» — «Что же тебе *бедно*?.. Ну, купец, если тебе *бедно*, давай побьёмся еще!» — «А в чём станем биться?.. А вот в чём: если ты из-под моёй бабы постелю утащишь, тогда двести рублей твои».

Старик приходит домой — задумался, загорюнился. Старуха старику: «Что ты, дедко, задумался?» — «Как же мне не думать?..» Иван говорит: «Дедушка, не думай! К утрему всё готово будет!»

Отправился Иван утром к купцу. Зашел он на двор, а потом в чуланчик забрался. А у этого купца тоже был работник Иван. Он в этом чуланчике нашел *опару*. Потом нашел постелю — где спит купец с барыней; Иван взял, эту опару вылил прямо им в серёдки. (Они спят.)

«Барыня, что с вами сделалось? — говорит купец, — надо скричать Ивана, чтобы он постелю утащил у нас!» (Ихнего работника.) «Иван!» — А этот тут и был, стариков-от работник (а тот спит, и рот разинул). — «Что?» — говорит. — Утащи постелю.

Купец утром встаёт, садится чай пить. Спрашивает свою барыню: «Что с вами сделалось сегодня ночью?» — «Я не знаю!» — «А постеля-та где?.. Иван! Где постеля?» — Иван говорит, что «я никакой постели не видал!» — «Как, — говорит, — не видал?» «Вы, — говорит, — унесли ее!». — Поискали, поискали, нет нигде. — «Наверно, стариков работник унес! Ванька!»

Купец пошел к старику. — «Постеля моя у вас?» — «У нас!» — «Что это за такой Ванька?!»

«Давай, — говорит, — еще побьёмся, дедка! Последний раз!» «А об чём станем мы биться с тобой, купец?» — «А если он у моёй жены колечко украдёт с руки, то тебе 400 целковых! (Тогда будет 800 рублей у тебя!) — Старик задумался... Иван говорит: «Дедка, не думай! К утрему будет всё готово!»

«Дай мне, дед, три рубля денег!» — «На что?» — «Мне купить *мертвяка*!» — Подбегает Иван к церкви, стучится: «Дедка, отвори!» — Тот спрашивает: «Для чего? Зачем?» — «Продай мне покойника!» — Старик: «Что ты? Бог с тобой! С умом ли?» — «Возьми вот два рубли денег! Давай отроем!» — Старик согласился за три рубли покойника отрыть. А покойник (зимой дело-то было это) стылый.

Купец сидит у окошка в своем доме, караулит Ивана с леворвертом. А Иван подходит с этим с покойником и в окошко этим покойником кажет. — «Барыня! — говорит (купец): — Ванька в окошко лезёт! Сейчас я его стрелять стану». — Выстрел дал, Иван покойника опустил. И говорит купец, что «я, — говорит, — барыня, Ивана застрелил!» — А Иван отбежал за угол и стоит. — «Я, — говорит, — теперь, барыня, пойду, понесу Ивана куда-нибудь в яму».

Понёс, а Иван в комнату. Пришел в комнату и лёг на постелю. (Она его за своёго супруга признала.) — «Ну, — говорит, — барыня, снёс, схоронил! А где у вас теперя колечко-то? Давайте сюда его! Я его спрячу: кабы он там не отдохнул, сюда бы не пришел?» — Она отдала. — «Я теперь пойду на двор!» — говорит. — Ему убраться совсем охота.

По отходе Ивана приходит купец. — «Ну, барыня, *уходил* я его!» — А она думает: «Что он опять старое повторяет?»

Утром купец с барынёй встаёт, садятся чай пить. — «Ну, — говорит, — барыня, *уходили* мы его, слава Богу!.. А колечко-то где?» — «Я вам, барин, отдала!» — «Что вы? Вы не помните сами себя! Я у вас не брал!» — «Да как же? Вы у меня взяли!» — «Никак нет! Не брал!.. Ужли, — говорит, — Ванька с вами лежал?.. Нет! — говорит, — погоди! Я схожу к старику!»

Пришел, говорит: «Дед, у вас моё кольцо?» — «У меня!» — Ах! Чёрт его возьми! Что у тебя за работник Ванька!.. Дед, отдай ты мне его в работники, а своёму я откажу!» (Ему *бедно*, что он с его женой лежал; он его *уходить* хочет.) — «Возьми».

Взял Ивана старикова себе в работники, а своёму отказал. — «Если он неладно запрягёт лошадей, то я его сейчас сразу убью!» — Ивана стряпка купцова любила; она ему рассказала, каких запрягать лошадей, какую надеть *снасть*. Иван понял всё. Барин приказал Ивану лошадей запря-

гать. Иван запрёг. Барин: «Ах, все правильно запрёг! — говорит.— *Пододраться* ни к чему нельзя!»

Стряпка Ивану говорит: «Иван, возьми калачик на дорогу, а то есть захочешь!» — А барин поехал без хлеба. Проезжают они вёрст 20. Кони у них *пристали*. Иван говорит, что «надо лошадей покормить!» — «А где кормить станём?» — «А вот здесь,— говорит,— покос и *зарод*».— «А нас никто здесь не поймает?» — «Нет».

Выпрягли лошадей; дал им сенца. А Иван взял, залез в мешок, рылом лёг к *зароду*, ест калач. Барин спрашивает: «Ты что, Иван, ешь?» — «А сенной калач завернул, да и ем!» — «И я есть хочу! Давай,— говорит,— мне заверни небольшой калачик из сенца!» — Подаёт ему.— «Как я есть стану его?» — «Я, говорит, ем!»

«Есть-то,— говорит,— туда-сюда! Дак я замёрз!» — «А я лежу в мешке, тепло мне!» — «Иван! Если там тепло, то посади меня в мешок!» — «Садись!.. А если еще завязать, еще теплее!» Завязал Иван мешок с барином, а сам с вёрсту отбежал, бежит ругается: «Кто мое сено кормит?» — Подбежал к барину и давай его *хлыстиком дубасить*. Отдубасил и отбежал недалёко.

Барин кричит: «Ванька, Ванька! Положь меня скорее в повозку! Согрелся, до крови согрелся!.. А ты как?» — «Я насилу убежал!»

Бросил он его в повозку и погнали.— «Ты вези меня к теще!.. Я,— говорит,— буду говорить по-немецки (когда к теще приеду)», а Ивану велел говорить по-латынски.

Приехали к тёще. Барин велел работнику, чтобы доло́жил — самовар поставили. (А барин страшно есть хотел.) Вместо самовару они истопили баню. Барин осердился, с работником угнал домой.

87(38). КАЛУЖИ́НА И ЯМЩИКИ

Рассказал Е. С. Савруллин

Ямщики ехали с товаром. Шел их большой обоз Сибирским трактом. Это было в старинные ещё года, когда были дороги не исправлены ещё; дороги были с боку на бок, были сосновые корни, задевали осями за лесины.

И три мужика задумали у этих ямщиков украсть из возов; заметили, что они везут чай. А раньше чаи были за-

шиты в *ширинах* (в коровьих кожах с шерстью). Они пошли все трое на дорогу. Один из троих приготовил себе живых трёх *чебаков* и положил их в свежую воду в ведёрко, чтобы они могли по крайней мере терпеть живыми одни сутки. Взял с собой удочку и выбрал такое место на большой дороге: большая *калужи́на* на дороге; она, от большого дождя, эта *калужина* бывает глубока, без малого что заливается и в телегу; а объехать её никаким родом нельзя ямщикам.

Дорога была *кривулястая.* Двоё мужики ушли вперёд, а у которого удочка и рыба, он сел в *калужине* удить. Сидит мужик у *калужины,* забросил свою удочку удить.— И подумать надо об этом, что какая же рыба может быть на дороге? Ежли б была бы тут речка, дак могло бы быть.

Мужик сидит и удит. Ямщики ближе подъезжают, идут толпой и говорят: «Смотрите-ка, ребята: какой-то дурак удит на дороге? Кто ему тут дал рыбу?» — Подъезжают они ближе. Мужик подвинулся к боку дороги (с удочкой), не мешая лошадям, чтобы переходили эту калужину с грузными возами. Лошади тихонько идут по кривулястой дороге, а ямщики остановились у мужика и глядят; и мужику говорят: «Что ты удишь? Какая тут тебе рыба? Кто тебе тут её надавал?» — «А вы разе не видите: у меня в ведёрке-то живая рыба?» — Ямщики взглянули: действительно, в ведёрке рыба. Ямщики все, ото всего *обвозу,* собрались и глядят; а рыболов как раз только дёрнул удочкой и говорит: «Ах, сорвалось!.. Ну, да может быть впереде-то удалось!»

А в это время два товарища его поддели два места чаю и пошли они в лес.

Обвоз уже весь проходит, а рыболов всё ещё сидит, с ума не сходит. Ямщики и говорят передовому: «Иди-ка брат, вперёд! Там правь лошадь!» — Ямщик добегает до передней, глядит: на одной телеге два места чаю нет. Передний ямщик закричал: «В кривулястой дороге»,— кричит, что — «ограбили!» — Ямщики все сбежались, видят, действительно, что двух местов чаю нет, и сбегаются в одно место.— «Что, брат, будем делать теперь? Где будем искать?» — Один говорит: «Где искать? Доведётся платить!» — Закрыли воз рогожами и поехали вперёд.

Заезжают они в селенье, спрашивают старухи: «Кто, бабушка, пускает на квартеру?» — «А вот заезжайте-ка тут! Новый постоялый; вдова-та славная была». Дело уже к ночи. Заезжают они и на двор. Хозяйка спрашивает:

«Самовар готовить?» — «Поставь, голубушка!» — «А сколько вас?» — А их было 12 человек, а они ей сказали: 11; одного закрыли в телеге рогожей: что «не будет ли какой кражи опять?»

А у этой у *постоялки* в одном углу *ограды* стояли и телеги, и оглобли, и старые *кривули.* Под этими телегами находился там подвал, а там жили три разбойника: которые чай-то украли, они и жили у ней. Хозяйка напоила чаем ямщиков и накормила ужиной. После ужины кладёт в скатёрку кусков, да положила цельной рыбной пирог, вышла на двор и кричит: «Белка, белка, хлеба на!» — Отворяется у подвалу западня, выходит там разбойник и берёт у хозяйки узел с хлебом: и скрылся в западню и запёрся.

А ямщик в телеге догадался: «А, вот куды наш чай попался!» — Приговорил к себе поближе топор. Ямщики уклались спать. А ему нужно было об этом узнать, что там за люди живут? Мужик лежит, не дремлет; закрылся сам рогожей. Вдруг отворяется западня, подходит он тут к возу, где лежит мужик в телеге; поглядел: тут какой-то товар — были штуки тут дорогого драпу. Разбойник тихонько и говорит (драпу штуку шевелит): «Вот эта штука хороша, и зипуны из неё нашьём!» — Только разбойник склонился под телегу — развязать внизу верёвку,— а ямщик топором хлоп разбойника ладом. Разбойник от удару повалился, а ямщик забегает в избу: «Товарищи, вставай! Пойдёмте-ка на двор! Убит лежит тут вор».— «А где еще другой?» — «А в подвале за дугой».

Они заглянули с огоньком: много там товару, и не уйдет в один амбар! — Они живо к атаману: «Вот кража у нас случилась. Господин ты атаман, а ты не делай нам обман? Вот у этой калужины украли чаю у нас два места».— Атаман им тут сказал: «Кладите, братцы, чай и поезжайте вы домой по дорожке столбовой!»

Ямщики тут выезжают, а хозяюшка ругает: «И такие *варнаки*! И не отдали за чай мне пятаки!»

88(32). ДЯДЯ С ПЛЕМЯННИКОМ

Рассказал Е. С. Савруллин

Жили-были два брата; один брат был богатый, а другой бедный. У бедного брата было три сына. Дядя богатый занимался воровством.

Дядя богатый звал у бедного *большака*-сына с собой воровать. Племянник с дядей пошли. Идут лесом. Племянник увидал берёзу, из которой можно вырубить *россоху,* и говорит дяде: «Вот берёза на россоху годится!» — Дядя ему и говорит: «Какой ты вор?! Ты добро смышляешь! Не нужен ты мне! Пойди домой; я возьму племянника середнего».

С середним идут лесом. Племянник видит: на вершине берёзы вилы. — «Ах, дядя, вилы хороши!» — «Дурак, не надо мне и тебя!.. Возьму я племянника малого».

Малой племянник, как был молод, но был на эти штуки сметлив. У племянника был в кармане *складешок.* Дядя начинает ползком ползти по болоту; а у дяди сапоги были с подмётками, подметки были пришиты дратвой (не прибиты гвоздями). Дядя племяннику и говорит: «Смотри, племянник: я буду вытаскивать яйцы из-под утки!» — Дядя начинает вытаскивать из-под утки яйца, — и действительно, утка не слышит. А племянник у дяди — в то время, когда тот вытаскивал из-под утки яйца, он ему отрезал подмётки.

Встали оба и пошли. Дядя и говорит племяннику: «Племянник, у меня ведь ноги промокают». — «Отчего, дядя?» — «Не могу знать». — «А ты, дядя, погляди-ка: у тебя есть ли подметки под сапогами?» — Дядя поглядел, и действительно: нет. Дядя сказал, что «ты, племянник, молодец! Я вытащил из-под утки яйца — утка не слыхала, а ты отрезал у меня подмётки в то время — я не слыхал».

«Теперь, дядя, куды пойдем?» — «*Знамо,* домой!» — «Нет, дядя, пойдем на большу дорогу!» — Как раз выходят на большу дорогу. День был жаркий. Мужик ведет по дороге козла; армяк (у него), на плече.

Племянник дяде и говорит: «Дядя, давай украдем этого козла!» — «Глупый! Да как его украсть?» — «Странно дело: как украсть, дядя! Снимай сапог с себя, дядя!» — Дядя снимает сапог с себя; племянник берёт сапог и бором обегает мужика (опередить чтобы его). Бросил сапог на дорогу, сам спрятался в лесок. Мужик с козлом доходит

до этого сапога: «Ах, один сапог! Кабы два, я бы носить их стал!» — Мужик поворчал, сапог бросил на дорогу и пошел опять вперед.

Мужик по дороге *подался* несколько саженей. Лес был тёмный; племянник взял этот сапог и оббежал опять мужика, бросил на дорогу. Мужик с козлом доходит до этого сапога. — «Ба! Вот ведь друг-от сапог где! Постой! Я козла привяжу и *азям* положу; заворочусь за этим сапогом назад!»

Мужик козла привязал, воротился; сапога там нет. — «Как так? Разве я не дошел до него?» — А племянник в это время отвязал козла, взял *азям* и бежать в лес. Приходит к дяде в лес. — «Вот тебе, дядя, козёл и армяк!» — «Молодец, племянник! Лучше моёго умеешь воровать!»

«Теперь куда мы пойдём?» — «На балаган». — Приходят на балаган; начинают колоть козла. Закололи козла, вымыли мясо, склали в котел варить. — «Ну, племянник, теперь ты иди кожу мой!» — А племянник говорит дяде: «Я воровал козла, а тебе мыть кожу». — Дядя говорит: «Я тебя ведь постарше!» — «Дак что из этого? — ...Ну, тогда, дядя, пойду я кожу мыть, — говорит племянник, — а тебе мяса не едать!»

Племянник пришел на речку. Уже было темно. Вымыл кожу, развешал ее на гибкую черёмуху, давай ударять по коже палкой! По лесу раздаётся гул. Племянник диким голосом заревел: «Ой, батюшки! Не я ведь один был!» — «А с кем?» — «С дядей!» — Дядя захватил полы и бежать домой.

Племянник приходит к котлу, начинает есть мясо; а дядя приходит домой тощой. Племянник мясо кладёт в мешок и кожу, тащит домой. А уже дядя пришел к брату, спрашивает: «Ну, сын пришел?» — «Нету». — «Ну, его, бедняка, и шибко избили!» — Племянник *пых* в то время с мясом и с кожей; а дядя тут сидит (с которым он воровал). — «Что племянник, шибко били?» — «Да как бы ни били, а мясо и кожа есть!»

89(31). СТРЕХУЛЕТ

Рассказал Е. С. Савруллин

В одно прекрасное время по городу бежит оборванный *стрехулет.* Раз его видит с балкону богатый дворянин. А у *стрехулета* в руке дудка. Богатый спрашивает его: «Куды бежишь, *стрехулет?*» — «Людей надувать». — «Ну-ка, меня надуй!» — «Я бы тебя надул, дак товарищ впереди». — «А разве одному нельзя?» — «Нельзя». — «Дак ты догони его!» — «Дак ведь я бы его догнал — я пеший!» — «Кучер, дай ему лошадь верховую!» — Кучер дал ему лошадь.

Стрехулет сел верхом; попинывает ногами лошадь, а она нейдёт. (А он сам руками её поддерживает, чтобы она не шла.) — «Ишь, барин, у вас лошади свычны парами!» — «Кучер, дай ему другую! Они скорее приедут: один на ту сядет, другой — на другу». — Кучер дал ему другую, он и уехал.

Ждал, ждал — нет *стрехулета.* — «Барыня, ведь он меня обманул!» — «Глупой, ведь он тебе говорил, что людей надувает; вот он тебя и надул!»

Барин рассердился. — «Запрягай тройку в повозку! Поедем догонять!» — Погнали догонять. *Стрехулет* в это время спрятал лошадей.

Как раньше крестьянам выдавали участки трактовой дороги починять и лес убрать. Барин едут на тройке, а *стрехулет* выворотил свой халат на леву сторону; нагнувшаяся толстая береза на трахт и чуть не падает: она так и выросла; *стрехулет* упёр плечом (эту) берёзу. Покраснело его лицо: сильно держит берёзу плечом.

Барин раз как подъезжает: «Кучер, стой!» — Кучер остановился. — «*Стрехулет*!» — «Что?» — «Не видал ли ты *этта* на паре лошадях верховых?» — «Видел, барин». — «Куда они уехали?» — «Они уедут по окольным дорожкам». — «А что, мы их найдём?» — «Нет, не найти!» — «А ты бы с нами сел». — «Я бы, барин, с вами и сел, дак у меня берёза падает; а участок-то (дороги) мой! А вот гляди-гляди исправник погонит: то-то он мне в ж... плетей и накатает за это!» — «А кучер удержит, а ты со мной!» — «Нет, не удержать, барин! Держите оба!»

Барин вылезает из повозки, подпирает правым плечом берёзу в толстую кору; она и действительно ему режет плечо (барину). — «Кучер, держи крепче!» — «Барин, я упёр изо всей силы!» *Стрехулет* на тройке марш.

Обогнал другой дорогой, подъезжает к барскому двору. Поставил лошадей к саду, а сам в сад. А у барина была свинья с поросятами; *стрехулет* ползает на коленках за свиньей. Барыня кричит своего лакея: «Лакей, пойди в сад! Что какой-то *стрехулет* ползает за свиньей на коленках?» — Лакей спрашивает *стрехулета:* «Что ты ползаешь за этой свиньей?» — «А вишь, брат, свинка пёстра моему сыну *хрёсна*; я ее зову на свадьбу». — «Я долóжу барыне; как позволит».

Долóжил барыне. Барыня говорит: «Пущай повезёт с поросятками вместе; они на свадьбе погуляют!» — Ссадили поросят и свинью в повозку: *стрехулет* их увёз в Москву.

Барин ждал, держал берёзу, и дождаться он не мог. — «Опускай, кучер! Пущай падает! Чёрт её бей!» — Отпустили берёзу, а берёза и не падает. — «Должно быть, крепко остановилась. Толкай её на дорогу! Досадим же мы здесь народу!» — Кучер толкать — берёзы и топором не скоро срубишь.

«Пойдем, кучер, в деревню, наймём там лошадей!» — Наняли лошадей, поехали домой. Приезжают они домой; выбегает барыня навстречу. — «Почему вы на почтовых?» — И отдали тройку *стрехулету.*

«Шибко е с т ь я захотел. Зажарь живо поросёнка!» — «Да ведь их нет». — «А где же они?» — «Какой-то приехал *стрехулет* и кланялся за свиньёй. Мы спросили: «Что такое?» — «Ваша свинка пёстра моему сыну *хрёсна,* я её зову на свадьбу». — Я её и уволила со всеми с поросятами.

90(81). РЕДЬКА

Напечатано в Пермских губернских ведомостях

Жил-был старик да старуха. У них росла редька; росла да росла — до неба доросла. Старик стал лестницу ладить; ладил да ладил — три года проладил. Полез на эту лестницу-ту, срезал редечки и стал спущаться; спущался да спущался — три года проспущался.

Пошел к старухе да и сказал: «Поди, старуха, к верху-то полезь!» — Старуха-та и пошла; полезла с мешком, нарезала редьки полон мешок; спустилась взад-то до по-

ловины да и упала — у старухи все косточки разлетелись. Старик-от пошел, собрал косточки-те да и склал на хлеб.

Позвал соседей выдергивать эту редечку. На ту пору дождик задожжал — старик-от с лестницы-то и пал.

Вот, полезли соседи. Опять дождик задожжал — и соседи все пали. И все.

91(91). ЩУКА ДА ЕЛЕЦ

Напечатано в Пермских губернских ведомостях

Жил-был старик со старухой; у них под окном-то было озеро —

Тамо щука да елец —
Тут и сказке конец.

92(93). СКАЗКА ПРО БЕЛОГО БЫКА

Напечатано в Пермских губернских ведомостях

— Сказать ли тебе сказку про белого быка?

— Скажи.

— Ты говоришь: скажи, да я говорю: скажи. Сказать ли тебе сказку про белого быка?

— Нет.

— Ты говоришь: нет... и т. д. до бесконечности.

93(92). ЖУРАВЛЬ ДА СИНИЧКА

Напечатано в Пермских губернских ведомостях

Жили-были журавль да синичка;
Поставили они стожок сенца —
Да опять *с конца...* и т. д.

СКАЗКИ, РАССКАЗАННЫЕ БАШКИРАМИ

Наше представление о русских сказках Пермской губернии было бы далеко не полным, если бы мы не упомянули о сказках, рассказываемых башкирами. На Урале сказка — нечто международное; по крайней мере обмен сказок между местными башкирами и великорусами вне всякого сомнения. Взаимные сношения представителей этих двух народностей весьма часты и тесны. В частности, в артелях неводчиков (рыбаков) и в рудниках работают те и другие вместе; а так как башкиры рабочие хорошо знакомы с русским языком, то, при общих ночевках, в долгие осенние и зимние вечера они одинаково слушают русские сказки и рассказывают свои сказки.

С другой стороны, башкиры солдаты знакомятся от товарищей в военной службе с русскими сказками, и также передают русским солдатам свои туземные сказки. Этот последний обмен сказками имеет не только местное, уральское, значение, но и общерусское: русские солдаты легко могут разнести башкирские сказки по всей России.

Прежде чем перейти к собственно башкирским сказкам, я сообщу одну сказку, выслушанную мною от молодого русского солдата в Каслинском заводе Екатеринбургского уезда, Николая Антоновича Стерхова. Сказка эта, выслушанная Стерховым в солдатах, носит совершенно русский облик, но не исключена возможность, что основа ее взята из башкирских сказок. Вот она:

94(С. 447). ПЕТР ВЕЛИКИЙ И ТРИ СОЛДАТА

Было это дело в Петербурге. Однажды шли по Петербургской по мостовой улице три солдатика. А Петр Великий любитель был в штатской одеже похаживать. И шел за этими солдатами, позади их. А они были как раз подвыпивши. И занимаются там разговором разным, там между собою.

Как раз неизвестный купчик едет в коляске. Один из солдат и говорит: «Ой,— говорит,— кака прекрасная коляска! Так бы и прокатился на такой коляске!» — А второй и говорит: «Что это на такой коляске? Вот я бы на государственной коляске, вот бы прокатился!» — Третий: «Это,— говорит,— что! Нет, вот я бы с вельможами посидел бы в кругу».— «Что, это ничтожное дело! Вот я бы Екатерину его (взял бы замуж...)».

Этот Петр Великий все это выслушал. Он в это время подходит к ним: «Позвольте вас, солдатики, пригласить в ресторан, угостить! Я,— говорит,— вообще солдат уважаю».— «Конечно, кто как понимает: которые уважают нашего брата, а которые и пренебрегают».— Он одно настаивает, что «я солдат уважаю. Пойдемте в ресторан».— Согласились и зашли.

Он потребовал дюжину пива. Выпили, вторую. Хорошо. И начал спрашивать: «Вы в котором взводе служите?» — Первого спросил, сказал; второго расспросил и третьего.— «Хорошо,— говорит,— я к вам побываю на праздники, в свободное время, погуляю с вами в казармском буфете: я до страсти люблю солдат».— Когда вышли из ресторана, уже сделались они очень пьяные, эти солдаты.— «Извозчик, отвези этих солдат в казармы».— Рассчитался с извозчиком и отправил.

Они приехали, расхвастались: «Вот какой нам человек попал, запоил нас в ресторане! Вот приедет он к нам в праздник, посмотрите: денег-то у него сколько, страсть!» — Легли спать.

Заутро́ от государя императора приходит денщик, докладывает дежурному по роте, что «такие-то солдаты, таких-то рот здесь?» — Дежурный взял записку, прочитал.— «Эти лицы здесь».— «Пущай немедленно сейчас они собираются к государю императору налицо».— Живо они почистили амуницию свою, собрались и пошли.

Когда пришли, он выходит.— «Здравствуйте, братцы!» — «Здравия желаем, Ваше Императорское Величество!» — «А что? Вы были или нет вчера в городе?» — «Да, были».— И тогда они подумали: «Неужели мы ему — вчера шли пьяные — да честь не отдали?» — «Виноваты, Ваше Императорское Величество! Потому что мы были очень пьяные».— «Ничего, ничего! Но только — шли когда, так какую речь вели между собою?» — «И право, мы не можем запомнить, выпивши были».— «Нет, когда вы еще были в веселом виде, тогда что говорили? Быть может, про меня?»

Один сознался: «Виноват, Ваше Императорское Величество, я вот что говорил: вот бы в вашей коляске прокатиться».— «Хорошо!.. Идите,— лакеям скричал: — прокатите его!» — Он сел и проехал улицу.— «Ну, как? Хорошо ли в коляске кататься?» — «Очень даже приятно».— «Изволь целковый, ступай опохмеляйся!»

Второй: «Я вот что говорил: с важными вельможами посидеть в средине».— «Хорошо!» — Скричал вельмож.— «Сиди!» — Сел, сидит; немного посидел и стал. Государь и спрашивает: «Ну, как? Хорошо?» — «Так точно, Ваше Императорское Величество!» — «Изволь целковый!»

Речь дошла до третьего. Тот туда-сюда.— «Ничего, ничего! Говорите!» — «Я вот что говорил, Ваше Императорское Величество...» — Велел налить ему государь три бокала водки-сивухи — золотой, серебряной и медной. Тот выпил.— «Ну что! Водка какая — разная или одинаковая?» — «Одинаковая,— говорит,— сивуха!» — «Так,— говорит,— и жена одинаковая: что моя, то и крестьянская!»

Подобная приведенной сказке известна и у башкир Уфимской губернии. А именно: три башкира увидели царевну на балконе и подумали — сказали все трое: «Хорошо было бы иметь ее своей женой». Узнав об этом, царевна пригласила их к себе в дом. Здесь подали им яиц — простых и золоченых. Башкиры ели простые яйца. Царевна приказала им отведать золоченых.— «Одинаков ли вкус яиц?» — «Одинаков».— Тогда царевна сказала: «Точно так же и женщины: одеты ли они в парчу или нет — все одинаковы». (Русская жизнь, 1892, № 265, статья К. М-с).

Аналогичная турецкая сказка «Плотник и султан» приведена, между прочим, в книге Федора Эмина «Нравоучи-

тельные басни» (изд. 3-е, Спб. 1793, с. 15—23, № 6): Плотник работал неподалеку от султанского дворца, увидел султаншу и влюбился. Перестал работать и все караулил у дворца: не пойдет ли султанша на прогулку. Султан, переодетый в платье простолюдина, увидел плотника в грусти, спросил его. Тот, хотя и не сразу, но открылся в своей любви к султанше. На другой день султан, опять переодевшись, принес плотнику блюдо вареных яиц, на верху коих красовалось раскрашенное разными китайскими узорами яйцо, и попросил плотника взять то яйцо, которое ему больше всех нравится. Плотник тотчас же взял крашеное яйцо. «Почему ты выбрал это?» — «Красивое!» — «Положь его обратно; я его тебе скоро возвращу». Велел своему слуге вынести блюдо и все яйца очистить. Слуга понес яйца очистить. Слуга принес яйца без скорлупы. — «Теперь возьми свое красивое яйцо!» — «Как же я его узнаю? Все одинаковы!» — «Так и султанша: разодетая хороша, а в простом платье не лучше твоей жены!»

95(104). СТАРИК И ДЕУ

Рассказал Б. Дин-Мухаметов

Давно жил один старик. Бедный был шибко; ничего у него нету. Возьмет в руки палку и гуляет; да и гулять шибко *круто* не может. Ищет гнезда — хоть сороки, хоть короны, яички собирает из гнезд; этим и живет.

Один раз он шел из поля (ходил яички собирать). Встречу ему попадает *Деу*. *Деу* говорит: «Я тебя съем!» — Старик: «Нет еще, не съесть тебе меня. Посмотрим, кто кого сильнее! Вот, — говорит, — возьми этот камень и дави его: если у тебя пойдет из камня желтая вода, так ты съешь меня, а если у меня пойдет, так я тебя съем!» — *Деу* согласился.

Старик взял в руку вместо камня яичко; давил, у него желтая вода побежала. *Деу* взял камень, жмет его изо всей силы, весь камень изломал, только пыль из него летит, а воды нет.

Потом старик говорит: «Я тебя съем!» А старик сам тощий такой. *Деу* испугался: «Я, — говорит, — тебе золота дам, пожалуйста, не ешь». — Старик все бородой трясет: «Я тебя, — говорит, — съем!.. Ну, да ладно!» — говорит.

Потом *Деу* повел его к себе за золотом. Пошли. Шли долго, не один день. Пришли в избу; там одна мать *Деу* дома. *Деу* сказал матери: «Гость пришел; самовар поставь!» — Рассказал ей, как дело вышло. Наелись, напились.

Ночь стала. — «Спать, — говорит, — надо». — *Деу*: «*Айда* ложись, — говорит, — в избу». — Постлали ему постель. Старик говорит: «Нет, — говорит, — я в избе не привык спать: там блох, наверно, много. На потолок пойду», — говорит. — А сам думает, кабы чего-нибудь не сделали с ним. — Залез на потолок, лег.

Ночью старик потихоньку слез с потолка. У них в избе огонь горит. Смотрит в окно: *Деу* топор точит, — «Я, — говорит, — раз секу, другой раз сечь нечего будет!» — Матери говорит. — Мать говорит: «Не шевели! Не знаешь, какой человек, может быть, святой? Гляди, кабы худо не было тебе!» — «Нет, — говорит, — я не боюсь!» — Старик взял худой пенёк, с человека ростом; положил его на потолок, под крышу, завернул его в зипун: будто человек спит. Сам слез с потолка и опять в окошко глядит.

Деу залез на потолок с топором в руках. Раз он сек его, другой раз сек, только пыль летит от него. Не стал разговаривать, так слезал. Вошел в избу, потом матери говорит: «Вот какой старой он: только пыль летит от него!» — Потом легли они спать.

Как уснули, этот старик залез опять на потолок, взял зипун и надел на себя. Потом слез, пришел под окошко да и кричит: «Вставайте, — говорит. — Что вы долго спите? Отворяйте дверь!» — Так с характером, знаешь, кричит. Они испугались, торопились — отворяли дверь, огонь развели, самовар ставят.

Чай пьет старик. — «Вы, — говорит, — сказали блох нет! А я еще на потолок залез, и там блохи кусали меня! Кабы, — говорит, — в избу, так больше бы кусали меня!» — Царапается сам.

Чаю напились. *Деу махан* варил — человека колол. Этот старик сидит за обедом; Деу кладет ему голову, главной *мосол*; старик рвет рукой, тащит в рот себе, а сам прячет в дыру. Много ли, мало ли сидел: «Будет, — говорит, — наелся!»

«Ну, теперь, — говорит, — надо рассчитываться!» — Прямо весело говорит, что-что боится. *Деу* говорит: «Возьми, сколько поднимешь, сам тащи золота!» — А старик говорит: «Вот какой ты дурак! Я много дураков видел, этакого

не видал!.. «Сколь подымаешь еще!» — Да я с матерью тебя тащу, с домом, — говорит, — всего тебя утащу! Тебя работником держать стану, мать стряпкой будет!.. *Айда* сам тащи, сколь поднимаешь!»

Деу шибко испугался. Кладет сам на себя золото, много кладет — согнулся даже. — «*Айда* еще клади!» — говорит старик. — *Деу* через силу себе клал, не может уже поднимать. Пошли они; старик сзади его идет. Пойдет, пойдет *Деу*, да и упадет; потом говорит: «Оставим хоть немного: шибко тяжело нести!» — «*Айда*, — говорит старик, — тащи, не оставляй!»

Пришли к старику. — «Стой, — говорит, — в воротах! Я *бабу* пошлю самовар ставить». — Старик своей *бабе* сказал: «Я, — говорит, — тебя заставлю: *маханину* клади варить! — Так ты спрашивай у меня: какую маханину?..»

Вышел старик и говорит *Деу*: «*Айда* заходи!» — Золото принес *Деу* в избу. Старуха самовар поставила, сели пить чай. Старик потом говорит *бабе*: «*Айда* мясо клади варить!» — Баба спрашивает: «Какое мясо, — говорит, — класть?» — У старшего *Деу* голова клади варить, а у середнего грудь клади, а у младшего нога. Не хватит — вот сидит» (руку протянул и хотел схватить *Деу* за горло). — Испугался *Деу*, угол у избы подымал и убежал.

Обрадовались они, старики. Старик пошел избу чинить.

Деу бегом бежит с испугу. Навстречу ему попала лиса: «Куда ты эдак *круто* идёшь?» — «Старик меня хотел поймать, убить». — Лиса говорит: «Эх ты, дурак, дурак! Я его соплями бью, он упадет; потом я молоко у него хлебаю, сметану хлебаю — и убегу! А ты, такой здоровый, боишься! Пойдем, я тебя поведу. Держи хвост мне!»

Взял *Деу* у лисы хвост, держит его. А старик починял избу. Оглянулся старик и видит *Деу*. — «А, — говорит, — лиса, ты тащишь мне долг, заплатить мне хочешь! *Айда* тащи скорее!» — *Деу* испугался, осердился на лису, завертел, завертел хвост и ударил лису о землю, а сам убежал с *маху*. — Старик взял лису и ободрал.

96(102). ТРИ БРАТА

Рассказал М. Мухаметов

Давно был один старик со старухой. У них было три сына. Старуха умерла. И старик уже начал шибко хворать. Созвал старик своих сыновей в одно место и сказывает им последнее слово: «Когда я умру, тогда вы возьмите мою саблю и отправьтесь в тот город, где живет хан. Если придется вам на дороге ночевать в поле, то двое пусть отдыхают, а один стоит на карауле, не спит».

Старик умер. На третий день после его смерти сыновья собрались и пошли в город. Вечером остановились в поле, чаю напились (чайник у них с собой); *большак* стал на караул, а двое малых легли спать. В полночь время появился какой-то большой змей, летает вверху около них и хочет их всех троих проглотить. Который на карауле стоял брат, махнул саблей, промахнулся, а хвост отхватил да в карман положил. А им ничего не сказал.

Рассветало. Их разбудил. Чаю напились да и отправились опять в путь.

На другой день опять остановились ночевать. Двое легли спать, а середний брат на карауле стоял. Вдруг появился недалеко от них огонь и к ним приближается.— «Что такое? Пойду погляжу!» — Пришел туда: на огне сидит *шайтан*, у него семь голов. Шайтан говорит ему: «Зачем ты сюда пришел? Я было в вашу деревню отправился. Как вы родились, с тех пор я хорошего сна не видал!» (Видно, боялся.) «Всех вас проглочу!»

Выскочил, схватил его за горло. Середний брат вырвался, махнул саблей — семь голов отлетело. Он эти головы под камень, в одно место собрал; от каждой головы по одному уху отрезал, себе в карман положил. (Охота показать, кому случится.)

Пришел домой, разбудил их. Опять чаю напились, отправились дальше.

Близко к городу подходят. Советуются: «Ночуем здесь, чем в городе платить за *фатеру*».— Остановились опять в поле. Малый брат на караул стал.

Стоит. Те спят. И слышит разговор, будто идет целая артель. Вышел на дорогу, ждет. Те пришли. Их сорок человек.— «Что тут стоишь?.. Хана нам охота *кончать*. Ты чем мастер? Пойдем с нами вместе».— «Я очень мастер

вверх залезать: хоть как будь высоко, залезу». — «Ну, этого нам и надо!» — Пошел с ними.

Пришли они в город. К хану в дом лезть трудно. У малого брата была веревка с крючком. Он крючок кверху забросил и полез по веревке. Слез туда, вверх, и говорит им: «Кто вперед слезать будет?» — Стал по одному таскать на веревке; как вытащит, голову отсекает и бросает на сарай. Всех сорок зарубил и положил на сарай в кучу. Потом у каждого по одному уху отрезал и в карман себе положил.

Потом слез с крыши, пошел к хану в дом. Караульщика нету, ни одного солдата не видно; только стоит одна, привязана, маленькая горничная собака. Эта собака начала лаять, и ее малой брат кончал.

Потом залез к хану в дом. В первой комнате спят три дочери хана; он у каждой снял по колечку и взял по платку — себе положил в карман. — Потом пришел в канцелярию и написал записку. «Вот ты как не ладно делаешь, хан: не ставишь ни одного часового солдата около своего дома, надеешься на какую-ту собачку. Если бы сегодняшнюю ночь меня не было здесь, так тебе было бы последнее житие; если не веришь мне, то погляди утром на крышу сарая — увидишь!»

Сам отправился к братьям.

Пришли на другой день все три брата в город, стали в самый крайний дом на *фатеру*. Хан утром пришел к своему столу, увидал записку, прочитал и думает: «Что такое случилось у меня?» — Тут же пришли три его дочери: «Вот, отец, у нас сегодня ночью по колечку не стало и по платку не стало — потерялись». — «Я, — говорит, — тоже удивляюсь: вот кто-то записку тут оставил... Неужели это правда?»

Вызвал хан своих советников и солдат *следствовать* сарай: правда ли это? — Поглядели на сарай: народу полно, головы и тела в одной куче, у каждого по уху отрезано.

Стал еще больше народу собирать — всех, кто есть в городе. — «Кто это дело сделал, пусть тот не отпирается: я ему отдам свое государство и дочь свою отдам!» — Собрался весь народ. Стали спрашивать: «Кто это дело сделал?» — Никто не нашелся тут.

«Не остался ли кто-нибудь в городе еще?» — Кто ходил собирать народ, сказал: «Остались три брата; от них это дело не должно быть!» — «Кто его знает? Надо их то-

же звать! Я велел вам всех собирать, никого не оставлять!»

Отправились к ним опять; сказали: «Вас зовет хан».— Два старших брата испугались: «Что,— говорит,— нас шибко крепко звал?» — А тот молчит, малой-то. Ну, они пришли, все трое. Их тут, в народе, хан не оставил, пустил в свою комнату, думает: от них это дело было.

Эти три братовья сели за столом и стали рассказывать между собою о том, что с ними было в дороге. А хан заставил караулить, что они станут говорить.

Этот *большак* рассказывает: «Вот что случилось первую ночь, когда я стоял на карауле. Появился большущий змей, хотел нас всех троих глотать. Я в него махнул саблей, мимо, только хвост отхватил. Вот хвост».— Вытащил из кармана и положил хвост на стол.

Потом середний говорит: «Я тоже убил змея; от каждой головы по уху взял, а самые головы положил под камень».— Тоже положил уши на стол.

А хан слушает, что они говорят.

Потом малой брат говорит: «Ну, у меня что случилось! Этакому случаю никогда не быть! Я стою на дороге. Идет артель народу. Как подошли ко мне ближе, я остановил их и спрашиваю: «Куда вы отправились?» — Они отвечали: «Вот куда, хана *кончать*».— Ну, я с ними отправился... Я вперед их слез наверх, потом по-одному их туда вытащил, у каждого голову отсек и положил. Пришел к ханскому дому; стоит одна собачка тут, а никакого часового нету. Сами спят. Счастлив хан, что я пришел; а то бы его сегодня *кончали*. Вот»,— говорит. Вытащил из кармана сорок ушей и положил на стол.

И удивлялись братья друг на дружку. Хан всех их слушал. Пришел к ним.— «Вот какие молодцы ребята пришли! Какие дела делали: сроду так не придется никому делать!»

Как хан сказал свое слово, так и охота ему делать — свое государство отдать малому брату. А этот малой брат отпирается: «У меня есть *большак*. Вот,— говорит,— если желаешь, пусть *большак* будет на моем месте».— Хан отдал большую дочь *большаку* и свое государство ему отдал; середнему брату середнюю дочь отдал, малую — малому. Всех трех дочерей отдал. И живут теперь.

97(98). ЗОЛОТАЯ ГОРА

Рассказал М. Мухаметов

Был один рабочий человек. Он пошел работу искать. Дело было в Петропавловске в городе. На базаре подошел к нему один татарин: «Ты что,— говорит,— рабочий человек, наниматься будешь? Сколько,— говорит,— просишь?» — «10 рублей прошу,— говорит,— в месяц».— Согласился хозяин, с собой тащил домой работника. Пришел домой хозяин, сказал кухарке: «Вот,— говорит,— новой работник, ты его корми, пой!» — говорит.

Потом хозяин опять зашел, показал ему работу: — «Вот пара лошадей, вот повозка, вот еще пара лошадей. Ты утром рано,— говорит,— запрягай, в 12 часов утра. Вот,— говорит,— еще (привел его в другой сарай) есть кобыла жирная, ее привяжи,— говорит,— сзади».— Ну, работу показал хозяин, да сам пошел в избу, а работник пошел в другую избу, в *куфню*.

В 12 часов утра хозяин работника разбудил: «Запрягай,— говорит,— лошадей!» — Работник все как следует изготовил: запрег две пары лошадей, привязал сзади кобылу. Потом хозяин взял с собою четверть вина и гуся; кухарка работнику дала бутылку вина и утку. Сели, поехали.

Ехали, ехали; остановились около горы. Хозяин начал колоть кобылу. Потом отдал хозяин работнику хороший кусок, заставил *махан* варить.— «Поставь,— говорит,— самовар, а готово будет, так меня скричи».— Работник все изготовил, хозяина скричал: «Все готово».

Хозяин пришел, налил ему стаканчик вина, потом другой, третий. Работник пил, пил да стал пьяный. Хозяин утащил его туда, где колол кобылу, да в кобылье брюхо и зашил. (Кобыла еще целая лежала, только кишки были вынуты: туда и положил работника.) Потом хозяин отошел от того места и смотрит. Прилетел орел и утащил работника, вместе с кобылой, на вершину горы.

Хозяин ждет, когда работник встанет. Он положил вместе с ним ножи: «Протрезвится,— говорит,— так выйдет (из кобыльего брюха)».— Много время стоял, ждал; потом работник вышел, встал и кричит хозяину: «Почему я здеся? — говорит.— Хозяин говорит: «Там,— говорит,— золотой камень (алтын-таш) есть, бросай его сюда!» — Работник зачинает прямо бросать, хозяин складывает в теле-

гу. Потом работник спросил у хозяина: «Довольно ли, хозяин?» — «Довольно!» — говорит.

«Что,— говорит (работник),— у которого места я буду слезать? — говорит.— «Нет,— говорит,— не можешь ты слезать оттуда! Орел кобылу *кончает*,— говорит,— потом тебя *кончит*».

Ну, потом работник ищет низкого места, где бы слезать. Нашел один камень, поднял его; под камнем дыра.— «Ну, чё будет, так будет! Этой дырой пойду».— Пошел в дыру и вышел, наконец, как раз на то место, где хозяин кобылу колол. Ну, потом, значит, пошел домой.

Пришел опять в Петропавловский город, там гуляет на базаре опять.

Опять тот же хозяин подошел к нему, сказал: «Ну, рабочий человек, наниматься будешь ко мне?» — «Буду,— говорит.— Сколько дашь в месяц?» — «10 рублей,— говорит хозяин.— Согласился за 10 рублей. Хозяин тащил его домой. Кухарке сказал: «Пой-корми, работника,— говорит,— нанимал».— «Чай пей; потом,— говорит,— тебе работу,— говорит,— покажу». Зашел опять к работнику, показал ему: «Вот,— говорит,— пара лошадей тебе, повозка. Запрягай утром рано, в 12 часов поедем». Потом другую повозку показал и другую пару лошадей: «Вот и это,— говорит,— запрягай!» — Потом жирную кобылу показал: «Вот,— говорит,— сзади привяжи».— Хозяин пошел в свою комнату, работник пошел в *куфню* спать.

В 12 часов утра хозяин работника разбудил.— «Вот,— говорит,— вставай, запрягай, поедем!» — Работник все запрягал, как сказал хозяин. Потом хозяин взял четверть вина с собой; кухарка дала работнику бутылку вина да утку. Поехали.

Ехали, ехали, остановились опять около горы. Хозяин зачинал кобылу колоть, работника заставил мясо варить. Хозяин сказал ему: как поспеет, так меня скричи; я приду обедать».— Ну, работник все сготовил, сварил, да потом хозяину скричал, что, говорит, «все готово».— Ну, потом хозяин пришел обедать, садил вместе и работника, стаканчик вина наливал и подавал работнику. Работник выпил. Хозяин опять наливал стаканчик, опять подавал работнику. Работник этого вина не пил: «Хозяин,— говорит,— что сам не пьешь, все меня угощаешь?» — Хозяин зачинал пить, стаканчик выпил; опять *малайку* подавал, работнику. *Малайко* не пил его, выливал на землю. Потом хозяин себе наливал, выливал на землю. Работник сказал:

«Что, хозяин, не пьешь? Что льешь на землю? Ведь деньги плачены у тебя?» — Хозяин другой наливал да пил.

Ну, потом хозяин стал пьяный, лежит без ума. А работник трезвый; пошел к кобыле. — «Что, — говорит, — там хозяин наделал?» — Видит: так приготовлена нитка, иголка, шило. — «Ну, — говорит работник, — как со мной хотел сделать, так с ним сделаю!» — Хозяин лежит пьяный. Работник кое-как дотащил его, затолкал кобыле в брюхо и зашил его. Вместе с ним положил ножик. Сделал все так, как с ним было. Сам ушел оттудова глядел (издали). Прилетел орел и утащил хозяина на гору вместе с кобылой.

Ждет работник хозяина. Много время прошло; хозяин встал, кричит работника: «Что? — говорит, — где будем слезать?» — Работник ему сказал: «Там есть камень золотой, бросай его сюда!» — Хозяин бросает, работник кладет; два воза наклал. Хозяин кричит ему: «Довольно ли?.. Где будем слезать?» — «Нет, — говорит, — хозяин! Где, — говорит, — меня орел *кончал*, так и тебя *кончит*!»

Пошел работник домой. Пришел в Петропавловский город. Золотый камень-то весь продал. Потом пировал да все растерял. Сам стал босяком; босяком живет и теперь.

98(108). ЗОЛОТАЯ БАБКА

Рассказал С. Якупов

Давно-давно жил один старик со старухой. У них был один только сын, по имени Золотая Бабка (Алтын-сака). У этого мальчика была золотая бабка — биток; он играл с ребятами в бабки и всегда выигрывал.

Однажды отец его пошел на озеро поить скотину; пригнал табун на воду, а скотина не пьет: хвостами и ногами болтает и бородами трясет, а не пьет. В воде кто-то хватал скотину за бороду и начинал тянуть за губу. Это была старуха *убыр* (колдунья, ведьма).

Старик сказал ей: «Пусти мою скотину, не держи!» — «Отдай мне то, что у тебя одно только!» — «Стадо баранов отдам, отпусти!» — говорил старик. — «Нет, что одно только у тебя, то отдай!» — Старик: «Ну, отдам!» — говорит. — Тогда отпустила скотинку.

Старик решил тогда перекочевать с семьей на другое место. Взял на прежнем месте зарыл в золу золотую бабку сына и уехал.

Перекочевали они в другую землю. Сын и спрашивает отца: «Отец, где моя золотая бабка?» — Отец ответил: «Спроси у матери». — Спросил матери. Та сказала: «Она осталась в той земле, где мы прежде жили; в золу захоронили ее».

Сын спрашивает отца: «На какую лошадь садиться мне? (Чтобы ехать за золотой бабкой)». — Отец ответил: «Тряси арканом, тряси уздой!» — Сын тряс арканом, тряс уздой — один худой жеребенок взглянул на него. — «Отец, отец, на какую лошадь мне садиться?» — «Ай, е...» Говорил ведь я тебе: тряси арканом, тряси уздой!» — Стал опять трясти арканом, потом уздой — давешний плохой жеребенок опять взглянул на него. Тогда он оседлал этого жеребенка, сел на него — и стала хорошая лошадь. Сел и поехал.

Поехал, видит: какая-то старуха сидит и играет с его золотой бабкой. — «Бабушка, дай мне золотую бабку!» — «Нет, дитятко, у меня спина болит; слезай, бери сам!» — В это время лошадь у мальчика повернулась на коленках, взяла у *убыра* золотую бабку и убежала.

Тогда старуха *убыр* плюнула — стал пест, харкнула — стала ступа; села на пест верхом и погоняет ступой, гонит следом за Золотой Бабкой. Золотая Бабка сидел на малой буланой лошади, а *убыр* — на большой буланой. Едут. Лошадь у *убыра пристала* и запела:

Буланый братец, подожди!
Ноги у меня пристали!

Та отвечает:

Буланый братец, не буду ждать.
Пусть пристают твои ноги!

Убыр слушала, слушала да и говорит: «Что это такое?!» — Взяла да и съела свою лошадь.

Потом и молодой буланко остановился и сказал Золотой Бабке: «Теперь я не могу больше идти. Ты садись вот на это дерево!» — Сказал и нырнул в воду.

Старуха *убыр* пришла, плюнула — сделался брусок (точило), харкнула — сделался топор. Рубит то дерево, на котором сидит Золотая Бабка, и поет. Половину срубила. Пришла лисица и говорит: «Эй, бабушка, брось рубить! Давай я дорублю». — *Убыр*: «Нет, нет! Я сама дору-

блю!» — Лисица опять: «Эй, бабушка, брось! Давай я доруб-лю!» — Отдала, сама легла спать. *Убыр* старуха спит, а лисица топор и брусок бросила в воду, нас... на рубленное место, и дерево вновь стало цельным.

Старуха *убыр* встала: «Что это видят мои глаза?!» — Потом плюнула — стало точило, харкнула — стал топор; начала рубить. Половину срубила, прибежала другая лисица: «Эй, бабушка! Брось, я дорублю!» — *Убыр*: «Нет! Сейчас была одна (лисица), обманула меня и убежала». — «Нет, я не обману! Та какая была, бабушка? Красная? Я не обману!» — Тогда старуха отдала топор, сама легла спать. Лиса топор и точило бросила в воду, нас... на рубленное место, и дерево стало целым.

Старуха встала: «Что это видят мои глаза?» — Потом плюнула — стало точило, харкнула — сделался топор; начала рубить. Половину срубила; прибежала еще лисица: «Бабушка, давай я буду рубить!» — «Нет, два раза обманули меня и убежали», — сказала старуха. — «Какие же они были, бабушка?» — *Убыр*: «Одна красная, а другая черная». — «А я, видишь, другой масти. Та была вся черная — и сверху черная, и снизу черная — зло она думает; а я вся светленькая, не думаю зла». — «Ну, нет, так руби!» — сказала старуха и легла спать. — Лисица топор и точило бросила в воду, на рубленное место нас.., и оно стало целым.

Убыр встала: «Что это видят мои глаза?» — Потом плюнула — стало точило, харкнула — стал топор, и начала рубить.

На вершину этого дерева к мальчику прилетела ворона и говорит: «Аккулак и Саккулак (собаки) поклон тебе прислали». — Парень в ответ: «Ты скажи моим собакам, чтобы они пришли ко мне». — Ворона на то: «Нет, пусть тебя убьет *убыр*: мне достанется тогда хоть одна ложка крови».

Потом прилетел к мальчику воробей: «Аккулак и Саккулак поклон тебе прислали». — «Скажи им: пусть они придут ко мне». — Воробей: «Если увижу, скажу». — А старуха *убыр* налила Аккулаку и Саккулаку в уши свинцу. Воробей этот свинец выклевал.

Пыль поднялась по дороге. Старуха *убыр* увидела ее и спрашивает Золотую Бабку: «Парень, парень, что это за пыль на дороге?» — «Это, бабушка, тебе радость, а мне горе!» — (А на самом деле) это собаки бегут во всю прыть.

Старуха опять спрашивает: «Парень, парень, что это за пыль на дороге?» — «Тебе радость, а мне горе».

Аккулак и Саккулак прибежали. Старуха *убыр* бросила топор в воду и сама в воду нырнула.

Аккулак и Саккулак сказали мальчику: «Если мы убьем *убыра*, черная кровь пойдет; если *убыр* убьет нас, бурая кровь пойдет». — Сказали и нырнули в воду. Через несколько времени бурая кровь пошла; мальчик заплакал. Потом через некоторое время черная кровь пошла; мальчик засмеялся.

Потом Аккулак и Саккулак вышли из воды; *убыра* убили. Бурая кровь пошла сначала потому, что *убыр* оторвала собаке ухо.

Вслед за собаками вышла из воды и лошадь, на которой ехал мальчик вперед. Золотая Бабка сел на нее и поехал. Приехал домой и сделал м а й д а н на девять дней; лошадь свою пустил бегунцом. Стал жить еще богаче.

99(106). БЫЖЫРМАРГАН

Рассказал Б. Дин-Мухаметов

Был старик со старухой. У них был один парень, по имени Быжырмарган. Бедные они были. Сын просит отца сделать ему стрелку. Тот сделал. Сын пошел и застрелил сороку. Принес домой; половину сороки сварили, половину на другой раз оставили. Наелись.

Сын опять пошел охотничать; попала ему утка. И так он мастер стал стрелять, первый охотник стал.

Один раз пошел он охотничать. Видит: на дороге огонь горит. Заходит Быжырмарган в огонь, а там лежит змея. Взял Быжырмарган стрелку и выбросил змею из огня.

Змея сказала ему: «Спасибо тебе за это. Пойдем к нам в гости». — Все рассказала ему, куда и как идти. «Как придешь в избу, говори отцу: саля маликам! (здравствуй!) Угощать он тебя будет. А когда пойдешь домой, то он даст тебе сундук — любой, какой душа желает: красный, зеленый, черный... Если черный сундук возьмешь, то там все змеи будут, если зеленый — ящерицы, если красный — огонь. Ты бери белый сундук».

Пришли в ихний дом. Быжырмарган сказал: «Саля маликам» (здравствуй).— «Если бы не этот селям, то я разорвал бы тебя на две части и проглотил бы!» — Стал его угощать.— «Спасибо тебе: сына тащил».— Сколь время гостил, домой пора.— «Прощайте»,— говорит.— Отец змея и говорит ему: «Постой, я тебе подарок дам — любой сундук бери; который пожелаешь, отдам!» — Быжырмарган выбрал белый сундук.— «На свою землю пока не выйдешь, не отворяй сундук!» — «Ладно».— Попрощался и пошел домой.

Принес Быжырмарган сундук на свою землю и отворил. Как сундук отворил, тут дом построился, и *баба* ему, и всякое хозяйство — самовар и все. Дом шибко хороший: у царя нет такого. Богатый стал; отца и мать к себе жить тащил.

Царь осердился на него: зачем лучше царского дом построил? Послал солдата к Быжырмаргану: «Пускай готовится на войну со мной».— Солдат сказал. Быжырмарган на дверь взглянул — заплакал, в красный угол взглянул — рассмеялся. *Баба* говорит ему: «Сходи к моему отцу, попроси у него военных стрелок; он тебе даст»,— говорит.— «Ладно».— Пошел. 10 дней только сроку дал ему царь.

Пришел к тестю и попросил у него стрелок.— «Ладно»,— говорит.— Три тысячи стрелок дал ему.— «Там,— говорит,— дочь знает, что делать с ними».— Принес стрелки домой, отдал *бабе. Баба* понесла их на озеро мыть; белые стали, положила их на скамейку под окошко в ряд.

Время вышло. Собрались царские солдаты. *Баба* велела Быжырмаргану залезть на крышу и там сидеть. Стрелки эти стали шевелиться: им стреляться охота. Потом стали солдаты стрелять прямо в избу мужику. Тогда и стрелки стали сами стрелять: стреляют, попадают и все проходят через человека дальше; не остаются в теле, а стреляют потом другого и третьего. В 15 минут весь царский полк *кончали,* потом остановились.

Царь тоже не стал воевать. Он сказал: «Станем теперь бороться: у меня есть семигодовалый бык, ты с ним будешь бороться!» — Быжырмарган взглянул на дверь — заплакал, взглянул в красный угол — засмеялся. *Баба* ему говорит: «Что ревешь? Ничего не бойся. Неси отцу стрелки (а стрелки все воротились назад) и проси у него опояску».

Пошел Быжырмарган к тестю; отнес ему стрелки, гостил у него.— «Мне,— говорит,— надо опояску».— Тесть

дал ему шелковую опояску. Взял и принес ее домой. *Баба* учит его: «Когда придешь на *майдан*, дадут тебе мяса — ешь, и не дадут — рви и ешь! Кто тебя толкнет, кто не толкнет, все равно падай. Когда будет тебя бык бодать, бросай ему на рога эту опояску».

Быжырмарган пришел на *майдан*, прямо рвет мясо и ест; кто-нибудь его толкнет, *али* маленько пошевелит, он падает. Народ смеется над ним: «Хорош,— говорит,— борец».

Время настало бороться. Царские слуги привели на опояске семигодовалого быка; бык шибко злой, бодается, идет к Быжырмаргану *круто*, прямо бодать. Как бык подошел, Быжырмарган бросил ему опояску прямо на рога и давай его вертеть. (Легко стал поднимать быка.) Вертел, вертел его и бросил на 17 сажен; до смерти *кончал* быка.

Весь народ удивился. *Майдан* кончился.

Дён 10 прошло. Опять царь посылает к Быжырмаргану: «Давай пускать бегунцов: если моя лошадь прежде придет, твою голову отсекем; твоя лошадь прежде придет, мою голову отсекём».

Быжырмарган на дверь посмотрел, заплакал; в красный угол взглянул — рассмеялся. Спрашивает у *бабы*: «Что будем делать теперь?» — «*Айда*, шелковую опояску неси отцу, а он даст тебе *тулпара*».

Сходил и попросил у тестя: «Бегунцов хотим пускать, лошадь мне надо бы».— «Вот,— говорит,— у меня малой *тулпар*, бери! Зажмурь глаза, бей его раз и потом гляди».— Зажмурил глаза, ударил *тулпара*; смотрит: дома, в свою избу пришел.

Майдан начался. Пустили бегунцов; идут они. У Быжырмаргана далеко вперед идет *тулпар*, царского бегунца не видать за ним. Семь шелковых веревок протянуто было на конце бега; шесть веревок порвал *тулпар*, только на последней остановился. Царский *бегунец* пришел много после.

Быжырмарган сделался царем.

100(105). ВОДЯНАЯ ДЕВИЦА

Рассказал Б. Дин-Мухаметов

Был старик со старухой. У них было три парня. Жили богато. Два парня женились, а третий парень остался холостым. Старик умер, а он все холостой. Братья стали обиждать холостого брата; ему хочется жениться, а они его не женят.

Один раз холостой брат пошел на озеро. Гуляет по берегу, увидел кого-то вдали и пошел на него. Подошел ближе, видит: сидит девка до грудей в воде. — «Ты кто?» — спрашивает парень. — Она сказала: «Я водяная девка». — «Ты пойдешь за меня замуж?» — «А у тебя кто есть? Брат есть, отец есть?» — Молодец сказал. — «У тебя брат богатый, а я бедная. Как я пойду за тебя? Мне стыдно идти». — А девка сама *баская*. Говорили так сколько время, сговорились.

Молодец сходил домой, притащил ей одёжу женскую. Та оделась и пошла с ним домой.

Пришли. Живут. Свекровка хвалит девку: «Какая она бойкая! У нас 10 коров — она сейчас подоит, а раньше сноха у нас была — ух плохо работала... За какую работу ни возьмется, все хорошо!»

Пошла эта молодая сноха однажды доить коров. А у нее была одёжа из лягушечьей кожуры. Пошла она доить, повесила эту одёжу на гвоздь. *Мужик* взял эту одёжу и бросил на огонь. Сгорела одёжа, только маленько осталось, пришла эта девка. — «Эх, ты, чего ты наделал!» — осердилась она. Как встряхнулась и полетела. *Мужик* заревел.

Плохо стало жить мужику. Думал, думал он и надумал: надо идти искать жену. Наготовил себе много провианту и пошел. Идет, идет все в одну сторону, на юг. Шибко много дней прошел, много рек прошел и *уральные* места. Все идет дальше. Вся одёжа у него износилась; нашел он однажды старую *кошму* от *коша*, сшил из нее себе одёжу — шубу и шляпу; опять пошел.

Идёт и видит: далеко-далеко дом, как напёрсток, и дым, как леска[1]. Пошел туда. А провиант у него уже весь вышел. Подошел к дому, отворил дверь, затворил ее за собой и здоровается: «Бабушка, здравствуй!» — Та спро-

[1] Обычная сказочная формула об отдаленном жилище.

сила: «Откуда ты?» — «У меня *баба* убежала... Я голоден шибко; дай мне чего-нибудь поесть, кусочек какой». — «Молодец, у меня у самой мало, я сама голодом». — Собрала ему черствые куски, дала простокиши: он поел и опять пошел своей дорогой.

Идёт; опять увидел далеко-далеко дом — как наперсток, дым — как леска. Пришел туда, зашел; отворил дверь, там бабушка сидит. — «Накорми меня, пожалуйста; я *бабу* свою потерял, ищу». «А, я, — говорит, — знаю ее; она дочь моей старшей сестры. Придешь ты к ней во двор, так не пройти: все заперто на запор. Вот я тебе дам ключ, ты брось его на крышу ограды».

Он взял ключ. Пришел туда; нашел дом. Как бросил ключ на крышу ограды, так дверь отворилась. Вышла бабушка и говорит: «*Айда* в избу... Зачем пришел?» (Она — знахарка, знает, а все-таки спрашивает.) — «Вот у меня баба убежала». «О, это моя дочь!» — «Как, — говорит, — теперь ее достать?» — «Вот ты мой зять, зачем ты ее сердил? Она сейчас придет сюда, тебя убьет!»

Бабушка его встряхнула, и он сделался маленький, как иголка. Она заткнула его в мох. Он все видит, что-что иголка. Видит: пришло 9 гусей, встряхнулись, стали девками и нюхают. И говорят: «Кто здесь есть?» — Сами сердятся. — «Я его сейчас убью!» — Эта бабушка говорит: «Нет, не надо убивать! Помиритесь, лучше будет!» — И подружкам сказала эта бабушка: «Уговаривайте ее». — Те уговаривают. Она согласилась.

Бабушка говорит: «Принимай присягу, а то обманешь!» — Та присягу приняла: «Не убью». — Тогда бабушка иголку вытащила, встряхнула и стал человек — плохой шибко: *своробливый*, грязный.

«Я не буду спать с ним». — Постлала себе другую постелю, и легли на разных постелях. А тот страшно царапается, зудит голова шибко, хворый стал.

Как он уснул, эта девка пришла, положила его на хлебную лопату, сонного, и бросила его прямо в огонь (а печь уже затоплена). И сгорел он там, *кончался;* осталась одна зола. Она эту золу смела, на чистой платок склала, потом встряхнула — и опять человек стал. Положила его опять на постель. А он чистый стал, много получше, и волоса у него выросли.

На другой день утром встали; бабушка и спрашивает его: «Ты сегодня что видел во сне?» — «Ох, как меня сёдни беспокоили! В огонь бросали, мяли, на тряпицу клали,

привязывали, потом опять трясли».— Всё он помнит, только во сне. Стали жить вместе.

«Поедем,— говорит,— домой».— «Я еще не пойду, а ты иди домой. Ежли у тебя на дороге не хватит хлеба, то возьми вот этот мешок, тряхни — и будут деньги; только ты ничего не покупай, кроме хлеба».

Пошел он. Идет, идет. И видит: далеко-далеко дом, как напёрсток, и дым, как леска. Заходит. Там сидят старик со старухой. Кричит: «Хозяин дома?» — «Дома».— Вышел старик: «Ты кто?» — Он сказал.— «Продай всё строение».— «Продам. Три короба золотых денег полны клади, я продам».— Встряхнул мешок — полон короб денег. Так и другой, и третий. Три короба наполнил. Старик со старухой запрягли лошадь, ушли. «Нам,— говорит,— будет».— Стал хозяином, и жить стал тут; живёт, домой нейдет.

Его *баба* узнала об этом. Пришла и говорит: «Что ты делаешь?» — Все строение сожгла в пять минут. Остался один мужик.— «Зачем ты меня не послушал? На первый раз прощаю, а другой раз не прощу!»

Поехали вместе домой. Пришли на то место: «Где наша деревня? Ровно земля наша, а деревня где?» — Кричали, кричали — никого нет. Зашли в землянку, видят: сидит старик со старухой, походят на его брата и на его мать.— «Здравствуй, братец!» — Тот ничего не понимает, не слышит и не видит, и мать тоже. Шибко стары стали они. Сказал *бабе*: «Вот мой дядя и мать сидят, ничего не слышат».

Все именье сбросала в огонь, в *чувал*; потом брата и мать туда же бросила. Как *мужика* своего прежде, так и их; золу от них взяла в тряпку, встряхнула — и стал опять здоровый, как 17-летний молодец.

Жить стали хорошо, богато.

101(107). АЛЕУКА

Рассказал Б. Дин-Мухаметов

Давно жил один богатый старик со старухой. У них был один только сын, по имени Алеука. Отец и мать посылают парня каждый день глядеть конный табун: «Гляди табун, гони его на *елань* Илкуар: если эта *елань* будет пол-

на, то вся скотина цела; не полна *елань* — скотины не хватает». — Каждый день ходил парень, гонял табун на *елань*; *елань* все полна.

Однажды он лёг там спать и уснул. Мимо его проходила девица Жин пэри и надела ему на руку колечко. Когда парень пробудился и встал, он оказался без языка — не может ничего говорить.

Пришел домой, в избу, хочет говорить и не может. Отец с матерью спрашивают: «Чего тебе сделалося?» — Он ничего не отвечает: выговорил только одно слово: «Старика с белой бородой тащите!» — Никто не понимает, какого старика. Отец с матерью ревут: один только сын у них.

Думал, думал отец, сел на вершну и поехал искать белобородого старика. Долго ехал, наконец видит: сидит старик с белой курчавой бородой. — «Тебя мне и надо! Иди ко мне: у меня сын не может говорить». — Старик говорит: «*Айда* собирай больше народу и коли скотину — кормить гостей! Когда все у тебя будет готово, я приду».

Воротился отец Алеуки домой, позвал в гости всех своих однодеревенцев, заколол сколько там быков, овец. — Пришел и старик с белой бородой. А Алеука все не может говорить.

Нагостились. Хозяин говорит белобородому старику: «Вот у меня парень не может, тебя просил привести». — Старик подошел к Алеуке, взял его за правую руку, гладит. И говорит старик: «*Айда* скорее, выбирай из табуна шесть пар чубарых коней — догонять надо». — Отец Алеуки говорит: «Не только что шесть, шестьдесят пар чубарых коней можно отобрать у меня в табуне!» — Пошел в табун, смотрит: ни одной чубарой лошади нету; искал, искал, не мог найти. Воротился домой и говорит Алеуке: «Парень, ни одной чубарой лошади я не могу найти!» — Парень сказал: «На Гусиную гору ушла у нас одна кобыла; наверно, все туда ушли». — Пошел старик опять, смотрит: все чубарые кони собрались в одно место, а лошадей другой масти тут совсем нет. Давай ловить их; шесть пар поймал, привёл домой.

Старик с белой курчавой бородой говорит: «Давай скорее садись на *вершну*, надо ехать в погоню!» — Сам белобородый старик поймал рыжую лошадь, сел на нее и поехал впереди. *Смаху* гонит вперед. Пристала лошадь у Алеуки, и отцова лошадь пристала; пересели они на

других коней. И эти кони пристали, пересели на новых, потом пересели на последнюю пару, и она уже не может идти. А у белобородого старика рыжко всё идет хорошо вперед.

Слез белобородый старик со своего коня и говорит Алеуке: «Садись на моего рыжка; назад не оглядывайся; хлыстиком бей коня так, что — по одному боку бьешь, а по другому чтобы кровь пошла. Доедешь до реки, остановись ночевать; утром встанешь, придет девица с чайником за водой — ты ей это колечко отдай».

Доехал Алеука до реки, остановился ночевать, коня привязал. Выспался, утром встал, глядит: одна девица идет с чайником за водой. Алеука подходит к ней и говорит: «*Апай*, у тебя сестра есть?» — «Есть». — Алеука показал ей свое колечко; та и говорит: «Это моей сестры колечко, где ты его взял? Моя сестра замуж выходит, свадьбу играет».

Алеука отдал ей колечко, сказал: «Когда будешь поливать сестре на руки воду, то спусти ей на руки вместе с водой это колечко». — Та взяла и ушла. Алеука остался; тоскливо стало ему.

Девица пришла домой; стала подавать воду — руки умывать. Пришла сестра, она спустила ей с водой колечко: как полила воды, так колечко само и наделось на руку. Сестра удивилась. — «Откуда это взялось у меня колечко?» — «Это тебе молодец послал». — «Покажи мне его».

Свела девица свою сестру на реку, показала ей Алеуку. Они познакомились и полюбили друг друга; сели на рыжка и угнали домой; сбежали.

Отец с зятем узнали об этом; кинулись в погоню. Зятя звали Кубыкты-кара (Черный гребень на водяной волне). Гонят они шибко; догоняют Алеуку.

Невеста спрашивает Алеуку: «Чего ты умеешь делать? Покажи мне». — Тот вместо ответа поет:

> На острове растет тридцать *осокорей* (тирак):
> Все они упадут, если я выстрелю!

Взял стрелу и выстрелил из лука; все тридцать осокорей упали: 29 срезала стрела, в тридцатом завязла. — И опять поехали вперед.

Сзади них идет погоня; едут тесть с зятем и думают: «Почему это осокори упали? Если бы их ветром уронило, то почему они все ровны? Если топором срублены, то почему нет щеп? Если пилой спилены — почему нет опил-

ков?» Думают, дивятся; увидали в тридцатом осокоре стрелку, догадались: стрелой, видно, срезал!

Едут. Невеста опять спрашивает Алеуку: «Что ты умеешь делать? Покажи мне».— Алеука опять запел:

На краю стоят сорок сосен:
Все сорок упадут, если я выстрелю!

Выстрелил из лука, и все сорок сосен упали: в последней завязла стрелка.— Те увидели и опять думают: отчего сосны упали? — Думали, думали, увидели в последней сосне стрелку и догадались.

Гнал, гнал Алеука. Тесть его воротился домой, остался один зять Кубыкты-кара. Наконец, у Алеуки рыжко пристал. Слезли они с коня, пошли пешком. Много ли, мало ли шли, Кубыкты-кара их догнал и говорит Алеуке: «Застрелю я тебя до́ смерти!.. Оставь девку, так я не буду стрелять!» — Алеука говорит: «Давай, стреляй!» — Невеста стала на середине между ними и говорит: «Кто кого застрелит, за того я и пойду!»

Кубыкты-кара стрелил, не попал. Потом Алеука стрелял, попал Кубыкты-каре в стрелы: 10 стрелок было у Кубыкты-кары, осталось только две. Кубыкты-кара стрелял и тоже попал Алеуке в стрелы: три стрелы кончал, осталось у Алеуки 9 стрелок. Потом Алеука стрелял, попал в Кубыкты-кару, и тот умер.

Алеука с невестой поехал к тестю, воротился назад. Тесть их угощает; живут они тут долго; уже ребенок родился у молодой жены. Взяли они с собой девицу-няньку и поехали домой.

Подъезжают к дому; остановились у реки. Алеука и говорит: «*Баба*, я тебя оставлю здесь с нянькой, а сам схожу домой: близко уже дом-то».— Ушел. А жена у Алеуки была шибко *баска́*: в одной щеке месяц, в другой солнце.

Алеука пришел домой. Поздоровался с отцом и матерью; говорит им: «Я женился; жена у меня шибко баска. Надо постлать ковры в ограде. У меня жена: раз плюнет — серебро, другой раз плюнет — золото. Вот какая у меня *баба*!» — Так сказал и ушел назад к *бабе*.

А *баба* его начала без него купаться. Сняла с себя всю одежду и как *чебак* гуляет в воде. А у нее была очень хорошая одёжа из золота и серебра. Нянька взяла эту одёжу и надела на себя. Та вышла из воды; нянька ей одёжи не

дает: «Моя»,— говорит.— Просила, просила, не даёт. Стыдно ей стало нагишом. Была у ней другая одёжа: как ее надела, так и улетела, ровно гусь.— А эта нянька взяла ребенка, держит его, как будто своего, и песню поет.

Приехал Алеука и спрашивает ее: «А где *апай*?— «Она купалась и утонула; я искала, искала, не могла найти».— Заревел Алеука; сам пошел искать, не нашел.— «Унесло, видно,— говорит,— водой».— Пошли с нянькой и с ребенком домой; ребенок у нее реветь. Приехали в деревню; Алеуке стыдно: шибко хвалил он свою *бабу*, а смотрит народ: *баба* у него не шибко *баскáя*, середняя, значит. (Няньку он за *бабу* тащил.)

А у Алеуки все сердце болит: «Где моя *баба*?» И ночью он не спит.

Приехали путешественники и спрашивают: «Пустишь нас на *фатеру*?» — Алеука пустил. Сели обедать. Один путник и говорит: «Сегодня я шибко удивился — охотничал на болоте ночью: кричит там гусь жалобно-жалобно, ревет; видно, потерял пару. Я хотел застрелить, рука не поднимается: он ровно понимает, кланяется, жалобно кричит».— Алеука говорит: «Ох,— говорит,— это, наверно, моя *баба* гуляет. Где вы видели, в каком месте?» — «Вот такое-то место».

«Дайте мне совет, как ее поймать?» — «Вот как: всю свою деревню собери, весь *молодяжник* сначала спроси, а потом всех стариков: что они тебе скажут, как посоветуют».

Прошел этот день. Утром встали, Алеука давай собирать народ. Заколол быков, баранов. Молодяжник посадил в одно место, стариков в другое. Наелись, сидят. Алеука и спрашивает: «Вот,— говорит,— у меня *баба* улетела, как ее поймать? В лесу ее видел народ».— *Молодяжник* отвечает: «Давай поймаем ее: который палку возьмет, который на *вершну* сядет — окружим и возьмем».

Потом спросил у стариков: «Вы какой совет дадите?» — «Надо умно поймать. В том месте, где она гуляет, надо выкопать яму, чтобы туда человек ушел; постлать там хорошую постелю и положить ребенка. Садись сам туда, чтобы не видно было. Она к ребенку придет, ребенка возьмет и станет *сосить*. Когда станет *сосить*, тогда ее можно будет поймать».

Так и сделал Алеука. *Баба* пришла ближе к ребенку, хотела сесть, да опять улетела — боится. Кружалась, кружалась, садилась на деревья; спускалась все ниже. Нако-

нец, сняла одежду и стала *бабой*; взяла ребенка и стала *сосить*. Ребенок сосал, сосал и уснул; потом и мать уснула. Алеука ее тихонько держал. Когда она разбудилась, узнала его. Надел на нее одежду и увел домой.

102(101). ПОДИ ТУДА, НЕВЕДОМО КУДА

Рассказал М. Мухаметов

Был один богатый человек. У него было два работника — один башкир, а другой мещеряк. Мещеряк был бойкий, красивый, а башкир плохой какой-то, полоумный ли, чё ли. Они живут, *робят*.

Один раз мещеряк сидел на улице, а башкир мёл *ограду*. К мещеряку вышла дочь хозяина и села рядом с ним. И говорит девка мещеряку: «Возьмешь ли ты меня замуж? Любишь ли? Если любишь, так я пойду за тебя замуж».— Мещеряк отвечает: «Как не любить такую красивую девицу? Люблю»,— говорит.— «Любишь, так сегодня ночью поедем вместе. Возьми у моего отца пару лошадей, запряги и потом постучи мне в окно. Тогда мы и поедем с тобой».

Сговорились. Работник-башкир, который мел в *ограде*, слышал их разговор.

Мещеряк на радости пошел пировать. Напился, пришел пьяный. Запрёг пару лошадей, изготовил все; потом зашел в избу, надел хорошую одёжу. Как он зашел в избу, тот, башкирин-то, и спрятал у него вожжи. Надел мещеряк хорошую одёжу, сел — поехал; раз ли, два ли лошадей ударил и поехал без вожжей.

Башкир ждет, ждет часа два, мещеряка нету. Потом пришли одни лошади, без мещеряка. Лошади увезли пьяного мещеряка, без вожжей, куда-то и там выронили.

Тогда башкир взял вожжи и поехал искать мещеряка. Нашел его в степи и стоптал совсем лошадями.

Потом пришел башкир домой; постучал в окно, где спала хозяйская дочь, и разбудил ее. Девка открыла окно и бросала свою одёжу; добро все бросала на повозку, а потом сама вышла. Сели и поехали вместе.

Ехали, ехали. Девка и спрашивает: «Что,— говорит,— ничего не говоришь?» — Остановились: посмотрела она и видит, что это не мещеряк.— «Как,— говорит,— так?

Я тебе ничего не говорила!» — Тот молчит. — «Ну, — дочь сказала: — Бог, видно, так велел! Чего тут поделаешь?»

Ехали, ехали. Нет ни одной деревни. Наконец, попался им мост. За мостом деревня, а проехать туда нельзя: мост плохой.

Посылает она его квартиру искать. Прошел он через мост пешком, зашел в деревню. Квартир там нету. Живет там хан. Он спрашивает у хана: «Нет ли тут простой квартиры?» — Хан сказал: «Вот, — говорит, — *пятистенный* дом, он простой: хочешь, так покупай». — Башкир купил этот дом за сто рублей. Потом пошел за *бабой* через мост; приехал на квартиру и живет.

Живет он, значит. Хан и думает: «Что это? — говорит: *баба* у мужика хорошая, а сам он плохой. Надо, — говорит, — взять *бабу*-ту». — Поговорил с советниками. Один советник сказал ему: «Вот, — говорит, — есть аул (город ли, чего ли), там есть хан, а у хана есть дочь. Пускай он тебе привезет эту дочь замуж. Она тоже красивая. Если он ее привезет, так тебе не надо брать у него *бабы*, а не привезет, так возьми у него *бабу*».

Послал хан одного советника за башкиром. Башкир пришел к хану. Хан сказал ему, что «вот там у хана дочь есть, тащи ее к нам: не тащишь, так добро не будет тебе!» — Башкир: «Ладно», — говорит.

Пришел домой. *Баба* его спрашивает: «Чего тебе приказал хан?» — Башкир рассказал ей. *Баба* сказала ему, что «*тащишь*; я тебе бумагу напишу. Она будет сидеть в двухэтажной избе, в окно смотреть; ты давай ей эту бумагу».

Пошел; пришел туда; показал ей эту бумагу, которую написала ему *баба*; та смотрела, читала и говорит башкиру: «Заходи сюда». — Зашел, сел. Девка и говорит: «Вот тебе ключ; ты поди под сарай, отпирай; там повозка и пара лошадей, запрягай, а ключ сюда подавай: положим на место, а то отец узнает». — Запрягли лошадей; сели, вместе поехали.

Девка эта училась вместе, в одном училище, с дочерью того хана; и, когда учились, они дали друг другу клятву, что — если одна сперва выйдет замуж, то обеим туда идти, в одно место, хоть, говорит, хороший муж, хоть плохой.

Приехали домой. Первая *баба* и говорит ему: «Поди к хану, скажи ему: дочь того хана приехала сюда, да не пойдет к хану, а пойдет к тому, кто ее привез». — Хан ска-

зал: «Не придет, так не придет! Чево поделать? Пускай не придет».

Хан опять к советникам: что поделать? — Один советник сказал ему: «Вот в таком-то месте, за такой-то рекой, есть 6 штук золотоголовых зайцев; они такие дурные, что сами *кончат* башкира, если увидят: пусть он принесет их сюда». Так советовал. Послал хан одного советника звать башкира. Позвали; он пришел. — «В таком-то месте есть такие-то зайцы... Не притащишь, добро не будет тебе».

Пришел домой, плачет. *Баба* спрашивает: «Как? — говорит: — Чего приказал хан?» — Не может говорить, плачет, плачет. *Баба* говорит: «Отдыхай маленько, потом скажешь». — Спал: потом встал. *Баба* спрашивала...

«Ну, — говорит, — запишу бумагу, потом дам тебе *кошму*: белую, новую, чистую — никакой приметы нет. Когда через реку переходить будешь, тогда к подошве в *сарык* клади эту бумагу, а то утонешь. А как придешь на место, эту кошму клади; сам зайцам не показывайся. Через час смотри».

Он перешел реку, разостлал *кошму*; лежал час; потом смотрел: на *кошме* лежат шесть зайцев. Взял их с *кошмы*, потом кошму взял и пошел домой. Через реку перешел, опустил их всех на дорогу: они сами идут, играют, которой вперед идет, которой сзади идет.

Пришел в деревню, принес зайцев в свою избу, оставил их там, а сам пошел к хану, сказал ему: «Зайцы у того останутся, кто их притащил, а к вам, — говорит, — не пойдут». «Ну, не придут так не придут. *Айда́* домой!» — Башкир ушел домой.

Хан опять советуется: «Надо как-нибудь взять его бабу». — Один советник говорит: «Вот в таком-то месте есть море; на этом море есть дракон, пусть он этого дракона притащит сюда».

Послал за ним. Башкир пришел. — «Вот так и так... Не притащишь, добра не будет вам!» — Башкир пошел домой, плачет. — «Отдыхай, потом скажешь». — Спал: потом встал. — «Чего сказал хан?» — «Вот в таком-то месте есть дракон...» Опять плачет.

«Вот, — говорит, — бумагу напишу тебе, дам *пешню*. Эту бумагу, — говорит, — держи в руке; как дойдешь до него, *пешней* коли прямо; как колешь, — говорит, — садись на него верхом, бей хлыстиком».

Как сказала, так и сделал. Ударил *пешней*, сел верхом; как ударил хлыстиком, тот так и поехал прямо. Приехал

верхом на звере в свою деревню, заехал прямо в *ограду* к хану. А зверь больно большой; половину деревни изломал зверь, как пришел. Кричит башкир хану: «Приказал,— говорит,— дракона тащить,— я тащил, бери!» — говорит.— Хан кричит: «Не тащи, не надо! Отпусти!» — «Сам,— говорит,— велел, а теперь: отпусти! Так нельзя маять человека! Прими присягу,— говорит,— что больше не пошлешь никуда!»

Хан не принимает присяги: «Без присяги,— говорит,— не буду посылать».— Потом принял присягу. Тогда башкир отпустил зверя, сам пошел домой.

Хан опять думает: «Одну присягу нарушу, ничего не будет». Опять советуется.

Выкопал яму глубины 40 сажен, набросали туда дров, налили керосину. Послал хан за башкиром. Тот пришел: «Чего прикажете?» — «Вот что прикажем: у меня отец живет на том свете: иди к нему, узнай, как живет, здоров ли? Придешь, так скажи мне».— «Ладно»,— говорит башкир.— Пошел домой, рассказал *бабе*.

Баба говорит: «Иди. Дам я тебе колотушку и железную лопатку. Будешь ими копать землю и ляжешь мимо ямы, пока они сожгут дрова и керосин... Вот тебе золотая чашка,— говорит,— придешь, так отдай ее хану; скажи: отец подарил, тебя, говори, в гости звал. Потом дала еще серебряную чашку: это, мол, мать подарила. Шибко, мол, хают тебя, что «не придет мой сын», мол. Так скажи».

Пошел, значит. В яму толкнул его хан, зажег дрова и керосин. Сгорело там все. Через две недели хан пошел к его бабе: «*Айда* ко мне: твой мужик сгорел, *кончал*».— «Как сгорел? Ты его посылал на тот свет к отцу; он придет! Буду ждать еще».— «Ну, жди! Приду потом, возьму замуж».

Три недели прошло. Опять хан пришел: «*Айда* ко мне! Сколько время прошло, он не пришел! Не придет больше!»

На двадцать седьмой день опять пришел к бабе: «Айда ко мне! Все равно,— говорит,— не придет!» — «Еще три дня осталось. Месяц кончится, тогда,— говорит,— пойду замуж».

Месяц прошел. Башкир пришел, пошел прямо к хану.— «Вот,— говорит,— эту чашку тебе отец подарил. Эту чашку тебе мать подарила. Ругают тебя шибко, зачем ты сам не пришел!»

Хан говорит: «Я пойду, узнаю: здоров ли, как живет. Ты видел, я не видел!.. Копай,— говорит ему,— яму».— Башкир нанимал яму копать 40 сажен глубоко; сто сажен дров готовил, сколько пудов керосину готовил. Сказал хану: «*Айда* иди!» — Хан пошел к отцу. Тот бросил за ним дров и керосину, зажег. Хан сгорел.

Башкир остался, живет. Ханом сделался сам.

103(103). УБЫР
[Чудесная скрипка]

Рассказал Б. Дин-Мухаметов

Давно жил один старик со старухой. У них была сноха; у этой снохи было три брата. Старуха у старика была *убыр* (ведьма). Сноха печет лепешки — гостинцы, в гости хочет ехать к братьям; каждый день пекот, а свекровка у нее все кончает, ест. Сноха запряжет лошадь в гости ехать, глядит: гостинцев у нее нет, съедено. Замучилась сноха.

Один раз она затопила печь, приготовила все, только не пекла, а сначала лошадь запрягла, потом пекла. Испекла и поехала в гости. А у снохи было три парня.

Сколько-то там верст проехала, сноха, *убыр* ее догоняет, гонится за ней. *Убыр* поет:

Сношенька, подожди!
Ноги (у меня) пристали!

Убыр все ближе и ближе; руками уже хватает. Сноха бросила ей лепешку, *убыр* отстала было — ела, и опять идет. Опять поет:

Сношенька, подожди:
Ноги пристали!

Опять догоняет *убыр*. Опять сноха бросает ей лепешку. И так все лепешки бросала; лепешек больше у ней не стало. Бросила хлыстик; и хлыстик проглотила убыр; все идет, поет:

Сношенька, подожди:
Золотое копыто (у меня) пристало!

Сноха сняла с телеги одно колесо и бросила, едет на трех колесах. Убыр проглотила колесо. Тогда сноха бросила *убыру* своих сыновей — одного за другим, потом колеса телеги, потом и самую телегу; сама села на *вершну* и поехала. Все проглотила *убыр*. Телегу долго глотала, и сноха уехала далеко.

Глядит назад: опять видно стало *убыра,* опять гонится за нею и догоняет уже, сама поет:

Сношенька, подожди:
Золотое копыто пристало.

Боится сноха; сняла хомут с лошади, бросила. Немного отстала *убыр,* глотала и опять идет. Опять близко, только хватить. Сноха клала вдоль дороги вожжи. Долго глотала их *убыр,* далеко отстала и опять нагоняет. Платок с своей головы бросила сноха; потом всю свою одежду прибросала, в одной рубахе осталась.

Опять догоняет ее *убыр.* Нечего уже бросать. *Убыр* хватила за хвост лошади и оторвала хвост. Плохо бежит лошадь. Догоняет *убыр,* оторвала у лошади ногу. Лошадь на трех ногах бежит. Опять ногу оторвала *убыр.* Тогда сноха слезла с лошади, побежала пешком. Всю лошадь кончала *убыр,* далеко осталась. А деревня-та уже недалеко.

Добежала сноха до деревни. Там у ней три брата, у них три дома. Сноха поет:

Братец, отвори дверь:
Это я, твоя сестрица Биби-Гайша.
Убыр свекровка догоняет меня!

Старший брат отвечает ей: «Моя сестрица ночью не ходит». (Наступила уже ночь.) Не отворил дверей старший брат, а *убыр* уже близко.

Перед домом середнего брата поет:

Братец, отвори дверь:
Это я, твоя сестрица Биби-Гайша,
Убыр свекровка догоняет меня!

И тот отвечает: «Моя сестра ночью не ходит».— Не отворил дверей; а *убыр* настигает.

Перед окном третьего брата поет:

Братец, отвори дверь:
Это я, твоя сестра Биби-Гайша,
Убыр свекровка догоняет меня!

«Иди в овечью *карду*»,— ответил ей малой брат. Он думает, что это не его сестра.

Зашла она в овечий *пригон,* спряталася. *Убыр* за ней пришла в пригон, ходит — нюхает. Поймала сноху и съела; остались одни кишки только. Кишки эти *убыр* повесила малому брату на столб, как вожжи, а сама ушла домой.

Утром встали братья. Середний брат идет к малому брату; смотрит: на столбе кишки висят.— «Вот,— говорит,— кого надо, того и Бог принес!» — А он игрок был, на скрипке играл. Взял кишки и утащил домой, сделал из них струны на скрипку.

Начал играть. Словно языком, его скрипка песню поет:

Не играй, не играй, братец:
Спина у меня болит.
Не играй, не играй, братец:
Я сестрица Биби-Гайша.

Играет, играет, а скрипка все одно свое поет. Удивился он. Принес скрипку к малому брату, позвал старшого брата. Начал играть — все братья заплакали: «Наверное, это наша сестра».

«Давай,— говорит,— в гости позовем свекровку и свекра!» Как те пришли, эти три брата поймали *убыра* и убили ее. А старик остался в гостях.

104(99). РОГА

Рассказал М. Мухаметов

Были три солдата на службе; один из них унтер-офицер. Они втроем согласились не служить больше: «Прямо куда-нибудь уйдем».— Потом они ушли трое.

Была одна *заимка*; тут жили старик со старухой, и было у них три дочери. К ним и зашли солдаты. Хозяева угостили их и потом зачинали играть в карты. Унтер-офицер выиграл все деньги у старика. Легли спать; хозяева положили с солдатами спать и трех своих дочерей. Утром встали и опять зачинали играть в карты. Старшая дочь выиграла у унтер-офицера все деньги обратно; у него денег не стало, и солдаты собрались уезжать.

При прощании старшая дочь подарила унтер-офицеру шинель, середняя дочь подарила одному солдату кисет для денег, малая дочь подарила третьему солдату палку. Солдаты все трое ушли.

Стали на дороге смотреть кисет: что он; как трясет, все деньги прямо. Потом середний стал смотреть тросточку; как махнул палкой, все солдаты появились около него, много солдат. Положили палку; стали смотреть шинель; кто наденет шинель, того не видно.

Попал им какой-то большой город. Зашли в город, нашли квартиру. Младший солдат пошел за хлебом. Ждут, ждут его, не дождутся; не знают, куда ушел. Середней ушел его искать. Остался один офицер; ждет, ждет их — нету. Пошел искать их; кисет и трость, и шинель — все с собой взял. Товарищев не нашел.

Какая-то девка ему попалась. Стали в карты играть. Офицер у ней все деньги выиграл. Девка пошла за деньгами; деньги притащила; играет, играет, все деньги у офицера выиграла. Не стало у офицера денег на руках, достал он кисет, кисет трясет, деньги берет. Играет, опять деньги обратно выиграл. У девки деньги *кончали.*

Девка говорит офицеру: «Дай мне кисета: такой же кисет я сошью и завтра тебе принесу», — говорит. — Солдат отдал; девка ушла домой. Сшила девка такой же кисет и отдала солдату тот, которой сама шила, а солдатов кисет оставила у себя. Пришла опять играть с солдатом; выиграла у солдата все деньги. Солдат играть не стал; кисет в карман положил и ушел домой.

Не стало у солдата денег; трясет, трясет кисет, денег нету. — «Наверно, девка другой кисет мне отдала, не мой, наверно, этот!»

Нашел девку. Та говорит: «Нет, это, — говорит, — (у меня) мой кисет, что я сшила, твоего я не брала». (А сама опять новый кисет сшила, такой же, и держит у себя.)

Ну, ладно. Опять играть стали в карты. У ней офицер опять все деньги выиграл. Девка ему говорит: «Ну, офицер, ты давай мне шинель: я такую же сошью, завтра тебе принесу; мне такую же шинель надо бы». — Офицер отдал ей шинель; она унесла домой, новую шинель такую же сшила, офицеру эту новую отдала. — «Вот тебе шинель. Я сама пойду за тебя замуж, бери меня». — «Возьму, — говорит, — давай пойдем гулять».

Пошли вместе гулять. Девка спрашивает его: «Это какая трость? Через нее что-нибудь строится или нет? Я по-

смотрю».— «Нет, ничего не строится. Нельзя держать тебе в руке».— «Ну,— говорит: — я замуж за тебя пойду, а ты жалеешь палку мне показать!» — «Ну, бери,— говорит,— смотри!» — Девка палку взяла, махнула — явилось много солдат: «Что прикажете, барыня?» — «Вот рядом со мной сидит солдат, вытолкай его! Не надо,— говорит,— нам!» — Они вытолкали. Девка ушла сама домой.

Офицер остался один прямо босиком, безо всего. Попался ему сад; там были яблоки. Одно яблоко взял и ел, и стал козёл. Лежит козёл, лежит, лежит. Взял еще одно яблоко, съел, стал человеком, опять такой же человек.

Стал он собирать яблоки; набрал две корзинки: одну корзинку одной породы, другую — другой.

Ушел в город, где живет девка, туда. Яблоки продает, по улицам гуляет. Из того дому, где живет девка, кухарка вышла к нему: «Что вы продаете?» — «Яблоки. Яблок у меня хороший: как ешь, станешь *басинькой*».— Один яблок он продал; его съела кухарка, стала хорошая.

Кухарка сказала девке: «Вот я купила яблоков, хорошая стала. Не купишь ли?» — «Ладно; надо,— говорит,— купить».— Пришла; ей солдат продал плохих яблоков, тех, от которых станешь козлом. Купила да съела, и стала козлом.

Солдат продал да ушел.

Потом опять пришел. Там, где живет девка, рядом ли, напротив ли, квартиру нанимал; заезжал. Чай пьет. Хозяин говорит ему: «Вот, какой-то человек продал яблоко; у соседа девка купила, стала козлом; не знай, какой яблок ему попал, лежит»,— говорит.— Офицер сказал: «Я лечить ее стану; вылечу, опять девкой будет».— Хозяин сам пошел к соседу, сказал ему: «Такой-то человек лечить хочет твою девку».— «Ладно,— говорит,— пускай сюда придет, лечит».

Пришел к нему солдат. Хозяин сказал: «Лечить станешь?» «Станем».— «Как станешь лечить?» — «Баню ты топи; кругом бани пусть музыка играет».— Баню топили; полная музыка пришла. Завел он в баню козла, потом сам заходит. Прямо бьет козла; козел кричит, тот бьет.

Офицер спрашивает хозяина: «У твоей девки была шинель, был кисет, была трость, ты тащи сюда, а то не лечится»,— говорит.— Тот все тащил. Зачал офицер тем яблоком кормить, от которого хорошими становятся; как яблоком кормил, стала хорошая девка.

Из бани вышли. Хозяин стал угощать его. Угостил, потом сказал: «Бери у меня девку, у меня никого больше нету. Я много ли проживу? Старик, умру скоро. Бери»,— говорит.— Офицер сказал: «Ну, ладно».— Обвенчали.

105(100). КУПЕЧЕСКИЙ СЫН

Рассказал М. Мухаметов

Был богатый человек один. У него был парень, только один. Однажды отец сказал сыну: «Вот тебе тыщу рублей, деньги, иди в ярмарку, торговать будешь там».— Ну, ладно, пошел. Нашел двух ли, трех ли товарищей, стал вместе с ними на *фатеру* в городе. Чай пили, потом пошли на базар; долго гуляли на базаре, ничего не купили.

Темно стало. Богатого человека сын увидел огонь где-то (не знаю, ресторан ли, что ли); сказал товарищу: «Там огонь, народу, видно, много; пойдем туда, чего там делают?» — Товарищ сказал: «Там игра, играют в шашки».— «Я пойду, ты не пойдешь так».— «Деньги *кончашь*».

Он пошел туда один. Пришел; хотел играть.— Можно ли играть?» — «У вас деньги есть?» — «Есть тыща рублей».— Мы научим тебя играть, за тыщу рублей, в месяц».— Научили. Месяц прошел, деньги *кончал*. Поехал домой: дали ему в ресторане осла.

Пришел домой, в свою деревню. Осла оставил на дороге, не тащил домой: «А то,— говорит,— народ будет смеяться».— Пришел. Отец его ругает: «Где,— говорит,— деньги? Чего тащил?» «Ничего,— говорит,— не тащил. Деньги потерял,— говорит,— на дороге».

Отец ему говорит: «Ну, бери еще тыщу рублей. Поди туда, торгуй, не потеряй деньги!» — Он деньги взял, пошел опять. Пришел в город; ночевал вместе с товарищами. Утром вместе с товарищами пошли на базар. Там стоял большой дом. Спросил товарища: «Какой это дом? Чего там делают — народу больно много?» «Там всякая игра есть: в карты больше всего играют».— Потом тот парень спросил товарища: «Пойдем туда в карты играть».— Товарищ его ругает: «Не ходи! Деньги только кончашь!» — Товарища слова не слушал, пошел опять.

Пришел. В карты играет, играет; деньги все *кончал* опять, проиграл. Надо домой. Пешком идти далеко. Вы-

просил осла; дали ему; сел верхом и поехал. Пришел в свою деревню; осла оставил на дороге. Пришел домой. Отец говорит: «Чего *тащил*?» — «Ничего не *тащил*, потерял деньги». — Отец говорит: «Теперь нечем питаться».

Отец продал дом за тыщу рублей, без дома остался. Опять отдал деньги сыну: «*Айда* сходи, эти деньги не потеряй! Эти деньги потеряешь, тогда голодом буду».

Пошел опять. Пришел в город; сходил на базар; увидал: на скрипке играют. Спросил: «Меня учи, скрипку мне давай, тыщу рублей бери». — Тыщу рублей брал, месяц учил его. Месяц *кончал*, деньги *кончал*. Надо домой ехать, не на чем. Опять выпросил осла.

Осла оставил на дороге; пришел в свою деревню пешком. Не знает, где живет отец. Потом нашел отца. Тот спрашивает: «Где деньги? Чего *тащил*?» — «Ничего не *тащил*, потерял деньги». — «Куда теперь пойдем? Теперь все *кончал* — дом *кончал*, деньги *кончал*!» — говорит.

Зачал сына в работники отдавать. Продал в работники навечно прямо.

Сын пошел с новым хозяином, с возами — много возов. На дороге есть ключ. Тут стали, выпрягли лошадей кормить, сами отдыхать, чай пить. Ключ *больно* глубок, воды не могут достать, веревки не хватает. — Как достать? Хозяин сказал работнику: «Ты слезай туда: тебе ведра отпущу с веревкой: воды наливай туда, потом сам выйдешь по веревке».

Спустился *малайко* вниз, к ключу. Там воды нету, а все золото. Наложил в ведро золота, скричал: «Поднимай!»

Полон воз наложил хозяин золота. *Малайко* тут оставил: веревки ему не спустил. Сам склал золото, пошел домой.

Малайко нашел какую-то дыру и пошел по этой дыре. Видит: там сидит один старик, сам слепой, а на руках скрипка. *Малайко* взял скрипку и стал играть; как заиграл, старик зачал глядеть, глаз у него здоровой стал.

Спросил старик: «*Малайко*, откуда пришел?» — «Я жил в работниках, пришел с хозяином; хозяин оставил меня здесь». — Старик сказал ему: «*Айда* тебя увезу к хозяину: он далёко не ушел, наверно». — Старик утащил его к хозяину.

Хозяин испугался: «Как ты пришел? На ключе я тебя оставил».

Хозяин написал бумагу и отдал *малайку*: «Ты иди вперед, у меня *бабам* скажи, что «скоро приду; поклон (се-

лям) — говорит — скажешь». — *Малайко* пошел вперед; смотрит, что там написано; вскрывает, читает: «Как придет, так кончай этого *малайка*». — Оторвал это *малайко*, бросил, сам записал (ровно как хозяин: «Вот это *малайко*, говорит, — у меня девка есть, сию минуту венчай!»

Пришел *малайко* в деревню, отдал его *бабе* бумагу; та читала да звала муллу: той же минутой венчай! — Через три ли, через четыре ли часов пришел хозяин. — «Что так сделал?» — свою хозяйку спросил. — «Сам, — говорит, — так написал, вот, — говорит, — бумага!» — «Я не писал; наверно, сам писал... Ну, нечего делать, венчал так венчал», — говорит.

Прожил тут одну неделю. Девка сказала ему: «Тут в большом доме хан живет, он играет в шашки: кто у хана выиграет, тому девку дает; проиграет — голова резать». — *Малайко* сказал: «Я пойду туда; я играть хорошо умею». — Девка говорит: «Не ходи, *кончат*». — «Все равно!» — говорит.

Он пошел туды; пришел, спросил: «Какая тут игра? Я играть пришел». — «Согласен ли так играть: проиграешь — голова резать?» — *Малайко* говорит: «Согласен». — Зачали играть. *Малайко* выиграл у хана. Хан отдал ему девку, повенчали опять. Живет *малайко* у хана в доме зятем; когда хан умер, *малайко* остался вместо него.

Зовет *малайко* к себе своего старого хозяина. Тот пришел. — «Вот, — говорит, — ты на меня прежде какую бумагу написал? Это хорошо разве? Тогда я работником был, а теперь ханом, могу твою голову резать. Согласен ли ты?» — «Нет, — говорит, — так не делай. Сколько золота ты мне тогда тащил, все отдам!» — «Принеси», — говорит. — Тащил хозяин золота, не знаю, сколько пудов. — «Бери золото». — «Нет, для шутки я сказал тебе. Живи, бери золото; вперёд не делай так работнику. Золото не беру. Венчался я с твоей дочерью, тащи ее сюда». — Девку тащил, ему отдал. *Малайко* и теперь тут живет.

106(109). ОБМАНЩИК

Рассказал С. Якупов

Давно жил один старик со старухой. Они были очень бедны. У них было три дочери, все маленькие — самой старшей 15 лет.

Однажды эти дочери жали хлеб на поле. А была *уроза*. Они жали и устали, есть захотели. Старшая говорит отцу: «Отец, я есть хочу; дай мне хлеба». — Отец ударил свою дочь и говорит ей: «Ешь, хорошо!» — Девица ответила: «Нет ли еще хлеба?». Тогда мать закричала на нее: «Если хочешь есть хлеб, так выходи замуж!» — Дочь говорит: «Хорошо, пойду».

Потом они пришли домой: поставили самовар, напились чаю. Старшая дочь и говорит: «Я теперь не пойду замуж: я сыта». — Середняя дочь сказала: «Я тоже не пойду: пусть сначала выдают старшую».

Потом старик со старухой разговаривают между собою: «Надо отдать старшую дочь замуж». — «Давай отдадим». — Скоро нашелся и сват; дал старику немного денег. Старик с радостью взял деньги. Отдал старшую дочь. А зять был обманщик.

Пожил немного зять; молодая жена у него захворала, а потом скоро и умерла. Обманщик мертвую посадил в телегу, запрег лошадь, сел рядом с покойницей и поехал в гости к тестю. Приехал, зашел в избу к тестю, а жену оставил в телеге, поздоровался с тестем и тещей, с свояченицами и говорит маленькой свояченице: «Поди, зови сюда мою жену». — Девочка пошла и зовет сестру: «*Апай*, иди домой». — Сестра нейдет и ничего не отвечает. Девочка воротилась и говорит: «Сердится, видно, *апай*: нейдет и ничего не отвечает».

Тогда обманщик посылает старшую свояченицу: «Иди, позови сюда мою жену; она больна немножко, не спит ли? Разбуди ее». — Девица пошла: сначала тихонько говорит: «Сестрица, иди домой!» — Не слышит. Тогда она сильно вскричала и схватила ее за руку, потянула. Покойница упала: телега соскрипела, старик и зять вышли. — «Умерла», — говорит.

Потом они взяли ее похоронили на кладбище. Старик и говорит: «Я тебе вторую дочь отдам (за прежний калым)». — Обманщик говорит: «Я не возьму; у меня первая жена была красивая, а эта некрасивая; мои соседи будут

надо мной смеяться, что я сменял белую жену на черную».

Старик говорит: «Эй, зять! Не будем мы с тобой ссориться! Ты знаешь: у меня нет углей; привези мне завтра коробок углей; я тебе отдам обеих дочерей сразу».— Зять согласился.

Приехал зять домой; а соседи его, девять обманщиков, подожгли без него все дрова, сколько он нарубил для себя. Мужик думает: «Хорошо, что подожгли; мне как раз нужны угли, а не дрова».— Нагреб коробок углей и повез к тестю.

Привозит на другой день двух жен — молодых девиц. Соседи, девять обманщиков, спрашивают его: «Где взял девиц?» — «А у меня первая жена захворала да умерла: я ее мертвую возил по деревням, кричал: «Сменяйте мертвую бабу на живую девку. И выменял вот одну на двух».

Девять обманщиков сказали: «Ловко он сделал!» — У них у всех были живы матери. Они своих матерей убили топорами и поехали по деревням и кричат: «Меняйте мертвую бабу на живую!» — Мужики смеются над ними: «Вот дураки!» — Взяли прогнали их изо своей деревни.

107(110). МЕЩЕРЯКСКАЯ СКАЗКА

Рассказал А. Шахатов

Был один старик; у него три сына. Старик собрался умирать и разделил свои деньги сыновьям: большому дал двести рублей и середнему дал двести рублей, а малому сыну денег совсем не дал: «Вот такой-то,— говорит старик,— научит тебя уму-разуму».— Старик помер; его сыновья похоронили.

У одного богатого мужика была очень красивая дочь-невеста; кто даст сто рублей, тому она показывала свое лицо. Старший брат два раза сходил посмотреть на нее и двести рублей, свои деньги, *кончал.* Середний брат два раза сходил посмотреть и тоже двести рублей издержал. Теперь три брата сравнялись: ни у одного нет денег.

Младший брат пошел к тому старику, на которого указал ему отец, уму-разуму учиться. Старик сказал ему: «*Айда,* около озера ходит козел, веди его сюда!» — Младший брат пошел поймал козла за рога; тот упирается ногами, нейдет. Бился, бился, пошел домой без козла. Старик сказал ему: «Иди, у козла борода есть, тащи за бороду его».— Пошел, за бороду козла схватил — козел бежит. Привел козла. Сели они двоё на козла верхом: один вперед глядит, другой назад; поехали по улице, мимо окон той красивой девки.

Увидала их красивая девка, захохотала. Вместе с девкой дома была ещё сноха, а отец у ней уехал в город глаза лечить.— «Сноха,— говорит девка,— смотри-ка, какой

смешной на козле едет!» — А у старика в руках было ведро вместо барабана.

Те говорят: «Мы заколем этого козла, ужинать будем». — Остановились под окнами, слезали; козла закололи. Ведро, в которое старик барабанил, повесили и стали в нем варить *махан.* Сумерки стали. Они съели мясо, надо спать ложиться, а окутаться нечем; одежи с собой никакой нет. Козлиной овчиной окутались и тянут ее друг у дружка. А дело осенью, замерзло.

Старик говорит: «Стукай в стену пуще». — Тот в стену стукает. Девка снохе говорит: «Шибко они в стену стукают, спроси: зачем?»

Сноха спросила: «Зачем стукаете?» — «Мы замерзаем, — говорит, — умираем от стужи. Если умрем, вам придется отвечать; пустите нас куда-нибудь в сени!» — Девка снохе сказала: «Умирать будут, нам придется отвечать; надо пустить их в сени». — Сноха пустила; те пришли, в сени легли.

Старик учит парня: «Ты в дверь стукай пуще». (А хозяина и хозяйки дома нет, только две — девка да сноха.) Девка говорит снохе: «Сестрица, спроси, зачем стукают». — Та спросила: «Мы замерзаем здесь. Пустите нас в избу». — Сноха: «Просятся в избу. Умирать будут, нам придется отвечать». — Позвали их в избу, положили их под самый порог.

Они и там стучат. Сноха спрашивает: «Зачем не спите?» — «Мы прямо умираем, замерзаем, у нас нечем окутаться». — Сноха передает девке. Девка сказала: «Ты со стариком спи, а я с молодым буду, тогда они не будут замерзать под одеялом». — Легли, старик со снохой, парень с девкой.

Старик уснул, а парень не спит, дрожит. — «Зачем дрожишь? — говорит. — «Весь согрелся, одно место не согрелось».....

Утром встали. Самовар им поставили. — «*Айда* добрым порядком домой: мы вас не видали, вы нас не видали». — Старик говорит парню: «Не ходи домой!» — «Пошто, — говорит, — я пойду домой, когда женился здесь?» — «Идите домой!» — «Зачем я пойду? Вместе ночевал, так жена значит!» Старик говорит: «Спроси деньги у ней: отдаст деньги, которые у братьев взяла, тогда *айда*». — Девка: «Вот тебе сто рублей деньги! иди скорее: у меня отец придет». — «Давай побольше денег». — Девка

двести рублей сулила, триста сулила.— «Не пойду!» — Четыреста посулила, парень говорит: «Давай!» — Получил: двести рублей старику отдал, двести себе взял. Ушли домой.

У девкина отца глаза болели, он ездил в город лечиться. Этот парень ему навстречу пошел, ихней дорогой. Слепой идет домой, глаз не вылечил. Парень попал ему навстречу, здоровался. Старик остановился.— «Ты откуда, молодец?» — «Я *маламáло* лечить умею: у кого глаз болит, у кого рука болит, у кого ноги болят».— «У меня глаз один болит, не можешь ли вылечить?» — «Могу,— говорит.— Как не могу! Только жалованья меньше ста рублей не возьму».

Выпрягли лошадей тут же на степи, зачали глаз лечить. Лечил, лечил, ничего не вылечил.— «У тебя, видно, глаз давно болит, если бы не давно, я вылечил бы».— Наговорил на траву.— «Тащи траву домой, положь в шапку. Заходи в избу, шапку брось, скажи: «Хоть скажи, хоть не скажи, знаю дело!»

Отец так и сделал. Сноха ему ответила: «Я не хотела их звать, да девка говорит, что умрут — нам отвечать придется. Они спали с нами попросту, ничего не делали».— Старик: «Спасибо парню: меня обдул и вас обделал!»

О СКАЗОЧНИКАХ И СОБИРАТЕЛЯХ СКАЗОК ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ

СКАЗКИ Е. Е. АЛЕКСЕЕВА

Ефим Евдокимович Алексеев — уроженец села Русской Караболки Екатеринбургского уезда. Теперь живет в с. Метлине того же уезда. Он был сослан за какое-то преступление на каторгу. Теперь ему около 70 лет. Он сам наслался мне со сказками. Кроме трех записанных мною сказок (№№ 62—64), знает еще сказку «Ивинька на лошадке сивинькой». Дурак убил свою кобылу, продал кожу богачу, в отсутствие его завез ее в его дом, а там у жены богача *милиш*; последний спрятан в *голбец* и т. д.

СКАЗКИ, ЗАПИСАННЫЕ П. А. и А. А. ВОЛОГДИНЫМИ

В Пермских губернских ведомостях 1863 г. (№№ 32, 33, 36—44) была напечатана статья под заглавием: «Материалы для этнографии Закамья. Из сборника П. А. Вологдина». Здесь, среди заговоров, колыбельных песенок и духовных стихов, напечатаны также и «сказки, говоримые детям», всего 20 номеров, считая мелкие «докучные сказки» и одну «присказку».

Под именем «Закамья» автор разумеет «часть Пермской губернии, лежащую по правую сторону р. Камы до Вятской губернии» (№ 32. С. 154, примеч.), т. е. уезды Соликамский и Оханский. Но сказки, по-видимому, все записаны в Соликамском уезде; а именно: А. А. Вологдин

записывал сказки в Усолье (о том имеются точные указания при шести сказках: №№ 81, 84, 86, 87, 89, 90), а П. А. Вологдин, записывал сказки «на Иньве» (о том сказано им при первой сказке, № 74), т. е. в Иньвенском крае (по бассейну р. Иньвы) Соликамского уезда; в частности, местами записи сказок в Иньвенском крае были селения: Кудымкор и Добрянка (см. примечание к сказке № 90).

Усолье — большое (теперь около 10 тыс. жителей) промышленное село Соликамского уезда, с пристанью на р. Каме; расположено в 6 верстах от заштатного гор. Дедюхина. Население здесь великорусское, занятое главным образом соляными промыслами. Что же касается Иньвенского края, то он населен главным образом полуобрусевшими пермяками. Однако нет никаких оснований полагать, что печатаемые ниже сказки записаны П. А. Вологдиным от пермяков. Нам известно, что П. А. Вологдин состоял «ученым управительским помощником при заводах гр. Строганова»[1], под его начальством служило, конечно, весьма много русских людей, от которых ему весьма легко было записать сказки.

Довольно хорошо отразившийся в записях сказок язык — обычный на всем севере Пермской губернии. <...>

Записанные братьями Вологдиными сказки перепечатываются мною все полностью (№№ 74—94).

СКАЗКИ М. О. ГЛУХОВА

Михаил Осипович Глухов — не специалист-сказочник, а просто человек «на все руки», с весьма разнообразными способностями. Талантливую натуру Глухова сгубило вино, от которого он решительно гибнет.

Человек лет 30, хороший игрок на гармонике и хороший, как говорят, рисовальщик, Глухов живет в доставшемся ему от отца домике, в Каслинском заводе Екатеринбургского уезда. Когда не пьет (у него запои), тогда работает на заводе.

---

[1] Между прочим, П. А. Вологдин в 1867 г. прислал в Московский Дашковский музей подробнейшую карту северо-западной части Соликамского уезда, т. е. местностей по бассейну р. Иньвы; и эта карта составлена была им также совместно с его братом Александром Алексеевичем Вологдиным (см.: Труды Этнограф. отдела, III. Вып. I. С. 45—50).

Будучи хорошо грамотным, Глухов дважды обещал мне (я был у него дважды — в июле и в октябре 1908 г.) собственноручно записать ряд сказок, частью им мне рассказанных (не для записи, бегло, за его «недосугом»), получил два раза задаток (что-то около 6 рублей), и, конечно, ничего не записал и не прислал. Получил я только через год или через два после того написанное, по поручению, его родственником письмо, в котором у меня просили денег на покупку какого-то дорогого лекарства от запоя, но я успел уже к тому времени на целом ряде случаев убедиться, что алкоголикам ни в чем решительно доверять нельзя, и прекратил с Глуховым всякие сношения.

Две сказки Глухова записаны мною полностью (были рассказаны специально для записи), и две же записаны лишь в подробном изложении (рассказывались не для записи, а обычным, беглым рассказом). Вот эти последние.

1. «КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН ВАСЯ» (вариант № 1 сказок Ломтева). «У старика со старухой был сын Вася. Жили они, жили, старик и говорит: «Надо Васю приобучить к ремеслу к какому-нибудь! Пеки лепёшек, пойдем!» — Напекла, распростились, пошли. Идут лесом. Забуранило, тучи пошли, дождь и град. Бежать. Бегли, бегли, дом громаднейший (встретили). Дело к вечеру. Старик вышел (из дому): «Сына в ученье повел? Заходите в избу, ужинать!.. Мне в ученье отдай! Ко всему выучу».

Оставил (отец сына).— «Вот тебе работа: вымети утром, поставь самовар, свари (обед), потом гуляй!» — «Что не учишь?» «Время не пришло!» — От 11 комнат 11 ключей (дал): «Вот тебе развлеченье! К 12-й комнате не подходи!» — В первой комнате море враз образовалось и корабли. Во второй комнате сад: утки, лебеди, фонтаны, яблони. В 3-й комнате сражаются, война идет, стрельба из пушек. В четвертой — хрустальный дворец, музыка; его приняли во дворец. В пятой — горы, и не видать, где у них вершина; на вершине охотник держит козла. В шестой — дворец, весь в золоте залит.

Старичище: «Я брат твоего дедушки. Проси у него от 12-й комнаты ключик! Не даст ли?» — «Нет, Васинька, рано еще!»

Подошел к 12-й комнате: песни поют, девичьи голоса. Принёс *деревинку*, сучок выколотил (в двери). Там красавицы.— «Как бы к вам зайти?» — «У дедушки травка на полке: изотри в порошок, положь в кушанье, подай; он уснёт, ты возьми ключик и к нам!» — Они превратились в лебе-

дей и улетели.— «Что ты наделал?» — (Дедушка) привел их: «Выбирай любую!» — Вася выбрал. Свенчал их: «Живите в этом доме! В котором платье она венчалась, ты ей три года не давай!» — Собрались в церковь, она приласкалась: «Дай ты мне платье!» — Дал; она улетела лебедью.

Вася пошел искать свою жену. Увяз в болоте и видит ветхую избенку; зашел туда и лег на печь. Баба Яга говорит, что «это моя племянница! Она скоро прилетит — хватай ее за косу и держи!» — Схватил, но она превратилась в огненного дракона. Баба Яга дала Васе щучью косточку и послала к сестре своей. Там Вася опять схватил свою жену, но она превратилась в льва и вырвалась. Сестра Бабы Яги дала Васе от ворона косточку и клубок: куда клубок покатится, туда и иди. И в третьей избенке жена вырвалась у Васи; он здесь получил от орла косточку.

Приходит к жене во дворец. Она говорит: «Какая я тебе жена?» — «Дай ты мне три раза спрятаться».— Первый раз Вася бросает в озеро щучью косточку: щука заглонула его, один палец не ушел; жена взяла зеркало волшебное и нашла. Второй раз ворон унес Васю в болото и сел на него; одно ухо не мог закрыть ворон. Третий раз орел унес Васю под самые облака. Когда жена нашла его и там, Вася идет, плачет: «Смёртонька теперь!» Девка-чернавка научила его спрятаться за зеркало; жена позволила прятаться и не могла найти.— «Вылезай, Васька!» — «Нет! Получше назовешь!»

2. «КРЕСТЬЯНСКИЙ СИЛАЧ ВАНЯ» (Брат и сестра; вариант напечатанный выше № 41 и 5).

«В старинные времена было это. Народ был тёмный, непросвещённый. Наши прадеды еще жили. Народонаселения здесь (т. е. на Урале) еще не было, были одни леса. Потом стал селиться народ помаленьку.— Поселился здесь крестьянин Егор со своей женой Марией; с ним были малолетние дети — Петр, Иван и Марья. Старший сын был худой, а младший — здороввеннейший крестьянище-парень. Стали заниматься они хлебопашеством. Старший сын трудолюбивый был, а младший только ленился, ничего не делал. Старший отцу *жалится:* «Чего его хлебом кормить?» — «Ну, да пущай! У нас есть чего есть!» — Отец захворал, призвал детей, делить.— «Тебе, старшой, дом, все хозяйство и тысячу рублей денег».— Сестра говорит: «Что же ты нам ничего не дал?» — «Я про вас и забыл! Да вот вам старая баня! Работай и сестру корми!»

Ванюху выселили в баню. Ваня стал ездить в лес рубить дрова: дрова продавал и покупал хлеб. Нашел далеко в лесу дом на поляне: окна затворены и ворота тоже. в дому никого нет; стоит чан с вином; он вино выпил, песенку затянул. Приехали 30 разбойников. Ваня одного *теньknул* кулаком и намертво убил. Всех убил, один есаул успел скрыться. Взял Ваня золото-серебро, одёжды разной; позвал брата в гости: «Я именинник!» — «Сухую корку разве глодать?» — отвечает брат; однако приходят. — «Я клад нашел: это ведь отец мне оставил по наследству».

Ваня переселился с сестрою в лес, в этот дом; стал ходить на охоту. Возьмет ружьишко, пойдет; однажды Ваня разыскал игровых *косачей*: «Надолго пойду», — говорит. Без него явился есаул, *поглянулся* сестре. У сестры дитё от есаула. Последний научает сестру: «Верст за 60 живут разбойники — пошли: там его убьют!» — Сестра запросила садовых яблоков. Ваня яблоков набрал, слышит: русский голос кричит: помогите! Разбойник ведет пленницу-девушку. Ваня отбил ее, повёл ее с собой. «Я купеческая дочь». Сестра будто бы рада подруге: «Названая сестра». Последняя слышит, что сестра Вани с кем-то шепчется в задних комнатах и просит у Вани: «Дай-ка мне оружие: может быть, зверь нападется!» — Стали в дурачка играть: кто проиграет, тому руки связать канатом. Она его обыграла; понатужился Ваня, канат лопнул. Волосяной канат Ваня не может порвать: «Развяжи!» — «Погоди, я за ножиком схожу!» — Хотели с есаулом убить Ваню, но купеческая дочь его спасла, и они свенчались.

СКАЗКИ, ЗАПИСАННЫЕ А. Н. ЗЫРЯНОВЫМ

Записано известным пермским фольклористом Александром Никифоровичем Зыряновым в 1850-х годах в Шадринском уезде. — Напечатано в «Записках И. Р. Географического Общества по отделению Этнографии», том 1-й, 1867 г. С. 659—661.

СКАЗКИ С. К. КИСЕЛЕВА

Когда я записывал сказки в Верхнем Кыштымском заводе и «первый лёд был сломан», недоверие населения к новому и неслыханному делу — записыванью сказок для

печати — прошло, тогда ко мне на квартиру приходили многие жители завода; одни приходили из простого любопытства, другие сами насылались со сказками, хвастливо называя себя хорошими сказочниками; третьи легко соглашались на мое предложение рассказать мне известные им сказки. К числу последних принадлежит и обыватель завода Степан Кириллович Киселёв, 50-ти лет. Он мне рассказал четыре сказки, из которых последнюю я не привожу по ее нескромному содержанию (женщина обманывает одновременно и своего мужа, и своего случайного знакомого).

Подобно большинству жителей Верхнего Кыштымского завода, С. К. Киселев слабо акает, но далеко не всегда, а лишь изредка. Его любимое словечко: «слышь» (-говорит; собственно: слушай!).

СКАЗКИ ИВ. КУПРЕЯНОВА

Иван Купреянов, 17-ти лет, обыватель Верхнего Кыштымского завода Екатеринбургского уезда. Купреянов выслушал свои сказки, работая на рудниках Кыштымского завода. — Рассказывая мне сказки, Купреянов сначала (видимо, стесняясь) скорее окал, чем акал, но потом стал довольно последовательно акать по-московски...

СКАЗКА Я. М. ЛОГИНОВА

Яков Матвеевич Логинов, обыватель Верхнего Кыштымского завода Екатеринбургского уезда.

СКАЗКИ А. Д. ЛОМТЕВА

Антип Демьянович Ломтев — уроженец с. Куяшей Екатеринбургского уезда Пермской губернии; живет давно в дер. Кожакуле Куяшской волости, на родине своей матери. Отец его рано умер в солдатах. Теперь Ломтеву 65 лет; это бодрый и крепкий старик, продолжающий заниматься своими промыслами: зимою бьет шерсть и валяет обувь, а летом плотничает. Живет бедно.

А. Д. Ломтев не учился в школе, не был в солдатах, и остался до старости совершенно неграмотным. Сказки

выслушал, хотя в разных местах Екатеринбургского и соседних уездов в качестве «пимоката» (валяльщика шерстяной обуви); многие сказки выслушаны им от «дальних рассейских» (т. е. от лиц из внутренних губерний Европейской России).

Сказки А. Д. Ломтева почти все о богатырях; другого рода сказок он, в сущности, не признает. Рассказанную им легенду (№ 15) он называет не сказкой, а «побывальщинкой» (т. е. былью). Вообще на сказки он смотрит, как на нечто очень серьезное и важное. Слышанные им сказки он передает, что касается основной фабулы и отдельных эпизодов, с большою точностью; но бытовые подробности на фоне готовых эпизодов он рисует от себя, черпая из своего жизненного опыта, почему и его сказки носят отчасти местную окраску (ср., напр., картину крестин в легенде под № 15).

Ломтев хороший рассказчик, обладающий даром слова. Ему не удаются только начала и концы сказок; пока он не разошелся, ни одна сказка у него не клеется; концы также все бледны. — Он любит рассказывать сказки и в долгие зимние вечера рассказывает их своим домашним и соседям.

Память у А. Д. Ломтева замечательная, и он ею справедливо гордится. Я записал от него 30 длиннейших сказок (10 дней постоянной работы с моей стороны). Кроме печатаемых ниже, мною записаны от Ломтева три сказки не полностью: 1. «Конек-меренок», 2. «Иван-царевич и серый волк» и 3. «Иван-дурак, сын царя Ирода». Эти три сказки Ломтева показались мне слишком близкими вариантами к имеющимся в печати (первая — к «Коньку-горбунку» Ершова). Кроме того, Ломтев рассказал мне, с большими подробностями бытового характера, известный анекдот о том, «как мужик гусей делил».

Память Ломтева, при всем ее богатстве, односторонняя, он, например, не помнит, в какой губернии родился его зять, муж его единственной дочери; «много что-то городов-то наговорил, где он ехал» (зять его — переселенец из Европейской России). Память на имена у него слаба, и отчасти, быть может, этим обстоятельством объясняется отсутствие и однообразие имен в его сказках. (Впрочем, фантастические сказки и по самой сущности своей должны быть безымянны.) «Ванюшка» — любимое имя его героев и «Марфа» — героинь.

Родной говор А. Д. Ломтева чистый «владимирский» <...> Так говорит Ломтев в обыкновенной разговорной речи. Но в сказках он свое произношение сильно разнообразит, по-видимому, прежде всего из убеждения, что в сказках все должно быть особенным, не по-будничному, деревенскому. Но, конечно, память о том, как звучало каждое данное слово сказки в ее источнике (т. е. разнообразный говор тех лиц, от кого Ломтев выслушал сказки), а также и желание не ударить лицом в грязь перед слушателями — тоже имели свое действие. — Хотя область странствований Ломтева невелика, но на Урале весьма много пришлого люда, и всюду можно встретить уроженцев очень разных губерний. Да и зять Ломтева, живущий в одном с ним доме, родом из Вологодской губернии...

СКАЗКА П. В. НАУМОВА

Павел Васильевич Наумов, 17-ти лет, обыватель Верхнего Кыштымского завода Екатеринбургского уезда, выслушал сказку от своего отца.

СКАЗКИ В. П. ПАЛАМОЖНОГО

В 1898 году учитель начального земского училища в с. Козьмодемьянском Соликамского уезда Пермской губернии В. П. Паламожных доставил в Отделение русского языка и словесности Имп. Академии наук ответ на изданную Отделением подробную программу для описания северно-великорусских говоров. К своему ответу г. Паламожных приложил несколько сказок и песен, записанных местными полуграмотными крестьянами.

Записи сказок плоховаты, так как бывшие ученики старались выражаться по-книжному. (Записывали они сказки, видимо, не со слов третьих лиц, а по собственной памяти.) Однако они не бесполезны. Из пяти записанных сказок я четыре печатаю ниже полностью (№№ 68, 69, 70, 71) и только одну привожу в изложении.

«СКАЗКА О СТАРИКЕ И СТАРУХЕ». (Записал крестьянин Александр Аликин.) У старика и старухи не было детей; они молились Богу, и Господь дал старухе дитя Максима. Максим маленьким стал воровать, а взрослым

ушел к разбойникам. После смерти старухи старик пошел к сыну и поселился у него вместе с разбойниками. Там и умер старик: сын-разбойник «своего отца схоронил и поминки правил отлично; зато получил царство небесное».

Как видим, решительно ничего «сказочного» тут нет.

Рассматриваемые записи все более или менее безграмотны. Я сохранил при печатанье безграмотное правописание автора только в первой сказке (№ 68), где мною расставлены лишь знаки препинания. Прочие же сказки печатаются, за крайне редкими исключениями, с обычным историческим правописанием.

Подлинники этих записей хранятся в рукописном отделении Библиотеки И. Академии наук: прогр. № 207.

СКАЗКИ, ЗАПИСАННЫЕ ИВ. ПОТАПОВЫМ

В Пермских губернских ведомостях 1863 г. (№№ 45 и 46. С. 228—232) была напечатана статья Ивана Потапова под заглавием: «Сказки, собранные в Екатеринбургском уезде». В статье этой напечатаны тексты двух сказок; первая из них озаглавлена «Мышь и воробей» (№ 45. С. 228), вторая «Брат и сестра» (№ 46. С. 231—232). Никакого предисловия к этим записям, равно как и никаких примечаний к ним нет. Особенности местного говора в записях Потапова соблюдены.

Ввиду крайней редкости «Пермских губернских ведомостей» за старые годы сказки Потапова здесь перепечатываются.

СКАЗКИ Е. С. САВРУЛЛИНА

Евсей Степанович Савруллин — уроженец Билимбаевского завода Екатеринбургского уезда Пермской губернии. Маленьким остался один после смерти родителей. Молодым работал на Богословском заводе Верхотурского уезда. Потом служил в солдатах в Туркестане, «за Ташкентом», причем был не в строю, а шорником. Теперь живет собственным домом в с. Метлине Екатеринбургского уезда, пропитываясь своим ремеслом сапожника.

Седой благообразный старик (65 лет), с умным, интеллигентным лицом, Е. С. Савруллин много проигрывает

лишь оттого, что выпивает. Пить водку начал он, по его словам, с тех пор, как его «полковник поляк откатал нагайкой».

Как сказочник Е. С. Савруллин представляет собою полную противоположность А. Д. Ломтеву, от коего живет в 7—8 верстах. Это, собственно, не сказочник, а просто краснобай, балагур, каким он и слывет у соседей. Я от него записал около 30 сказок, но печатаю лишь немногие из них. Сказки Савруллина большею частью не старинные, не традиционные. Часто это бытовые картинки, рассказы о разного рода жизненных происшествиях, не заключающие в себе ничего фантастического и сказочного. Но они изложены по-своему очень красиво, мастерски, и небезынтересны как этнографический материал. (Ниже печатаются, для образца, два таких бытовых рассказа — №№ 37 и 39.)

Немногие традиционные сказки, рассказанные мне Савруллиным, посвящены б. ч. похождениям воров и т. п. Вообще его жанр — короткие шутливые сказки-анекдоты, как раз те, какие А. Д. Ломтев не считает и сказками, пренебрежительно называя их «побасёнками». Даже серьезные сказки Савруллин рассказывает в шутливом тоне, в духе раешника (см. особенно № 28), что ведет иногда к искажению всей сказки.

Слабость Савруллина — любовь к рифме, стремление говорить по возможности стихами (см. тот же № 28 и другие). Это отчасти портит язык его сказок: для ритма он нередко вставляет лишние частицы, а иногда и целые ненужные фразы.

Свои сказки Савруллин выслушал большею частью во время военной службы в Туркестане, а частью — уже живя в с. Метлине: последние — главным образом от старухи «Панихи», которой я не застал в живых.

Особенности местного произношения у Савруллина, как человека бывалого и грамотного, сильно сглажены. Однако у него проскальзывает иногда даже произношение «с» вместо «ц» — черта «серых» «челпанов» Урала. Вместо «ч» он произносит часто явственное «т, ш», что, быть может, объясняется его старческим шамканьем? Позднее обучение Савруллина грамоте (в солдатах) сделало то, что он произносит по-книжному многие слова, между прочим, и в род. пад. ед. ч. прилагательных и местоимений произносит иногда «г» вместо «в»: «этого», что местному говору совершенно не свойственно. Встречается у него

и старомодная, книжная, канцелярская конструкция оборотов речи.

Ниже я перечисляю сказки и рассказы Савруллина, не вошедшие в настоящий сборник:

1. «Медведь боролся со стариком» (содержание несколько нескромное).

2. «Два *дохтура*» (вариант в сборнике Е. А. Чудинского, «Русские народные сказки, прибаутки и побасёнки». М. 1864, С. 75, № 15, «Дока на доку». Сюжет один и тот же, но у Савруллина так много мелких бытовых подробностей, что размер его рассказа в 4—5 раз больше по сравнению с рассказом у Чудинского).

3. «Еловы шишки» (вариант у Д. Н. Садовникова «Сказки и предания Самарского края». Спб., 1884. № 37. С. 154; рассказ Савруллина пространнее и в некоторых подробностях отличен).

4. «Как богач *дохтура* испытывал» (анекдот с некрасивыми подробностями).

5. «Мужик кормит медом язык» (шутка-анекдот).

6. «Про солдата» (солдат женится на генеральской дочери, превзойдя своего соперника, дворянина, чистоплотностью).

7. «Покойник убежал» (конкуренция между двумя пьяницами, «читателями» псалтыря по покойникам, повела к тому, что один из них утащил у другого и припрятал богатого покойника).

8. «Цыгана хоронят» (цыган притворился покойником, чтобы обокрасть церковь).

9. «Василий Васильевич Чуркин» (подробная биография знаменитого разбойника с весьма реальным описанием всех его похождений).

10. «Русский и калмык» (шуточный анекдот о появлении калмыков от собаки, съевшей пшеничное тесто).

11. «Морковь и хохол» (ничтожный анекдот о пребывании в Петербурге «американского государя»).

12. «Мастер» (пьяница легко припаял отломленное крыло ангела на вершине высокой колокольни).

13. «Богатый купец и бедный сапожник» (вариант одного из эпизодов в рассказе Л. Н. Толстого «Чем люди живы»).

14. «Фома Данилов. Быль» (каптенармус, взятый в плен коканцами; ему поставлен памятник в Маргелане).

15. «Марья пленная в Хиве. Быль» (русская пленница помогла спастись из плена казаку Костылеву).

СКАЗКА Е. И. СИГАЕВА

Евгений Иванович Сигаев, обыватель Верхнего Кыштымского завода Екатеринбургского уезда, 49 лет.

СКАЗКА П. СЛОВЦОВА

Сказка о Наполеоне записана в Верхотурском уезде священником села Лялинского Петром Словцовым в 1848 году. Напечатана в «Записках Императорского географического общества по отделению этнографии», том 1-й, 1867 г., с. 655—659. Печатается нами по подлиннику, хранящемуся в Архиве И. Р. Г. О. (рукопись XXIX, 22); в Записках Геогр. Общ. сохранены далеко не все особенности местного говора, отразившиеся в записи о. Словцова, есть несколько пропусков и некоторые стилистические поправки.— П. Словцов сообщает, что он два раза слышал эту сказку «о причине войны 1812 г.» от своих прихожан, двух старичков; рассказчики полагали, что сказка эта верно передает действительные события.

СКАЗКА М. И. СУРЯКОВА

Сказка о Дуньке-Дурке и Ясном Соколе записана учеником старшего отделения Половодовского начального училища Соликамского уезда. Доставлена в Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук в 1898 году бывшим учителем того же училища, псаломщиком с. Арийского Красноуфимского у., Мих. Ив. Суряковым. Подлинник, писанный рукою Сурякова, хранится в рукописном отделении Библиотеки Императорской Академии наук: программа № 136.

СКАЗКА А. П. ЦЫПЛЯТНИКОВА

Александр Петрович Цыплятников — обыватель Верхнего Кыштымского завода Екатеринбургского уезда, 33 лет. Он служил в солдатах в Варшаве, потом работал в качестве мастерового на Кыштымском заводе, а теперь занимается промыслом легкового извозчика в том же заводе.

Цыплятников не считает себя сказочником, как не считают его таковым и другие; но он хорошо знает несколько сказок, выслушанных им на службе (в Варшаве) — от солдат товарищей. «Прежде, пока я не пил вина, у меня такая голова была: выслушаю раз сказку — и запомню ее сейчас же всю». Теперь Цыплятников сильно выпивает, хотя только временами. Это человек сравнительно образованный; между прочим, читает газеты (левого направления) и хорошо осведомлен о текущей политике.

Цыплятников был моим ямщиком, когда я летом 1908 года ехал из Кыштыма в с. Метлино. Дорогой я и выслушал от него длиннейшую сказку про солдата Курилова. (Сказка эта выслушана им в Варшаве от солдата из Орловской губернии.) Когда Цыплятников кормил в Метлине лошадей, он согласился вновь рассказать мне эту сказку, уже специально для записи. Запись сказки была мною уже почти закончена, как вдруг на моего рассказчика напал «стих» недоверия. Не исключена возможность, что это был чисто психопатологический припадок алкоголика; но возможно также, что недоверие было вызвано боязнью начальства или «политическими» соображениями: в сказке говорится про генералов и императора Николая I, а дело происходило в 1908 году, когда события 1905—1906 гг. в провинции были еще очень памятны. О своих мотивах Цыплятников мне ничего не говорил; но после усиленных просьб его, грозящих перейти в насилие (дело происходило наедине ночью, в селе, куда я заехал впервые), я отдал ему свою рукопись, которую он тут же и разорвал. На другой день рано утром я записал вновь злополучную сказку по памяти. По этой второй записи она и печатается мною ниже. Так как я выслушал эту сказку дважды и притом, слушая второй раз, записывал ее из слова в слово, то я запомнил ее очень хорошо и в своей записи довольно точно передаю даже и самый стиль рассказчика, не говоря уже о всех подробностях содержания.

Еще от Цыплятникова я выслушал, но не успел записать по вышеуказанной причине сказку «Токман Токманович сам с ноготь, борода с локоть» (вариант напечатанной выше сказки Сигаева № 55) и сказку о человеке, который чудесным образом вызвал наводнение в Петербурге при Петре Великом (вариант сказки «Морока», напечатанной выше под № 60, ср. № 52).

СКАЗКИ В. Е. ЧЁРНЫХ

Василий Егорович Чёрных (24 лет) — уроженец дер. Першино Глинской волости Екатеринбургского уезда (деревня эта близ завода Режевского, в 75 верстах от Невьянска). Сказки свои он выслушал от крестьянина-старика той же деревни, Павла Петровича Гладкого (теперь уже покойного).

В. Е. Чёрных служит в военной службе, состоит рядовым Конвойной команды в г. Вятке. Я познакомился с ним в вагоне жел. дороги, когда он возвращался из служебной командировки по конвою. В вагоне он рассказывал сказки мне и другим своим спутникам. (Я нарочно ездил в рабочих поездах, чтобы знакомиться со сказочниками. При благоприятном случае я заводил речь о сказках и рассказывал какую-нибудь сказку, чтобы положить начало. Под влиянием ее обыкновенно кто-нибудь из слушателей вызывался сам рассказать сказку, в худшем же случае мне сообщали адреса хороших сказочников).

В Вятке я обратился к начальству Чёрных с просьбою разрешить ему рассказывать мне сказки для записи. Разрешение последовало под условием, чтобы записыванье происходило в свободные от службы для Чёрных часы, в канцелярии Конвойной команды. Здесь я заметил, что обстановка крайне стесняла моего рассказчика. Сказки его выходили много хуже, чем даже в вагоне железной дороги, где разнородность публики, настроенной не всегда сочувственно к сказке, также несколько стесняет рассказчика. В результате я записал от Чёрных две сказки полностью (№№ 48 и 49) и три сказки в изложении. Вот эти последние:

1[1]. Вариант пушкинской сказки о царе Салтане: царь посылает подслушивать, не говорит ли кто о его смерти. Три сестры хвастаются: старшая — сплести ковер-самолет, младшая — родить 12 сыночков по локоть руки в золоте, по колен ноги в серебре. Царь женится на младшей. Когда та родит обещанных сыновей, старуха-мамка меняет их на щеночков и пишет соответствующее письмо к царю. Царица с сыновьями закупорены в бочку; селятся на острове. Мужичок дает сыну 12 рыбинок, в 12-й из них кольцо; перекинуть его — явятся молодцы к услугам. Гости-купцы переезжают на кораблях от отца к сыну. Царь со слов мамки задает сыну задачи: 1) дом построить такой же, как у царя; 2) кот-*баюнок* вверх идет — песни по-

[1] Выслушано мною в вагоне железной дороги.

ет, вниз идет — сказки сказывает; 3) боров-*самопахарь* — сам и пашет, и сеет, и веет; 4) 12 сыновей в золоте-серебре. Последних находит уже сам царевич (все прежнее — молодцы из кольца), который приносит им 12 хлебцов, испеченных на грудном молоке матери. Сам же царевич делает мост через море к отцу и едет туда.

2. ИВАН КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН вызвался: хоть к черту, так пойду в работники. Черт нанимает его за 250 рублей и 100 рублей дает задаток. На дороге Яга Ягишна сообщает Ивану: «К нему много идет, от него никто нейдет». Яга Ягишна научает его: иди к морю, туда придут три девицы белые лебедицы; которая в середках, у той бери платье; девица отдает ему кольцо и велит приходить к тестю, где окно отперто и золотой клубок в окне. Тесть задает Ивану работы: 1) 300 десятин болота распахать, посеять, сжать и в амбар ссыпать, в один день; 2) на море корабль построить в одну ночь; 3) к утру через болото в 200 верст устроить мост; тройкою лошадей, садов и птиц на мост; 4) жеребца обучи; а он сам жеребцом. Тесть предлагает выбирать любую из трех его дочерей, которых оборачивает сначала козлухами (Иван выбирает самую старую: «стара доле помнит»), потом барышнями (у жены Ивана золотая мушка на спине). Тесть объявляет: «Сегодня спать, завтра венчать», и те бегут. «Ежли ворон каркает, батюшко едет, сорока шокчёт — матушка». В первый раз беглецы оборачиваются лесом частым (его «надо бы рубить»), второй — его церквой, а сама старым попом («ты бы рубил попа, а церква сама бы пришла»). Сорока шокчёт, тогда жена обернула его водой, а сама ершом и в воду; сорока — щукой; ерш голову в камни; «ёршик, ёршик, поцелуй у щучки губки!» — «Нет! — говорит,— поймай ерша с хвоста!» (Ср. №№ 12 и 55).

3. [БУРКО, КОУРКО И ВЕЩИЙ ВОРОНКО]. У старика со старухой три сына: Семен, Сергей и Иван. «Когда помру, на могилу приходите: благословенье дам». Приходит один Иван, который первую ночь получает бурка, вторую — коурка, третью — вещего воронка. В царстве таком-то есть царская дочь, ширинку вешает на 12 брёвен: кто достанет, тот жених. На бурке выскочил на 8 брёвен; на коурке едет — только лес трещит, выскочил на 10 брёвен; воронко катит — из ноздрей огонь валит, достал ширинку. Царь задает задачи зятевьям: достать козку золо-

тые рожки, свинку золотые щетинки и кобылицу золотогривищу; все это доступил Иван, но продал зятевьям, за что те 1) отсекли у рук по пальчику, 2) у ног по пальчику, 3) из спины ремень, из ж...ы пряжку. Зятевьям царь отдал полцарства; когда истопил баню, Ваня там ихние пальчики расклал.

СКАЗКА Н. Ф. ШЕШНЕВА

Родной сын сказочника, живущий с ним в одном доме на Теченском заводе Екатеринбургского уезда, Никифор Филиппович Шешнев (лет 25—30) сказок вообще не знает и никогда никому их не рассказывает. Но, слушая, как отец его рассказывал мне сказки для записи и получал за то приличный гонорар, и он вызвался рассказать мне одну сказку, которую, будто бы, «сам выдумал». (В действительности сказка эта традиционная и, конечно, где-нибудь Никифором была выслушана.) Привожу здесь эту сказку, рассказанную вообще не совсем удачно, как образчик современных народных сказок в устах случайных сказочников, неспециалистов.

СКАЗКИ Ф. Д. ШЕШНЕВА

Филипп Дементьевич Шешнев не может быть назван сказочником в собственном смысле этого слова: он никогда и никому сказок не рассказывает. Но он выслушал в детстве от отца много сказок, «понял» их (т. е. запомнил) и частью помнит их теперь. (Ф. Д. Шешневу около 60 лет.) Он согласился рассказать мне те сказки, которые лучше сохранились в его памяти; но память часто изменяла ему и тут: он делал пропуски, нередко прерывал складный и красивый традиционный рассказ сухим и схематическим изложением одной сути дела, безо всяких подробностей (№ 44 почти весь схематичен). Вообще сказки Шешнева приходится признать бледным отражением весьма хорошей традиции.

Не обладая даром изобразительности, Шешнев не вносит в свои сказки решительно ничего своего, личного. В этом полная противоположность его предшествующим нашим сказочникам, Ломтеву и Савруллину; если в устах последних сказка продолжает жить, то в устах Шешнева она умирает.

Ф. Д. Шешнев — уроженец Нижне-Сергинского завода Красноуфимского уезда, но на родине провел только свое детство, молодым приехав на Теченский завод Екатеринбургского уезда. Теченский завод теперь не работает, и жителей здесь почти нет. Шешнев живет тут одиноко, с двумя своими женатыми сыновьями, в качестве караульщика-дворника.

Нижне-Сергинский завод основан в 1742 году Ив. Демидовым; населен он был выселенцами из южно-великорусских губерний (вероятно, главным образом из Тульской губернии?), и жители его до сих пор сохраняют акающий южно-великорусский говор (ср. Д. Зеленин. Великорусские говоры... С. 521). Шешнев, рано оторванный от родной среды и давно живущий среди чистых окальщиков, акает весьма редко. В разговорах со мною он всегда окал; аканье у него прорывалось, по-видимому, только тогда, когда он находился в состоянии аффекта (например, сердито кричал на своих внучат и т. д.).

Тонкости произношения Шешнева не отразились в моих записях; Шешнев не умеет рассказывать сказки под запись: он всегда сильно торопится; хотя я большую часть его сказок выслушал по дважды, но все-таки приходилось следить главным образом за его изложением, а не за произношением.

Общее мое впечатление о языке Шешнева такое: Шешнев усвоил окающее произношение точно так же, как деревенский крестьянин, особенно белорус или малорус, усваивает в Питере или другом культурном центре, под страхом насмешек товарищей, городскую речь. Чтобы говорить всегда чистым окающим говором, для этого ему нужно подтягиваться, быть всегда начеку; в минуты же душевной усталости, в состоянии сильного чувства и т. п. привычки детства берут верх.

Возвращаясь теперь вновь к обстоятельствам жизни Шешнева, замечу, что обстоятельства эти мне известны мало. Жить на Теченском заводе негде, и я был там только проездом, дважды. Шешнев всегда относился ко мне как к человеку незнакомому, довольно подозрительно; излишними расспросами я мог только усилить эту его подозрительность.

Знаю только, что Шешнев не был в солдатах, что он, как и все его дети, грамотен. Книг я у него не видал, но, по-видимому, он читал жития святых. Человек это вообще очень набожный.

Как и все другие сказочники, Шешнев, конечно, далеко не сразу согласился рассказывать мне сказки для записи. Только после долгих колебаний решился он рассказать мне сказку, и первою его «сказкою» было житие св. великомученика Евстафия Плакиды, римского воеводы, память коего празднуется Православною церковью 20 сентября. Шешнев, по-видимому, не знает, что это почитаемый Церковью святой мученик; во всяком случае, он о том мне ничего не говорил и озаглавил свою «сказку» именем: «Остафий Плакида». В рассказе встречаются местные черты, например, перевозчиком является «башкирец», у царя — гонителя русских пленных оказывается «мечеть». Но вообще содержание сказки близко к житию[1]. Мне осталось не вполне ясным, действительно ли Шешнев не видит никакой разницы между данным житием и обычными сказками[2], или же он рассказал мне эту «сказку» только для того, чтобы испытать нового человека: если, мол, запишет эту святую сказку, так, значит, человек он более или менее надежный? Я записал эту «сказку» и привожу здесь ее полностью.

СКАЗОЧНИКИ-БАШКИРЫ

СКАЗКИ Г. Ю. КАРИМОВА

Гасфур Юсупов Каримов — башкир-солдат, проживает в деревне Берденище Мякотинского сельского общества башкирской Карабольской волости Екатеринбургского уезда, который знает очень много как башкирских, так и русских сказок. Последние он выслушал в военной службе (служил в матросах), а башкирские сказки выслушал частью в детстве, а большею частью в юности, служа работником в разных башкирских деревнях. Память у Каримова очень богата, но по-русски говорит он весьма плохо — крайне ломаным и неправильным языком, который

[1] Житие это издано на русском языке, между прочим, и в стихах: «Св. великомученик Евстафий Плакида, римский воевода с семьей. В стихах. В двух частях. Переложение Варвары Какуриной. М. 1862».

[2] Житийная литература вообще оказала бесспорное влияние на русские сказки.

трудно и признать за русский. Я не записывал от Юсупова тех сказок, которые он сам (равно как и слушатели башкиры) называл «башкирскими сказками» и которые он выслушал, по его словам, дома от башкир. Из русских же сказок, вынесенных Юсуповым из военной службы, я записал четыре в извлечении. Богатый сказочный репертуар Юсупова, как башкирский, так и русский, я, таким образом, совсем не исчерпал, предоставляя это специалистам по башкирскому фольклору.

Вот русские сказки Каримова (в изложении):

1. [БЕССТРАШНЫЙ СОЛДАТ]. «В некотором царстве, в некотором государстве — в том, в котором мы живем, на ровном месте, как на бороне, служил солдат Петровский. Самый первый солдат был. Раньше телеграммного сообщения никакого не было; депеши таскали пешие солдаты, вестовой. В 12 часов ночи приходит государю императору из иностранного государства пакет: объявляется война. Пакет был отдан (нужно было отдать) графу Пашкевичу; жил он 25 верстах от города». Страшная ночь — темная, гром и молния. Некому идти с пакетом.— «Солдат Петровский,— говорит,— понесет, он бесстрашный».— Призвали его; он понес. Дорога по кладбищу. Хоронили раньше кое-как. Он вроде (как) дурачок: «Пойду спать на кладбище, как дома».— В гробницу лег, где было Идолище, старуха. Спит. Тот является: «Пусти!» «Нет, нельзя!» — Научил Петровского всему.— Отдал Петровский пакет.

Народ хохлы живет. Жених с невестою кончился (умерли в одном селе). Солдат Петровский их оживляет за 500 рублей. Оживил, но там его заперли в каталажку. Император посылает телеграмму: «Где бесстрашный солдат?» — «В тюрьме».— «Выпущал». Жених дал Петровскому лошадь, а родители молодых по триста рублей. Петровский отдал коня и деньги старику, а сам отправился за границу. Женится на попадье скупого священника, получает коней. Находит в трактире безбоязливого товарища, и едут с ним вместе; берут к себе в экипаж пять встретившихся мертвецов. Заезжают в полигончик (чугунный дом), где живут 12 сыновей-разбойников; пугает разбойников, закусывая своими мертвецами; поселился в этом дому и повесил афишу: «В этом дому живет людоед-разбойник, близко не подходить!»

Спасает девицу, которую утащили черти и мучат в тереме; для этого Петровский заказывает в городе чугун-

ный чехол на пружинах, перчатку с железными когтями, три молота — в 1, 2 и 3 пуда, и статую, которая колотит молотами. Петровский идет к чертям в терем играть в карты; условие игры: выигравший 1) царапает спину, 2) колотит молотами; когда выигрывал черт, Петровский надевал свой чугунный чехол, в противном же случае пользовался железными когтями и статуей с молотами. На третью ночь земля задрожала — пришел старый чёрт и привел за собой всех птиц. Петровский отказывается играть, говоря: «Боюсь старого солдата», и указывая на статую. Чёрт полез к статуе, и там его защемило. Петровский отпустил чёрта только тогда, когда тот расписался, что никогда не придет в этот дом. Петровский остался жить в этом тереме, но девицу не взял замуж, так как был уже женат на попадье.

2. [СОЛДАТ СПАСАЕТ ЦАРСКУЮ ДОЧЬ ОТ ЗМЕЯ]. У царя было три дочери; их охраняли два генерала и один солдат. Они гуляли и увидели: зверок с бриллиантами и золотом (это был чёрт). Генералы хотят зверька брать, а солдат не велит. Те взяли, и царские дочери исчезли. Всех троих (генералов и солдата) царь велел засадить в темницу, а потом посадили их на круглый корабль и пустили в море: на 7 лет провизии дали. Плавали в море 4 года и попали на остров. Вышли на берег. Генералы охотятся, а солдат кашеваром, дома сидит. Прилетел к солдату Идолище в виде государя: «Иди ко мне на службу, я тебе дам триста рублей жалованья». — Солдат согласен. Дал ему Идолище шлюпку-самодрантку. Едет на ней солдат; видит: сад прекрасный, львы и тигры кругом терема. Солдат убил двух гусей, бросил львам и прошел в комнаты. Там никого нет; денег ворохами лежит, а есть нечего. 6 суток сидел солдат голодом, потом нашел в комоде дудки и заиграл; явились 12 разбойников: «Чего изволите, солдат?» — «Поесть». Заиграл другой раз, явились 12 девиц-стряпок, 12 красавиц. — «Жрать скорее!» — 12 столов сразу накрыли. Лег спать солдат. Месяц жил, как один день.

В двенадцатой комнате под полом, под решеткой сидит девица, дочь государя. Она дает солдату шашку-саморубку в 50 пудов и научает убить 12-главого змея сонным. Солдат зарубил и головы замазал. — Государская дочь дала ему белой платок: махнул солдат этим платком направо и налево, явилось войско — мухи, комары, мошки: «Здорово, Ваше Императорское Величество!» Положил в кар-

ман, ничего не стало. Второй платок дала красный, махнул — явились тигры, львы, нерпы: «Здорово, Ваше Императорское Величество!» — Львица с рапортом и идет. — «Не бойся. Нас Идолище мучил».

Поехали домой, к государю, отцу девицы. Корабли загрузили товаром, а зверьев в нижний трюм; дома: свинтила винты, и ничего не стало. Приехали на остров, где генералы. — «Вон наш солдат Федотов!» — Взял солдат и генералов с собой. Штык свой солдат оставил в тереме: «Пойду обратно: царь оштрафует». — Садится в свою шлюпку-самодранку, едет один. Генерал мучит царскую дочь: «Возьми меня замуж, солдат *кончился*».

Солдат раньше их приехал домой и поступил на службу вольноопределяющимся; выслужился скоро до унтер-офицера и получил взвод вотяков, черемис и других, которых никто не мог учить. Он ночью их учит, своих солдат из дудок заставляет: «учите (нагайками)». Сделали его поручиком, полуротным командиром, подполковником. А государь император не знал, что это тот солдат. На смотру батальону солдата похвала с наградою. — Между тем получили телеграмму: генерал нашел царскую дочь. Прибыли; устроили парад. — «А где солдат?» — «Наверно, утонул». — «Как нашли дочь?» — «Убили змея». — Бал на месяц. Царская дочь увидела на балу солдата-полковника и говорит: «Вот этот полковник спас меня, у него и наши именные платки». Солдат-полковник взял дудку и сказал своему войску: «Убейте генерала!» — Царская дочь вышла за него замуж.

3. КАК ГОСУДАРСКИЙ СЫН НА МАЧЕХЕ ЖЕНИЛСЯ. [ДЕРЕВЯННЫЙ ОРЕЛ]. Были два друга: часовой мастер и столяр. Они поспорили и положили заклад в триста рублей; каждый говорит, что я «чище сделаю» (хитрее и тоньше работу). Купеческий сын слышал это, дал им материал и 600 рублей залогу. Часовой мастер сделал золотую утку: летит поверху, прилетит — 12 утят сзади. Солдат сделал деревянного орла, двухглавной. Приходят на суд. — «Оценить нельзя орла, дороже утки. Идите к царю, мы рассудить не можем». — Приходят к царю, показывают; за утку 40 тысяч подарил; на орла сел с помощником: в один час 80 тысяч верст. 75 тысяч наградил за орла и взял орла себе. — Те деньги прокутили.

У царя один сын, Алексей, 18 лет. «Я поеду кататься на орле». — «Ты погибнешь». — «Нет, я сейчас при-

еду». — Не спросил ничего, садится и поехал: а денег с собою взял много. Трое суток летал; в тридевятое царство уже прилетел. Спустился: не наш народ, не наши дома. — Орла в корзинку собрал, к старушке в домик зашел: «Прими меня в сыновья!» — «По миру хожу». — «Прокормлю». — Дает ей 25 рублей.

На другой день узнает: в башне живет заграничного царя дочь, от Идолища спасается; у башни дыра только на макушке. Подлетел туда; она спит; влюбился, хотел обнять, она закричала; сбежались, а он еще прежде улетел. — Опять туда; а та притаилась, поймала его. — «*Откель?*» — «Пастуха сын». — А по лицу не простой. Не пущает его домой. Стал жить с ней, прожил почти год; она беременна, а отец ничего не знает.

Между тем отец Алексея ищет своего сына, посылает газету. По карточке царская дочь узнала. Увидал Алексей газету и заплакал: стосковался. Царская дочь родила сына. — Куда девать? — «Я отдам старухе, сам домой, — говорит, — поеду. А тебя когда-нибудь достану, приеду». — Отдал сына старухе, 12 тысяч дал на ученье; в бумажный пакет перстень и платок запечатал и отдал. Приехал домой: отец и мать его померли.

Сын его Василий уже учится; над ним смеются: «крапивный ты!» — Мать дает ему отцовский портрет, и он идет искать отца. Приехал, а Алексей высватал уже другую невесту. Василий поступил в приказчики к отцу, играл на музыке. Мачехе (тогда еще только невесте Алексея) охота замуж за Василия; она отсрачивает свадьбу на месяц, а сама приходит каждую ночь спать к Василию. Приходит иеромонах и видит это, сказал государю; иеромонаха в крепость. Государь надевает платье иеромонаха, идет ночью и видит: опять пустили ночевать. Утром государь издает приказ: безбилетных на виселицу. Один приказчик-де без билета (Василий). Перед смертью Василий просит стакан воды. Алексей увидал у него на руке именной перстень, и рот он обтирает именным платком. — «Украл у меня?» — «Перстень твой, и я твой!» — Узнали. — «Я приехал за тобой. Твоя жена там, а мачеху я за себя взял». — Старуху похоронил.

4. [КУПЕЧЕСКИЙ СЫН]. Жил купец; у него был единственный сын. Отец миллионер. Сын хорошо учился. Приехал сын домой: дают ему книжку; он притворяется неученым: грамоты не знаю-де. — Ругают его. — «На те-

бе триста рублей, иди по деревням, собери себе ума».— Ничто ему не нравится. Пришел в город. Там картежники играют.— «Научите меня в карты играть».— Дал им двести рублей. Домой пришел: «Ничему, де не научился; хохлы деньги отобрали».— Опять ему дали триста рублей; он научился музыке, пришел домой и говорит: «Ничему не научился, цыгане деньги отняли».— Третий раз дали ему тысячу рублей. Он пришел в город, там библиотека: один писака рукой пишет, ногой пишет, сзади песенки поет. Научился купеческий сын у него всему за тысячу рублей, а домой пришел, говорит: «Ничему не научился, де».

Повез его купец продавать на рынок. Свояк государя все смотрит, покупает.— «Не купи,— говорит отец,— горе захватишь!» — Купил его; стали держать его со свиньями, плохо кормить. Потом хотят его убить. Пакет послал с капитаном: жене убить его велел. Поехали. Приехали в город, где Ваня в карты научился играть. Капитан все проиграл — и корабль и все. Тут выступил Ваня и все у них выиграл.— «Я ваш ученик. Не надо мне ничего, а дайте мне только пакет».— В пакете переписал: «Взвенчать с дочерью государского свояка». (Свояк на смотру остался.) Подал пакет.— «Где жених?» А Ваня красивый. Ваня выиграл у государя войско, а потом и чин государя выиграл. Тестю виселицу изготовил. Свояк едет и говорит: «Пошто не вешали его?» — «Он царем».

В город поехал Ваня, где у него отец. Собрал всех на обед и сказку говорит, про себя: сын дурачком называл себя, а был умным, ума собирал по деревням... А отец говорит: «Не может быть этого!» — «Эх, отец, я тебе сын!.. Не трону отца!» — Уехал домой.

СКАЗКИ Б. ДИН-МУХАМЕТОВА

Бузикит Ярышич Дин-Мухаметов — уроженец и житель башкирской деревни Алабуги Карабольской волости Екатеринбургского уезда. Ему 19 лет. Грамотен только по-татарски. По-русски говорит плоховато. Живет в Алабуге у отца, занимаясь земледелием, а в свободное время работает на заимках. Отец его, от которого Савелий (русское имя Бузикита) выслушал часть своих сказок, служил работником в разных местах Пермской губернии.

СКАЗКИ МАРДАНА МУХАМЕТОВА

Мардан Мухаметов — башкир деревни Алабуги Карабольской волости Екатеринбургского уезда, 35 лет. Грамотен только по-татарски. В солдатах не служил, но в молодости жил работником в разных местах, тогда и выслушал свои сказки.

Мардан рассказывал мне свои сказки летом 1913 года несколько ломаным русским языком. Некоторые погрешности его в языке — а именно смешение родов и нерусскую конструкцию речи — я исправляю; прочее же оставляю без изменений. — Некоторые выражения и слова, которые рассказчик не знал по-русски, я сам переводил с башкирского.

Все сказки, которые я записал от Мардана, он называет «башкирскими».

СКАЗКА А. ШАХАТОВА

Мещерякскую сказку рассказал по-русски мещеряк из с. Кунжáк Муслюмовской волости Шадринского уезда, Абдулмажит Шахатов, 35 лет. Я встретился с Шахатовым в башкирской дер. Агачкуле Челябинского уезда, где Шахатов временно работал вместе с своим семейством: местные мещеряки вообще вследствие малоземелья занимаются отхожими сельскохозяйственными промыслами в Пермской и соседних губерниях.

СКАЗКИ С. ЯКУПОВА

Субханкул Якупов — 15-летний мальчик, ученик татарской школы в дер. Алабуге Карабольской волости Екатеринбургского уезда. Русского языка он еще не знает; но по-татарски учится прекрасно и, между прочим, пишет стихи на татарском языке (именно на татарском, а не на родном башкирском, так как местная школа, по его словам, совсем не признает башкирского языка). Обладая прекрасною памятью, Субханкул очень хорошо помнит ряд сказок, слышанных им в разное время от разных лиц. Я записывал от него сказки по-башкирски и потом сам переводил (с помощью местных жителей) их на русский язык.

ОБЛАСТНЫЕ СЛОВА, ВСТРЕТИВШИЕСЯ В СКАЗКАХ[1]

Абро́дочку — оброт, недоуздок.
Агромадный, агроматный — громадный.
Азя́м — верхняя мужская суконная одежда, род халата.
Айда́ — иди, ступай. Айда-ка. Айдате.
Аккуратная комната — приличная, прилично обставленная.
Але́ — или.
Али́ — или.
Апа́й — сестра, тётка (обращение к девице, башкирское слово).
Аржано́й — ржаной.
Армя́к — верхняя одежда; азям.

Баба — жена.
Ба́биться — повивать, принимать новорожденного.
Баби́ца — распутная женщина?
Бадажок, бадажочек — палка пешехода, трость.
Ба́ет — говорит.
Ба́иши — говоришь.
Ба́ло — особое приспособление для сгибания санных полозьев и колес, гибало.
Ба́ршина — место, где борются? (По-видимому, неправильно понятое слово барщина — работа на помещика).
Ба́синький — красивый.
Баско́й — красивый. Не ба́ско — не хорошо.
Бат — большая лодка однодеревка.

---

[1] Настоящий словарик преследует чисто практические цели — дать лицам, недостаточно знакомым с местным говором, пособие при чтении сказок; вот почему в словарик вошло немало слов, отличающихся от слов литературного языка только по произношению; объясняемые слова приводятся в разных грамматических формах (большею частью в тех самых, в каких они встретились в тексте); пояснения имеют в виду только значение слов в данном контексте.

Батько — священник.
Бачько — священник.
Баюнок — эпитет кота.
Бегли — бежали.
Безостаточно — без остатка.
Бегунцов пускать — устраивать скачки верховых лошадей.
Бедно — обидно.
Таку беду — сильно, очень, весьма?
Бе́лька — кличка собаки.
Бере́мё — охапка, ноша.
Берести́на — кусок березовой коры.
Бе́стия — бранное слово.
Биржо́вщики — легковые извозчики.
Бисерт — десерт.
Бла́знит — чудится, мерещится, видится.
Бластится — мерещится, чудится, видится.
Блуди́ть — плутать, сбиваться с прямой дороги.
Богатыри́ца — женщина-богатырь.
Божни́ца — полочка для икон в переднем углу избы.
Больно — очень, весьма.
Большак — старший в семье.
Бо́льшину дам — главенство в доме, сделаю старшим, большаком.
Братанушка — двоюродный брат; ласковое обращение к чужому.
Бра́товаться — бороться.
Бра́урное платье — траурное.
Буби — бубны.
Бузовать кого — сильно и много бить, драть.
Бурак — берестяное ведёрко с деревянной крышкой.
Бу́хнулся — упал с шумом.
Ночным быто́м — ночью.

Варна́к — бранное слово. (Собственно: клейменый преступник).
Варовинный — свитый из пеньки, из конопли.
Ва́ря — вареное кушанье, горячее.
Вдарить — ударить.
Вдруго́рядь — другой раз.
Ве́реск — треск.
Вере́тейка — холмик, горка.
Трёхверховый — в три вершка толщиной.
На ве́ршну — верхом на лошадь.

На вески́ — на виселицу.
Весоухая собака — ротозейка, простофиля.
На́ вести — часовым, вестовым.
Вести́мо — понятно.
Ве́чера — вечером.
Вечеровала — ужинала.
Вечер — предсвадебная вечеринка.
Веща — вещий?
Взáмуж — замуж, в замужество.
Взбулга́чут — обеспокоятся, зашевелятся.
Ве́ничком прикадили? — Издатель поясняет: ве́ничок — венок. Быть может, веником прикатили?
Винно́вый — пиковый.
Виноход — иноходец.
Вла́зина или *вла́зины* (мн.) — пирушка по случаю новоселья, переход в новый дом.
Сколько мне влезет — сколько угодно, сколь хочу, в полную свою волю.
Вникаться — вчиняться, оспаривать, вчинять иск.
Водить кого — бить.
На волю — на улицу, под открытое небо.
Во́рог — враг.
Воспарение — пары.
Вошь в голову покажу! — угроза отомстить.
Враз — как раз, кстати.
Всерёд — среди, в середине.
Вы́валились кони — пропали.
Вы́гаркать — вызвать криком, вскричать.
Выкопать глаза — ослепить.
Вы́пелил язык — высунул.
Вышка — чердак, место между потолком и крышей здания.
Вьюноша — юноша.

Га́ркать — звать кого криком, кричать.
Гаркнул — крикнул, криком позвать кого.
Гармази́ново сукно — кармазинное, красное.
Ги́нуть — гибнуть, умирать.
Глухая повозка — наглухо закрытая, так что сидящего в ней никому не видно. По народным рассказам, «в глухой повозке» отправляли прежде, неизвестно куда, тяжких политических преступников.

Глядéчя — смотреть. На реку по ниточке глядечи — удить рыбу.
Глянýться — нравиться.
Гнать — быстро ехать.
Годовúчное — годовое, годичное, на год.
Годовой работник — нанятый на год.
Гóлбец — место под полом избы; подполье, подвал.
Гóлбчик — полатцы около печи, под которыми устроен вход в голбец.
Голичóк — веник без листьев, употребляемый для метения пола.
Головúнка — голова.
Голубиха — голубка, самка голубя.
Голуны́ — галуны, нашивки военного чина.
Голя́шка — голень и др.
Гоните — поезжайте как можно быстрее. Гóнит — быстро едет.
Горесть — горечь (о горьком табачном дыме).
Горносталька — горностай?
Гостинец — подарок.
Грамотка — письмо.
Грезить — дурачиться, дурить, озорничать.
Грýдит деньги — загребает, собирает, копит.
Грядка — у телеги: каждая из двух продольных жердей, образующих боковые края кузова.
Грядка — в избе: брус под потолком, от печи до противоположной стены.
Гулевáнка — любовница.
Гулевáн — любовник.
Гýльбище — гулянье.

Дворец — двор, особенно же двор при царском доме (при «палатах»)
Дворный генерал — придворный чин.
Двóрня — придворные.
Деревúнка — кусок дерева, палочка.
Держать озеро — арендовать, откупить.
Дёр, дёру дать кому — отодрать кого, избить.
Дéу (или Деý) — по объяснению башкира-сказочника: летающий человек с двумя крыльями; вроде лешаго или бисурúы, или же вроде русского Кащея. Прежде они жили в степи.

Дивно — много, долго.
Дивня́жно (?) — далеко.
Дивове́жа (?) — чудо, диво.
Дается — делается.
Дичятина — дичь.
Под довизо́ром — под дозором, с караульными.
Доклад твой — ты будешь докладывать мне о всех приходящих.
Докуль — докуда.
Долгу́шка — тарантас, экипаж с плетенным из прутьев кузовом.
Домашность — домашняя обстановка.
Доро́дный стакан — большой.
Доспелось — случилось, приключилось.
Доступа́л что — доставал, отыскивал, находил.
Дохтур — доктор, врач.
Дочитался — дочитал, продолжал читать.
Дра́ло — убежали.
Дру́жки — свадебные чины, распорядители на свадьбе; шафера.
Дубасить — бить, хлестать.
Дубовник — дубник, дубовый лес.
Ду́мшие — советники царские.

Ела́нь — поляна.
Ерофиевич — горькое вино, настоянное травами; настойка.
Не есть — не только что.
Етта — здесь. *Еттака* — здесь.

Жа́лится — жалуется.
Жалеть кого — любить.
Жа́мкнул — сжал, сдавил, стиснул.
Жеребчишко — жеребенок-самец.
На жертву — в пищу, для еды.
В жи́вности — в живых, живого.
Жига́ло — раскаленная железная палка для прожигания дыр в дереве.
Жизь — жизнь.
Жи́ло — обитаемое место, где живут люди.

Заблудящий — заблудившийся, заплутавшийся.
Забота́л ногами — начал качать, закачал.

Забура́нило — поднялась буря.
Забе́дно — обидно, завидно.
Зависно́й — завистливый.
Завóзня — большое крытое помещение для экипажей.
Завтрик — завтрак.
Загляну́ться — понравиться.
За́годя — заблаговременно, заранее.
Загужа́лся — замешкался, замедлил.
Задво́ренка — живущая в задней улице деревни.
Задожжа́л дожжик — пошел непрерывный и продолжительный дождь.
Задок — сиденье в кузове экипажа (противополагается козлам).
За́драл лошадь — ободрал кожу.
Займка — дача, хутор; стоящий далеко от селения дом.
За́йму етца — занимается.
Законвертить — запечатать в конверт.
Закон — законная жена.
Зали́чинка — род карниза у ворот; резной наличник.
Залы́вина — речной залив.
Замши́л — законопатил мхом.
Зао́йкала — закричала: ой! ой!
Западёнка — маленькая западня.
В западя́х — взаперти.
Запричи́нить — обвинить.
Запроста́ла посуду — заняла, наполнила чем.
За́риться на что — с завистью смотреть.
Зарóд — стог сена.
Зарешúть кого — убить.
Засовался в карман — стал искать рукою в кармане.
Застона́й — застони, начни стонать.
Засчúта — зачёт? Льгота?
Заутра́ — завтра утром. *Заутрю* (?) — то же.
Заутро́ — на другой день утром.
Збулга́чься — забеспокоились, возмутились, закопошились.
Звоняйте — звоните.
Згвал — гвалт, скандал.
Здоро́вый — сильный.
Здрить — зреть, смотреть. *Здрел* — зрел, смотрел.
Зело́ — зло.
Зелье — лекарство. *Зельё* — яд.
Зипун — верхняя одежда. Зипунчик (уменьш.) Загни зипун — шуточно: сшути, «отмочи» какую-нибудь штуку.

Златни́ца — какая-то особенная золотая монета.
Зна́мо — конечно.
Знял — поднял. *Знялся* — поднялся.
Зорька — коротенькая трубочка.
Зыск — сыск, суд.
Зьяет — сияет, блестит.

Игорнуть — сыграть.
Избывать кого — желать смерти кого; высказывать пожелание, чтобы такой-то умер.
Изматерить — выругать по-матерному, неприличною бранью.
По изо́тчеству величал — по отчеству.
Изъезжаться над кем — издеваться, обижать кого.
Искуси́л — вкусил, куснул, попробовал есть.
Испаси́сь — приготовься.
Испо́дь — низ, нижняя часть.
Испужаться — испугаться.
На испытущу — для испытанья.
Исхитить кого — погубить.
Ихий (и́хова, и́ху) — ихний, принадлежащий им.

Кабан — стог сена.
Каблук кроет — скрывает следы, укрывает кого (выражение пословичное).
Кадрель — кадриль.
Казёнка — отдельное помещение хозяина на судне.
Как есть — непременно.
Калбушка — обрубок.
Калужи́на — большая лужа.
Калякать — говорить, разговаривать, болтать.
Карабута — эпитет вороны.
Карда́ (башкирское слово) — загородка для скота; пригон.
Каталажка — арестантская, темница.
Кикимора — злое и страшное существо, которое, поселившись в известном доме, совершенно выживает оттуда хозяев: оно кричит разными страшными голосами, с сильным стуком бросает невидимые вещи, бьет утварь и т. п.
Клокчет ворон — каркает?

Клячик — небольшая палочка, которою закручивается и закрепляется веревка, связывающая воз дров, сена и т. п.
Кожура — кожа, шкура.
Кожуриночка — кожа, шкурка.
Козлуха, козлушка — коза самка.
Колесница — колея, выбоина от колес на дороге.
Ко́лок — роща.
Колы́шка — петля; комок.
Кольчу́к — кольчуга?
Комо́рка — сторож в волостном правлении.
Конёк — самый верх крыши здания.
Конопатка — небольшая лопатка, которою «конопатят», т. е. пробивают, затыкают паклей или мхом стены.
С конца (сказки) — с начала.
Кончать, кончить кого — убивать, убить. Кончать — съесть. Кончали — кончились.
С копылко́в долой — с ног долой, упал.
Во́ корень не пошел — совсем, совершенно не пошел, остановился.
Коробейка — ящик из луба, коробка.
Косачи́ игро́вые — токующие тетерева.
Костёр дров — большая поленница длинных дров.
Коты́ — род кожаной обуви.
Ко́чень — кочерыжка, твердый стебель капустного вилка. Ровно кочень — закоченела, замерзла.
Кошма — войлок.
Не в кою пору — скоро.
Крапивный — внебрачный.
Красный товар — мануфактура, суровской товар.
Кре́сти — трефовая масть в картах.
В крещену веру везти (ввести?) — окрестить.
Кривули — кривые палки с загибами.
Кривуля́стый — извилистый, с частыми изгибами.
Кропи́лка — кропило, кисть для окропленья.
Круто — скоро.
Крясла — кресла.
Куде́ля — приготовленное к пряже (очесанное) волокно льна.
Купля́л — покупал.
Курну́лся — окунулся.
Курну́л его — окунул.
Куфня — кухня.

Лагери — лагери, стан.
Лада (м.) — муж.
Ладушка — супруг, муж. Ладушка — жена.
Лакейка — служанка, горничная.
Латка — особая посудина для жаренья.
Лачи — лакай, пей.
Лево́рверт — револьвер.
Лев. Склоняется: лева, леву.
Лётал — летал.
Лиза, ли́зия — удар по лицу, оплеуха, пощечина.
Лиса́фья — лиса.
Литовка — коса для косьбы сена.
Литовошник — продавец кос; косник.
Ло́поть — одежда.
Лунь — лунный свет? луна?
Лучок — лук для стрельбы.

Ма́знул по щеке — ударил, дал оплеуху.
Майда́н — башкирское общественное гулянье, на котором бывают скачки, состязание в беге и в борьбе, и угощение вареным мясом.
Мала́йко — мальчик (башкирское слово).
Малама́ло — кое-как, немного, плоховато.
Малаха́й — шапка с наушниками.
Мальчик — младенец (любого пола).
Маракую́ — немножко понимаю, умею.
Ма́тка — жена священника, попадья.
Матка — матица, главная перекладина под потолком или под полом.
Мать — обращение мужа к жене, у которой уже есть дети.
Матю́к — неприличная, «матерная» брань.
Маха́н, маха́нина — башкирское название мяса. В разговорах с башкирами это слово употребляют и русские.
С маху — очень быстро, без промедления.
Медведшик — вожак ученого медведя.
Мерёжки — сети.
Мертвяк — мертвец, покойник, труп.
Мершую бумагу — похоронную, свидетельство о смерти кого.
Метлеси́ть — мелькает, мешается в глазах.
Метлячок — метелек, бабочка.

Ми́лосливый — милостивый.
Милыш, милиш — возлюбленный, любовник.
Мир доро́гой — приветствие идущему при встрече, обычное в Пермской губ.
Мишенька — медведь.
Мленье — мнение, мысли, ум.
Могутный — могучий, сильный.
Молодушка — молодица, недавно вышедшая замуж женщина.
Молодяжник — молодежь.
Морговать — брезговать.
Морда — верша; рыболовная снасть, сплетенная из прутьев.
Морился — молился.
Мосо́л — кусок мяса с костью.
Мотался — не держал своего слова, не исполнял обещаний, обманывал.
Мужик — муж.
Муравьище — муравьиная кочка.
Мыздачить — бить, колотить.
Мырнуть — нырнуть.
Мяхки — караваи.

Набойки — доски, набиваемые на борта лодок.
Набедила — набедокурила, провинилась.
Нага́рканы — названы, позваны.
Нагнали — во множестве и быстро прибыли, приехали.
Наджидать — поджидать, ждать.
Надписация — надпись.
На́закат солнышко — близко к закату, садится, скоро закатится.
На́ золоте — вызолочено, раззолочено.
Найдёныш — найденный ребенок, подкидыш.
Наклад — убыток.
Бога наминю́ — божба; клянусь.
Напа́рья — особое сверло для сверленья больших отверстий.
Напахну́лся — набежал, кинулся на кого.
Напахну́л добрый ум — пришла в голову добрая мысль.
Наперво — прежде, сначала.
Наруши́ть кого — убить.
Насла́ты — настланы.

Натака́ться на кого, на что — наткнуться, встретиться.
Натопить трав — напарить.
Нато́ркала — туго наполнила, набила.
Находит на кого — походить.
Нахо́дный — найденный, находка.
Начереди́ть — изготовить как следует, очистить птицу от кишок.
Начитаюсь — считаюсь, слыву кем.
Небаска́я — некрасивая.
Недобром заревели — изо всей силы, во все горло, благим матом.
Немогу́ — болею, больна.
Немская — немецкая.
Непросужий — глупый, дурной.
Несчастные — арестанты.
Не́тина — зелень, листья репы.
Не́тука — нет.
Не́христь — не христианские страны.
Не́честно — с дурными намерениями.
Ноженки — ножницы? (Записавший поясняет: ножи, но, вероятно, ошибочно).
Ночным быто́м — ночью.

Обважживать — надевать вожжи.
Обвоз — обоз.
Обворотись кем — обернись, превратись в кого.
Обворотиться — воротиться.
Обветился — поощелался, дал обет.
Обвет — обет, обещанье.
Обгудать кого — обмануть.
Обдул — надул, обманул.
Обделал — обманул.
Обихаживать — очищать, приводить в порядок.
Обиходить — очистить, привести в порядок.
Обиход делает — чистит, очищает. Не обиход — нечистота, беспорядок.
Обледево́нить — обесчестить, обругать женщину неприличным словом.
Обносился — износил всю свою одежду.
Обношу милостину — подаю нищим.
Обознал — опознал, узнал.
Оботкать кого — обмануть.
Обрачу — ворочу, пришлю обратно.

Обря́д — наряд, одежда.
Не обходя — без пропусков.
Обызъянила меня — ввела меня в убыток (изъян).
Оввернулась кем — обернулась, превратилась в кого.
Овворотись кем — обернись, превратись в кого.
Огладь — погладь.
Огложал меня — съел мою пищу.
Оголожали — сильно проголодались.
Ограда — двор. Оградка — двор.
Одаль — вдали, в стороне.
Оди́нова — однажды.
Однако — одинаково.
Оживе́ла — ожила.
Озадки — отговоры, отступление от данного слова.
Озери́на — озеро. Озеринка — озерко, небольшое озеро.
Окладну́ю бороду — накладную, искусственную.
Оконь — окна.
Опара — кислое тесто, квашня.
Описка — опись имущества (за долги).
Осот — сорная трава в хлебе.
Оставши́ — оставшиеся, остаток.
Осто́жье — изгородь вокруг сенного стога.
Отта́ркиваться — откликаться на зов, отзываться.
Отда́рки — подарки в ответ на подарки же.
Отец — обращение жены к мужу, имеющему детей.
Отказать кому что — завещать, отдать в наследство.
Отку́ль — откуда.
На отмашку бей — отмахиваясь, прочь от себя.
Отталь — оттуда.
Оттоль — оттуда.
Отчекут — отсекут.
Охаживать кого — бить.
Очаг — подтопок, род печи для варки пищи в котле или на тагане.

Пади́на — дохлая скотина, падаль.
Пал — быстро сел, чтобы ехать.
Паска — Пасха.
Перво — сначала, прежде.
Перевёртышек — оборот, круг.
На пересечку — пересекая дорогу.
Пестерюшка — кузовок.
Пестрядь — пестрая ткань.

Печатная сажень — обыкновенная мерная (в отличие от маховой сажени, неполной).
Печурка — углубление в наружной стене печи.
Пешки — шашки, пешельница — доска для игры в шашки.
Пешня — лом, которым ломают лед на реке.
Плант — план.
Пласну́л кого — сильно ударил, выстрелил.
Плашка — огниво; стальная пластинка для высеканья огня кремнем.
Плюснуть кого — ударить.
Побаял — поговорил.
Побра́товаться — побороться, выйти на поединок.
Пога́ркал — позвал криком, покричал.
Погляну́ться — понравиться.
Погода — дождь, буря, ненастье.
Подаваться — подвигаться вперед, продолжать свой ход. Подался — продвинулся вперед.
Подга́ркал — подозвал криком.
Подгоноши́ть — приготовить.
За подёржку — за подержание, в уплату за пользование.
Подкле́ть — брачное ложе молодых.
Не подобается — не подобает, не прилично.
Подогнал — быстро подъехал.
Пододраться — придраться, найти неправильность.
Подо́лит — одолеет, осилит, поборет.
Подпал к кому — подольстился, уговорил кого.
Подтибрила — украла.
Подтюремок, подтюремный замок — тюрьма, темница.
Позори́л — разорил.
Покро́ме — кроме.
Покуль — покуда, пока. Покульча — покуда.
Полдни (мн.) — полдень.
По́лоз — удав.
Полоу́хий — ротозей, бестолковый.
Полы́снуть — сильно ударить. Полыщет кого — бьет, колотит.
Помокчи́ — помочь.
Понюжа́ть — понужать, бить.
Попелочки — пепел.
Поперёшна — несговорчивая, спорливая, любящая возражать и противоречить.
Попустился долгу — отказался от получения долга.
Порат — парадное крыльцо.
Поро́били — поработали.

Поровна́ку — поровну.
Портня́га — портной.
Порешу́ — уничтожу.
Посокро́че — построже.
Посопи́ся — поиграй в дудку.
Постоялка — содержательница постоялого двора.
Посули́ться — пообещаться.
По́топ — топот.
Потыка́ться — спотыкаться.
Похитка — грабеж, разбой; убыток, потеря.
По́чал — начал. Почала́ — начала.
Почулося — послышалось.
Пощё — почему.
Прави́льное крыло — показывающее путь, дорогу куда.
Прежён — жарен.
Пригаркивают — подзывают к себе криком.
Пригнал — быстро приехать. Пригонит — быстро приедет.
Пригоношил — приготовить.
Приго́н — загородка для скота.
Пригоня́ет — быстро приезжает.
Придлить (?) — определить?
Придорожнички — хлебы, печенье на дорогу.
Прильстился — подольстился, пристал.
Принаследно — надлежит, нужно, требуется.
Припас (охотничий) — дробь и порох.
Природство — родня, родственники.
Присла́то — прислано.
Пристать — сильно устать, утомиться.
Пробузова́ть кого — сильно отколотить, отодрать.
Пробурлить — просверлить.
Прова́лище — пропасть, глубокая яма.
Прокла́дная жизнь — спокойная жизнь.
Пропитал — пропитание.
Проробить — проработать.
Просмешник — насмешник.
Простяк — простое вино.
Против чего — по сравнению с чем, не хуже чего.
За проходы — за ходьбу, «на чай».
Преют — парятся, жарятся.
Пых — нагрянет, быстро явится; нагрянули, явился.
Пешня — лом, которым ломают лед на реке.
Пятистенный дом — разделенный на две больших половины капитальною стеною.
Взад пятки — пятиться, отказывается от своего обещанья.

Разбойство — разбой.
Разважживай — снимай вожжи.
Разводить гряды — водить под уздцы лошадь при распашке огородных гряд; показывать, где провести борозды.
Разгулка — прогулка.
Размухлынился — всклокочил волосы на голове, растрепал волосы.
Раскатать дом — разнести по бревнам.
Раскуберить — раскупорить.
Раставралась — обессилела, истомилась, растянулась.
Расщурь глаз — раскрой, смотри во весь глаз.
Релец — виселица.
Ремонты — товары? Заказы? Торговые поручения?
Решить что — потратить, промотать.
Решетка — корзинка.
Ро́бить — работать.
До рову — до рва.
Россóха — деревянная часть пахотной сохи с раздваивающимися концами.
Ростани — место, где расходятся или перекрещиваются две или несколько дорог.
Рукотер, рукотёрка — полотенце или тряпка для утиранья рук.
Рык — овраг?
Рыхнулась — рехнулась, обезумела.

Сабан — род плуга.
Салотопщик — рабочий на салотопном заводе.
Самопахарь — плуг, пашущий землю без помощи особого двигателя.
Сарык — башкирская обувь, чарки.
Сбрела — схватила.
Свалка — склад; место, где сваливают товары с возов.
Сверстаться — сравняться с кем.
Свильнула — свернула в сторону.
Свиск — свист.
Свиснуть кого — ударить.
Своробливый — чесоточный.
Светное платье — цветное.
Связь — длинное бревно.
Сгоношить самовар — поставить, приготовить чай.
Сгорюхну́лся — загоревал, опечалился.

Сенот — Сенат.
Серебрушка — серебряная монета.
Середа — место около печи в избе.
Сизпоти́ха — понемногу, постепенно, не сразу.
Сила — войско.
Силом — силой, насильно.
Силянной — волосяной, из конского волоса.
Сима — бечевка.
Синочка — синица (птица).
Складень, складешок — карманный нож, складывающийся подобно перочинному ножу.
Скласть хлеб — скласть, сложить в скирды.
Склоть — беспокойство, хлопоты, суматоха.
Сколя — сколь, сколько.
Скрывать — вскрывать, открывать.
Скуртюжил — окрутил, туго стянул, связал.
Служилый — солдат.
Слых — слух, весть.
Следно — следует, должно.
Смаху — без отдыха, без передышки.
Снасть — сбруя.
Сном не знаю — и во сне не видал ничего подобного, совсем не знаю.
Собрался кем — оделся, нарядился.
Собрата — собрана.
На сокроту — на послушание? Под арест?
Сообщить вместе — сочетать браком.
Сопи́ться — играть на дудке.
Сороковушка — бутылка водки, 1/40 ведра.
Сосить ребенка — кормить грудью.
Сотельна — сторублевая бумажка.
Сохатый — лось.
Сохлый — высохший, сухой.
Ссадить кого — убить пулей.
Станица лебедей — вереница.
Стану́шка — нижняя женская рубашка.
Станция — расстояние между двумя остановками в пути.
Стан — временное жилье в поле.
Статуй (м.) — статуя.
Стегать — бить.
Стравим — скормим.
Страсть — страх.
Страшимая буря — страшная, очень сильная.

Стреваетца — встречается.
Стрехуле́т — строкулист, приказный, писец.
В строк — на срок, на определенное время.
Струменилась — сосредоточила внимание на чем?
Струмено — стремя.
Стрелец — охотник.
Стряпка — повариха, кухарка, прислуга.
Стуло — стул.
Стяг — кол, шест. Стяжок (уменьш.).
Судярживам — сдерживаем, останавливаем.
Сужалел кого — пожалеть.
Сусек — закром в амбаре.
Сучинить драку — затеять, начать.
Сушина — сухоподстойное дерево.
Счуну́ться — связаться, начать.
Сшибчи — сшибить.
С однова — сразу, разом.
Сырая — женщина после родов.
Сырняк — сырые дрова.
Сытый — жирный, толстый.
Сясь — сесть. Сял — сел.

Тали́нник — кусты ивы.
Тамока — там.
Та́чил тебе — советовал.
Под ташки — «под пазухи», под мышки.
Тащил — в разговорах с башкирами: принёс, привёз, привёл.
Тварь — змея.
Те́нькнул — ударил.
Тесла́ — плотничье орудие вроде топора, но с острием, поставленным не вдоль, а поперек рукоятки.
Тесяк — тесак, короткая сабля.
То — тогда (у Ломтева).
Толстоголяхие — с толстыми голенями.
Теперека, топеречь — теперь.
Топучее болото — топкое.
То́рнул — ударил обо что.
Тошнее того — еще хуже, дряхлее.
Трахнулся — повалился, завалился.
Как требно быть — как нужно, как следует.
Требушина — желудок, брюховина.
Трёхсосённый — из трех сосен.

Трещоба — трущоба.
Трутовары — тротуары.
Туес — бурак, берестяное ведерко с крышкой.
Тулово — туловище.
Тулпар — у башкир: мифический конь необыкновенной, чудесной быстроты.
Тутака — тут.

Убыр — у башкир: упырь, жадный, ведьма, колдунья.
Уважаетца — угощается.
Уважать кого — угощать.
Уверять на что — доверять, верить чему.
Угибало — угораздило.
Угнали — ускакали, быстро уехали.
Угор — косогор, склон горы.
Ужасился — ужаснулся, испугался.
Ужастился — ужаснулся.
Ужна — ужин.
На укидку бросить — подняв сначала на воздух; броском, кидая.
Улещался — льстиво обходился, льстил.
Умоленный — обычный эпитет монахов и монахинь: богомольный, благочестивый?
Умственные затевья — умные.
Урал — дикое, необитаемое место.
Уральные места — дикие, необитаемые.
Успокоил — убил.
Утрафить — потрафить, угодить.
Ухайкать кого — сильно избить, измучить.
Ухватище — рукоятка ухвата.
Уходи́ть кого — убить.
Ухорез — бойкий и храбрый молодец; головорез.
Ученик — учитель.
Учула — услышала.

Фалетор — форейтор.
Фартамарка — железная круглая печь.
Фатера — квартира. Фатерой ко мне — на квартиру ко мне.
Фатеровать — стоять на квартире.
Фитилёк горит — плошка с жиром, каганец?
Фрейлина — красивая девица.

Фы́рнуть — бросить, кинуть.
Фырскать кого — брызгать на кого. Фырскнуть — брызнуть.

Харчок — мокрота при кашле.
Хахель — любовник.
Хижина — способ погубить человека хитростью.
Хитить — губить.
Хитник — похититель, разбойник.
Не хихи — не шутка, не смехом.
Хлеботня — жидкое кушанье, суп.
Хлыстик — бич, кнут.
Ходок — тарантас, легкий экипаж с плетеным кузовом.
Хозяин — муж.
Хозяйка — жена.
Хохлуша — простофиля, ротозей.
В хохолки расстреляли — на мелкие части.
Храпу́жить — обращаться с кем дерзко, нагло.
Хрёсна — крестная мать.
Хрёсный — крестный отец.
Хрушка — крупная.

Цыма! — окрик на собаку: прочь!
Цоловальник — целовальник, сиделец, продавец вина.

Чебак — плотва, сорога (рыба).
Чеботарь — сапожник.
Черёва — желудок, брюховина.
Черева́ста — беременна.
Четверушка — мера хлеба, равная четвертик. Четверуха — то же.
Четь — четвертая часть.
Чигунный — чугунный.
Чирла — род яичницы, кушанье.
Чисто — совсем почти.
Чиступчетый — шуточный эпитет поросенка (-чисто ступчатый или частоступчатый?)
Чувал — род камина, какие прежде были в башкирских избах.
Чушь — слышь (-говорит).

Шайтан — нечистый дух, дьявол.
Шаркнуть, шабаркнуть — сильно ударить.
Шатровый верх крыши — без конька, круглый, на четыре ската.
Шебарчить — производить шорох, шум.
Шеть — щетка, щеть. (В подлиннике пояснено: «сеть», но, конечно, ошибочно).
Ширина — коровья кожа, в каких прежде перевозили тюки чая.
Ширинка — полотенце.
Ширинка — шеренга, линия.
Шосток — плита перед кухонною печью.
Шосток, шосточек — загороженное решеткой место под печкой или под лавкой, где держат зимою домашнюю птицу.

Этта — здесь.

Яга — шуба из козлиной или собачьей кожи мехом вверх.
Янтари, яндари золотые — бусы.
Яр — крутой берег, обрыв.
Ярышка — служитель при полиции.
Ятный день — ясный, вёдреный.

Д. К. ЗЕЛЕНИН И ЕГО СБОРНИК

Дмитрий Константинович Зеленин (3.XI.1878—31.VIII.1954), этнограф, фольклорист, диалектолог, прожил долгую жизнь, целиком отданную науке.

Он родился в глухом, отдаленном селе Люк Сарапульского уезда Вятской губернии. Десятый ребенок в бедной семье сельского дьячка, по семейной традиции он поступил учиться на казенный счет в Вятскую духовную семинарию (1892—1898), но продолжать духовное образование в академии не стал. Почувствовав непреодолимое стремление к науке, он на свой страх и риск с двумя рублями в кармане в 1899 г. приехал в город Юрьев (ныне Тарту) и поступил на историко-филологический факультет Юрьевского университета. Студент Д. К. Зеленин записался сразу на несколько специальных курсов, посещал гораздо больше лекций, чем предусмотрено программой, недосыпал, так как вынужден был зарабатывать на жизнь частными уроками, статьями по краеведению. Трудности не пугали его — нелегко приходилось ему и раньше: «Воспитан я был в крайней бедности,— писал он в своем юношеском дневнике,— это обстоятельство развило мой характер, привязало меня к труду, сделало этот последний необходимою для меня органическою потребностью»[1]. В 1903 г. он блестяще окончил университет с кандидатской работой по языкознанию («Латинские, романские и германские элементы в русском языке до XV в.»). Его оставили для подготовки к профессорскому званию. «Он человек деятельный и живой, и из него, я думаю, выработается хороший ученый,— писал о нем профессор Д. Н. Кудрявский, ходатайствуя о назначении Д. К. Зеленину стипендии.— Стипендия ему необходима, так как он уже немного переутомился и заработок денег на прожитье лишал бы его сил для работы научной»[2].

Звание профессора Д. К. Зеленин получил в 1915 г., защитив в Петербурге магистерскую диссертацию, в которой сочетались лингвистический и историко-этнографический подходы к изучению материала. Через год Д. К. Зеленина избрали профессором Харьковского университета, где он работал с 1916 по 1925 год. В 1917 г. Дмитрий Константинович защищает док-

---

[1] *Васина А. И., Гаген-Торн Н. И.* Д. К. Зеленин (к 10-летию со дня смерти).—Известия ВГО, 1966. Вып. I. Т. 98. С. 67.

[2] *Смирнов С. В.* Д. Н. Кудрявский и Д. К. Зеленин (биографические материалы).— Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1968. Вып. 219А. С. 151.

торскую диссертацию по этнографии («Очерки русской мифологии»). В 1925 г. 47-летнего ученого избирают членом-корреспондентом АН СССР, он переезжает в Ленинград, где и работает до последних дней в Институте этнографии АН СССР и руководит кафедрой этнографии Ленинградского университета. Об этом периоде жизни ученого сохранились воспоминания его ученицы талантливого этнографа Н. И. Гаген-Торн. Д. К. Зеленин занимал квартиру в доме, представлявшем своеобразное общежитие с коридорной системой, в котором жили сотрудники Географического института. Там ему были предоставлены две комнаты и кухня. «Начиная с 1925 г. до самой смерти жил он в этом помещении, которое, пожалуй, нельзя было назвать жилой квартирой, скорее оно напоминало музейное хранилище.

В первом отсеке (где была плита) стояли шкафы и ящики с многочисленными коллекциями. Из-за ящиков чуть просвечивало окно. Боковая дверь вела в рабочий кабинет ученого. Стены плотно заставлены стеллажами с книгами, лишь у одной из них — два кресла, диван и перед ним журнальный столик. Посреди комнаты — огромный письменный стол с картотекой и папками рукописей. В кабинете Дмитрий Константинович принимал посетителей»[1].

Трудно описывать жизнь ученого: как правило, она не богата событиями личной жизни. Жизнь Д. К. Зеленина — это его труды, около 300 статей и книг, работа, осуществить которую, казалось бы, под силу только целому научному коллективу.

Важным побудительным толчком, который направил Д. К. Зеленина по пути науки, стало, пожалуй, его знакомство с программой сбора этнографических сведений о крестьянских и городских жителях, которая рассылалась по городам и весям Российской империи сотрудниками Этнографического бюро, созданного князем В. Н. Тенишевым, меценатом, этнографом и социологом. Подобная этнографическая программа распространялась Русским географическим обществом[2] с 1847 г.,

---

[1] *Гаген-Торн Н. И.* Д. К. Зеленин как педагог и ученый (Ленинградский период).— В кн.: Проблемы славянской этнографии. Л. 1979. С. 53.

[2] Русское географическое общество было создано в 1845 г. по инициативе известных русских ученых и имело 4 отделения: географии общей, географии России, статистики и этнографии, имело Сибирский, Западно-Сибирский, Кавказский и Среднеазиатский филиалы. В 1880 г. по Отделению этнографии была образована Сказочная комиссия. Членами общества были, в частности, географ и статистик П. П. Семенов-Тян-Шанский, Н. Н. Миклухо-Маклай, путешественник-исследователь Н. М. Пржевальский, фольклорист и историк А. Ф. Гильфердинг, фольклорист, языковед, этнограф и археолог В. Ф. Миллер, фольклорист и востоковед С. Ф. Ольденбург. Патронами РГО были члены императорской фамилии, поэтому общество называлось Императорским русским географическим обществом. С 1938 г.— Географическое общество СССР.

сразу после основания общества, с целью сбора информации о материальной и духовной культуре населения. С течением времени возникла необходимость в создании новой, расширенной программы, получившей название «тенишевской». В ней корреспондентам предлагалось ответить на вопросы шести разделов: 1. О наружности и внешнем виде населения. 2. О языке. 3. О домашнем быте. 4. Об особенностях общественного быта. 5. Об умственных и нравственных способностях и образовании, в частности сообщать о «дразнениях» и «присловьях», о народных обычаях. 6. О народных преданиях и памятниках — предлагалось собирать и записывать фольклор и сведения об архитектурных памятниках.

Эти программы сыграли большую роль для пробуждения в обществе интереса к народной культуре, хотя были и ответы, носившие характер «отписки» на официальную бумагу. «В архиве Общества можно найти немало таких ответов — «репортов», как их иногда озаглавливали. Сельский священник получал через благочинного программу. Не ответить — как же? И вот записывались одна или две коротенькие сказки и приписывалось: «Кроме сей сказки в селе никаких иных сказок не рассказывают». На другие пункты программы ответы получались и того скромнее. Например, сведения о местном народном говоре часто сводились к замечаниям вроде следующего: «Жители села говорят ясно, твердо, отчетливо, благородно; язык их мало чем отличается от языка книжного»[1], «платье у всех не щегольское, но опрятное», «обычаев особенных не бывает»[2].

Д. К. Зеленин отнесся к тенишевской анкете самым серьезным образом и, быть может, размышляя над перечнем ее вопросов, впервые задумался о необходимости комплексного, системного изучения всех явлений народной культуры как единого, исторически складывающегося целого.

Еще учась в семинарии, с 1898 г. он стал собирать и посылать в Этнографическое бюро свои заметки. Они оказались столь ценными, что он получил за них гонорар. В дальнейшем связь Д. К. Зеленина с РГО уже не прерывалась: он стал постоянным корреспондентом Общества, а впоследствии его почетным членом. В 1902 г. РГО командировало студента Д. К. Зеленина в Вятскую губернию в экспедицию с диалектологической целью, выдав ему «открытый лист» и денежное пособие. За работы 1901—1902 гг. по диалектологии Д. К. Зеленин был удостоен серебряной и золотой медалей РГО.

Особый интерес для Д. К. Зеленина-диалектолога и Д. К. Зеленина-этнографа представляли прозвища, которыми

---

[1] *Познанский Н. Д.* Обзор русской этнографической литературы за 1914 год.— Живая старина, 1915. Вып. 1—2. С. 193—194.

[2] *Рабинович М. Г.* Ответы на программу РГО как источник по этнографии города.— Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1973. Т. V. С. 43.

народ наделял группу лиц, составляющих собою этнографическое или географическое целое. Например, ученый объяснил, что прозвище «рожки вятские» было дано уроженцам Вятской губернии из-за формы местного женского головного убора с двумя рогами спереди. Такие прозвища ученый называл присловьями и очень любил запоминать их. Вот как он делал это: «Во время своих поездок по Великороссии,— вспоминал Д. К. Зеленин,— я пользовался всяким случаем — в вагоне железной дороги, на пароходе, на постоялом дворе в городе, в деревне,— чтобы вызвать местных жителей на разговор о присловьях... Узнав родину или местожительство своего случайного знакомого, я «сыпал» ему присловьями о данной местности, иногда подшучивал над необидчивым собеседником и чаще серьезно спрашивал его, говорят ли у них так-то и так-то... Прочитав существующие сборники присловий, я знал массу их наизусть, почему и мог «сыпать» ими. В ответ мне случались новые присловья: русский человек вообще любит поострить над «ближним», особенно этим отличаются мещане, торговцы и «фабричные», которые, благодаря своим скитаниям и обращению с разным народом, часто обладают замечательно богатым запасом присловий, чуть ли не о всех местностях Руси великой»[1].

Д. К. Зеленину всегда была чужда оторванность от реальной жизни народа. «Мне нравится,— писал он в юношеском дневнике в 1897 г.,— и в науках, и где угодно — одно только жизненное... Отвлеченная наука всегда будет иллюзией, утопией. Главное внимание надо обратить на жизнь людей»[2].

Интересы этнографа и диалектолога неизбежно вели его в самую гущу жизни простых людей: их обычаи, образы, речь, фольклор становятся навсегда предметом изучения и самого пристального внимания Д. К. Зеленина.

Он записывал сказки своей родной Вятской и соседней с ней Пермской губернии, собрал несколько сотен старинных свадебных, плясовых, беседных песен. Он одним из первых высоко оценил роль частушки в жизни народа, в частности за то, что этот жанр в высшей степени отзывчив ко всем новым явлениям.

Д. К. Зеленин с его изобретательным классификаторским умом распределил свое самое крупное для того времени собрание частушек (474 текста) по 19 тематическим рубрикам, в частности таким: Кого любить? Любить ли богатую? Общий взгляд на богатство и бедность. Игранье (взаимное ухаживание). Костюм. Солдатство. Вино. Из практической философии. Юмористика и др.[3]

---

[1] *Зеленин Д. К.* Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии. Вятка, 1904. С. 7—8.

[2] Архив АН СССР, ф. 849, оп. 2, № 2, л. 58.

[3] *Зеленин Д. К.* Песни деревенской молодежи, записанные в Вятской губернии. Вятка, 1903 г.

«В теперешних частушках,— замечал ученый,— мы видим бодрый взгляд вперед. Здесь нет запуганности и принижающей веры в слепую силу рока; здесь мы видим свободный выбор и взаимные ухаживанья «милки» и «миленочка», ведущие к браку по любви. Молодежь почуяла свою силу, осознала свою свободу в деле устроения своей будущей судьбы»[1].

Д. К. Зеленин собирал и исследовал не только памятники духовной, но и материальной культуры: «При отъезде в Харьков,— вспоминает Н. И. Гаген-Торн,— им были оставлены в петроградской квартире коллекции одежды различных народностей (русские, народы Поволжья, северо-западные финны), коллекции лаптей (несколько тысяч экземпляров и рукопись исследования по этому виду традиционной обуви). В годы гражданской войны коллекции не сохранились, квартира была кем-то занята, рукопись утеряна, лаптями кто-то топил буржуйку зимой 1919—1920 гг. Потеряны были годы труда. Однако Дмитрий Константинович был полон энергии, творческих замыслов и уверенности в своих силах. Возникавшие неприятности переносились им сравнительно легко»[2].

Этнография была главной научной страстью Д. К. Зеленина. Уже в начале своего поприща он задумал целую серию исследований по восточнославянской мифологии, обрядам и верованиям, первой частью которой стали «Очерки русской мифологии». Вып. I. Умершие неестественной смертью и русалки. Пг., 1915 г.

Серия должна была состоять из 6 выпусков, но остальные 5 выпусков реализовались «не под общим названием «Очерков русской мифологии», а в различных специальных сборниках и периодических изданиях. Предполагавшийся план выглядел так: выпуск первый — умершие неестественной смертью. Выпуск второй — жертвы умершим предкам[3]. Выпуск третий — запретные (по мифологическим соображениям) слова в русском языке. По этой тематике в 20—30-е годы Д. К. Зеленин опубликовал целый цикл работ о проблемах магической функции речи и табу[4]. Выпуск четвертый — обыденные предметы и происхождение идеи «обыденности»[5]. Выпуск пятый — обряды со

---

[1] Новые веяния в народной поэзии. М., 1901. С. 10.

[2] *Гаген-Торн Н. И.* Д. К. Зеленин как педагог и ученый. С. 53.

[3] *Зеленин Д. К.* Народный обычай греть покойников.— Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. 18. X. 1909; Русские народные обряды со старой обувью.— Живая старина, 1913, Вып. 1—2.

[4] *Зеленин Д. К.* Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Часть I. Запреты на охоте и иных промыслах. Часть II. Запреты в домашней жизни.— Сборник Музея антропологии и этнографии. VIII—IX. Л., 1929—1930; Магическая функция слов и словесных произведений.— В кн.: Академия наук академику Н. Я. Марру. М.: Л., 1935; Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов.— Труды Института антропологии, археологии и этнографии. Т. 15. Этнографическая серия. М.: Л., 1937. Вып. 2.

[5] *Зеленин Д. К.* «Обыденные» полотенца и «обыденные» храмы (русские народные обычаи).— Живая старина, 1911. Вып. 1.

страдательным положением жреца[1]. Выпуск шестой — вятская «троецыплятница» в связи с иными праздниками в честь животных[2]. Параллельно Д. К. Зеленин опубликовал ряд статей, не предусмотренных в предисловии к «Очеркам русской мифологии» и расширяющих ее[3].

Д. К. Зеленин не только скрупулезно собирал факты и упоминания об интересующих его обычаях или обрядах, но и пытался их объяснить и увидеть архаические корни. Например, в своей статье из второго раздела, «Русские народные образы со старой обувью», он описывает крестьянский обычай привешивать старые стоптанные лапти («осмётки», или «отопки») к столбу или крыльцу, причем набиралось этих лаптей целые гроздья, и они сразу бросались в глаза любому. Крестьяне так объясняли роль старых лаптей: «С первого раза глаз и сломишь над лаптями, тогда уже не сглазить на дворе ни скотины, ни в избу пришедши»[4]. Но Д. К. Зеленин показал, что смысл обычая гораздо глубже и связан с культом умерших предков, для возможного посещения которых и вывешивается мягкая стоптанная, удобная для любой ноги обувь.

Даже реалии некоторых обрядов, тщательно изученных Д. К. Зелениным, сегодня нам совершенно непонятны. Например, что такое обыденные полотенца и обыденные храмы? Обыденные — значит не обыкновенные, а однодневные, сделанные за один день, одну ночь или одни сутки, т. е. за один присест. Обыденные полотенца, нередко сотканные за одну ночь женщинами всей деревни, или обыденные храмы могли остановить мор, служили защитой от эпидемий. Таким холстом обносили деревню, клали на дороге, вешали на крест или обтягивали храм. Д. К. Зеленин объясняет веру в чудодейственную силу обыденного холста тем, что все новое, только что образовавшееся, сделанное,— самое чистое, только оно способно уничтожить всякую нечисть, стать для нее непреодолимым препятствием[5]. При возведении обыденных храмов с этой же целью на первый

---

[1] *Зеленин Д. К.* Східнослов'янські хліборобські обряди качання й перекидання по землі.— Етнографічний вісник. Київ, 1927. Кн. 5.

[2] *Зеленин Д. К.* Троецыплятница.— В кн.: Памятная книжка Вятской губернии на 1906 г. Вятка, 1906.

[3] *Зеленин Д. К.* Обрядовое празднество совершеннолетия девицы у русских.— Живая старина, 1911. Вып. 2; Древнерусская братчина как обрядовый праздник сбора урожая.— Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского. Л., 1928; Загадочные водяные демоны «шуликуны» у русских.— Lud Słowiański, Kraków, 1930. T. 1. Z. 2. Dział B.

[4] *Зеленин Д. К.* Русские народные обряды со старой обувью.— Живая старина, 1913. Вып. 1—2. С. 8.

[5] *Зеленин Д. К.* Обыденные полотенца и обыденные храмы.— Живая старина, 1911. Вып. 1. С. 11.

план выступало христианское рвение, что видно из исторической хроники о возведении в Вологде в 1654 г. такого храма: «Начали рубить в 6 часу ночи, светили светло, а срубили за два часа до дни; а святить начали в 5 часу дни. И виде Господь веру и моление рабов своих и покаяние, слезное о своих согрешениях, той великий гнев Свой на милость переложил и моровую язву утоли: и от того дне мор на Вологде преста»[1].

Еще один крайне редкий обряд — троецыплятница — закланиe и совместное поедание вдовами и немолодыми благочестивыми женщинами курицы, которая уже три раза выводила цыплят. В обряд включалось моление о благосостоянии дома, об отведении тяжелых родов. Перья, кровь и кости кур опускались по воде или закапывались в землю (для большей плодовитости кур) и почитались женщинами «якобы за святые», как указывалось в документах Вятской епархии за 1739 г., где сообщалось, что заводчики этого языческого обряда наказаны плетьми, проведено расследование дела «со всяким испытным домогательством» и взята подписка о неразглашении этого суеверия. Но оно оказалось на редкость живучим и упоминание о троецыплятнице встречаем почти 175 лет спустя, в 1903 г.

Братчина. Еще один магический обряд — угощение вскладчину, совместное вкушение членами общины первой добычи, как символ того, что «все они будут иметь подобную же добычу»[2]. Таинственный мир верований наших предков возникает во всем его разнообразии на страницах зеленинских трудов.

Книгой, которая сделала имя Д. К. Зеленина всемирно известным, стала «Русская (восточнославянская) этнография», вышедшая в 1926 г. в Германии на немецком языке. На русском языке эта книга так и не была издана, хотя она является наиболее авторитетной и популярной книгой по этнографии русских, украинцев, белорусов.

Этот обобщающий труд был выполнен Д. К. Зелениным по предложению слависта М. Фасмера, автора «Этимологического словаря русского языка», для задуманной им серии «Энциклопедия славянской филологии и культуры».

Труд Д. К. Зеленина состоит из 12 глав. Первые две главы посвящены основным занятиям восточных славян: земледелию, скотоводству, рыболовству, пчеловодству и связанным с ними обрядам. В следующих главах описываются рабочий скот, средства передвижения, приготовление пищи, изготовление одежды и обуви и ее виды. В седьмой главе — «Уход за телом» — перечисляются причины болезней и средства их лечения в представлениях славян, гипноз, массаж, бани. В последующих трех главах рассказывается о семейной и общественной жизни восточнославянских народов, о типах их жилищ. В одиннадца-

[1] Там же. С. 18.

[2] *Зеленин Д. К.* Древнерусская братчина как обрядовый праздник сбора урожая... С. 130.

той главе содержится описание обрядов различных времен года, а в последней, двенадцатой, «Народное поверье» — народная космогония и демонология, тревожившие воображение наших предков: домовые, лешие, водяные, полуденные духи, русалки, вампиры, колдуны, оборотни, черти; вихри, метеоры, огненные змеи.

С течением времени выводы и объяснения, содержащиеся в работах Д. К. Зеленина, возможно, будут уточнены или дополнены, но ценность собранного им воедино фактографического материала будет только возрастать.

Современные ученые-этнографы с благодарностью отмечают, что построение работ Д. К. Зеленина таково, что исследователям предоставляется прежде всего прекрасный материал фактов и оставляется «возможность давать другое объяснение, кроме им предложенного»[1].

Особое место в научном наследии Д. К. Зеленина занимают его бесценные фундаментальные справочники: «Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте России 1700—1910 гг.» (Спб., 1913), а также «Описание Ученого архива РГО», напечатанное в трех томах (Пг., 1914—1916), IV том остался неопубликованным и затерялся.

В последние годы жизни Д. К. Зеленин работал над составлением этнографо-географического словаря объемом около 100 печ. листов, так и не увидевшего свет.

За свою научную деятельность Д. К. Зеленин был награжден одной серебряной и двумя золотыми медалями РГО, двумя золотыми медалями и двумя премиями Академии наук СССР.

Он не имел ни семьи, ни личных близких друзей, кроме единомышленников по научным интересам. Наука была для него всепоглощающей страстью и смыслом жизни. Слова, с которыми он когда-то обратился к своему коллеге С. Ф. Ольденбургу, можно с полным правом отнести к самому ученому: «Я знаю, что вы — подвижник XX-го столетия». Всей своей жизнью Д. К. Зеленин явил такой редкий тип подвижника от науки.

Умер Д. К. Зеленин в своем рабочем кабинете, за письменным столом, с карандашом в руке.

Случайными кажутся на первый взгляд обстоятельства, побудившие Д. К. Зеленина взяться за труд собирания и издания великорусских сказок Пермской, а затем и Вятской губерний, вышедших двумя книгами в Петрограде в 1914 и 1915 гг.

Будучи в 1908 г. по своим этнографическим делам в Екатерининском уезде Пермской губернии, он разговорился в дороге с бедным крестьянином, ехавшим в город закладывать свой са-

[1] *Васина А. И., Гаген-Торн Н. И.* Д. К. Зеленин. (К 10-летию со дня смерти).— Известия ВГО. 1966. Вып. I. Т. 98. С. 70.

мовар. Этим крестьянином оказался Антон Демьянович Ломтев, замечательный сказочник, чьи сказки составили около половины Пермского сборника. «Меня поразило богатство сказочного запаса Ломтева,— вспоминал Д. К. Зеленин,— притом же запас этот состоял главным образом из сказок волшебных, что в наше время так редко. Хотя записывание сказок в мои намерения и не входило, но, познакомившись с сказками Ломтева, я счел своим долгом, долгом этнографа, записать все его сказки».

Встреча с А. Д. Ломтевым не оказалась случайной в жизни Д. К. Зеленина: она натолкнула его на мысль собрать и издать сказки Пермской губернии. Эта идея отвечала духу времени: на рубеже XIX—XX веков в русском обществе возник особый интерес к народному искусству, фольклору. Возобновилась работа Сказочной комиссии Русского географического общества, возглавляемая широко эрудированным, энергичным академиком С. Ф. Ольденбургом. В 1908 году, когда у Д. К. Зеленина появился замысел издать свой сборник сказок в рамках деятельности комиссии, в XXXIII томе Записок Императорского русского географического общества по отделению этнографии вышел уникальный памятник русского фольклора — «Северные сказки. Архангельская и Олонецкая губернии» Н. Е. Ончукова. В 1912 г. широко отмечался юбилей выхода в свет сказок братьев Гримм, этому событию был посвящен специальный выпуск «Живой старины».

Сказочная комиссия при РГО поставила перед собой задачу — «привести в известность все вообще русские сказки, хранящиеся в сокровищнице народной памяти». С этой целью была разработана целая программа, предполагавшая публикацию не менее 11—12 региональных сборников сказок, собранных в разных губерниях России: в Орловской — И. Ф. Калинниковым, в Тамбовской — Н. Д. Познанским, в Вологодской — М. Б. Едемским, в Псковской — Н. Г. Козыревым. Каждый сборник сказок должен был открываться патриотическим призывом Сказочной комиссии к «любителям живой старины» усиленно собирать старинные сказки. Задуманные планы по выпуску этой большой серии не осуществились: помимо сборника Н. Е. Ончукова, только двум сборникам Д. К. Зеленина по Пермской и Вятской губерниям удалось увидеть свет благодаря необычайной энергии и трудолюбию ученого. В том, что планы остались проектами, а сказки — в архивах, нет вины ни собирателей, ни фольклористов того времени: им помешали события русской истории: первая мировая, а затем гражданская война, революция, экономические потрясения, разруха.

Появление «Великорусских сказок Пермской губернии» вызвало многочисленные положительные отклики в печати. В рецензии С. Ф. Ольденбурга, организатора и председателя Сказочной комиссии РГО, содержится высокая оценка труда Д. К. Зеленина: «Рассматриваемые нами тома великорусских

сказок Пермской и Вятской губерний могут служить образчиком того, как комиссия поняла свою задачу»[1]. Она заключалась в первую очередь в том, чтобы «систематически собрать, пока еще не поздно, всю русскую народную сказку, поскольку она еще сохранилась, и издать собранный материал соответствующим образом. Медлить с собиранием нельзя: Россия — последняя страна в Европе, кроме, может быть, балканских государств, где старая народная сказка еще не вымерла и не заменилась новыми формами словесности»[2].

С. Ф. Ольденбург отметил, что особая ценность сборников Д. К. Зеленина обусловлена самой личностью ученого: «Среди современных собирателей русской народной сказки Д. К. Зеленину принадлежит, бесспорно, одно из ведущих мест: прекрасный знаток местных говоров, редкий знаток великорусского быта нашей деревни, опытный собиратель и разносторонний исследователь, он хорошо известен своими работами по русской этнографии. Тем ценнее и любопытнее его сборники сказок»[3].

С. Ф. Ольденбург подробно обрисовал картину тех трудностей, с которыми сталкивается собиратель, стремящийся с максимальной точностью записывать сказки: «Его работа требует не только хорошего знания местного говора, но и привычки быстро и точно записывать; все попытки пользоваться для записывания сказок фонографом... привели в общем к неудачам, фонограф в малокультурной среде, т. е. именно в среде народной сказки, вызывает недоверие; пользование им, особенно при длинной записи, затруднительно, так как сказочник, поставленный перед аппаратом, теряется и рассказ становится искусственным, схематичным. Оттого единственным пока надежным средством для записи сказок является записывание со слуха человеком, хорошо знающим местный говор. К этому, разумеется, необходимо прибавить личные качества собирателя, успокаивающие всякие сомнения и подозрения, которыми деревня так полна по отношению к чужому человеку... Самым трудным, по нашему мнению, является необходимость записывать быстро в течение долгого времени; стенография, при необходимости соблюдать фонетические особенности говора, почти совершенно неприменима»[4].

Несмотря на все эти трудности и интенсивность работы, ученый блестяще справился с поставленной задачей. Он проделал колоссальную работу не только по адекватной фиксации народной речи, но и по тщательнейшей подготовке научного аппарата, уникальные достоинства которого высоко оценены и совре-

[1] *Ольденбург С. Ф.* Собирание русских народных сказок в последнее время.— Журнал Министерства народного просвещения, 1916. Т. 64, № 8. С. 304.

[2] Там же. С. 304.

[3] Там же. С. 308—309.

[4] Там же. С. 308.

менными фольклористами: «...По научной оснащенности сборники Д. К. Зеленина занимают одно из первых, если не первое место среди подобного рода фольклорных изданий, как в нашей стране так и за рубежом»[1].

Сборник открывался Предисловием, вступительной статьей, завершался словарем областных слов, Примечаниями и Алфавитным указателем имен и предметов. Он был снабжен Ключом к указателю с перечнем обобщающих категорий, в том числе таких: Благодарные животные, Волшебные предметы, Герои, Действующие лица, Одежда, Природа, Птицы, Растения, Увеселения, Утварь домашняя и др. В разделе «Общественно-экономические и семейные отношения» упоминаются, в частности, аренда, барщина, заем, оброк, порука, ревизия, сходка и др. Этот справочный аппарат может служить замечательным подспорьем при изучении русской культуры и прежде всего, конечно, сказки.

В сборнике Д. К. Зеленина можно найти древнейшие, широко распространенные не только в русском, но и в мировом фольклоре сюжеты: старейшая зафиксированная версия сюжета «Три подземных царства» восходит к древнегреческому тексту I в. н. э. о пастухе, который был покинут товарищами в подземной пещере и прилетал оттуда на гигантском коршуне (сказка «Иван-царевич и Сам с ноготь-борода с локоть»), сюжет «Чудесное бегство», пожалуй, самый популярный во всем мире, восходит к древнеиндийским и античным источникам (сказки «Чудо лесное», «Иван-царевич и его невеста-волшебница», «Иван купеческий сын и его невеста-волшебница»), сюжет «Волшебное кольцо» имеет тибетские и древнеиндейские корни (сказки «Кот и соболек», «Иван крестьянский сын»). Сюжет «Заколдованная царевна», восходящий к «Тысяче и одной ночи», нашел отражение в сказке «Иван-царевич и молодая молодица», заслужившей высокую оценку С. Ф. Ольденбурга. Он поставил ее на первом месте среди волшебных сказок сборника: «Сказка эта справедливо должна, по нашему мнению, почитаться одною из драгоценнейших жемчужин русской народной словесности. Она служит поразительным примером того, до какой высокой красоты может подняться народное творчество... Тема сказки — старинная, распространенная у многих народов — брак смертного с небожительницею... Не будет преувеличением сказать, что такое произведение народного творчества в его удивительной гармонии и красоте составляет гордость русской народной сказки»[2].

Наряду со сказками, насчитывающими десятки, сотни вариантов, в сборник вошли и редкие сказки, имеющие всего по одному варианту, такие, как «Кошечка — золотые сережечки», ко-

[1] *Новиков Н. В.* Д. К. Зеленин как фольклорист. — В кн.: Проблемы славянской этнографии. Л., 1979. С. 67—68.

[2] *Ольденбург С. Ф.* Указ. соч. С. 314.

торую А. М. Смирнов-Кутачевский назвал в высшей степени странной сказкой, или «Сказка о Наполеоне», соединяющая в себе элементы исторического предания и волшебной сказки.

Некоторые сказки («Боба́-королевич», «Петра-королевич» и др.) представляют собой пересказы «не без отсебятины», как выразился Д. К. Зеленин, известных лубочных изданий.

Особый интерес вызывают «сказки нового фасона», по выражению Д. К. Зеленина: «Васенька Варегин» или новая сказка-роман «Иван солдатский сын», образцом для которой послужил лубочный или бульварный роман.

В таких авантюрных мещанских сказках особенно много черт нового культурного быта, например, репетиторство героя в сказке «Иван солдатский сын».

В Алфавитном указателе имен и предметов в разделе «Культуры новейшей предметы» Д. К. Зеленин приводит перечень реалий современной цивилизации, упоминаемых в сказке: герои читают афиши, получают депеши и телеграммы, подписывают векселя, купчие, ходят в клуб по тротуарам, освещаемым фонарями, пользуются биноклями, подзорными трубами и керосином. Все это соседствует с самыми традиционными сказочными образами.

На это обратил внимание и С. Ф. Ольденбург: «Сборники г. Зеленина чрезвычайно ценны как показатели того, что еще сохранилось от старой сказки, и того, что уже начало изменяться...»[1].

Чтение пермских сказок погружает в стихию подлинной сказочной речи. Поражает своим разнообразием лексика, свобода в употреблении приставок (удумали, понапились-понаелись, просмешник, отдарки), суффиксов (топучее болото, настрелял дичятины, крикнул лакейкам, завели пировку, народу теснотилось, умственные зятевья, усастый стражник). Какое чувство родного слова в этой лексической изобретательности (милыш, гулеван, богатирица, бабица), в этой синонимии: «Чудовище притащил ему воды и рукотер (утирку по-нашему, или полотенце)»!

Достоверность зеленинских записей позволяет нам составить более ясное представление и об особенностях сказочного стиля в целом.

Повторение одних и тех же эпизодов, кочующих из сказки в сказку, постепенно привело к образованию устойчивых выражений, словесных формул, как, например, в эпизоде посещения героем избушки Бабы-Яги формула пути сменяется «формульным» описанием избушки, затем традиционным рифмованным обращением к ней и т. д.

В сборнике можно найти и более редкие устойчивые выражения, например, «обычную сказочную формулу об отдаленном

[1] *Ольденбург С. Ф.* Указ. соч. С. 304.

жилище»,— как заметил Д. К. Зеленин: «Дом как наперсток, дым как леска».

С помощью другого традиционного набора формул описывается чудесная трансформация героя: «...Конь его богатырский бежит — земля дрожит»; в лево ушко залез, в правое вылез — и *здрел* бы, глядел, с очей не спущал экого молодца!»

Последняя формула несколько раз встречается в сборнике для описания необычайной красоты сказочного персонажа: «Уже такая красавица была — зрел бы, смотрел — очей не сводил!» «Отворил комнату: онемел и стоит.— Я на вас *здрить* не могу: вы настолько хороши».

И все-таки перечень таких готовых формул не так уж велик, и рассказать сказку, пользуясь только подобными устойчивыми оборотами, нельзя. Ведь сказитель не имеет возможности долго обдумывать свой «текст», он должен заранее знать не только о чем будет рассказывать, но и как, т. е. владеть традиционными словесно-стилистическими приемами, позволяющими легко развертывать сказочное повествование на их основе. Так, например, в сказке существует общий принцип описания мощи, богатырства персонажа через эффект воздействия его на окружающее, людей, природу. Поэтому по типу формулы «конь бежит — земля дрожит» строятся и другие описания: «Яга Ягишна бежит — и лес трещит», «Буду храпеть — дом ваш затрясется».

Еще один прием характеристики-описания: через называние функций предмета, т. е. того, что с ним можно делать. Пример такому описанию находим в сказке «Иван-царевич и Царевна-лягушка». «Эту булку голодающий,— говорит царь, оценивая работу снох,— если три дня не ел, так поест» и т. д.

Самым важным для сказки является действие, а характерной чертой стиля — насыщенность фразы глаголами. Динамизм сказочного стиля возникает как результат описания поведения героя, постоянно находящегося в движении. Впечатление достоверности, живости возникает при фиксации самых простых, обыденных действий персонажей сказки: «Поймал коня, поставил в конюшню, задал овса и сена, коня стал гладить, а сам повесил голову».

Из глагольных цепочек сказочник всегда знает, от чего нужно «оттолкнуться», изображая поведение героя: сказать, что герой «встал», «вошел», «взял», «понес», «оседлал коня», «поехал», «приехал», «выхватил саблю», «лег спать», «проснулся», «все покидал в море» и др. Все эти действия легко представить и столь же легко описать в виде последовательно присоединяющихся друг к другу глаголов, повествование строится на примитивном склеивании, которое напоминает движение от одного конкретного «кадра» к другому.

Так возникает конкретно-бытовая живость образа, его осязательная пластичность. Действия героев как бы раскадриваются, членятся на ряд представимых действий-движений.

Из глагольных цепочек в типовых ситуациях образовались и формульные конструкции: например, для описания пути героя сложилась формула «пошел, шел-шел, пришел». Такая трехчастная формула пути широко употребляется и с другими глаголами: «...Поехали по морю. Ехали, ехали, приехали...» Эта формула может быть и двучастной: «Вася вперед поехал. Приезжает к этой крепости». Длящееся действие и его результат передается в формулах типа: «Думал, думал и придумал», «Искала, искала, опять не могла нигде найти», «...Будила, будила его, не могла разбудить».

Поэтике сказки, ее стилю свойственны повторы самых разных типов: от одного слова до целых эпизодов. Разновидностью такого повтора является числовое соответствие, которое находим в сказочных описаниях: «За триста морей, за триста земель...» «Шесть волнов ударило на море — из воды выходит шестиглавый Идолище».

Обрисовка пейзажа нередко дается с помощью ступенчатого сужения образа и цепочного присоединения перечисляемых объектов ландшафта: «...Приходят до такового моря: у этого моря стоит терем, у этого терема стоит столб, на столбе подписана подпись: «Если один, одна ночь, а если троё, так три ночи ночевать».

Для каждого события в волшебной сказке есть свое определенное место. Так, рассказчик всегда знает, что вызов волшебных сил совершается на крыльце — месте особом, пограничном между двумя мирами: домашним, «своим», и «диким», «чужим», таинственным[1]. «Она вышла на крыльцо, переметнула с руки на руку кольцо — выскочили 33 молодца: лицо в лицо, волос в волос...»

Таким же «знаковым» местом является печь — местонахождение социально обделенного героя или героини, как в сказке о Дуньке-дурке, которая сидит на печи и перегребает сажу, как Иван-дурак в сказках сюжета «Сивко-Бурко».

В традиционной сказке разработан и свой знаковый язык жестов, описывающих поведение героев. Так, «взять за руку» в сказке означает выбрать, узнать невесту, жениха, согласиться на брак: «Теперь уже я подала белую руку,— говорит героиня,— назвалась невестой». «Тогда она его за ручку взяла, поздоровалась и в уста его поцеловала. Взяла его за ручку и вела в свои комнаты».

Жест «пасть на колени» означает просьбу о родительском благословении, о прощении, о предоставлении себя на волю другого: «Конь его богатырский прибежал, на коленки пал: «Что тебе угодно?» «Приходят все враз, перед родителем на колени встали... «Пусти нас, родитель, по всем державам невест посмо-

[1] *Байбурин А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 120.

треть». «Большой брат пал перед ним на коленки: «Мишка Кото ма, заступись...»

Эмоции персонажей также передаются через условный язык жестов. «Например, жест уныния — «голову повесил»: «Поутру молодец проснулся, хватился: под ним ковра-самолета нет! И сел он на лавку, повесил голову». «Приезжает в царские луга, коня пущает, сам сел на лужок, повесил головушку».

Эмоции, выражаемые через внешнее движение, пластику, жест, более выразительны, наглядны, чем их простое называние. Жест поздно спохватившегося человека: «Он себя за бородку схватил: «Ну, я отдал единственного сына!» Этот же жест — в сборнике Н. Е. Ончукова: «Он и сам себя за рот.— «Ох-те мне, сына-то я и посулил!» Эмоции гнева также передаются через поведение: «Царь явился в сад, нашел сонных служанок, начал их пинать нещадно ногами своими». «Увидала царевича, затопала на него ногами». Эмоции испуга: «*Гулеван* забросался по комнатам: «Куды же я деваюсь?»

Облик фантастических персонажей волшебной сказки или их поведение нередко осмысляется рассказчиком в конкретно-бытовых представлениях. Например, в древнейшей змееборческой по сюжетному типу сказке «Ювашка Белая Рубашка» герой, убив очередное чудище, каждый раз ищет небесные светила в кармане у змея.

Чудища любят пить чай из самоварчиков: «Поутру Ванюшка завтрак ему пригоношил — самоварчик и нажарил-напарил на него. Чудище похвалил его: «Вот мне, *знать,* хорошая *жизь* будет теперь!»

Главным образом крестьянский строй жизни создает обстановку сказки... Поэтому лица различных сословий и общественных положений, так же как чудесные и таинственные существа, живут, действуют, размышляют и мечтают по-крестьянски[1],— к такому выводу пришли исследователи на материале Пермских сказок.

Иван-царевич, женившись на лягушке, говорит царю: «Тятенька, мне особу комнату нужно; братья будут надо мной усмехаться, в одной комнате не буду я жить».

Опыт нелегкой крестьянской жизни — в словах героя сказки «Брат и сестра», раздобывшего для своей сестры хлеб: «Ешь, сестра, да не много, чтобы,— говорит,— тебя не вздуло с голоду! Походи, да опять поешь...»

Любопытны обычаи крестьянской жизни, упоминаемые в сказках, например, новоселье («влазины» в новый дом) в сказке «Иван купеческий сын», присутствие колдуна на старинной свадьбе в сказке «Колдун на свадьбе».

В Примечаниях к своему сборнику Д. К. Зеленин не оставил без внимания ни одного подобного упоминания, и даже

[1] *Елеонская Е. Н.* Великорусские сказки Пермской губернии. Влияние местности на сказку.— Этнографическое обозрение. С. 38.

к известным по другим сказкам традиционным описаниям дал этнографический комментарий, например, примечания к выражению «на кажной тынинке по человеческой головинке» — сказка «Иван купеческий сын и Елена поповская дочь»; или примечания к сказке «Иван-царевич и царевна-старушка (лягушка)»: жена инородческого происхождения оказывается хорошей хозяйкой. Хотя ученый оговаривается, что это толкование — «на известной ступени развития сказки».

Родственная связь с силами природы делает человека могучим и сильным — так можно выразить идею «Царевны-лягушки» на стадии мифологического бытования сюжета[1]. В новейших исследованиях русской волшебной сказки фольклористы выделяют особую ценность ее натурфилософского значения: сказка призывает к гармонии человека и природы, ее животного и растительного мира[2].

Для наших предков неодушевленные предметы, звери, человек были как будто бы существами одного типа[3].

Красноречиво свидетельствует об этом и раздел Превращение в Алфавитном указателе имен и предметов — персонажи превращаются в булавочку, в кольцо, в колодец, в дерево, в лес, в церковь, в бурю, в жару, в звезду, в дракона, в голубей, коней, пчел, ерша и т. д. «Этот самый пьяница сделался звездой, полетел и поймал Яги Ягишны дочь». Яга Ягишна говорит: «Я забегу вперед, сделаюсь жарой».

В древнейших типах сказок, т. е. сказок о животных, рожденных необходимостью для охотника установить контакт со зверем, обмануть, заговорить его, мы находим отголоски памяти о периоде мира и согласия между человеком и животными,— замечал Д. К. Зеленин,— «по общему мнению примитивных народов, все животные прекрасно понимают человеческий язык»[4].

Эпизод из сказки «Брат и сестра» («Звериное молоко») может служить прекрасной иллюстрацией этих мыслей Д. К. Зеленина, к тому же обладает высоким нравственным смыслом: «Только заходит на эту гору, бежит к нему лиса. Он перед этой лисой на коленки пал. Лиса ему сказала: «Что, молодец, тебе нужно?» — «...Сестра у меня захворала; молоко твое в пользу ей будет; дай мне молока на излечение».— «А что под молоко принес?» — «Принес я туес».— Поставил под нее, она дала ему полон туес. Поблагодарил лису и отправился будто бы домой.

---

[1] *Аникин В. П.* Русская народная сказка. М., 1977. С. 148.

[2] *Неелов Е. М.* Натурфилософия русской волшебной сказки. Петрозаводск, 1983. С. 4.

[3] *Елеонская Е. Н.* Некоторые замечания о пережитках первобытной культуры в русских народных сказках.— Этнографическое обозрение, 1906, № 1—2. С. 63.

[4] *Зеленин Д. К.* Религиозно-магическая функция фольклорных сказок.— В кн.: С. Ф. Ольденбург. Сборник. Л., 1934. С. 237.

Немного отошел и подумал: «Что же я такому зверю покорился? Только *плюснуть* бы ее — куды ты, из нее только брызги (потрох) полетит! А я еще *начитаюсь* богатырь! Дай я ворочусь, все-таки я ее кончу!» — Только подумал — и неоткуль взялись всякого сословия звери, окружили его и хочут его съесть, ходу не дают ему. — «Да, вот я только подумал, а мне уже ходу нет?» — Пал перед ней на колени второй раз: «Прости, лиса, что я худое на тебя подумал!» — Лиса сказала: «Только мне осталось скричать, и разорвали бы тебя самого! Когда же ты мне покорился, даю тебе на сохранение лева-зверя, огладь лева-зверя, сядь на него и поезжай куды знаешь!»

«Не съела его лиса, а подарок ему еще дала», — удивляется атаман-разбойник. В сказке животные-помощники верой и правдой служат герою, в сказке существует, как заметил в этой связи еще Е. Н. Трубецкой, «всеобщая солидарность, связующая человека со всей тварью поднебесной, общение с ней в страдании и радости»[1], и, добавим, с мирозданием в целом.

Об этом мироощущении очень точно сказал И. С. Бунин в своем гениальном рассказе «Косцы», созданном в эмиграции: «Как кровно близок он с этой глушью, живой для него, девственной и преисполненной волшебными силами, что всюду есть у него приют, ночлег, есть чье-то заступничество, чья-то добрая забота, чей-то голос, шепчущий: «Не тужи, утро вечера мудренее, для меня нет ничего невозможного, спи спокойно, дитятко!» — И из всяческих бед, по вере его, выручали его птицы и звери лесные, царевны прекрасные, премудрые и даже сама Баба-Яга, жалевшая его «по его младости»...» Каким горьким пророчеством звучат бунинские слова, сказанные им еще 70 лет назад, в 1921 году: «...Всему свой срок, — миновала и для нас сказка — отказались от нас наши древние заступники, разбежались рыскучие звери, разлетелись вещие птицы, свернулись самобранные скатерти, поруганы молитвы и заклятия, иссохла Мать-Сыра-Земля, иссякли животворные ключи — и настал конец, предел Божьему прощению»[2].

И как благодарны мы таким редким подвижникам, как Д. К. Зеленин, сохранившим, донесшим до нас в своей первозданности мир сказки. Наравне с другими жанрами фольклора, считал ученый, «как произведение народного гения, они характеризуют наше народное миросозерцание, раскрывают душу народа»[3].

Т. Г. Берегулёва-Дмитриева

---

[1] *Трубецкой Е. Н.* Иное царство и его искатели в русской народной сказке. М., 1922. С. 24.

[2] *Бунин И. А.* Избранные сочинения. М., 1984. С. 288.

[3] *Зеленин Д. К.* Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии. Вятка, 1904. С. 4—5.

КОММЕНТАРИИ

Сказки в сборнике Д. К. Зеленина были расположены по сказителям, что соответствует научному типу издания, но затрудняет обращение к нему массового читателя. Поэтому в настоящем издании Сказки расположены по сюжетно-тематическому принципу, в соответствии со «Сравнительным указателем сюжетов» для восточнославянской сказки. Согласно этому указателю, сборник имеет разделы: «Сказки о животных», «Волшебные сказки», «Легендарные сказки», «Новеллистические сказки», «Сказки об одураченном чёрте», «Сказки-анекдоты». Раздел «Волшебные сказки» имеет подразделы: «Чудесный противник», «Чудесный супруг», «Чудесная задача», «Чудесный помощник», «Чудесный предмет», «Чудесная сила». В соответствии с мнением Д. К. Зеленина, к легендарным сказкам отнесены №№ 15, 25, 29, 45, 58 и 64. Сказки «Иван Купцов», «Как русский татарам мечеть строил», «Вор», «Новая изба и черемисин» и «Сказка о мужике и медведе» [Медведь, заяц, паук и мужик] не включены в сборник: первая сказка, по выражению самого Д. К. Зеленина, это «бытовая картинка, не заключающая в себе ничего сказочного» (С. 547), остальные сказки не представляют художественного интереса для массового издания. Опубликованные в дореволюционное время тексты сказок приведены в соответствие с современной орфографией, авторская пунктуация сохранена. Сказки записывались Д. К. Зелениным с «голоса», с фиксацией всех фонетических особенностей говора, что представляет большую трудность для восприятия их при чтении. Поэтому при подготовке текстов к настоящему изданию была проведена минимально необходимая унификация, но все эстетически значимые особенности народной речи, а также диалектные слова, вошедшие в Словарь областных слов, сохранены. Слово «тожно» заменено словом «тогда»; окончания на «-ой» в словах муж. рода (типа: «хорошой», «родимой», «доброй», «милой») заменены на «-ый» («-ий»); глагольные формы типа «знат», «думат» заменены на «думает», «знает» и т. п. Удвоенная буква «ш» в словах типа «пушшай» заменена на «щ»; унифицирован разнобой в употреблении форм типа: «к ему» и «к нему», «етот» и «этот».

В комментариях указаны сюжетные типы сказок по «Сравнительному указателю сюжетов. Восточнославянская сказка» (Л., 1979), а также сохранены примечания Д. К. Зеленина. Ученый особенно заботился об указании на важнейшие русские варианты сказок — «хотя бы по одному Афанасьеву». Поэтому в комментариях приводятся ссылки на аналогич-

ные по содержанию сказки в трехтомном сборнике «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева». М., 1986.

Фамилии собирателей и сказителей, набранные в разрядку, означают отсылку к их алфавитному перечню «О сказочниках и собирателях сказок Пермской губернии».

В сказочных текстах различие между пояснениями рассказчиков и собирателя формой скобок не фиксируется: везде употребляются только круглые скобки.

Названия сказок, данные самим Д. К. Зелениным, заключены в квадратные скобки и уточнены в комментариях.

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

№ 1(88). Заяц и лисица [Лиса-повитуха]. — Перм. губ. ведом., 1863, № 43. Зап. П. А. и А. А. Вологдиными. Соединение в одной сказке сюжетов *«Лубяная и ледяная хата» (43)*, *«Лиса-повитуха» (15)* и *«Лиса крадет рыбу с воза» (1)*. См. Аф. №№ 9—13 «Лиса-повитуха».

№ 2(84). Кот, петух и лисица [Кот отнимает петуха у лисы]. — Перм. губ. ведом., 1863, № 42. Зап. П. А. и А. А. Вологдиными. Сюжет *«Кот, петух и лиса» (61B)*. У лисы бывает 7 дочерей: Чучелка, Подчучелка, Подай-челнок, Мети-шесток, Трубу-закрывай, Огня-вздувай, Пеки-пироги. — См. Аф. № 38 «Кот, петух и лиса».

№ 3(83). Кот, воробей и петух [Лиса уносит петуха]. — Перм. губ. ведом., 1883, № 41. Зап. П. А. и А. А. Вологдиными. Сюжет *«Кот, петух и лиса» (61B)*. Липовая дощечка, на которой скачет лиса, вероятно, заимствована из сюжета «Медведь на липовой ноге». В сб. Аф. № 37 «Кот, петух и лиса» заканчивается назиданием: «Вот каково не слушаться!»

№ 4(75). Колобок. — Перм. губ. ведом., 1863, № 39. Зап. П. А. и А. А. Вологдиными. Сюжет *«Колобок» (2025)*. В укр. и белорус. сказках колобок — это пирожок-утекач, в западноевр. — пирог, который убежал из печи от трех забывчивых девушек. См. Аф. №36 «Колобок».

№ 5(78). Волк и крестьянин [Пение волка]. — Перм. губ. ведом., 1863, № 4. Зап. П. А. и А. А. Вологдиными. Сюжет *«Пение волка» (163)*. См. Аф. №№ 49—50 «Волк».

№ 6(79). Козонька [Коза лупленая]. — Перм. губ. ведом., 1863, № 40. Зап. П. А. и А. А. Вологдиными. Начало сюжета *«Коза лупленая» (212)*: когда старик убеждается, что коза обманывает, пытается ее зарезать; коза лупленая убегает в лес, отнимает дом у зайца; выгоняет козу петух. См. Аф. № 62 «Сказка о козе лупленой».

№ 7 (82). Репка [Звери-плакальщики]. — Перм. губ. ведом., 1863, № 40. Зап. П. А. и А. А. Вологдиными. Контаминация сюжетов *«Горох до неба» (1960G)* и *«Лиса-нянька (плачея)» (37)*. Обычно награда (добыча) достается лисе, а не волку. См. Аф. № 21 «Лиса-плачея».

№ 8 (89). Ворона-карабута [О неправом суде птиц]. — Перм. губ. ведом., 1863, № 44. Зап. П. А. и А. А. Вологдиными. Сюжет *«Суд орла над вороной» (220A)*. «Под «кукушкой»,— замечает Зеленин,— естест-

веннее всего понимать бездомового «крестьянина» (С. 578)[1]. См. Аф. № 74 «Орел и ворона».

№ 9(90). **Козел и козлушка [Нет козы с орехами].** — Перм. губ. ведом., 1863, № 44. Зап. П. А. и А. А. Вологдиными. Сюжет *«Нет козы с орехами» (2015)*, имеет древнеиндийские и древнееврейские корни: происхождение таких сказок связано с древнееврейской песней козла, исполняемой хором на еврейскую пасху. В сб. Аф. № 60 «Коза» козел радуется возвращению козы.

№ 10(80). **Липовая нога [Медведь приходит за своей лапой].** — Перм. губ. ведом., 1863, № 40. Зап. П. А. и А. А. Вологдиными. Соединение сюжетов *«Медведь на липовой ноге» (161А) и «Дележ урожая» (103О)*. В сказке отразились древние представления о тотемных животных — покровителях человека или его рода. Медведь приходит за своей отрубленной ногой и съедает старика и старуху. См. Аф. № 57 «Медведь».

№ 11(74). **Кошечка — золотые сережечки.** — Перм. губ. ведом., 1863, № 38. Зап. П. А. и А. А. Вологдиными. Сюжет *«Кошечка — золотые сережечки» (332Н)*. «А. М. Смирнов, относя эту сказку к теме «Пение волка; волк поедает всех животных и старуху», справедливо замечает, что это «в высшей степени странная сказка»... Можно думать, — продолжает Зеленин, — что это начало сказки, переделанной сказочником в особый рассказ для детей; записанная мною на Вятке сказка «Медведь — зять» начинается несколько похоже: «котик золотой хвостик» бегает вокруг колодца, потом в поле и в лес, и заманивает таким образом, одну за другою, трех дочерей старика, посланных в колодец за водой; девиц этих потом берет замуж медведь...» (С. 571). В сб. «Песни и сказки Ярославской области» (Ярославль, 1958, № 5) содержится вариант, рассказанный семилетней девочкой: Котик золотой хвостик, серебряные ушки заманивает Дашеньку, Машеньку и братца Иванушку к старику, их заставляют работать, печь пирог, затем дети убегают от старика.

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

ЧУДЕСНЫЙ ПРОТИВНИК

№ 12(86). **Иван-дурак и Яга-баба.** — Перм. губ. ведом., 1863, № 43. Зап. П. А. и А. А. Вологдиными. Сюжет *«Мальчик (Ивась, Жихарко, Лутонюшка) и ведьма» (327С)*. «Произношение Бабою-Ягою «рюска» (— русская) коска» имеет в виду, конечно, — замечает Зеленин, — произношение слова «русский» финнами и другими инородцами. И в детстве, слушая сказки еще из простого любопытства, и впоследствии, записывая сказки, я не раз убеждался, что многие сказочники-крестьяне (в Пермской и Вятской губерниях) склонны видеть в сказочной Бабе-Яге олицетворение соседних финских и иных инородцев (черемис, вотяков и др.).

[1] Здесь и далее ссылки даются по первоначальному изданию: *Зеленин Д. К.* Великорусские сказки Пермской губернии. Пг., 1914 г.

Вполне согласно с таким народным представлением, Баба-Яга всегда почти живет в болоте, в избушке на сваях («на курьих ножках») и противополагает себя русским» (С. 576). См. Аф. № 106 «Баба-Яга и жихарь», № 108 «Ивашко и ведьма».

№ 13(9). [Ювашка Белая Рубашка]. — Зап. Зелениным от А. Д. Ломтева. Традиционная контаминация сюжетов *«Бой на калиновом мосту» (300А)* и *«Шесть чудесных товарищей» (513А)*. Последний сюжет получил широкое международное распространение, известен на Ближнем Востоке, в Индии и Америке, вошел в сборник «Тысяча и одна ночь», во французский сборник XVIII в. «Сказки о феях». Комментируя сказку, Зеленин указывает, что «имя героя известно в великорусских сказках: ср. сказку Садовникова «Ивашка Белая Рубашка, Горький Пьяница» и лубочную сказку «О Силе-царевиче и об Ивашке-белой рубашке», но это совсем другие сказки... Несмотря на присутствие в сказке почти всех небесных светил, ничего космогонического в ней мы не усматриваем: светила явились тут, думаем мы, на месте прежних имен (ср. имена девиц: Луна и Звезда в сказке Худякова № 108, имена братьев: Зорька, Вечерка и Полуночка в № 140 Афанасьева)» (С. 521).

№ 14(43). [Кожа медвежья-лицо человечье и Сам с ноготок-борода с локоток]. — Зап. Зелениным от Ф. Д. Шешнева. Традиционное сочетание сюжетов *«Иван-медвежье ушко» (650А)* — о герое (чаще он сын медведя и женщины), проявляющем необычную силу, и сюжета *«Три подземных царства» (301А, В)*, в котором повествуется о столкновении героев со злобным демоническим карликом, стариком Сам с ноготь-борода с локоть. Названными братьями героя становятся трехглавый и шестиглавый богатыри, последнего рассказчик, вероятно, оговорившись, назвал змеем. См. № 15(22); Аф. № 152 «Иванко-медведко» и № 141 «Медведко, Усыня, Горыня и Дубыня — богатыри».

№ 15(22). [Иван-царевич и Сам с ноготь-борода с локоть]. — Зап. Зелениным от А. Д. Ломтева. Сюжет *«Три подземных царства» (301А, В)* является всемирно известным, чрезвычайно распространенным в русском фольклоре (насчитывает 144 варианта). История сюжета восходит к древнеиндийским и тибетским корням, сборникам «Панчатантра» и «Тысяча и одна ночь», а также к рассказу греческого писателя I в. н. э. Конона о пастухе, покинутом товарищами в подземной пещере и прилетевшем оттуда на гигантском коршуне. Зеленин указывает, что имя этой птицы — Могут-птица, — вероятно, переделка под влиянием слова могутный (-могучий) из Моголь или Могулъ (С. 536). В сказке «Кощей Бессмертный» из сб. Аф. № 157 также упоминается Моголь-птица. В XVIII и XIX вв. сюжет «Три подземных царства» использовался в лубочных книжках: «Сказка о золотой горе, или Чудные приключения Идана, восточного царевича», «Сказка о золотом, серебряном и медном царствах».

№ 16(59). [Купеческий сын и Чудилище на стеклянной горе]. — Зап. Зелениным от П. В. Наумова. Вариант сюжета *«Три подземных царства» (301А, В)*, в котором повествуется о путешествии героя в поисках похищенной матери на стеклянную гору. Хрустальная гора — не случайное место обитания змея: из древних мифов и обрядов известно, что горный хрусталь и кварц наделялись магическими свойст-

вами, в частности, давали его обладателю способность летать. См. об этом: *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., **1986.** С. 290. В сказке «Хрустальная гора» из сб. Аф. № 162 в хрустальной горе сидит царевна, унесенная сюда змеем о 12-ти головах. См. Аф. № 129 «Три царства — медное, серебряное, золотое».

№ 17(27). [Ларокопий-царевич]. — Зап. Зелениным от А. Д. Ломтева. Сюжет *«Катигорошек» (312D).* «Имя Ларокопий,— предполагает Зеленин,— вероятно, из Ярополк» (С. 541). См. Аф. № 133 «Покатигорошек».

№ 18(6). Иван-царевич и Елена Прекрасная. — Зап. Зелениным от А. Д. Ломтева. Традиционная контаминация сюжетов *«Животные-зятья» (552A), «Благодарные животные» (554)* и *«Смерть Кащея в яйце» (302).* Живо обрисован «худой жеребчишко» — волшебный шестикрылый конь и его встреча со старшим братом — двукрылым конем Кощея.

№ 19(72). Мышь и воробей [Морской царь. Неоконченная сказка. Чудо лесное]. — Перм. губ. ведом., 1863, № 45. Зап. И. Потапо-вым. Сюжет *«Мышь и воробей» (222B*).* Зеленин указывает, что это начало сказки «Чудо лесное» или «Морской царь»; см. № 20(24). «Характерно, что сильнейшим в числе зверей здесь оказывается медведь, а не лев, что более соответствует местным условиям» (С. 570). См. Аф. №№ 220—221. «Морской царь и Василиса Премудрая».

№ 20(24). Чудо лесное [Морской царь]. Зап. Зелениным от А. Д. Ломтева. Традиционная контаминация сюжетов *«Мышь и воробей» (222B*)* и *«Чудесное бегство» (319B).* «В № 13 моих вятских сказок,— отмечает Зеленин,— находим объяснение некоторых эпизодов, в данной сказке не выясненных; так, орел пугает мужика за то, что тот бил его — первый год кулаком, второй — ногами, третий — палкой» (С. 538). См. Аф. №№ 221—222 «Морской царь и Василиса Премудрая».

№ 21(55). [Иван купеческий сын и его невеста-волшебница]. — Зап Зелениным от Е. И. Сигаева. Сюжет *«Чудесное бегство» (313A, C).* См. № 22(12) и сказку Черных № 2 (в изложении). «Выпуск голубя на девишнике,— замечает Зеленин,— согласуется с одним местным обрядом: в Шадринском уезде Пермской губернии доселе выпускают, в день девишника, в бане, где моется невеста с подругами, голубя, знаменующего собой, по-видимому, девственность невесты. С кажного чина — можно понимать двояко: с каждого чана (починаемого лакеями) или же: с каждого чина; последнее вероятнее» (С. 558). См. Аф. № 222 «Морской царь и Василиса Премудрая».

№ 22(12). [Иван-царевич и его невеста-волшебница]. — Зап. Зелениным от А. Д. Ломтева. Сюжет *«Чудесное бегство» (313C).* Сказки этого типа заканчиваются эпизодом «Забытая невеста». Сравнивая эту сказку с № 21(55), Зеленин указывает, что в последней «есть особое начало, в настоящей сказке Ломтева отсутствующее. Героем там Иван же, но не царевич, а купеческий сын; тесть его носит длинное имя «Сам с ноготь, борода с локоть, Токман Токманыч морской царь». Сходство этих двух вариантов, однако же, весьма большое; между прочим, и советчик слуг носит почти тождественное имя «Васька Широкий Лоб», и жена Ивана то же имя Марфы! Ту же сказку я выслушал еще и от третьего сказочника, Черных. И здесь весьма много общего, но герой уже не царевич

и не купец, а крестьянский сын, нанимающийся в работники к черту. Здесь мы имеем весьма яркий случай того правила, что сословное положение героя сказки — нечто весьма не прочное, а легко меняющееся по произволу сказочников: герой одной и той же сказки у трех сказочников одного и того же уезда принадлежит к трем различным сословиям!» (С. 525). См. Аф. № 222 «Морской царь и Василиса Премудрая».

№ 23(41). Вася да Ваня [Звериное молоко]. — Зап. Зелениным от Ф. Д. Шешнева. Сюжет *«Звериное молоко» (315).* См. № 24(5) и сказку М. О. Глухова № 2 в изложении. «Ваня ломает «дубовник»; дубов в Екатеринбургском уезде нет: очевидно, редакция сказки не местная» (С. 548).

№ 24(5). [Брат и сестра]. [Звериное молоко]. — Зап. Зелениным. от А. Д. Ломтева. Сюжет *«Звериное молоко» (315).* См. № 23(41). «Это одна из наиболее любимых и распространенных теперь на Урале сказок,— замечает Зеленин,— в Екатеринбургском уезде мне ее рассказывали три сказочника. См. № 23(41) «Вася да Ваня» (сказка Ф. Д. Шешнева) и сказка Глухова № 1 (в изложении). В последней особенно много местных бытовых черт. Да и вообще содержание этой сказки (особенно обилие разбойников), так сказать, подходит к местной обстановке — к еще недавно девственным Уральским горам и лесам... Названо лисиное *сало* вместо *молоко,* по-видимому, ошибочно (можно толковать и так, что атаман с сестрой сначала хотели просить именно сала, что скорее повело бы к смерти героя)» (С. 517). См. Аф. № 203 «Звериное молоко».

№ 25(4). [Иван купеческий сын]. [Купленная жена]. — Зап. Зелениным от А. Д. Ломтева. Сюжет *«Неверная жена» (318).* «В начале сказки,— комментирует Зеленин,— рассказчик ошибочно назвал своего героя Васильем, потом обычно без имени («молодец» и т. п.), а... очень часто Иваном. Микола Милосливый реже зовется этим именем, а чаще: дедушка, старичок. Продажа коня-оборотня без уздечки, столь обычная в сказках, имеет соответствие в местных народных преданиях: так, в Кобринском уезде Гродненской губернии мену оброти или веревки, с которой куплено домашнее животное, считают дурным предзнаменованием: скотина не поведется» (С. 516). См. Аф. №№ 230—231 «Купленная жена» и Аф. №№ 232—233 «Царь-девица» (эпизод со сном героя).

№ 26(57). [Колдун и его ученик]. — Зап. Зелениным от Ив. Купреянова. Сюжет *«Хитрая наука» (325).* Всемирно известный сюжет, восходящий к древнеиндийским, тибетским источникам, нашел отражение в «Метаморфозах» Овидия, в «Тысяче и одной ночи», в западноевропейских средневековых сборниках. Вариант сюжета осложнен эпизодом убийства героя и оживлением его бычком-спасителем — тем самым, которого дал старику колдун. О продаже скотины без веревки см. коммент. к № 25(4). См. Аф. №№ 249—253 «Хитрая наука».

№ 27(1). Ванюшка. — Зап. Зелениным от А. Д. Ломтева. Контаминация сюжетов *«Муж ищет исчезнувшую жену» (400)* и *«Елена Премудрая» (329).* См. также сказку Глухова № 1 (в изложении). Сравнивая их, Зеленин указывает: «Более существенная разница: у Бабы-Яги, у каждой

из трех сестер, герой хватает свою жену за косу, но та обращается в огненного дракона и в льва... Мотив троекратного прятанья распространен широко... Дважды встретившееся выражение «под ташки» — не местное; слово «ташка» в значении «мышки, подпазухи» отмечено в Бобровском уезде Воронежской губернии... В описании роскошного убранства комнат старика (особенно расцвечено оно у Глухова), быть может, отразились рассказы о жизни прежних заводовладельцев Урала... Обмолвка рассказчика: как видно из дальнейшего, старик доверил Ванюшке ключи не от семи, а только от шести комнат» (С. 512). См. Аф. № 237 «Елена Премудрая».

ЧУДЕСНЫЙ СУПРУГ

№ 28(20). [Иван купеческий сын и Елена поповская дочь]. — Зап. Зелениным от А. Д. Ломтева. Сюжет *«Муж ищет исчезнувшую жену» (400).* «Сказочная тема очень обычная, — замечает Зеленин, — муж ищет свою жену, но жена здесь не похищена, как то обычно, а сбежала сама. Имя чудовища тоже оригинально, сказочник Ломтев думал, что это имя дано за безобразие героя: имя Солон он связывал со словом «соль». Головы на тынинах кругом двора (ср. мои Вятские сказки № 86...), столь обычная в русских сказках черта, по-видимому, черта бытовая: у башкир Челябинского и Екатеринбургского уездов есть обычай вешать на кольях кругом двора головы (черепа) съеденных лошадей, цель — предохранение от злого глаза скота. У великороссов Сарапульского уезда Вятской губернии конские головы (черепа от падали) висят на кольях изгороди, окружающей пчельник, чтобы лучше велись пчелы» (С. 534).

№ 29(85). Иван-царевич и молодая молодица. — Перм. губ. ведом., 1863, № 42. Зап. П. А. и А. А. Вологдиными. Отчасти сюжет *«Муж ищет исчезнувшую жену» (400₁).* «Бытовой смысл этой сказки мы понимаем так, — поясняет Зеленин, — похищенную у кочевого народа красавицу весной тянет в кочевую степь, куда отправляются ее сородичи» (С. 575). С. Ф. Ольденбург назвал эту сказку, пожалуй, самой лучшей в сборнике.

№ 30(19). [Иван-царевич и царевна-старушка (лягушка)]. — Зап. Зелениным от А. Д. Ломтева. Сюжет *«Царевна-лягушка» (402).* «Три выслушанные мною в одном уезде варианта этой сказки свидетельствуют о ее распространенности, — утверждает Зеленин. — Под «лягушкой», по-видимому, сказочники разумели (на известной ступени развития русской сказки) жену инородческого происхождения, взятую русским женихом: при видимой невзрачности и дикости, она оказывается хорошею хозяйкою. Между прочим, засовывание на пиру остатков пищи в рукава и потом выбрасывание их (иногда во время пляски) напоминает мне чувашский свадебный обряд: во время снятия с молодой покрывала пляшущие выкидывают из рукавов муку, ... этот обычай свадебного обсыпания известен и в русском народе (обсыпают хмелем, зернами), но только обсыпают не из рукавов, не во время пляски и не мукой»

(С. 533). См. № 31(28); сказку Ф. Д. Шешнева № 2 «Про лягушку-квакушку» (в изложении). Аф. №№ 267—269 «Царевна-лягушка».

№ 31(28). Лягушка и Ипат [Царевна-лягушка]. — Зап. Зелениным от Е. С. Саврулл ина. Сюжет *«Царевна-лягушка» (402).* «Вся сказка проникнута юмористическим тоном, — комментирует Зеленин, — что объясняется жанром данного рассказчика. Герой выставлен полудурачком, по-видимому, в целях большего реализма. Стремление сказочника к реализму проявилось во многом. Между прочим, он прямо ссылается на местный обычай, по которому новобрачная на второй день свадьбы должна стряпать пирожки. Такой обычай действительно существует, и самый день зовется по этому поводу «пирожным». Обычай этот рассказчик назвал «ихным», разумея под «ими», вероятно, серых деревенских крестьян, известных здесь под именем «челпанов».

Мышь пересекла дорогу — к худу: про эту народную примету говорит Ипат. Живущая в болоте Баба-Яга «русских сроду не видала», почему в восклицании другой Яги при виде Ипата: «Ху, нерусский дух!» — нужно видеть обмолвку сказочника, вместо «Ху, русский дух!». См. № 30(19), Аф. №№ 267—269 «Царевна-лягушка».

№ 32(67). Сказка о Дуньке-дурке и Ясном Соколе [Перышко Финиста Ясна Сокола]. — Прислано М. И. Суряковым. Сюжет *«Финист ясный сокол» (432).* Зеленин увидел в сказке «романтическое приключение: молодой аристократ тайно посещает младшую дочь крестьянина и дарит ей богатые подарки; старшие сестры, из зависти, назлили аристократу. Последнего родители женят на немилой. Старая зазнобушка с большими трудностями достигает своего милого. Откуда Дунька взяла чудесную щетку, в сказке не сообщено» (С. 566).

ЧУДЕСНАЯ ЗАДАЧА

№ 33(77). Морозко. — Перм. губ. ведом., 1863, № 40. Зап. П. А. и А. А. Вологдиными. Сюжет *«Мачеха и падчерица» (480),* принадлежит к группе сюжетов о невинно гонимых. Вместо Морозко может выступать Баба-Яга, леший, в укр. сказках — кобылячья голова. Формирование сказок о Морозко связано с быличками — легендарными рассказами. Как замечает Зеленин, русские крестьяне еще в XIX в. совершали обряд угощения Морозко киселем. См. Аф. №№ 95—96 «Морозко».

№ 34(42). Шелудивая пьяница [Поди туда — неведомо куда]. — Зап. Зелениным от Ф. Д. Шешнева. Сюжет *«Пойди туда, не знаю куда» (465А).* В сказке о красавице жене, отмечает Зеленин, немало путаницы, например, «дубинка променяна на дудку, а остается у охотника (что объясняется пропуском: дубинка возвратилась)» (С. 549). См. Аф. №№ 212—215 «Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что».

№ 35(13). Федор Бурмакин и Вавилонское царство. — Зап. Зелениным от А. Д. Ломтева. Сюжет *«Борма-ярышка» (Федор Бурмакин, Иван Туртыгин и др.)» (485)* восходит к памятнику русской письменности XV в. «Сказанию о Вавилоне», в котором повествуется о том, как пра-

вославный царь Левки-Василий решил добыть из Вавилона «знамения». Существуют сказки, построенные только на *«Эпизоде на острове (дикая женщина)» (485A*)* и только на эпизоде *«Сила хмеля (лев-помощник)» (485B*)*. Эпизод с ослеплением циклопа известен из античной литературы: «Одиссея» Гомера (песнь IX), «Метаморфозы» Овидия (кн. XII, Телемак у Полифема) — в фольклоре это сюжет *«Ослепленный одноглазый великан (черт, Баба-Яга)» (1137)*. См. Аф. № 242 «Соль» и № 302 «Лихо одноглазое».

ЧУДЕСНЫЙ ПОМОЩНИК

№ 36(96). Князь Киевский Владимир и Илюшка сын матросов. — Зап. А. Н. Зыряновым. Сюжет *«Слепой и безногий богатыри» (519)*. В более полном виде см. сюжет сказки № 37(7). «Здесь, как мы видим, — указывал Зеленин, — героями сказки являются исторические (былинные) лица» (С. 579).

№ 37(7). [Мишка Котома Конюх и Катун-девица]. [Безногий и слепой богатыри]. — Зап. Зелениным от А. Д. Ломтева. Традиционная в русском фольклоре контаминация сюжетов *«Слепой и безногий богатыри» (519)* и *«Бой на калиновом мосту» (300A)*. Последний сюжет ср. с № 13(9). Исследователи, в том числе Афанасьев, обратили внимание на сходство сказок сюжетного типа 519 с «Песней о Нибелунгах», в частности на эпизод усмирения невесты-богатырки Брунхильды Зигфридом, пробравшимся в плаще-невидимке на брачное ложе вместо короля Гунтера. В XIX в. в России многократно издавались лубочные сказки о дядьке Катоме. См. Аф. №№ 198—200 «Безногий и слепой богатыри».

№ 38(2). [Марфа-царевна и Иван крестьянский сын]. [Незнайко]. — Зап. Зелениным от А. Д. Ломтева. Сюжет *«Незнайка» (532)*. Зеленин отметил, что выражение «в поле съезжаются, родом (т. е. родством) не считаются» отмечено и в Вытегорском уезде Олонецкой губ. См. Аф. №№ 295—296 «Незнайко», № 571 «Сказка об Иване-богатыре, крестьянском сыне».

№ 39(10). Пётра-королевич. — Зап. Зелениным от А. Д. Ломтева. Сюжет *«Конек-горбунок» (531)*. Близкий вариант полулубочного старого издания «Сказки о Петре-королевиче, о Ивашке Медвежьем Ушке». В сб.: «Собрание старинных русских сказок». М., 1829. См. Аф. № 169 «Жар-птица и Василиса-царевна».

ЧУДЕСНЫЙ ПРЕДМЕТ

№ 40(87). Иван крестьянский сын [Волшебное кольцо]. — Перм. губ. ведом., 1863, № 43. Зап. П. А. и А. А. Вологдиными. Сюжет *«Волшебное кольцо» (560)*. Своеобразно начало сказки; обычно в начале герой выкупает кошку и собаку — своих будущих помощников. См. № 41(46). См. Аф. № 190 «Волшебное кольцо».

№ 41(46). Кот и соболёк [Волшебное кольцо]. — Зап. Зелениным от Ф. Д. Шешнева. Сюжет *«Волшебное кольцо» (560)*. См. Аф. № 190

«Волшебное кольцо», № 566 «Сказка про перстень о двенадцати винтах».

№ 42(68). Сказка о коте и решете [Волшебная конопатка]. — Зап. крестьянином Романом Петровичем Дудиным. Доставлено В. П. Паламожных. Традиционная контаминация сюжетов *«Волшебное кольцо» (560)* и *«Кот в сапогах» (545B)*. «Основная тема сказки, — замечает Зеленин, — та же самая, что и в известной сказке «Волшебное кольцо», только здесь вместо кольца видим конопатку (лопатку). В эту сказку вклеен эпизод о мерянье старухою денег для уверения царя в своем богатстве. Оригинальна поездка старухи к царю на коте, запряженном в решето, что дало повод рассказчику даже и озаглавить сказку словами «о коте и решете». Конечно, этим весьма выразительно подчеркнута бедность героя, у которого не оказалось ни лошади (ни другой какой-нибудь скотины, кроме кота), ни экипажа. Но, по-видимому, решето служит еще символом обмана, с чем ср. выражения: «Показать Москву в решете» (-обмануть, одурачить), «возить попа в решете» (лгать на исповеди или скрывать грехи), «чудеса в решете». Наконец, ср. обычай жителей Енотаевского уезда Астраханской губернии принимать новорожденного младенца в решето — «в отвращение от напастей в его жизни»..., т. е. самое решето является как бы талисманом.

Некоторые поверья и легенды о проклятых своими родителями детях, каким является герой данной сказки, собраны мною в статье «К вопросу о русалках» (Живая старина, 1911, С. 393). (С. 567). См. №№ 41(46) и 40(87), а также Аф. № 163 «Бухтан Бухтанович» и № 164 «Козьма Скоробогатый».

№ 43(56). [Чудесное подземелье. Неоконченная сказка]. — Зап. Зелениным от Ив. Купреянова. Контаминация сюжетов *«Волшебное кольцо» (560), «Лампа Аладина» (561)*. «По-видимому, это только начало сказки, хотя рассказчик и склонен видеть тут самостоятельную сказку. Это может быть началом сказки «Волшебное кольцо» (в чудесном подземелье добыл кольцо, напр., герой записанной мною вятской сказки № 9» (С. 559). См. №№ 42(68), 97(98), 105(100).

№ 44(3). Царь-девица [Волшебная птица + Рога]. — Зап. Зелениным от А. Д. Ломтева. Традиционная контаминация сюжетов *«Чудесная птица» (567)* и *«Рога» (566)*. См. № 45(29) и № 104(99), а также Аф. №№ 192—194 «Рога».

№ 45(23). Про Француля [Рога]. — Зап. Зелениным от А. Д. Ломтева. Сюжет *«Рога» (566)*. «Сильно расцвеченный вариант сказочной темы «Рога» (Три волшебные вещи и чудесные плоды), — замечает Зеленин. — Более оригинальные черты нашей сказки: три таинственные девицы-богомолки с их платоническим браком (рассказчик, по-видимому, разумел под ними старообрядческих отшельниц-скитниц, и поныне встречающихся в лесах Урала), а также плата Француля за красоту. Имя героя Француль взято, конечно, из известной лубочной сказки о Францыле Венциане, с которой наша сказка ничего общего по содержанию не имеет» (С. 537). См. № 44(3), № 104(99), а также Аф. №№ 192—194 «Рога».

№ 46(11). [Иван солдатский сын]. — Зап. Зелениным от А. Д. Ломтева. Контаминация сюжетов *«Мнимоумершая» (885A)* и

«Оживленная неверная жена» (619). «В этой сказке мало традиционного,— отмечает Зеленин,— волшебные ягоды (ср. сказочную тему «Рога»), три пьяницы-помощника, хотя самая тема — подвиги жениха, отыскивающего свою невесту,— столь обычна в сказках. Черт нового, культурного быта очень много: репетиторство, сетка на лице Маши и крики «браво». Сословие героя, кантониста-солдата, почти не оставляет сомнения в том, что эта новая сказка-роман — создание солдатской фантазии. Можно также думать, что одним из образцов послужил при этом какой-нибудь лубочный или бульварный роман» (С. 523—524).

№ 47(8). Рязанцев с Милютиным.— Зап. Зелениным от А. Д. Ломтева. Сюжет *«Пиковый (червонный) валет» (611*).* В указателе сюжетов отмечено еще два варианта этой сказки, они объединены общим содержанием: сосватанные дети, отец жениха в море, находит игральную карту, из которой выходят духи, служащие ему; с помощью этих духов сын богатеет, прельщает подарками свою невесту и женится на ней. Не исключена возможность, что здесь мы имеем попытку Ломтева составить новую сказку из разных сказочных элементов,— комментирует Зеленин.— Тут и тема «Сосватанные дети, былинный Садко, три обычных ухореза. Бытовых подробностей весьма много (особенно при изложении кутежей Вани). Прибытие из Англии в Петербург на ямских свидетельствует, что источник этих бытовых подробностей довольно мутный.— В основе сказки лежит чисто народное воззрение, по которому бесы, раз поступив в распоряжение человека, требуют, чтобы человек этот давал им возможно больше работы, без чего они своего хозяина замучат; это воззрение русского народа рельефнее всего выражено Ал. Потехиным устами крестьянина Нижегородской губернии: «А он (бес) у тебя все работы просит: вот и посылаешь его то лес считать..., а то дождь идет, так велишь дождинки считать. Уж какое-нибудь ему дело давай, а то смучит тебя» (*Потехин Алексей.* Соч. Спб., 1873. Т. I. С. 182). В Пермской губернии это воззрение — общераспространенное» (С. 520). См. Аф. № 331 «Сосватанные дети» — начало.

ЧУДЕСНАЯ СИЛА

№ 48(16). Илья Муромец.— Зап. Зелениным от А. Д. Ломтева. Сюжет *«Илья Муромец» (650С*).* «Пересказ общеизвестных былин об Илье Муромце и Святогоре (Егоре Святогоре),— замечает Зеленин.— Реку Неву ср. также с рекой Нейвой, протекающей в Пермской губернии» (С. 530). См. Аф. №№ 308—309 «История о славном и храбром богатыре Илье Муромце и о Соловье-разбойнике».

№ 49(18). Бобá-королевич.— Зап. Зелениным от А. Д. Ломтева. Сюжет *«Бова-королевич» (707В*).* «Упрощенный вариант известной лубочной сказки,— комментирует Зеленин,— не без отсебятины. Личность (?) Полкана совсем не выяснена: какую «волю» обещает ему Маркобрун, совершенно неясно. В одном месте Сенбалдою назван отец Бобы, а в другом этот Сенбалда назван дядькою. Есть небольшая путаница и в хронологии. Из лубочных изданий данной сказки я встретил нынеш-

ним (1914) летом у крестьянина села Куяшей Екатеринбургского уезда, родственника покойного (1912) Ломтева, издание 1912 г. под заглавием «Полная сказка о сильном, славном и храбром витязе Бове Королевиче и о прекрасной супруге его Дружневне...». М., 1912. С. 532.

№ 50(63). Емеля-дурачок [По щучьему веленью]. — Зап. Зелениным от Е. Е. Алексеева. Сюжет *«По щучьему велению» (675).* «Рассказчик, видимо, плоховато знал сказку, — отмечает Зеленин, — и делал пропуски: ничего не сказано о том, как произошло, что королевская дочь влюбилась в Емелю... Совсем неясны обстоятельства и причины того, за что королевская дочь посажена с Емелей в бочку. Не выяснено, по какому поводу наложена на Емелю служба» (С. 563). См. Аф. № 165 «Емеля-дурак», № 167 «По щучьему веленью».

№ 51(73). Брат и сестра [Девица с отрубленными руками]. — Перм. губ. ведом., 1863, № 46. Зап. Ив. Потаповым. Сюжет *«Безручка» (706).* «Вариант сказочной темы «Безрукая девица», в коем история чудесного исцеления безрукой матери опущена, — комментирует Зеленин, — рассказчик, видимо, пропустил этот эпизод, хотя его и необходимо предполагать на основании того, что царица в конце сказки сама ходит, а прежде была безногой» (С. 571). См. Аф. №№ 279—280. «Косоручка».

№ 52(44). Про Елену Красоту Золотую Косу [Волшебное зеркальце]. — Зап. Зелениным от Ф. Д. Шешнева. Сюжет *«Волшебное зеркальце» (709).* Эпизод с собачьим сердцем из сюжета *«Оклеветанная девушка» (883А).* Вместо разбойников в сказках этого сюжета могут выступать богатыри или братья-королевичи. См. пушкинскую «Сказку о мертвой царевне и семи богатырях». Сюжет прослеживается с древности, начиная с «Тысячи и одной ночи». См. Аф. № 211 «Волшебное зеркальце».

№ 53(48). [Степан, Григорий и Елена Прекрасная]. [Вещий сон]. Зап. Зелениным от В. Е. Черных. Сюжет *«Нерассказанный сон» (725).* «Вариант сказочной темы «Вещий сон». Сказка представляется на первый взгляд запутанной, — указывает Зеленин, — вследствие того, что рассказчик редко называет действующих лиц по именам. К тому же Алексей потом превращается в Григория: тут, по-видимому, ошибка сказочника, если только случайные спутники не скрывают один от другого свои имена. Вначале обмолвка сказочника: вместо «этот ворожец» надо читать «этот Григорий» (С. 553). См. Аф. № 240 «Вещий сон».

№ 54(60). [Морока]. — Зап. Зелениным от Дмитрия Ефремовича Лёзина, жителя Верхнего Кыштымского завода Екатеринбургского уезда. Сюжет *«Морока» (664А*).* См. № 55(52), Аф. № 377 «Морока».

№ 55(52) [Морока]. — Зап. Зелениным от С. К. Киселева. Сюжет *«Морока» (664А*).* В Примечаниях к сказке Афанасьев отметил: «Морочить или отводить глаза значит: заставить всех присутствующих видеть то, чего на самом деле нет. Это чародейное искусство обыкновенно приписывается колдунам и ведьмам» (Аф. Т. III, С. 384). Сюжет имеет древнее происхождение, отчасти напоминает сказку из «Тысячи и одной ночи» (ночи 582—584). См. Аф. № 376 «Морока».

№ 56(95). Сказка о Наполеоне. — Зап. П. Словцовым, священником села Ляпинского Верхотурского уезда. Впервые напечатана

в Записках ИРГО по Отделению этнографии, 1867. Т. I. С. 655—659, а также в сборнике «Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века. Л., 1961. Сюжет *«Прожорливые генералы и поп-расстрига» (—2028*)*. «Можно думать,— размышляет Зеленин,— что тут изображены завоевания Наполеона в Европе, которые Наполеон принужден был потом возвратить. Историческое событие изображено в типичной сказочной обстановке» (С. 579). Алчность наполеоновских генералов, которые поглотили все серебро в государстве, исторически достоверна: в первые же дни занятия французами Москвы в Успенском соборе Кремля были устроены плавильные горны, огромные весы, на которых взвешивалось выплавленное золото и серебро. Этому посвящена лубочная картинка «Наполеон занимается в Москве выжигою», т. е. выплавкой чистого золота и серебра из награбленного.

№ 57 (94). Присказка.— Перм. губ. ведом., 1863, № 44. Зап. П. А. и А. А. Вологдиными. Сюжет *«Возвращение со свадебного пира сказочника» (1880)*. Прибаутка в конце волшебных сказок. См. конец сказок. Аф. №№ 146, 147 «Семь Семионов», № 432. «Фома Беренников».

СКАЗКИ-ЛЕГЕНДЫ

№ 58(76). Девушка-снежурочка. [Чудесная дудка].— Перм. губ. ведом. 1863, № 39. Зап. П. А. и А. А. Вологдиными. Контаминация сюжетов *«Снегурочка» (703)* и *«Чудесная дудочка» (780)*. См. № 103(103), а также Аф. № 246 «Чудесная дудка».

№ 59(29). Золотой кирпич.— Зап. Зелениным от Е. С. Саврулина. Контаминация сюжетов *«Девушка, встающая из гроба» (307)* и *«Купленная жена» (887А*)*. Зеленин указывает, что в архиве РГО хранится вариант этой сказки-легенды, записанный в Олонецкой губернии под заглавием «Человек обделит, так Бог наделит». «Здесь дедушка нашей сказки прямо назван: «святитель Николай Чудотворец» (С. 542). С эпизодом разрубания и обмытия внутренностей жены можно сравнить эпизод лубочной сказки о Силе-царевиче и об Ивашке, Белой Рубашке. Аф. № 575. Начало сказки напоминает сюжет *«Волшебное кольцо» (560)*: герой покупает кошку и собаку. Ср. «Вий» Гоголя, созданный по мотивам фольклора. См. Аф. № 364 «Иван купеческий сын отчитывает царевну».

№ 60(25). [Солдат и Смерть].— Зап. Зелениным от А. Д. Ломтева. Сюжет *«Солдат и смерть» (1158)*. «Первую половину нашей сказки (солдат выживает кикимору),— замечает Зеленин,— можно рассматривать как самостоятельную сказку, с коей ср. ниже № 33» (С. 539).

№ 61(36). Николай Чудотворец порукой.— Зап. Зелениным от Е. С. Саврулина. Сюжет *«Крест (образ) — порука» (849)*. В других вариантах сюжета купивший икону добивается счастья с помощью святого; брошенные в бочонке в воду деньги сами приплывают к заимодавцу. См. Аф. № 245 «Крест-порука».

№ 62(15). Побывальшинка [Легенда о крестном отце и о враге]. Зап. Зелениным от А. Д. Ломтева. Сюжет *«Смерть кума» (332)*, но в роли Смерти в сказке — ангел. В комментариях Зеленин указывает,

что это «две разных легенды: а) о чудесном куме-ангеле и б) о враче. Последняя общеизвестна. В легенде много местных бытовых черт, особенно в описании крестин, ... принести воду для крещения младенца — обязанность кума, а доставить «ризки» для новокрещаемого — обязанность кумы, в данном случае отсутствующей, почему обязанности ее перешли к куму же». (С. 528). В эпизоде, начинающемся со слов: «Потом они приезжают. Он и говорит: «Кум...» *Он* — «разумеется, не рыбак, а ангел: крестный отец, как известно, одинаково называет отца своего крестника «кумом» же» (С. 528).

№ 63(45). Как Господь ходил по земле [Марко Богатый]. — Зап. Зелениным от Ф. Д. Шешнева. Традиционная контаминация сюжетов: *«Бог в гостях» (751A*), «Марко Богатый» (461)* и *«Путешествие к солнцу» (460B)*. Сказочный сюжет о бесчестном богаче и бедном юноше со счастливой судьбой находим в древнеиндийских, китайских, индонезийских, европейских источниках. «Эпизод с письмом,— замечает Зеленин,— встретился ниже в башкирской сказке (№ 100). Мать солнца в подобной же обстановке встретилась в бурятской сказке «Сирота и желтая собака» (С. 551). См. № 64(64), а также Аф. № 307 «Марко Богатый и Василий Бессчастный».

№ 64(64). Иван Несчастный [Марко Богатый]. — Зап. Зелениным от Е. Е. Алексеева. Сюжет «Марко Богатый» (461), но без мотива путешествия на тот свет. В таких русских сказках легендарного типа «От судьбы не уйдешь» находим сентенцию «не рой яму другому, а то сам там будешь». См. комментарий к № 63(45). См. Аф. № 306 «Марко Богатый и Василий Бессчастный».

НОВЕЛЛИСТИЧЕСКИЕ СКАЗКИ

№ 65(С. 269). Остафий Плакида. — Зап. Зелениным от Ф. Д. Шешнева. Сюжет *«Остафий Плакида» (938)*. Широко известное легендарное житие: Зеленин вспоминает, что видел летом 1913 года у крестьян села Куяшей, Екатеринбургского уезда полулубочное издание «Жизнь и страдальческая кончина св. великомученика Евстафия Плакиды, супруги его Феопистии и детей их Агапия и Феописта». Сказку «Остафий Плакида» записывали в Новгородской и Вологодской губерниях. «Влияние этого жития на русские сказки, однако же, вне всякого сомнения. В Котельническом уезде Вятской губернии я записал сказку, где много общего с данным житием, хотя об Остафии Плакиде речи нет. Действующие лица сказки: царь Европейский, слуга его Каиф, царица Золотая Струя и два ее сына. Одного сына также похищает и кормит лев; сыновья узнаны отцом также на войне. Разных черт, однако же, много больше, чем сходных... Вятская сказка, судя по упоминанию в ней реки Днепра, занесена на Вятку с юга» (С. 547). См. *Зеленин Д. К.* Великорусские сказки Вятской губернии. Пг., 1915, № 29.

№ 66(40). [Загадки]. [Царевич-найденыш]. — Зап. Зелениным от Ф. Д. Шешнева. Сюжет *«Царь Соломон и его неверная жена» (920)*. См. Аф. № 330 «Царевич-найденыш».

№ 67(53). Загадки [Царевна, разрешающая загадки]. — Зап. Зелениным от С. К. Киселева. Сюжет *«Неразгаданные загадки» (851)*.

«Трехрублевая лошадь и трехрублевый же рогожный костюм барина имели, по-видимому, тоже какое-то отношение к загадкам,— замечает Зеленин,— но обращены сказочником в простое чудачество барина» (С. 556).

№ 68(14). **Васенька Ва́регин.**— Зап. Зелениным от А. Д. Ломтева. Отчасти сюжет *«Опознанная знатная любовница» (851IV).* В комментариях Зеленин отмечал, что это «сказка нового фасона, создание, по всей вероятности, солдатской фантазии. Месть жене — изменнице и головокружительная карьера солдата — вот центр ее содержания. Но эта солдатская сказка рассказана мне не солдатом, и в ней есть некоторые неточности в мелочах, объясняющиеся именно на этой почве: так Варегин называет генерала «Ваше Высокородие», история с «паской», поведшая за собою генеральство для Варегина, изложена так туманно, что остается для меня не вполне ясной... Традиционных черт в сказке очень мало. Между прочим, отметка на свидании своей возлюбленной ляписом встречается в «Декамероне» ...» (С. 528).

№ 69(66). **[Смех и горе].**— Зап. Зелениным от А. П. Цыплятникова. Сюжет *«Солдат-генерал (Жена выручила)» (880*).* Название сказки, мотивированное в финале, взято у сказки традиционного сюжетного типа «Смех и горе», где повествуется об обманутом муже. Начало сказки, претендующее на документальность,— чистый вымысел: «Ни деревни Окомёловки, ни Козодаевской волости в списке населенных мест Рязанской губернии не числится,— отмечает Зеленин.— Слово *корчма* говорит о неместном происхождении данной сказки (слово это наш сказочник позаимствовал, вероятно, от того солдата-орловца, который и рассказал ему эту сказку)» (С. 565).

№ 70(17). **[Володька купеческий сын].**— Зап. Зелениным от А. Д. Ломтева. Сюжет *«Счастье на чужбине» (935).* «Сказка новейшей формации,— указывает Зеленин,— в которой мы опять видим репетитора, своеобразные выборы короля (президента?). В центре головокружительная карьера беглого каторжника, не забывшего даже и на посту главы государства о своей прежней спасительнице и любовнице. Можно думать, что сказка ведет свое начало из тюрьмы, от более или менее интеллигентного каторжника, не забывшего даже на посту главы государства о своей прежней спасительнице и любовнице. Характерно, что и в сказке № 12, одно из действующих лиц, Васька Большеголовый, сидит в тюремном замке. И в варианте этой последней сказки (№ 55) Васька Широкий Лоб сидит в остроге» (С. 530).

№ 71(26). **[Иван-дурак].**— Зап. Зелениным от А. Д. Ломтева. Контаминация сюжетов *«Глупая невеста» (1450), «Тащат корову на крышу» (1210),* отчасти сюжет *«Мужик продает корову» (1731).* В эпизоде, начинающемся со слов «На третий день король пуще того затужил...» Зеленин указывает на свой пропуск: «девица еще раз жертвует своей честью» (С. 540); поверье, о котором говорится в эпизоде со стряпкой в яслях, по наблюдениям Зеленина, действительно распространено в Пермской и др. губерниях. «Плот на озере,— добавляет Зеленин,— местная черта — край изобилует озерами» (С. 540).

№ 72(54). **[Ловкий вор].**— Зап. Зелениным от С. К. Киселева. Сюжет *«Дядя и племянник» (950).* Всемирно известный сюжет, старейшие письменные версии — рассказ о двух братьях-сыновьях строителя сокро-

вищницы фараона Рампсинита (Рамзеса II). Братья ловко обкрадывали ее, пока один не попался в ловушку и не был обезглавлен по собственной просьбе братом. История восходит к V в. до н. э., сод. в «Истории» Геродота (кн. 2, раздел 121). Судьба сюжета прослеживается и в других сборниках древней Индии («Панчатантра»), Китая («Типитака»), средневековых фабльо и новелл, начиная с XII в. В комментариях к сказке Зеленин указывает: «Я поставил знак вопроса после слов «у двух монахов», т. к. дальше речь идет не о монахах, а о монахинях.— Обычай делать надписи на воротах домов у местной русской администрации существовал; Г. Р. Державин в своих записках рассказывает, как директор Веревкин в 1760-м году, в Чебоксарах, велел на воротах домов, построенных не по плану, «мелом надписывать: ломать» (С. 557). См. № 73(50), Аф. № 390 «Ловкий вор».

№ 73(50). Вор Ванька.— Зап. Зелениным от М. О. Глухова. Контаминация четырех сюжетов: *«Дядя и племянник» (950), «Беззаботный монастырь» (922), «Знахарь» (1641), «Огонь в обмен на небылицы» (1920Н*).* История сюжетов связана с древними восточными повествовательными сборниками, в Европе известны уже в Средневековье (XII в.). Эпизод, в котором вор помогает тетке оплакать своего мужа, имеет древнее происхождение: по мифологическим представлениям, неоплаканному мертвецу суждены беды в загробном мире. Зеленин дает этнолингвистический комментарий к этой сказке: «В Енотаевском уезде Астраханской губернии отмечена поговорка «Ну, попались жучки в ручки» (С. 555).

№ 74(71). Сказка о девке. [Разбойники и девица].— Зап. крестьянин села Козьмодемьянского Соликамского уезда Марк Аликин, доставлена В. П. Паламожных. Сюжет *«Девушка и разбойники» (956).* «Расстрел на воротах,— замечает Д. К. Зеленин,— столь обычный в наших сказках... явление, вероятно, бытовое. Эпизод с козой на брачном ложе ср. с подобным же эпизодом ... в сказке № 21» (С. 569), т. е. в сказке № 82(21) «Микула-шут». См. Аф. №№ 312, 343 «Разбойники».

№ 75(37). Медведко, или Постоялый медведь.— Зап. Зелениным от Е. С. Саврулина. Сюжет *«Медведь и разбойники» (957).* Зеленин назвал эту сказку «бытовая картинка, весьма правдоподобная». «По народному поверью, медведь может выжить из дома злого (чужого?) домового. Если медведь нейдет в какой-либо двор, то это считается признаком, что в доме не все благополучно. Этим поверьем пользовались медведчики и в воротах дома незаметно дергали медведя за продетое сквозь его губу кольцо — медведь осядет и не сразу пойдет вперед, а домохозяин усиленно ухаживает в таком случае за медведчиком и платит ему более обычного...» (С. 546).

№ 76(61). [Бесстрашный солдат].— Зап. Зелениным от Д. Е. Лёзина. См. о нем комментарий к № 54(60). Сюжет *«Бесстрашный» (326В*).* По сюжетному типу это волшебная сказка, но к новеллистическим отнесена из-за общей тематической близости к сказкам о разбойниках. Зеленин считает, что герой сказки «Морока» № 54(60) и этой — один и тот же. См. Аф. №№ 349—350 «Бесстрашный».

СКАЗКИ ОБ ОДУРАЧЕННОМ ЧЁРТЕ

№ 77(33). Солдат учит чертей. — Зап. Зелениным от Е. С. Саврулл ина. Сюжет *«Солдат учит чертей военным приемам» (—1166***).* Ср. № 16(25).

№ 78(97). Чёрт заимодавец. — Зап. А. Н. Зыряновым. Сюжет *«Приходи завтра» (1188).*

№ 79(34). Колдун и солдат. — Зап. Зелениным от Е. С. Саврул лина. «Бытовая картинка из недавнего прошлого, — замечает Зеленин, — когда на крестьянских свадьбах колдун был необходимым и самым почетным гостем» (С. 544). См. картину художника-передвижника В. М. Максимова «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу».

№ 80(62). Весёлый. — Зап. Зелениным от Е. Е. Алексеева. Сюжет *«Чёрт (Баба-Яга) хочет научиться играть на скрипке» (1159).* Зеленин сообщает, что близкая по содержанию сказка записана в Тамбовской губернии: «У старухи от медведя родился сын Иван, который уносит свою мать из медвежьей берлоги, собирает зверей — зайца, лису, волка и медведя, поселяется с ними на берегу озера и «насыщает озеро» (т. е. делает из воды в озере медовую сыту); когда вода в озере стала пропадать, ее караулят поочередно, но при этом все, кроме Ивана, страдают от Бабы-Яги. Из толокна пива нельзя, конечно, сварить. Толокно явилось тут вместо солоду, по недоразумению, вероятно, под влиянием известных анекдотов о «толоконниках», мешавших толокно в проруби; рядом со знаменитыми пошехонцами в этих анекдотах высмеиваются и вятчане, названные и в нашей сказке. (В Екатеринбургском уезде много вятчан-переселенцев и отхожих промышленников.)» (С. 563). См. Аф. 154 «Беглый солдат и чёрт».

№ 81(58). (Кузнец и чёрт). — Зап. Зелениным от Ив. Купреянова. Сюжет *«Чудесное омоложение» (перерековка) (753).* Аналогичная сказка из сборника Д. К. Зеленина «Великорусские сказки Вятской губернии» заканчивается сентенцией: «Богу-то молись, да и дьявола-то не гневи!» (№ 38).

СКАЗКИ-АНЕКДОТЫ

№ 82(21). Микула-шут. — Зап. Зелениным от А. Д. Ломтева. Традиционная контаминация сюжетов *«Шут» (1539), «Шут-невеста» (1538*)* и *«Дорогая кожа» (1535),* распространенная в лубочной литературе. «Везде заперто» — эти слова новобрачного вполне соответствуют местным чертам быта, — комментирует Зеленин, — молодых на брачном ложе, действительно, запирают. — Башкиры живут здесь рядом с русскими, сношения с коими у них часты. — Арендатор озера: местные озера, действительно, сдаются в аренду купцам» (С. 535). См. Аф. № 397—399 «Шут».

№ 83(65). [Восковые статуи]. — Зап. Зелениным от Я. М. Логинова. Сюжет *«Двенадцать апостолов» (1359С).* Принадлежит к циклу сказок, рассмотренных Ю. М. Соколовым в работе «Повесть о Карпе Сутулове». М., 1914.

№ 84(69). Сказка о старике и старухе [Муж да жена]. — Зап. крестьянином Василием Ивановичем Гуляевым. Доставлено В. Паламожных. Сюжет *«Муж в мешке и притворно больная жена» (Гость Терентий) (1360С).* Русские сказки этого сюжетного типа восходят к былине-скоморошине «Гость Терентий». В эпизодах завертывания мужа-рогоносца в солому и распевания песен отразились характерные детали колядных и масленичных обрядов. Песню такого же содержания, как в сказке, Зеленин приводит среди записанных в 1890-х годах в Камышловском уезде «святочных песен». См. Аф. № 445 «Муж да жена».

№ 85(30). Мужик и злая баба. — Зап. Зелениным от Е. С. Савруллина. Контаминация сюжетов *«Искусная» жена» (1371А*)* и *«Упрямая жена» (1365С).* «В селе Метлине, где теперь живет рассказчик, есть паровая мельница, — замечает Зеленин, — и при ней мучная лавка, где продается исключительно пшеничная мука; ржаной хлеб в здешней местности мало употребляется и редко где продается (С. 543). См. также сказку Ф. Д. Шешнева № 3 «Злая жена» (в изложении). Истории об упрямых и злых женах имеют всемирное распространение и древнее происхождение, это популярные сюжеты лубочных картинок. См. Аф. № 511 и № 438—440 «Жена-спорщица».

№ 86(47). [Ловкий вор]. — Зап. Зелениным от Н. Ф. Шешнева. Контаминация сюжетов *«Ловкий вор» (152А)* и *«Голодный поп (барин на ночлеге») (1775).* «Две разных сказки, — указывает Зеленин, — соединены в одну, что так обычно у новейших сказочников: а) вор и б) поп и работник» (С. 552). См. Аф. №№ 383—384, 386—389 «Вор».

№ 87(38). Калужина и ямщики. — Зап. Зелениным от Е. С. Савруллина. Сюжет *«Проезжие смотрят на человека, удящего на дороге» (1525С).* В разделе «Ремесло-мастерство» «Пословиц» В. В. Даля есть поговорка: «Хоть долго, да рыбу удит», пояснение ее: «Домка зевак дурачился, на болоте удил, а помощники его в то время обирали карманы». Приведя эту пословицу, Зеленин добавляет: «Отсюда заключаем, что данный рассказ, по крайней мере первая его половина, — традиционный» (С. 546).

№ 88(32). Дядя с племянником. — Зап. Зелениным от Е. С. Савруллина. Сюжет *«Ловкий вор обманывает прохожих» (1525Д).* См. № 86(47) и № 73(50); Аф. № 385 «Вор».

№ 89(31). Стрехулет [Вороватый мужик]. — Зап. Зелениным от Е. С. Савруллина. Контаминация сюжетов *«Ловкий вор» (1525А), «Сокол под шляпой» (1528)* и *«Мужик выпрашивает у барыни свинью в гости» (1540А*).* «Трактовые дороги в Пермской губернии обсажены старыми березами, — комментирует Зеленин, — охрана коих прежде лежала на обязанности жителей» (С. 543). См. Аф. № 391 «Вороватый мужик».

№ 90(81). Редька. — Зап. П. А. и А. А. Вологдиными. Сюжет *«Горох до неба» (1960С).* Древнейший литературный текст небылицы записан на лат. языке в VI в. См. Аф. № 19 «Старик лезет на небо».

№ 91(91). Щука да елец. — Зап. П. А. и А. А. Вологдиными. Сюжет *«Докучные сказки» (2300).* См. Аф. № 529 «Докучные сказки».

№ 92(93). Сказка про белого быка. — Зап. П. А. и А. А. Вологдиными. Сюжет *«Докучные сказки» (2300).* См. Аф. № 531 «Докучные сказки».

№ 93(92). Журавль да синичка. — Зап. П. А. и А. А. Вологдиными. Сюжет *«Докучные сказки» (2300).* См. Аф. № 528. «Докучные сказки».

СКАЗКИ, РАССКАЗАННЫЕ БАШКИРАМИ

№ 94(С.447). Петр Великий и три солдата. — Зап. Зелениным от солдата Николая Антоновича Стерхова в Каслинском заводе Екатеринбургского уезда. Сюжет *«Все женщины одинаковы» (983).*

№ 95(104). [Старик и Деу]. — Зап. Зелениным от Б. Я. Дин-Мухаметова. Контаминация сюжетов, традиционная и для восточнославянской сказки: *«Кто раздавит камень» (1060), «Попытка убить топором» (1115), «Дети хотят чертова мяса» (1149). Деу* — дэв, злой дух; в мифологии тюркоязычных народов — великан, обладающий огромной силой, иногда циклоп. См. Аф. № 149 «Змей и цыган».

№ 96(102). [Три брата]. — Зап. Зелениным от М. Мухаметова. В основе сказки сюжет *«Человек у разбойников» (956А),* убивает их по одному.

№ 97(98). [Золотая гора]. — Зап. Зелениным от М. Мухаметова. Сюжет *«Золотая гора» (936*),* всемирно известный по «Тысяче и одной ночи» (ночь 946) — история о Гасане из Басры. «Петропавловск — уездный город Акмолинской обл., лежащий на Сибирской железной дороге» (С. 580). См. Аф. № 243 «Золотая гора».

№ 98(108). Золотая Бабка. — Зап. Зелениным от С. Якупова. Описание лисицы в сказке: «... снизу черная — зло она думает» Зеленин сопроводил комментарием: «Чернобрюхий» у башкир означает «злой» (как у русских: чернонебый). — Имя собаки Аккулак в буквальном переводе означает «белое ухо» (С. 587).

№ 99(106). Быжырмарган. — Зап. Зелениным от Б. Я. Дин-Мухаметова. Отчасти сюжет *«Превращенная в животное и заколдованная царевна» (401).* «Все элементы этой башкирской сказки, — замечает Зеленин, — хорошо известны нам по разным русским сказам: а) благодарное животное... б) чудесный сундучок, заключающий в себе дом со всем хозяйством (ср. выше №№ 24 и 72); в) героя преследует царь из зависти» (С. 585). См. Аф. № 270 «Царевна-змея».

№ 100(105). Водяная девица. — Зап. Зелениным от Б. Я. Дин-Мухаметова. Отчасти сюжет *«Царевна-лягушка» (402)* и сюжет *«Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену» (400₁).* «Несколько напоминает русскую сказку о «царевне-лягушке», — указывает Зеленин. См. №№ 29(19) и 30(28). У героини также «одежда из лягушечьей кожуры, после сожжения коей девица исчезла. Героиня — особенная мастерица доить коров: и это качество также подходило бы к лягушке, которая (точнее: жаба), по народным поверьям, доит коров. Что же касается «водяной девицы», то, хотя родной отец рассказчика будто бы и видел ее раз на озере, но образ ее ему не ясен; рассказчик сказал мне только, что от албасты (русалки) «водяная девица» отличается тем, что она добрая (албаста же — злая)» (С. 585). См. Аф. № 267—269) «Царевна-лягушка».

№ 101(107). Алеука. — Зап. Зелениным от Б. Я. Дин-Мухаметова. Отчасти сюжет *«Подмененная жена» (403).* См. № 29(85). Пери (пэри) — Аф. № 127 «Купеческая дочь и служанка».

№ 102(101). [Поди туда, неведомо куда]. — Зап. Зелениным от М. Мухаметова. Башкирский вариант сюжета *«Красавица-жена» («Пойди туда, не знаю куда») (465А).* «Но в данной сказке ясны отражения мусульманского и местного быта, — отмечает Зеленин, — так, две девицы в училище дают обещание выйти обеим замуж за одного мужа... Башкиры и мещеряки живут в данной местности рядом, в соседних селениях, и часто соприкасаются между собою, причем мещеряки в общем образованнее башкир, почему башкиры подражают мещерякам в быте. Ловля зайцев — обычное занятие местных башкир... Нужно предполагать маленький пропуск со стороны рассказчика: видимо, жена велела башкиру возвратиться из ямы ровно через месяц» (С. 582).

№ 103(103). Убыр [Чудесная скрипка]. — Зап. Зелениным от Б. Я. Дин-Мухаметова. Сюжет *«Чудесная дудочка» (780).* См. № 58(76), а также Аф. №№ 244—246 «Чудесная дудка». «Скрипка (вместо дудки русской сказки) — любимый музыкальный инструмент местных башкир, — поясняет Зеленин. — Из образов русской мифологии башкирский *убыр* ближе всего подходит к упырю. *Убырем* башкиры называют, между прочим, и блуждающие болотные огоньки, относительно коих думаю, что это души жадных, скупых покойников. Как бранное слово, *убыр* означает «жадный». В башкирско-русском словаре *убыр* переведено словами «ведьма, колдунья» (С. 584).

№ 104(99). [Рога]. — Зап. Зелениным от М. Мухаметова. Сюжет *«Рога» (566).* См. №№ 44(3), 45(23). «Сказка заимствована от русских, очевидно, через посредство солдат (хотя рассказана мне и не солдатом): о том свидетельствует сословное положение героя» (С. 584).

№ 105(100). Купеческий сын. — Зап. Зелениным от М. Мухаметова. В сказке есть эпизоды, встречающиеся в восточнославянских сказках, например, отправка купеческого сына на ярмарку с деньгами (в сюжете *«Купленная жена»),* или исправление содержания письма (в сюжете *«Марко Богатый»)* и др., но в целом ее содержание нельзя соотнести с одним определенным сюжетом: «Хотя башкир Каримов... рассказал мне эту же сказку в качестве русской сказки, — указывает Зеленин, — но она не может быть названа такою: в ней ясны отражения восточного (кочевническо-мусульманского) быта, а именно: а) способ передвижения на осле (правда, способ, над коим земляки героя смеются; б) продажа сына в рабство; в) многоженство; г) путешествие обозов по пустыне» (С. 581).

№ 106(109). Обманщик. — Зап. Зелениным от С. Якупова. Сюжет *«Мертвое тело» (1537),* имеет древние корни, восходит к *«Тысяче и одной ночи» (ночь 25),* в сказке отразились национальные башкирские черты: уроза — магометанский пост, многоженство.

№ 107(110). Мещерякская сказка. — Зап. Зелениным от А. Шахатова. Сюжет *«Парень хитростью овладевает девушкой» (1545А):* в Указателе сюжетов отмечен только данный вариант.

Т. Г. Берегулёва-Дмитриева

СОДЕРЖАНИЕ

Д. К. Зеленин. Кое-что о сказочниках и сказках Екатеринбургского уезда Пермской губернии 7

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

№ 1(88) Заяц и лисица [Лиса-повитуха]. *Напечатано в Пермских губернских ведомостях.* 35
№ 2(84). Кот, петух и лисица [Кот отнимает петуха у лисы]. *Напечатано в Пермских губернских ведомостях.* 37
№ 3(83). Кот, воробей и петух [Лиса уносит петуха]. *Напечатано в Пермских губернских ведомостях.* 39
№ 4(75). Колобок. *Напечатано в Пермских губернских ведомостях.* . . 41
№ 5(78). Волк и крестьянин. *Напечатано в Пермских губернских ведомостях.* 43
№ 6(79). Козонька. *Напечатано в Пермских губернских ведомостях.* . 44
№ 7(82). Репка [Звери-плакальщики]. *Напечатано в Пермских губернских ведомостях.* 45
№ 8(89). Ворона-карабута [О неправом суде птиц]. *Напечатано в Пермских губернских ведомостях.* 46
№ 9(90). Козел и козлушка [Нет козы с орехами]. *Напечатано в Пермских губернских ведомостях.* 48
№ 10(80). Липовая нога [Медведь приходит за своей лапой]. *Напечатано в Пермских губернских ведомостях.* 53
№ 11(74). Кошечка — золотые сережечки. *Напечатано в Пермских губернских ведомостях* 54

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

ЧУДЕСНЫЙ ПРОТИВНИК

№ 12(86). Иван-дурак и Яга-баба. *Напечатано в Пермских губернских ведомостях.* 59
№ 13(9). Ювашка Белая Рубашка. *Рассказал А. Д. Ломтев* 61
№ 14(43). Кожа медвежья-лицо человечье и Сам с ноготок-борода с локоток. *Рассказал Ф. Д. Шешнев* 67
№ 15(22). Иван-царевич и Сам с ноготь-борода с локоть. *Рассказал А. Д. Ломтев* 69
№ 16(59). Купеческий сын и Чудилище на стеклянной горе. *Рассказал П. В. Наумов* 74

№ 17(27). Ларокопий-царевич. *Рассказал А. Д. Ломтев* 78
№ 18(6). Иван-царевич и Елена Прекрасная. *Рассказал А. Д. Ломтев* 82
№ 19(72). Мышь и воробей [Морской царь. Неоконченная сказка.] *Напечатано в Пермских губернских ведомостях.* 91
№ 20(24). Чудо лесное [Морской царь]. *Рассказал А. Д. Ломтев* . . 93
№ 21(55). Иван купеческий сын и его невеста-волшебница. *Рассказал Е. И. Сигаев* 100
№ 22(12). Иван-царевич и его невеста-волшебница. *Рассказал А. Д. Ломтев* 110
№ 23(41). Вася да Ваня [Звериное молоко]. *Рассказал Ф. Д. Шешнев* . 118
№ 24(5). Брат и сестра [Звериное молоко]. *Рассказал А. Д. Ломтев* . 120
№ 25(4). Иван купеческий сын [Купленная жена]. *Рассказал А. Д. Ломтев* 130
№ 26(57). Колдун и его ученик. *Рассказал Ив. Купреянов* 141
№ 27(1). Ванюшка. *Рассказал А. Д. Ломтев* 144

ЧУДЕСНЫЙ СУПРУГ

№ 28(20). Иван купеческий сын и Елена поповская дочь. *Рассказал А. Д. Ломтев* 152
№ 29(85). Иван-царевич и молодая молодица. *Напечатано в Пермских губернских ведомостях.* 156
№ 30(19). Иван-царевич и царевна-старушка [Иван-царевич и царевна-лягушка]. *Рассказал А. Д. Ломтев* 160
№ 31(28). Лягушка и Ипат [Царевна-лягушка]. *Рассказал Е. С. Савруллин* 165
№ 32(67). Сказка о Дуньке-дурке и Ясном Соколе [Перышко Финиста Ясна Сокола]. *Записал М. И. Суряков* 170

ЧУДЕСНАЯ ЗАДАЧА

№ 33(77). Морозко. *Напечатано в Пермских губернских ведомостях* . 174
№ 34(42). Шелудивая пьяница [Поди туда — неведомо куда]. *Рассказал Ф. Д. Шешнев* 177
№ 35(13). Федор Бурмакин и Вавилонское царство. *Рассказал А. Д. Ломтев* 180

ЧУДЕСНЫЙ ПОМОЩНИК

№ 36(96). Князь Киевский Владимир и Илюшка сын матросов. *Записал А. Н. Зырянов.* 186
№ 37(7). Мишка Котома Конюх и Катун-девица. *Рассказал А. Д. Ломтев* 188
№ 38(2). Марфа-царевна и Иван крестьянский сын [Незнайко]. *Рассказал А. Д. Ломтев* 196
№ 39(10). Пётра-королевич. *Рассказал А. Д. Ломтев* 206

ЧУДЕСНЫЙ ПРЕДМЕТ

№ 40(87). Иван крестьянский сын [Волшебное кольцо]. *Напечатано в Пермских губернских ведомостях* 216

№ 41(46). Кот и соболёк [Волшебное кольцо]. *Рассказал Ф. Д. Шешнев* 220
№ 42(68). Сказка о коте и решете [Волшебная конопатка]. *Записал Р. П. Дудин.* 221
№ 43(56). Чудесное подземелье. *Рассказал Ив. Купреянов* 223
№ 44(3). Царь-девица [Волшебная птица+Рога]. *Рассказал А. Д. Ломтев* 224
№ 45(23). Про Франциля [Рога]. *Рассказал А. Д. Ломтев* 231
№ 46(11). Иван солдатский сын. *Рассказал А. Д. Ломтев* 238
№ 47(8). Рязанцев с Милютиным. *Рассказал А. Д. Ломтев* 250

ЧУДЕСНАЯ СИЛА

№ 48(16). Илья Муромец. *Рассказал А. Д. Ломтев* 263
№ 49(18). Боба́-королевич. *Рассказал А. Д. Ломтев* 269
№ 50(63). Емеля-дурачок [По щучьему веленью]. *Рассказал Е. Е. Алексеев* 274
№ 51(73). Брат и сестра [Девица с отрубленными руками]. *Записал Ив. Потапов* 277
№ 52(44). Про Елену Красоту Золотую Косу. *Рассказал Ф. Д. Шешнев* 281
№ 53(48). Степан, Григорий и Елена Прекрасная [Вещий сон]. *Рассказал В. Е. Черных.* 283
№ 54(60). Морока. *Рассказал Д. Е. Лёзин.* 289
№ 55(52). Морока. *Рассказал С. К. Киселев.* 290
№ 56(95). Сказка о Наполеоне. *Записал П. Словцов.* 292
№ 57(94). Присказка. *Напечатано в Пермских губернских ведомостях.* . 296

СКАЗКИ-ЛЕГЕНДЫ

№ 58(76). Девушка-снежурочка [Чудесная дудка]. *Напечатано в Пермских губернских ведомостях* 299
№ 59(29). Золотой кирпич. *Рассказал Е. С. Саврýллин* 301
№ 60(25). Солдат и Смерть. *Рассказал А. Д. Ломтев* 306
№ 61(36). Николай Чудотворец порукой. *Рассказал Е. С. Саврýллин.* 310
№ 62(15). Побывальщинка [Легенда]. *Рассказал А. Д. Ломтев* . . 312
№ 63(45). Как Господь ходил по земле [Марко Богатый]. *Рассказал Ф. Д. Шешнев* 318
№ 64(64). Иван Несчастный [Марко Богатый]. *Рассказал Е. Е. Алексеев* 321

НОВЕЛЛИСТИЧЕСКИЕ СКАЗКИ

№ 65(С. 269). Остафий Плакида. *Рассказал Ф. Д. Шешнев* 325
№ 66(40). Загадки [Царевич-найденыш]. *Рассказал Ф. Д. Шешнев* . 327
№ 67(53). Загадки. *Рассказал С. К. Киселев* 329
№ 68(14). Васенька Ва́регин. *Рассказал А. Д. Ломтев* 331

№ 69(66). Смех и горе. *Рассказал А. П. Цыплятников* 346
№ 70(17). Володька купеческий сын. *Рассказал А. Д. Ломтев* . . . 354
№ 71(26). Иван-дурак. *Рассказал А. Д. Ломтев* 360
№ 72(54). Ловкий вор. *Рассказал С. К. Киселев* 364
№ 73(50). Вор Ванька. *Рассказал М. О. Глухов* 368
№ 74(71). Сказка о девке [Разбойники и девица]. *Записал М. Аликин* 375
№ 75(37). Медведко, или Постоялый медведь. *Рассказал Е. С. Савруллин* 376
№ 76(61). Бесстрашный солдат. *Рассказал Д. Е. Аёзин* 378

СКАЗКИ ОБ ОДУРАЧЕННОМ ЧЁРТЕ

№ 77(33). Солдат учит чертей. *Рассказал Е. С. Савруллин* 383
№ 78(97). Чёрт заимодавец. *Записал А. Н. Зырянов* 387
№ 79(34). Колдун и солдат. *Рассказал Е. С. Савруллин* 388
№ 80(62). Весёлый. *Рассказал Е. Е. Алексеев* 389
№ 81(58). Кузнец и чёрт. *Рассказал Ив. Купреянов* 391

СКАЗКИ-АНЕКДОТЫ

№ 82(21). Микула-шут. *Рассказал А. Д. Ломтев* 395
№ 83(65). Восковые статуи. *Рассказал Я. М. Логинов* 400
№ 84(69). Сказка о старике и старухе [Муж да жена]. *Записал Вас. Гуляев* 402
№ 85(30). Мужик и злая баба. *Рассказал Е. С. Савруллин* 403
№ 86(47). Ловкий вор. *Рассказал Н. Ф. Шешнев* 404
№ 87(38). Калужи́на и ямщики. *Рассказал Е. С. Савруллин* 407
№ 88(32). Дядя с племянником. *Рассказал Е. С. Савруллин* 410
№ 89(31). Стрехулет. *Рассказал Е. С. Савруллин* 412
№ 90(81). Редька. *Напечатано в Пермских губернских ведомостях* . . 413
№ 91(91). Щука да елец. *Напечатано в Пермских губернских ведомостях* 414
№ 92(93). Сказка про белого быка. *Напечатано в Пермских губернских ведомостях* 414
№ 93(92). Журавль да синичка. *Напечатано в Пермских губернских ведомостях* 414

СКАЗКИ, РАССКАЗАННЫЕ БАШКИРАМИ

№ 94(С. 447). Петр Великий и три солдата. *Рассказал Н. А. Стерхов* 418
№ 95(104). Старик и Деу. *Рассказал Б. Дин-Мухаметов* 420
№ 96(102). Три брата. *Рассказал М. Мухаметов* 423
№ 97(98). Золотая гора. *Рассказал М. Мухаметов* 426
№ 98(108). Золотая Бабка. *Рассказал С. Якупов* 428

№ 99(106). Быжырмарган. *Рассказал Б. Дин-Мухаметов* 431
№ 100(105). Водяная девица. *Рассказал Б. Дин-Мухаметов* 434
№ 101(107). Алеука. *Рассказал Б. Дин-Мухаметов* 436
№ 102(101). Поди туда, неведомо куда. *Рассказал М. Мухаметов* . 441
№ 103(103). Убыр [Чудесная скрипка]. *Рассказал Б. Дин-Мухаметов* 445
№ 104(99). Рога. *Рассказал М. Мухаметов* 447
№ 105(100). Купеческий сын. *Рассказал М. Мухаметов* 450
№ 106(109). Обманщик. *Рассказал С. Якупов* 453
№ 107(110). Мещерякская сказка. *Рассказал А. Шахатов* 455

Д. К. Зеленин. О сказочниках и собирателях сказок Пермской губернии 458

Д. К. Зеленин. Областные слова, встретившиеся в сказках . . . 482

Т. Г. Берегулёва-Дмитриева. Д. К. Зеленин и его сборник 502

Комментарии 519

Зеленин Д. К.

З 48 Великорусские сказки Пермской губернии. Сокровищница отечественного собирательства / Сост., подг. текста, послесл. и комм. Т. Г. Берегулёвой-Дмитриевой; Ил. и оф. О. Г. Дмитриевой.— М.: Правда, 1991.— 544 с., ил.

ISBN 5—253—00239—1

Сборник «Великорусские сказки Пермской губернии», составленный на основе полевых экспедиций советским этнографом, фольклористом и диалектологом Д. К. Зелениным (1878—1954) — уникальный памятник отечественной культуры, который содержит наиболее ранние точные записи сказок с сюжетами, не уступающими собранию А. Н. Афанасьева. В книгу вошли сказки о животных, волшебные сказки, легендарные, новеллистические, сказки об одураченном чёрте, а также сказки-анекдоты.

Сегодня, когда так велик интерес к истокам национальной культуры, издание подлинных записей русских сказок представляется актуальным и необходимым.

З $\frac{4702010201—2333}{080(02)—91}$ 2333—91 84 Р 1

Литературно-художественное издание

ЗЕЛЕНИН Дмитрий Константинович

ВЕЛИКОРУССКИЕ СКАЗКИ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ

СОКРОВИЩНИЦА ОТЕЧЕСТВЕННОГО СОБИРАТЕЛЬСТВА

Составитель
Берегулёва-Дмитриева Татьяна Геннадьевна

Редактор Н. А. Преснова

Художественный редактор Г. О. Барбашинова

Технический редактор К. И. Заботина

ИБ 2333

Сдано в набор 10.09.90. Подписано к печати 27.04.91. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Гарамонд». Печать высокая. Усл. печ. л. 28,56. Усл. кр.-отт. 29,40. Уч.-изд. л. 32,25. Тираж 200 000 экз. Заказ 172. Цена 4 руб.

Набор и фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Отпечатано в типографии издательства «Уральский рабочий». 620151, г. Свердловск, проспект Ленина, 49.

СОЛИКАМСК
УСОЛЬЕ
Богословский завод
ВЕРХОТУРЬЕ
р.ТАГИЛ
р.ТУРА
ТУРИНСК
ПЕРМЬ
Серебрянский завод
Нижне-Тагильский завод
Невьянский завод
Ржевский завод
Харлово
р.КАМА
Билимбаевский завод
КАМЫШЛОВ
ЕКАТЕРИНБУРГ
САРАПУЛ
Нижне-Сергинский завод
Далматов
КРАСНОУФИМСК
Каслинский завод
ШАДРИНСК
Метлино
Течинский завод

СОКРОВИЩНИЦА ОТЕЧЕСТВЕННОГО СОБИРАТЕЛЬСТВА

4 руб.